

Александр Малиновский

**Собрание
сочинений**
в 4 - х томах

Том третий

Москва
Российский писатель
2009

Малиновский А. С.

М19 Под открытым небом: Собрание сочинений. В 4-х т. Т. 3. — М.: Издательский дом «Русский писатель», 2009. — 530 с.

ISBN 978-5-90- 226293-0

ISBN 978-5-99- 380019-6 (т. 3)

В первые два тома настоящего собрания сочинений известного русского писателя Александра Малиновского вошли произведения, объединённые одним главным героем Александром Ковальским. В них автор показывает русскую жизнь, какой она сложилась во второй половине XX века.

Послевоенное село, село и город второй половины прошлого века, индустриализация и химизация народного хозяйства. Взлёты и падения. Перестройка. Всё это нашло своё отражение в двух томах, охватывающих сорок лет (1957-1997 гг.) жизни героев повествования. Писались эти книги в течение десяти лет. Так сложилось это эпическое полотно.

Книги 3-го и 4-го тома состоят из повестей, рассказов и стихов, написанных в разные годы.

Выход в свет уже первых повестей А. Малиновского показал, что в русскую литературу пришёл серьёзный реалистический писатель. Автор является лауреатом двух всероссийских литературных премий: «Русская повесть» (2000 г.) и премии им. Э. Володина «Лучшая книга» (2004 г.).

РАДОСТНАЯ ВСТРЕЧА

Документальная повесть

*Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
Животворящая святыня!
Земля была б без них мертва...*

А. С. Пушкин

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Животворящая святыня!

В сентябре 1989 года в селе Утёвка Самарской губернии на Воздвижение Животворящего Креста после восстановления был открыт храм Святой Троицы. Событие, может быть, на фоне всплеска интереса к религии и неприметное. Но есть у этого храма одна особенность. Его история и связанная с ним судьба крестьянского художника-иконописца Григория Николаевича Журавлёва так слились между собой, что стали неотделимы. Дополняя друг друга своей похожестью, рождают они и до сих пор в округе противоречивые чувства. В них смешались преклонение, вера, недоверие, скептицизм и прочее.

Григорий Журавлёв родился без рук и ног, и свои иконы писал, зажав кисть зубами.

Признаюсь, когда в начале 60-х годов я впервые узнал об этом, то пришёл в сильное волнение. Мне захотелось собрать материал о художнике. Обнаружив самое, очевидно, поверхностное, я написал очерк и, приложив снимок утёвского художника, послал его в областную газету.

Я тогда был уверен, что очерк напечатают, потому послал и уникальную, единственную фотографию. На ней художник был изображён в полный рост. Увы, не напечатали. Фотография затерялась. И только более чем через двадцать лет мне удалось найти ещё одну, подобную пропавшей.

Сейчас ложные, лицемерные боги рушатся. Говорим, что у нас в Отечестве идёт возрождение христианства. А оно и не умирало. Его пытались убить. Не удалось! Решили не замечать вовсе... Но христианство было образом жизни русского народа. И оно заслуживает самого пристального внимания.

Когда-то именно она, Святая Вера Православная, собрала воедино разрозненные славянские племена и дала возможность образованию нашего прежде единогодушного и могучего народа. Святая Вера Православная освящала и укрепляла в наших предках любовь к своему Отечеству.

Православная Церковь как заботливая мать старалась воспитать в русском человеке лучшие качества. Так было! Именно Церковь стала в своё время центром нашей государственности. Церковная идея служения лежала в основе сословного устройства государства Российского.

Православность являлась непременным качеством всего русского в его многовековом историческом развитии. Понятие «русский» и «православный» были слиты неразрывно.

И только в этом единении и показал свою истинную мощь русский народ! Народ — соборный, державный. Всегда открытый и готовый на подвиг во имя Отечества.

Вот короткая справка.

В 1892 году в Самарской епархии насчитывалось около двух миллионов православных, действовало 837 церквей, 27 строилось и среди них Самарский Кафедральный собор Христа Спасителя, один из крупнейших в России. После Октябрьской революции до 1985 года действовало всего 18 приходов. В 1992 году — их уже около 80. Открылся молебельный дом в г. Отрадном и строится новая церковь. Открыта церковь в с. Покровка. В г. Нефтегорске идёт регистрация прихода. Очаги христианства так стремительно возникают, что не хватает священников. Их нет в сёлах Мало-Мальшевка, Покровка и др.

Мои намерения были просты: заново обойти утёвцев, которые знают или помнят что-либо о Григории Журавлёве, побывать в школьном музее, в самой церкви. Поговорить с прихожанами, и вновь, собрав материал, постараться закрепить в своих записках конкретные имена, события, факты.

Очень многое уходит бесследно. Но случай с Григорием Журавлёвым — уникальный. Он достоин того, чтобы сохранить эту страницу истории села Утёвка. Как одну из интереснейших и поучительных...

Письмо с берегов Адриатики

Мощная волна краеведческих поисков материала о талантливом художнике-самоучке пошла с находки, сделанной в Республике Босния и Герцеговина югославским историком, реставратором Здравко Каймаковичем. Находкой стала икона, написанная Григорием Журавлёвым. Через комитет по охране памятников культуры Республики Босния и Герцеговина он обратился в СССР. И от Государственного архива получил необходимые сведения, подтверждающие авторство нашего земляка-художника.

Вскоре местный учитель, руководитель краеведческого кружка Утёвской средней школы Кузьма Емельянович Данилов узнаёт об этой находке и между ними завязывается переписка.

В одном из писем Здравко Каймаковича краеведу К.Е. Данилову говорится:

«...Проводя учёт памятников культуры в нашей Республике, в 1963 году в сербско-православной церкви в селе Пурачиц около Тузлы я обнаружил икону, которую сделал Ваш земляк Григорий Журавлёв. От имени комитета я написал об этом в СССР и через Государственный архив СССР получил подтверждение тех сведений, которые написаны белой краской на иконе. Затем последовал запрос Вашей школы об этой иконе. После 1963 года я имел случай ещё раз посмотреть это произведение; у нас пока ещё нет его хорошей фотокопии, но я обещаю сфотографировать и, если фотография будет удачной, пришлю её на Ваш адрес, на адрес Вашей школы. Но до того как я сделаю это, я дам Вам описание иконы и перевод текста Григория под ней.

Икона средних размеров, исполнена масляными красками на доске и изображает славянских первоучителей св. Кирилла и Мефодия. Святые изображены стоя со свитками в руках. Школа представляет собой тщательную и тонкую работу, так

что в первый момент я подумал, что это произведение работы иконописца с академическим образованием, предположив, что текст Журавлёва является обычной монашеской мистификацией. Отсюда моя радость, что такой феномен, каким был Ваш земляк Журавлёв, действительно существует и, преодолев жестокость природы, сумел подняться до завидных высот художественного искусства. Он художник не потому, что творил, держа кисть в зубах, но потому, что сумел создать действительно художественное произведение. Текст на иконе гласит приблизительно следующее: СИЮ ИКОНУ ПИСАЛ ЗУБАМИ КРЕСТЬЯНИН ГРИГОРИЙ ЖУРАВЛЁВ СЕЛА УТЁВКИ САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ БЕЗРУКИЙ И БЕЗНОГИЙ. ГОДА 1885, 2 ИЮЛЯ. Точный текст пошлю Вам дополнительно с фотографией иконы.

Я бы просил Вас, если это возможно, прислать мне фотографию Григория Журавлёва (его лично) и фотографию одного его произведения, которое сохранилось у Вас, а также некоторые данные о личности и творчестве Григория Журавлёва. Мы хотим его икону из Пурачица взять под охрану государственного закона.

Мне ничего не известно о том, как икона преодолела путь от Утёвки до Пурачица, но я предполагаю, что она подарена церкви каким-нибудь нашим человеком, который был в России примерно в 1918 году, или пожертвована русским, переселившимся в Югославию...».

Это письмо перевёл с хорватского доцент кафедры русского языка Куйбышевского пединститута А.А. Гребнев по поручению руководителя клуба интернациональной дружбы Самарского пединститута доктора биологических наук профессора Д.Н. Фролова, к которому письменно обратился К.Е. Данилов. Опережая события, с сожалением могу отметить, что остаётся неясным, получил ли обещанную фотокопию иконы К.Е. Данилов или нет, а если получил, то трудно сейчас предположить, где она...

О том, какой большой толчок дало это письмо для местных краеведов, говорит публикация в районной газете «Ленинский луч» от 10 июня 1966 года под заголовком «Крупницы большого таланта»:

«В газете «Ленинский луч» уже сообщалось, что члены

историко-краеведческого кружка Утёвской средней и восьмилетней школ решили увековечить память о своём земляке художнике-самородке Григории Николаевиче Журавлёве. Они взялись организовать уголок о его творчестве.

Общественность села Утёвка живо откликнулась на начинание кружковцев. Так, Иван Илларионович Кабанов охотно передал в дар юным краеведам икону, написанную Григорием Николаевичем. Так же, как Иван Илларионович, поступили сёстры Трегубовы — Анна Васильевна и Александра Васильевна.

Энтузиаст-коллекционер Владимир Борисович Якимец вскоре после опубликования «Письма из Югославии» («Ленинский луч» от 25 мая 1966 года) принёс мне как руководителю кружка икону, написанную Григорием Николаевичем на доске. На ней изображен псалмопевец Давид с арфой в руках (царь древнееврейского государства). Владимир Борисович эту икону нашёл у кого-то на чердаке и отдал её в музей краеведения села Утёвка.

Нельзя умолчать о благородном поступке и Петра Семёновича Галкина. У Петра Семёновича бережно хранится портрет, написанный Григорием Николаевичем карандашом, где талантливо изображён дедушка П.С. Галкина. И вот этот портрет как ценную семейную реликвию Пётр Семёнович дал согласие передать в музей краеведения с условием, если ему взамен портрета дадут фоторепродукцию с него...

...Среди жителей немало и таких людей, которые с большим желанием включились в поиски творческого наследия, оставшегося после смерти нашего талантливого земляка. Так, пенсионер Иван Филиппович Гурьянов решил разыскать того человека, у которого хранится портрет, написанный нашим незаурядным земляком, где он умело запечатлел на полотне личность жителя села Утёвка Гордея Афанасьева (портного). Алексей Печенов приступил к поиску портретов своего дяди Тимофея Филипповича и двоюродного брата Николая Тимофеевича Печеновых.

*К. Данилов,
председатель президиума Совета
Нефтегорского районного отделения
Всероссийского добровольного общества».*

В областном музее краеведения

С надеждой переступил я порог Самарского областного музея краеведения. Но в его залах не смог увидеть того, что искал. Тем не менее, я почему-то был уверен, что в музее есть материалы, касающиеся Григория Журавлёва. С этой уверенностью я и вошёл в кабинет директора музея. В тот день я ничего увидеть не смог, но мне пообещали, что недели через две покажут всё, что есть в музее, касающееся Григория Журавлёва.

И вот я держу в руках две вещи, найденные в запасниках музея. Первая — икона работы художника-самоучки с изображением женщины с ребёнком, написанная маслом на обычной доске, размером 26х31 см. На обратной стороне иконы чёткая надпись, сделанная краской:

«Икона писана Журавлёвым Григорием Николаевичем в 1910 г., безруким и безногим самоучкой художником крестьянином с Утёвки, Кинельского района, Средне-Волжского края. Работал зубами.

Приобретена Грачёвым В.В. 6.04.1933 г. у племянницы художника Мокевой Анны Давыдовны в с. Утёвка, в присутствии которой писана икона.

В.В. Грачёв»

Думаю, что в фамилию племянницы художника вкралась ошибка, ибо в Утёвке распространена фамилия Мокеевы и совсем не известна «Мокевы».

Каких-либо пояснений работники музея дать мне не смогли. Всё, что я смог им рассказать, они слышали впервые. Так что мне предстояло самому разобраться, кто такие Мокева, Грачёв В.В., при каких обстоятельствах эта икона попала в музей, признают ли её в Утёвке и т.д. Мне позволили вынести икону во двор на дневной свет. Там я сделал несколько фотоснимков¹.

Названия икона не имела, музейные работники по этому поводу ничего сказать не могли.

Недели через две я показал фотокопию этой иконы настоятелю Троицкого храма с. Утёвка. По мнению отца Анатолия, на ней изображена «Млекопитательница». Чуть позже мне удалось получить машинописную копию статьи А. Праздникова, напечатанной в газете «Волжская коммуна» от 5 февраля

¹ Цветная фотокопия иконы помещена на вклейке в этой книге.

1970 года. Статья небольшая, всего в одну страницу. В ней привлекла внимание строка: «Несколько работ Журавлёва хранятся в фондах Куйбышевского краеведческого музея». Если Праздников не оговорился, нам, может быть, предстоит встреча с новыми журавлёвскими картинами.

И, наконец, вторая музейная находка: фотография Григория Журавлёва размером 9x12 см, на которой он изображён в полный рост со своим братом Афанасием¹.

* * *

После посещения областного краеведческого музея я в который уже раз ужаснулся за судьбу работ Григория Журавлёва, ибо не видел той силы, которая могла бы целенаправленно, если не организовать поиски неизвестных работ художника, то хотя бы квалифицированно, с привлечением специалистов, определить достоверность авторства тех работ, которые есть в Троицком храме, а также в домах моих сельчан.

А надежды на новые находки есть.

Недавно, перечитывая переписку между К. Даниловым и журналистом из Свердловска Е. Девиковым, я наткнулся на фразу: «...А тем не менее югославская находка художника, уральская находка так же подписаны». Оказывается, на Урале обнаружена икона кисти Журавлёва. Только не следует путать, как это было допущено в одной из газетных публикаций: речь не идёт об иконе «Утёвская мадонна». Она никогда не покидала прежде пределов Утёвки. Найдена совершенно до того не известная нам икона.

Мне вскоре предстояла замечательная встреча.

Отец Анатолий подтвердил мне, что в ЦАКе (Центральном археологическом кабинете) Троице-Сергиевой Лавры наряду с иконами, известными всему миру, выставлена икона Журавлёва.

Таким образом, и там Журавлёва признали как иконописца. Так что можно возразить против того, что Журавлёв неиз-

¹ Позже обе эти фотографии впервые будут опубликованы в областной газете «Волжская коммуна» (сентябрь 1992 г.) вместе с моим очерком «Утёвские находки». По различным публикациям они теперь знакомы многим.

вестный крестьянский иконописец. Кому неизвестный? Нам с вами. Нашему поколению, для которого очень многое делали, чтобы мы как можно меньше знали.

Теперь на минуту вообразим, что религия в нашем Отечестве была бы в этом столетии так же свободна, как и в прошлом. На многое, очень многое мы бы глядели иными глазами...

В школьном музее

Ребятишки, прознав, что в школьном музее появилась боевая сабля, организовали набег. Но неудачно, школьное начальство приняло меры — музей временно закрыли. Экспонаты разнесли по разным закуткам. И теперь я держу лишь худенькую папку с материалами о художнике.

Увы, такая вот судьба, как это ни печально, уготована всем любительским музеям. Либо их разграбят, либо случится пожар. Или, по недомыслию маленького, но непобедимого чиновника, будет что-то перемещено, переоборудовано, перевезено, просто утрачено или выброшено во имя других мнимо больших и важных дел. И ни копий вам, ни репродукций.

Я не виню школьное начальство, и сам-то во многом опоздал.

Подлинные экспонаты должны храниться в государственном музее. Там они защищены значительно надёжнее.

Похвальны, конечно, усилия членов историко-краеведческого кружка Утёвской средней школы по увековечению памяти своего земляка. Усилия похвальны, а результат? Собрать в одно место, чтобы потом одним махом всё сразу развеять по ветру... Конечно же, здесь сработала подспудно и атеистическая пропаганда. Учитель, однозначно, должен быть у нас неверующим, а тут заниматься с ребятами «иконописцем», «богомазом»? Непрестижно всё это было, непонятно официальным властям. А представить Григория Журавлёва без его икон невозможно!

Напрасно я пытался отыскать хотя бы нечто, похожее на опись того, что хранилось в школьном музее и что было передано после смерти Кузьмы Емельяновича. Этого нет. Более того, меня повергло в уныние, когда я узнал, что громадные залежи переписки краеведа Данилова с земляками, выпуск-

никами школы, организациями районного и союзного масштаба были просто выброшены как ненужные. Человек около тридцати лет вёл интенсивную переписку по сбору краеведческих материалов, собирал сведения об известных земляках — и всё пущено по ветру. Выходит, напрасно целые поколения школьных краеведов трудились над сбором материалов. Ребята давно выросли. Другие теперь заботы у Любы Распутиной, Вали Коротковой, Лены Подусовой, Лены Бакановой — бывших активистов краеведческого музея. Я представляю их состояние, когда они, придя в школу, вместо музея увидели то, что от него осталось. Тоненькую чиновничью папку с помятыми листочками.

Кого обвинять в содеянном? Кузьма Емельянович! Я, Ваш земляк, снимаю шляпу перед Вами за Ваш кропотливый самоотверженный труд. Вы мечтали открыть музей в левой половине дома, где жил Григорий. И не успели этого сделать. А ведь это идеальный вариант.

Может, нам повезёт больше, чем Вам.

«Утёвская мадонна»

У этой иконы — особая судьба. В шестидесятых годах я впервые увидел её фотокопию, сделанную жителем села Утёвка, выпускником средней школы Владимиром Игольниковым. Чуть позже увидел и сам оригинал. Мне кажется, душа художника-самоучки более всего проявилась в этой небольшой картине-иконе. Тогда я впервые услышал, как её называют в народе: «Утёвская мадонна».

На иконе небольшого формата изображена крестьянка в белом платке с младенцем на руках. Лицо простое, типично заволжское. Большие тёмные глаза. На губах чуть наметившаяся улыбка. Нет ни тени церковности. Но всё же она воспринимается как икона.

Насколько я понимаю, на Руси иконы не придумывались иконописцами. Они являлись миру. И уже потом эти явления разворачивались рукотворно в искусство, тиражировались и т.д. Эта икона Григорию Журавлёву явилась, это чувствуется. Уже потом, может, он как художник додумывал детали. Но святое отношение к женщине-крестьянке — это от природы его.

В этом слиянии канонизированного и простого, осознанно или нет, заложена (как мне показалось) позиция обострённо чувствующей жизнь души. Надо сказать, что из всех приписываемых кисти Журавлёва икон эта — единственная такого рода.

Весной 1991 года со съёмочной группой Самарского телевидения, окрылённый возможностью наконец-то запечатлеть эту икону и владелицу её на плёнку (мы готовились сделать небольшую телепередачу о Журавлёве), я постучал в слабенькую калиточку дома номер восемнадцать по улице Чапаевской. Из дома вышла такая же слабенькая, как калиточка со скрипучим голосом, пожилая женщина — Таисия Ивановна Подлипнова, моя бывшая школьная учительница математики. Оказывается, она — дальняя родственница владелицы иконы Подусовой Александры Михайловны.

Я внутренне воодушевился. Мне везёт! Уж моя-то учительница даст нам рассмотреть всё подробнее и снять на плёнку. Но всё оказалось сложнее. Нам вежливо ответили на наше приветствие. Выслушали на пороге дома и сказали, что надо посоветоваться с другим родственником, который приехал из Самары. Вышедший во двор пожилой мужчина тут же заявил, что Александра Михайловна больна и в дом он никого не пустит. Вынести икону во двор, чтобы мы могли её посмотреть, он отказался. По всему видно было, что здесь последнее слово за ним. Мы сделали несколько попыток выяснить, когда можно будет посмотреть икону. Всё было безуспешно.

Помню отчаянную горечь в душе. Я привёз за сто вёрст съёмочную группу, знаю, что многие утёвцы очень хотят посмотреть эту икону, и ничего не могу сделать.

Мы тогда уехали ни с чем.

И вот сегодня, 23 февраля 1992 года, я вновь у знакомой калитки. Меня манит этот дом. Не могу, приезжая в своё село Утёвка, не думать о Журавлёве и его «Мадонне».

Я пришёл один. Тайно надеялся, что одного да ещё в праздник меня встретят более приветливо. Не калитку, а дверь открыла незнакомая старушка. Пригласила в дом. В доме ещё двое: достаточно молодой человек и пожилой с приветливым лицом мужчина. Через минуту всё становится понятным. И я чувствую крайнюю досаду.

Оказывается, полгода назад Александра Михайловна Подусова умерла. Чуть позже умерла Таисия Ивановна Подлипнова. Встретившие меня приветливые люди — новые жильцы дома.

Упавшим голосом спрашиваю, не знают ли они о судьбе двух икон Журавлёва, бывших в этом доме, одну из которых называют «Утёвская мадонна».

Да, знают. Иконы забрал родственник из Самары, но адреса его у них нет...

Потихоньку затеялся разговор обо всём понемножку. Старушку зовут Елена Тимофеевна Мальцева, ей восемьдесят лет. Она — певчая из церковного хора Троицкого храма. Пожилой мужчина — её сын. А вот младший из семьи, внук — псаломщик, Александр Евгеньевич Мальцев. Он служит в Троицком храме. Приехали они из Ташкента, где он и его бабушка служили в церкви Александра Невского. Пригласил их в Утёвку настоятель Троицкого храма отец Анатолий. Спрашиваю, не скучно ли после большого города в провинции жить?

Светлея лицом, старушка отвечает:

— А почему должно быть скучно? Я родилась и жила долго в тутошних местах, в Зуевке. Не стало здесь церковей, подалась по белу свету. А теперь у нас и родина есть, и храм.

Не скучно, как я понял, и мужчинам.

Я успел, пока сидел в горенке, обогреться и телом, и душой. Настолько всё достойно и приветливо. А заодно и прошёл маленький ликбез о вере перед ликами святых, глядевших на меня со стен такой низенькой, но светлой избёнки.

Когда, прощаясь, поблагодарил за приём. Псаломщик сказал в ответ на моё «спасибо»:

— Во имя Бога.

Отрадная волна прошла в душе. Странно было. Я в который раз потерпел неудачу в своих поисках, но не было горечи. Не было и обиды на мою учительницу математики. Было такое ощущение, когда вышел на улицу, что я люблю весь мир, всех людей. Такими, какие они есть.

Шагая по морозному снегу, размышлял: кто же всё-таки Григорий Журавлёв? Что в нём главное?

Он — живописец. Житель и уроженец села Утёвка. А поскольку иконопись у нас в стране стала страницей истории, живописи вообще, то уникальный случай с Григорием Журав-

лёвым должен быть интересен не только его землякам, а далеко за пределами села.

Кроме всего, Григорий Журавлёв — это явление не только в иконописи, но и в истории Самарского края.

Закономерно, что ноги сами привели меня в дом отца Анатолия. И вот мы сидим за столом и ведём беседу.

...Оказывается, отец Анатолий бывал у владелицы иконы Александры Михайловны Подусовой. Видел «Утёвскую мадонну». Александра Михайловна ему говорила, что очень любит икону и бережёт её как семейную реликвию. Никогда её из дома выносить не давала. Хорошо помнила, как привозили Григория Журавлёва к ним в дом, когда он принимал заказ на икону. Его внесли и посадили за стол. Ребятню выгнали на улицу, но она видела, как взрослые сидели за столом, разговаривали. Ей было тогда лет шесть, то есть это происходило в самом начале века... Запомнила, как забавно художник пил из стакана, беря его одними зубами!

Вот пока и вся история «Мадонны». Пока.

Я думаю, у неё будет продолжение.

Дом Журавлёвых

«Не в меньшей мере благородно поступил и Филипп Афанасьевич Гришаев. Дело в том, что он в 1928 году купил дом в селе Утёвка (Самарская улица), в котором жил и трудился до последних дней своей жизни Григорий Николаевич Журавлёв. Вместе с домом перешла в собственность Гришаева и икона работы Григория Николаевича. В беседе со мной Филипп Николаевич сказал, что икону с большим желанием отдаст в краеведческий музей. Более того, он заявил, что ту половину своего дома, в которой жил и трудился Г. Журавлёв, согласен отдать под музей краеведения».

Это выдержка из статьи К.Е. Данилова, напечатанной в районной газете «Ленинский луч» 10 июля 1966 года, когда в самом разгаре была работа по сбору материалов о Григории Журавлёве.

Захотелось побывать в доме, где жил художник и откуда его провожали в последний путь.

Стоит себе обычный для утёвских улиц пятистенный дом

на Самарской улице под номером восемнадцать. Смотрит на улицу своими пятью окнами. Рядом, через дорогу, наискосок — Троицкий храм. Он возвышается величаво огромным скалочным шлемом древнего русича. Захожу в дом, здороваюсь. Нынешний хозяин его, старик Николай Андреевич Бокарёв, приветливо подаёт руку. Мы не знакомы, но, когда называю своего деда и отца, принимает как своего. В деревне так: вместо визитной карточки достаточно назвать имя твоего деда либо кого-то из родственников постарше тебя.

Дом крепкий, деревянный. Внутри разделён на две половины. Правая несколько больше — в три окна, левая — в два. В этой, левой, и жил художник. В правой — его брат Афанасий Николаевич. Светло. Солнечно. На стене фотографии. На одной — хозяин. Охотно говорит о Журавлёве. Но знает всё через третьи руки. Сменились несколько хозяев и ничего ни в комнате, ни на «подловке», ни в подвалах из личных вещей Журавлёвых нет.

— А откуда, — спрашиваю, — знаете, кто где жил?

— Дак старик Корнев говорил, он его помнит.

Удивительное дело происходит, когда собираешь материал в сёлах. Можно годами искать и не находить желаемое, а можно, споткнувшись о неожиданную фразу, сразу оказаться счастливым...

Далее я уже не мог быть спокойным. Попрощавшись, в сопровождении сына Бокарёвых шёл вдоль домов всё по той же Самарской улице. И, наконец, вот он, дом Корнева.

В гостях у старика Корнева

Это второй после моего деда Ивана Дмитриевича Рябцева человек, который видел, общался с Григорием Журавлёвым, и с которым мне довелось не спеша поговорить. Всю нашу беседу (она длилась около часа) я записал на магнитофонную плёнку и сейчас попытаюсь в этой главке дать основное. Это, может быть, несколько непоследовательно, так как я сохранил разговор без особой обработки. Если же читатель захочет послушать и голос рассказчика, и всё, что не попало в эту главку, то плёнка хранится в моём домашнем архиве, среди самых дорогих для меня вещей.

Завораживает голос неутомлённого жизнью девяностолетнего старика. Кстати, он не заметил и не понял, что я включил магнитофон. Потом мы вместе послушали запись. Она ему понравилась.

У меня была с собой фотография обоих Журавлёвых: Григория и его брата Афанасия. Афанасий сидит на стуле, Григорий стоит рядом, на своих култышках-ногах. Тёмная его рубашка достаёт почти до пола. Сидящему своему брату Григорий, стоя, достаёт головой едва до переносицы. От фигуры художника, его взгляда исходит такое ощущение физической мощи и воли, что сразу вспоминаешь богатырский облик храма Святой Троицы и удивляешься их похожести.

Я молча показал фотографию Николаю Фёдоровичу. Он с ходу назвал обоих по имени-отчеству.

— Он лёгонький был, маленький. Его принесут мужики в церковь, он сидит и зорко на всех посматривает.

— А сколько вам было лет, когда Григорий помер?

— Я с тысяча девятьсот первого года, вот, считай. Он умер в тысяча девятьсот шестнадцатом. Похоронили его около церкви в ограде. Там могила была. В ней уже были похоронены двое: церковный староста Ион Тимофеевич Богомоллов и священник Владимир Дмитриевич Люстрицкий. Могилу разрыли и установили третий гроб.

— Большой гроб был?

— Нет, короткий гробик. Но широкий и высокий.

— Николай Фёдорович, а вы сами видели, как Григорий рисовал?

Старик опускается на колени перед стулом и поясняет:

— А вот так и рисовал. Держа кисть в зубах, стоял на полу перед маленьким особым столиком.

— Как же он обучался?

— Вначале земский учитель Троицкий помогал. В Самаре — художник Травкин. Мало ли добрых людей. Потом сам.

— Он рисовал красками?

— И красками, и углём. Писал всякие письма, прошения по просьбе сельчан. У него часто в избе кто-нибудь да бывал. Приветливый был человек!

— Ну а как вот с бытом его, кто за ним ухаживал?

— Да ведь вначале матушка его, дед, а потом, до самой смер-

ти — брат Афанасий. Он был искусный чеканщик. В столярной мастерской, которая от отца им досталась, он, брательник-то, мастерил деревянные заготовки для икон, готовил краски, мало ль чего ещё?.. Он вместе с Григорием обучался в Самаре. И в церковь, и на базар, и в баню, и на рыбалку, всё он — брательник его доставлял.

— А на чём возил его брательник?

— Были у него лошадь-бегунок и тарантас. Ему дал их самарский губернатор после того, как Григорий был у царя.

— Он был у царя?! Точно?

— Так говорили и я слышал. Утверждать не буду. Народ лучше знает. Дали упряжь, тарантас, лошадь и пожизненную пенсию. За что дали? Говорят, что рисовал портрет всей царской семьи. Каково! Хороший был мужик, Григорий. Его все любили.

— А за что любили?

— Весёлый был, шутить умел. Мужики, особенно певчие, рады были его брать с собой. Часто его уносили и приносили на руках. Раза два мы, пацаны, на Рождество ходили к нему славить. Интересный. Взяв в зубы пастуший кнут, размахивался и хлопал им с оглушительным свистом. Умел красиво, мастерски расписываться.

— Николай Фёдорович, как хоронили художника, с почестями либо кое-как?

— Что ты, мил человек, с уважением, с попами. Его все почитали. Я сам не видел, но говорили тогда, что он помогал строить церковь, расписывал её. Уважаемый человек.

— Кому помешала церковь, — спрашиваю, — коли её начали ломать, а иконы и роспись почти совсем уничтожили?

— Кому-кому? Время такое было. Мешала, видать, красота вершить несправедное. Укоряла молча. Её и того... в распыл, значит, за это.

От Николая Фёдоровича я впервые услышал, что в селе Утёвка были две действующие церкви. Потом в областном архиве я отыскал сведения об этом. Дмитриевская церковь, на месте которой позже возвели деревянное здание Дома культуры (его сейчас уже нет), была построена тщанием прихожан в 1810 году, а в 1870-1875 годах расширена. Здание было каменное. Каменными были колокольня, ограда и сторожка. Престо-

ла было два: главный холодный во имя Великомученика Дмитрия Солунского и придельный теплый во имя Св. Благоверного Князя Александра Невского. Указом Священного синода от 4 марта 1885 года положено быть в ней двум священникам, дьякону и двум псаломщикам. Около этой церкви был большой базар. Храм Святой Троицы был построен тщанием прихожан в 1892 году. Здание каменное, с такой же колокольней, холодное. Престол во имя Св. Живоначальной Троицы. При церкви была небольшая библиотека. В приходах имелись школы. При Троицкой церкви она была открыта в 1892 году. Школа грамоты при Дмитриевской церкви открыта была в 1895 году. Земско-общественная школа — в 1842-м. Всё село было разбито на два прихода. Оказывается, тот край села, который примыкает к реке Самарке, славен был богатыми купцами, торговавшими зерном. А доставляли зерно по реке Самарке на баржах. Сам старик Корнев несколько раз ходил этим маршрутом.

Припомнил он и такой эпизод: лопнул колокол в храме, заказали новый. Везли его от станции «Грачевка» до посёлка Красная Самарка на лошадах. Колокол весил двести пятьдесят два пуда двенадцать фунтов, другой поменьше — восемьдесят пудов.

Я, было, высказал сомнение по поводу веса колоколов, но старик уверенно его отклонил. От поселка Красная Самарка несли на руках. Вручную поднимали на колокольню. Желаящих ударить в колокол было много. Каждый, кому посчастливилось это сделать, тут же жертвовал деньги. Звон новых колоколов слышен был в окрестных сёлах Бариновке, Покровке.

— Что двигало, — спрашиваю, — людей на такие труды?

Ответ последовал такой, каким я его ожидал:

— Вера!

* * *

...Конечно, можно предположить, что вокруг имени Григория Журавлёва сложилось много легенд, и здесь надо всё внимательно отбирать. Но не могу не привести выдержки из документа, подписанного К.Е. Даниловым в июле 1975 года. Оставляю, впрочем, и за собой право поиска более убедительных подтверждений изложенных фактов.

Вот эти строки:

«О необыкновенном художнике стало известно царствующей фамилии дома Романовых. В этой связи Григорий Николаевич был приглашён Николаем Вторым во дворец...

Николай Второй пожизненно назначил ему пенсию в размере двадцати пяти рублей в месяц и приказал Самарскому генерал-губернатору выдать Журавлёву иноходца с летним и зимним выездами.

В последней четверти века (1885-1892) в селе Утёвка по чертежам и под непосредственным руководством Журавлёва была построена церковь, а также по его эскизам была произведена вся внутренняя роспись.

На пятьдесят восьмом году своей жизни Григорий Николаевич Журавлёв скончался от скоротечной чахотки и по решению епископа Михаила Самарской епархии похоронен в ограде церкви, которая явилась его детищем».

Думаю, что можно говорить не о «непосредственном руководстве Журавлёва» при постройке церкви, а о его участии как художника.

...Бытует легенда (её мне рассказывали несколько человек), что по пути из Петербурга, где он писал портрет царской семьи по заказу царя, Григорий Николаевич попал к циркачам. Они возили его полгода по России. Его показывали публике как диковинку. Еле вырвался...

ПО СТРАНИЦАМ ГАЗЕТ

В разное время на страницах газет мелькали сенсационные для рядового читателя сведения о художнике-самоучке. По сути, они повторяли одно и то же. С одной стороны, это объясняется тем, что краеведы мало что до настоящего времени находили нового, с другой — большим естественным желанием новых людей, которые впервые близко прикоснулись к судьбе Григория Журавлёва, обнародовать, закрепить в газетной строке хотя бы то, что есть. Отсюда и перепевы.

Я не претендую на первооткрывательство, поэтому перечислю газетные статьи на 1990 год, в котором я начал писать эти заметки.

Можно думать, что одной из первых газетных публикаций в

советское время была заметка в нефтегорской районной газете «Ленинский луч» от 25 мая 1966 года под названием «Письма из Югославии». Затем последовали: «Крупницы большого таланта» в той же газете от 10 июля 1966 года К. Данилова, «Григорий Журавлёв — живописец из Утёвки» в областной газете «Волжская коммуна» автора А. Праздникова от 5 февраля 1987 года и, наконец, «Забывтое имя» в «Волжской коммуне» автора Р. Чумаш от 17 октября 1987 года. Номера этих газет сохранились в моём домашнем архиве. Была публикация в газете «Литературная Россия». Я её читал лично в присутствии К. Данилова, если не ошибаюсь, где-то в начале 1966 года. Этого номера потом я не нашёл¹.

Впрочем, и за границей была опубликована статья в издающемся в Белграде на материалах агентства печати «Новости» журнале «Земля Советов».

Я пишу эти заметки и ловлю себя на мысли, что вот где-нибудь подрастает молодой человек, в котором загорится искра и ему, более усердному и удачливому, предстоит сделать больше, чем нам... Как сказал великий поэт: «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется».

ЗАБОТЫ ОТЦА АНАТОЛИЯ

Он оказался очень молодым человеком, отец Анатолий (в миру Анатолий Павлович Копач). В первый день, когда мы познакомились, я его видел на богослужении и в светской одежде на строительной площадке. В храме работал только маленький придел с иконостасом, собранным с миру по нитке. Несколько икон возвращены из села Мало-Мальшевка, куда они попали после закрытия утёвского храма. Когда-то в церкви Мало-Мальшевки в военное лихолетье и я был крещён. Отец Анатолий назвал несколько икон, находящихся в иконостасе Троицкого храма, которые могут принадлежать кисти Журав-

¹ Уроженец села Утёвка, историк-краевед Пётр Дмитриевич Лупаев называл мне много позже ещё одну статью К.Е. Данилова «Художник-самородок». Она была напечатана в газете «Сталинский луч» (с. Утёвка) 17 сентября 1958 года. Об этом у меня есть запись, когда я в последний раз встречался с Лупаевым в г. Новокуйбышевске незадолго до его смерти. Тогда же в нашем разговоре он поставил Григория Журавлёва в один ряд с Алексеем Мересьевым.

лёва. При этом он сделал оговорку, что в написании некоторых из них и росписи на стенах храма художнику могли помогать его ученики. У Журавлёва их было двое. Икону «Господь Саваоф» принесла какая-то старушка и, не сказавшись, оставила в храме. Икона «Жены Мироносицы» привезена из села Мало-Мальшевка. Рядом с ними находятся «Крещение Господне» и «Воскресение Христово». Икону «Царь Давид» с изображением псалмопевца Давида с арфой в руках подарил когда-то школьному музею Владимир Борисович Якимец, житель села Утёвка. Он утверждал, что она написана Журавлёвым. Икону «Спаситель Благословляющий» подарила Мария Пестименина, правнучка Иона Богомолова — попечителя храма. С Марией Пестимениной меня познакомил отец Анатолий. Заказчик и исполнитель похоронены рядом. Храм строился двадцать лет. Иона Тимофеевич Богомолов, прадед Марии Емельяновны Пестимениной, был всё время его попечителем. Он умер в 1915 году, через год — Григорий Журавлёв. Семью Марии Емельяновны раскулачили и она долго жила на чужбине. Но место захоронения своего прадеда помнила хорошо. И показала его нам с отцом Анатолием уверенно.

Она мне и разрешила порыться в жалких остатках, должно быть, богатого архива, который когда-то собирал К. Е. Данилов.

Я сидел около раскрытого сундука с остатками пожелтевших бумаг, перебирал их, а она рассказывала спокойно и отчётливо, как их раскулачивали и высылали из Утёвки.

Потом спохватилась, словно боясь, что второй такой встречи у нас уже не будет, позвала на улицу, к Храму. И там вновь мы оказались на месте, пока ещё никак не обозначенном, захоронения художника и попечителя.

— Ты знаешь, сынок, ведь, когда закрывали церковь, иконы со стен срывали баграми. Много икон увезли никто не знает, куда. Икону «Спаситель Благословляющий» Григорий писал по просьбе моего прадеда, народ её сохранил.

Пристально посмотрев мне в лицо, сказала:

— А ведь тех людей, которые баграми срывали красоту, святых наших, я знаю. Они живы. Прошлый раз на вечере в клубе в президиуме сидела одна старушка из Самары, как ветерана пригласили. Она была комсомолкой и орудовала тогда в храме

с такими же. Хотела я к ней подойти спросить, чего же это она делала тогда и как она теперь живёт, да подумала: Бог ей судья.

Позже, уже в доме, священник за чаем рассказывал, что храм был закрыт в 1934 году. Отца Гавриила пытались брать несколько раз, но каждый раз звонарь при подъезде «воронка» успевал дать призывный звон и народ вставал на защиту своего священника. В конце концов, верёвки звонарю обрезали. Отца Гавриила забрали. Старый храм сломали и сделали гараж. Новый же храм намеревались взорвать, разрушили верхнюю часть колокольни, но дальше почему-то отступили, ломать не стали. Не осталось и следов от церковной ограды, от колодца. Когда храм превратили в склад, тут уж красота не выдержала. Роспись стала осыпаться и большей частью пропала совсем.

— Собираемся восстанавливать церковную ограду, могилу Григория Журавлёва, — говорит отец Анатолий. — Обычно в храмах при строительстве предусматриваются подвалы, где хранятся иконы. Возможно, что-то при закрытии храма было спрятано там. Я разговаривал с прихожанами. Их родители свято верили, что всё вернётся на круги своя. О подвале знали только два-три человека, так что и его и могилу теперь будем пытаться искать специальными неразрушающими методами. Нужна техническая помощь.

У священника много забот. Он — депутат районного Совета, ездит по сёлам, старается как можно ближе быть к прихожанам. Его здесь любят.

У храма пока нет практически никаких подсобных помещений. Нет сносного освещения вокруг него. Но есть уже свой хор певчих, некоторые приезжают из села Бариновка.

На прошлой неделе я попал в храм в родительскую субботу. Поминали усопших. Не забыли и Журавлёвых.

«У Бога все живы», — так меня поучали богомольные старушки.

«Как приду в церковь, поставлю свечку, помяну своих и — праздник на душе».

Моя матушка, Екатерина Ивановна Шадрина, тоже зачастила в храм.

— В душе что-то по-новому ворохнулось, — говорит она, светлея лицом.

«А я и помянуть не могу своего внучка-афганца, некрещёный он. Не Богов, значит, и — ничей», — услышал я на выходе из храма.

Какой политбеседой ответишь на это?

Спрашиваю отца Анатолия, как он относится к художнику Журавлёву.

— Иконопись — это служение Христу. Он не закопал свой талант, а оживотворил его и принёс на службу своему народу. Люди помнят это. Не скудеет рука дающего, она будет вознаграждена.

Чувствуется, молодой священник много читал, многое видит по-своему. Невольно сравнивая его со светскими сверстниками, натываюсь на мысль, что дремучее невежество наше в религиозных и экологических знаниях — это две составляющие того провала, который ведёт нас к уродству души и тела.

Во время нашего разговора раздался телефонный звонок. Отца Анатолия вместе с женой Ольгой приглашали в гости к себе домой знакомые.

На мой вопросительный взгляд ответил:

— Пастырь, не знающий свой народ, не пастырь.

Он считает, что в общении с людьми идёт взаимоочищение. Горько переживает, что молодёжь погрязла в мате, скверне и прочих грехах. Разучилась деревня нормально разговаривать.

— Апостол послал своих учеников в дома прихожан и, если Вас приняли, то способствуйте соединению с Богом.

Уже на ходу вспоминает, что времени остаётся мало, а он обещал к концу недели дать статью в районную газету. Озабочен, что запущено в селе кладбище. Кладбище — тоже сфера забот церкви. А на столе у него лежат листочки с эскизами памятника Григорию Журавлёву, которые нам предстоит обсудить.

Мария Фёдоровна Качимова, певчая из хора, рассказывала мне, что отец Анатолий в телогрейке на морозе освобождал забитые досками окна храма. Горы мусора, вывезенные с того места, где сейчас иконостас, тоже дело его рук. Конечно, пастырю сейчас трудно. Ему приходится самому заниматься стройкой и становлением храма.

Я смотрел на прихожан в храме и думал: «Но ведь это одиночки. Их мало. Мало верующих осталось, а из тех, кто приходит сюда, много просто любопытных, неверующих. Какой же

путь надо преодолеть отцу Анатолию, чтобы восстановить разлад между Богом и моими односельчанами? Сказал же Пушкин, которого я считал почему-то до того большим безбожником, что религия создала в этом мире искусство и поэзию, всё великое и прекрасное. Если это так и если не будет у религии будущего, что будет с нашей душой, с искусством? Со всеми нами?...».

Костры посередине села

Мой крёстный, полковник в отставке, бывший военный лётчик Василий Дмитриевич Лобачёв, живёт сейчас во Владимире. Узнал, что я собираю материал о нашем селе, и тут же откликнулся. Прислал письмо.

Удивительны воспоминания человека образованного, пытливого, остро чувствующего время и себя в нём.

Его маленькие истории мне очень дороги ещё и потому, что действующие лица в них — либо мои родственники, либо хорошие знакомые. И все они освещены особым светом того непростого времени. Вот они, эти маленькие кусочки нашей общей жизни, увиденные семилетним утёвским мальчиком:

«Наша церковь разрушали долго. Она как бы сопротивлялась людям, потерявшим разум. Связка между кирпичами была намного прочнее самого кирпича. Для того чтобы получить один целый кирпич, три-четыре надо было разбить.

Особенно долго не могли свалить колокольню. Хотели взорвать, но хватило ума этого не делать. Вначале долго горели костры, уничтожавшие деревянные опоры внутри кирпичной кладки. Потом привязали верёвки к верхней части колокольни, попытались её свалить. Я с ужасом ожидал, что мужиков, тянувших верёвки, накажет Бог и они провалятся сквозь землю. Но этого не случилось.

Колокольня обрушилась в другую сторону. Когда подгорели столбы, выбросила из себя, как последний выдох, с синеватым облачком, жаркое пламя.

Как и почему случилось, что люди разрушали самое красивое, святое место в своём селе?

Сказать, что кто-то виноват только со стороны не могу. Этому кощунству предшествовал опрос граждан. Заходили с те-

традями в каждый дом и под роспись прихожан спрашивали мнение о судьбе церкви.

Ну, ладно, председатели, бригадиры, коммунисты могли нести ответственность за своё мнение, но рядовые-то колхозники чем рисковали? Я точно знаю, что моя мать высказала мнение «против разрушения». Мнение отца мне неизвестно. Ничего же с моей мамой не сделали! Дорогие мои земляки должны винить и себя в содеянном.

...А вокруг церкви была хорошая такая ограда, часовня, ухоженные могилы, просвирня, колодец с замечательной водой. Лучше вода для чая в то время была только в Самарке.

...Весной 1934 года мой отец готовил улы для колхозной пасеки. Однажды ему вместо досок привезли целую подводу икон из нашей церкви. Это событие, конечно, стало известно жителям села, которые стали собираться в нашем дворе. Сокрушались, плакали. Какой грех! Но как раздать иконы? Могут посчитать врагом Советской власти. Воинствующий атеизм набрал большую силу. Что делать? Отец принимает решение: с просьбой не давать этому огласки, раздаёт иконы взамен досок, равных по размеру. Таким образом ни одной иконы из привезённых не погибло. Всё разошлось по жителям села. Конечно, это были не все иконы. Поговаривали тогда, что предварительно их просматривали специалисты и наиболее ценные увезли в Самару. Одна икона была у нас в переднем углу. Потом её отдали кому-то из родственников.

Мне в то время было семь лет. Я всё отчетливо помню. Никто тогда отца не предал».

Эти строчки не нуждаются в комментариях.

Всё сурово и просто, как сама тогдашняя жизнь.

Радостная встреча

«Уважаемый Александр Станиславович, получил материалы о Вашем земляке-иконописце Журавлёве. Спасибо. Я передам эти материалы в Церковно-археологический кабинет. Прочёл всё, что Вы любезно прислали в письме, а также Вашу книгу.

Со страниц всего мною прочитанного сквозит неподдельный интерес и любовь к художнику-калеке.

В нашем ЦАКе действительно находится икона кисти Григория Журавлёва. На иконе изображён святой Лев — папа римский.

Размер иконы 35,4x28 см. На тыльной стороне доски надпись: «Сию икону писалъ зубами крест. Григорий Журавлёвъ Самарской губ. Бузулукского уезда с. Утёвки июля 30.1892 года».

...С пожеланиями Вам творческих успехов и уважением

Протоиерей Николай Резухин».

Я прочитал это письмо и вновь мне вспомнилась моя удивительная поездка.

Читатель, очевидно, помнит, что отец Анатолий как-то обмолвился, что видел одну из икон Григория Журавлёва в Церковно-археологическом кабинете (ЦАК) Троице-Сергиевой Лавры. Вот это обстоятельство и подтолкнуло меня прошлым летом к поездке.

* * *

...Я сошёл с электрички и, влекомый общим людским потоком, пошёл почти наугад, полагаясь, что мне не придётся долго идти.

Так оно и оказалось. Минут через пять ходу я вышел из стареньких улиц на простор и увидел Его.

Город лежал чуть ниже меня, златоглавый и величественный.

С этой минуты я уже не замечал бытовых деталей вокруг. Меня манил сказочный город-крепость.

Но надо было как-то ориентироваться.

Две идущие впереди монахини, к которым я обратился, оказались неожиданно разговорчивыми. На мой наивный вопрос, смогу ли я попасть в город и посмотреть его, одна из них, высокая и светлая лицом, живо ответила:

— Тысячи людей попадают, почему Вам нельзя? Смотрите, какой поток народа льётся туда и обратно!

Действительно, мой первый вопрос был явно не совсем удачным. Но у меня был второй, для меня настолько важный, что я не мог задать его с ходу, боясь встретить равнодушие и отрицательный ответ.

Я всё-таки собрался с духом:

— А Вы слышали что-либо об иконах в ЦАКе, написанных безруким художником Журавлёвым?

Та, что пониже, сразу ответила, что нет, о таком не слыхала.

Высокая, которую, как потом я узнал, зовут Олей, скороговоркой зашепила:

— Слышала и видела. Я не помню имени художника, но картину видела. Видела! Она в кабинете висит.

— А как мне попасть туда?

— Идите с нами к Царским чертогам, а там разберётесь.

Так я оказался в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре.

Монахини на территории Лавры как-то спешно отделились от меня, сказав, чтобы я обратился к любому в Духовной Академии, и мне помогут.

Я так и поступил. Мне тут же ответили стоящие у входа в Академию молодые люди, что без протоиерея Николая Резухина я не смогу ничего увидеть. Сегодня ЦАК не работает, а у протоиерея какая-то серьёзная внеплановая делегация. Его не поймать.

Мои планы рушились, ибо мне надо было вечером быть в Москве. В кармане лежал билет на поезд до Самары. Очевидно, как-то угадав моё отчаянное состояние, один из ребят приблизился ко мне и вполголоса проговорил, озорно сверкнув глазами:

— Мы его изловим! Я знаю, где он! Идите за мной.

Протоиерей Николай Резухин — помощник ректора Московской Духовной Академии и семинарии по представительской работе, заведующий ЦАК, депутат местного городского Совета, оказался очень занятым человеком. Невысокого роста, в обычной светской одежде, с рыжеватой бородкой, быстрый в движениях, он был похож на доцента с институтской кафедры.

Не останавливаясь, на ходу выслушав сбивчивое извинение и просьбу, глядя на меня цепкими и колючими глазами, назидательно сказал, что времени для того, чтобы сегодня поговорить со мной, у него нет. Казалось, всё рушится.

И тут мне пришёл на ум довод, который я тут же и использовал:

— Понимаете, Журавлёв — мой земляк. Мы с ним из одного села. Я неделю назад был в его доме. Ходил по его комнате. Понимаете мои чувства?

Мой собеседник всё понял.

— Ну, если так, посидите где-нибудь в скверике. Часа через два-три я, может быть, Вас найду.

И ушёл.

Что мне оставалось делать?

Боясь потерять возможность встречи с протоиереем, я решил неотлучно ждать на скамейке под липами у Троицкого собора.

...Я сидел в тени старинных цветущих лип и пытался разобраться в своих чувствах.

Кругом была изумрудная свежая зелень, аромат сирени в воздухе, группы туристов, слушатели Академии. Звучала русская и нерусская речь. Звонили колокола.

И мне на какой-то миг показалось, что моя мечта — найти и посмотреть икону Григория Журавлёва — несбыточна. Грандиозность соборов, монументальность всего и официоз отделили художника и его иконы от меня и моих сельчан. Здесь не до него и не до меня. Настолько микроскопичен человек перед этой беспредельной вечностью, осевшей на куполах соборов...

Я ошибся. Меня тихо позвал совсем молодой человек, сказав, что он от отца Николая. Мой новый знакомый оказался студентом Московской Духовной Академии. Назвался он братом Тимофеем. Мы направились в ЦАК.

Пока кто-то ходил за ключами, из рассказа моего гида я узнал, что Церковно-археологический кабинет расположен в Царских Чертогах, одном из интереснейших сооружений восьмидесятых годов XVII века в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре. Чертоги — целая веха в истории Московской архитектуры. До того обычно дворцы являли собой сложные по планировке постройки, живописные и причудливые. Чертоги же отличаются строгим единым объёмом, они и определили в последующем развитие Московской архитектуры в сторону «регулярности». ЦАК расположен на втором парадном этаже Чертогов. Он создан по благословию Святейшего Патриарха Алексия в 1950 году при кафедре Церковной археологии. Экспозиция кабинета размещена в исторической последовательности.

Принесли ключи. И вот она — комната с экспозицией, посвящённой работам русских художников XVIII-XX веков. Первое, что бросается в глаза, — картина В.И. Сурикова на сюжет из

IX главы Евангелия от Иоанна «Исцеление слепорождённого». Тут же картина А.П. Рябушкина «Благословляющий Христос Спаситель», этюды В.М. Васнецова «Богоматерь с младенцем Христом», М.В. Нестерова «Портрет священника», В.Д. Поленова «Христос Спаситель» и многие другие. И, наконец, она — цель моей поездки.

На этом стене восемнадцать икон в четыре ряда.

В верхнем правом углу вторая справа — икона Г. Журавлёва «Святой Лев — папа римский».

Изображение выполнено на доске около трёх сантиметров толщиной. Мягкий коричневый цвет и бледные розово-голубые тона на нежном сером фоне. Икона не теряется в ряду работ знаменитых авторов. Более того, она не отпускает от себя и притягивает своей проникновенностью и тонким лиризмом.

Икона основательно прикреплена к стене. Поэтому я не мог осмотреть обратную сторону её. Но брат Тимофей заверил, что, как только время позволит, либо он, либо отец Николай икону снимут. Текст, который там есть, перепишут и пришлют мне в письме.

Внезапно появился отец Николай, уже в церковной одежде, возглавляя внеплановую экскурсию. Я видел, с каким неподдельным интересом люди смотрели на икону Журавлёва. Так же, как и я, по несколько раз возвращались к ней взглядами.

Огорчило одно: очевидная скудность информации о Григории Журавлёве, которой владели в кабинете. Насколько мог, я постарался восполнить это, рассказав некоторые подробности из биографии художника. Передал его фотографию.

...Освободившийся, наконец, протоиерей Николай Резухин пригласил меня к себе и я увидел и услышал живого обаятельного человека.

В довершение всего, узнав, что я вечером еду в Самару, меня накормили в студенческой столовой при Академии. Прощаясь, мы обменялись адресами, обещая сообщать друг другу о новых находках, которые будут касаться моего земляка-художника.

Не хотелось уходить. Вместе с братом Тимофеем я побывал на прощание на молебне и поставил свечи за упокой души всех умерших своих ближайших родственников, которых помнил, поимённо написав их имена на бумаге. И отчего-то, когда я вышел из монастырских стен и шёл к электричке, всё казалось

мне, что кто-то: то ли помянутые мною родственники из моего далёкого далека, то ли чей-то иконный лик, большой и невидимый, — освещал мне путь добрым и тёплым светом...

...И за всё это, за радостную встречу, приблизившую меня к моим предкам и ко всему русскому, я был благодарен земляку Григорию Журавлёву, заставившему по-новому взглянуть в гулкое наше прошлое.

«Мне повезло прикоснуться...»

Сразу после опубликования моих заметок «Утёвские находки» о художнике в областной газете «Волжская коммуна» в сентябре 1992 года, где были помещены несколько найденных мною уникальных фотографий, я начал получать письма от знакомых и незнакомых мне людей. Люди искренне пытались помочь в поиске важных для меня сведений либо просто размышляли над нашим прошлым и будущим.

Мимо судьбы Григория Журавлёва нельзя пройти равнодушно. Вот выдержки из письма художника-оформителя Николая Ивановича Колесника. Это письмо интересно хотя бы уже тем, что своё мнение высказывает художник:

«Григорий Журавлёв по своей профессии близок мне. Я понимаю, что видеть краски, чувствовать пространство, уметь создать образ — это не всё. Необходимо ещё умело владеть кистью. Художник-иконописец, преодолевая недуг, отыскал силы, чтобы развить в себе талант, которому суждено остаться в веках. Эти иконы воистину нерукотворные.

Да вот беда наша в том, что мы порой проходим мимо таких человеческих судеб. Этому ещё раз свидетельствует случай с сельским музеем, который, видимо, имеет свои корни в разрушительной стихии, направленной против христианских святынь ещё тех, далёких послеоктябрьских лет. Я один из тех, кто видел фотографию Григория Журавлёва. Первое, что идёт на ум: сила духа этого человека, очевидно, была так велика, что она превозмогла всё. Трудно сказать, что стояло на первом месте, — борьба за существование или потребность выразить себя. Но его иконы написаны с большим старанием и умением. Об этом говорит фотография иконы «Утёвская мадонна». Я решил сделать копию её, пользуясь фотографией. Это ока-

залось не так-то просто. Сразу почувствовал, что написана она мастером высокого класса. По несколько раз я принимался за эту работу и всё не находил нужных оттенков. Порой ловил себя на мысли, что эта работа мне просто непосильна. И какова была моя радость, когда не без участия коллег по работе копия картины была вставлена в багетовую рамку и предстала на суд зрителей, которые узнали из моего рассказа, кто автор подлинника и какова его судьба. Я был счастлив. Я чувствовал, что мне повезло прикоснуться к чему-то очень большому и вечному.

Таков он — Ваш земляк Григорий Журавлёв.

Знаете, у меня есть свои так называемые «настольные книги». Они порой бывают в нескольких томах, а порой — небольшой книжечкой или газетной полосой.

Для меня материал о Журавлёве выполняет задачу тех больших томов, которые дают возможность черпать силы для творчества».

* * *

...Современники Журавлёва тоже не были глухи к его таланту. Приведу отрывки из газеты «Самарские губернские ведомости» № 1 от 5 января 1885 года:

«...Крестьянин с. Утёвка Бузулукского уезда Григорий Николаевич Журавлёв, имеющий в настоящее время около 25 лет от роду, в самом раннем детстве лишился употребления рук и ног (руки до плеч и ноги по колена атрофированы и он может передвигаться только на коленках) и грозил быть бременем для своего бедного семейства...

...Лет 8-ми от роду Журавлёв стал посещать сельскую школу и в два года выучился читать, а затем, познакомившись с употреблением карандаша, принялся учиться письму и рисованию, вставляя для сего карандаш между зубами...

...Но этого Журавлёву было мало: он задумал во что бы то ни стало выучиться писать масляными красками «настоящие образа». И вот 15-летний поклонник искусства, никуда доселе не выезжавший из родного села, появляется в губернском городе и обращается к проживающему здесь живописцу Травкину с просьбой показать ему, как пишутся «образа». Тот ласково при-

нял такого необыкновенного ученика, оставил его на несколько дней в своей квартире и познакомил с первыми приёмами живописи. Этого для Журавлёва было достаточно. Закупив в Самаре красок, кистей и прочего, он вернулся в родную Утёвку и, заказав себе стол с особыми приспособлениями, принялся учиться живописи.

Верным и постоянным спутником в этом деле явилась у него старуха-бабушка, которая стала чистить кисти, подготавливать краски, усаживать внучка за работу и так далее...

...Через пять лет непрерывного труда этот живописец-самоучка стал писать «образа» настолько удовлетворительно, что решился несколько экземпляров икон своей работы подарить высокопоставленным лицам города Самары. С этого времени Журавлёв начал получать заказы на работу, улучшившие до некоторой степени его материальное положение, а вскоре Губернское Земское собрание, приняв во внимание бедственное положение семейства Журавлёва и его личные труды по части самоусовершенствования в искусстве живописи, назначило ему ежегодную пенсию в размере 60 руб. В конце прошлого года (1884) Журавлёв, изготовив икону св. Николая Чудотворца, обратился к самарскому губернатору, всегда принимавшему участие в положении калеки-живописца, с просьбою представить икону Его Императорскому Высочеству, Государю Наследнику Цесаревичу.

Желание его было исполнено, и в конце декабря Управляющий собственные Его Величества дворцом и Конторою Августейших Детей Их Императорских Величеств уведомил тайного советника Свербеева, что Государь Наследник Цесаревич милостиво принял икону, писанную крестьянином Журавлёвым, соизволил пожаловать ему единовременное пособие сто рублей из собственной Его Императорского Величества суммы».

Талант художника был признан.

Возможно, нам предстоит ещё встреча с иконой св. Николая Чудотворца. И мы порадуемся ей, как порадовались, когда предстала перед нами на иконостасе Самарской Петропавловской церкви икона святого князя Александра Невского, писанная Григорием Журавлёвым.

Из писем отцу Анатолию

Разные письма приходят к отцу Анатолию. Пишут и верующие, и атеисты. Адрес на таких конвертах простой: «Нефтегорский район, с. Утёвка, Православная церковь».

Вот бесхитростные строки одного такого письма. Оно о судьбе священника Троицкого храма. Написала его жительница Самары Анастасия Андреевна Конькова:

«Здравствуйте, отец Анатолий! Прочитала я «Утевские находки» автора Малиновского в газете «Волжская коммуна» и узнала из них, что судьба отца Гавриила, который был последним священником перед закрытием Троицкого храма, Вам неизвестна. А мне довелось с ней познакомиться. Я ехала в деревню и встретила его свояченицу Антонину. Она мне и рассказала о его судьбе.

Когда он вышел из заключения, то не мог найти нигде работу. Помер голодной смертью. Антонина жила с дочкой отца Гавриила, у него было их трое: Вера, Надежда, Любовь. Антонина померла пять лет назад.

Так хочется побывать в своём храме. Сердце разрывается. Большое Вам спасибо за описание в газете. Я много узнала новостей и радостных, и горестных. Рада, что открыли Божий храм. Рада, что позаботились так о Григории Журавлёве. Он это заслужил.

Может, газета попадёт дочкам отца Гавриила, они бы всё подробно написали. Они ведь где-то в наших местах, в Самаре».

А вот другое письмо. Пишет его Екатерина Иосифовна Ветчинова, дочь Иосифа Семёновича Проживина, по-уличному, Лубошного, проповедника, которого забрали прямо в церкви вслед за отцом Гавриилом, осудив на десять лет:

«Он был очень набожный человек. Читал проповеди, собирал народ, ездил по всему Утёвскому району. Забрали его, забрали все иконы и книги. Посылаю пятьсот рублей, чтобы помянули его за упокой и в праздники Божественные прошу упоминать его имя.

Батюшка, я считаю, что мой отец заслуживает, чтоб его крест был около церкви, за которую он погиб. Ведь мама моя рассказывала, что, когда она ездила к нему в Кузнецкую тюрьму, он ей сказал, что ему предложили при всем народе отречься

от Бога и тогда его выпустят на свободу. Отец отказался. Вскоре его не стало».

Много подобных писем ещё придёт в Утёвский храм. А сколько верующих и неверующих не успели написать своего письма священнику.

Вот короткая, но прожигающая душу справка: почти четыреста тысяч священнослужителей с родителями, женами и детьми были в нашей стране уничтожены в период с 1917 по 1924 год.

А сколько покалечено судеб родственников этих погибших.

Какая бухгалтерия в силах это подсчитать?!

Повиниться надо бы перед ними на миру. Да как это сделать?..

Незаживающая рана

Как я искал эту книгу, можно написать маленькую повесть. Но речь не о том... Я с волнением держу в руках небольшую, размером примерно 18x30 см, в хорошем переплёте, в зелёной обложке, книгу и не сразу решаюсь открыть её.

Она издана Самарской государственной думой и отпечатана в Самарской губернской типографии в 1894 году. Посвящена созданию храма Спасителя. Книга так и называется «Во имя Христа Спасителя. Кафедральный соборный храм в г. Самаре». В ней сорок семь страниц. Я давно знаю, что там есть упоминание о нашем земляке-художнике. Книга переходила из рук в руки, как и большинство журавлёвских икон, оставаясь неуловимой...

И вот теперь на двадцать девятой странице читаю:

«...Иконы в иконостасе написаны на цинке в мастерской Сидорского, в Петербурге, а одна, именно икона Св. Алексия митрополита Московского, написана по поручению в то время бывшего губернатора, А.Д. Свербеева (ныне сенатор) крестьянином села Утёвка, Бузулукского уезда, Григорием Журавлёвым, лишённым от рождения рук и ног, пищущим иконы, держа кисть в зубах. Словом, с Божию помощью. К задуманному сроку нижний храм строящегося собора был окончен к 7-го января 1892 года, Преосвященным Владимиром, Епископом Самарским и Ставропольским (ныне Высокопреосвященный

Экзарх Грузии, Архиепископ Кахетинский и Карталинский), был торжественно освящён, во имя св. Алексия митрополита Московского, покровителя г. Самары и в годовую день кончины Преосвященного Серафима, над его могилой действительно возносились бескровная жертва».

Итак, получается, что написать икону покровителя г. Самары св. Алексия митрополита Московского самарский губернатор А.Д. Свербеев поручил не Сидорскому в его мастерской, а Журавлёву.

Поскольку храм был освящен в 1892 году, а книга вышла позже, в 1894 году, то становится очевидным, что икона была написана и должна находиться в храме. Так ещё раз крылом своего таланта издалека, из прошлого, художник-самоучка коснулся нашей с вами, дорогой читатель, родной истории. Книга посвящена строительству в Самаре Кафедрального собора, одного из крупнейших в России.

Меня поразила та неторопливая, основательная манера изложения, которая характерна для книги. Какой материал брали, какой кирпич, бутовый камень, раствор, чей проект и так далее.

Колокол, поднятый на соборную колокольню в октябре 1893 года, отлит был в Москве на заводе Финляндского. Весил он 880 пудов. Подарил его городу самарский купец Давид Васильевич Кириллов. О многом повествуется в книге.

Храм строили на века и книга писалась исходя из того же.

Оказывается, в память скончавшегося в январе 1886 года русского писателя Ивана Сергеевича Аксакова, проживавшего в Самарском крае, было в храме Евангелие, на обороте которого начертано:

«Святое Евангелие сие, сооружённое по постановлению Самарской городской Думы 1886 года, принесено кафедральному соборному храму, в вечную память об Иване Сергеевиче Аксакове, писателе, посвятившем всю свою жизнь делу единения и братства с отечеством нашим племён мира славянского».

Когда 7 октября 1888 года ночью скончался Е.Н. Шихобалов, в продолжении 19 лет неустанно трудившийся над сооружением соборного храма, днём на экстренном заседании Городская Дума постановила: «...На видном месте строящегося храма поставить, в изящном киоте, икону Св. Емилиана, ангела усоп-

шего строителя храма, начертать под нею повод воздвижения этой иконы».

На этом заседании городской голова г. Алабин заключил: «Желательно, чтобы будущие поколения наши в этом храме находили видимое свидетельство того, что общество наше умело ценить своих сограждан, посвящавших ему свой многолетний труд и деятельность».

Удивительными словами заканчивается эта книга: «Будущность нашего края, нам, верующим в непогрешимость пророчества одного из величайших святителей земли русской, Св. Митрополита Московского Алексия, естественно представляется светлой и потому, нет сомнения много ещё будет нашему краю случаев возлагать свои благодарственные и памятные жертвы на тот жертвенник, что воздвигнут ныне населением Самарского края во славу Божию, в виде Храма, во имя Христа Спасителя Мира!».

Икона Св. Алексия Митрополита Московского, написанная Григорием Журавлёвым, и Евангелие в память писателя русского, и икона Св. Емилиана, ангела усопшего строителя храма самарского, где всё это теперь?

Где та тихая радость и благодать сотен, тысяч людей, частных к пожертвованиям на строительство храма?

Увы... Какой урок нам дан...

Храма теперь нет. Взорвали-таки рассчитанную на вечность красоту, и книга эта долго никому была не нужна. Во всей Утёвке один белобородый старец Сергей Илларионович Трегубов (Дятлов) берёт её. И только после смерти его, в сущности, никому не нужная, как щепка на водной стремнине, прибилась она у Любы Распутиной. И хорошо! Не пропала!

В книге, которая была написана сразу после возведения храма, на первой странице есть фотография его. Он прекрасен. Нет в нашей Самаре сейчас таких сооружений. С некоторым сомнением я мог бы поставить если не в ряд, то хотя бы около, здание любимого мною областного драматического театра!

Мне захотелось проследить судьбы тех людей, которые были вплотную связаны с нашей губернской историей, в данном случае, с Кафедральным храмом Самары. Это уже за рамками темы, но одна судьба меня поразила. Её я узнал чуть позже и из других источников.

Печальна дальнейшая судьба нашего самарского храма Спасителя. Увы, такой же скорбной судьбы не избежал и Преосвященный Владимир, Епископ Самарский и Ставропольский, который освящал храм в своё время.

Святитель Владимир (в миру Василий Никифорович Бого-явленский) родился 1 января 1848 года. Отец его был священником. В 1874 году он окончил Киевскую Духовную Академию и в течение семи лет преподавал в Тамбовской семинарии. Известно, что в 1888 году он был возведён в сан епископа Старорусского викария Новгородской епархии. В 1891 году получил назначение в Самарскую епархию.

После Самары пять лет как управлял святитель Грузинским экзархатом в сане Архиепископа Карталинского и Кахетинского. В 1898 году Высокопреосвященный Владимир был назначен митрополитом Московским и Коломенским, Свято-Троицкой Сергиевой Лавры священно-архимандритом. В 1912 году, когда скончался первоиерарх Православной Российской Церкви митрополит Петербургский и Ладожский Антоний, его место принял митрополит Владимир.

Если верить газетным архивам, митрополит Владимир оказался первым среди расстрелянных русских православных архиереев. Это произошло 25 января 1918 года в Киеве, куда он в своё время был переведён на кафедру митрополита Киевского.

Перед смертью святитель благословил своих убийц и сказал: — Господь вас да простит.

Когда-то, в год освящения нижнего храма Христа Спасителя, 12 февраля, при открытии в Самаре епархиального Братства, Преосвященный Владимир в слове своём определил главную задачу христианского Братства как духовное совершенствование и воспитание в людях сострадания и взаимной любви.

Он и перед лицом насильственной смерти остался верен Богу и своим идеалам.

А как живём мы?

Совсем недавно был на заводе, где по моей просьбе рабочие взялись изготовить надгробный памятник на могилу Григория Журавлёва. По замыслу он должен в миниатюре напоминать контурами храм Святой Троицы. Эскиз его мы рисовали с о. Анатолием у него дома.

Спрашиваю рабочих:

— Всё по проекту?

— Да, но кое-что и сами придумали.

Изготавливают они его безвозмездно и в нерабочее время. Отрадно и грустно. Похоже на зализывание ран, которые мы руками наших дедов и отцов нанесли сами себе.

...Я пытаюсь теперь многое осмыслить для себя заново. Но, признаюсь, часто не нахожу ответа. И говорю об этом с горечью. Но я, кажется, вижу спасительную соломинку, за которую, ухватившись, человек может обрести душевное равновесие. Это созидание физическое и духовное. И это уже, кажется, понимают многие. Ведь как у нас повелось? Для нас подвижка к компромиссу — едва ли не подлость (кто не с нами — тот против нас). Но в наше время так уже нельзя. Надобно человека слушать и слышать. Христианство призывает к этому. Нравственные основы его позволяют надеяться на выход из вандализма, к которому мы скатились.

Православие сообщило в своё время нашему народу свойство соборности, драгоценнейший дар, удержать который полностью в своих руках мы, увы, не смогли. А ведь соборность — это духовная общность русского народа, основанная на общем служении, на понимании и исполнении общего долга.

Утрачивая чувство соборности, мы теряем и былую державность, то есть чувство долга, ответственность, патриотизм, сознание каждым ответственности за всех, ответственности каждого за нравственное здоровье общества и крепость государственных устоев. Попристальнее бы взглянуть в себя! Посмотреть друг на друга!

Мне рассказывали, что человек, который сам давал команды рвать трактором крест с утёвского храма Святой Троицы, когда уже наша власть официально разрешила религию, пришёл в церковь и пожертвовал на её восстановление триста рублей. Что это? Раскаяние или просто бывший тёртый чиновник вновь держит нос по ветру? Дух ханжества, боюсь, во всех наших делах витает, как и прежде...

Мы яростно боролись против Бога, но оказалось, что эта борьба направлена против самих себя, против человека.

Красота спасёт мир? Увы, я крепко сейчас сомневаюсь в этом.

Я думаю, что мир могут спасти разум, разумность. Уровень образованности, интеллигентности, интеллект. Красоту надо спасти нам с вами. Народная мудрость гласит: всё хорошо, что в меру. А меру определит уровень культуры, разумность. Но этого никогда не будет, если мы каждого, кто образованнее и умнее нас с вами, будем считать чуть ли не личным врагом.

Я — эмоциональный человек, эмоции — это прекрасно! Тем более, если положительных больше, но разумность — вот рычаг, который может нас спасти сегодня. И в определённой степени рациональность...

Когда в характере нетерпение, подавление чужого мнения, на это уходит энергия, а объединённая на основе компромисса, эта сила идёт на созидание. Именно созидания не хватает сейчас для возрождения крепкого экономического уклада в городе и деревне. А для этого нужен духовный стержень.

Не могу принять известную установку Ф.Достоевского: «Кто в Бога не верит, тот и в народ свой русский не поверит».

Если человек неверующий, куда ему податься? И большая часть нашего народа неверующие, так вот получилось с нашим обществом.

Как и большинство, я верю в свой народ, в будущность его. Здесь многое ещё надо понять, но начинается это понимание с бережного, пристального отношения друг к другу, к нашему прошлому и настоящему.

...Я уверен: мне повезёт с находками, связанными с именем Григория Журавлёва, поэтому думаю, что и записки мои на этом не заканчиваются.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Обретение голоса

3 апреля 2005 года на Крестопоклонную неделю игумен Самарской епархии Корнелий и отец Анатолий освятили перед подъёмом долгожданные колокола¹. И на праздник Благовещенья, 7 апреля, впервые после восстановления Храма Святой Троицы над Утёвкой разлился колокольный перезвон.

Заговорила звонница из восьми колоколов. И среди них самый большой — колокол «Григорий», названный так в память о художнике Журавлёве.

Храм Святой Троицы обрёл голос.

Эти записки я делаю спустя более трёх десятков лет после того, как впервые начал собирать материал о Журавлёве и пятнадцать лет — после выхода первого издания повести «Радостная встреча». Теперь она стала первой частью моих записок, которые я решил продолжить. Прибилась душа к нерукотворным иконам художника, к его дару.

Мы и обезножили, и обезручили на нашем пути выживания.

А он в своё время преодолел многое... И сумел не только преодолеть!

Не огрубел, не разуверился. Сохранил мужество и ясный взгляд на мир. Создавая красоту, завещал и нам свой дар веры.

Прозорливый художник!

Душевное волнение тех, кто хотя бы раз видел работы Григория Журавлёва, не случайно.

Истинные православные иконописцы приступали к написанию икон только после длительного поста и молитв. До того как взять кисть в руки, они стремились к нравственному очищению. Писание икон для них было актом высокого духовного творчества.

Именно так!

¹ Храм Святой Троицы был освящён Архиепископом Самарским и Сызранским много раньше, в 1991 году, в день памяти Георгия Победоносца.

По-другому нельзя думать и об иконах Журавлёва.

Они продолжают объединять людей, плачущих порознь над одной бедой. Заставляют вновь вспоминать об утраченной соборности нашей.

Я об этом говорил и раньше. Но как резко изменилось наше общество после 91-го года. Нельзя молчать об этом...

Восстановление утраченной соборности взамен насаждаемого теперь эгоистического индивидуализма — вот какая духовная работа предстоит всем! Надо вернуться в Церковь! Число верующих растёт!

Но как наступательно в последние годы развернулись силы, работающие на растление, разложение души... Такого не было до перестройки.

Игромания, наркомания, преступность, цинизм и пошлость телевидения...

Вместо свободы слова — свобода для разложения общества. Больно уж силы неравные.

Об этом думалось под звон колоколов.

Об этом и моё стихотворение, родившееся у старинных стен Храма:

*Звонят колокола в соборе Троицком,
Птичий гай на краю моего села.
Жизнь наладится, жизнь устроится,
Только б с рельсов она совсем не сошла.*

*Только б она с металлическим лязгом
Не проехала колесом по больной груди.
Что дадут нам политические дрязги?
Там ли ищем спасительные пути?*

*На магистралях чужих не устроиться,
Своих не имея, напрасно пенять.
Звонят колокола в соборе Троицком,
Впереди бессонная ночь у меня...*

* * *

...И как спасительное приходит понимание простой, казалось бы, и очевидной истины: мы выживем только при высокой вере, укреплении духа и сбережении друг друга.

Готовы ли мы к этому?

Готовы ли к восстановлению истинных ценностей внутри себя, чтобы потом восстановить их вовне? Восстановить православную духовность нашу, религиозно-нравственные опоры, без которых наше национальное самосознание погибнет.

Вернуть державность, источником которой всегда была Церковь, готовы ли?

В Самарском епархиальном церковно-историческом музее

Помню своё волнение, когда 14 мая 1997 года открылся долгожданный Самарский епархиальный музей, созданный по инициативе архиепископа Самарского и Сызранского Сергия.

В музее три зала, два из них отведены под постоянную экспозицию и один — под выставки.

В историческом зале экспозиция посвящена истории Православной церкви в Самарском крае.

Здесь находятся документы, фотографии архиереев, возглавлявших Самарскую епархию.

Представлены документы из жизни подвижников благочестия Самарского края.

В этом зале находится мемориальная келья митрополита Мануила (Лемешевского), одного из известнейших иерархов Русской Православной церкви XX века.

Владыка, будучи около 25 лет в ссылках и лагерях, совершил научный подвиг. Им написаны биографии всех русских архиереев, начиная с Крещения Руси и до 60-х годов XX века.

В мемориальной келье помещена картотека с библиографическими ссылками к его труду.

В зале церковного искусства один из разделов посвящён утёвскому художнику Григорию Журавлёву.

Я рад, что наконец-то материалы о Григории Журавлёве оказались в надёжных руках и они не будут утеряны, как это случилось в школьном утёвском музее.

С каким интересом архиепископ Сергий держал в руках мою рукопись о художнике «Радостная встреча»! Он тогда благословил её и дал особый свет моей книге о земляке:

«Слава Богу, что в наше время восстанавливается исто-

рическая действительность и воздаётся должное таким талантам, как живописец Григорий Журавлёв. Рождённый с недугом, но имевший глубокую Веру и силу Духа, он творил во имя Бога и для людей.

Его иконы несли Божественный Свет, помогая людям. Призываю Божие благословение на автора и на его повесть, открывающую людям путь к Свету и Правде».

Эти слова его посвящения, предварившего книгу, и до сей поры по-особому освещают все мои поиски, связанные с жизнью Григория Журавлёва, чьи иконы разошлись по всей Руси и за её пределы.

После выхода в «Волжской коммуне» моего очерка «Утёвские находки» архиепископ живо расспрашивал о том, где и что сохранилось из написанного художником.

...Сейчас в музее находятся пять икон Журавлёва. Три из них взяты на временное экспонирование из Самарского областного историко-краеведческого музея имени П.В. Алабина. Это — «Млекопитательница», «Пресвятая Богородица Смоленская» и «Взыскание погибших». Четвёртая — «Жены Мироносицы» — из Утёвского Троицкого храма.

А вот — пятая! О ней особый разговор. Было известно, что где-то в Казахстане есть икона Журавлёва. Очевидно, о ней писал журналист из Свердловска Е. Девиков утёвскому краеведу К. Данилову. И она нашлась! И помогло этому создание в музее экспозиции о художнике. Эта находка как отклик. Икону передал епархиальному музею отец Алексей Мокиевский, который служит в одной из русских церквей в Казахстане в городе Хромтау. Подарил он её 1 января 1999 года. Икона деревянная. На ней изображены святые Кирилл и Мефодий.

Надпись гласит: «Сия икона писана зубами в Самарской губернии Бузулукского уезда Утёвской волости такого же села крестьянином Григорием Журавлёвым, безруким и безногим. 1885 г. 2 сентября».

Икона средних размеров, схожих с иконой «Млекопитательница», о которой я уже писал.

Когда уходил из музея, хранительница его Ольга Ивановна Радченко дала мне адрес Алексия Мокиевского. Мне предстояла встреча с человеком, прикоснувшимся к истории жизни Журавлёва.

Летом 2006 года я вновь побывал в музее. Теперь рядом с иконами Журавлёва находится ксерокопия книги «Ветхий Завет в картинках», принадлежавшей когда-то утёвскому художнику. В ней его карандашные рисунки.

Об этой книге, недавно вернувшейся на родину иконописца, я расскажу чуть позже.

Дар Веры

С тех пор, как я стал заниматься сбором материалов о моём земляке Григории Журавлёве, судьба подарила мне немало интересных встреч и событий. Григорий Журавлёв удивительным образом соединяет незнакомых людей. Ни время, ни расстояния тому не помеха. Этот его дар уникален. Моя книжечка «Радостная встреча» стала для меня проводником в городах и сёлах. Совсем незнакомые люди оказываются близкими по духу. Объединяющая сила дара моего земляка огромна и органична. Просветление лиц и душ при упоминании его имени происходит на глазах. Мы, запутавшиеся в своей безобразной перестройке, все силы положившие на выживание, вдруг обнаруживаем в Журавлёве столько мужества, что становится совместно за своё безверие и слабость.

Художник и кинодокументалист Борис Григорьевич Крилицын увидел в церковно-археологическом кабинете в Сергиевом Посаде мою книжку о Журавлёве. Попросив на время, он прочёл её и загорелся написать сценарий документального фильма. Как потом он мне рассказывал, сценарий был послан на конкурсный отбор высшему киношному руководству. Среди десятков сценариев занял первое место и Российская киностудия документальных фильмов «Отечество» получила финансирование для съёмок фильма.

И вот сценарист и режиссёр будущего фильма Борис Крилицын и оператор Геннадий Макухин сидят у меня в самарской квартире. Мы слушаем запись воспоминаний девяностолетнего старика Корнева о Журавлёве, ту самую, о которой я писал ранее. Старика Корнева давно уже нет. Дом, где родился и жил Григорий Журавлёв, внешне изменился. Деревянный сруб пятистенника новые хозяева обложили кирпичом. Не изменился записанный на плёнку голос Корнева. Завораживает своей чистотой.

Два следующих дня Криницин и Макухин вели съёмки в епархии, в музее. На третий день я отвёз их в мою Утёвку, на родину Григория Журавлёва. Там, под крылом директора школы Валерия Ивановича Кузнецова, они пробыли с неделю. Жили в лесу, в трудовом лагере около большого озера Лещёвое. Я приехал к ним под конец съёмок. Их было не узнать. Такие же интеллигентные, сдержанные, негромкие, они были самими собой и здесь. Но... лица! Они стали открытее, взгляд стал мягче и спокойнее...

Я приехал не один, а пригласил с собой своих друзей.

...Купались в Самарке, сидели на желтоватом песочке, разговоры разговаривали. Обо всём. О главном и о мелочах жизни. Попели русские песни на обрывистом песчаном берегу...

Материала о художнике оказалось вовсе не на пятнадцать минут, а, как минимум, вдвое больше. И у Бориса Григорьевича уже роились мысли, как пробить вторую часть сценария. Мы с ним саженьками, как в детстве, переплыли быструю Самарку. Нас снесло течением вниз и не спеша потом шли по пояс в воде вверх, возвращаясь к костру. Борис говорил:

— Я посмотрел за неделю на жизнь сельскую, на вас всех сегодня... Знаете, Россия жива... Она вечно будет жить! Её не побороть ни на поле брани, ни хитроумными планами из-за моря.

— Но разве это не видно в столице?

— Слишком много суеты в Москве...

Я взглянул на него, на его иконный лик и мне вдруг показалось, что это не режиссёр Криницин, а Григорий Журавлёв смотрит на меня и на всех нас. Смотрит выжидательно и с надеждой.

Когда прощались, Борис Григорьевич обронил:

— Вы знаете, у меня набралось материала для целого документального фильма о вашем селе минут на сорок-пятьдесят. О вас, о нас, россиянах, живущих сейчас. Это надо делать, пока мы живы. Нам надо сказать самим о себе!

Я не возражал. За семь дней, которые были знакомы, мы начали о многом одинаково думать. И верить одинаково.

Он уехал в Москву монтировать фильм, а у меня на столе остался его подарок: копия сценария фильма о Григории Журавлёве «Дар Веры».

Я несколько раз перечитал его.

Потом вышел фильм.

В мае 2001 года на VII фестивале «Православие на телевидении» фильм «Дар Веры» получил заслуженное признание.

Автор сценария и режиссёр Борис Криницын был награждён Серебряной медалью «...за произведение, имеющее высокое художественное достоинство и утверждающее христианские ценности».

Чуть позже в журнале «Искусство кино» Нея Зоркая в статье «Чудо судьбы» писала:

«И всё-таки есть особая радость для всех нас в том, что такой человек был, что человек может быть таким... Дар веры, дар любви, которым щедро был награждён Григорий Журавлёв, сочетался с даром истинно христианской доброты — имто, последним, и проникнут фильм «Дар Веры».

Я читал эту статью о Григории Журавлёве и всё-то думал, что многое о художнике так пока и не сказано...

Из истории иконописи

Известно, что мастерство иконописи пришло к нам как часть греческой православной культуры.

Проводниками этой культуры были греческие митрополиты, монахи. Греческие зодчие и иконописцы явились основоположниками культурных и художественных ценностей Православной Руси. Русские иконописцы переняли у греков не только образный, символический метод изображения святых, но вместе с тем и технические приёмы в изготовлении икон. И это неукоснительно соблюдалось ими в течение семи столетий до реформ Петра I.

Процесс изготовления иконы технически был строго определён. Деревянная доска, чаще всего, липовая, была основой её.

Игумен Филарет (Соловьёв), настоятель Свято-Ильинского храма (пос. Палех Иваново-Вознесенской епархии) в статье «Состояние русской иконописи в XVIII веке. Иконопись Палеха» так описывает эти операции:

«На доску наклеивалась «паволока» — редкий холст, покрывавшийся толстым слоем алебастрового грунта, замешанного на рыбьем клее. На грунт наносился рисунок, прочерчивался иглой, накладывались тончайшие листы золота или серебра».

Мне, чей ум основательно «подпорчен» техническим обра-

зованием, любопытны все эти подробности. И я приведу ещё небольшие выдержки из статьи упомянутого выше автора, так достовернее: «Живопись, начиная с IX века, выполнялась исключительно темперой — краской, стёртой на яичном желтке. Процесс написания иконы также разделялся на особые этапы, общий принцип которых заключался в последовательном наложении одного слоя краски на другой...

...При таком трепетном отношении к самому технологическому процессу иконописание часто превращалось в некий священный обряд, тайнодействие...».

Но русские мастера, как отмечает упомянутый автор, к высказываниям которого я буду возвращаться, не были слепыми подражателями греков. Творчески переосмысливая, обогащая эти традиции, они обновляли их своим духовным содержанием и, опираясь на приёмы византийцев, выражали новые высоты православного духа.

Великие образцы икон XV-начала XVI веков, созданные замечательными русскими иконописцами: преп. Андреем Рублёвым, Дионисием и их учениками — сделали своё время золотым веком русской иконописи.

В конце XVI–XVII веков возникло новое развитие иконописи.

Так называемая «срогоновская школа» поражала глаз зрителя уже не высоким богословским языком, не духовной силой, как отмечает Игумен Филарет, а яркой национальной самобытностью, тонкостью письма, внешней привлекательностью.

«С реформой Петра I меняется уклад религиозной жизни народа, иконопись, в первую очередь — столичная, теряет свои вековые традиции и принимает западную, католическую ориентацию».

В это время появилось немало характерных для своего времени произведений, в которых заметно снижение художественного уровня.

«К другой группе произведений иконописи принадлежат работы живописцев-академиков: В.А. Боровиковского, О.А. Кипренского, В.А. Тропинина, А.Г. Венецианова. Это иконы высокого художественного уровня, но выполненные представителями реалистической школы, писавшими наравне с религиозными картинами и светские сюжеты. В 1856 г. в Академии художеств был специально создан класс православной ико-

нописи. Выполненные его воспитанниками иконы-картины, а также росписи Исаакиевского собора в Петербурге, Храма Христа Спасителя в Москве, сделанные знаменитыми академиками (К. Брюлловым, Ф. Бруни, П. Семирадским и др.) окончательно утвердили господство в церковном обиходе живописного реалистического направления».

Так со временем утрачиваются традиционные регламентированные приёмы письма икон. Приходит с запада укоренившаяся там техника масляной живописи. Она заменяет тамперу. Вместо дерева чаще начинает использоваться холст.

Фон картин уже не сверкает листовым золотом. Его заменили коричнево-чёрная и синяя краски.

...В провинции, в глухих окраинах России традиционные формы иконописи сохранились, поражая не манерой исполнения, но духовным величием. Яркий пример тому — небольшие сёла Владимиро-Суздальской Руси: Холуй, Мстёра и Палех.

Очевидно, благодаря Григорию Журавлёву к этому ряду можно отнести и Утёвку.

Писание Журавлёвым икон чаще всего на дереве и без позолоты объясняется, видимо, той же причиной, как это было и в сёлах Холуй и Мстёра, да и в других окраинах России: дешёвая икона в крестьянской среде была доступнее. У Григория есть иконы и на золоте...

Оставим специалистам определять стиль и пристрастие в манере писания икон Журавлёвым. Отметим несомненную одухотворённость, которую они излучают.

На главной площади Самары

Весна 2005 года для меня оказалась необычной.

Я заболел и попал в больницу нефтяников, которая расположена на улице Льва Толстого в Самаре. Но не о том речь.

Вскоре стал выходить гулять во двор. В один из дней безотчётно потянуло на улицу, а потом дальше — на площадь Куйбышева. Захотелось простора.

...Шагая по улице Чапаевской, пересёк улицу Красноармейскую, обрадовавшую привычным городским движением, и глазам моим открылось необычное.

Будто небесные заоблачные воздушные парусники-ладьи

заполнили сквер на площади. Белого среди зелёного было так много, что его не заслоняло многоцветье людского потока. Оказывается, здесь открылась фотовыставка Виктора Пылявского, о которой он мне говорил ещё зимой.

Войдя в сквер, я был поражён: с небесных высот на серый асфальт, затоптанный тысячами ног, будто спустились облака-паруса, чтобы, расправив полотнища свои, явить божественную красоту.

С высоты птичьего полёта, в парении Виктор сфотографировал почти все церкви нашей Самарской области. И открылось чудо!..

Зоркой душой он почувствовал необычайную красоту ещё на земле. Преодолев земное притяжение, воспарил, чтобы показать её людям.

Я бывал у него дома. Смотрел некоторые его фотографии. Теперь я видел его работы под ясным куполом неба. Это сильно волновало.

Свежесть красок, ёмкие и точные тексты не отпускали. Очарованный, медленно шёл я от одного удивительного стенда к другому. Я чувствовал себя счастливым ребёнком. О недуге своём забыл. Забыл и о том, что надо вовремя вернуться...

В конце выставочного ряда — новая радостная волна: Утёвский храм Святой Троицы и цветная копия портрета Григория Журавлёва.

Этот портрет нарисовал маслом несколько лет назад по моей настоятельной просьбе заводской художник Николай Колесник.

Не сразу он согласился.

Николай уже пробовал написать копию «Утёвской мадонны». Но вышло тяжеловесно и далёким от манеры утёвского художника.

Кажется, портрет Григория Журавлёва получился удачным. После нашего знакомства в 2004 году Виктор Пылявский сделал несколько фотокопий его. Одну я подарил музею города Нефтегорска, другую — в Утёвский храм Святой Троицы.

Теперь Григорий Журавлёв смотрел на меня знакомым открытым взглядом.

Ликом художника завершал свою чудо-выставку Виктор Пылявский.

Мне, вырвавшемуся из душной больничной палаты, всё было как подарок.

Эта выставка была совсем недалеко от того места, на той же площади, где когда-то стоял Самарский Кафедральный собор во имя Христа Спасителя. И это показалось мне не случайным.

Будто созвонившись, собрались православные храмы сюда на день памяти когда-то самого главного Самарского Кафедрального собора.

Когда выходил из сквера, в будочке увидел журнал отзывов посетителей выставки.

Я раскрыл его.

Сердца писавших были полны удивлением и благодарностью. За каждой записью виделся взволнованный человек. Какая же это радость: знать, что рядом с тобой живёт такой искренний, верный народ. И ты — частичка его!

«Спаси Вас Господи за великий труд! Выставка разбудила покаянное чувство, помогла осознать грех наших предков-разрушителей. Ведь этот грех и на нас!»

Помогла понять высокую роль человека-созидателя на земле, радость от того, что мы живём на такой прекрасной земле, и одновременно — горечь за наше неразумие. Прости нас, Господи!»

Это написала семья Мерниковых из города Самары.

А вот слова самарской учительницы С.Ю. Ивановой:

«Восторг!!! Спасибо за несколько часов счастья! Слёзы льются! Ухожу с выставки, зная точно, что приду ещё раз. Приведу всех своих родных и знакомых.

Наверное, мне трудно теперь будет ставить двойки своим ученикам!»

И такая есть запись:

«Я, Бурлаков Владимир Степанович, 1955 года рождения, уроженец Кинель-Черкасского района. Отслужил в армии двадцать семь лет, шесть лет — на Кавказе.

...Спасибо Вам, что Вы даёте людям чистоту. Мне всегда было обидно за Русь. Я семь лет служил в Венгрии, Прибалтике и видел, как там люди относятся ко всему хорошему, красивому. Мало что рушат, а большие создают.

На Руси выбивали грамотных, трудолюбивых. Осталась

серость, и в настоящее время снова идёт растление народа, особенно молодёжи. Мне обидно за Державу».

Я уже намеревался уходить, когда вдруг мелькнула запись в журнале, всколыхнувшая в памяти немало. Всё время, пока я собираю материал о художнике Журавлёве, мне верилось, что написанная им «Утёвская мадонна» не может исчезнуть бесследно. Не должно такого свершиться!

И вот читаю в журнале отзыв:

«...Мне шестьдесят три года, много пережил и испытал. По профессии журналист, по призванию романтик с верой в прощание Спасителя. Я никогда не видел такой красоты и глубины художественных фоторабот в сочетании с историческим комментарием и исполнением элементов чудес и легенд.

Фантастически чарующая красота!

К сожалению, я только рядовой пенсионер и не могу ничего подарить взамен впечатляющей картины Вашей выставки, кроме благодарности и признательности за Божий дар видеть и передавать увиденное людям. Низко кланяюсь! Храни Вас Господь!

P.S. У моей дочери Лены, кстати, есть одна из работ Журавлёва. Икона Мадонны в крестьянском головном уборе. Он это икону написал, держа кисть зубами. Не знаю её точного названия. Живём мы с ней в Самаре недалеко от места Вашей выставки».

Подписи под текстом не было.

Таинственная «Утёвская мадонна» где-то рядом с нами, в Самаре! Но сокрыта от людей!..

Это показалось мне таким несправедливым делом!

Но настроение не упало. Верилось: если картина у добрых людей, они и поступят по-доброму. И в конце концов она будет радовать нас. Её место — в музее.

Жизнь продолжается. И будут новые обретения!

Какие?

«Жизнь покажет, — успокаивал я себя, — тем она и прекрасна, что несёт в себе неожиданные встречи».

Возвращаясь с площади, я всё думал о Журавлёве и Пылявском, размягчённый и этой встречей, и своим выздоровлением. Невольно вновь удивлялся простой истине: как прекрасен человек, приносящий в этот мир своими делами красоту и добро!

Такой человек никогда не исчезнет в небытие.
Красота и добро бессмертны.

Бескорыстные помощники

Стоит, как и прежде, в Утёвке на улице Самарской под номером восемнадцать дом, в котором жил до конца своих дней художник Григорий Журавлёв.

В последние годы дом внешне изменился. Новые хозяева обложили его снаружи по периметру красным кирпичом, почти что в тон церковным стенам.

Давно уж нет моего деда Ивана. Не стало старика Корнева. Они видели Григория Журавлёва, были его современниками. Нет в живых и Марии Емельяновны Пестимениной.

Увы, теперь просто физически не может быть тех, кто видел живого Журавлёва. Прошло девяносто лет после его смерти. И на нас лежит особая ответственность. То, что знаем, надо сохранить. Не исказить, не переиначить.

Фигура художника настолько самобытна и самостоятельна, что не нужны никакие идеологические и иные костыли. Ни к чему наведение глянца, выдумывание и написание душещипательных сцен из его жизни.

Журавлёв достоин огромного уважения. Но беллетристам не терпится. Множатся вариации описаний жизни художника, в которых допускаются, по незнанию, в спешке, досадные искажения и вымысел.

Тогда как сами документы, факты порой бывают вещью фантастической.

Я так и не побывал повторно в Троице-Сергиевой Лавре и не сделал фотокопию иконы Журавлёва «Лев — папа римский». Но у художника теперь и кроме меня помощников немало.

Работники библиотеки села Зуевка в 2004 году были там и привезли копию этой иконы. Теперь она — в Троицком храме.

А в 2005 году в храме появились ещё три иконы. По утверждению жителей села, они написаны Григорием Журавлёвым.

Это иконы: «Спаситель с предстоящими», «Святитель Николай», «Господь Вседержитель».

Все эти годы шла кропотливая работа.

Продолжается она и теперь.

Ещё 19 ноября 1996 года вышло Постановление администрации Нефтегорского района о выделении 100 тысяч кирпичей на строительство разрушенной когда-то колокольни. В 1997 году был готов проект на её строительство. Его выполнили в Самарской архитектурной академии. Помог в этом Анатолий Карпенко — уроженец села Утёвка. Он оплатил работу и подарил проект Троицкому храму.

Строить колокольню начали только в 2003 году. До этого не было средств.

Завершив к осени кладку, купол поставили в октябре 2004 года. Строили всем миром. Помогали техникой и деньгами местные жители Александр Фёдорович Киселёв, Сергей Александрович Золотарёв. Оказывая финансовую помощь, многое и в организации работ взял на себя директор Нефтегорского агентства поддержки малого предпринимательства и среднего бизнеса житель Утёвки Владимир Иванович Петрушин.

Старые женщины-прихожанки разгружали и подносили кирпич. Носили раствор.

В 2005 году были приобретены в Воронежской фирме «Вера» восемь колоколов.

Самый большой колокол весит 650 кг. На нём в честь утёвского художника сделана надпись «Григорий». На колоколе весом в 200 кг надпись гласит, что сия звонница отлита в память всех, кто жертвовал средства на строительство колокольни и изготовление колоколов.

Николай Матвеевич Киселёв помог сделать ограду вокруг церкви, а житель села Домашка Геннадий Алексеевич Кривопапов приобрёл автомашину УАЗ-452 и подарил её храму. Всех помощников не счесть...

Отреставрирован купол церкви, заменён крест. В 2004 году выкопали и обустроили рядом с церковью колодец. Церковь теперь отапливается двумя газовыми котлами. Появился в храме в 2005 году звонарь Александр Давыдов. Ранее он служил в Тольяттинском мужском монастыре, пел в хоре. Имеет музыкальное образование.

При церкви действует свой крестильный дом. Строили его с 1991 года на свои средства.

Есть теперь и своя гостиница на шесть человек, столовая, библиотека.

Особое слово — о святынях Троицкого храма.

В 1998 году по благословению Высокопреосвященнейшего Николая Митрополита Нижегородского и Арзамаского в храме Святой Троицы помещены для святого поклонения частицы мощей преподобного Серафима Саровского.

С 1999 года в храме перед иконостасом в мощевике находятся частицы мощей всех Оптинских старцев.

Есть частицы мощей Вефлиемских младенцев-мучеников, мощей преподобных Максима Грека, Петра Муромского, Александра Чагринского.

Есть в храме частица камня от Гроба Господня, частица камня от Гроба Божией Матери, камень с горы Синай.

В конце 2006 года установили новый, резной из дерева иконостас. Ширина его — одиннадцать метров, высота — семь.

Теплится в храме неугасимая лампада.

Как и должно быть!

Портрет молодого человека

Этот портрет мне подарили, зная моё увлечение, мои друзья, коллеги по работе: Николай Васильевич Давыдов и Анатолий Андреевич Петряев. Николай Васильевич Давыдов — мой земляк, родился в Утёвке.

Они случайно увидели его в букинистическом магазине в Самаре и поспешили купить.

На портрете изображён молодой человек.

Нарисован он на бумаге карандашом и помещён в раму под стеклом. Размер портрета 35х53 см, внизу в правом углу подпись: «Рисовал с фотографии зубами Григорий Журавлёв».

Кто изображён Журавлёвым и кто владелец портрета, мои коллеги не знали.

Ухватившись за возможность узнать хотя бы что-то дополнительно, хотя бы самую малость о художнике, я отыскал того, кто продал эту вещь. Случилось это осенью 2000 года. Бывшей владелицей картины оказалась женщина преклонных лет, живущая под Самарой в посёлке Кряж. Назвалась она Раисой Петровной Бондаревой.

Ничего нового, к сожалению, в разговоре с ней о Журавлёве я не узнал. Раиса Петровна живёт в квартире городского типа одна. Есть ветхий домишко за Волгой. Там она обитает на природе, «у воды», как она сказала, большую часть года. Поэтому мне и не удавалось довольно долго застать её дома.

Живёт одна, муж недавно умер. На портрете изображён дед мужа по материнской линии.

Муж очень дорожил, судя по её словам, этим портретом. Решилась она продать его только потому, что устала от безденежья. Говорила обо всём скупно, явно опасаясь давать какие-либо подробности. Их у неё, очевидно, много-то и не было.

Имя мужа называть не захотела.

О причинах осторожности нетрудно было догадаться, когда в конце разговора Раиса Петровна обмолвилась, что дед мужа после гражданской войны много скитался по стране. Долго на одном месте не жил. Потом пропал совсем. Как она сказала: «нашли» его. Более определённого что-либо говорить не хотела.

Возможно, ещё одна трагическая судьба русского человека, попавшего в братоубийственный водоворот гражданской войны в нашем Отечестве.

Григорий Журавлёв умер в 1916 году, ясно, что писал он портрет до того, как оглушительные события поделили нас на красных и белых. Под конец разговора она всё-таки назвала того, кто изображён на портрете. По её словам это — Иван Соловьёв. В посёлок Кряж он прибыл в своё время с женой Феодосией Алексеевной из села Кинель-Черкассы.

Уходил я от бывшей владелицы портрета, чувствуя на себе взгляд много повидавшего в жизни человека. И научившегося лишнего не говорить.

Портрет я передал в Нефтегорский краеведческий музей.

Существуют ещё два портрета, выполненных Григорием Журавлёвым, о которых я давно знаю. Пока найти их мне не удалось.

О них писал ещё в 1965 году Данилову бывший житель села Утёвка Михаил Семёнович Тимонтаев:

«...Теперь я познакомлю Вас с этими портретами, они нарисованы карандашом.

Размер 65x45 см.

Сбоку надпись чернилами: рисовал с фотографий зубами Г. Журавлёв.

Я напишу в Москву, может быть, сумеют сфотографировать без меня, на это надеюсь.

В отпуск съезжу в Москву и попробую сделать фото сам».

Чуть выше в этом же письме он пишет о Журавлёве примечательные подробности относительно его рук и ног. О том, как Григорий Журавлёв передвигался:

«Я видел его, когда мне было лет 11, видел, как он рисовал. Ног у него не было до половины голеней, ходил он на коленях, где были подвязаны какие-то мягкие кожаные подушки. А вот про руки ничего не могу вспомнить, знаю, что их не было».

Фамилия владелицы, проживающей в Москве, указана: Ольга Евгеньевна Шамина. Адрес написан неразборчиво.

Вероятно, Ольга Евгеньевна — бывшая жительница села Утёвка. Шамины жили в Утёвке. В селе есть озеро Шамино.

Изображённые на портретах люди, возможно — её родственники.

День памяти художника

Много лет назад, собирая по малым крупицам материал о Журавлёве, я был крайне удручён скудостью документальной информации о художнике. И рукопись свою тогда назвал «На пепелище». Слишком, как мне казалось, многое из совершённого Журавлёвым было утеряно. И, возможно, безвозвратно...

Под таким названием повесть и вышла в свет в одном из моих прозаических сборников.

Но душа протестовала. Не хотелось верить в утраты.

Я и тогда, делая записи, ловил себя на мысли, что где-то когда-то появится человек, немного удачливее, чем я, и ему повезёт больше, чем мне.

Позже, во всех последующих изданиях, повесть мою я стал называть «Радостная встреча».

И не ошибся... Находки продолжают...

В конце 2005 года обнаружилась копия справки о смерти художника. Скорее всего, она из бывшего архива К.Е. Данилова.

Её передала утёвскому краеведу, истинному патриоту свое-

го края школьному учителю Анатолию Плаксину его бывшая ученица. Мы с ним посоветовались и решили, что её место в Нефтегорском районном детском музее. Справка с той поры хранится там.

Теперь мы точно знаем дату смерти Григория Журавлёва — 15 февраля 1916 года. Копия «Записи акта о смерти» под номером шесть заверена заведующей бюро ЗАГСа.

Точную дату рождения Григория Николаевича Журавлёва, к сожалению, пока документально мне установить не удалось. Можно думать, что она не была документально известна и К.Е. Данилову, который пишет, что умер художник в возрасте 57 лет. Неутомимый Кузьма Емельянович Данилов активно занимался установлением фамилий, дат рождений и смерти своих земляков.

Одним из самых старейших населённых пунктов Нефтегорского района является Красносамарская крепость, которая была основана в 1736 году в системе «Самарская укрепленная линия». Одновременно с основанием крепости была построена и церковь.

«Первое время жители сёл Покровка, Утёвка и других, расположенных вблизи Красносамарской крепости, были приписаны для отправления религиозных обрядов к церкви этой крепости... В этой церкви крестили новорождённых, бракосочетались и совершали религиозные обряды над умершими».

Так пишет Кузьма Емельянович в письме на имя заведующего Куйбышевским областным архивом ЗАГСа Трофимова. Далее он просит сообщить сведения о земляках с указанием имён и отчеств, возраста, дат рождения, смерти и так далее.

Существует интересный документ. Это записанные Кузьмой Емельяновичем воспоминания жителя Утёвки Спиридона Васильевича Трайкина о Григории Николаевиче Журавлёве. Они датированы 2 июня 1961 года.

В этих воспоминаниях Спиридон Васильевич отмечает: «Григорий старше меня более чем на 20 лет».

Тут же Данилов пишет, что Спиридон Васильевич родился примерно в 1880 году.

Может быть, сопоставление даты рождения (1880 год) Спиридона и его возраста (моложе Григория не более чем на 20 лет) и дало возможность краеведу определить возраст Григория Журавлёва.¹

Считается, что родился художник в 1858 году.

Уникальны следующие строки воспоминаний Трайкина:

«...В то время, когда родился Гриша явным уродом, мать очень плакала и хотела на себя от великого горя наложить руки, вместе с собой умертвить и Гришу, но Трайкин Пётр Васильевич, мой дедушка и отец матери Гриши, доказал вредность замысла своей дочери и матери Гриши. Он говорил ей, что Гришу будет растить сам и возьмёт его на своё обеспечение. Так он и сделал. Когда Грише стало 9 лет, дедушка Пётр устроил его в школу. До школы и из школы он возил Гришу в зимнюю пору на салазках в течение двух учебных лет, после чего дедушка Пётр умер и на этом закончилось учение в школе, так как некому было Гришу возить в школу.

Однако Григорий Николаевич не прекратил своего образования. Он стал учиться на дому самостоятельно. Помогал ему в этом учитель земской школы, фамилию, имя, отчество этого учителя² я не помню».

Спиридон Васильевич вспоминает, что Григорий «особо хорошо писал печатно по-славянски... Он хлопал кнутом лучше, чем отдельные люди, имеющие руки. Хлопая кнутом, брал кнутовище в зубы. Сам закуривал, пил из стакана или кружки воду».

И далее: «Григорий Николаевич имел большую голову, высокий и широкий лоб, серые большие глаза...»

Итак, из этих воспоминаний ясно, что мать Григория — это дочь Петра Васильевича Трайкина. Теперь мы знаем, что мать художника носила до замужества фамилию Трайкина. Возможно, когда-нибудь узнаем и имя её!

¹ Отметим, что газета «Самарские губернские ведомости» в январе 1885 г. писала о Журавлёве: «...имеющий в настоящее время около 25 лет от роду...».

² Очевидно, имеется в виду учитель Троицкий. Эту фамилию мне называл при нашей встрече и старик Николай Фёдорович Корнев, знавший Григория Журавлёва.

Знание точной даты смерти подтолкнуло земляков Журавлёва провести день памяти художника.

В конце февраля 2006 года в зале Утёвского Дома культуры собрались почитатели таланта Григория Журавлёва.

Мог ли я в своё время, даже в восьмидесятых, представить такое?.. Тогда воинствующий атеизм слабел, но не уступал до рогу...

Делегацию руководства района возглавил глава администрации Сергей Николаевич Афанасьев, утёвский земляк художника и горячий его поклонник. День памяти был печальным, но светлым.

И осветила его особенная находка.

О ней рассказал житель Утёвки Владимир Иванович Петрушин.

То, что в Кошках есть альбом или книга с рисунками Григория Журавлёва, известно было давно.

Но Владимиру Ивановичу удалось эту книгу, которая называется «Ветхий Завет в картинках», вернуть в Утёвку. В этом его заслуга.

То, что она принадлежала Григорию Журавлёву, свидетельствует золотое тиснение на кожаном корешке: «Г. Журавлёв».

На вопросы, кем, где и когда сделано это тиснение, пока ответа нет. Но, возможно, и это нам станет со временем доступно. Не была ли она выполнена в иконно-столярной мастерской Журавлёва в Утёвке? Ведь у художника был опыт работы и с золотом.

Можно полагать, что книга была подарена ему царской семьёй. Но пока документального свидетельства тому нет.

...В тот вечер, с понятной всем радостью, мой земляк делился подробностями от поездки в Кошки.

Вот что он потом напишет в своей книге «Главное русло судьбы»:

«Книга эта много лет хранилась в витрине школьного музея села Старая Кармала Кошкинского района нашей области... Передала её туда Валентина Ивановна Китаева¹.

...Книгу «Ветхий Завет в картинках» привёз в Старую Кармалу художник, который в начале двадцатого века расписывал здесь церковь. Имени художника в селе никто не знает.

¹ Запись рассказа В.И. Китаевой находится в музее.

От него, видимо, эта книга попала в дом деда Валентины Ивановны Анисима Китаева. Он был человеком набожным, вместе с семьёй служил в церкви и даже был похоронен возле её стен».

Далее автор приводит отрывки из переписки директора Невтегорской централизованной библиотечной системы С.В. Митрофановой с сотрудником Российской Национальной библиотеки (С.-Петербург) Евгением Кирилловичем Соколинским:

«15 марта 2004 года.

Уважаемая Светлана Владимировна! К сожалению, должен Вас разочаровать. Я сравнил присланные Вами гравюры (копии) с экземпляром имеющейся у нас книги «Ветхий Завет в картинках» (СПб.: Ф. Прянишников и А. Сапожников, 1846) и убедился, что это та самая книга, только у Вас дефектный экземпляр, без 12 страниц текста. Книга была подготовлена членами Общества поощрения художников. Рисунки Агина, гравюры на меди выполнил Афанасьев. Книга с посвящением герцогу Максимилиану Лейхтенбергскому. Рисунки выполнены в манере «очерка», требуют твёрдой руки и безруким художником написаны быть не могли.

Вероятно, Журавлёв пользовался ими при создании собственных икон в качестве образца...».

Становится ясным, что Журавлёв не был автором уникальной книги.

В другом письме, от 18 марта 2004 года, сотрудник института пишет, что тот экземпляр, который находится у них, содержит 12 страниц текста и 82 листа гравюр. У вернувшейся в Утёвку книги на обратной стороне многих листов когда-то прекрасной по качеству бумаги — карандашные рисунки, наброски ликов Божьей Матери, Христа...

Рисунки завораживают, трудно отвести взгляд...

Все ли они принадлежат кисти Журавлёва или тут потрудились и его ученики?¹ Не будем гадать...

¹ Сохранились два письма Кузьмы Емельяновича Данилова Василию Григорьевичу Попову, которого он называл учеником Журавлёва, с просьбой поделиться воспоминаниями о художнике. К сожалению, адрес Попова утерян. Заметим, что Василия Попова называл учеником Г. Журавлёва и Иван Харитонович Чекунов — один из тех, с кем переписывался К.Е. Данилов. Также в этом письме краевед просит сообщить, где живёт

Возвратил нефтегорцам эту дорогую им реликвию местный бизнесмен Владимир Иванович Петрушин. Это ли не обнадёживающая примета нашего времени? Предприниматель пишет об истории своего района добрую книгу «Главное русло судьбы», проникнутую сыновней любовью к родному краю, а бывший, воистину народный учитель средней школы Анатолий Васильевич Плаксин, радуется не только односельчан, а многих любителей истории, своей написанной совместно с Павлом Фёдоровичем Кузнецовым книгой «Древности Нефтегорского района» — результатом изучения археологических памятников района. Книга помогает восстановить основные вехи древней и средневековой истории Поволжья. Стоит радоваться за моих земляков.

Рассказ об обнаруженных карандашных рисунках Владимир Иванович Петрушин поместил в главке, которую назвал «Последняя находка». Это не совсем точно. Нам многое ещё предстоит узнать о нашем земляке. Конец 2006 года принёс новые встречи, а с ними — и новые находки.

Но об этом чуть позже...

Художник и губернатор

«...Однажды Свербеев раздобыл где-то безрукого и безногого живописца. Этот обрубок писал ему иконы, держа кисть в зубах. И вот губернатор вздумал подарить реальному училищу одно из произведений этого «художника» — икону «святых» Кирилла и Мефодия, специальностью которых считалось обучение и воспитание юношества. Эта икона с крупной надписью золотыми буквами «сия икона писана зубами» была поставлена на видном месте в актовом зале реального училища. Школьники, к величайшему конфузу учителей и директора, собрались толпами перед иконой и издевательски спрашивали начальство:

Михаил Хмелёв или его жена. Хмелёва он называет в письме тоже учеником иконописца. Кроме того, говорит о том, что у Хмелёва, по рассказам, после смерти утёвского художника «осталось кое-что из трудов нашего земляка Журавлёва». Может, книгу «Ветхий Завет в картинках» в Старую Кармалу привёз Михаил Хмелёв?

— Как же это можно написать икону не кистью, а зубами?

Свербеев, разъезжая по губернии, прежде всего являлся в церковь. Здесь он «прикладывался» ко всем иконам. Если они были поставлены на иконостасе высоко, ему подавали лесенку, а иконам, недосыгаемым и при помощи лестницы, он посылал лобзания через свою трость.

Этот полоумный старик только по внешности был добродушен, в действительности же был злым, мстительным царским сатрапом».

Это строки из книги «Революционная Самара 80-90-х годов» старого большевика, соратника Ленина Матвея Ивановича Семёнова (Блан). Книга издана в 1940 году.¹

В своё время Семёнов за издание нелегальных прокламаций был выслан из Самары в Бугульму. Вернувшись в 1889 году в Самару, он познакомился с Лениным, под влиянием которого порвал с народничеством и стал на позиции марксизма.

Семёнов был одним из организаторов газет «Волна» и «Поволжская газета», в которых печатался под псевдонимом М. Блан.

После революции М.И. Семёнов работал комиссаром финансов, председателем страхового отдела ВСНХ, начальником Госстраха, в Госплане СССР.

Участвуя в съёмках фильма, заново переживая судьбу художника, я, может быть, впервые глубоко для себя осознал важность «тихого» мужества и мужества в искусстве Григория Журавлёва, которые так теперь необходимы нам.

...Если бы я и знал о существовании этих строк революционера Семёнова о Журавлёве и губернаторе Свербееве тогда, в конце восьмидесятых годов, вряд ли решился бы внести их в текст первой своей книги о художнике.

Слишком эти слова жестоки.

¹ Впервые об этой книге воспоминаний я услышал, участвуя в съёмках документального фильма «Григорий Журавлёв» от заместителя главного редактора Самарской телерадиокомпании РИО Александра Викторовича Игнашова. Чуть позже – от президента этой компании Виктора Аркадьевича Добрусина. Фильм о Журавлёве снимался осенью прошлого, 2006 года. Оператор Сергей Шарганов и режиссёр Дмитрий Ионов уже смонтировали его и в начале этого года он должен появиться на экранах областного телевидения.

Теперь в большей степени понятна причина долгого забвения, в котором оказалось имя Григория Журавлёва.

У существовавшей тогда власти было своё отношение к таким людям конкретно и к Православию вообще.

Вот ещё одно свидетельство тому. Строки, которые я привожу, взяты из книги «Подвижники Самарской земли» авторов-составителей Игоря Макарова и Антона Жоголева издательства «Кредо». В них идёт речь о судьбе Преосвященного Владимира, который был в 1918 году расстрелян большевиками первым из русских православных архиереев (об этом я писал ранее, в первой части книги в главке «Незаживающая рана»):

«Во время голода в Самаре он (Преосвященный Владимир — *прим. автора*) учредил епархиальный комитет для сбора и раздачи пожертвований пострадавшим, сделал предписание об отчислении процентов из церковных наличных сумм, при всех монастырях и церквях приказал устроить столовые и чайные. В бездожде 1891 года архиерей учредил крестные ходы, причём трудился сам больше всех, а когда начались дожди, он призвал свою паству обратиться к Господу с благодарственной молитвой.

Самарский владыка не жалел сил и средств, чтобы спасти умирающих от голода. И в это же время в Самаре молодой помощник присяжного поверенного Владимир Ульянов всеми силами «разлагал» созданные им комитеты помощи голодающим. Они были рядом в те годы. Епископ и революционер. Один спасал и кормил, другой «имел мужество открыто заявить, что последствия голода, этого могильщика буржуазного строя, — явление прогрессивное, ибо содействует росту индустрии и двигает нас к нашей конечной цели — к социализму, через капитализм... Голод, разрушая крестьянское хозяйство, одновременно разбивает веру не только в царя, но и в Бога, и со временем толкнёт крестьянина на путь революции и облегчит победу революции». Этого факта достаточно, чтобы понять, что «кровавую баню» народу нашему этот «безусый» тогда ещё вождь готовил сознательно... Но в той, первой схватке владыка Владимир всё-таки победил: «Все как один человек, по свойству русской души откликнулись на нужды пострадавших от неурожая. Пожертвования посыпались с разных сторон». Только в Самаре было собрано 26 тысяч пудов продовольствия.

Потом их пути разминулись. Но, видимо, «вождь пролетариата» не забыл своего самарского противника: зверское убийство митрополита Владимира, по замыслу «интернационалистов», стало «сигнальной ракетой», началом физического уничтожения цвета Русской Православной Церкви. Всё это можно было предвидеть ещё тогда, в голодный 1891 год. Ведь ещё в Самаре будущий «вождь» спокойно сказал, что с комитетом помощи голодающим «есть только один способ разговора: рукой за горло и коленкой в грудь». Так всё и случилось.

За одним бедствием Самару ждало другое. На опустошённую неурожаем губернию надвигалась с юга холерная эпидемия.

Епископ Владимир на холерном кладбище сам служил панихиды, на видных местах и площадях города устраивал молебны об избавлении от беды. Владыка своим пастырским словом убеждал население города не падать духом и пользоваться врачебной помощью. Нередко, несмотря на опасность, он посещал безнадежно больных в городских госпиталях.

Преосвященный Владимир способствовал учреждению в Самаре православного епархиального Братства, избравшего святителя Алексия своим небесным покровителем. В день открытия Братства, 12 февраля 1892 года, епископ Владимир так определил его главную цель: нравственное совершенствование и воспитание в людях сострадания и взаимной любви.

В то время, когда его расстреляли, в Москве проходил Поместный Собор Всероссийской Православной Церкви. Весть о мученической кончине старейшего иерарха потрясла всех членов Собора.

Собор постановил творить ежегодное молитвенное поминовение всех усопших во время гонений исповедников и мучеников в день кончины святителя — 25 января.

В 1992 году решением Архиерейского Собора Русской Православной Церкви митрополит Владимир был причислен к лику святых».

...Мы теперь больше стали знать.

Приведённая цитата помогает полнее понять, с какими зигзагами развивалось наше самосознание.

Итак, обнаружить дополнительные сведения, касающиеся Григория Журавлёва, можно было в документах о деятельно-

сти Самарского губернатора А.Д. Свербеева, раз он так опекал художника, помогал ему и был истинным верующим. Мне подумалось, что хорошо бы прочесть всё то, что писал М.И. Семёнов.

И тут мне стало известно от главного библиографа Самарской областной библиотеки, нашего замечательного земляка Александра Никифоровича Завального, что существовали дневники губернатора Свербеева. В них он вёл записи для себя, не стремясь их опубликовать.

Записки охватывали период с 1877-го по 1888 год. А самарским губернатором он был с 1878-го по 1891-й.

Икону славянских первоучителей Кирилла и Мефодия Григорий Журавлёв написал в июне 1885 года. К тому же, как теперь известно, икона св. Алексия, митрополита Московского, была написана художником по поручению губернатора А.Д. Свербеева.

Всё сходилось к тому, что в дневниках могли быть записи о художнике Журавлёве и его иконах.

Я воспрянул духом!

Надо было искать дневники губернатора!

И уж не до революционера Семёнова мне стало, не до его книг!

Не мог, как я полагал, не откликнуться в своих записках губернатор и на страшные события, связанные с крушением царского поезда, следовавшего из Севастополя в Санкт-Петербург 17 октября 1888 года.

Тогда погибли 23 человека и получили ранения девятнадцать. Царь Александр II и все члены его семьи чудом уцелели.

В память о чудесном спасении императорской семьи из разных концов России поступали подарки.

Самарские дворяне заказали икону для поднесения императорской семье Журавлёву, о чём свидетельствуют документы, хранящиеся в Государственном архиве Самарской области.

Указана и сумма, выплаченная Григорию Журавлёву за написание иконы, — 50 руб.

И эти события, как я полагал, губернатор Свербеев мог упомянуть в своих дневниках.

Дневники губернатора Свербеева

Я позвонил Александру Никифоровичу Завальному и поделился с ним своими замыслами. Он тут же пригласил к себе, пообещав во всём помочь.

И вот я в областной библиотеке.

Александр Никифорович не только поддержал моё желание посмотреть дневники губернатора, но и дал справку о Свербееве. Как историк он немало знал о нём.

Тут же, в ходе обсуждения моих планов, он назвал место, где находятся дневники: РГАЛИ (бывший ЦГАЛИ) — Российский государственный архив литературы и искусства. Тот самый ЦГАЛИ, в котором хранятся многие документы, касающиеся известных писателей, поэтов, деятелей искусства.

Мы связались по телефону, работники архива нам ответили, что можно приезжать.

Через три дня я был в Москве.

Архив губернатора Свербеева меня ошеломил. Другого слова не подберу. Как мало мы знаем о жизни наших предшественников!

Как порой бездумно с мнимой высоты современной жизни смотрим на прошлое. Но там жизнь была... И какая!

Вначале я читал бессистемно. Не мог успокоиться.

«Каким мы знали князя П.Д. Волконского в ранней юности, таким остался он и теперь, в пожилых годах, после стольких переживаний, впечатлений, радостных и тяжёлых, и нельзя не удивляться, что милый его нрав совсем не изменился, что он так же добр и скромен, и относится ко всем людям всякого звания и положения с неизменным благоволением и сердечным сочувствием. Такое постоянство и такая доброта свидетельствуют о том, что душа его полна любви к ближнему и сердце его побуждает его помогать всякому во всяком месте и случае, сохраняя великую скромность, несмотря на своё знатное происхождение и высокое общественное положение».¹

¹ РГАЛИ. Ф. 472. Оп. 1. Д. 105.

Это выдержка из записок А.Д. Свербеева «Чутовская хроника»¹ 1916 года. Разве пишущий такие строки мог быть сатрапом, как назвал его революционер Семёнов?

Так писал человек в последний год своей жизни для себя. Даже не намереваясь ничего печатать.

Он тихо радовался, что есть рядом такой человек. Мог ли он сам быть ничтожным и недобрым, говоря такие слова о других? Так каким же был десятый по счёту губернатор Самары Александр Дмитриевич Свербеев?

Необычным!

Это первое определение, которое мне тогда пришло на ум.

Удивил объём архива губернатора.

На материалы фонда составлена опись, включающая 769 дел (единиц хранения).

Александр Дмитриевич Свербеев принадлежал к старинному московскому дворянскому роду. Его отец Свербеев Дмитрий Николаевич — литератор, автор воспоминаний о событиях и общественно-литературных деятелях первой половины XIX века. Его «Записки» опубликованы в 1899 г. В разделе рукописей Д.Н. Свербеева содержатся его статьи и заметки «Поездка в Серпухов», «О статьях в газете», «Вести» и др. Среди его адресатов — К.С. Аксаков, Л.С. Норов, В.Ф. Одоевский. Ему писали: П.А. Вяземский, Л.С. Норов, К.С. Аксаков, С.А. Юрьева и др.

Мать Александра Дмитриевича (урождённая княгиня Щербатова) была хозяйкой известного в середине XIX века московского литературного салона. Среди корреспондентов Е.Д. Свербеевой: К.С. Аксаков, И.С. Аксаков, С.Г. Волконская, Н.И. Тургенев, Н.В. Гоголь, В.А. Сологуб.

Александр Дмитриевич Свербеев родился в 1835 году в Москве. В 1856 году окончил Московский государственный университет. Он слушал лекции таких историков, как С.М. Соловьёв, Т.Н. Грановский. В архиве имеются его записи лекций Грановского по древней истории, а также его (Свербеева) очерки и статьи: «Нашествие татар на русскую землю», «Битва при Калке, 1224 г.», «О пользе истории» и др. Хранятся студенче-

¹ Село Чутово на Полтавщине.

ский билет, указы и уведомления о наградах и служебных назначениях и др.

Служба Александра Дмитриевича началась 11 октября 1856 г. по ведомству министерства внутренних дел. В марте 1871 года он стал действительным статским советником.

Назначение на губернаторскую должность в Самару он получил 23 октября 1878 года и прослужил в этом качестве, как я уже писал, до 1891 г., затем был назначен сенатором. Утвердил нового губернатора в должности министр внутренних дел А.Е. Тимашев.

Брат губернатора Свербеева, Фёдор Дмитриевич, был камергером Двора Его Императорского Величества и курляндским губернатором.

Из материалов архива видно, что самарский губернатор много внимания уделял народному просвещению. Он сам составил описание школ, большинство из которых посетил лично.

Организовал борьбу с эпидемиями, посещал больницы. В период его правления активно развивается промышленность. Были построены в 1879-1881 гг. пивоваренный завод А.Ф. фон-Вакано и механический завод П.М. Журавлёва (станкозавод).

Как губернатор Свербеев принимал все возможные меры для прекращения революционной деятельности. На период его службы в Самарской губернии пришлось меры по подавлению революционной деятельности народников. Был он, несомненно, «просвещённым консерватором».

Есть достаточно свидетельств, что губернатор Свербеев внимательно относился к поступающим на его имя жалобам.

По его указаниям проверялись критические выступления газет. Он являлся председателем Окружного Правления Общества спасения на водах, был председателем правления Самарского общества любителей музыкального и драматического искусства. При его правлении в Самарской губернии было построено несколько церквей.

Он честно, с его точки зрения, исполнял свой долг, сочетая в себе преданность самодержавию и неприятие революционного движения. О нём говорили как об администраторе с широким размахом деятельности, свободным от постороннего влияния человеком.

По свидетельству современников, губернатор был искрен-

ним почитателем самарского епископа Серафима (1878-1891), который говорил о себе: «Ни на какое дело я не напрашивался, но и ни от какого поручаемого мне дела я не отказывался».

Так что на сатрапа, то есть деспота, самодура, управляющего по собственному произволу, губернатор Свербеев похож не был, как бы о том ни писал революционер Семёнов.

В разделе рукописей архива десятого губернатора Самары значительное место как по количеству, так и по ценности занимают дневники. Их он вёл регулярно. Как нам теперь известно, ещё не будучи в Самаре, с 1877 года.

Мне более всего была интересна та часть записей, которая охватывала период управления им Самарской губернией.

Я насчитал в архиве 23 дневника губернатора. Они относятся к периоду, начиная с декабря 1877 года и кончая 1916 годом. Скончался их автор в 1917 году. Каждый дневник содержит от 40 до 240 страниц мелкого почерка.

Колоссальный труд. Записи делались, как правило, каждый день вечером.

Он называл их «Мои заметки».

Материалы в архиве подлинные.

Записки практически охватывают все стороны жизни Самарской губернии. В этом их несомненная ценность. И они являлись как бы подведением итогов каждого прожитого дня. Дневник губернатора — результат поездок его по волостям. Живой источник для исследования жизни предреволюционной России!

Однако я оказался не в состоянии всё внимательно прочесть. Очень мелкий трудночитаемый почерк и моё слабое зрение не позволили мне этого сделать. В конце концов, я начал смотреть выборочно по датам, затем — наугад...

...Наконец-то я порадовался, наткнувшись на рукопись воспоминаний «На берегах Волги». Самара (1878-1891)». Текст записок написан крупно, разборчиво, в отличие от дневников. Подумалось, что уж здесь-то о моём земляке-художнике что-то будет сказано.

...Так хотелось найти документальные сведения о самых неосвещённых периодах жизни художника. О том времени, когда он учился в Самарской гимназии, ездил (его возили) в

Петербург. Когда встречался с императором Николаем II, императрицей Александрой Фёдоровной и их детьми: Ольгой, Татьяной, Марией, Анастасией и цесаревичем Алексеем, коли он писал портрет царской семьи.

Увы...

Быстро я прочитал девять страниц и на десятой споткнулся о неожиданное:

«В марте нынешнего года (1916) мне сообщил мой племянник князь Н.В. Голицын, что недавно в Академии Наук было сделано пожертвование, а именно — моих записок с приложенными в них документами; тогда я приказал принести тот чемодан, в котором эти заметки хранились, и нашёл в нём только тетради; оказалось, что остальные были похищены и проданы старьёвщику одним из прежних моих слуг...

Похищение это лишило меня всех собранных мною подробностей, которые были бы мне теперь особенно полезны».

Далее Александр Дмитриевич пишет, что хранил свой архив в спальне, но, когда заболел, прислуга вынесла всё оттуда в коридор. Так стало возможно похищение.

В ЦГАЛИ записки появились уже много позже его смерти. Таким образом, написать обстоятельные воспоминания о годах, проведённых на Волге, основанные на давних своих записках, губернатору помешала кража и последующая его смерть.

Но у меня всё же не пропала уверенность, что в дневниках имя художника должно было упоминаться.

Неделю я провёл за кропотливым чтением торопливых строчек. Но всё безрезультатно.

Зато наступил день, когда я обнаружил неожиданные находки.

Да какие!

Письма Журавлёва к самарскому губернатору и к будущему царю Николаю Второму.

Речь о них — в следующей главе.

Письма Григория Журавлёва

Мне довелось обнаружить в архиве бывшего губернатора Свербеева четыре письма художника. Кратко скажу о них в хронологическом порядке.

В первом письме¹ к губернатору, датированном 29 декабря 1880 года, Григорий Николаевич пишет:

«В проезд Вашего Превосходительства через село Утёвку, Вы, вникая в благосостояние жителей села, не упустили из виду обратить внимание и на отдельных лиц общества, то есть на беспомощных, а в числе их коснулись и моего положения, как человека без рук, явившегося на свет Божий.

Ныне господин Бузулукский исправник предписанием от 24 декабря через Утёвское Волостное правление объявил мне милость исходатайствованную Вашим Превосходительством в Самарском губернском собрании о назначении мне месячного пособия в размере 6 р.с. Да будет счастлива и светла жизнь Вашего превосходительства. Благодарю так же от души и тех, неизвестных мне благотворителей, которые согласились оказать мне эту драгоценную милость...».

Вполне понятно чувство благодарности, которое испытывал сельский художник за проявленную материальную поддержку.

Было-то ему в то время всего около двадцати двух лет.

Приведу содержание второго письма², озаглавленного:

*«Его Превосходительству г. Начальнику
Самарскому Губернатору
Прошение».*

В этом письме Григорий Журавлёв просит принять иконы, которые он выполнил по указанию губернатора. Дан перечень икон (сохраняю правописание автора):

- «1. Икона Святого благов. вел. Князя Александра Невского.*
- 2. Икона святителя Николая. И 2 иконы: Покрова Пр. Бог.».*

Далее он просит дать указание Г. Наумову выдать деньги, которые тот ему обещал за иконы Спасителя и Казанской Пр. Богородицы.

Деньги просит передать своему родителю, которому вручил доверенность.

Под текстом письма значится: *«Село Утёвка. 1883 года января 22 дня».*

¹ РГАЛИ. Ф. 472. Оп. 1. Д 210.

² РГАЛИ. Ф. 472. Оп. 1. Д 528.

Итак, в письме названы шесть икон поимённо, которые выполнил лично он, Григорий Журавлёв.

Третье письмо¹ художника короткое, но ёмкое. В нём идёт речь сразу о семи иконах.

*«Его Превосходительству
г. Начальнику Самарскому Губернатору*

Покорно прошу ваше превосходительство принять иконы, которые вы просили меня, Журавлёва, выполнить к 10 июня. Название икон.

- 1. Спасителя Нерукотворного. На золоте.*
- 2. Спасителя Николая. На золоте.*
- 3. Спасителя Нерукотворного. На золоте.*
- 4. Святителя Николая. На золоте.*
- 5. Св. Василия Великаго. На золоте.*
- 6. Св. Мучен. Евграфа. Декабря 10 дня.*
- 7. Св. Мученицы Любви. Сентября 17 дня.*

При отпущении написанных мною икон Расписался:

*Григорий Журавлёв.
с. Утёвка 7 июня 1884 года».*

Итак, из этого письма теперь мы доподлинно знаем ещё о нескольких работах иконописца². Причём большая половина из них выполнена мастером на золоте.

Имея опыт работы с золотом, Григорий Журавлёв и его помощники вполне могли сделать тиснение золотом на книге «Ветхий Завет в картинках» в своей мастерской.

Оставим уточнение этого вопроса специалистам.

И, наконец, четвёртое письмо.

Оно адресовано будущему императору:

¹ РГАЛИ. Ф. 472. Оп. 1. Д 528.

² Кроме того, есть сведения (мною пока лично не проверенные), что в Санкт-Петербурге в Музее истории религии и атеизма хранилась икона «Избранные святые». Размер её 45x44 см. Написана Журавлёвым. На тыльной стороне доски надпись указывает имя автора и способ изготовления иконы. В Музее изобразительных искусств хранится икона Вседержителя. Её автор Г. Журавлёв, о чём свидетельствует надпись на ней. Об этих двух иконах сообщал в своё время журналист Е. Девиков. Нам придётся ещё отыскать упомянутую когда-то в Епархиальных ведомостях икону, написанную Григорием Журавлёвым для Кафедрального собора Самары. Название её: «Огненное вознесение Илии-Пророка». О ней также упоминал Е. Девиков.

«Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу.

Ваше Императорское Высочество, покорнейше и усердно прошу Ваше Императорское Высочество, что я, крестьянин Самарской губернии Бузулукского уезда с Утёвка Григорий Журавлёв от всего моего сердца желаю поднести Вашему Императорскому Высочеству икону — Святителя и Чудотворца Николая, которую я написал ртом, а не руками по той причине, что от своей природы не имею силы и движения в руках и ногах своих.

Ваше Императорское Высочество, покорно прошу Вашего Высочайшего Имени принять сию икону, которую я подношу к Вашему Императорскому Высочеству от всей моей души и любви.

Ваше Императорское Высочество!

Покорнейше прошу Вас допустить препровождаемую сию икону до Вашего Высочайшего Имени потому, что я не имею у себя рук и ног.

И написал сию икону по вразумлению Всемогущего Бога, который допустил меня на Свет Божий. И даровал мне дар. Потом открылось движение моего рта, которым я управляю своё мастерство по повелению Божию».¹

Письмо отличается от предыдущих трёх.

Оно без подписи Журавлёва. Даты под письмом нет. Написано на одном листе (на обеих сторонах его) карандашом. Почерк более размашистый, несколько отличается от писем, написанных чернилами.

Сомнений в подлинности письма нет. Другое дело, что это может быть какой-то промежуточный вариант.

Что думал Григорий, посылая икону Николая Чудотворца цесаревичу? Непростое было время!..

Зверское, шестое покушение на Александра Второго.

Дьявольская охота на Александра Третьего...

Дарил ли художник икону с верой, что святой Николай Чудотворец укрепит дух будущего императора и облегчит тяжесть его креста?

Скорее всего, да!

¹ РГАЛИ. Ф. 472. Оп. 1. Д. 528

Итак, в письмах упоминается отец художника Николай Журавлёв, который доставлял иконы сына в Самару.

Теперь мы можем назвать, кроме известных ранее, ещё имена тех, кто помогал Григорию Журавлёву.

В детстве — это его дед Пётр Васильевич Трайкин, позже, когда художник трудился в своей мастерской над иконами, кроме брата Афанасия, его отец Николай Журавлёв и, возможно, ученики, которых упоминает в своём письме Кузьма Емельянович Данилов: Михаил Хмелёв и Василий Попов.

Может быть, прочитав эти записки, родственники учеников иконописца откликнутся?!

У могилы Журавлёва

Теперь в Нефтегорском районе действуют несколько приходов: во имя Святой Великомученицы Варвары (город Нефтегорск), в честь Святой Троицы (с. Утёвка), в честь Покрова Пресвятой Богородицы (с. Бариновка), во имя Святого Дмитрия Солунского (с. Богдановка), во имя Архангела Божия Михаила (с. Зуевка), в честь Покрова Пресвятой Богородицы (с. Покровка).

Могила Григория Журавлёва стала одним из особо почитаемых паломниками мест.

Но беспокойно на душе...

Куда деться от чувства брошенности, непрочности нынешней жизни, обвала времени? Необъятная наша русская окраина держит уже которое по счёту испытание на выживание, на самоспасение. Предоставлена самой себе.

Ещё совсем недавно по историческим меркам наша великая литература, школа, институты формировали в нас целостные идеалы. Теперь душа взрослого россиянина рвётся на части. Дома ему говорят одно, в школе — другое, пресса и телевидение — третье. На улице — свои законы...

Сохранить человека!

Но куда прибиться душе?..

Душа обязана трудиться! Если человек приходит в храм и ставит свечку только ради того, чтобы где-то там что-то за него работало, устроило его дела, ему далеко до спасения души.

Невольно вспоминаются времена, когда в России в самые её тяжкие периоды государство обращалось к Церкви. Стучалось в её двери.

Так было в период монголо-татарского ига, в смутное время начала XVII века.

Кутузов накануне Бородинской битвы молился перед Казанской иконой Божией Матери.

Сталин в военные годы был вынужден прекратить гонение на Церковь. Об этом большинство из нас знают.

Но мы не учимся у своей истории.

В современной России наступил не менее трагический период её жизни.

Как важен сейчас духовный стержень! Как необходим он для подрастающего поколения. Перестройка, обрушив социалистический строй, породила отсутствие благих целей и смыслов воспитания. Государство до сих пор не может понять, какой гражданин ей теперь нужен.

Недавно я вернулся из Москвы. Был участником X Всемирного русского народного Собора, который приступил к своей работе 4 апреля 2006 г. в зале церковных соборов Храма Христа Спасителя. Тема его — Вера. Человек. Земля. Миссия России в XXI веке». Не первый раз я участвую в работе Собора. Но этот — особенный. После молитвы со вступительным словом к присутствующим обратился Святейший патриарх Московский и всея Руси Алексий II.

С докладом, обозначившим основные болевые точки соблюдения прав человека в глобальном мире, выступил митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл, который, завершая своё выступление, сказал: «Очень плохо и греховно, когда попираются права наций и этнических групп на их религию, язык, культуру, ограничивается свобода вероисповедания и право верующих на свой образ жизни, совершаются преступления на религиозной почве. К борьбе с подобными пороками должно сегодня призываться общество, в эту борьбу должна включиться Церковь. С православной точки зрения, в этом и состоит смысл правозащитной деятельности сегодня...».

Увы, все разговоры в нашем обществе за последние двадцать лет о свободе слова сопровождались разрушением права души

быть нравственной. И вот теперь, кажется, что-то меняется. В докладе дан анализ сложившейся ситуации. Процесс глобализации стал реальностью и, очевидно, обратного пути нет.

Но каким должен быть мир будущего?

Он не должен быть безнравственным.

«Мир не должен быть скроен только по западному образцу», — так прозвучало на Соборе.

Принят целый ряд документов и деклараций. Как же хочется верить, что идеи, заложенные в этих документах, будут использованы в законодательном процессе нашего общества.

Общество, в котором законы соответствуют нравственным традициям, может многое превозмочь.

Психологи давно заметили, что главная причина кризиса современной цивилизации — потеря человеком смысла жизни.

Когда западное общество отошло от христианства, на смену ему пришла пустота, действующая на человека самым разрушительным образом.

У нас это порой принимает самые крайние формы.

К примеру, у алкоголиков чётко прослеживается отсутствие смысла жизни. Таким же образом обстоит дело и с агрессивностью.

Агрессивность не снимается ничем, кроме как возвращением смысла бытия человеку. Подобное я наблюдаю теперь и в наших заволжских городах и сёлах.

Власть и Церковь, чтобы оживить душу общества, должны сказать человеку, куда мы идём, что мы строим.

Об этом я думал, когда стоял тихим летним вечером у могилы Журавлёва.

Он-то знал свой путь и верил. А мы заблудились...

Отец Анатолий сокрушается: в шеститысячном селе Утёвка совсем мало прихожан. Что тут скажешь?

Вера у многих ещё впереди.

27 августа 2005 года состоялся Праздник села Утёвка. На нём был открыт экскурсионный маршрут, посвящённый памяти Григория Николаевича Журавлёва...

Одними из первых приехали в Утёвку ребята из школы-интерната № 9 города Самары.

Я знаком с ними.

Мы иногда встречаемся. Два раза приезжал к ним с новыми своими книжками.

Отзывчивые ребята, неодолимо тянутся к доброму в жизни.

Они уже побывали в экскурсионной поездке в Утёвку и вот теперь у меня листочки с записью их впечатлений.

«...Не могла насмотреться на красивый сказочный храм. Ещё больше было радости, когда я вошла в него!

...Когда выходили из церкви, над куполами летали стаи голубей. Как будто они нас провожали».

Так пишет Женя Крылова, ученица 6-го класса. Ей вторит Анжела Вакула, её одноклассница:

«...Уходить из церкви не хотелось, что-то снова тянуло в неё.

— Посмотрите ещё раз на храм, — сказала экскурсовод, когда мы стали отъезжать. Я с грустью оглянулась и долго смотрела на церковь, которую теперь запомню на всю жизнь!».

А вот как видел всё в этой поездке пятиклассник Виктор Бакулин:

«...В храме заканчивалась служба. Было Прощёное воскресенье. Все прихожане просили друг у друга прощение и целовались. Я поставил свечку за упокой души моей мамы и стал смотреть, как батюшка Анатолий освящает крестики.

Я смотрел на нарисованные когда-то Григорием Журавлёвым фрески на стенах храма, на красивые тонко выписанные лица святых, которые смотрели издалека и думал, что художник, нарисовавший их, не был обыкновенным человеком. Обыкновенному человеку такое не сделать».

Тут же мне вспомнилась запись, сделанная девятилетним мальчиком Колей из села Елховка. После того, как он посмотрел выставку Виктора Пылявского в Самаре, написал, как воскликнул:

«В нашем селе разрушена церковь. Когда вырасту, её восстановлю!».

Стоит ли комментировать эти отзывы, написанные теми, кто, возможно, будет определять жизнь россиян лет через тридцать-сорок?

Светает на душе.

1991-2007 гг.

ОТКЛОНЕНИЕ

Повесть

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Что-то надо делать...

...Он нащупал на уровне правого глаза впадину на виске, где ему показалось самое уязвимое место, и надавил указательным пальцем. Боль почувствовал одновременно с тем, когда несколько раз резко открыл и закрыл рот, скрежетнув при этом зубами. Костяной стук зубов ему показался зловещим. Криво усмехнувшись, взял с тумбочки оба пистолета. Они были газовые. В упор эти штуки должны были сработать так, как ему хотелось. «Не ехать же на дачу, где хранится ружье», — вяло подумал Кирилл.

Пистолеты были разные: один, системы «РЭК» — небольшой, калибра 8 мм, удобный для руки. Он местами (правая сторона и спусковая скоба) потерял вороненый цвет, отчего выглядел совсем безобидным и невнушительным.

Второй пистолет, системы «Вальтер» — как новенький, его Кирилл никогда с собой не носил. Тяжел, калибра 9 мм. Он смотрелся весьма солидно. Пистолеты отличались друг от друга, как дворняжка и породистый свирепый дог.

На оба у Касторгина было разрешение, но второй пролежал в столе года два. Он так ни разу его и не опробовал.

Касторгин выбрал второй. Так надежнее.

Переложив из левой руки в правую «Вальтер», попробовал нажать спусковой крючок. Холостой ход был намного больше, чем у дворняжки «РЭК».

Как в детстве, когда, желая в отместку близким умереть, да так, чтобы все потом содрогались в рыданиях, спохватившись и осознав невозможность потери, Кир, как тогда его часто называли, мысленно представил вереницу скорбящих. Всех тех, кто должен был быть наказан его смертью. Как давно это было. Как наивно и банально.

«Некому особо будет плакать обо мне, да я и сам не хочу. Как бы сделать так, чтобы вообще поменьше было суеты и внима-

ния ко всему, что произойдет, и сейчас, и потом. Пропасть бы и все... Кажется, я многовато все-таки выпил...»

Он вытянулся во весь рост в постели.

Тупой лунный свет сочился в окно.

«И это — конец?» — удивился он.

«Да, конец моей мелодрамы», — подытожил он и снял предохранитель.

...Утром в постели его обнаружила дотошная соседка. Ей хотелось известить Касторгина о его очереди дежурить на этой неделе в подъезде.

Кирилл Кириллович Касторгин, решив застрелиться, предусмотрительно оставил дверь незапертой, чтобы его быстрее обнаружили. Практичный человек.

Ткнув дверь ногой, соседка вошла в коридор и оттуда увидела Кирилла Кирилловича в постели в белой рубашке и галстуке. Он лежал вверх лицом.

— Ба, пьяный, что ли? Бедолажка! Вроде за тобой такого не водилось.

Она вдруг увидела рядом на подушке пистолет и невольно вскрикнула.

От крика он открыл глаза. С трудом соображая спросонья, что происходит. Вспомнил вчерашнее и, поняв, что творится с бабкой Анной, улыбнулся виновато: то ли от того, что дверь не закрыл, то ли потому, что лежит в таком глупом виде в постели.

— Да вот, не спалось, только под утро...

Он постарался прикрыть «Вальтер» на подушке краем одеяла.

— Нельзя так, Кирилл, хорошо еще, что у нас в подъезде по прошлому году замок с кодом поставили, а то ведь проходной двор был: летом-то мочиться в подъезд бегут с набережной, а зимой — вино распивать в тепле, всякий народец-то...

— Нельзя так, — задумчиво повторил Кирилл Кириллович и встал с постели, — надо к какому-то берегу прибиваться. Детскость какая-то.

Прагматизм его натуры уже брал верх.

— Вот я и говорю, оберут ведь до нитки, да могут и пришить. Из-за тряпок-то. Поберегите сами себя-то, не забываетесь в следующий раз, — тянула свое соседка и все косилась

взглядом на то место, где только что видела пистолет. — Ну, ладно, я попозже приду, — и она прикрыла за собой дверь.

Последние дни Касторгин неотступно думал о смерти. Жизнь, казалось, потеряла для него всякий интерес. Умом он понимал, что так не должно быть, что пятьдесят три года, смешно — это не тот возраст, когда иссякают жизненные ресурсы. Но с ним что-то случилось.

Собственная жизнь, прошлая и настоящая, для него стала как кадры документального кино, туманные и обрывочные, не схватывающие саму ускользающую суть, ту суть, которая, как понимал Кирилл, должна быть во всем, но которую он перестал уметь держать за хвост. Он не узнавал самого себя. Это его даже, как ни странно, манило; иногда с холодностью стороннего наблюдателя он критически смотрел на себя и на свои попытки понять, что же происходит.

«Я как допотопная лаборатория, сам в себе, переливаю пробирки, из пустого в порожнее, — все тысячу раз, наверное, это кем-то уже испытано, думано-передумано, не один, наверное, покончил с собой. Что здесь все-таки главное, когда нажимаешь курок: слабость или воля? Не понял я, не понял еще... Если я обречен на самоубийство, то я, как камикадзе, что угодно могу сделать с другими, ведь все равно все прахом. Но я не держу обиды и злобы ни на одного человека, у меня этого никогда не было. Пусть все буду счастливы, раз у меня не получилось. Ну, и красиво, я думаю, если бы кто-нибудь услышал мои мысли, не поверил бы, с виду-то я последние дни стал бука».

Он потянул одеяло, намереваясь его поправить, пистолет, упав на пол, глухо звякнул. «Выстрелит еще», — спохватился Касторгин.

— И все-таки не пристало суетиться под клиентом, — усмехнулся он, вспомнив известный пункт из устава одесских проституток.

«Да, но здесь клиент — сама жизнь, — снова тяжелоатодумалось ему. — И я раздавлен, надо признаться себе. Что же все-таки делать? Ведь что-то надо вершить? Я становлюсь помалу окончательным дураком или циником. Это из Флобера. В его «Словаре прописных истин» сказано, кажется, что оптимисты — обыкновенные дураки, пессимисты — смотри выше. Увы, я становлюсь простенькой иллюстрацией к сомнитель-

ным истинам. А может, это только потому, что я остановился, а другие еще бегут?.. Попробуем-ка повнимательнее заново приглядеться к жизни, эта штука ведь не зря придумана, а? Или не так?»

«Жена найдет себе другого...»

Касторгин начал верить, что есть какие-то силы, которые руководят сознанием человека. Это его удивило. Но у него были перед самим собой несколько доказательств. На прошлой неделе он ночевал на даче. Приехал днем, не спеша расчистил от снега дорожки, затопил баню. Вечером, вяло просмотрев привезенные свежие газеты, попытался заснуть. Но сон не шел. Побаливала голова. Он встал, оделся и вышел во двор. Ему вдруг безотчетно захотелось на свежий воздух. Едва ступив за порог, он оказался во власти морозного воздуха и звезд, ясно и открыто глядевших на него. Упруго закрипел снег под ногами и тут же громко залаял соседский кобель Граф, «Граф Калиостро» — так звал его Кирилл за черную, с жутковато-грязным отливом шерсть и непредсказуемые поступки.

Погремев цепью, Граф успокоился, узнав своего, а Кирилл Кириллович, запрокинув голову, смотрел широко раскрытыми глазами в замешанную с синью темную бездну и ни о чем не думал.

Это он потом уже спохватился, когда кружил по небольшой бетонированной площадке, глядя в небо, что безостановочно бормочет слова, удивительно легко соединяющиеся друг с другом. Он как бы вдруг обнаружил себя между небом и землей в качестве то ли приемника, то ли передаточного звена, но с кем и для чего? Эти вопросы вились в его голове, но странно, он их отодвигал на потом, ибо ему важнее было в этот момент запомнить, что он бормотал и что еще будет.

«Когда б ни срок, да боль за нас...

Вот уголек и погас».

Он изумленно обнаружил, что напрямую говорит со своей мамой, веря, что она его слышит, а, может, и видит оттуда, с морозных небес.

Забыв, что после бани в этот двадцатиградусный мороз можно простудиться, он не чувствовал холода.

«Но наши души, наши души...» —

шептал он, глядя на небо невидящими глазами.

Боль в голове прошла, вернее, он не думал о ней, все отошло на второй, пятый, десятый план. Власть набегающих одна за другой на него фраз действовала опьяняюще.

...Когда он быстро вошел в дом, в спальню, лихорадочно ища, чем записать все то, что успел удержать в памяти, он не сразу нашел карандаш. Когда же тот отыскался, не останавливаясь, сломав стержень и тут же вставив его в ломкое отверстие, Касторгин записал стихотворение на чистых местах подвернувшегося под руку томика Куприна.

...Немного остыв и полежав в постели, он встал, прошелся по дому и, найдя чистый лист бумаги и авторучку, не спеша, лишь с некоторыми исправлениями по ходу, переписал стихотворение, не раздумывая, обозначив вверху — «Мама»:

*Я стал все чаще вспоминать
То, как любила ты встречать,
Как я любил тебе навстречу
Примчаться шальным издалече.
Наверно, было б так всегда,
Когда бы ни твои года.
Когда б ни срок, да боль за нас...
Вот уголечек и погас.
Что ж, был не самым я послушным,
Но наши души, наши души...
Они тянулись так друг к другу
В любую слякоть, дождь и вьюгу.
Им не дано разъединиться,
Мне часто сон счастливый снится:
Когда приду в твое далеко —
Тебе не будет одиноко.
И в сердце радость от надежды,
Что встретишь ты меня, как прежде.
У тех ворот, у самых вечных
Поговорим с тобой сердечно.
Но беспокойно просыпаюсь
И наяву я маюсь, маюсь:
Вдруг все не так, вдруг не замечу,
Тебя в том сонмище не встречу?*

*Что я пройду совсем чужой
Другую дальней стороной...
И боль твоя моей больней
Меня придавит вновь сильней.
О, как мне быть и что мне делать
С моей-то головою белой?
Я вновь беспомощен, как в детстве.
И никуда от этого не деться...*

Мать Касторгина — Елизавета Петровна — умерла полгода назад, измучившись сама и намучив против своей воли окружающих. Более года она после инсульта почти не вставала с постели. Иногда, когда сознание к ней возвращалось, она, опомнившись от забытья, тут же начинала плакать, приговаривая:

— Что же это я, детки, никак не умру-то? Измучила я вас, простите меня... простите.

Она и в восемьдесят своих лет, до самой смерти, любила и оберегала своих детей.

Все тяготы присмотра за матерью легли на ее единственную дочь Аню.

— Голубиная душа у вашей матушки, — говаривала соседка тетка Маша.

Соседка могла и не говорить этого. Беззаветность матери и открытость, готовность делать добро ближним порой приводили Кирилла Кирилловича в изумление.

Он часто плакал, когда приезжал к матери. Если бы кто-то из сослуживцев увидел его таким, то бы не поверил. Методичный, сдержанный и академичный Касторгин всегда был образцом для многих на работе. Другим никто и не мог представить главного инженера крупного оборонного завода.

В нем непонятым образом соединялись рассудочность и эмоциональность. Он знал это. Более того, он еще со старших классов школы выработал привычку следить за собой.

— Ты очень чувствителен, как обнаженный нерв, ты реагируешь сразу и бурно, так нельзя, — сказала ему когда-то новый классный руководитель — физичка Наталья Николаевна.

Она задержала его в классе и заставила присесть на первой парте.

— Такие натуры, как ты, становятся либо поэтами, либо му-

зыкантами. — Немного помолчав, цепко глядя в глаза Кириллу, продолжила: — Либо никем, быстро изнашивая себя.

— Что мне делать такому? — исподлобья глядя, спросил Кирилл.

— Самодисциплина. Не надо все захлеб. Ты заметил, как по-разному иногда говорят люди. У одних открытая артикуляция, у других — закрытая. Вот если говорить о чувствах, то они у тебя слишком открыты. Самосохранение в тебе должно работать, ты слишком бесхитростный.

Этот тогдашний разговор не удивил, только подтвердил догадки Кирилла по поводу себя. Он уже пытался сдерживать себя. После той беседы, он никогда не позволял себе заплакать на людях. Если у него что-то начинало болеть, он держал это в себе, как бы уползал в нору. Постоянно контролировал себя и к окончанию школы это вошло в правило. Он как бы оберегал в себе кусок взрывчатки, постоянно пряча бикфордов шнур от посторонних глаз. Такая у него выработалась привычка, а привычка, как известно, вторая натура.

...То, что его жена Светлана оформляет выезд за границу, Касторгин знал, но все думал, что это блажь. Ведь еще совсем недавно ни слова, ни намек не было на это, а тут враз такие энергичные действия. У него не укладывалось в голове — только переехали в Самару. Дело вроде бы осложнялось тем, что ее восьмидесятишестилетняя мать хотела, чтобы у нее был статус беженки — это давало больше льгот, но что-то затягивалось.

И вдруг все как-то быстро разрешилось, Кирилл Кириллович даже не успел все серьезно осознать — в одну неделю их не стало.

— После того, как я пожила у тетки в Германии, я не могу здесь жить, среди этого хамства, да и моя цитовидка надорвана на Чапаевском. И потом — я все же немка!

— Ну-ну, — только и сказал тогда Касторгин.

Он понимал, что нужен серьезный разговор, но все откладывал. Он не готов был, да и не воспринимал все как разрыв. Но уже прошло почти три месяца после их отъезда, а писем не было. Нечего было писать?

И вот на прошлой неделе письмо пришло. Не письмо — записочка. Но все, что нужно, там было: «Я, кажется, нашла себе друга и притом неплохого, он тоже врач...»

Теперь-то ему стало понятно ее решительное стремление хорошо выглядеть. В последнюю поездку в Москву она, не предупредив его, сделала подтяжку — пластическую операцию. Об этом Светлана ему написала — просила, чтобы не волновался, если на неделю задержится, ведь все-таки круговая подтяжка. Будут делать под общим наркозом, так сказал врач, отслаивать кожу от мышц и натягивать. Зато никаких двойных подбородков, морщин в уголках глаз. Улучшенная копия, вернее, «оригинал восстановленный». Ее подружка, у которой она всегда останавливалась, уже сделала это год назад — стала выглядеть лет на десять моложе.

Вернулась Светлана домой через неделю после операции. На нее было страшно смотреть: все лицо в синяках, опухшее и чужое.

Весь остаток отпуска она просидела дома, по несколько раз в день выходила гулять на набережную в большой с широкими полями шляпе. И, о чудо, лицо стало гладким и молодым. Она, как всегда, достигла своего. Он, в сущности, не сомневался, что так и будет. Но ему было все это дико и непонятно. Внешность жены устраивала, он привык к ней. Так привык, что, по правде сказать, эта самая внешность жены для него как бы уже и не существовала, существовала жена — Светлана, которую он по своему любил, как мог, и понимал. Оваций он ей не устраивал, вернее, забыл уже, когда устраивал.

Ему тогда еще, когда она только объявилась дома с изуродованным лицом, пришла мысль, что у нее кто-то есть другой. Завелся. Но он не видел этого другого, про границу не думал. Кирилл Кириллович хорошо понимал, что его жена — танк. Ее ничто не остановит, если она чего-то захочет. И он не спешил обвязывать себя гранатами и бросаться под гусеницы. «Пусть будет все, как есть», — решил он.

Его все же мучил вопрос: она сделала операцию еще до того, как поняла, что Касторгин ни за что не поедет в Германию, или после? И этот, немец, очевидно, намного моложе ее? И когда он объявился в поле зрения Светланы? После или до того? От ответов на эти вопросы уже ничего не зависело, но

они почему-то торчали внутри Касторгина, лишая его обычной уравновешенности.

Почему он не мог ехать с женой в Германию?

«А почему я должен ехать? — думал Кирилл Кириллович. — Я — русский. Я живу дома. Я хочу говорить на родном языке».

Все родные его были ленинградцы. До войны мать и отец перебрались в Москву. Корни по материнской линии терялись где-то в Симбирске, и каким-то образом она была дальней родственницей Павлу Егоровичу Аннаеву — сыну известного в свое время купца Егора Никитича Аннаева, того самого, который построил в Самаре кирху, задуманную первоначально как костел, самый большой по тем временам каменный двухэтажный дом Макке, в котором первый самарский губернатор Волховский зачитал Указ императора Николая I о создании Самарской губернии. Было это в 1851 году. В семье Касторгиных об этом знали и помнили. И Самару любили. А когда подшипниковый завод, на котором работали Касторгины, эвакуировали из Москвы, они оказались в Куйбышеве и быстро, насколько это можно в военное лихолетье, прижились на волжских берегах.

«Как на мой выезд за границу посмотрела бы мама, будь она живой и здоровой?» — часто приходила ему в голову мысль. И он, словно маленький, боялся укора матери. Он не мог знать ее мнения обо всем этом, но догадывался, что она сказала бы, будь жива. А что сказали бы его многочисленные родственники, которые лежат на Пискаревском кладбище?

ГЛАВА ВТОРАЯ

Мастерская на девятом этаже

Кирилл Кириллович любил заходить просто так и не просто так к своему другу художнику Владиславу. У каждого из них было свое дело в жизни. Их дела вроде бы никак не пересекались. И тем не менее они общались уже несколько лет и всегда были рады друг другу.

...Прошло более часа, как Касторгин появился в мастерской Владислава, и все это время в ней шел неспешный разговор.

— Твоя беда в том, что ты слишком рационален, расчетлив.

Кирилл слушал внимательно.

— Ты заставляешь себя все время думать, процесс обдумывания в тебе идет постоянно. Начал задумываться, препарировать — конец всему.

— Разве это плохо, ведь в конечном счете истина всего дороже? Я всегда так полагал.

— Вот-вот, ты в мыслях идешь всегда до конца, но ведь мысль ведет в тупик. Потом провал, распад. Взрыв!

— У меня так не бывает. Я, если что-то понял, обретаю свободу.

— Будет, если не было. Это, когда все хорошо, а когда начинаешь ворочать глыбами? А? Живи по завету Горация: лови день. Ты вот сейчас идешь к обрыву, сам себя толкаешь туда. Мысль — конечна! Дальше — пропасть. Создатель так свершил.

— В момент истины дух особо торжествует и безверию нет места, — произнес Касторгин.

— Это красиво сказано и не более. Момент истины и прозрения тоже могут быть субъективными, а значит, ошибочными. Дров наломать можно, ой как, — возразил Владислав. — Все чуть-чуть сложнее, чем мы с тобой думаем. Сложнее. Да. Мы оба слепые котятка, и черт с ним. Надо жить, как умеешь, и не умничать. Иначе запутаешься. Все проходит, увы...

— А что же по-твоему вечно? — спросил Касторгин, глядя в окно и машинально провожая взглядом вертолет, понесший очередную партию пассажиров через Волгу, в Рождествено.

— Вечно? А вот это движение!

— Какое? — Кирилл Кириллович обернулся на собеседника.

Тот, подойдя ближе к окну, из-за спины приятеля тоже смотрел на вертолет.

— Что же вечно? Кроме этого грязного армейского вертолета... — Касторгин криво усмехнулся.

— Если мыслить более общими категориями, то бесконечен дух.

— Мудрено, — подчеркнуто наигранно отозвался Кирилл, — нам бы чего попроще, а?

И он отошел от окна.

«Да, но ведь и дух разрушителен, в своем крайнем выражении — вот фашизм!» — подумал он, но промолчал. Кирилл Ки-

риллович подошел к почти законченному портрету женщины, стоявшему около стола, со всякой всячиной, начиная от разнокалиберных тюбиков с краской, фотографий, открыток и кончая ополовиненной бутылкой конька «Александр».

— Ты хочешь глубже познать себя? — в упор спросил Владислав.

— Да, — с готовностью ответил Касторгин, — пытаюсь это сделать.

— Не трать себя на это, только ушибешься.

— Но я хочу отыскать смысл того, что со мной происходит.

— А найдешь одни сомнения и мучения, это человечество уже проходило, — лаконично констатировал Владислав, — зачем начинать с начала? Поиск смысла — бессмысленен. Ты, брат, дремуч.

— Почему ты всех женщин рисуешь с ясными голубыми глазами, ведь это что-то патологическое — они же разные? — будто не слыша последних слов приятеля, спросил Касторгин.

— Кто? — шутливо переспросил Владислав, — глаза или женщины?

— И то, и другое, — Касторгин явно думал совершенно о другом, и то, что он говорил, было только эхом всего того, что было в нем глубоко спрятано — под обычно внешней непроницаемостью. — Объясни, ведь ты заслуженный художник России, член совета ЮНЕСКО и прочее, а?

— Знаешь, — Владислав растерянно посмотрел на приятеля, — не объясню. Не знаю. Ты первый задаешь мне такой вопрос. Сам я этого не замечал... Может, от того, что моя мастерская на девятом этаже, в небе... — задумчиво попытался догадаться художник.

— Вот видишь, — нарочито наставительно продолжал Кирилл, — вот видишь, такой простой вещи не понимаешь. Значит, не анализируешь, не мыслишь, товарищ великий художник. Надо рисовать не человека, а воздух вокруг него. Без мысли, кто мы?

Но у Владислава были сейчас другие в голове вопросы:

— Кирилл, тебя же знают в области. Сам губернатор от имени Президента Ельцина вручал тебе диплом «Заслуженный изобретатель Российской Федерации».

— Ну и что?

— Сходить надо к кому-нибудь из руководителей администрации. Тебя же найдут, где использовать. Ну погорячился ты...

— Чего-чего ты сказал, повтори, старина?

— Ну, не использовать, конечно, неловко сказал. Но приложить твой опыт есть где.

— Не хочу я ничего. Очухаться мне надо. Отдохнуть хочу. Дайте мне побыть безработным. Может, это моя историческая миссия такая. Я, может, являюсь предметом грандиозного эксперимента, перехода, так сказать, совковой психологии в сегодняшнюю.

— Не дури.

— Что, не дури? Сам же говорил, что полезно бы уходить на пенсию в расцвете сил, чтобы пожить, как следует, пока аппетит к жизни есть, а уж потом, нагулявшись, вкалывать. Вот теперь твоя теория вписывается в практику — на мне.

— Да ну, я серьезно.

— А если серьезно, то тошно стало терпеть дилетантов. Все ведь разваливается, что мы десятилетиями создавали. Я почему положил своему директору завода заявление об уходе? Девяносто процентов, я считаю, успеха зависит от первого руководителя. А наш, нынешний, у меня начальником цеха был совсем недавно и причем не самым лучшим. Теперь же побывал в депутатах и что, семь пядей стало? Так не бывает. Одна шелуха словесная. Не захотел я вместе, заодно с кем-то разваливать завод за кусок хлеба. — И вдруг, без всяких переходов, сощурив свои глубоко посаженные и без того узкие глаза, поведя в сторону художника рысьей головой, сказал: — Кстати, все женщины у тебя лицами на датчанок похожи.

— Это еще как?

— А вот так, грубоватые и серые, невыразительные. Русское — только глаза.

— Послушай, ты всегда такие замечания делаешь, я после тебя бываю немножко не в себе.

Владислав подошел к столу, налил из бутылки.

— Давай выпьем за то, чтобы у тебя все устроилось. По грамм-мульке.

Стаканы с коньяком прозвенели в вечернем воздухе заставленной мастерской натужено и тускло. Владислав невольно вздрогнул, Касторгин усмехнулся. А художник напирал:

— Послушай, есть идея, давай я тебя познакомлю с очень хорошей женщиной, а? Это же выход из твоего чертова тупика. Не заумная, не занудливая. И в разводе. Оживешь, ей-богу, отогреешься. Она растормошит. Какая женщина! А? Хочешь, прямо завтра?

— Нет, не стоит, — спокойно сказал Кирилл Кириллович.

Он не спеша, но сразу, все выпил. Отыскал за бутылкой на столе место для стакана. Сказал лишь для того, чтобы, очевидно, не молчать:

— Закусываем, как всегда, красками?

— Почему «не стоит»? — накатывал свое Владислав.

— Я себя не жалею, мне ее, незнакомую, жалко... Я не готов...

— Да не волнуйся ты, она не из нашей богемной тины.

— Тем более...

Касторгин отошел от стола, явно в поисках предложения, чтобы сменить тему разговора, тронул прикрытый холст:

— А этого я не видел, что это?

— Портрет Высоцкого. — Художник выжидательно из-под мохнатых бровей по-детски чистыми серо-голубыми глазами уперся в Кирилла. — Как?

— Я не буду сходу говорить, ошибусь еще... Это что, заказ?

— Да, в нашу филармонию. Через три дня, 25 января, юбилей Высоцкого — 60 лет. Приедут его мать, сын. Наши местные барды будут выступать. Ты знаешь, ведь Самара первая в свое время в шестьдесят седьмом году дала выступить Высоцкому перед большой публикой во Дворце спорта. Сейчас готовятся назвать одну из улиц его именем, у мэра города это вроде бы все окончательно решено. Высоцкий займет, наконец, свое достойное место на века.

— Где?

— Что где? — не понял Владислав.

— Займет — где? — повторил Кирилл Кириллович.

— Ты что, против этого? — он не ожидал такой реакции. И не до конца понял, всерьез ли она.

— Нет, я просто против канонизации. Он бы сам рассмеялся в лицо, узнав, что из него начинают делать икону. Вот и на портрете у тебя он выглядит чуть не классиком.

— Ну тебя к лешему! Тебе сегодня все не в нюх. Приходи на

вечер памяти. Жаль, я все билеты пригласительные, что у меня были, раздал. Да в кассе билеты есть, приходи.

— Да-да, наверное, приду, — пообещал Касторгин, прощаясь на пороге мастерской, — времени у меня теперь хоть займы кому давай.

— Подожди! — вдруг окликнул его Владислав.

— Что еще, мэтр? — спросил через плечо Кирилл Кириллович.

— Послушай стихи.

— Твои?

— Нет, не мешай, дай только вспомнить.

Он кисточкой задирижировал у себя перед носом и наконец его мурлыканье вылилось в членораздельную речь:

— Вот, мне не доверяешь, прислушайся к поэту Василию Федорову:

А жизни суть, она проста:

Твои уста — ее уста.

Она проста по самой сути,

Лишь только грудь прильнет ко груди.

— Ну и что? — простодушно спросил Касторгин.

— Как что?

— Может, он это под мухой сказал, а ты повторяешь.

— Ну ты даешь!

— Иди-иди, допивай коньяк и садись за Омара Хайяма. У него про это лучше сказано...

...На лифте он спускаться не стал. Шагая по лестнице с девятого этажа («Спускаюсь с небес», — отметил он), вновь поймал себя на мысли, что транжирит время, которого у него всегда не хватало.

Мысли, мысли. Они не давали ему покоя.

«Наверное, мы приходим в этот мир, чтобы как-то его сделать лучше, хоть на капельку, наверное, в этом замысел создателя. Но мы путаемся сами, не понимая ни себя, ни мир, и все, что сделано в этой жизни выдающегося. Неужели это все на иррациональном уровне, без понимания, что и как творится по своей сути? Тогда мир, все действие вокруг — это только какие-то пляски у костра, а костер этот — собственное тщеславие. Так ли я мыслю и способен ли я это все понять, если другие отказываются об этом думать, как Владислав?»

Раньше, связанный заботами главного инженера, он так не размышлял, теперь же будто вернулся в свое студенчество. Он не в силах был гнать от себя мысли на «вечные темы». Увы.

Он не заметил, как пересек улицу, миновал здание цирка, не обращая внимания на толпы людей и ряды стоявших машин, спустился по ступенькам на улицу Маяковского и только тут, миновав автостоянку, подойдя к молочному магазину, остановился и вспомнил, что забыл зайти в художественный салон «Мария»...

Его всегда туда влекло. Среди картин, особенно осенних пейзажей с дорогой, рекой, пальми листьями, ему становилось покойно. Набегало такое состояние, которое он испытывал всегда, когда слушал любимый, чарующий его романс на стихи Тургенева «В дороге», чаще всего называемый «Утро туманное». Ему казалось, что он когда-то родился под звуки этой божественной, нечеловеческой мелодии, и все, что напоминало ему подобное состояние, приводило к нему, он берег до мелочей...

...Месяца два назад, когда он завтракал на кухне, сидя рядом со стоявшим на подоконнике радиоприемником, бодрый голос диктора после небольшой паузы вдруг произнес: «...А сейчас в исполнении Татьяны Дорониной прозвучит романс на стихи Фета «Утро туманное».

Внутри у Касторгина что-то оборвалось, он вначале не понял, что произошло. Когда дошло, вскочил и заходил кругами по кухне. Он не мог понять, как можно путать Тургенева с Фетом! Конечно же, Фет хорош, но не в этом дело!

— Ведь это же Тургенев! Тургенев! — восклицал, размахивая правой рукой Касторгин, как бы стараясь что-то сказать очень важное кому-то, кто все исправит и кто пристыдит этого безграмотного диктора.

Он считал, что если бы Тургенев написал только одно это стихотворение и больше ни строчки, все равно всем было бы ясно, насколько велик он как человек. Какая это бездонная глубина! Каков может быть человек...

— Что, разве магазин закрыт? — вдруг откуда-то, будто издалека, услышал Касторгин голос.

Он, очнувшись, обернулся. Перед ним стояла легонькая в черной выдавшей виды каракулевой шубке старушка.

— Нет, — отозвался Кирилл Кириллович и тут же поспешил уточнить: — Извините, я не знаю.

— Так что же вы на входе стоите, — укоризненно сказала она.

Касторгин шагнул в сторону, каракуль исчез за дверью молочного магазина.

«Еще одна женщина прошла мимо», — почему-то молниеносно вспомнилась фраза из студенческих времен, и Касторгину с его приклеенной иронической улыбкой ничего не оставалось делать, кроме как продолжать свой путь вниз к Волге: молоко он не пил, а колбаса в холодильнике пока вроде бы у него была.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Светлана

С женой Светланой он познакомился в Сочи более двадцати лет назад. Этому предшествовала целая цепь случайных, как казалось Касторгину, событий, которые и привели к их встрече.

На третий год после окончания института, когда он работал уже начальником смены, его вызвали в военкомат, вернее, он обнаружил на первом этаже общежития в карманчике почтового стенда с буквой «К», сразу две повестки, предписывающие срочно явиться. Он и явился.

В военкомате его почему-то сразу препроводили к горвоенкому, оказавшемуся «ну очень строгим полковником». Едва Касторгин вошел в кабинет и щупленький майор назвал его фамилию, полковника как взорвало:

— Ах, вот он, молодчик, явился — не запылится. Нахал!

Касторгин опешил.

— Но почему, ... при чем такой тон...?

— А при том, что вам — три повестки, а вы и ухом не ведете! Вы должны были явиться две недели назад!

— Но я только сегодня увидел повестки, и только две.

— Довольно дурака валять!

— Не понимаю, почему такая реакция? И потом у нас была военная кафедра.

— Ах, вы не понимаете? Военная кафедра!... Каленым железом таких будем выжигать с гражданки! Поняли, нет? Год службы я вам гарантирую.

Касторгин даже не успел как следует разозлиться. Он был просто огорошен таким обращением.

Его так же быстро увели из кабинета, как и привели. И кабинетель закрутилась. Через неделю Кириллу и его соседу по общежитию Владимиру председатель областной медицинской комиссии жал руки, поздравляя с предстоящей службой. Было названо и примерное время призыва — через месяц. Месяц нужен для отработки документов в Москве, из Москвы должно вроде бы прийти и направление.

Вечером они провели «совет в Филях» и решили утром просить у своего начальства отпуск, чтобы успеть погулять на гражданке.

Начальство поняло их и отпустило.

Был апрель месяц. Сто лет со дня рождения вождя Октябрьской революции. Центральная площадь запружена толпами людей, пришедших на митинг. Они пробились к зданию кассы и взяли два авиабилета в Сочи. Почему в Сочи? А выпал такой вариант. Из пяти курортов, обозначенных на тонюсеньких полосках бумаги Владимиром, Кирилл вынул из шляпы именно ту полоску, на которой значился этот город.

...С гостиницей им повезло. Они взяли такси, наметив себе цель объехать несколько мест, но в первой же, «Ленинградской», им дали двухместный номер.

Вечером Владимир и Кирилл пошли поужинать в ресторан гостиницы «Магнолия». Где-то уже около одиннадцати вечера Касторгину захотелось выйти на свежий воздух. Пробираясь сквозь танцующий муравейник, он бросил Владимиру, самодовольно млеющему в полуобъятых смуглой дамы:

— Не пора ли нам пора?

— Да, иди! Я выйду через пять минут, вот попрощаюсь с Томочкой.

Кирилл еще раз взглянул, приостановившись, на Томочку и сильно засомневался в обещанной пунктуальности друга.

Он прошел по тротуару метров двадцать и сел на скамейку. Свет от фонаря падал на половину скамьи, другая была в тени кустарника.

Касторгин сидел на светлой половине, а в тени в светлом костюме, покачиваясь в лад песни, притулился с краю пьяненький парень. Парень пел, перевирая слова знакомой песни.

— Послушай, у тебя со словами худо, а у меня со слухом, — сказал Кирилл и начал подпевать вполголоса, выводя того на верные слова. Вместе они миновали трудное для парня место и все пошло складно, тихо и даже интеллигентно:

*Ах, и сам я нынче что-то стал не стойкий,
Не дойду до дому с дружеской попойки.*

И вдруг эту случайную хмельную идиллию прервал четко поставленный официальный голос:

— Ваши документы?

Кирилл поднял голову. Перед ним стоял человек лет тридцати в черном костюме, белой рубашке и галстуке.

— А почему, собственно?..

— Вы нарушаете общественный порядок.

— А ваши документы? — совсем даже для себя неожиданно сказал Кирилл.

Человек вынул из левого нагрудного кармана пиджака документы и подал Кириллу. В полутьме были видны только красные корки. Кирилл вернул документ.

— А ваши? — человек вновь обращался к Кириллу, будто соседа его и не было.

Касторгин подал паспорт. Не раскрывая его, тут же переложив в левую ладонь, человек произнес:

— Пойдемте, — и зашагал прочь от скамейки.

Кириллу ничего не оставалось больше делать и он поднялся.

— Я не понимаю, ведь никакого нарушения нет...

— Сейчас поймете.

Кирилл забеспокоился не на шутку, шли они куда-то, как показалось, не туда... Вдруг человек скороговоркой проговорил:

— Давайте двадцать пять рублей и я отдам ваш паспорт.

— Как так? — выдохнул Кирилл.

— А так, не будете первому встречному выкладывать документ. Не дадите четвертак, рвану с паспортом в кусты и останетесь в чужом городе с носом.хлопот не оберетесь.

Они шли по тротуару рядом. Как только попадались встреч-

ные, оба замолкали: человек с паспортом в руке оттого, что боялся огласки, а Кирилл опасался, что незнакомец убежит с паспортом от его неосторожного слова.

Решение пришло сразу, момент был улучен. Кирилл схватил парня поперек талии наперевес и оторвал от земли... Они оказались на земле оба, Кирилл крепко ударился левой рукой о бордюр, но правой вывернул левую руку противника, и паспорт оказался в его руках.

Почувствовав слабину, противник вынырнул из-под Кирилла и сиганул на другую сторону улицы.

— Слабак, — несколько удивленно бросил Кирилл и пошел в сторону «Магнолии».

Конечно же, внизу Владимира не было. «Надо бы сразу идти в свой номер», — подумал он, заходя в вестибюль. Руку саднило. В сторонке он снял пиджак, рукав рубашки был в крови. Задрав рубашку, Касторгин осмотрел локоть. Он был содран, с трехкопеечную монету круглый окровавленный кусок кожи, как клапан, болтался сам по себе.

— Боже мой, как так можно?

Он повернулся. Перед ним стояла блондинка, вровень с ним ростом, крупноголовая, большеглазая, в светлом легком костюме. От всего этого внезапного чуда веяло элегантною крепостью и ухоженностью.

— Вот можно, — проговорил Кирилл, чувствуя, что с ним что-то сейчас происходит такое, что бесследно уже не исчезнет. В любом случае это начало чего-то...

Она стояла от него в полуметре, а он ощущал обволакивающее тепло, идущее от нее.

Она, кажется, понимала его состояние. В ее прямом взгляде была смесь мягкой снисходительности и покровительства.

«Вот ведь, слету и попался», — Кириллу показалось обидным, что его прямо голыми руками запросто берут, но он ничего не успел ни сказать, ни сделать. Она опередила:

— Я врач, у меня на первом этаже номер, сбегая, кое-что принесу, у меня есть...

На следующий день он пришел к Светлане, так звали это чудо, на перевязку. В тот же день они направились на пляж. Так начинал раскрываться их сочинский роман...

...Его вначале обескураживало то, что в самые интимные моменты близости она могла царапаться, кричать и кусаться. Светлана в такие минуты не владела собой. Ей нужен был экстаз любой ценой, она заводилась с пол-оборота, проявляя завидную выносливость на пути к желаемому и требуя этого от него. Он иногда терялся от ее буйного желания. И не вполне понимал, хорошо это или плохо, так хотеть женщине мужчину. Такой женщины у него никогда не было.

Уже потом, много позже, когда пошло повальное увлечение гороскопами и сексуальной астрономией, он к удивлению своему обнаружил, что женщины-Козероги (а Светлана была Козерогом) именно этим свойством и наделены. Он и удивился, и немного расстроился. Оказывается, все заложено в природе ее любви небесами, а он-то все-таки думал, что это он причина такого ее поведения. Значит, будь на его месте другой, небезразличный Светлане, она так же бы вела себя в постели? Поначалу ее чрезмерная самостоятельность во всем не давала ему покоя, но потом это как-то сошло на нет. Постепенно он свыкся с ее независимостью, с ее постоянным отстаиванием права на собственное мнение. Его влекло к ней. Кирилл даже упрекал себя за эту слабость.

У Светланы муж не мог иметь детей (они проверялись у врача), а она очень хотела.

— Ты немка, а он кто?

— Он — русский. Мать мужа советовала, чтобы я прижила ребенка на стороне. Но я не могу, вот. Наконец развелась полгода назад и приехала отдохнуть от всей этой карусели, я в отпуске не была два года.

— Приехала подыскивать мужа?

— Наивный ты, здесь не мужей ищут, а любовников.

— Так ты повеселиться приехала?

— Глупый, отстань, — сердилась она.

— Как ты собираешься жить?

— У мамы. Она одна, у нее двухкомнатная квартира в Свердловске. Ты бывал в Свердловске?

— Нет, но я спрашиваю «как», а не «где».

— А как все, и еще лучше! Хочешь, я спою тебе свердловский вальс?..

И она, встав в кровати в одних трусиках, начала напевать,

раскачиваясь. Но на кровати было неловко и она спрыгнула на пол. У него от нее слепило глаза и в голове стучала кровь.

— Я приеду к тебе и мы будем жить вместе.

— Но я не собираюсь жениться, — все-таки сопротивлялся он.

— Ну и не женись. Найдешь где нам жить?

Кирилл не узнавал себя. Ему приходилось подчиняться взбалмошной подруге. Его как будто несло течением. До этого с ним такого не было.

— Я твоя женщина. Я тебя вижу насквозь. Я сделаю тебе только хорошее. В тебе слишком много добродетели. Фу, это очень скучно бывает, понимаешь? Нужно хоть чуть-чуть куражу! Да!

«Да, да, я это понимаю, но я вот такой. Вот тебе мой кураж: если я женюсь на тебе, это будет отклонением от моих планов: оставаться холостяком до тридцати лет».

...Однажды, когда они, утомленные, в очередной раз пришли с пляжа в ее номер, она, едва сбросив халатик, поймала его в свои объятия. Он и сам ждал этого момента, но она его во всем опережала.

Кирилл замешкался со своими тесемками на плавках, затянувшимися в тугий узел. Она, ловко выскользнув из-под него, схватила со стола ножницы.

— Не могу смотреть, как ты каждый раз трясущимися руками развязываешь свои бантики! Что за дурацкие плавки... Чик — и готово. После я вставлю тебе резинку, ты что так смотришь? — она бросила ножницы на стол.

— Да нет, ничего, — промямлил он. — Ты очень деловая.

— Такая вот тебе попалась.

Его много в ней смущало. И, как ни странно, еще больше — притягивало.

— Сколько у тебя было до меня? — тусклым голосом спросил он.

— Посмотри на меня, я красивая, молодая — сейчас люблю тебя — разве этого мало?

Да. Она была красива. Она была породиста. Его всегда манили такие женщины.

...Дней через десять Кирилл начал собираться домой.

— Ты от меня уезжаешь! — неподдельно обиженно воскликнула она, и Кирилл почувствовал себя неловким подростком. Дело было еще в том, что у него просто кончались деньги и ему не хотелось в этом признаваться.

Когда же, наконец, он сказал ей об этом, явно смущаясь, больше боясь почему-то, что она сейчас примет его за беглеца, она решила этот вопрос просто.

— У меня есть деньги. Нам есть на что здесь жить вместе хоть месяц. Месяц в Сочи — это неплохо, а?

— Как так? — удивился он.

— Я дам тебе их. Сколько: двести, триста?

Он был растерян:

— Я не могу у тебя брать деньги, это черт знает что.

— Возьми в долг. Потом отдашь, хочешь, с процентами, — она весело расхохоталась, — оба выиграем.

— Когда отдам? — удивился он. — Где?

Логика ее рассуждений была, что называется, железная:

— Ну, у тебя же будет время! Когда мы поженимся.

— Что? — выдохнул Кирилл. — Ты, наверное, забыла, я тебе говорил, что собираюсь стать писателем, подготовил рукопись стихов. На следующий год буду поступать в Литературный институт.

— Ну и зачем?

— Чтобы стать писателем.

— Миленький мой, жить надо. Жить. А уж потом писать, глупенький ты мой. Узнать жизнь, женщин, увидеть мир — это же главное всего.

— Ты так уверенно говоришь об этом, — удивился он.

— Потому что не хочу становиться писателем, во-первых, у меня нет таланта, во-вторых, это скучно. Миленький, поступишь на дневное отделение — ни денег, ни жилья нормального. Через пять лет выпустишь маленькую книжечку стихов: жены, то есть меня, у тебя нет, детей нет, будущее призрачно.

«Боже мой, безденежье и неопределенность однажды уберегли меня от женитьбы, а теперь те же доводы приводятся, но за женитьбу», — думал он.

А Светлана продолжала:

— У меня подруга кончила Литинститут, правда, заочно. Ну

и что? Литсотрудник в заводской многотиражке. Гениально! И книжки еще нет своей.

...Оставшись у нее ночевать, он ночью написал для нее стихотворение, назвав его «Встреча в Сочи».

*Все начиналось так, между прочим...
Куда ж несерьезность моя подевалась —
Нас тешило море, нас тешил Сочи,
Не тешило время нас, время — мчалось.
День предыдущий и день настоящий,
Снабдившие солнцем меня про запас,
Кажутся мне кораблем уходящим,
Кораблем, уносящим частичку нас.
Светит ли солнце, хмурится небо ли —
Кто мы, откуда? Какого мы племени?
Приходят, уходят — тают в небыли
Дни корабля в океане времени.*

— Какой ты молодец! Умельц, опытный конспиратор! Я не предполагала. Ты, наверное, опасный сердцеед, только прикидываешься теленочком.

— Почему? — удивился он такой неожиданной оценке.

— Все про нас и нигде нет ни моего, ни твоего имени. Ты так осторожен?

— Я об этом совсем не думал, — обескуражено проговорил он. — Ты на все смотришь по-своему.

— Какой же ты у меня ребеночек, ну какой же из тебя сейчас писатель. Писатели — народ матерый и бывалый.

В одну из их встреч, когда они вышли из гостиницы и направились на пляж, она спросила:

— Как ты оказался на заводе?

— Не понял.

— Ну ты же не технарь, ты — гуманитарий.

— Я, скорее всего, пролетарий. И ты убедишься в этом, если действительно приедешь ко мне. У меня общежитие, завод и больше ничего нет. Да больная мама, — добавил он задумчиво.

Она, казалось, его не слышала.

— Зато ты мне очень нравишься!

В другой раз, утром, когда он, отлепившись от нее после сна, потихоньку, чтобы не разбудить, встал и подошел к окну, она неожиданно сказала:

— Ты не думай, что я нехорошая. Я — хорошая! — при этих словах глаза ее повлажнели. — У меня, кроме мужа, никого не было. Правда, был один, но он ближе, чем на полметра, ко мне не приближался. Любил и боялся меня. Такой вот был. Может быть, ему и цены не было бы. Но я была совсем равнодушна к нему. А с тобой у меня все непроизвольно. Я нашла тебя. Ты — мой мужчина.

— Ну и ну, — мотнул он головой, отходя от окна.

— Что «ну и ну»? — Она уже сидела на кровати, обхватив руками колени.

— Складно все, как в кино. Красиво, а по сути ты врываешься в мою жизнь.

— Вот тебе!

И она запустила в него подушкой, вместе с ней в него полетели и ее, с белыми кружавчиками, светлые трусики.

Поднимая их с пола, она вздохнула:

— Вот она, проза жизни!

— Ты бесподобна, — вырвалось у него.

— Я знаю, — воинственно выкликнула она и бросилась на Касторгина.

Через минуту они боролись уже в постели. Она визжала и делала вид, что вырывается... Светлана не хотела ему уступить, желая все делать сама.

— Я хочу забеременеть от тебя, а на дальнейшее мне наплевать, можешь и не жениться на мне, — шептала она разгоряченно.

— Я не женюсь на тебе и буду негодяй?

— И все равно ты будешь годяй. Ты всегда будешь для меня годяй, потому что ты редкий, штучный экземпляр.

Улетал Касторгин из Сочи первым. Провожала она его с огромным букетом красных роз. А через неделю сообщила телеграммой: «Еду насовсем, встречай, подробности телефоном десятого вечером, если против — телеграфируй».

«...подробности телефоном... Какие подробности? Какие телефоны? Я, кажется, сдаюсь. Пусть будет, как будет». Он с самого начала смотрел на семейную жизнь с ней как на некий эксперимент. А вдруг и получится, раз она так хочет. Признаться, он уже перестал понимать, какая жена ему нужна и когда?

...И началась их совместная жизнь.

Вначале они сняли комнату. Вскоре Касторгина назначили заместителем начальника цеха и он получил вначале комнату на соседней в трехкомнатной квартире, а через некоторое время сразу двухкомнатную. К этому времени у них была уже Ирина.

Жена после работы собой заполняла все. О писательстве он давно перестал, кажется, даже помышлять. Когда же начал писать кандидатскую, она это восприняла очень одобрительно. Во всем старалась помочь.

А у Кирилла мелькнула мысль: «Вот, занимаюсь наукой, еще другую грань жизни узнаю — научную, другой срез жизни». Он не писал, но был готов знать жизнь со всех сторон, будто верил, что ему это надо будет для чего-то обязательно. Его мозг, его память постоянно все откладывали на потом, на осмысление, на анализ.

...Забавно то, что когда он вернулся из Сочи, в армию его по каким-то неизвестным причинам не призвали, в отличие от его приятеля Владимира, который пополнил ряды ПВО в Небит-Даге, где вскоре и женился на дочке командира полка.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Билеты на Высоцкого

Он планировал поехать за билетами с утра, но не получилось. Было уже четверть двенадцатого, когда Кирилл Кириллович подошел к троллейбусной остановке. Дома, собираясь, он вдруг вспомнил, что у него есть удостоверение пенсионера, это в пятьдесят три-то года. Он решил попробовать себя в качестве пассажира с пенсионным удостоверением.

«Чудно как-то, — думал он, — вот я войду в транспорт и буду кому-то показывать серенькую бумажку, в которой, как приговор, звучит: ты пенсионер, все — отработанный материал, дальше некуда — сливай воду. Жизнь — к черту. И как компенсация всему этому — вот вам: езжайте в пределах города, дорогой товарищ — нет, теперь, господин — бесплатно. Заслужили, господа! Господа пенсионеры!»

Он поморщился от внутреннего диалога, от картинности

и ходульности происходящего. «Фанера, тьфу... Какой я стал нудный... Интересно, а сколько билет стоит, во сколько нас оценили, ну-ка, господа хорошие, сейчас узнаем».

Подошел маршрутный троллейбус номер 11, и он поднялся по ступенькам.

Вошедших было двое: он и бабулька, проворно подкатившая к кондуктору.

— На-ка, милая, у меня руки заняты, на билетик-то.

По всему видно было, что бабка с села Рождествено едет торговать на Крытый рынок. Она держала деньги в левой руке вместе с трехлитровым бидончиком, в котором были либо сметана, либо творог. В другой руке у нее была корзинка с яичками. Кондуктор подошла и взяла деньги. Последующее действие развивалось, по оценке Касторгина, невнятно и суматошно.

— Гражданин, а вы платить собираетесь? — глаза приземистой крепышки смотрели дружелюбно и в то же время насмешливо. — Бабуля и та платит, а вы?

Надо бы взять и заплатить, но он подошел к кондуктору и каким-то очень подозрительно проникновенным голосом произнес:

— Знаете, у меня удостоверение пенсионера.

Крепышка удивленно округлила глаза:

— У вас удостоверение? — она с сомнением покачала головой.

Он понял это так: «Ладно, мол, заливать, хотите ехать зайцем, черт с вами, связываться с каждым тут...» Касторгина передернуло.

— Что, не верите?

— Да ну вас... — она не смогла подобрать слова, — как хотите.

— Как, как хотите? — выдохнул Кирилл Кириллович, — я ведь и сам не верю — вот, — он наконец-то нашарил удостоверение, вынул его и торжественно развернул, чувствуя, однако, смущение и какое-то непонятное чувство вины, будто он намеревался что-то все-таки украсть.

«Черт, меня заклинило, надо было взять билет, отец ведь всегда брал, а был инвалид войны, и никогда на сиденье не садился, стоя ездил, хотя и с протезом... одна морока. Зато прошел полную апробацию», — думал он, подходя к зданию филармонии.

У кассы филармонии была небольшая очередь. Когда он ткнулся в окошечко, кассир объявила громко, что остались всего два билета.

— Мне хватит одного, — резонно сказал Касторгин.

— Ой, как же так, — пискнул над его ухом голосок.

Он обернулся. На него смотрели черные детские глазки взрослой девицы, а рядом стоял стройный элегантно одетый ее спутник.

— Ради бога, уступите нам, ну что вам стоит, мы ведь вдвоем, а вы всего один. Вы купите: и ни то, ни се — один билет останется. Никому!

— Как никому? За вами же стоят, — чувствуя несуразность диалога возразил Касторгин.

— Ну все-таки, все-таки здесь какая-то несправедливость, верно ведь? Нас двое, а вы — один, — лепетала девица и глаза ее то закрывались, то открывались. Ее спутник по-нуро молчал.

Касторгин уступил билеты. Он, действительно, увы, был один. Почти равнодушно отошел от кассы.

...Был субботний день, 25 января. Малоснежная зима. Легкий морозец и свежий ветер гуляли под открытым небом. Он решил пройтись по улице Фрунзе до драматического театра и взять билеты на любой вечерний спектакль. «А заодно поприветствую Алексея Толстого», — подумал он, вспомнив, что на его пути будет справа дом-музей писателя.

Последний раз он был в нем в год окончания института. Толстого он любил. Книгу Оклянского «Шумное захолустье» перечитал несколько раз. У него была давняя привычка перечитывать полубившиеся книги. Оттого-то первые строки любимых произведений разных авторов он знал на память. А некоторые: «Детство Никиты», «Разгром», «Хаджи Мурат», «Поединок» и многие другие мог цитировать по памяти кусками.

Подойдя к дому-музею Толстого, Кирилл Кириллович внутренне порадовался тому, что внешне особнячок, обшитый досками, выкрашенными в желто-коричневый цвет, выглядел сносно.

«Конечно, наверно, масса проблем с содержанием и безденежье душит, но все-таки стоит...»

Он потрогал руками добротные доски, хмыкнул невра-

зумительно, отошел метров на пять и, задрав голову, окинул взглядом весь дом сразу: «Сколько уже лет нет знаменитого писателя, а он стоит — свидетель былой жизни, хранитель всего виденного, что было в нем... Как банально последние дни я говорю и думаю, — заметил он отстраненно, и тут же спокойно и трезво пришла новая, не пугающая, а уравнивающая мысль: — Так, наверное, и должно быть, раз я барахтаюсь на краю пропасти. «Живой труп» — Боже, никогда не думал, что это и обо мне».

Кто-то изнутри дома-музея приоткрыл форточку, и скрип ее вернул его к действительности.

«Странно: ходят люди, звенит трамвай, я этого ничего не слышал только что, как будто находился в другом измерении. А скрип форточки, словно оттуда, издалека, где Толстой и его старшие родственники, говорит со мной?»

Последние месяцы Касторгин писал короткие стихотворения, чаще четверостишья. Это отвлекало от мрачных мыслей, давало некое ощущение деятельной жизни.

Он попытался припомнить свое четверостишье о Толстом. На память многие из своих стихов он не помнил. И это, очевидно, от того, думал он, что четверостишья требовали четкой формы, лаконичности, даже лапидарности, эта форма приходила и ложилась на бумагу не сразу, было много вариантов и все они потом, когда уже был главный, окончательный, все равно толкались в сознании.

С минуту пошевелив губами, он вполголоса все ж-таки произнес:

*К кому мне пойти с досадой моей,
Кому рассказать об этом?
Так жалко, что Толстой Алексей
Не стал гениальным поэтом.*

...Касторгин продолжил свой путь по улице Фрунзе. Проходя мимо Академии искусств и культуры, невольно обратил внимание на разминавшихся балерин в зале. Там царили красота, молодость, жизнь.

Завораживающие силуэты вдоль стенок, чуть слышимая музыка, казалось, должны были вызвать у Кирилла Кирилловича прилив бодрости. Он и сам этого ожидал, но какая-то сила мешала... Наоборот, что-то будто говорило: это уже не твое, ты

уже лишился права на музыку, красоту. «Как и кто лишил? — вдруг кольнула мысль. — Ведь это я решил, что уйду из жизни, но сама действительность, все люди, эти девочки, грациозные и недостижимые, они ни при чем, это я все сам... сам. Боже мой, надо не раскисать. Надо еще все до конца понять... и разобраться... А ведь мне и раньше, когда я смотрел на что-то красивое, особенно на женщин, отчего-то становилось грустно... Возможно, таких людей, как я, много. И они ходят по улицам. Те, кто ожесточился до крайности, но еще пока не поднял руку на себя, но уже решил это сделать, они же могут быть социально опасными. Им уже все равно. А тебе? Нет, мне — нет, — терпеливо думал Касторгин. — У меня нет таких сил, чтобы желать или делать сознательно зло. Я, наверное, слаб. Или здесь что-то другое... другое, другое, — пытался догадаться Кирилл, — но что? Жить все-таки хочу, вот она разгадка. Но жить могу только порядочным человеком, уважая себя. Я балансирую на грани и не знаю, что из этого всего будет».

— Я что-нибудь не так делаю? — вдруг, как сквозь завесу, услышал Касторгин молодой бархатный голос.

— Так, очень даже так, — отвечал женский голос.

Кирилл Кириллович поднял голову и прямо перед собой у подъезда университета увидел целующуюся парочку. Поразило его то, что они не смотрелись вульгарно. Они были красивы. Особенно она — чуть полноватая, с прямо-таки величаво посаженной головой. Он был художав и невозмутим. «Бог мой, что они делают?»

А парочка продолжала целоваться. Они ничего не видели, особенно она. Они были одни. Вернее, они чувствовали себя центром всей вселенной. До остальных им не было никакого дела, не было никого вокруг. Тем более Кирилла Кирилловича с его проблемами. Он это понял или, вернее, оценил и неопределенно улыбнулся. И, если бы сторонний наблюдатель видел его улыбку, он не догадался бы, что она значит.

...Он отпустил ее губы, она, хлебнув воздуха, чуть оттолкнула его и, засмеявшись, совсем как подросток, что-то ему шепнула на ухо. Прямо глядя в ее бездонные, омутовые глаза, парень кивнул головой и она звонко чмокнула его в щеку. Парочка продолжала разговаривать на своем языке, а Кирилл Кириллович пошел дальше по улице Фрунзе.

Застрявший в мыслях между только что виденным и тем, что сидело в нем и подспудно, но настойчиво требовало по его привычке упорядочения, он удивленно уставился на памятник Чапаеву перед зданием драматического театра.

Чапаев восседал на коне с протянутой рукой, но без сабли. «Как, — удивился Касторгин, — и здесь корректировочку перестройщики сделали. Отняли сабельку у Чапая, хватит, помахал и довольно. Стыдно стало за кровожадность собственных героев Отечества. Сколько голов-то посшибали друг другу. Варварство, конечно».

Он был сторонник той мысли, что и революция, и гражданская война были срежиссированы международным империализмом, как некий опыт для человечества, и мысль, что огромный его народ стал по чьей-то воле зловецей и деятельной игрушкой в мировой игре, его периодически угнетала.

Рассуждая подобным образом, он прошел чуть вперед и... вдруг вытянутая рука Чапая обрела саблю. Все было на месте.

— Черт те что, — ругнулся Кирилл Кириллович и попятился назад, туда, где только что стоял.

Как только он оказался в одной линии с рукой Чапая, сабля исчезла.

«Вот фокус, надо же. Выходит, никто не трогал Чапая. А мы тут исторические ретроспекции проводим. Поторопились чуток. Махальщиков сабельками ого-го сколько еще у нас. Не скоро еще до поумнения». Ему вспомнилась одна из телепередач...

Это были дни накануне восьмидесятилетия или девяностолетия со дня рождения знаменитого комдива. Местное телевидение организовало в память о Чапаеве встречу с ветеранами-чапаевцами. Человек пять или шесть усадили за круглый стол и ведущая по очереди стала каждому задавать вопросы.

Кирилл Кириллович заинтересованно посматривал на экран. Ему было интересно наблюдать людей, которые будут вспоминать о событиях далеких дней. За столом сидели, так сказать, живые участники драматических лет гражданской войны.

Но передача явно не получалась. Не клеился разговор за столом. Те, кто имели образование и выдвинулись из общего ряда, говорили гладко и осторожными фразами общеизвестное, а те, кто так и остался простым тружеником, были скупы

на слова, не совсем понимая, что как раз-то от них и ждут живого разговора.

Кирилл Кириллович сразу обратил внимание на рослого, угловатого старика. Крупные и темные его кулаки внушительно лежали на столе.

Два раза диктор обращалась к нему с общими вопросами, но он отвечал односложно, спокойно уступая другим. Ему был неинтересен разговор обо всем и ни о чем.

Касторгин все ждал, что кто-нибудь обмолвится о Чапанной войне, или Чапанке, как называли ее в Поволжье. Эта война, как понимал он, всколыхнувшая огромные массы крестьян Самарской и Симбирской губерний, была намного масштабнее и трагичнее, чем Кронштадский мятеж в 1921 году и «антоновщина», о которых хоть что-то было известно. Видно, сведения об этих событиях двадцатых годов были настолько под запретом, что впервые попытавшегося рассказать о них писателя Артема Веселого в своей повести «Чапаны» расстреляли, а повесть конфисковали. (Это он уже позже узнал.)

«Эти люди на экране, они должны были знать об этой трагедии. Неужели ничего не скажут?.. Не скажут, — чуть позже ответил он сам себе, — ведь они воевали друг против друга. Их заставили воевать. Жизнь вновь выдвинет человека, который скажет об этих событиях во весь голос. И мы все до конца узнаем, как это было. Но когда?»

Вдруг диктор, может, сама того не ожидая, задала вопрос, который враз оживил передачу:

— А страшно было, когда кавалерия, эскадрон на эскадрон с шашками наголо?..

— Тут ведь цельная наука — воевать в кавалерии, — не спеша отвечал обстоятельный старик. — Во-первых, конь должен быть строевой, обученный для этого дела, во-вторых, снаряжение, того... — и старик со знанием дела, свободно, не обращая внимания на сидевших рядом, словно зная, что они либо бывшие обозники в чапаевской дивизии, либо вообще липовые «участники», стал подробно обо всем рассказывать, что касается снаряжения коня.

— Страшно вначале было? — допытывалась диктор. — Ведь лавина на лавину?

— Да, ежели науку освоить, оно становится не в диковинку. Все по своим правилам.

— «Есть упоение в бою...» — явно желая разогреть разговор, продекламировала ведущая.

«О чем лепечет эта бабенка, — ужаснулся Кирилл Кириллович, — о чем говорит этот старик, какие правила, разве может нормальный человек методично истреблять по каким-то там правилам себе подобных? Отечественная война, война с захватчиками — это понятно. Но убивать своих же земляков, таких же, как ты, простых хлеборобов, как в чапанной войне? От невежества это. Если «антоновщина» охватила около пятидесяти тысяч повстанцев, то сколько в Чапанке? И их наверняка либо уничтожали, либо выслали. От невежества, — повторил он, но через секунду возник другой вопрос. — А как же объяснить «успехи» маршала Тухачевского, высокообразованного интеллигента, который разработал и внедрял правила применения отравляющих газов при подавлении крестьянских восстаний в России? Это просочилось в печать. Тоже по особым правилам? Что ж это за россияне такие: им и невежество тяжело в себе нести, и образованность получается не впрок».

В кассе драмтеатра он взял билет на мелодраму «Яблочная леди» с Верой Ершовой в главной роли. Когда Кирилл отошел от кассы с билетом в руках, перед ним возникла миловидная женщина в черном:

— Извините ради бога, посоветуйте: стоит ли брать на «Крошку» билеты? Московским гостям хочется показать наших артистов, — она кивнула в сторону своих спутников.

— Конечно, — живо откликнулся Кирилл Кириллович, — берите, не пожалеете. Замечательная вещь. Там и Ершова играет. Как раз то, что надо, чтобы москвичи имели представление.

Ему показалось мало сказанного, либо сказанное могло прозвучать холодно и официально, и он почти извиняющимся тоном поспешно добавил:

— К этой пьесе Ерицев и Марк Левянт песенки совершенно замечательные сочинили. Наверняка вам понравится. Они вместе с Петром Монастырским и Владимиром Борисовым ставили, кроме «Крошки», еще «Хитроумную дуреху» и «Здесь под небом чужим».

— А что, разве «Здесь под чужим небом» не Гвоздкова работа? — спросила одна из москвичек, что повыше ростом.

— Нет, что вы! Нашего Монастырского.

Сказанное прозвучало либо хвастливо, либо как-то все-таки для женщин необычно, ибо москвички переглянулись меж собой и улыбнулись. Он пожалел о том, что сказал, хотя все было правдой.

— А вы знаете, — сказала одна из москвичек неожиданно красивым грудным голосом, заставившим Касторгина остановиться и внимательно посмотреть на нее, — я сегодня в местной газете, по-моему «Волжская коммуна», да-да, так она называется, видела указ Ельцина о награждении Ершовой орденом «За заслуги перед Отечеством».

«Голос, как у моей Светланы, наваждение какое-то, будто она говорит, а лицо другое... Я начал сходить с ума? Не может этого быть. Я твердо знаю, что я крепок и здоров до неприличия, может быть, в мои годы...»

Выйдя на улицу, Касторгин свернул в сквер. «Посидим возле Пушкина, может, успокоимся», — улыбнулся он и сел на скамейку как раз напротив бюста поэта.

Сквер был свободен от людей. Были только недалеко внизу Волга, Пушкин и Небо над головой.

«Да я вот здесь, на фоне, со своими болячками, непонятно кому нужный, — доедал себя Кирилл Кириллович, но вдруг опомнился. — А что, если я как раз здесь сейчас самый важный объект и есть, я — не Кирилл Касторгин, а человек, пусть рядовой, пусть сам себе уже не нужный, в тягость, но человек, которого создали и это Небо, и Волга, и вся Природа, ведь по идее так. Ведь я создан был для чего-то существенного!? Или все существенное я уже сделал? А что я сделал? Родил дочь, которая меня не очень ценит (не уехала бы), сделал обеспеченную жизнь жене? Но она ушла от меня. Докторскую написал? Чепуха! Мир этого и не заметил. Одни завистники и заметили. Разве ж вот тридцать лет отпахал на заводе. Но я ушел и по сути мало кто спохватился. Некому. Профессионалы давно уже рассеялись. Учиться бы надо молодым, но промышленность развалена. Чему учиться на кладбище? Если так будет еще года два — все: и кадры, и оборудование, и технологии в России пропадут пропадом. Не восстановишь. Мы и так в химии и нефтехимии

и по технологиями, и по химическому машиностроению на два десятка лет отстали от Запада... А, ну да, Высоцкого бы сюда в нашу перестроечную кашу, что бы и как он запел?»

Касторгин вспомнил до мельчайших подробностей, как он впервые увидел Высоцкого. Он и тогда, и после воспринимал Высоцкого как гражданина, в первую очередь. Как явление. Он и Маяковского не считал в строгом смысле поэтом. Трибуном? Да! Поэзия, считал он, это все-таки не только езда в незнаемое, не хрипый оглушительный голос. Ведь и Станиславский не выносил, когда ревели на сцене, Кирилла Кирилловича раздражали люди, говорящие громко, тем более об интимном.

Сам Касторгин говорил часто так, как будто бы его совсем не интересовало, слышат и слушают ли его или нет. И, странно, это не мешало, а наоборот, притягивало к нему сослуживцев. В нем чувствовалась всегда раньше внутренняя уверенность в себе, безотносительно, как его суждения вписываются в существующие производственные и технологические догмы. Но то было раньше. Перестройка политизировала всех и все. Все полетело кувыркком. Он слишком был «технар» и это много определяло. На заводе и в городе до сих пор помнили, как он написал письмо в ЦК КПСС о вредности и несуразности широко вводимой в начале перестройки госприемки на предприятиях. Ведь было же очевидно, что качество продукции надо искать в начале технологического цикла, а не в конце, посадив на это сонных чиновников. Но, увы, ему тогда крепко влетело за его настырность.

«Поэзия — это истина в бальном платье». Такое определение он более всего принимал.

Первый раз Владимира Высоцкого он слушал в своем Политехническом в актовом зале на Первомайской улице. Ходили до этого записи. Мощный и будоражащий голос не позволял быть равнодушным. А тут вышел на сцену худощавый парень, совсем на вид свой, и, когда особо шустрые, настраивая свои магнитофоны на запись, начали суетиться, он жестко объявил:

— Ребята, вы мне будете мешать, давайте все уберем, иначе петь не буду.

И странно, никто не обиделся. Он успел стать всеобщим кумиром в Самаре. Ему, как звезде, многое прощали.

Тогда, перед началом концерта, он налил полстакана воды и, прежде чем выпить, скорее, прохрипел, чем сказал:

— Ваше здоровье! — И чуть погода. — Вы не думайте, что я специально хриплю, у меня действительно такой голос.

С выступлением во Дворце спорта чуть было не получилась заминка. Как тогда слышал Касторгин, чтобы быть от греха подальше, комсомольское руководство в день выступления намеренно уехало в Тольятти, но активисты из городского молодежного клуба подсуетились и прорвались за разрешением к первому секретарю обкома партии Владимиру Павловичу Орлову. Тот не долго думал — разрешил.

Кирилл Кириллович жалел, что не попал на вечер памяти певца. Хотелось бы посмотреть на тех ребят, которые тогда были ко всему этому близки. Ведь должны быть и воспомина-ния, и новые песни, и старые замечательные вещи.

Так хотелось никем не замеченным войти в зал, погрузиться в прошлое, в себя — без ажиотажа, эпатажа, тихо побыть и уйти. Не расплескав то, что было еще твоим.

Он рассеянно глядел на Пушкина, на его кучерявую голову, покрытую белой шапкой снега, и ему вспомнилось открытие своего Пушкина.

«В легендах ставший как туман...»

...Кажется, на четвертом курсе института, перечитывая уже давно знакомое стихотворение Есенина «Пушкину», Кирилл вдруг изумился. Раньше образ белокурого автора, очевидно, заслонял фигуру Пушкина, либо стоял на переднем плане и потому истинный смысл слов «блондинистый, почти белесый» был совсем иным. «Блондинистый, почти белесый» — был всегда Есенин! Но ведь в стихотворении он, Есенин, обращается к Пушкину. Значит, Пушкин — «почти белесый»?!

*Блондинистый, почти белесый,
В легендах ставший как туман,
О Александр! Ты был повеса,
Как я сегодня хулиган.*

Это же написано в двадцать четвертом году! Так почему же все считают, что у Пушкина были черные волосы? Странное и страшное недоразумение. Или — это стихотворение недоразумение, да еще какое?! Но почему оно напечатано?

Первым, с кем решился поговорить на эту тему, был Ни-

колай Францев, сотрудник институтской многотиражки «Молодой инженер», студент-заочник Литературного института. Глядя, как на ненормального, он обрушил на Касторгина всю тяжесть своего литературного авторитета:

— Ты перегрелся: Пушкин — эфиоп наполовину, ты понимаешь — он негр!

— Ну и что? — не то чтобы упрямо, но раздумчиво переспросил Кирилл.

— Негры блондинами не бывают! Ты соображаешь что-нибудь? — сказав это, Францев недвусмысленно покрутил указательным пальцем около виска.

Тогда Кирилл протянул ему томик стихов, раскрывая страницы с известным стихотворением. Указательным пальцем, помывчав ритмично, Францев несколько раз провел по злополучным строчкам, потом картинно швырнул книгу по столу в сторону Кирилла. Книга через весь стол доползла до самого края.

— Дело не в Пушкине, дело в Есенине.

— Что? — не понял Касторгин.

— Есенин, автор, был пьян, вот и сморозил. С поэтами бывает.

— А редактор, издатель — они что, чумовые? — резонно удивился Касторгин.

— Да кто из них что смотрит?..

Кирилл не знал, куда идти со своей догадкой. В студенческой компании, когда он говорил, что Пушкин блондин, его либо поднимали на смех, либо снисходительно молчали. Он и сам порой сомневался. Вглядываясь в прекрасный образ Пушкина, изображенный Орестом Адамовичем Кипренским, он едва ли не чувствовал во взгляде поэта иронию по поводу суетности окружающего мира, в том числе и попыток Касторгина знать истину. На портрете Пушкин был с привычными черными кудрями и бакенбардами.

Те же ощущения вызвал в нем и портрет поэта, выполненный Василием Андреевичем Тропининым. Царственно величавый поэт, правда, был здесь с более светлыми глазами и волосы были близки к каштановому цвету. Так ему показалось, по крайней мере, когда он с помощью лупы разглядывал небольшие журнальные репродукции.

Кирилл перестал вести разговоры с кем бы то ни было о цвете волос великого поэта. Он начал поиски.

И никак не мог принять и смириться с тем, что есть и такие слова о Пушкине: «...невозможно быть более некрасивым — это смесь наружности обезьяны и тигра; он происходит от африканских предков и сохранил еще некоторую черноту в глазах и что-то дикое во взгляде». Кто такая Д. Ф. Фикельмон, насколько она близко была знакома с поэтом, чтобы доверять ей, верить в ее записи?

...Ему повезло случайно. В 1968 году, летом, в книжном магазине на Самарской улице он взял в руки квадратного формата с желтыми подсолнечными лепестками на черном фоне мягкую, какую-то очень теплую книжечку и, раскрыв ее, на первой же странице с изумлением прочел: «Не так давно я имел счастье говорить с человеком, который в раннем детстве видел Пушкина. У него в памяти не осталось ничего, кроме того, что это был блондин, маленького роста, некрасивый, вертлявый и очень смущенный тем вниманием, которое ему оказывало общество...» По книге выходило, что эти слова принадлежали известному русскому писателю Куприну и сказал он их 12 октября 1908 года на вечере, посвященном восьмидесятилетию Толстого в Тенишевском зале.

На обложке значилось: «Евгений Шаповалов. Рассказы о Толстом».

Он быстренько расплатился за книгу и, выйдя из магазина, направился в скверик на Самарской площади. Присел на скамейку в тени липы.

В книжке самарский автор рассказывал о встречах со стариками-степняками в Алексеевском районе, которые когда-то в раннем детстве видели Льва Толстого в его самарском имении.

«Все-таки белокурый, все-таки белокурый!» — ликовало в нем.

Чуть позже он пожалел, что, закончив институт, однокурсники разъехались. Даже Францев куда-то пропал, и в общем-то некому из них, не верящих ему, показать книгу. Он шел по улице и у него было странное состояние.

«Я иду по городу и наверняка процентов на восемьдесят народа, который копошится вокруг, не знает, что Пушкин-то блондин. Так не должно быть».

На трамвайной остановке, чуть в стороне от всех, в светлом костюме и легкой шляпе стоял человек. Человек ждал трамвай, раскрыв газету.

— Извините, у вас какая профессия? — вежливо спросил Кирилл. Ему показалось, что так начать разговор более уместно.

Человек в светлом костюме вопросительно посмотрел на Касторгина.

— Вам зачем?

— Да я... я хотел, понимаете, — Касторгин сбился, забыв приготовленные фразы, и поняв нелепость своего поведения, ступешался.

Но будущий пассажир трамвая спокойно академическим тоном ответил:

— Я директор школы.

— Тогда вот, прочтите, — обрадовался самодеятельный пушкиновед и сунул пальцем в раскрытую книгу.

— Чепуха какая-то, сроду не поверю: Пушкин — блондин. Если так, то тогда мы с вами, дорогой, негры, — и он, весело мотнув рукой, снял шляпу, обнажив крупную голову с белокурой «канадкой».

Подошел трамвай и директор, сунув книгу под мышку, бодро двинулся к дверям.

— Товарищ, а книгу-то! — спохватился Кирилл.

— А... да, совсем вы меня сбили с толку. Ловите!

Кирилл обеими руками поймал подсолнуховый квадрат и пошел к остановке на другой стороне улицы.

Через пять лет в одну из поездок в Ленинград, на «Мойке, 12» он получил ответ на свой вопрос.

— Да, конечно, — сказали ему, — Пушкин в детстве был белокур.

— Но почему же его рисовали черным? — смущаясь, спросил он.

— Но ведь с годами, как у всех, волосы темнеют. Вот посмотрите на пучок волос, срезанных на смертном одре поэта. Они каштановые.

— Да-да, — неопределенно согласился Касторгин.

— А знаете ли вы, что Пушкин был голубоглазый?

— Нет, — выдохнул Кирилл, — не знаю, — он почувствовал себя школьником.

Приехав домой в Чапаевск, он вновь нашел репродукцию с портрета Пушкина кисти Кипренского и долго через лупу разглядывал ее. Выходило, что глаза действительно чуть голубые, но волосы, они были все-таки, как казалось Касторгину, чересчур темные. Загадка. Он тогда поставил себе задачу найти неопровержимые доказательства, что действительно глаза у Пушкина — голубые.

...Сидеть в заснеженном сквере стало холодновато. Театрально воздев вверх правую руку, приподнимаясь со скамьи, Кирилл Кириллович бодро продекламировал:

Полезен русскому здоровью

Наш укрепительный мороз.

— Хорошо сказал! — обратился непосредственно к Пушкину Касторгин. — Молодец!

Но черная курчавая голова величаво молчала, погрузившись по воле скульптура в волны вдохновенья.

«А мы вот суетимся, то есть живем себе, казалось бы, на зависть всем и — перестраиваемся, как можем. Чтобы ты сказал на это, Александр Сергеевич? Если б тебя не сделали гранитным. Ты бы сумел сказать! Ты же был умница. Не зря ведь ни Жуковский, ни князь Вяземский спорить с тобой не могли».

Он подошел к самому краю крутого обрыва. Отсюда сквозь мерзлые ветви кленов вдали справа угадывались Жигулевские Ворота. Молчаливый и мудрый облик Жигулей и Волги успокаивал. Где-то там, в морозной дали, не видимая отсюда лежала восточная, живописная в теплое время года оконечность Жигулей с вершинами Белой и Серной гор, Верблюд-горы, с долинами Крестовой и Гавриловой полян. А напротив — не менее чудная западная оконечность Жигулей с песенным Молодецким курганом, где он не раз бывал когда-то. Даже однажды вместе со студенческой группой встречал Новый год. И среди всего этого чуда пряталась самая живописная долина Девьих гор, как назывались Жигули до Екатерины II, — Бахилова Поляна.

— Здравствуй, мой Жигулевский рефугиум! — почти патетически воскликнул Кирилл Кириллович. — Здравствуй и процветай, и пусть тебя ни один ледник не тронет в твоих тысячелетиях, а мы уж — как-нибудь!

Он перешел улицу Вилюновскую, спустился во дворик Иверского монастыря и оказался у могилы Петра Владимировича

Алабина. Где-то в заказниках памяти держалось, что бывший самарский городской голова, историк, писатель, добрый гений Самары, так много сделавший для города, похоронен не на общем кладбище, а на особицу. Но все равно, могила привела Касторгина в некое замешательство: уж больно она была в стороне от всего. Вернее, чувствовалось, что все сделано, чтобы она была незаметной, кто-то очень сильно когда-то позаботился об этом. Кирилла Кирилловича поразили слова, выбитые на черном граните:

*«Петр Владимирович Алабин
действительный статский советник
Воин и летописец 4-х войн
1849, 1853, 1876, 1877*

*Всецело посвятивший свою деятельность с достоинством
и честью на пользу государству, земству и городу.
Основавший общину сестер милосердия, устроивший
водопровод, памятник Александру II и библиотеку.
Способствовавший к скорейшему окончанию собора
и много другого сделавший.
Вечная память, мой незабвенный,
благородный неутомимый труженик»*

Левее, на другой грани камня значилось:

«1822—1898 гг.

*Варвара Васильевна Алабина
рожд. Безобразова»*

«Прав этот француз, поэт Малларме: мир существует, чтобы войти в книгу. Надо бы, жив буду, начать собирать материал об этом славном человеке. Наверное, замечательная могла бы быть повесть».

Слова на камне, как ратники, боролись, сопротивлялись забвению и наветам. Что-то заставило оглянуться. Наверху стояла монахиня и глядела в его сторону. Глаза их встретились, и черное кольгнулось большой птицей и несуетно исчезло за красной стеной монастыря. Осталось наверху одно сине-белое, в светлых барашках небо.

Касторгин обошел несколько раз могилу вокруг, чувствуя странное внутреннее волнение, властный гул или ток шел через него, заставляя прислушиваться и к себе, и к вроде бы молчавшему надгробному камню. Он понимал, что находится во

власти некой силы и природа этой силы не понятна обычному будничному праздному разуму. Но наступает некий момент, когда словно попадаешь в иной параллельный мир и зримо начинаешь видеть себя зависшим над бездной, готовым провалиться и пропасть в этом сонме ушедших душ, живших до тебя: гораздо более талантливых и достойных, но уже ушедших, сделавших свое дело. Касторгин ощутил всем своим существом неспособность противиться этому, казалось бы объективному, но все равно не принимаемому душой напору вечности. Он стал путаться в мыслях и, почувствовав странную боль в голове, вышел с монастырского двора.

«Я ведь не боюсь смерти, — убеждал себя Кирилл Кириллович, — не боюсь, по-моему это так, но я сильно противлюсь бессмыслице жизни. Я не хочу жить бессмысленно. А смысла я пока не нашел. Другие, что? Нашли? Чтобы ты ни сделал, все относительно. Абсолютного смысла нет. Она вот! Что, неужто нашла? — думал он, глядя на молоденькую с кротким лицом монашку, вышедшую из убогого подъезда деревянного дома и семенящую в монастырь, — думает, что нашла. Повезло ей, она верит. Рядом с Пушкиным мне только что было и легко, и отменно, я был другой человек».

Касторгин не спеша направился по узенькой дорожке к автобусной остановке, что почти напротив красно-белого здания Жигулевского пивзавода и бара «Фон Вакано» с огромной красивой рекламной пивной бутылкой над входом. Здесь была другая жизнь. Ее шумливое течение с ходу подхватило его. Быстро подошел автобус, и он, поднимаясь на площадку, подталкиваемый сзади компанией молодых ребят, оказался у окна.

«Надо бы взять билет, да не протиснешься сразу», — только и успел он подумать, как услышал металлический голос:

— Берите билет, молодой человек.

— Сейчас, надо хотя бы суметь развернуться в давке-то.

— Разворачивайтесь, разворачивайтесь!

— У меня, между прочим, пенсионное удостоверение, — неожиданно для самого себя как бы извинился он.

Кондуктор отреагировала так, что его вовсе огорошило:

— Какое там пенсионное удостоверение, автобус-то «шестьдесят первый — скорый», на нем все должны брать билеты, а не хотите — не садитесь, мастера притворяться.

— Сколько надо? — упавшим голосом спросил Кирилл Кириллович.

— Две тысячи.

Он вынул пятитысячную купюру и протянул через головы кондуктору. Автобус шустро подъезжал к остановке, а кондуктор все копошилась со сдачей. Сделав немалое усилие, Касторгин протиснулся к выходу. Едва он по-молодецки соскочил на тротуар, дверь захлопнулась.

«Сколько же я проехал остановок? — прикинул он и, ухмыльнувшись сам себе, добавил: — За пять тысяч получилось всего две. Ну и ну, не везет мне сегодня. Так у всех пенсионеров, что ли?»

ГЛАВА ПЯТАЯ

Каникулы в Джоррет де Мар

У Касторгина была особенность, которую он знал и с которой уже свыкся: он мог путать, когда точно было какое-то событие, но не мог забыть, как это было, при каких обстоятельствах, кто что сказал, как сказал и посмотрел, какая была погода, запахи — это в нем оставалось очень надолго. Надолго оставалось и хранилось в нем его отношение ко всему тому, что поразило или просто заострило на себе внимание. Такова была его натура. Был конкретен. Замечал, не заставляя себя это делать сознательно, многие мелочи, из которых, как он понимал, и состоит жизнь

Сейчас ему все чаще вспоминался последний отпуск, который они со Светланой провели в Испании. У него была возможность вырваться на две недели. Они это и использовали.

Страна Дон Кихота, Гойи и Дали встретила их ласковым солнцем и постоянно волнующимся у пляжа Средиземным морем. Им досталось, может быть, не самое удачное время для отдыха: первая половина сентября. Уже несколько спала волна самых популярных народных гуляний, которая бушует здесь в июле месяце.

Погода в эти сентябрьские дни была неустойчивая, иногда по три дня подряд пасмурная. Но разве только в погоде все дело,

можно вдыхать аромат гранатовых и апельсиновых деревьев и без палящих лучей солнца.

Одни только названия пленяли воображение. Андалузия! А столица этой провинции — романтическая Севилья?!

Касторгин дал себе слово, что обязательно должен побывать на земле, где навечно прописались Кармен, Фигаро, Дон Жуан. И, конечно же, надо увидеть эту сказку сегодняшних дней — курорт Коста дель Соль, что в переводе звучит как Берег Солнца, раскинувшийся на триста километров вдоль средиземноморского побережья.

Это там, в лучших туристических центрах курорта Марабельи и Торремолинос с их фешенебельными кварталами и всемирно известными площадками гольф-клубов, звезды мирового кино, арабские шейхи, миллионеры и шикарные томные южные красавицы проводят свое свободное время...

Кирилл Кириллович уже был в Севильи, но ему хотелось ее показать Светлане, очень хотелось. Он мог подолгу говорить об этом крае. Когда он был там, то не удержался и исписал несколько страничек записной книжки, которые теперь оказались весьма кстати. Но много помнил и так, будто прошло не три года, а три дня с того времени.

— Понимаешь, из Севильи испанская корона управляла заморскими странами. В Севильи рождались императоры и жили герои «Назидательных новелл» Сервантеса. А какого открытого и веселого нрава здесь были люди! Есть предание, что здесь жила первая любовь великого Мигеля Сервантеса донья Анна Мартинес Сарко де Моралис.

При всей «элитарной» изысканности одних и белоснежной «скромности» других у всех отелей независимо от «звездности» есть одна общая особенность — близость к морскому пляжу. Так случилось: туристический бум Испании увлек Кирилла и Светлану в свой более, чем пятидесятиmillionный поток туристов в год на сорок миллионов местных жителей и пришвартовал в небольшом приморском городке Джоррет де Мар в Каталонии, в сорока километрах от Барселоны.

Небольшой чистенький номер в гостинице «Ифа» сразу понравился. В этом трехзвездочном отеле в номерах не было телевизора и холодильника. Но это не смущало. Телевизор был на каждом этаже, правда, шумливые немцы постоянно успева-

ли первыми включать свои программы. Вообще в гостинице и в городе большая часть туристов были немцы и русские — это они отметили сразу.

Касторгины каждый день стали делать для себя открытия. Одно из них, о котором Кирилл знал и, конечно, приветствовал, была сиеста.

Странно, зачем вам нужен телевизор, если тут веселье начинается до смешного рано: где-то в восемь часов вечера. В этот час курортные города только просыпаются: время сна после обеда — сиеста — святое время.

Кириллу Кирилловичу это подходило вполне. Ему всегда надо было в отпуске в первые три-четыре дня отсыпаться, забыть про завод, про работу, а уж потом активно отдыхать.

Утром и вечером у них был в уютном ресторанчике на первом этаже «шведский стол» с обязательной бутылочкой испанского вина «Дон Мендо». В первый же вечер они выпили по бокалу этого красного вкусного двенадцатиградусного вина за процветание испанской системы отелей группы «Сол». Построив свой первый отель на Майорке почти сорок лет назад, сейчас эта фирма имела уже сто семьдесят отелей во всем мире. Именно эти отели стали пионерами «шведских столов».

— За «шведский стол»!

— За него самого!

В таком легком настроении, еще более облегченном употреблением, заметим, умеренным, испанских вин, они и начали свой отдых осенью 1995 года.

...Их гостиница была на узенькой улице, название которой он сейчас не помнил. По ней, шириной всего метров десять-двенадцать, они спускались к морю на пляж. Надо было пройти всего метров сто. Но какие это были метры! Вся улочка — сплошные кафе, бары, рестораны. Даже продавались русские газеты — «Московский комсомолец», «Труд», «Вечерняя Москва». За двести-двести двадцать пессет каждая, при курсе к американскому доллару сто двадцать пессет.

Кирилл на третий же день пошел искать газеты на русском языке, он не мог долго без газет. Тут-то у газетного киоска он и познакомился с Алексеем Рожновым. Тот тоже брал газеты. Перекинулись ничего не значащими фразами, и обедали уже

вчетвером в кафе «Лидо», где Кирилл и Светлана до того два раза были. Им понравилось в этом кафе с видом на пляж. Было уютно сидеть в тени после пляжа за кружкой пива и наблюдать публику или просто отрешенно смотреть на Средиземное море, взятое тобой напрокат на две, чудом свалившиеся на тебя свободные недели, и делать маленькие открытия, вроде этого:

— А знаете, ребята, почему испанцы громко говорят? — вдруг спрашивала Зинаида, жена Алексея.

— Не, не знаем, не тутошние мы, — отвечал Алексей.

— Они торговцы, в магазинах и на улице у них товар, слева и справа — сплошные торговые палатки и открытые магазины. Они разговаривают друг с другом через улицу. Улочка вроде бы узкая, но дома высокие, все как из колодца поднимается вверх. Они кричат, и все это в наши гостиничные номера летит. Вот так.

...Солнечный денек. Прелесть, а не денек. Отдыхать бы себе бездумно, да нет.

...Кирилл и Алексей лежат на прогретой мелкой «дробленке». Алексей, выставив широкие плечи на солнце, неспеша, вполголоса говорит:

— Посмотри: плоская, жесткая, курит, командует не только на кухне, но и в постели. Лишь только было бы по ее. По-другому не может. И ведь, если бы в чем-то главном, а то и во всех мелочах. Каторга. По молодости терпел, да и молодость брала свое. А потом — вначале стала противна вообще, а дальше — сам не знаю: пропало вообще желание. Я терпеть не мог спать с ней в одной кровати, придумал причину, что она храпит. И потихоньку перебрался в отдельную комнату спать.

— А она действительно храпит?

— Как паровоз, нет удержу. Я никогда не успевал заснуть первым. Проблема вроде бы смешная, но когда этот храп каждую ночь, то изнурительно.

— Послушай, я где-то читал, что любящие супруги, это те, один из которых храпит по ночам, а другой упорно не слышит.

— Это не про нас. У меня такая Наташенька была до жень-тыбы, пухленькая, мягкая, такие ямочки на щеках были, очень просила, чтобы не курил. И недотрога. Дурак, по молодости лез, где доступно сразу. Вот и приобрел себе супружень-

ку, — он повернул голову к морю и кивнул уныло. — Знаешь, она обнаженная похожа на саблю: кривая, узкая какая-то и плоская. И вся белая. Но мужики чумеют от нее. Лезут к ней, с чего — не знаю. У нее и груди какие-то сучьи, тьфу ты, маленькие и висячие. У меня сравнивать есть возможность. Вот же весь пляж со спущенными стягами ходит. Солидные все дамы. А у моей энергии масса. Она поет, танцует прекрасно, только брызги летят. Знаешь, она всегда просила звать ее не Зиной, а Зинаидой, понимаешь: Зи-на-и-да. Мне кажется, от этого она мне стала казаться саблей, изогнутой такой, гнутой: Зина-и-да, чувствуешь? Вот это: «и-да» — это загогулина у сабли.

Кирилл Кириллович изумленно смотрел на своего собеседника:

— Послушай, ты о жене так говоришь, можно ли...

— Больше скажу, — почти злорадно усмехнулся Алексей, — знаешь, у нее влагалище, как клюв прожорливой птички, лютого червячка-мужичка проглотит сходу. Она и здесь уже себе кавалера приглядела.

— Ты что? — Касторгин, не привыкший так говорить об интимном, потряс энергично головой. — Ты что — импотент? Злорадуешься...

— С год назад пропало все. Не мог. Враз пропало. Она и пустилась в гастроли, всех в округе мужиков, что плохо лежали, собрала. Прямо у меня на глазах — всех бабников. Терплю, не сплю с ней, хотя давно все в порядке.

— Так в чем же дело?

— Не хочу я с ней. Потаскуха она. И до того, как у меня машинка сбой дала, при случае погуливала. Я давно, как бычок, здоров, но не могу с ней начинать снова. А братья ее все стараются меня вылечить.

Кирилл Кириллович вспомнил: вчера, когда они бесцельно бродили, с удовольствием рассматривая незнакомое разноцветье лотков и вбирая многоголосье узких улочек, случилось одна сценка.

Заскучавший Алексей попытался шутить. Порой было ничего, смешно, но иногда... Ерничая, он вдруг остановился у подъезда одного из отелей и дурашливо произнес:

— У них тут везде все в прошлом времени: «хотель, хотель».

— Да не «хотель», а «отель», — резонно взялась поправлять Зинаида.

— Вот и я говорю: «хотел, отель», а где же «хочет»?

— Точь-в-точь, как у тебя лично, — вдруг отреагировала Зина, зло взглянув на мужа, и резко приотсталала, уткнувшись в безделушки на уличном лотке.

Касторгин тогда не обратил на это внимания и не понял подплеки. Они разговаривали, оказывается, на своем языке.

...Алексей между тем продолжал:

— Солнце и море делают свое, ей хочется близости. Я это вижу. Это прорывается то в ленивом утреннем потягивании и покряхтывании в постели, то в облизывании кончиком языка верхней губы, когда она поглядывает на мужиков затуманенным взглядом на пляже, в том, как она на меня иногда смотрит — зло и возбужденно. Вот трагедия жизни, а? — И он, как показалось Кириллу Кирилловичу, неестественно и дурашливо громко хохотнул, да так, что игравшие рядом в карты две дамочки враз повернулись в его сторону. Две пары загорелых обнаженных бронзовых грудей качнулись враз и обратились к ним.

— Хочешь анекдот на заданную тему?

— Валяй.

— Встречаются двое приятелей. «Как жизнь Петр Петрович?» — «Да разве это жизнь: уже пять лет как импотент». — «А я, тьфу-тьфу, пока только четыре...»

— Ну дела...

— Она, по-моему, уже здесь догадалась, что у меня все в порядке, по утрам глаза лупит, хорошо, что наши кровати раздельно стоят. Приеду домой и разведусь с ней. Раньше хотел застрелиться. Ага. Думал: выхода нет. Однажды дома сижу, Зинаида — на работе. Ну думаю: раз — и нет проблем. Зарядил «тулку», сел на кровати — с правой ноги ботинок снял. Спокойно примерился. Зажмурился и... провалился куда-то: все забылось, поплыло... Вдруг — мамин голос. Очнулся, открыл глаза — мама стоит: как мел, белое лицо и что-то говорит, а получают не слова, а только отдельные звуки. Никому она об этом случае не сказала тогда. А я твердо понял, что не могу повторить, пока мама жива. Не могу. Я лицо ее не могу забыть. У меня никого нет. Но такого добра, как Зинаида, вон сколько —

целый пляж. Разведусь. Надо, понимаешь, выдержать и не начать с ней как с женой здесь жить, опять все по кругу пойдет.

— Дети есть? — деловито спросил Кирилл Кириллович.

— В том-то и дело — сыну пятнадцать лет. Мы однажды договорились с ней, она ведь со мной как с совершенно безнадежным импотентом вела себя, договорились, как только сын окончит школу и уедет в институт, — разведемся. Но все родственники против. Особенно ее московский брат-коммерсант. Он и организовал нам поездку. Меня взбодрить.

Подошла Зинаида, шумно и с удовольствием улеглась на лежак.

— Мужчины, хотите, я вам процитирую из газеты «Труд» преинтересную вещь, не пожалеете! Вот сейчас, ага, отсюда, поехали: «Группа ученых из США опросила 5200 дам, вес которых на 5-20 кг превышает норму. Выяснилось: в то время как лишь 37 процентов стройных женщин занимаются любовью чаще двух раз в неделю, среди толстушек 38 процентов делают это 2-3 раза в неделю, 18 процентов — 6 раз, а 2 процента — каждый день».

Зинаида на этом месте хихикнула.

— Где только они таких муженьков отыскивают, — вставил Алексей.

«Ну, семейка, — подумалось Касторгину, — вокруг одного все крутится, я с ними обалдею, хорошо, Светлана не слышит».

Зинаида продолжала просвещать:

— «85 процентов полных женщин всегда получают удовольствие от полового акта, а 70 процентов во всех случаях достигает оргазма. С другой стороны, лишь 45 процентов стройных американок испытывают наслаждение, а удовлетворение, уточняет агентство «Экспресс-пресс», получают и вовсе лишь 29 процентов». Каково, а? Вот толстушки, заразы. Тут стараются, понимаешь ли, на диете сидят миллионы стройных дурех, а удовольствие — толстухам.

«Боже мой, она и дальше будет развивать эту тему?» — пожегилса Кирилл Кириллович, хотя и заметил неожиданно для себя, что в ее откровенности и внимании к естественному есть какая-то притягательность.

— А вот и ответ, откуда такие мужчины берутся. Ага, сейчас я вам буду озвучивать. Интересная газета «Труд» оказывается,

болеет за трудящихся, а? Это особенно здесь, за границей, чувствуешь, да. Вот: «Грядет эпоха супермужчин. Вице-президент Валерий Рево в восторге от нового препарата: «Я просто потрясен и ошеломлен эффективностью биологически активной добавки «Супер-Иохимбе Экстракт». После проведенных опытов и экспериментов, я окончательно убедился, что достижение века навсегда избавит Россию от тотальной импотенции. Уникальное вещество из коры этих деревьев поднимает мужскую сексуальность до внушительной высоты... юношеская пылкость вновь станет вашим оружием... появятся буйные эротические фантазии...»

— Зинаида, ну довольно...

— Леш, ну, а чё я, — она томно посмотрела на Касторгина, — Кирилка, это же необходимая информация. Правда? Ведь, мы же цивилизованные. Вот смотрите, — она пальчиком ткнула вниз статьи, — молодцы газетчики — и адресок есть: тут вам и консультация, и покупка. Пожалте вам: «Москва, Кутузовский проспект, 22. 25, 26 и 27 октября с 12.30 до 19.30, в дальнейшем — каждую среду с 10 до 15 часов». Все, как в аптеке. Сила-то мужская в Москве! А, глянь, сколько их приехало в Испанию. Ошибочку делают. Не туда на каникулы махнули.

Общение с семьей Рожновых, если так можно назвать союз, который был между Алексеем и Зинаидой, давало ему, Касторгину, многое для последующих раздумий. Тогда он был счастлив, или, вернее, не думал о счастье, что иногда равнозначно, и всерьез не воспринимал рассуждения Алексея. Но теперь все чаще и чаще невольно перебирал те несуразности своего нового знакомого: «Размахай» — так он назвал его тогда в Джоррет де Мар.

— Кириллыч, ну помоги мне сбегать куда-нибудь мою пантерочку, — лежа на спине, подставившись весь под утреннее солнце, говорил Размахай-Алексей. — Мне надо вечером посетить «Тройку». Возьми мою и свою и стоняйте в Барселону. Хреново, что я со своей на корриду уже съездил, она второй раз не поедет. Вот что: я «прихворну», а ты предложи съездить в дом-музей Сальвадора Дали, вернее, театр-музей Дали в Фигейросе. Это недалеко. Она мне все уши дорогой еще прожужжала.

— Ну, а сама коррида-то как?

— Мне не понравилась, Зинаиде — да, очень понравилась, аж ножками сучила.

— С чего так — не понравилась?

— Понимаешь, там не бой, а сплошное убийство быков. Распланированное артистическое действо: примерно на каждой двадцатой минуте уставшего, измученного прежде пешими, я их насчитал до семи, человек, а потом еще двумя на лошадях, с бронированными попонами, быка забивал тореро. Причем, более половины было убито не с первого раза. Может, это специально, я не понял, чтобы пощекотать нервы. Но вот уж финальная сцена, когда добитого ножом быка за рога вязали веревкой и тройкой лошадей волочили с арены, конечно, жуткая. Только что на глазах было существо живое, дикое, красивое, безжалостно поставленное в условия, когда надо защищаться, и вдруг через двадцать минут — все! Труп. За три часа корриды убили шестерых быков. Мне один больше всех понравился, рыжий такой, небольшой. Он одного стервеца, ага, с плащом так здорово поддел, что тот упал, вскочил и спрятался за специальный барьерчик в нишу. Туда бык с его рогами просунуть голову не может. Все предусмотрено. Мясники.

— Но ведь, наверное, риск есть большой!

— Есть, и немалый. Но уж больно силы неравные, все обставлено для убийства, а не для поединка. Не столько быков жалко, сколько неловко за людей с оружием.

— В доме-музее Дали мы уже были.

— Когда успели? — удивился Алексей.

— За день как с вами познакомились.

— Ну и как?

— Не знаю, однозначно не могу определить. Он большой оригинал, может, например, мужскую голову извять, поменяв ухо и нос местами.

— Хорошо еще, что только эти части меняет местами, — резюмировал Алексей.

— Моя Светлана долго стояла, — продолжил Касторгин, — около этой головы и поняла то, что я не понял, — почти серьезно рассказывал Кирилл Кириллович, — это гимн жизни, а вернее, ее красоте и целесообразности! Так она определила.

— Не понял, — признался Алексей.

— Что ж тут не понять. Великий Дали показал, как было бы гнусно, если бы многое поменялось местами, было не так, как сейчас. А если все на месте, дружище, все, как надо, так радуйся! Руки, ноги и все прочее...

— А-а-а, ну да, — согласился Алексей, — у меня тоже все на месте, отпустите меня в «Тройку», робяты!

— А «Тройка», это что? — спросил Касторгин, полуобернувшись со спины на правый бок и из-под ладони левой руки пытаясь отыскать глазами ушедших к воде женщин.

— Так ты несколько раз проходил мимо. Это русский ресторан со щами, пельменями. Наверху номера с девочками. При чем русскими.

— Ладно тебе... — неопределенно усмехнулся Кирилл Кириллович, подивившись то ли вездесущности Алексея, то ли простоте, с которой тот говорил о вещах, при разговоре о которых Кирилл внутренне чувствовал какое-то сопротивление и неприятие. И не знал: сопротивление это правильное или нет?

— Нечего ладить, девочки там ого-го!

— Неужели ты, — Касторгин, скосив через очки глаза, как слон на насекомое, глянул на Алексея, — неужели ты запросто пойдешь к проституткам?

— А почему нет? — Алексей, не меняя позы, лениво и размеренно брал в горсть мелко дробленные камни, которыми был засыпан вместо песка весь пляж, и, растопырив пальцы, просеивал себе на волосатый живот. — Может, черненькая попадется! Или мулаточка. Мечта поэта! Слушай, а почему у них вместо песка эта вот дробленка? — Он помолчал и подчеркнуто поучительно продолжил: — Теснились, перли друг на друга, напирая, тысячелетия. Войны, эпидемии убивали целые континенты. Проходили целые народы. Приходили и уходили великие завоеватели, хромые и не хромые, всякие. Все было не вечно. Но проституция была, есть и будет.

У Касторгина, что называется, вытянулось лицо и... поглупело... так можно сказать.

— Ты что, читаешь где-нибудь лекции об этом? Больно как-то основательно?... А всего-то лишь избыток гормонов голову кружит.

— Нет, — черпанув почти из-под Кирилла (мало ему во-

круг) следующую порцию дроблёнки, лениво сказал Алексей, — я, видишь ли, врач, и — циник, надо сказать, думающий притом.

— А-а, — протянул Кирилл Кириллович, — циником прикидываешься, так проще?

— Может быть. Но я оказался в таких осях координат, где — верность — неверность, норма — разврат, приличие — наплевать на все. Приходится анатомировать, анализировать. И самого себя, в том числе. Помнишь, ведь давно уже сказано, кем — забыл:

*Человек приятен и красив бывает,
Но внутри него кишки — они воняют.*

Касторгин изумлялся своим собеседником все больше и больше. В начале их знакомства он показался Кириллу увальнем, флегматичным малым, эдакой спокойной рыхлой массой с крупным неинтересным лицом, с двумя пронзительными, как у гориллы, глазами. Они-то тогда еще обратили на себя внимание Кирилла Кирилловича. А вот жена его, подвижная живая непоседа, она сразу вначале заполнила все пространство вокруг Касторгиных, везде опережая и все предугадывая. Он не знал, что с этим делать, ибо и после разговоров с Алексеем чувствовал, что она, Зинаида, незаурядна.

«Где они там? — подумал он, вглядываясь в живописный ряд отдыхающих около самой воды. Найдя их, отметил, что жена Алексея лежала на спине, сняв бюстгальтер. Усмехнулся. — И здесь она проявилась... Хорошо бы, чтобы они подольше не приходили, надо циника дослушать до конца, иначе он при них не будет так говорить. Пусть его жена загорает, подставив обнаженные, вислые груди солнцу».

— Я своему сыну открыто сказал: хорошо бы иметь тебе связь не с какой-нибудь студенточкой, а с солидной вдовушкой, опытной и разумной.

— Да ты что? — выдохнул Кирилл Кириллович.

— Что! — усмехнулся Алексей. — У тебя сын? Дочь?

— Дочь, — ответил упавшим голосом Кирилл.

— Ну с дочерьми подождем, давай про сыновей. Ранние и скороспелые браки чаще всего бывают связаны с буйством половых гормонов. Это буйство гормонов отражается на способностях мыслить объективно. Мощное половое влечение

принимается за безумную любовь. Ломают дрова. До свадьбы она уже беременна. А он, удовлетворив естественные желания, остывает к своей будущей супруге. Женившись под натиском родственников и собственной совести, он обрекает себя на ка- торгу.

— Но ведь часто потом, в таких случаях, отношения вырастают в любовь, а не только в супружеские обязанности?

— Ой ли? Часто ли? Это вопрос. Это скрытые для мира ты- сячи трагедий, — он стряхнул песок с живота, смешно дернув- шись на спине. Как лягушка растопырив все четыре конечности. — А вот, выпустив пар в публичном доме, будущий жених выбирать свою спутницу жизни будет куда рассудительней. Да и его невеста будет свободна от его добрачных домогательств, будь он сексуально разряжен. Вот модель, которая делает от- ношения более разумными и спокойными.

— Ну ты, папаша, даешь! — отозвался Касторгин, но сам уже чувствовал определенную привлекательность такой «мо- дели».

— Мы ведь в СССР считали всегда, что проституции нет, так?

— Так, — невольно согласился Кирилл Кириллович.

— Она была запрещена, уголовно преследовалась. Сутене- ров судили, девиц выметали метлой, высылали. Существую- щая мораль все делала так, чтобы у нас женщиной пользова- лись на халяву.

— Ты так все академично излагаешь, откуда это?

— А я тебе скажу, это ведь не только моя идеология. Мы в Самаре на кафедре это обсуждали. Мой учитель — известный профессор, я вас как-нибудь познакомлю, меня утвердил в моих взглядах. Это жизненно. Так вот, при внебрачной связи все ведь задарма. Ну там, сводил в ресторан, недорогой сувенирчик...

На лицо Кирилла Кирилловича упала тень, он открыл глаза и метрах в двух увидел раздевающуюся женщину. Он ее узнал, она вчера в это же время была здесь. Худая, бесстрастная, лет тридцати. Она ни на кого не глядела, была вся в себе: раздева- лась ли, смотрела ли невидящим взглядом на него, Алексея.

«Странная какая, такой можно быть в глубочайшей депрес- сии. Или это просто напускное, так легче в толпе. Своя ниша».

Она его удивила ещё в прошлый раз, когда, как и большинство женщин, сняв верхнюю часть купальника, обнажила грудь. Кирилл Кириллович честно старался не глядеть на обнажающуюся прямо перед ним женщину. Светлана видела, что Кириллу от этого не по себе и он отводит глаза. Она беззаботно посмеивалась. И все же получилось так, что он в упор взглянул на нее, на ее грудь. Боже, он даже чувствовал запах ее кожи. Женщина была худа и грудь ее, небольшая, детская, не загорелая — была необычной. Вместо сосков на небольших темнеющих пяточках были дырочки. Два аккуратных темненьких отверстия. Касторгин внутренне ошалел. Он не удивился, не испугался — он растерялся. Он не предполагал, что бывает так... Что это?.. Но такое состояние мыслей Касторгина и женской груди было очень недолгим: совершенно как-то очень буднично и откровенно, стоя почти во весь рост к пляжному люду, женщина словно между прочим, как само собой разумеющееся, как поправляют шляпку или бант, одновременно ладонями обеих рук поддерживала, чуть подперев снизу груди, а большими пальцами провела очень ласково и нежно сверху вниз. И, о Боже, из этих дырочек тут же показались размером и формой, как пульки от пистолета Макарова, коричневые, с синеватым отливом соски. Соски, хотя и смотрели, казалось, в разные стороны, но стреляли прямо в Кирилла Кирилловича.

«Они у нее замерзли, что ли? — тупо соображал Кирилл. — Но ведь жара кругом?»

Такого Кирилл еще не видел.

Сегодня все повторилось. Кирилл Кириллович не мог не замечать уже знакомых движений этой женщины. Но отличие было: не обе «пульки» запали — одна, у левой груди. У правой сосок ликующе встретил весь мир и Касторгина без посторонней помощи, выскочив из ямочки самостоятельно.

«Наверное, купальник такой тугой, что ли, давит сильно», — успел подумать Кирилл Кириллович. Вернул Касторгина в нормальное состояние Алексей.

— Сейчас что? Люди начали понимать при рыночных условиях, что легче воспользоваться платными услугами: меньше надо тратить ума, энергии, времени и т.д. Да, общественное сознание не приемлет открыто проституции, но ведь при половой

несовместимости супругов или, как в моем случае сейчас, секс за деньги может как-то решить проблемы.

— А любовницы?

— Что любовницы?

— А вдруг все будет, как ты говоришь: проституция будет легализована. Тогда не будет любовниц, это будет преснятина, а не жизнь. Человечество не простит этого.

— Да ладно, все скомпенсируется. Одному надо одно, другому — другое.

— У нас легальной проституции не будет, — убежденно произнес Кирилл Кириллович. — Мы не рациональны. Мы, россияне, живем сердцем, душой — это наша беда, но и большое достоинство. Это нас отличает.

— Нам надо обязательно отличаться?

— Нет, — спокойно ответил Кирилл Кириллович, — мы просто такие. Намешано в нас много, азиаты мы. В крови — коктейль. И это все под одну разумную планочку, как, допустим, у немцев, у нас не подгоняется.

— Ты говоришь общеизвестные мысли и факты, а хочешь, я тебе покажу на примере, что общепринятое не всегда верно?

— Я знаю: так бывает. Ведь даже любая мораль — это всего лишь общепринятые нормы. Тебе нравится все западное?

— Ты ведешь в философию. Ты интеллигент. Ты мне, бедному крестьянину, нравишься, но я люблю конкретику, — Алексей поправил завалившийся зонт и продолжал: — Не смотрю я на Запад, заломив голову. И не очень люблю, когда делают это другие. Интересная штукавина, — вдруг встрепенулся он, — вот случай: сейчас у нас, везде вошло в моду такое словечко — «трахать».

— Тише ты, — Касторгин дернулся, — люди же кругом.

— Да они не слышат ни бельмеса, — он продолжал: — На телевидении, на улице: «трахать и трахать», и всем кажется, это очень по-заграничному, очень по-сегодняшнему. Дудки! В моем селе, еще в пятидесятые годы это выражение было в ходу, и очень. Я сам свидетель. И мне удивительно, что это словечко считают чужим изобретением. Просто человек, впервые переводивший на наш язык, либо знал его, либо интуитивно чувствовал.

— Ну и что?

— А то, что даже серьезные люди промахиваются. В «Литературной газете» мной любимый поэт Константин Ваншенкин одного прозаика ругает за то, что тот употребил это слово, избражая события, которые были задолго до перестройки. Якобы такого слова тогда не могло быть. Я свидетельствую: было. К сожалению, поэт ошибается.

— Ну и что? Что дальше?

— А ничего, кроме того, что жизнь настолько разнообразна и изобретательна, что в ней может быть все и до нас, и после нас!

— О чем это вы, мальчики? — подошедшие жены стояли рядом. Светлана положила руки сзади на плечи Касторгину.

— Смотрели тут без нас на чужих женщин?

— Я — не, зачем мне? — быстро отреагировал Алексей и кивнул на Кирилла. — Он смотрел и опять на одну, на эту самую...

— А-а, — протянула весело Светлана, — попались оба, а отвечать одному?

...Сейчас, вспоминая то время, Касторгин невольно жалел, что потом они со Светланой вместе уже больше так не отдыхали. Ему было все некогда, а она одна ехать никуда не хотела, так она говорила...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Дом у набережной

В Самаре на Волжском проспекте, между гостиницей «Волга» и кинотеатром «Волна» стоит неприметная пятиэтажка, прямо внизу под зданием цирка и Дворцом спорта. В этом доме и жил теперь Касторгин. Крепкое еще, сталинских времен, здание особенно ничем не выделялось среди прочих, хотя сам район когда-то считался престижным и сюда стремились (и в этом помогало областное руководство) заселиться бывшие партийные руководители городских и сельских организаций, местные чиновники.

Была одна хорошая особенность у этого дома: два его подъезда выходили прямо под Косогор, спускавшийся от Дворца спорта. И весь этот Косогор был в зелени. Росли здесь, в основном, клены, но попадалась и сирень. В неупорядочной лесной

чаще росли, цвели и радовали глаза ландыши. Это был маленький чудесный оазис, который придавал своеобразную прелесть дворику. Можно было забыть, что рядом загазованная выхлопными автомобильными газами без подземных переходов магистраль Волжского проспекта. Чтобы оказаться на берегу Волги и вдохнуть волжского речного свежака, надо было обязательно перемахнуть через поток автомобильных испражнений. Кирилл Кириллович и Светлана радовались близости с Волгой. Хотя однажды получилась, как бы это назвать: экологический курьез, что ли?

У Касторгина что-то стало не в порядке с носом, врач обнаружил в правой ноздре нечто вроде кисты — небольшой круглый нарост, который и мешал нормально дышать. Доктор предложил удалить кисту. Касторгин согласился тут же, с интересом кося глазами и наблюдая за манипуляциями с петлей из стальной струны, которой доктор и вырвал, а вернее, срезал то лишнее, что мешало. Когда Кирилл Кириллович подъехал к подъезду своего дома, ему захотелось после больничной атмосферы прогуляться вдоль Волги. Отпустив шофера, он не спеша направился к набережной, на ходу решив поменять тампон из ваты, закрывавший ранку в носу. Хотя крови и не было, Касторгин все же вложил в ноздрю новый кусочек ваты. Этот-то вот кусочек свежей ваты и обеспечил ему, так сказать, чистоту невольного и случайного эксперимента.

Удачно выбрав момент, он не спеша пересек широкое плотно дорожного асфальта Волжского проспекта вместе с забавной суетливой старушкой, явно и наивно полагававшей, что внушительная статья Касторгина в критический момент окажется сильнее мощи машинной.

Он гулял недолго, минут пятнадцать. Сыроватый волглый мартовский воздух, рыскающие без поводков собаки с самодовольно наблюдающими за ними владельцами, нечистоты в ноздреватом снегу подействовали на него не самым лучшим образом, и Касторгин быстро повернул к дому.

Дома, вынув свой тампон, Касторгин изумился: вата была не серой даже — почерневшей. За два перехода через Волжский проспект — к Волге и назад вата забила гарью и копотью, витавшей в воздухе, работая как фильтр. «Погуляли что называется», — заключил уныло Кирилл.

Он показал результаты своего нечаянного опыта Светлане.

— Батюшки! — вовсе на нее непохоже изумилась жена. — Из огня — да в полымя. Из Чапаевска вырвались, лишились гаража, дачи, думали, черт с ними, лишь бы поближе к Волге. Как же моя щитовидка, я так надеялась на чистый воздух.

Жену сильно поразило случившееся.

Кирилл Кириллович тогда это отметил.

— Я еще летом удивилась: вдоль всего проспекта от «Пельменной» в конце набережной до другого конца, до бассейна СКА стоит сплошная, нельзя пройти, вереница машин. Весь город съезжается на набережную травить нас газами. За этим же никто не следит. Самотек!

...У Касторгина была привычка разговаривать с деревьями, как с людьми. Где бы ни был, он обязательно выискивал себе, облюбовывал несколько деревьев, и они быстро становились ему необходимы. К ним он ходил помолчать, либо, наоборот, поговорить. Ему от этого становилось и легче, и светлее. Такие деревья были у него и в Тольяти, и в Новокуйбышевске, и, конечно, в Чапаевске, где он последние два десятилетия работал на заводе.

В Самаре на набережной Волжского проспекта он в первый же месяц «свел знакомство» с березой — одной из четырех красавиц в той части аллеи, которая обсажена с левой стороны липами, а с правой елями, если идти к бассейну.

Красавицу березу он сразу выделил, она росла самой крайней от плавательного бассейна. Она была такая же рослая и стройная, как ее подружки, но виделась в ней какая-то особая стать. И особая белизна коры, как бы подсвечивалась изнутри розоватым светом. У других этого не было. Даже воронье гнездо было только на этой березе. Это была породистость, схожая с той, которой, к примеру, обладала артистка Вия Артмане. Он так и назвал березу — Вия. Хотелось обязательно подойти и непременно потрогать. Так и делал всегда Касторгин, когда совершал свои прогулки.

Если зимой повернуть от березы назад и, дойдя до последней ели, свернуть влево и подойти к парапету, внизу откроется интересное зрелище: пешеходная переправа через Волгу в село Рождествено. До десятка повозок, запряженных разномастны-

ми лошадьми, привлекают внимание зевак. Легкий матерок гуляет над головами. Возчики, греясь водочкой, слов не выбирают. Незлобиво перебраниваются, когда не соблюдается очередь на посадку. Запах конского помета будоражит, остро бьет в нос.

Через Волгу туда-сюда гуляет цепочка людей. Если на минуту забыть, что за спиной здание администрации области, гостиница «Волга», цирк, забыть, что есть современный город Самара, то, глядя на открывающуюся картину внизу, можно поверить, что ты в другом столетии.

В такие минуты Касторгину хотелось быть именно там, в начале столетия и хоть чуть-чуть вдохнуть того воздуха и увидеть, почувствовать тех людей. Какие они были? Быт был другой — это понятно. Пуховиков не было, вот этих юрких «Буранов» не было. Но что-то ведь было и давало всему движение? Жизнь была! Какая — вот интерес в чем? Ведь люди в Самарской области, на ее территории, в Среднем Поволжье жили уже сто тысяч лет назад. Отсюда уходили племена воевать с армией Александра Македонского. Как мог еще в XIV веке, во времена монголо-татарского ига, митрополит Киевский и Всея Руси Алексей, проезжая через самарский край из Золотой Орды, где он вылечил жену хана Чанибека Тайдулу от куриной слепоты, угадать появление такого большого города с блистательным будущим? Как все это было? Легенда это или нет? Какая тут была жизнь? Что и от чего зависело? На чем все держалось? Так ли было, как показывают в кино, описывают в книгах? Какими были завоеватели из Средней Азии Тимур и Тохтамыш — хан Золотой Орды, столкнувшие свои армии на волжском притоке реке Сок и впадавшей в него Кондурче в одной из самых грандиозных битв средневековья?

При таких мыслях Касторгин иногда озирался, будто боялся, что кто-нибудь подслушает эти его мысли или прочтет их по его лицу и скажет: эго, уже седеющий мужик, а в голове — ералаш. Касторгину нравилось шагать вдоль Волги.

Он бывал в волжских городах: в Саратове, Волгограде, Астрахани по несколько раз и мог подтвердить, что, действительно, просторнее и красивее самарской набережной на Волге нет.

Он улыбнулся, вспомнив видеоклип, показанный недавно по центральному телевидению. Там Никита Михалков повто-

рял давно ставшее банальностью утверждение, что самые красивые девушки — в Самаре.

...На той стороне, на правом берегу манило село Рождественно. Странно, о нем так много слышал Кирилл, но никогда там не был. Его знакомый — Михаил Илларионович Радаев, директор Самарского нефтеперерабатывающего завода — был родом оттуда. Он однажды приглашал Касторгина съездить в село, да как-то не сложилось. «Обязательно схожу по льду, — пообещал сам себе Кирилл, — говорят, там и церковь есть, надо бы созвониться с Радаевым, ведь мы были когда-то дружны. И надо зайти в ресторан «Джунгли», — вспомнил он давнишнее свое намерение, — надо же по-настоящему осваивать акваторию».

...Он оттолкнулся легонько руками от парапета и, повернувшись, намеревался было идти домой, но замер. Мимо него шла изящная женщина странной и в то же время знакомой походкой. Зимняя одежда не лишала ее грациозности. Хрупкое, нездешнее существо. Это была артистка Ершова. Он сразу ее узнал. Странно, он мог поклясться, что и она его узнала, хотя они не были знакомы. Она посмотрела на него как на старого знакомого и слегка улыбнулась. Он было хотел пойти навстречу и что-нибудь сказать, чтобы она поняла: он рад ее видеть, она прекрасна, несмотря на возраст и даже вопреки ему. И если она одинока сейчас — это не беда, у нее столько поклонников. Но что-то сдержало его. Он остался стоять на месте. А она проплывала мимо с застывшей полуулыбкой на губах.

Касторгин смотрел ей вслед и никак не мог вспомнить, где и когда с ним было похожее.

«Цапля», — изумленно произнёс он. Несколько раз в чапавских лиманах он внезапно натякался на цаплю, всегда одинокую и грациозную, заставлявшую восторгнуться и восхищенно наблюдать еще одно чудо, которое удалось создать природе. Цапля никогда не была суетливой. Словно она знала, что создана радовать своей неспешностью и грациозностью.

...В кинотеатре «Волна», который был у него почти во дворе, шел, как это ни странно, стереофильм еще его студенческой поры «Таинственный монах».

Его они со Светланой смотрели в Сочи. «Прекрасное было время». Он в задумчивости миновал маленький дворик и вошел в свой подъезд.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Гость с Алтая

...На прошлой неделе проездом из Москвы три дня у Касторгина жил его давний знакомый — директор завода с Алтая Финаев Анатолий Иванович. Один из тех, с кем когда-то учился в Ленинграде. Ему уже шестьдесят два года. Грузный, он приходил вечерами после рабочих встреч замордованный, но, приняв душ, быстро оживал.

В первый же вечер, выйдя на набережную подышать после столицы волжским воздухом и выгащив с собой Кирилла Кирилловича, директор рассказал историю, которая крепко задела в памяти Касторгина:

— ..Ты знаешь, одно из самых ярких впечатлений моего детства связано с летчиками. Жили мы в то время в алтайском селе. Я учился в пятом классе. Село жило спокойно, как-то плавно, даже не было у нас своего чудика, как в рассказах Шукшина. Ему больше везло на них. И вот, вдруг в нашу тихую гавань прибывает на постой звено летчиков. Работяги, они опыляли наши районные поля. Все молодые, загорелые, веселые. Двое определились жить у наших соседей Ваньковых, у которых был пятистенок и большая погребница, где установили кровать и топчан. Нам, пацанам, все было интересно, многое удивляло. После работы ребята могли свободно слетать на своем У-2 в райцентр за пивом, либо в соседнее село на танцы. Однажды на глазах у ошеломленных пешеходов командир Алексей пролетел под мостом.

Кирилл Кириллович засомневался:

— Анатолий Иванович, это ж Чкалов в кино пролетал под одним из ленинградских мостов, у вас на Алтае и моста-то такого нет.

— Почему Чкалов мог, а Алешка нет? Алешка мог многое, другое дело — в кино не попал. У мост я тебе покажу, приезжай в гости.

У Касторгина не нашлось подходящих доводов возражать, и он смолк.

— Все было бы хорошо, если бы Алексей не начал ухаживать за хозяйской дочкой. Верочке шел всего семнадцатый год.

Светленькая, легкая и беззаботная, рядом с похожим на грача, цыганистым и веселым Алексеем она выглядела еще замечательней. Верочкин отец резко запротестовал против их прогулок. Оно и понятно. Грач, так мы все звали Алешку, лет на десять старше ее, да и кто знает, холост он или женат уже несколько раз — поди узнай. Летуны. Они народ легкий, любят погулять на стороне. Так или иначе, а вещички его Верочкин отец выставил за порог на глазах у соседей.

Я взобрался на сенцы и видел всю эту сцену. Обычно веселый и приветливый, Грач стоял, прислонившись к ограде палисадника и набычившись, в упор смотрел на разъярившегося хозяина дома.

— Все? — Грач с нервной усмешкой спросил дядьку Егора, когда тот нарочито бережно, как туфельки Золушки, положил на лавочку у ворот щегольские ботинки постояльца.

— Нет, не все! Еще добавлю: если увижу рядом с Веркой вечером, погуляю штaketиной по спине. Понял?

— Ладно, отец, — Грач явно разозлился, но держал себя в руках, теребя левой рукой черные усы. — Драться я с тобой не буду, твой двор — ты и хозяин. Но проучить тебя надо, уж больно ты петушишься. Это нехорошо... — сказал и резко оттолкнулся от палисадника. — Ты когда на свою трубу на крыше дома в последний раз любовался, а?

— Че бормочешь, нечего сказать?

— Есть чего! Посмотри напоследок, через двадцать минут ее не будет. — И обратился к толпе зевак, собравшихся около ворот, с широким клоунским жестом: — Господа, последний номер программы! Называться будет: «Труба трубе». Слабонервных прошу удалиться в чапыжник... Номер будет исполнен на аэроплане У-2. Труба будет сбита левым колесом. Исполнитель — Грач из Самары, между прочим, из запанских. В Самаре знают, что это такое — запанские. У меня все, пока!

— Шут гороховый, — Егор сплюнул и спокойно пошел к калитке. Он не принял всерьез сказанное Грачом.

— Неужели Грач выполнил задуманное? — Кирилл Кириллович нетерпеливо смотрит на рассказчика.

— Выполнил, — усмехается тот, — только дорого ему это обошлось.

...Самолет появился в воздухе минут через тридцать со стороны Ильмена. Поднялся высоко в небо, словно дразня, сделал два плавных круга над селом и пошел на снижение. Похожий на коршуна, он не сразу набросился на цель, а на высоте метров в тридцать сделал еще два круга, но уже над избой дядьки Егора, удалился, испытывая, очевидно, нервы собравшихся, и оттуда — издалека, медленно снижаясь, пошел на эту самую трубу.

— Попал?

— Попал, именно попал! — рассказчик не скрывал восхищения, — но, видишь ли, какая вещь!.. либо он еще за что-то задел, либо, как я думаю, там в тот момент образовался какой-то аэродинамический эффект: вослед самолёту поднялась вся крыша! Такой поток разряжения за самолетом создавался, и её сорвало

Наделала, конечно, шума эта история. Летчиков всех отозвали из села. Что с ними случилось, я не знаю. Но, нам, пацанам, да и взрослым многим, жаль было Грача.

— За что жаль, хулиган же?

— Ну, нет, не хулиган — артист, — убежденно возразил Анатолий Иванович, — такие «хулиганы» были героями на войне. Это порода таких людей. В них сидит с рожденья азарт делать то, что не могут другие. Он опоздал, не попал на войну. Вот там бы он пригодился на дело, а в мирной жизни — негде дать выход своей натуре.

Он еще немного пофилософствовал в подобном духе. Помолчал раздумчиво, потом спросил:

— А знаешь, у этой истории есть продолжение, рассказать? Хотя оно и грустное.

— Расскажи.

— Прошло лет тридцать, больше. Я работал экскаваторщиком, заочно закончил институт, работал неплохо, избрали депутатом Верховного Совета СССР. Потом — райком, горком и вот он я — директор завода. И не хотел, и не стремился. Сказали, знаешь, тогда как было: «Надо»... Стал ездить в Москву: то по депутатским делам, то по заводским. И вот в один из приездов, вечером, устроившись в гостинице «Москва», пошел поужинать в ресторан. Взял сто грамм водки, один за столиком. Публики вокруг мало. По соседству у окна сидит видный такой

щеголеватый седой мужчина. Уже при входе в зал во мне что-то шевельнулось внутри. Показалось что-то знакомое в манере потрагивать усы и смотреть насмешливо, но безобидно. Я бы так и ушел, если бы вдруг не услышал его голос, когда он рассчитывался с официанткой.

«Грач! — изумился я, — мать честная, кусок моего детства!»

Я подошел к его столику и, не успев сообразить еще, как начать разговор, выдохнул:

— Грач?

Он не понял и удивленно смотрел в упор.

— Труба трубе! — не унимался я.

Он вновь ничего не понял, но чуть спустя вдруг откинулся на спинку стула, знакомо заулыбался:

— Толик, сосед Егора, да?

— Конечно, — обрадовался я, как будто от того, что он признает меня или нет, зависела вся моя судьба.

Мы хорошо посидели, поговорили. Но про свое лихачество сам он не вспоминал.

— Да, было, было, — так он лаконично подтверждал верность моих воспоминаний.

Мне тогда подумалось, что подобных событий у него было немало. Поэтому он остыл к ним. Я пытался раза два в разговоре коснуться того, чем он сейчас занимается. Было интересно. Он не отвечал. И только под конец разговора выяснилось: он пенсионер, давно отлетался. Списали вчистую. Рассказал скупо. Кончил высшее училище. Стал летать на больших самолетах. Пришло время — на Ту-154 за рубеж. И вот в одном из полетов при возвращении из Румынии произошла такая история: второй пилот, близкий друг и приятель, увидев в салоне архиепископа, осанистого, с большой черной бородой и крестом на груди, во всем черном, пригласил его к себе. Батюшке показалось все очень интересным и под конец он попросил дать поддержать ему в руках штурвал. Перемигнувшись, пилоты уступили его просьбе, незаметно включив автопилот. Батюшка восседал в кресле, «управляя самолетом». Не заметил, как пилоты выскользнули из кабины...

Внезапно обнаружив, что он остался один на один с самолетом, на борту которого больше ста человек, очевидно, ужаснув-

шись воздушной пропасти в девять километров, которая была под самолетом, батюшка стал метаться и кричать в кабине, не выпуская штурвала из рук. Началась паника. Вбежавшие пилоты с трудом смогли успокоить его и только силой расцепить пальцы его рук, прикипевшие к штурвалу.

— И что дальше?

— Отлетался навсегда наш Грач, уволили с грохотом. Обидно за него стало мне очень.

— Что ж обидного — хулиган твой Грач, — подытожил Кирилл Кириллович.

Директор мотнул головой:

— Нет, не хулиган он, понимаешь, не хулиган.

— А кто же?

— Не знаю, тесно таким людям, понимаешь, тесно между нами, такими, с рыбьей кровью! А ты — «хулиган».

Касторгин не мог с ним согласиться, но чувствовал, что рад был бы встретиться и познакомиться с этим Грачом. Какой он все-таки на самом деле?

— ...а ты знаешь, Кирилл, что вот в этом доме жили Демичи? — спросил Анатолий Иванович, когда они после прогулки подошли к маленькой лесенке, ведущей к дому Касторгина.

— Какие? Те, что артисты?

— Да, конечно. Александр Иванович и Юрий, молодой, который в БДТ в Ленинграде потом играл. Сын его.

— Да. Когда я был еще студентом, он играл в спектакле «Валентин и Валентина», сыграл Гамлета. Я хорошо помню его тех лет и Надеждина Сергея, — ответил Кирилл и тут же спросил: — А за что артистов сажали?

— А за что сажали не артистов? Юрий Демич в Магадане и родился, — и, чуть помолчав, добавил: — У Александра Ивановича трудная была судьба, но счастливая. Он начинал в театральных мастерских под руководством Всеволода Мейерхольда, а потом — колымские рудники. Расставшись с рудником, он играл в Магаданском театре, кстати, в этом же театре рядом с Демичем в центральных ролях часто выступал и ведущий актер МХАТа Юрий Кольцов. В 1955 году с него сняли обвинения. Ему аплодировали москвичи в огромном зале Кремлевского театра. В концерте, посвященном годовщине Великой

Октябрьской революции, он, Александр Демич, выступал в роли Владимира Ильича Ленина. Вот выворот! Да!

— Анатолий, — изумился Кирилл, — откуда ты такое знаешь?

— Мой дядька и ваш самарский писатель Лев Финк были хорошо знакомы, оба сидели когда-то вместе. От него и узнал, а Александра Ивановича я не один раз видел. И дома у него два раза был. Вон его окошко. А вообще земляков-писателей читать надобно, Льва Финка, например, «В гриме и без грима».

— Я читал, только подзабылось. Финк у нас в Политехе вел в шестьдесят пятом году курс эстетики. Своеобразный был человек, — говорил Касторгин, а сам все поглядывал на окна бывшей квартиры Демичей.

По вечерам из окна своей кухни Кирилл Кириллович часто видел в ней мелькание жильцов. Он уже к ним привык: там был мужчина, чаще всего в красной майке, пожилой и медлительный, и женщина с быстрыми движениями.

«Странно, откинуть назад два десятка лет, и здесь можно было встретиться с Демичем».

...Анатолий Иванович умел удивлять собеседника, это Касторгин знал. В нем было накоплено такое количество историй, встреч, что он мог позволить себе расточать это богатство небрежно и неожиданным образом:

— Ваш Геннадий Матюхин открыл все-таки центр Шукшина или нет?

— А кто такой Матюхин? — спросил Касторгин.

— Артист Самарской филармонии, он два раза был в Барнауле у нас, один раз с Анатолием Дмитриевичем Заболоцким — это оператор, который снимал вместе с Макарьчем, как он называет Шукшина, «Печки-лавочки», «Калину красную».

— А почему центр Шукшина в Самаре?

— Потому что Матюхин разыскал корни родословной Шукшина на Волге, прадед его отсюда когда-то уехали в Сибирь. Он жил где-то под Сызранью.

Потом, после отъезда своего гостя, через Ивана Морозова, артиста Самарского драмтеатра, Касторгин познакомился с Геннадием Матюхиным и был удивлен артистизмом, с которым тот читал шукшинские рассказы.

...В один из вечеров Касторгин пришел в номер гостиницы «Волга», где остановился Финаев, чтобы помочь перенести его вещи к себе на квартиру.

— Послушай, Кирилл, — обратился тот к приятелю, когда тот, подойдя к окну, стал смотреть на Волгу, — я вот все думаю, и особенно теперь, насмотревшись на волжский простор...

— Думать всегда полезно, — сказал Кирилл первое, что попало на язык, глядя на кряжистого старика в костюме «Ади-дас» и шерстяных деревенских носках, восседавшего на казенной кровати.

— Дочь у меня историк, преподает в Красноярске в школе, так она, начиталась, что ли, всего, утверждает, что у нас у всех разом, у всех россиян, случилась национальная катастрофа. Она по характеру мужик. Иногда в такое лезет!..

— Как так?

— А вот ты мне рассказывал, что французы и немцы шалели от восторга, когда ты их катал на катере по Волге. Шалели от широты и необъятности нашей. Ты это понял, когда увидел их Сену и когда сплавлялся на плотках по немецкой речушке Изар.

— Да, наши пространства их изумляют.

— Вот как раз огромность нашей российской территории и то, что мы посредине евразийского континента, и стали ныне нашими недостатками. Мы не можем в такой весовой категории соперничать с остальным миром, а вернее, со странами, которые научились быстро и мобильно в силу их небольших размеров интегрировать свои интересы и усилия. Наши преимущества превращаются в недостатки. У них близость к центрам мировой экономики. Они имеют выходы к океану, то есть возможность больших и мобильных грузоперевозок. У нас же СССР распался и нет в зоне умеренного климата нормального выхода к морю. Мы внутри России эффективно перевозить не можем. Ведь раньше перевозки были, они и остались составляющей наших технологий. Сейчас возить нельзя — дорого, значит и промышленность не работает. Подтянули тарифы на перевозки к международным ценам на электроэнергию, а у них расстояния — с гулькин нос, не как у нас.

— Ты предлагаешь кому-нибудь отдать часть территории, начиная с Курильских островов?

— Нет, я предлагаю ответить на вопрос: можешь ты, Кирилл, представить какого-нибудь итальянца, сидящего около моря, который из граненого стакана пьет водку и закусывает щами, а? Не можешь? Ему подай виноградное вино на радость души.

— Это к чему?

— А к тому, что в южных странах меньше затрат на поддержание жизни во всем: в промышленности, в строительстве, в сельском хозяйстве. Чтоб поддержать дух в теле, ты что в степи в морозную ночь пить будешь? Водку да с салцом. Шампанское тебя не согреет. Вот и пьет русский человек горькую, вот и хлебает щи. А это все намного больше требует затрат на производство. Я все удивлялся, почему японцы, когда у нас бывают, осенью головных уборов не носят. Был в Токио — понял. Там они их вообще не носят. У них нет таких температур. И они привыкли. Попробуй у нас привыкни. Гайморит обеспечен. А дороги? Попробуй там, где перепад от минус тридцати до плюс тридцати, хорошие дороги построить, постоянно за ними уход обеспечить. Дудки, целая индустрия, особые технологии нужны, так же и в жилищном строительстве! Я поездил, повидал мир. Смотри, как быстро возникают мощные экономики Турции, Таиланда, Гонконга, Индонезии. Там, где тепло, там и развитие.

— Выходит, зря Ермак Сибирь покорял?

— Зря — не зря, а независимо от того, кто правил и будет править нашей страной, географическое ее положение — фундаментальный фактор, влияющий на ее судьбу. Россия самая холодная страна, лишившись почти всех теплых территорий, оказалась в самом холодном углу Европы. Покорял Ермак не зря, моя ученая дочь объясняет это так: самым верным условием сохраниться в старые времена было занять максимально больше территории, ибо в ней увязали любые армии врагов, а мы, собирая силы, в конце концов всегда выигрывали.

— Ты считаешь, что мы катастрофически быстро и навсегда теряем свою мощь? — Касторгин, давно присевший на подоконник, сказал это тяжело и сурово.

— Тысячелетиями сложившуюся расстановку сил опрокинули новые технологии. Мы, то есть наши пространства, стали враз прозрачными под прицелом компьютеров, интернета, космических спутников. Прокладки с крылышками порхают, я извиняюсь, по всему нашему российскому пространству.

При современной технике у НАТО все стало иным. Вчерашние наши плюсы, увы, становятся минусами.

— Что, и нет выхода?

— Я так не ставлю вопрос, я только говорю, вернее, моя Галина настаивает, что мы с тобой сейчас переживаем не крах экономических реформ, а неосознанную еще многими национальную катастрофу. Весь мир на пороге мирового переустройства, но это длительный и эпохальный процесс.

Касторгину стало не по себе.

— Но как тогда жить? Вот ты говоришь такие страшные вещи и спокойно, аккуратненько складываешь свои носки в чемодан, как можно? Ведь по-твоему мир рушится?

— Отвечаю, — Анатолий Иванович спокойно продолжал свое дело, — это объективные процессы и глобальные, коллективная психология еще как-то влиять на них может, но мы с тобой, увы, трезвые люди, мы должны действовать. Локальный выход я нашел, Кирюша. — Анатолий Иванович пристально посмотрел в глаза собеседнику, — только ты выслушай меня терпеливо.

— Я готов, — недоуменно пожал плечами Кирилл, — может, мы и спасем наше Отечество. Я вот свой завод не успел.

— Я не о том, хотя, впрочем... понимаешь, давай уйдем от этого глобализма, иначе все погибнет к лешему. — Финаев начал волноваться, Кирилл это видел. — Кирюша, давай так: я изложу спокойно нужное, а то ты не поймешь достоинства моего предложения.

— Давай, — согласился Касторгин.

Финаев вкрадчиво начал:

— Ты когда-нибудь отдыхал в Карловых Варах?

— Нет, не приходилось.

— А я первый раз был в девяносто пятом году и вот специально в нынешнем съездил. Нет, не лечиться. У меня другой интерес. Я в общем-то здоров. Мировая здравница. Теплый климат. Процентом шестьдесят отдыхающих — русские. Чехи вообще почти все говорят по-русски. Хотя мы им ничегошеньки хорошего не сделали, но они на нас там зарабатывают, поэтому относятся неплохо. Чистота, порядок, никакой там еще русской мафией не пахнет.

— Ты меня куда-то сватаешь?

— Да, — разом решился Финаев и сел на койку, втиснув обе руки, ладонь к ладони, между колен. — Я предлагаю открыть там дело.

— Мне? — удивился Кирилл Кириллович.

— Я все объясню. Карловы Вары идеальное место. По чешским законам, если ты зарегистрировал свою фирму (а это я организую), то тебе даются льготы, мы можем взять в аренду офис, площадь для торговли, причем первые два года не платишь налоги, если нет прибыли. Идут платежи за свет, за газ — значит фирма уже работает.

— Делать-то что будет фирма?

— Торговать, чудак, там кругом стекольные, хрустальные, фарфоровые заводы. Весь мир, как через игольное ушко, через Карловы Вары проходит. Толпы отдыхающих и покупающих. Я все обдумал: если уезжать на Запад, то, как через трамплин, через Карловы Вары.

— А я зачем тебе? Да у меня и первоначального капитала нет. Я все своим отдал, когда они уезжали.

— Видишь ли, мне рано уезжать. Мать больная очень. Еще ряд проблем... а ты — один. Не поехал в Германию, черт с ней — есть Чехия!

— Ты так легко говоришь!

— Не легко! Я свое отработал, погорбатился — хочу на пенсии пожить нормально. А тут, у нас, не получится — не дадут.

— Так я тебе посадочную площадку должен подготовить, да?

— Ничего в этом плохого нет, — продолжал Анатолий Иванович. — Деньги я тебе дам, они у меня чистые, я даже налоги платил с них. Тебе я доверяю как себе, потом сочтемся, когда я приеду. Поверь, финансовой стабильности в России долго не будет. Рубль рухнет, его курс держится искусственно. Реально он дешевле по отношению к доллару раза в три. Когда все придет в соответствие, а это обязательно будет, произойдет большая беда.

— А гражданство? — Касторгин не скрывал своего удивления. — Гражданство надо же менять.

— Как раз и нет, я это узнавал. Все уже обкатано, мой хороший знакомый так все и сделал. Он все поможет сделать тебе там, но он, понимаешь, болен, недолговечен. Я хочу прочно все и надежно.

— Я торговать не умею, — добродушно улыбнулся Кирилл Кириллович.

— А и не надо, тебе организатором надо быть, торговать будут другие. Он мне уже и квартиры нашел для покупки, две — на выбор, и недорогие. Если ты хотя бы раз там был: воздух — чудо, вода, публика. Доживать надо только там. Гете, который подолгу там жил, считал, что самые лучшие города в мире для жизни — Рим и Карловы Вары. Не зря наш всемогущий Газпром скупил акции тамошнего санатория «Империял», самого крупного лечебного дома в Карловых Варах, а Андрон Канчаловский, который кинорежиссер, — по-моему, «Бристоль». Мне так говорили верные люди. Кстати, я последний раз жил в отеле «Термал», там каждый год в начале июля в концертном зале проходит Международный кинофестиваль. Так что не задворки, а центр культурной жизни.

Но Касторгин словно и не слышал последние слова своего приятеля. Он стоял посреди комнаты, закрыв глаза ладонью правой руки. Выждав, когда Финаевв смолк, раздумчиво сказал:

— Но я хочу жить. А не доживать! И я все-таки не Гете.

— Брось! Мы и не живем, а выживаем здесь, не так ли?

— Так-то так, но я не для Запада человек — вся моя грибница здесь. Я больше двух недель, сколько ни ездил, за границей жить не мог. Все хорошо, все разумно, а тянет домой в Россию. Родился здесь — здесь и помирать, — он помолчал, ироническая улыбка исчезла с его лица, взгляд потеплел. — Ты знаешь, где я родился?

— Ну где? В Куйбышеве.

— Нет, я родился на Толевой, в районе Толевого завода. На реке Самаре, в городе Самара. Знаешь, почему она так называется, эта светоносная река?

— Нет, — недоуменно отозвался Анатолий Иванович.

— А знаешь, как в древности называлась Волга?

— Да. Кажется, река — Ра.

— Вот, — обрадовался ответу Касторгин, — Ра! А когда речка, на которой я родился, сильно разливалась, то древние ее называли: сама Ра, ну то есть, такая же великая, как Ра, — Сама-Ра.

— Ну и что? Ты о чем? Как ребенок.

— Я о том, — продолжал задумчиво Кирилл, — что я еще в

юности ее называл Самародиной. Понимаешь, это моя родина. Река разлилась в моем сознании в понятие Родина. Сама-роди-на. Я столько в детстве, пока не переехали в Сызрань, переловил в ней сомят. Меня до перестройки два раза приглашали в Москву в министерство. Я отказывался, до конца сам не понимал, почему? Но чувствовал, мое место — здесь. А совсем недавно прочел, что люди, рожденные под знаком Рыбы, интуитивно стремятся жить около большой воды.

— Понимаю, — протянул Финаев, — заклинило.

— Просто я чувствую, что никуда уезжать не надо. По крайней мере, мне.

— Не торопись с ответом, пожалуйста, мы еще поговорим. Я тебя смогу убедить. К старости надо готовиться, как к суровой зиме.

— Что ж, поговорить можно, но... — Кирилл отрицательно покачал головой. Чуть помолчав, продолжил раздумчиво: — Ты же особый человек.

— Чем я особый? Я как все.

— Ты интеллигент в первом поколении.

— Ну и что?

— Такие о корнях своих помнят.

— Корни, Родина, — протянул Финаев. — Если я буду такими категориями мыслить и поступать, я не выживу. Родина — одно, а государство — другое. Оно — забыло, — он надсадно закашлялся. — Оно оторвалось от меня, а не я отрываюсь за границу. На хрена бы мне это все надо? Но, как только я стану здесь пенсионером, я буду никому не нужен. Старики в нашем государстве — лишние и ненужные люди. Более того, и окружающие люди стариков не любят, скорее, наоборот. А почему? — Анатолий Иванович колочке посмотрел на Кирилла. — Люди, глядя на стариков, то есть на свое будущее, пугаются. Пугаются своего будущего. Им не хочется его пока видеть. А мы тут как тут со своими болячками, на хрена это кому, а? Нельзя превращать страну в сборище нищих. И в этом сборище я не хочу быть одним из многих. Меня же, пока здорового, уже сейчас лишили возможности накопить на старость. Все ненадежно. Либо инфляция, либо отберут просто так все и опять разденут. У моего деда уже отбирали. И самого сгноили. Я не верю, что в течение семи-десяти лет что-то крепко у нас из-

менится. А жить-то мне осталось, может быть, всего-то не более десятка лет.

— А как же с тем, что Отечество, как и мать, не выбирают?.

— А если на нас наплевали и забыли? И потом, еще Федор Достоевский в прошлом, в прошлом, заметь, столетии говорил, что у русских две родины: Россия и Западная Европа.

— Он имел в виду другое. Более глубокий смысл...

Финаев замолчал. Молчал и Касторгин.

«Вот как получается! Мы, русские, по своей природе добродетельны, сильны, деятельны, но почему же одновременно и нерациональны, и недисциплинированы. Постоянно зависимы от того, кто у власти. Сами готовы подчиниться некоему авторитету, — размышлял Касторгин. — Вот передо мной человек, после долгих, очевидно, раздумий понял, что очень многое зависит от самого себя, он сбрасывает с себя путы, которые достались ему от прошлых поколений. Начинает свободно мыслить и самостоятельно действовать. И я же первый с ним не соглашаюсь. Нам словно какой-то рок замутил разум. Мы не знаем, чего хотим. И я, похоже. Как все... морали читаю... Все помешались на разговорах о национальной идее. Но надо просто жить! Думаю, я прав. Но как это все должно связаться: сознание большинства людей и воля государства? Не вижу».

— Я уеду и тем самым на одно семейство нищих будет меньше здесь. Вот моя помощь государству, раз оно бессильно.

— Мы так много сегодня с тобой говорим. Обо всем сразу.

— Это единственное, может быть, что у нас осталось сейчас, остальное отняли.

— Кто?

— А черт знает. Сразу и не скажешь. В том числе и мы сами. Мы ведь запустили такой бардак в нашу жизнь. Наше поколение, народ не готов был к подобному бесстыдному натиску, он неопытен в таких делах, не привыкший. А наши ученые, умники-разумники, позволили себя охлomonить Западу.

— Как так?

— А так. Высосут все из России, сами же этому помогаем, мозги перетянут, сырье, что легко дается, под рукой — распродадим и все. Они нас привечают с одной целью: ждут не дождутся, когда мы перестанем быть великой державой.

— Отчего все же мы так много говорим? Мы не были раньше

так многословны, а? — спросил Кирилл, явно боясь, что разговор закончится, а ему он был нужен. Неважно: прав, не прав Анатолий, ему было нужно понять более существенное. То, что может определить его иной взгляд на жизнь. — Непонятно многое, мы барахтаемся все вроде бы по-разному, а в сущности одинаково и в одном: в незнании, что делать? И я даже заметил, мы говорим не для собеседника, а для самого себя, больше, — продолжал Кирилл Кириллович.

— Сломался, нарушился быт. Это задело каждого, вот и стало необходимо самому себе хотя бы объяснить, что же происходит. Ты заметил: большинство произносят монологи, диалога пока нет. Слушать друг друга мы не научились. У тебя тоже такая манера, хотя менее выраженная, чем у других. А в общем это национальное. Нация чувствует возможную катастрофу, вот и торопится выговориться.

Минут через десять они вышли из гостиницы и, один с чемоданом, другой с синей сумкой через плечо, долго еще были по набережной, прежде чем пойти домой к Касторгину. Стояли под пасмурным небом, как раз напротив села Рождественно. Владельцы собак, большинство явно любящие своих питомцев сильнее, чем все человечество вместе взятое, иначе бы не позволяли им гадить, где попало, с достоинством проходили мимо. Им было не до этих двух мужчин, которые что-то говорили друг другу, кивая то на огромное ледовое пространство Волги, то на еще большую, несоизмеримую ни с чем темно-небесную ширь, обнявшую все, казалось бы, на земле, но не сделавшую этим ее сейчас теплее.

Впереди была ночь, холодная, февральская, и, кажется, поднималась метель.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Кафе «Три вяза»

...Ему захотелось изменить маршрут своих прогулок. Он вспомнил о «бродвее» или, как раньше чаще говорили — «броде». Во времена его студенчества улица Куйбышевская, начиная от площади Революции и до Некрасовской и была «бродом».

Здесь, когда-то прогуливаясь, человек как бы невольно определял свой статус. На той стороне, где расположена гостиница «Жигули», собиралась богемная часть, на противоположной — более солидные, степенные и важные самарцы.

Поначалу, после поступления в институт, его сильно и постоянно тянуло на это место. То ли оно завораживало тем, что здесь смыкалось на небольшой площадочке с фонтаном у кафе «Три вяза» разноликое общество, то ли потому, что можно было легко от окружающих узнать, где и какие джазовые коллективы играют.

Раза три вездесущий декан химико-технологического факультета Иван Григорьевич Григорьев заставлял его в районе «Трех вязов» и каждый раз, поманив пальцем, слегка поругивал:

— Гадкий ты, гадкий, опять по девчонкам стреляешь. Ничего хорошего это тебе не даст.

Декана почему-то заклинило на девчонках, хотя Кирилл каждый раз несмело протестовал, пытаясь говорить, что его влечет сюда другое, есть какая-то магия этого места. Здесь интересно.

— Знаю я этот интерес, беда может случиться. Здесь же политические анекдоты рассказывают, зачем тебе это надо? Твой путь — наука, — фундаментально, к удивлению самого Кирилла, определил декан, — приходи ко мне на кафедру, будем заниматься хлорированием — тема исключительно перспективная. Это для тебя. А эти стилиаги, они тебе ничего хорошего не дадут. Всякие платформы, джазы, шейки — это временное все...

Декан Григорьев оказался прав: любовный роман Кирилла начался именно у этого кафе. Первый в его жизни. Быстротечный и чуть не ставший для его студенческой жизни роковым. Она оказалась студенткой того же факультета, но на два года старше — с третьего курса. Имя у нее было удивительное — Майя. Она быстро ввела его в общество, которое собиралось у «Трех вязов», и он, сам того не ожидая, получил доступ к самой интересной и разнородной информации.

Кирилл хорошо помнил тот танцевальный вечер в клубе имени Дзержинского, после которого они оказались у нее дома на Самарской улице. У Майи была только мать и она находи-

лась в отъезде. События развивались стремительно и как бы помимо его воли. Она была удивительно свободна в мыслях и поступках.

...Они заснули только под утро, а когда проснулись, было уже двенадцать часов. Решив не ходить в институт, два дня безвылазно провели вместе, один только раз Майя сбежала в магазин на углу за продуктами.

Всего месяц продлился этот головокружительный для Кириллы роман и оборвался так же резко, как и начался.

На факультете случился переполох. Оказалось, что, будучи на практике в Новокуйбышевске, Майя встречалась с одним из немцев, Кирилл Кириллович до сих пор помнил его имя. Немцы строили цех полиэтилена. Жили они в гостинице «Дружба», туда в номер неоднократно приходила Майя. Служба работала — все их разговоры были записаны, подарки немца — «вещдоки» — у Майи отобраны.

Кирилла это повергло в шок; выходило так, что она ездила к своему немцу и в течение того месяца, что они были знакомы. Это не укладывалось в его голове. Все остальное: то, что у нее была связь с немцем, да еще который из ФРГ, что весь факультет шушукается и ребята улыбаются и, хлопая по плечу, подбадривают его — задевало, но как бы во вторую очередь. «Как она могла одновременно — и со мной, и с ним? Я совсем, выходит, не чувствую лжи, я не вижу обмана. Я неопытен. Сидели в «Трех вязах», кушали мороженое, болтали о джазе, обменивались записями на рентгеновской пленке... У меня кружилась голова от нее, хотя я понимал, что у нас с ней случайное, что я не могу вот так остановиться враз. Меня манят другие и мне от этого почему-то не стыдно. Я ей ничего не обещал, ибо не ручался за себя, но я не смог бы одновременно встречаться с двумя, говорить одни и те же слова. Это ненормально!»

Майю спешно исключили из комсомола, отчислили из института. И не успел Кирилл опомниться, как она вместе с матерью уехала жить в Ташкент к родственникам. А еще через месяц декан Григорьев все-таки затянул Кириллу на кафедру...

Конечно же, Кирилл и после этих событий бывал в «Трех вязах». После, кажется, в 1962 году, все, что было в «Трех вязах» и вокруг, перешло в официальный городской молодежный клуб ГМК-62. Ну, а к концу шестидесятых годов повеяло холодком.

...В один из светлых морозных дней Касторгин съездил к кафе «Три вяза». Постоял в скверике, где не раз сживал на скамейках с приятелями. Одобрительно покивал комфортабельной гостинице, ресторану «Три вяза». И, повздыхав неопределенно, пошел гулять в сторону площади Революции.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

«У Линде»

То, что жизнь удивительный и причудливый режиссер, Касторгин понимал давно. Но чтобы до такой степени...

Он несколько раз ездил в Германию для подготовки контрактов по закупке холодильного оборудования на широко известную фирму «Линде». Касторгин умел быстро сблизиться с компаньонами. В одну из командировок он получил безвозмездно в подарок комплект оборудования для стоматологического кабинета. Конечно, этот жест президента фирмы, очевидно, имел, скорее, рекламный характер, но тем не менее...

Его тогда привезли на склад, куда прибыл и президент фирмы. Касторгину показали дюжину ящиков с оборудованием и на его глазах начали подготовку к отгрузке. Их вдвоем с главой фирмы сфотографировали на фоне этих «подарочных ящиков». На следующий день фото лежало у Касторгина в кейсе. Но удивительное произошло, когда прямо со склада он по приглашению одного из сотрудников фирмы Юргенс Гейгера приехал к нему домой. Немец последний месяц оформлял свой уход на пенсию.

Он был словоохотлив. Касторгин узнал, что Юргенс уже основательно приготовился к отдыху: купил домик в ЮАР, жена уехала туда же, к сыну, который второй год работает там.

— И не страшно так резко менять образ жизни? И будет ли на что нормально жить?

— Будет, — уверенно отвечал Юргенс, — пенсия это позволяет, кроме того, я долго работал на своей фирме, за это мне перечислили пятьсот тысяч немецких марок на мой счет. Я доволен.

Немец Юргенс Гейгер несколько раз бывал в России в длительных командировках, потому хорошо говорил по-русски.

— Был и у вас в Куйбышеве-Самаре, но только проездом, в город не впускали, из аэропорта — в Новокуйбышевск. Мы там строили производство полиэтилена на заводе синтетического спирта. Вот!

— Кто это? — не сразу сообразил Касторгин.

На фотографии на фоне красной громады водонапорной башни стоял молодой парень, спортивный и улыбающийся.

— Это я в лучшие мои годы. Еще холостой. Но я сейчас покажу то, с чем связаны самые мои лучшие воспоминания о России. — Он протянул вторую фотографию.

Кирилл Кириллович принял ее и машинально, без особого интереса, перевернул нужной стороной. То, что увидел, его поразило. Он никак не мог быть готовым к этому. Время в миг уплотнилось и три десятка лет враз куда-то выпали, их не стало: на фотографии была Майя — его первая любовь и первая женщина, из тех самых самарских «Трех вязов».

— Это кто? — все еще не веря, сдавленным голосом спросил Касторгин, будто чего-то опасаясь.

— Это моя русская любовь, — открыто и доверчиво улыбаясь, ответил Гейгер. — Не могу забыть до сих пор.

— С Новокуйбышевска? — поспешил уточнить очевидное Касторгин, еще не оправившись от неожиданности.

— Да, она работала или как это... — он покрутил пальцем по кругу у себя перед носом, — была на практике. У меня красивых таких потом никогда не было женщин. Здесь не видно, она была блондинка и такие большие голубые глаза. Умница. Имя редкое — Майя.

— А как у вас все кончилось? — уже спокойно спросил Кирилл Кириллович.

— Просто. Она не пришла однажды и все. Мне трудно было ее разыскать. У вас были особые порядки. Может, так и лучше, как получилось. У меня тогда, как это, дух захватило. Мог наломать дров и ей многое испортить, и себе.

— Да уж, — только и обронил Кирилл Кириллович, вспомнив свое состояние в то время.

Его удивило и это совпадение, и то, что два раза в его жизни между ним и его женщинами возникали прямо-таки вездесущие немцы.

Как-то, прохаживаясь по Волжскому проспекту, Касторгин от нечего делать зашел в магазин «Браво». Походил, посмотрел. Зачем-то примерил пиджак, плащ. Все дорого и малых размеров.

Выйдя из магазина, остановился у аптеки, задрал голову, прочел название: «Интим». Вошел. То, что он увидел, озадачило и удручило его. Все эти приспособления и ухищрения для половой жизни он уже видел за границей и относился к самому факту их существования спокойно. Но здесь, на волжской земле, у себя под боком, в таком изобилии и разнообразии?! Он не ожидал...

Когда вышел из аптеки и снова прочел надпись, мелко разбежавшуюся светлой узкой ленточкой по тусклой стене здания, она ему показалась похожей на проделку молоденького бычка, пролившего тонкую струйку в пыльную серую дорогу.

...В одном из мюнхенских ресторанчиков Гейгер как-то показал Касторгину на парочку, сидевшую за столиком.

— Обрати внимание на белокурого крепыша. Хорош?

Касторгин, не поняв вопроса, пожал плечами.

— Он полгода назад был женщиной.

— Что? — опешил Кирилл Кириллович.

— Операция, — улыбаясь, пояснил немец. — А рядом с ним женщина — она была мужчиной.

— Что? — туповато вновь удивился Кирилл и с оторопью посмотрел на смуглую даму.

— Да-да, тоже операция, — тихо сказал Гейгер.

— Вам что, делать нечего? Ну, вы немцы...

— Есть чего, — возразил немец, — но им так интересней. Им так надо. Медицина может.

— Надо? — обалдело спросил Касторгин. — Им, что, поменяли местами эти, ну, органы их?

— Нет, просто так сделали.

— Сделали? — озираясь, переспросил Кирилл Кириллович. Он еще надеялся, что немец шутит. — Нельзя же так. Как мужчину сделаешь?

— Медицина, врач умеет, — спокойно сказал Гейгер, — у него взяли для этого кожу и сделали что нужно.

— Это чудовищно, — сказал Касторгин, потеряв способность построить какую-либо другую фразу.

Уже когда они с Гейгером встали из-за стола, немец решил, очевидно, добить русского:

— До операции они были... как это... любезниками.

— Любовниками? — подсказал удивленно Кирилл.

— Да-да, любовниками, — закивал головой немец, — а теперь, когда они стали каждый наоборот, они поженились.

С гримасой на лице Кирилл Кириллович мотнул головой: «Нам бы ваши заботы». Немец беззаботно рассмеялся.

...«Нам бы ваши заботы», — глядя на светящуюся рекламу аптеки, подумал Касторгин и, потоптавшись на одном месте, пошел к ресторанчику «У Линде». Ему давно хотелось побывать здесь. Не связан ли он как-то с той фирмой «Линде», которая занимается нефтехимическим оборудованием? С Гейгером?

Необычное для русского климата изящное красное крылечко с гранитными ступеньками, красно-белый цвет — все напоминало ему его впечатления от заграницы. Первым городом за рубежом, в котором он побывал, был Мюнхен, потом несколько раз был в Германии, даже учился в академии. Но самые сильные впечатления и ощущения остались именно от Мюнхена с его пивными барами, с ежегодным праздником пива.

Он вошел в ресторанчик. Одна лишь пара, он и она, сидела в углу за столиком. Они ворковали, поглощенные собой.

Касторгин заказал кружку пива. Официант, молодой парень в жилетке и с бабочкой, скорее, похожий на музыканта, с ловкими, в меру быстрыми движениями, принес пиво и поставил на картонный фирменный кружочек.

Из соседней комнаты слышались удары по бильярдным шарам. Дверь приоткрылась, и Кирилл Кириллович мог видеть двух сосредоточенных и важных, пожилых, седовласых игроков. Все было чинно и прямо-таки по-немецки размеренно. Как ему сказали: никаких отношений ресторан не имел с названной Касторгиным фирмой.

Он спохватился — была среда и в бильярдном баре, разместившемся недавно под цирком, можно было поиграть в этот день с Сашей Годунко, хорошим парнем, кандидатом в мастера спорта.

Бильярд был страстным увлечением Касторгина. Он радовался, что с переездом в Самару у него появилась возможность играть с партнерами приличного уровня. Касторгин поставил

как-то себе задачу: подтянуться в игре, пользуясь уроками, которые давал ему Александр, и начать систематически ходить в окружной Дом офицеров. Ему хотелось прощупать в игре всех местных знаменитостей. Он не любил дилетантов. За последние два года Кирилл Кириллович прочел все, что смог достать, об этой красивой игре. «Поэма о бильярде» Балина стала его настольной книгой.

Чтобы натренировать руку, дома он имел кий и периодически, не реже чем через день, положив пустую бутылку на стол, отрабатывал удар, стараясь из разных положений попасть в горловину бутылки кием, не задев стекла.

...Ему понравился бар-ресторан «У Линде», и он подумал, что неплохо бы сюда иногда приходить посидеть, ну хотя бы с Владиславом. Не всегда же его краски нюхать. Хотя вытащить его специально, это дело такое...

Касторгин уже пришел однажды к выводу, который его не порадовал: с кем бы он ни встречался, ни разговаривал, все-таки самое главное и необходимое для себя он всегда отыскивал, рассуждая сам с собой. Второе его «я», мудрее и спокойнее, чем он сам, не замутненное, не замордованное, не задерганное суетой, ненужными знакомствами, обещаниями, обязательствами — только оно подсказывало ему верные мысли и решения. Кирилл Кириллович иногда думал: то, второе его «я», может, это и не он вовсе, а его ангел-хранитель? Может, его мама, бабушка либо кто-то другой?

Вот и сейчас, шагая вдоль парапета набережной, с виду уверенный и самодостаточный, он терзался внутренними диалогами.

«Очевидно, я недоношенная личность. Мне надо собирать себя. Литература — это, может быть, тот оселок, с помощью которого я выйду на себя. Через музыку, живопись, поэзию надо накапливать в себе расчетливую решительность. Идти к истине в обычной жизни. Почему об этих вещах никто не говорит? Может, я думаю и рассуждаю не так и не о том, что волнует остальных?

Я на обочине жизни? Не в центре ее? Это потому, что не при деле, которому отдал почти три десятка лет?

Но ведь и при моем деле был я на обочине жизни. Или нет? Или делать обычное дело, рожать, растить детей — это самое то, лучше чего пока не придумано природой?

В юности мы мним себя центром вселенной, потом все куда-то уходит. Забываемся в работе, заботах, делах, найдя себя в конкретике. Потом вдруг обнаруживаем, что никаких высот не достигли, все равно стоим на обочине чего-то большого, космического, непонятного всем. И, увы, уходим, не поняв самого главного, того, чего нам никто из живущих на земле не скажет. Так и со мной. Стоит ли убиваться?»

Он остановился как раз напротив строительной будки, которая служила купающимся в проруби раздевалкой. Дымок, выходящий из трубы, щекотал ноздри, зеваки с интересом наблюдали за «моржами». А те совершенно не обращали на них внимания. Некоторым нравилось раздеваться не в будке, а прямо у проруби. Причем, когда кто-то раздевался донага, противоположного пола «моржи» деликатно и с пониманием, отвернувшись, задерживались по обочинам дорожки, ведущей от будки к проруби. Дорожка эта обычно в первой половине января преображалась. Ее с обеих сторон, и прорубь по кругу, обносили зелеными сосенками, которые предприимчиво собирали на мусорках и во дворах после того, как их, отслуживших свое на Новый год, выбрасывали за ненадобностью. Получалось хорошее укрытие от ветра. И красиво.

Было холодно стоять и он решил подняться в город.

...По Полевой Касторгин поднялся до Дворца бракосочетания, прошел чуть дальше по Молодогвардейской и остановился перед рекламной кассы «Аэрофлота». Мелькнула мысль: взять билеты до Хабаровска — и к Тамаре. «Сейчас, если есть билеты, возьму и — будь что будет».

До Хабаровска прямых рейсов не оказалось. В справочной ответили: с посадкой. В Новосибирске каждую субботу в шестнадцать часов, в полете восемь часов.

Кирилл Кириллович почувствовал, что трусит.

«Ну раз прямых нет, — оправдывал он себя мысленно, — тогда подождем, чуть позже решим... когда...»

Он порвал с Тамарой, ничего не объясняя. Скрыв от нее, что у него резко ухудшилось зрение. Он не мог читать. Это все так внезапно произошло, что Кирилл растерялся.

Как только он заболел или что-то случилось с ним из ряда вон выходящее, он уходил в себя, забивался в угол. Кирилл не терпел жалости к себе, не мог выносить, когда за ним, беспо-

мощным, ухаживали. Он не мог быть в глазах других бессильным. Это было высшее наказание. Такое у него случилось и с Тамарой — Кирилл не мог себя, полуслепого, поставить рядом с ней.

Они одновременно заканчивали институт. Надо было жениться или разъезжаться. Он решил порвать. И причину нашел, вроде бы важную и к тому же в значительной степени правдивую: он мечтал стать писателем. Но все так призрачно. Денег нет. Помощи ждать неоткуда. Нет, женитьба пока не для него. Он так и сказал: «Надо подождать».

Последний раз они встретились на площади Революции, около стендов с газетами. Кирилл так придумал. На улице, на январском морозе, короче разговор. Единственное, чем он себя еще оправдывал, — их отношения не зашли достаточно далеко. Интимной близости не было.

Конечно, она не поверила в его доводы.

— Я тебе просто безразлична, — вынесла она вердикт. — Ты просто проводил со мной время.

Ему тогда показалось обидным, что она все пережила без слез. На другой день Тамара уехала к родителям. В Самаре ее удерживало только чувство к нему.

«Кажется, я тогда сделал свое первое отклонение, — грустно думал теперь Касторгин. — И, очевидно, это была моя единственная женщина на всю жизнь. Увы, дуралей. Мы рано встретились».

...Он давно знал, что она развелась, воспитывает дочь одна, родителей уже нет. Работает на телевидении диктором и очень хочет перебраться в Самару, откуда увез ее бывший муж. Случайный муж, как понимал Касторгин. И виновником этой случайности он не раз мысленно называл себя.

Лет пять назад, он узнал от приятеля, что Тамара была на Мастрюковских озерах на Грушинском фестивале. Она неплохо пела. Он вдруг стал ждать и в то же время бояться ее звонка. Она не позвонила. И Касторгин не понял: хорошо это для них обоих или нет. Потом все как-то затерлось повседневностью и он обрел обычную уравновешенность.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Прибамбасы

С магазинами стало твориться что-то непонятное. Сначала закрыли тот, что на пересечении улицы Маяковского и Волжского проспекта. Удобный такой, где можно было купить предметы первой необходимости. Над дверью повесили вывеску: «Хороший супермаркет», а внутри начали наконец-то ремонт. Чуть позже повесили еще одну вывеску, более солидную: «Супермаркет».

Вчера, когда Касторгин проходил мимо, старик, стоявший около окон магазина, остановил его, поманив рукой. Кирилл Кириллович подошел. Старик худой, опрятно одетый, но во все поношенное, очевидно, решал одну из важных для себя задач.

— Молодой человек, извините меня старого. Я бывший преподаватель политэкономии, кандидат наук, писал в свое время монографию, могу задать один вопрос?

— Конечно, — ответил Касторгин.

— Вот, если мы стали строить капитализм, почему начали его строить с супермаркетов, а не с подъема сельского хозяйства, заводов, а? Ведь на диком Западе начинали именно с последнего.

— Отец, я с вами согласен, — сказал Кирилл Кириллович, глядя в блеклые, слезящиеся глаза старика.

— А раз так, что же вы, молодые, делаете?

Касторгин недоуменно развел руками, чувствуя себя нелепым. Уже перейдя проспект, он, оглянувшись, увидел, как старик, сгорбившись, пошел во двор дома. Он вспомнил, что этого старика он видел около мусорных ящиков, выискивающего в хламе пустые бутылки.

...Потом прекратил работу молочный магазин в том же доме, только в другом торце здания. Из продовольственных поблизости остался только хлебный. Теперь, чтобы купить зубную пасту или что-то вроде этого, надо было подниматься наверх, на Молодогвардейскую, в «Шанхай».

...Выйдя с утра на прогулку, он решил съездить в универсам «Самара». Многолюдье покупателей, основательность и раз-

меренность продавцов раньше всегда действовали на Кирилла Кирилловича успокаивающе. Можно было и не ехать, конечно. Особенной хозяйственной нужды не было, но что-то подталкивало и он отправился к остановке.

Подошел разлюбезный «одинадцатый», и Касторгин вскоре оказался в салоне троллейбуса, стоящим между двумя мужчинами. Повернувшись к окну, он стал смотреть на облака. С утра побаливал правый глаз, эта боль в последнее время участилась.

— А как ты вообще-то перебиваешься? — проговорил мужчина справа в пуховике дымчатого цвета и ондатровой видавшей виды шапке.

— Ничего. В этом году, нам дали дивиденды. Мне шесть тысяч. Я по две отдал дочерям, остальные положил на депозит, — ответил основательно тот, что слева.

— Что ж отдал-то, сам-то как со старухой?

Голоса звучали рядом, прямо за затылком Касторгина.

— Да, я плохо, прямо скажу, себя чувствовал, думал того... Ну и раздал. Но ничего. Сейчас к своим тремстам шестидесяти понемножку беру и перебиваемся со старухой. А ты с Аннушкой как?

— Да так же. Меня, когда стукнуло в третий раз, я все потом бросил. Летом приспособился в Подгоры ездить жить. Снимаю дом. Красота! Только там здоровья и наберешься. Но дорожать стало и там все, не знаю, как в этом году.

— Что-нибудь то делаешь?

— Сначала только читал да спал. Ну, по мелочам там... А потом стал грибами заниматься. По округе хожу. Надену красную куртку, чтоб быстрее нашли меня, если что вдруг, и вперед! Что ж теперь...

Кирилл Кириллович наконец-то смог немного повернуться и лучше рассмотреть говорящих. Обоим чуть, наверное, за шестьдесят. Тот, что справа, по виду бывший заводской управленец среднего звена, в очках, взгляд спокойный и внимательный, голова большая, лицо бледное с серым оттенком. Слева — очевидно, толковый, безотказный, скорее всего, рабочей профессии человек. Лицо открытое и бесхитростное, на голове кепка.

— А Нина Витальевна наша как, голубушка? Со вторым-то мужем заладилось у нее? — спросил человек в кепке.

— Второго тоже не стало, — совершенно спокойно ответил тот, что в ондатровой шапке.

— Как это, тоже инсульт?

— Нет. Помогли. Что-то съел и отравился. Стало плохо, температура сорок. Она и вызвала «скорую». Забрали на промывание желудка. Когда это делали, умудрились проткнуть пищевод, вода как-то попала в легкие, еще чего-то там. Не стало человека.

— Надо же, — вяло удивился собеседник, — не везет Ниночке. Она всегда веселая была. Всегда с какими-нибудь смешными прибабасами.

— Теперь другие у нас у всех прибабасы. А едешь-то куда? — без всякого перехода спросила «шапка».

— Дак за мышеловкой. Такое дело: года три не было, а вчера бежит зверюга, маленькая такая, по кухне, жена в панике — на меня. А что я? Начал искать мышеловку, а она говорит: «Ты ж ее выкинул сам недавно в мусорное ведро». А я не помню — хоть убей, голова не работает после инсульта, прямо скажу.

— Так тебе тогда лучше не на Крытый рынок, а на Троицкий. Там всегда они были.

— У этих, ну, частников?

— Ну да.

Они помолчали.

— Ты, это, давай, крепись. Такие когда-то дела делали! Помнишь, наш цех три года знамя не отдавал! Замах был как лучше сделать, потому и не жалели себя. Большинство таких было...

Кондуктор объявил остановку и человек в кепке шагнул к выходу.

— Ты постой. Куда?

— Да ты ж сказал, что лучше на Троицкий рынок, вот я и... пора мне выходить, — и он неловко протиснулся в полуоткрытую дверь.

Кондуктор лениво смотрела в окно в сторону пустой остановки. Кирилл Кириллович мельком взглянул на человека в китайском пуховике. Лицо у него, как показалось ему, стало еще более землистого цвета, чем раньше.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Водолаз

— Я гляжу на тебя, Кириллыч, и думаю, а не свихнулся бы ты.

— Что так, Анна Панфиловна?

— Иной раз на тебе лица нет, глаза красные. Навалилось на тебя столько, что троим не осилить. Этот год, что ты живешь супротив меня, я тебя узнала. Ты как мой покойный Никита, все в себе держишь. Никому не доверяешь, чтобы не открыться. Инфаркты таких любит.

Соседка, возвращаясь из магазина, застала Касторгина у подъезда с двумя небольшими ковриками под мышкой.

Он открыл дверь и они вошли в подъезд.

— А что, муж болел? — спросил Кирилл Кириллович.

— Нет, иногда только сердечко шалило. Военная косточка. Был, как строевая лошадь. И умер, можно сказать, на ходу. Когда сердце прихватило, уже в «скорой» был, попросил, чтобы я ему шахматы принесла — не хотел скучать в больнице. Принесла. Так с одними шахматами и уехал. Думал, ненадолго. Под утро скончался, сказали, обширный инфаркт. Я жена, вроде бы мне не очень можно верить, своя. Но мне, ведь скоро восемьдесят, что мне врать-то. Правду скажу — самоотверженный был человек и честный. Он бы не пережил теперешнее время ни за что. Обречен все равно был бы на инсульт или инфаркт. Он порядок любил.

Они поднялись на площадку второго этажа, где были их квартиры.

— Анна Панфиловна, проходите, — пригласил Касторгин, — проходите в переднюю, договорим.

Касторгин расстелил около двери пахнувший морозцем коврик, и они вошли в его квартиру. Соседка остановилась в прихожей. Не спеша огляделась.

— Да, хорошо-то как стало. А до этого тут два шалопае таких жили — кавардак был. Попивали с соседом сверху, жены намучились.

— Жить собирались, да вот пока ремонтировал после обмена, жена с дочкой уехали в Германию.

— Я вижу, ты не пьешь?

— Ну как... изредка.

— Вот-вот, у меня из головы это не идет. Жена ушла, с работы уволили, родственников рядом нет, друзей, как видно, тоже не очень много — и не пьешь? Свихнуться можно. Отклонения пойдут от линии жизни. Уж лучше, когда невмоготу, выпей. Мужу это надо, по своему Никите знаю. Очень крепкий был — и враз под корень. Крепкие-то ломаются быстро.

— Я не сломаюсь.

— Да ведь без забот, к которым привык всю жизнь человек, очень тяжело. По себе знаю, всю жизнь была то на комсомольской работе, то на профсоюзной — в потоке жизни. Ушла на пенсию — еле устояла. Сейчас мне вон сколько лет, а я активно себя веду, за жизнью слежу. А ты ходишь, как сыч, мудрый, но скучный и непонятный. Хорошая у тебя квартира, небольшая, а уютная.

Они прошли в гостиную и он усадил ее в кресло.

— Я, Анна Панфиловна, наркоманом стал, — сказал Касторгин из прихожей, куда он шагнул, чтобы повесить пальто.

Соседка ахнула:

— Ну у тебя и шутки, Кириллыч.

— Нет, правда. Вот посмотрите, — он, вернувшись, взял со стола большую папку, раскрыл и вынул несколько листов.

Соседка водрузила на нос очки, болтавшиеся у нее на груди на тонкой веревочке, и начала ворошить листочки.

— Да, — протяжно сказала она. — И сколько таких стихов в этой папке?

— Больше сотни.

— Да-а... — вновь протянула Анна Панфиловна.

— Что? — насмешливо спросил Кирилл Кириллович. — Тяжело читать?

— Надо переварить. Раз так писал, значит об этом много думал, так?

— Вроде бы так.

— Показывал кому-нибудь свои стихи?

— Да, одному умнику.

— И что он сказал?

— Ты, говорит, пишешь какие-то прибаутки. Как деревенский полудурок для свадьбы, только мата нет для перцу.

— Так прямо и сказал — такими словами?

— Да. Он это любя, мы друзья.

— Вот послушай мои стихи, — она прикрыла глаза ладонью правой руки и, покачивая головой из стороны в сторону, пропела:

*Дорога моя подруга,
Что случилось на днях:
Полюбила гармониста
И запуталась в ремнях.*

— А вот еще, совсем другое:

*Я, бывало, ожидала
Хромовые сапоги.
А теперь ожидаю
Инвалида без ноги.*

— Вот мои стихи, прости Господи. Первую частушку пели мы до войны, а вот вторую — в войну... А у тебя как, — и она нараспев прочитала по листочку:

*Как наша жизнь расставила силки,
Такое выпало нам времечко.
На каждой башенке сидят стрелки
И целят прямо в темячко.*

— О чем это, Кирилл, а? Неужто паразиты какие тебе грозят, береги себя, сейчас все дозволено.

— Нет, не все впрямую. Это так сказано вообще.

— А вот знакомо:

*Экое грустное дело —
Тело мое постарело.
Душа осталась молодой,
И это не дает покоя!*

— Хочешь я расскажу тебе одну притчу.

Касторгин согласно кивнул головой.

— Вот как мне начать? Что я хотела сказать... да... вот включилась. Мы, люди все, продолжение первой нашей удачи. Только она становится символом последующей нашей удачной судьбы. Непонятно?

— Да пока не очень, — сказал Кирилл Кириллович, присев напротив соседки к столу.

— А вот слушай... Однажды Чингисхана спросили: «Ты герой, а мог бы ты сказать, каким знаком отмечен?» Хан подумал и сказал: «Как-то, еще до восхождения на царство, я скакал по дороге и встретился с пятерыми, поджидавшими меня в засаде

в кустах, чтобы убить. Я напал первым. Мне повезло, их стрелы пролетали мимо, а мой меч работал хорошо. Я перебил их всех. На обратном пути увидел на месте сражения пять лошадей, который бродили без хозяев. Я забрал их и привел к себе домой». Каков вывод, а? Мы с вами вначале — повелители своей судьбы, а потом — только исполнители. Вы отличный инженер, о вас «Волжская коммуна» писала. Я диву давалась, сколько вы сделали, сколько у вас званий. Вы себе сами сделали судьбу, вы трудоголик, а потом — бац — и ушли от своей судьбы, не стали ее исполнителем, зря. — Она невольно перешла на «вы». — Нельзя вам не работать. Вы должны трудиться — и по специальности. Судьбу, которую вы себе создали, должна теперь вами руководить, а вы ее ломаете. Вы меня должны слушать, еще молодой человек по сравнению со мной, а я старый доперестроечный идеологический работник. Так вот. Натекла ваши стихотворения. Пойду, жарковато мне в пальто... Да и пора, не люблю надоедать, — она погрозила слабеньким пальчиком и вышла, споткнувшись о порог.

Закрыв за соседкой дверь, Касторгин вернулся в большую комнату, сел в кресло. Машинально, по привычке, большим и безымянным пальцем левой руки помассировал виски.

— Да, — задумчиво произнес он, как бы продолжая начатый разговор, — я похож на водолаза, который спустился на глубину и залег. Лишь шланг с воздухом соединяет меня с тем миром, что над водой. Шланг этот: мой приятель Владислав, моя соседка Анна Панфиловна, и телевизор с депутатскими дебатами, газеты и прочее, но... Но ведь это не жизнь... это суррогат жизни.

«Воздуха в легкие не хватает, вот что», — удивился он простой мысли, которая явилась будто сама собой и которая вдруг напомнила ему о разговоре с художником. Вот оно: мысль пришла — и все ясно.

«Этот шланг, что остается для пенсионеров, он тонок, его не хватает. Его надо расширять. Расширять круг интересов, надо искать импульсы, которые заставляют любить жизнь. А ты, дружок, говоришь, что мысль — тупик, — вспомнил он слова Владислава, — взрыв, распад. А ни фиги! Мысль — движение, движение к свету, к простору».

Он умиротворенно потянулся в кресле, да так, что послышался треск. Кирилл Кириллович озабоченно сунул руку меж-

ду боковиной кресла и подушкой и обнаружил, что кожа слиплась в этом месте и с трудом поддается разъединению. А там, где ему это удалось, клочками порвалась и маленькими язычками болталась, обезобразив красивую поверхность.

— А, черт, — выругался он, — и тут халтура.

Он вспомнил, с каким удовольствием они вместе со Светланой покупали диван и эти два кресла на Нижней Полевой в магазине импортной мебели, как ей понравился темно-вишневый цвет кожи и что можно было заказать любой набор мебели — и все это аккуратно через месяц тебе доставят аж из Австрии. «А впрочем, уже хорошо, что она этого не видит». — И он тут же забыл о кресле.

На смену пришла следующая догадка: «Это хорошо, что я начинаю замечать мелочи жизни, значит, начинаю всплывать».

Его мысли вернулись вновь на «круги своя». Он вспомнил недавний разговор с незнакомым стариком на набережной.

Кирилл Кириллович, гуляя вечером, обязательно доходил до голубых елей около бассейна ЦСКА. В тот раз, как обычно, выйдя из аллеи, он подошел к парапету напротив не работающего зимой фонтана и в задумчивости остановился. Бордовое солнце своим огромным диском окуналось в свинцово-тяжелую гряду облаков, заслонявших горизонт.

— Глядите, глядите на закат, полезно для зрения, — прозвучал неожиданно рядом голос.

Касторгин не заметил, как около него оказался сухонький старичок. «Похож на отца Болконского из «Войны и мира» Бондарчука», — подумал Кирилл.

Запросто разговорились. Всего он не запомнил, но отчетливо сейчас звучали слова старика, связанные с теперешними мыслями Касторгина:

— Знаете, я жизнь почувствовал, понял, только когда на пенсию в шестьдесят лет вышел. Себя почувствовал, собой стал заниматься, в кино ходить, в театр. Масса интересных вещей в жизни, а мы впряглись в рабочую лямку, поднатужились и прем, не видя ничего. Пот глаза застит. А кругом, оказывается, красота. Вот вы молоды, заняты: работа, работа — и многое не видите. Я могу подтвердить из собственного стариковского опыта: огромнейшая прелесть в отстраненном созерцании жизни. А? Ну да, конечно: в молодых плоть, гормоны правят.

Но всему свое время.

Касторгин удивлялся, слушая старика. Он даже не вступал с ним в диалог. Все было понятно, ясно донельзя. Но как-то теоретически, а вот он, Кирилл, живой пример — он не может смириться полностью с тем, что говорит старик.

«Ясно, почему не могу, — я пенсионер липовый, мне пятьдесят три, а ему восемьдесят, какие в его годы желания? Плоть еле дышит», — думал Касторгин.

Затем старик сказал то, что его сильно смутило. Было ли это случайностью, либо старичок был непростой. На Кирилла Кирилловича это произвело большое впечатление:

— Тело подводит, стареет во сто крат быстрее, чем душа. Понимаете ли: то ли создатель промахнулся, то ли сознательно так свершил. А жизнь реальна. Конечно, маловато денег, не хватает на лекарства, а в остальном — это лучшее время моей жизни.

«Боже мой, — думал Кирилл Кириллович, глядя на старика, — его как будто кто ко мне прислал с этим разговором. Когда я подходил, его и не было. Откуда он взялся? Касторгин, а ты случайно не того, может, это все так и начинается, а уж в психушке потом у каждого по-своему?»

Он почему-то вспомнил, как умирала его бабушка, ее последние минуты. Находясь чаще без сознания, восьмидесятилетняя старуха в минуты просветления разума несколько раз сказала: «Живите, пока живется, радуйтесь». Но что поразило тогда Касторгина, так это ее поведение в последние секунды перед уходом. Варвара Ильинична резко приподнялась с постели, почти что сев на кровати, и головой с раскрытыми большими черными глазами повела слева направо, окидывая взглядом все, что было перед ней. Было видно, что она ненасытно вбирала в себя все: и домочадцев, которые растерянно стояли вроссыпь около, и все предметы комнаты, и саму комнату. Она вобрала это все в себя, будто желала, пускаясь в дальнюю дорогу, все унести с собой. Она все запоминала, чтобы потом оттуда, издалека, видеть это все? Во взгляде была такая ненасытность, такое желание вобрать как можно больше, что ему стало не по себе. «Зачем ей это? — думал он тогда и сейчас. — Ей это для чего-то надо было, она подчинялась какому-то мощному инстинкту, данному ей сверху, или это только судороги, конвульсии умирающего существа? И что такое смерть? — впервые тогда остро

задумался он, — не начало ли нового, отличного от того, что есть на этом свете, дальнего путешествия? И куда? И на сколько? Да, я, кажется, начал путаться в мыслях, для многих совсем ясных, для других вообще непонятных, о которых они и не хотят думать. Бегут от них. И, наверное, молодцы. А может, оттого она так жадно вбирала в себя все, что совершенно четко понимала и знала в те последние секунды: то, что она имела, у нее потом уже никогда не будет вообще. Даже самой возможности вспомнить и пожелать не будет. Не будет ничего. Только глухота и бездна.

...Если бы кто-то сейчас случайно прочел мои мысли, ох и удивился бы моей дремучести. Я, наверное, рассуждаю о многих вещах, как недоросль. Но ведь я, казалось, кое-что в жизни знал, думал о ней... Системно старался работать. Защитил диссертацию, то есть несколько лет мой мозг работал системно в определенном направлении и на уровне нынешней науки. Правда, прикладной науки, отраслевой, но, тем не менее, я не дикарь, вроде бы... Стоп, — почти вслух сказал он сам себе, — а что же остальной народ, так же, как и я, болтается в неведении? Ведь это пропасть. Надо же было бы знать с начала жизни, в каких координатах находимся, митрофанушки мы...

Я сильно смахиваю на мою бабушку. По сути я тоже сейчас так веду себя. Я многое стал замечать, все мне интересно, будто я хочу тоже вобрать в себя как можно больше: вдохнуть больше воздуха в легкие. Чтобы глубже нырнуть? А потом что будет? Я не знаю, что мною руководит больше: интерес к жизни вообще или интерес к себе в жизни. Надо еще разобраться».

Он встал, подошел задумчиво к окну, но не стал смотреть в него, а зачем-то поглаживал широкий подоконник, где местами краска, вспучившись, начала отлетать. «А ведь полгода не прошло, как красили подоконники-то, схалтурили мужички? Может, и нет, просто я сам подгонял, когда готовили подоконники, очевидно, не просохло тогда дерево как надо, теперь, усыхая, ломает краску.

...Если бы написать повесть о том, что со мной происходит, интересно это было бы кому-нибудь или нет?» Он на секунду задумался и невольно утвердительно кивнул себе: «Кому-нибудь интересно наверняка было бы... «Записки Кирилла Кирилловича Касторгина» — так можно было бы назвать. Как

«Повести Белкина», чего уж там скромничать, — усмехнулся он, — может, не до плеча, так хотя бы до пупка дотянуться, классик не осерчает».

Но тут же серьезно подумал: «Допустим: есть лирика или мемуары гения, но ведь не все гении. Может быть лирика и эссе обыкновенного человека. Она же тоже может быть интересна. Кому? Ну, хотя бы этой самой среднестатистической личности? Можно ли тут оперировать какой-то усредненной личностью, единицей, ведь живой человек в центре. Банально мыслю!»

Три буквы «К». Он вспомнил, что его иногда в школе называли Капитаном Кассио Кольхаун, как персонажа из «Всадника без головы», и помотал головой: может, и впрямь уже без головы, да и не всадник.

«А потом не получились бы «Записки Кизила Кизиловича Касторкина». Наши заводские остряки не зря это мне приклеили: «Касторкин». Любят — знаю, но ведь кислотинной и занудливостью от меня изрядно несет. Хотя каждый специалист просто обязан быть чаще всего занудой, врединой. Ему истина важна, вне того, как ее и кто будет пробовать на вкус и цвет. Истина, господа! Господа, ау, где вы, господа? Господ стало подозрительно много, а истина — одна, товарищи-господа. Истина, но не смысл. Не искать смысла. Поиск смысла нелеп. Смысл всему придает сам человек, его искать надо в себе. Разобраться в себе. Поставить цель себе и сделать ее смыслом жизни. Сколько людей свою жизнь тратят на поиск смысла, обрекая себя на бессмысленность. Об этом можно писать романы. И не заболел ли я сам пассионарностью? Я сейчас получаю энергии больше, чем трачу ее. Значит, должен наступить момент, когда ее надо будет отдавать — через конкретные дела. Все впереди?!»

...Касторгин однажды уже начинал писать повесть. Это было в 1986 году в Ленинграде, в общежитии Технологического института. Там на курсах повышения квалификации, куда его послали на месяц, была необычная атмосфера. Питерские преподаватели своей независимостью суждений будоражили умы производственников. Но по возвращении его захватили перестроечные события, которые бурно коснулись завода, и он просто не находил времени для своей затеи.

«...А фабула? Сюжет повести, какой бы он мог быть теперь? Ведь событий-то в моей жизни теперь не густо.

А впрочем, сюжет прост: человек в работе и человек вне работы, вернее, без работы. И название само напрашивается: «Безработный работник».

Или — «Трудоголик без похмелки», «Повесть об одном из нас».

Кажется, в тридцатом году в России было официально объявлено об отсутствии безработицы. В Москве была закрыта последняя биржа труда. Теперь же, по официальным данным, два миллиона безработных, а по утверждению профсоюзов, что наверняка вернее, около пятнадцати процентов населения. Чтобы сказать об этом как следует, надо побыть в числе этих двух миллионов... Мне вот, что называется, повезло.

Но как писать? Его беспокоила одна мысль, которую он толком и сформулировать-то не мог. Но она в нем давно зрела, в те, еще относительно благополучные годы, когда он, поглощенный наукой, работал над диссертацией, и тогда, когда уже стал главным инженером. Она в нем дремала и просыпалась периодически, заставляя недоумевать. Мысль эта состояла в том, что, начиная, может быть, с Гоголя, с его беспощадной гениальной способностью видеть все пороки и несовершенство жизни и указывать на них русскому человеку, как школьнику в школе, чрезмерно часто внушали читателю, как много в человеке нехорошего. Но жизнь была, она состояла и при Гоголе, в значительной части из хороших людей. Россия обустроивалась, строились дороги, делались открытия... просто трудились, создавали, растили детей... Почему же великие писатели не видели этого созидания? Почему оно не стало предметом творчества гения? Или творчество всегда живет там, где раздрай в душе? Ему нужен надрыв! А Салтыков-Щедрин? Неужто русский человек заслужил только такой оценки? Касторгин иногда приходил, как он считал, к «чудовищной мысли»: мы сами, в том числе и писатели, культивировали в себе, не осознавая того, то, что наше общество привело к большим бедам. Литература, не замечая материального созидания, которое требует порой самых лучших человеческих качеств, пыталась создать духовно, но в таком отрыве от реальной жизни. А надо бы созидать и культуру жизни, в том числе, а может, в первую очередь ее материальную сторону.

Ведь железные дороги, красивые мосты, города не могли построить ни Чичиковы, ни Раскольниковы, ни Ромашовы? Жизнь делали другие. Где же они? Где тот дух, на котором не только держалось, но двигалось вперед Отечество? Мне, митрофанушке, трудно разобраться. Что-то, значит, есть неподъемное в этом вопросе, — сокрушенно думал Касторгин, — не могу я видеть человека вне его конкретного дела, которое он делает в жизни. Человек и дело его должны быть воедино связаны. И это мое понимание пришло в результате моей практической инженерной работы в течение двадцати пяти лет. Я теперь ценю во всем конкретное дело. Отсюда вывод: я — не художник, я — работяга. Самое лучшее, что я могу сделать за письменным столом, — это написать документальную повесть. Да. Это, очевидно, так. И хорошо, что я это понял...

А вдруг Гоголь вторую часть «Мертвых душ» потому и сжег, что понял: он не способен увидеть другое, отличное от того, что изображал. И не захотел выносить приговор русскому человеку, понял: и так переборщили литераторы. Обратный эффект получился. Какой иной гений ответит на этот вопрос? Решится ответить?!

И какова должна быть доля правды? Голая правда? Вся правда?

Но Ницше уже сказал, что правдивый человек в конце концов приходит к пониманию, что он всегда лжет.

Значит, правда, — рассуждал Касторгин, — неуловима. Непостижима! Тогда что же есть цель пишущего? И как писать? Как писать, чтобы и хотелось многого и верилось во многое... А впрочем, у меня ведь когда-то была мысль, что неплохо бы написать повесть о руководителе, деятельном и активном», — и он вспомнил строчки из книги немецкого писателя Кнобок «Трудно быть директором».

Они действительно могли быть метафорой целого романа, если искусно «развернуть». Или «пружиной», как выразился Касторгин. Ее стоит привести, эту «пружину»:

«...Директор всегда, как на ладошке, всегда на виду. Придет на работу вовремя, говорят: «Ишь прибежал спозаранку, хочет нам очки втереть». Придет поздно, скажут с иронией: «Начальство не опаздывает, начальство — задерживается». Поинтересуется, как жена, как дети, — «сует нос не в свое дело». Не по-

интересуется — «ну и черствый же человек!» Спросит: «Какие есть предложения?» — сразу шепот: «Сам никаких, видимо, не имеет». Не спросит — «к голосу коллектива не прислушивается!» Решает вопрос быстро — «тороплив, не хочет думать». Решает медленно — «нерешительный, перестраховщик». Требуется новую штатную единицу — «раздувает штаты». Решит: «Справимся своими силами» — недовольны: «На нас выехать хочет». Обходится без указаний сверху — «вольнодумствует». Выполняет указания точно — «старый бюрократ». Начнет шутить — «без щекотки не засмеешься». Не шутит — ворчат: «Хоть раз видели на лице его улыбку?» Держится по-дружески — «хочет втереться в доверие». Держится обособленно — «сухарь, зазнайка». Дела идут хорошо — «в конечном счете, это мы работаем». Снимают за невыполнение плана — «поделом, так ему и надо! Он один виноват».

«Может, замахнуться все-таки на повесть? Зарыться месяца на три-четыре. При такой усидчивости, какая всегда была у меня что-нибудь да выйдет. Разрядиться надо, иначе, того гляди, пыжи сами полетят», — крутилось в голове. Но тут же себя одернул: «Не реваншист ли в тебе сидит, хочешь одним махом за все годы оправдаться, что когда-то изменил литературе, отклонился от намеченной цели».

Чуть позже, уже охлажденным умом, прикидывал: «Вот Толстой или Достоевский в наш век, в наше время, о чем бы они написали? О человеке, но в каких перипетиях?.. О перестройке все сейчас молчат».

Сравнивая себя с водолазом, он припомнил присказку старосты их студенческой группы, вечно неунывающего «одессита» из Тихорецка Бутова. Говорил Бутов ее всегда серьезно и авторитетно:

— Знаешь, какая самая первая заповедь у водолазов? Если не знаешь — скажу: не писать в скафандр, а все остальное — мелочи.

...Временами Касторгин испытывал большой душевный подъем. Он верил: жизнь для него не остановилась. Странно, ему не хотелось вернуться назад, туда, где было все успешно. Он сейчас как бы очнулся от водоворота своих дел и увидел нечто иное. Жизненные пружины сейчас толкали его к какому-

то действию или бездействию, но было в этом что-то все-таки увлекательное, хотя и непонятное ему. Он временами попадал как бы в невесомость. Привыкший четко, логически мыслить, Касторгин теперь не мог сформулировать, что с ним происходит, и странно — кажется, не торопился этого делать.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Неприкаянный

— Вчера был в Нефтегорске, в читалке попался номер газеты «Луч», где Николай Переяслов хвалит книжку стихов тамошнего поэта, кажется, Самойленко. Зачем ему это надо? Стихи-то в книжке слабые. Хвалил бы уж лучше Сиротина — без промаха...

Говоривший эти слова поджарый, внешне похожий на странную дикую птицу человек был бледен. Белокурые волосы его спадали на плечи, и он их нервно поправлял левой рукой. Правая была в кармане темного пиджака.

Касторгин вошел в рестораник «У Линде» наугад, пропустить кружечку пива. И был рад неожиданной встрече: в углу, напротив говорившего, сидел Владислав, который тут же приветливо помахал рукой. Кирилл сел за столик, напротив Владислава.

— Ребята, познакомьтесь, — улучив момент, когда замолк белокурый парень, произнес Владислав, — это мой приятель Кирилл Касторгин.

Кирилл Кириллович кивнул головой.

— Владимир Бережнов, — назвалса белокурый и тут же спросил Касторгина: — Вы кто?

— Вообще-то человек, а так — инженер.

— Не из Новокуйбышевска?

— Почему я должен быть из Новокуйбышевска? — дружелюбно усмехнулся Кирилл Кириллович.

— В Новокуйбышевске живет сейчас первоклассная поэтесса: Диана Кан, мы с ней знакомы по Оренбургу. Это будущее нашей поэзии. Это уровень Анны Ахматовой?

— Но причем здесь я? — терпеливо переспросил Касторгин. Владислав улыбнулся в усы.

— Мы все здесь причем, — резко оживившись, с нажимом сказал Владимир. — Они с мужем, Евгением Семичевым, нашим самарским Николаем Рубцовым, окончив Высшие литературный курсы, приехали в Новокуйбышевск. И, смешно: живут в крохотной комнатухе заводского общежития. Нам не стыдно? Всем нам не стыдно? Разве они поэзией когда работают на квартиру? Сроду не купят. А талант в мытарствах сгубят. Если бы моя воля, то я им дал бы квартиру в первую очередь. Куда смотрит власть? Все мы?

Касторгину не хотелось спорить, вообще он не готов был к каким-либо разговорам. Зашел пива попить, а тут — великие проблемы. Он припал губами к кружке, надеясь, что его оставят в покое. Без остановки с удовольствием выпил половину и поднял голову. Нельзя было долго смотреть в синие глаза блондина, они завораживали. И Кирилл Кириллович уже был готов согласиться с тем, что говорил Владимир, но что-то мешало этому. Мелькала мысль: не так, что-то здесь не так...

— А как ты оказался в Нефтегорске? — спросил Владислав и это несколько изменило, казалось, тему разговора.

— Меня пригласил один тамошний учитель, мой приятель Аркаша. Он из Кулешовки. Мне интересно. Я не деревенский. Я и не городской. Я — никакой. У меня нет родины. Отец мой из этих мест, но он окончил военное летное училище, долго служил за границей, последнее время в Германии. Вернулись в Россию, вернее, они с матерью вернулись в Россию. Я родился за границей. В девяностом году поступил в Самаре в институт, второй год аспирант кафедры «Технология нефти и газа». Впереди сумрак, начавшийся с нашей неудачной перестройки. Деревню не знаю, но хочу знать. Очевидно, гены моего деда срабатывают. В Кулешовке дом его еще стоит. Но ни деда, ни отца уже нет. Случилось так, что начал писать стихи. Необъяснимо, непонятно мне самому — почему? Когда умер отец, мать вышла за другого. Счастлива. Непостижимо, как можно быть счастливой во втором замужестве в пятьдесят лет до такой степени, чтобы месяцами не проявлять желания хотя бы увидеть меня. Недавно в Оренбурге случайно встретились у театра. Она была со своим сановным образованным дураком, я — с Леночкой. Может, мы как-то и по-другому повели себя, но за ее спиной маячила фигура местного поэта, претендующего на рос-

сийскую известность, — Евгения Вдовина, а на самом деле сдающего пустые бутылки. Да-с, его стихи — пустые бутылки. И меня заклинило. «Володечка, привет!» — «Привет, мамуля!» Больше она ничего не сказала и я больше ничего не сказал. Я смотрел на Вдовина. Тот делал вид, что меня не узнает, глядел поверх голов, словно боялся что-то расплескать в себе. Истовый и отрешенный. Ну прямо как Блок. Наши областные поэты, за редким исключением, — говно! Я это точно понял, когда он сидел в фойе типографии, окруженный мужиками с помятыми лицами и пиджаками: один — главный редактор издательства, другой — бывший секретарь отделения Союза писателей, третий — тоже чиновник... Сами пишут — сами себя издают. Нужна свежая кровь, вы понимаете, све-жа-я! Нужны непричесанные мужики, а не те, что, став членом Союза, как раньше было, через каждые два года получали полную гарантию на издание очередной своей книжки. Так я думал, глядя на них. Мне показалось, что я подходил под «непричесанных и свежих», поэтому подошел к ним и протянул свою тетрадь: «Евгений Кимович, посмотрите мои стихи». — «Вы кто?» — он нехотя посмотрел то ли на меня, то ли сквозь мое лицо в окно напротив. «Человек, который пишет», — ответил я. «Да? Технар, я так понимаю». — «Не понял, что вы поняли?» — «Вуз технический у вас?». «Да, на втором в политехе, в Куйбышеве». — «Ясно, печатались где-нибудь?» — «Нет пока». Он вяло посмотрел на меня и вдруг обескураживающе: «Знаешь, брат, я свои стихи еще на той неделе должен был отдать редактору. Тут столько вокруг словесного поноса, я задыхаюсь просто. Давай в другой раз». Я твердо решил: другого раза у меня с ним не будет.

— Но ты ведь печатался в самарских газетах, в одной, помню, целая подборка была, — проговорил Владислав.

— Я сейчас пишу в стол. Хрен с ними со всеми. Может, это и хорошо.

— Что хорошо? — спросил тот, что сидел слева от поэта и которого, как потом оказалось, звали Виктором.

— А то, что я один, а по другую сторону — все. Я — один! — чеканно повторил он, — а по другую сторону — весь мир, все вы. Подминать под себя время — удел художника. Я все равно стану крупным российским поэтом. Как говорится, мог стать

генералом, а стану самим собой. И Нобелевская премия будет моей.

— Лихо, — не удержавшись, обронил Касторгин.

— Вот именно: лихо! — воскликнул Владимир и так стукнул пустой кружкой по столу, что бородатый бармен, выглянув из-за загородки, посмотрел в их сторону.

«Кажется, возможна драка, — флегматично подумал Кирилл Кириллович, — и одним из участников сделают меня, черти. Давно не приходилось...»

Драться ему не хотелось.

— С пива такой? — шепнул он Владиславу.

— Сам видишь: кураж ему нужен.

Блондин вынул совершенно чистый, сверкающий белизной платок, промокнул как-то очень бережно свои пухлые губки, будто поласкал их, и произнес:

— Вот вам на прощанье, берите! — И нараспев начал читать трубным, как будто чужим, завораживающим голосом:

*О, Согдиана, родина моя.
Я руку протяну, а ты отпрянешь.
И острие дамасского копья,
Обороняясь, в грудь мою направишь.
Но не спасет усталый бог огня
Тебя, коль в нем еще остался разум,
Ни от стихов моих, ни от меня,
Ни от моих потомков сероглазых.
Они взойдут однажды все равно —
Суровые, как северное солнце.
В крови их, будто древнее вино,
Седая азиатчина всплеснется.
Пустынный ветер, словно паруса,
Раздует их славянские хитоны...
Моим потомкам, посмотрев в глаза,
Ты вспомнишь византийские иконы.*

— Это кто? — спросил Владислав.

— Диана Кан, этническая кореянка. По материнской линии — русская казачка. Ей бы возглавить в Оренбурге писательскую организацию. Она черт с рогами. Всех расшевелит.

— Да, — неопределенно сказал Владислав, — не слышал про такую.

— «Как салат из омара, розовеет Самара», — вдруг произнес с пафосом один из парней, сидевший справа от Касторгина. — Тебе это нравится, Владимир?

— Это двестише, по-моему, Андрей Вознесенский написал в прошлый приезд в вашу сонную Самару. Вы любите приглашать знаменитостей типа Владимира Войновича, Василия Аксенова, Александра Кушнера. Неплохо сказал. Мастер!

— Но это же стихи не русского поэта, он даже не понимает, что многие из россиян омаров и в глаза не видели. Это же буржуазная поэзия. Тоже мне космополиты. Сосиску не каждый купит — цены кусаются, а тут — омары. — Он замолчал, но тут же вновь встрепенулся. — Космополиты хреновы. Лишь бы свободу проповедовать. Выпендрейники.

Сказав так сосед Касторгина взглянул на Владислава, словно ожидая отпора, но, странное дело, тот беспечно махнул рукой:

— Ну сказал поэт и сказал, так захотелось!

— У вас в Самаре есть свои настоящие поэты, вот Чепурных, — продолжал менторским тоном Владимир. Он вынул из кармана маленькую книжечку, покопался в ней и меж страничек отыскал рукописный текст на узком листочке:

*Наскальной живописи плач
Нестертый варварской рукою:
Укрывшийся в закатный плац,
Проходит город над рекою.
Туда, где длится Божий свет
В отливе огненного шара
И стая птиц — жаль, птицы нет
С красивым именем Самара.*

Голос, ставший проникновенным и тихим, дьявольски заволаживал, несмотря на дерзость поведения его владельца. Кончив читать, Владимир, безнадежно махнув рукой, сразу на всю компанию, направился к выходу. Касторгин молча смотрел на удаляющегося поэта, а в ушах стоял его голос: «Я никакой: ни городской, ни деревенский — и в этом залог моего таланта». Что это: простая бравада или в этом что-то все-таки есть?

«Нужны космополиты! Наш двадцать первый век — их век! Надо давно выйти за свою околицу и не только деревенскую», — продолжали звучать слова блондина.

«У этого не будет отклонения», — без зависти подумал Кирилл Кириллович. И тут он вспомнил пронизывающие душу слова другого блондина с голубыми глазами:

*Но более всего любовь к родному краю
Меня томилла, мучила и жгла.*

И успокоился. Только молча утвердительно покачал головой под недоумевающим взглядом Владислава.

«И Диана Кан без своих корней — ничто», — мысль эта пришла вдогонку к остальным. Он улыбнулся то ли в адрес незнакомой ему кореянки, то ли блондину, который всего двумя строчками все поставил на место и обессмертил в веках село свое — Константиново.

— Все поэты по-своему пророки, — задумчиво произнес Владислав.

— И этот мальчик? — улыбнулся Касторгин.

— Видишь ли, живописцы хоть как-то защищены от тупика, к которому приводит мысль поэтов-пророков. Мы с тобой об этом говорили уже.

— А к чему она приводит, мысль поэта?

— К тому, что жизнь по сути большая бессмыслица и с этим надо смириться.

— Нет, я не согласен, — мотнул головой Касторгин, — не всегда и не у всех. Жизнь — тайна, которая есть наше вечное и великое мучение. Это Бунин. А смерть — еще большая тайна.

*Все мудрецы друг друга повторяют,
Я б упрекать их не посмел,
Коль и они не понимают
Того, что я понять хотел.*

— Кто это? — Владислав внимательно взглянул на Касторгина.

— Какая разница! Я думаю, наитие, интуиция настоящего художника не должны допускать его мозг до утверждения того, что все — бессмыслица. Настоящий художник должен остановиться на понимании невозможности осознать до конца сущее. Во всем есть тайна, но не тупик и бессмыслица. Осознание непостижимости многих вещей на свете — удел и пророка, и художника, как это ни парадоксально...

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Правильно ставить задачи

Пока двое незнакомцев провожали поэта, Касторгин успел уточнить, кто они такие. Приятели художника. Ударились оба в коммерцию от нужды. Были хорошими инженерами. Оформляют свой маленький офис. Владислав им помогает. Тот, что пониже ростом и постарше, — Аркадий, помоложе и посветлее — Виктор. Первый — химик, второй — авиационщик.

— Посадили пророка в троллейбус, доберется, — сказал тот, что посветлее.

— Многовато у нас что-то стало пророков в Отечестве, — сказал Касторгин, ни к кому не обращаясь.

— Ага, — неожиданно живо и словоохотливо отозвался Аркадий, — их сейчас везде много. Этот вот, которого проводили, мой дальний родственник, в литературе пытается шаманить. Другие — в политике. Я был в июне в Москве на первом съезде Российских химиков, — задумчиво проговорил Аркадий. — Выступая на нем, Аркадий Вольский рассказал маленький анекдот. Корреспондент берет интервью у двух экономистов, один из них пессимист, другой — оптимист. На вопрос: «Каковы дела в экономике?» — пессимист ответил: «Плохи, очень плохи». На тот же вопрос оптимист отреагировал так: «Плохи, очень плохи, а будут еще хуже!»

— Он прав, вот он пророк! — невесело засмеялся Виктор.

— Кто? — Аркадий пододвинул к себе кружку с пивом, но не торопился пить.

— И Вольский, и экономист-оптимист — правы. Но химики вроде бы на подъеме сейчас, — продолжал Виктор, — я недавно разговаривал с Евгением Узиловым, возглавляющим АООТ «Бытовая химия». Они в последние годы наработали собственные оборотные средства, которые потеряли в начале девяностых годов. Сейчас у них и с сырьем вопросов нет.

— Ну что ты, Виктор, говоришь, — досадливо махнул рукой Аркадий. — Это же не пример. Ну, трудится у него триста человек всего. Они нашли себя, это хорошо. Но крупнотоннажная нефтехимия? Возьми, к примеру, АО «Фосфор». Там уже не кризис, а паралич. Я хорошо знаю директора Станислава Пименова.

Когда-то еще Кунаев с Назарбаевым бросили его на поднятие фосфорного производства в Джамбуле, затем уже наше союзное руководство направило в Тольятти, после аварии на заводе. Он восстановил производство и здесь. Но настали иные времена. Источники сырья — фосфоритной руды — находятся в Казахстане. Сегодня это заграница. Кроме того, контрольные пакеты акций рудников недавно перекупила американская фирма и моментально взвинтила цены в три раза. За последние годы электроэнергия подорожала в двадцать один раз, а цена их продукции выросла только в одиннадцать раз. У них мощность одной только печи пятьдесят мегаватт в час — это на уровне потребления энергии всего Волжского Автозавода. Вот и пошло, и поехало.

— Да, я понимаю, энергетики здорово посадили химиков.

— Нет, не так, — опять встрепенулся Аркадий. — Если быть корректным, химиков посадили не энергетики, а непродуманная политика ценообразования. Да, химия в упадке. Юрий Петрович Самарин, ректор СамГТУ, говорит, что они вдвое сократили подготовку инженеров-химиков. Но суть в том, что сама энергетическая система, хотя она и оказалась в более выгодном положении, ничего существенного за последние годы не внедрила у себя. Техническое перевооружение в загоне. Причина та же — не хватает денег.

Было видно, что диагнозы, которые Аркадий пытается ставить, даются ему с внутренней душевной болью.

— Тяжело, — продолжал он, — ведь если возьмёмся всерьез поднимать всю промышленность, то надо в первую очередь поднимать энергетику, без нее все остальное ничто. Значит, до химии руки дойдут не скоро.

— Нам сейчас нужен Александр III. Царь-миротворец. Сто лет назад в его правление, это 1881-1894 годы, так, по-моему, Россия не вела ни одной войны, занималась экономикой, культурой, наукой. Царь все положил на развитие русской промышленности, как залога независимости и зрелости, всякого вида прогресса. Почитайте литературу. Были и во власти мужики стоящие, — говоря это, Виктор диковато вращал белками своих черных глазищ.

«При таком диком виде такая начитанность», — подумалось Кириллу, но в тот же момент его обожгла фраза Аркадия:

— Этой осенью все грохнется.

— Да ладно тебе, сколько уж раз нас по осени пугали, — не согласился Виктор.

— Нечего ладить, все натянулось, как струна. Все искусственно держится на нереальном курсе доллара. Временно — да, обе наши столицы обеспечены продовольствием. Наша провинция — тоже, за счет привозного из-за бугра. Но ведь экспортеры, например, химики, они страдают от самодельного курса, они стали убыточны. Промышленность отечественная рухнет. Сейчас более сорока процентов предприятий убыточны. У нас одиннадцать процентов населения — нищие, пятьдесят процентов — полубедные.

— Что же делать? — театралью воздев руки над головой, глядя большими круглыми глазами, спросил Виктор.

— Для начала, — усмехнувшись уныло, предложил Аркадий, — собирай зеленые и храни только в чулке либо под матрацем. Такова особенность нашей национальной экономики.

— У россиян уже столько лежит под матрацем, что хватило бы рассчитаться с Международным валютным фондом либо, вложив в собственную экономику, уйти от накатывающегося кризиса.

— А кто отдаст свои кровные, пока не поверит, что ему их вернут потом? — вступил в разговор Касторгин, давно думавший об этой проблеме. — Вот поверил бы, принял бы национальную идею, понятную всем, и — вперед. А то — ни веры у многих, ни идеи нет.

— Я мог бы сформулировать суть национальной идеи, — вмешался в разговор Владислав, — она проста, ее многие могут определить: это единение интересов простого человека, моих, твоих, отечества, нет, не Отечества, в данном случае, а государства, то есть власти, иначе говоря — взаимная любовь.

— Ты — художник, у тебя любовь, красота, вселенная — твои координаты. Я бы сказал проще, как технарь, — Виктор выпрямился за столом, отодвинул в сторону кружку с пивом и, став в одну минуту похожим на председателя цехового или заводского комитета профсоюза, почти официально и лаконично произнес: — Что нам, в основном, не хватает? — и сам же ответил: — Нормальной среды обитания. Надо, чтобы мы дышали чистым воздухом, пили хорошую воду, сносно питались, имели рабочие места и могли воспитывать и учить детей. Вот почти все, так?

— Так-то так, — согласился Владислав. Чувствовалось, что внутри его сознания что-то не складывается. Grimаса омрачила его лицо. Как бы очнувшись, оттолкнувшись от чего-то внутренне труднопреодолимого, сказал, скорее, похоже, самому себе: — Нужны любовь или хотя бы взаимопонимание между народом и властью. Но у нас, у русских, не так, как на Западе. Русский человек, как правило, не желает быть во власти. У него извечное желание перекладывать чуждое бремя власти — на другого. Он легко отдаст власть другому. И нынче, поэтому, во власти не самые лучшие. Как строилось все веками: на самовластье, крутой воле, не знавшей предела. А с другой стороны — на долготерпении. Где уж тут любовь, взаимопонимание? Мираж. Хотя, конечно, были и у нас периоды единения...

— Но ты же сам заговорил про любовь, взаимную любовь, — недоуменно взглянул на него Кирилл Кириллович, давно забывший свою кружку и внимательно наблюдавший за лицом Владислава.

Ему сначала показался начатый разговор обычной дежурной приправой к приятельской посиделке. Но что-то неосознанно и сильно влекло его к разговору, даже к мимике лиц и движений говорящих. Он не заметил, как становился неким фиксатором. Эти разговоры, несмотря на их отрывочность и тривиальность, давали ему некую опору. Он не догадывался пока, что они станут тем материалом, который заставит властно устремиться его к попытке сказать свое слово. А пока он слушал Владислава:

— Я знаю: нельзя, чтобы власть была на грани света и мрака, должна быть третья составляющая между светом и мраком. Нельзя доброму человеку отказываться от власти, иначе ее возьмут злые. Третье: это наше земное бытие, быт, его устройство. Им надо заниматься. Надо понять, смириться, что мы должны учиться у Запада жизни.

— Я учился в Академии менеджмента в Германии, — живо откликнулся Виктор, — еще в восемьдесят седьмом году. Ну и что? — Он необычно для его возраста поднял, как школьник, правую руку, повертел ладонью, потом театрально дунул на нее. — В нашей инфарктной системе господам западным учителям самим не справиться. Я это понял. Они могут научить

работать в своих условиях, педантично отшлифованных годами. Здесь ты, Владислав, не прав.

— Я несколько не о том, — мягко возразил художник. — Надо брать уроки у Запада. Опора для будущей России: человек и его права.

— Все это понятно, мужики, — вмешался терпеливо молчавший Аркадий, — из всех этих необычных для художника наукообразных мыслей ясно одно: до всеобщего счастья и любви нам очень и очень далеко. Идеи нужны идеологам. А идеологи больше-то нужны самим себе. Жить надо, работать, любить, верить — вот она, национальная идея. Вот оно, счастье.

— Это совсем другой разговор, — быстро отпарировал художник. — Будешь ли ты счастлив или нет, уже заложено на генетическом уровне, я читал об этом... Если просто и коротко: одна категория людей склонна видеть вот, например, твою пивную кружку наполовину полной, а другая — наполовину пустой. Ни карьера, ни внезапное наследство не делают человека надежно счастливым. Счастье — это сумма повседневных мелочей и оно проявляется в самореализации.

— Да, — преувеличенно бодро согласился Виктор и хихикнул. — А все-таки я себе долю для полного счастья. — Он встал и пошел к барной стойке, бормоча добродушно: — Что-то я притомился от серьезных разговоров.

...В тот вечер Касторгин вернулся домой поздно. Неспешно разделся. Спать не хотелось. Что-то мешало заснуть и распрощаться с этим вечером. Будто чувствовал, что мысленно он будет еще возвращаться к разговору, который состоялся. Будет прислушиваться к себе, улавливая начало какой-то новой работы в себе, догадываясь, что нечто иное рождается в нем.

Когда засыпал, вдруг вспомнил слова Виктора, вернувшегося с полной кружкой к столу, там, в ресторанчике:

— Нас ведь дурачат: чуть не все кругом в мире хотят вдолбить нам, что мы, Россия, — нищая страна, но наша страна — самая богатая. У нас сейчас время нищее духом. Стержень пропал. И не будем упрощать, господа хорошие! Говорите: надежда иссякает, нет надежного сценария развития? А я вам скажу, — он произносил эти слова, словно подзарядившись от какого-то невидимого источника энергии, веско, уверенно, не

вступая в спор, обнаруживая как бы давно кем-то и где-то твердое решенное, — могут свершиться совсем неправдоподобные превращения. Развитие общества как такового не однолинейное движение. Часто говорят: развитие идет по спирали, витками. Да нет же! Развитие идет чаще всего зигзагами. И нечего умно и критически морщить лбы на мои слова. Не виток, а зигзаг! Посмотрите на коммуно-капиталистический Китай! Огромный прорыв! И не надо нас прямолинейно оценивать. Не все потеряно! Вот лозунг, который надо взять на вооружение.

«Не все потеряно, — повторил Кирилл Кириллович, глядя в иссиня-белый потолок, — универсальный лозунг. Он и для всех нас, и для меня персонально». Так он думал, совершенно органично, не отделяя себя ото всех, но и не теряя себя самого во всех. Он чувствовал давно себя частицей чего-то большого и целого, но осознанно стал это замечать в последнее время, когда приобрел привычку говорить свои мысли вслух, разговаривая сам с собой, иногда бормоча на ходу.

— Но не демагоги ли мы с тобой, Виктор? — проговорил Касторгин. Все слова, слова! Поступки где?

— Надо правильно ставить задачи и правильно их решать, — сказал Виктор на прощанье, когда уже жал руку Касторгину и белозубо улыбался. Белозубая его улыбка и смущала Кирилла Кирилловича.

«Чему радоваться-то, разве ж своей правоте? Но это сейчас такая малость по сравнению с тем, что надо делать».

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Ученый Лев и другие

Касторгину запал в душу разговор в кафе «У Линде». И когда позвонил Владислав из своей мастерской, он обрадовался.

— Послушай, у меня Аркадий и Виктор: пивка захотели глотнуть. Я гонца послал, приходи. И потом, — приглушенно звучал голос в трубке Владислав, — они забавного гостя привели. Совершенно замечательный. Я спровоцировал интересный для тебя разговор. Тебе это надо. У них уже перья летят по всей

мастерской. Гость — доктор психологии, москвич. Тебе такие чудачки нужны, а то ты слишком правильный.

Кирилл стал собираться.

Лифт не работал. Когда Касторгин поднимался пешком, на шестом этаже столкнулся с артистом местной филармонии Геннадием Матюхиным:

— Привет! От Владислава? — произнес Касторгин.

— Да. Знал, что вы придете, но вот — надо срочно отлучиться.

— Жаль, — начал было Кирилл Кириллович. Ему всегда было радостно видеть этого неумемного человека.

— У меня междугородный телефонный разговор должен состояться, связанный с моим центром.

— Каким центром?

— Я же говорил. Я пытаюсь зарегистрировать у нас «Самарский литературный центр Василия Шукшина».

Желая удержать Матюхина, Кирилл Кириллович предложил:

— Так переведи разговор на телефон Владислава.

— Нет, — замахал артист руками, — у меня разговор будет с Анатолием Заболоцким, другом Шукшина. Мне нужно быть у себя. А там, — он ткнул воздух над головой указательным пальцем, — мировые проблемы решаются — голова кругом. Не дадут поговорить.

В мастерской Кирилл Кириллович увидел живописную картину: хозяин сидел на грубом табурете около повернутой тыльной стороной картины со стаканом пива в руке. Перья, очевидно, уже осели и можно было в ярком освещении отчетливо видеть присутствующих. Их было трое: знакомые Аркадий и Виктор и неизвестный человек, худенький, маленький, в мышиного цвета костюме, зеленом галстуке и с бритой головой.

Едва Касторгин явился, маленький человек пружинистыми шажками прошел от центра комнаты и присел к столу. Когда их познакомили, он представился кратко:

— Лев Бруновский, психолог, — голос у него оказался тихим.

— Кирилл Касторгин, такой же, как мы, спорщик, — произнес художник, — одному тебе, Лев, с нами не справиться.

Лев никак не отреагировал вначале на фразу Владислава, но затем, после затянувшейся паузы, отпив глоток пива, совершенно уверенно и, как показалось, обезоруживающе, проговорил:

— И все-таки жизнь надо не торопиться переделывать, ее надо почувствовать, понять. А уж потом она преобразится. Жизнь надо увидеть.

— Но нас всегда учили, что бытие определяет сознание. Мы все уже с этим почти согласились? — это сказал Виктор, и Касторгину показалось, что Виктор знает ответ. Знает, по крайней мере, где и как его искать, а задает вопрос только для того, чтобы подкрепить свои мысли, которые выются в его курчавой голове.

— Я думаю, что с точки зрения психологов на сегодня это не вполне адекватная и чрезвычайная крайность.

— Значит все-таки сознание определяет бытие, — даже как-то сурово проговорил Аркадий, будто выносил вердикт марксистскому материалистическому тезису.

Нисколько не стесняясь игрушечности своей фигуры, своих маленьких шажков и напористости бородачей-спорщиков, Лев монотонным голосом, немножко, как показалось Касторгину, бравируя, продолжал:

— Ломая крайности обоих этих идеологий, мы разрабатываем свою позицию: надо было давно увидеть, что не бытие само по себе и не психика сама по себе, а — мы, люди, являемся творцами исторического процесса. Люди своими успехами, ошибками творят действительность. Особенно творческие люди.

«Что это? — недоумевал про себя Касторгин, — это похоже на шаманство. Он уходит от ответа, причем, очевидно и демагогически. Или я что-то не понимаю, или только так можно дать ответ на этот вполне неразрешимый вопрос? Такие вот споры, ответы на вопросы, они вообще — нужны ли Анне Панфиловне, бывшим моим главным специалистам на заводе, рабочим, наконец? Столько мы говорим обо всем. Разговоры, разговоры... А не выродимся ли в разговорах-то, без дела?.. Что с нами сейчас делается со всеми? Тот разлом, который сейчас проходит через наши души, формируя новые, еще пока необычные и непонятные качества, мобилизует или расшатывает человека?»

— Вот смотрите, — меж тем продолжал Лев, сбитый все-таки с магистралей вечных тем на обочину, поближе к реальной жизни, — кризис в экономике сильнее всех ударил по пенсионерам. Но одни из них пошли торговать, а другие — стоять с протяну-

той рукой. Да, пришлось ломать свою психологию, стереотипы мышления. Но, кто пошел, хоть на такую работу, тот добился результата, улучшил свое материальное состояние.

— Какое это улучшение? И что этот пример доказывает? — не выдержал Аркадий, — государство совершило большую ошибку: раз у нас рыночная экономика, то вот вам полная свобода и самостоятельность. Государство стремилось вообще не участвовать в регулировании экономики, в результате очень многие, если не большинство, включая пенсионеров, оказались жертвами государства, не понимающего своей роли, — он замолчал, потом спросил дружеским, каким-то даже ласковым голосом: — Лев, вот ты еще до перестройки работал в своем институте психологии. Ну, что вы там, неужели не могли своими разработками влиять на принятие решений на самых разных уровнях? Сейчас начали говорить: не тот менталитет, не была учтена особая ментальность нашего народа. Неужто нельзя было предвидеть?..

— В конце восьмидесятых институт рекомендовал дать полную свободу прибалтийским республикам. Куда там, кто будет слушать...

Маленький и бодрый, уверенный в своей правоте человек еще говорил долго, но у Кирилла пропал интерес слушать. Он больше рассматривал пейзажи хозяина. А Лев между тем продолжал:

— Очень много вреда от того, что в России долго культивировалось насилие, вернее — разрушительство. Это шло издавна, это усилили в свое время Бакунин и Нечаев. Сращивание революционности с разбойничеством — вот что было в истоках разрушительной силы, которая губит и сейчас Россию.

— Слишком много темных сил на шестой части суши скопилось. Нужен вентилятор, — усмехнулся уныло Касторгин, — чтобы обновить атмосферу. Обновить! Дать волну нового воздуха.

Лев отреагировал неожиданно:

— России сейчас не помешал бы секс-гигант у власти. Вот пример президента Клинтона.

— Ага, — живо отозвался Аркадий, — был случай у меня с секс-гигантом. Рассказать?

— Давай, — великодушно разрешило общество.

— Подарили мне кота. Уезжали друзья — ну и уговорили. Я его сразу отвез на дачу — там у меня крысы завелись. Так не поверите, успевал и всех кошечек местных обслуживать, сам был свидетелем, и через день приносить пойманных крыс. Придушит и положит у входа в дом. Натё, смотрите, какой я молодец. Всех переловил у меня на даче — стал ходить по округе. Так разошелся — гигант! Все успевал. Кошки визжали, но сдавались моему Президенту. А его так прозвал за внушительную наружность. А один раз слышу, орет соседский кот страшно. Пойду, думаю, посмотрю, что там. Гляжу, а мой Президент его держит зубами за шиворот и сидит на нем верхом — голубым Президент оказался. Пропал вскоре — не выдержали либо коты окрестные, либо крысы. Объединились и, наверное, загрызли гиганта.

— Во-во, грызть мы друг друга умеем, — констатировал Виктор. — Пока это в нас есть — порядка не будет.

— Все когда-нибудь у нас будет. Новые поколения придут и будет, — уверенно возразил дожидавшийся возможности вновь вступить Лев.

— А сейчас-то почему нет? — напористо спросил Виктор.

— Э... э, — протянул задумчиво ученый Лев, — хотим что-то делать, а духу не хватает. Надо было еще в девяносто первом году Ельцину запретить функционерам компартии занимать госпосты лет на двадцать, как это сделали в Японии, в Италии, Германии. Не сделали — они, как вороны, с одного дерева на другое перелетают и в результате кругом свои, кругом старые связи, старые приемы... Но это все равно не определяющее. Не заложено у русского человека такой страсти к целесообразности и разумности, как на Западе или, скажем, на Востоке, — продолжал Лев.

— А что на Востоке? — угрюмовато переспросил Виктор.

— А то! Возьми китайцев. У них у каждого целесообразность в башке. У них конфуцианство, а не православие. В их вере основа — целесообразность. Наши православные «терпение», «смирение» не работают сейчас.

— Не в вере дело — у нас ее вообще пока нет — может, в этом весь гвоздь. Больше лицемерия и чаще у тех же бывших партийцев. И терпение, и смирение работают, и еще как! — вмешался Аркадий.

— Как и где? — энергично развел руками Виктор.

— Да вот хотя бы при развале Союза. Три человека раскинули Союз — и никто ничего.

— Да ты что? — спокойно вмешался Владислав. — Ты же все с ног на голову ставишь, наоборот, все же республики готовы были выйти и беловежское соглашение только опередило события, на подобие тех, что случились в Югославии. Мы ушли от гражданской войны, долгой и бессмысленной.

— Не могу представить в России гражданскую войну, — менторски спокойно продолжал Лев.

— Как, а Чечня? — возразил Виктор.

— Горцы народ другой.

— Опять двадцать пять.

— Надо знать историю, — нервно вздернув головой, проговорил Лев, — и великих читать. Еще Иоганн Вольфганг Гете, между прочим, сказал и о Чечне, и обо всех нас:

Я уподобляю страну наковальне: молот — правитель,

Жесть между ними — народ, молот сгибает ее.

Бедная жесть! Ведь ее без конца поражают удары

Так и сяк, но котел, кажется, все же готов.

«Когда все правы, до истины дорога далека», — отметил про себя Касторгин. Спорить ему не хотелось.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Скамейка с проломом

Утром заработал, будто задергался откуда-то сверху издалека шланг с воздухом, висевший на стене в коридоре зеленый телефон с белевским проводом. Кирилл Кириллович, придавленный тяжестью беспокойного сна, вынырнув из-под одеяла одной головой, посмотрел на часы — было девять с четвертью.

«Ого, — подумал он, — даем, пожарники!»

Звонил его заместитель, давний приятель и коллега Скворцов:

— Кириллыч, тут, понимаешь, такое дело. Весь завод в трансе, сказать тяжело...

— Виктор Иванович, не тяни, — почти как когда-то тоном главного инженера, собранно и требовательно, быстро отозвался Касторгин, — с девятым цехом что-то? Взрыв?

Он властно потянул на себя шнур, отступив вглубь комнаты.

— Да нет, хотя и в девятом, видишь ли, дело такое случилось, — сбивчиво отвечал Скворцов. — Дмитрий Петрович вчера поздно вечером из окна пятого этажа выбросился, дома у себя.

— Рассадин? — переспросил Кирилл Кириллович. — Как же так?

— Да так вот, тяжелый случай. С сыном связано. Он у него жил в Нижневартовске, занимался коммерцией. Потом вдруг пропал. Нашли через три месяца в лесопосадке уже разложившегося совсем. Дмитрий привез сюда все, что от него осталось, и похоронил. А вчера было ровно полгода. Не выдержал.

«Ничего себе смерть».

Рассадина Касторгин знал неплохо. Хороший был начальник цеха.

— Мы не стали вчера звонить, а вот сейчас, понимаешь, с утра, пока ты дома, сам знаешь, то да се — можно не застать.

— Я приеду, — отозвался Кирилл Кириллович, — сегодня приеду.

— Кирилл, я пришлю машину в день похорон, не волнуйся, — поспешил Скворцов. — Зам по быту уже все развернул. Похороним как положено.

— А когда похороны?

— Ну, как положено, на третий день. Вчера была среда — в пятницу, вынос в час дня.

— Так, ну давай тогда Анатолия подсылай к десяти. Подъеду к тебе, а уж потом...

— Кириллыч, твой Анатолий неделю назад уволился. Я подошлю новенького шофера.

— Как? — опешил Касторгин. — Я ж тебе его передал из рук в руки?

— Да так, — ответил тот, — переманили его.

Касторгин с Рассадиным работали когда-то вместе в одном цехе. Рассадин был тихход. Работяга-тягач, надежный, но без взлетов. Типичный исполнитель, добросовестный и аккуратный. Его уважали все, кто знал. Кирилл Кириллович быстро рос по службе, превратившись за двенадцать лет из молодого специалиста в главного инженера. А Рассадин всего пять лет

назад согласился, и то только под напором Касторгина, занять должность начальника одного из основных цехов завода, а года два назад попросился вновь в заместители.

«Не могу я командовать людьми, понимаешь, не могу. Ты вот вроде и мягкий, и не злой. Но, когда надо, любого и отстегаешь интеллигентно, и слова, какие надо, найдешь. А я — нет, и слов нет, и такого стержня, как у тебя. Технолог я, не администратор — отпусти назад».

И Касторгин, махнув рукой, отпустил...

Не успел он, вернувшись в спальню, застелить кровать, как вновь ожил телефон. Звонил Василий Григорьевич Сушко.

— Послушай, дружище, тебе сколько лет, а?

— Не понял, — пробурчал Кирилл Кириллович.

— Лет тебе сколько полных?

— Ну, пятьдесят два, — нехотя ответил Кирилл, понимая, что знакомый его наверняка, как обычно, понесет сейчас окопесу, с огромной претензией на оригинальность

— Вот, а мне в пятницу стукнет семьдесят, приезжай хотя бы на кафедру. Пяток годков я тебе отдам, я не собственник. Приезжай, выпьем хорошего коньячку. Я звонил Владиславу, он сказал, что вы вместе придете. Давайте, мужики, жду.

Положив трубку, Касторгин улыбнулся: «Сушко, как всегда, лепит свой имидж. Наприглашал теперь всех нужных людей, наверняка позаботился, чтобы весть о его семидесятилетии попала к журналистам. Ему не дают спокойно спать лавры Георгия Ратнера, очень уж хочет стать почетным гражданином Самары и войти в историю разносторонним деятелем. И у него кое-что получается. Наверняка на следующей неделе будет материал в местных газетах о чествовании аксакала и его заслугах. Хотя до «официальной» юбилейной-то даты пять годиков не хватает. Написал уже книжку о своих самарских встречах. Хотя бы в самарскую историю, но войти ему, ой, как хочется. Под новый год стал членом Академии медицинских наук. Где-то, вроде бы в диких полинезийских племенах стариков съедали, а у нас избирают академиками.

Где поступают цивилизованнее? Ну, конечно, у нас, — не без иронии рассуждал Кирилл. — Он, наверное, еще не знает, что я всего-навсего пенсионер, зачем я ему? Ведь мы и познакомились-то по его инициативе, когда прошли телепере-

дачи о нашем заводе и о моих изобретениях. Как же, тогда, года два назад, я стал вдруг знаменитостью. Международная премия, интервью в газетах, в том числе, и в центральных. Суета...

Но к чему суетиться, если это итог многолетней неустанной работы. Все сделанное очевидно и полезно. Для этого и работали».

...В четверг в одиннадцатом часу, заскочив в Дом быта «Горизонт», они с Владиславом купили букет красных роз. В магазине «Мария» на Молодогвардейской — небольшой офорт и поехали в институт к Сушко.

— У меня встреча с Владимиром Астаховым в двенадцать, успеем? Наверное, там, на кафедре, будет поток людей. Массовое поклонение толпы и обязательно широкомасштабное.

— А что за Астахов? — спросил Кирилл Кириллович, укладывая поудобнее громоздкий букет на коленях.

— Телевизионщик. От Самарской епархии, ведет телепередачи на религиозные темы; сейчас проводит опрос горожан о целесообразности постройки храма, с показом на экране.

— Да, я слышал где-то. Но ведь храм Спасителя — это очень дорого, время ли, мы все же не столица. Столько денег не найдем.

— Речь не об этом храме и не о площади Куйбышева.

— О чем же? — Касторгину это было интересно. Он знал многих священников Самарской области. С владыкой Сергием был лично знаком, иногда, чем мог, помогал церкви.

— Возникла мысль построить храм на площади Славы против здания администрации области. Если смотреть от Волги, то чуть левее, у Вечного огня.

— Около мужика с крыльями? — переспросил Кирилл.

— В сквере из лип, ближе к обрыву, к Волге. Храм-памятник, посвященный Победе в Великой Отечественной войне и грядущему 2000-летию христианства. Он будет белокаменный и увенчают его пять золотых куполов. Отдаленно, мыслится, храм должен напоминать Вознесенский собор, который когда-то стоял там, где ныне находится театр оперы и балета. Предполагается, что храм прекрасно впишется в панораму города, открывающуюся с Волги.

— По-моему, идея стоящая. Красивый вид будет...

— Тут много «но», даже не считая денег.

— Каких?

— Во-первых, надо уяснить, чего хотим в архитектурном плане. Ведь как-никак строить на века. Так? Надо знать: будет ли это доминантой всей панорамы города со стороны Волги или просто дополнением к чему-то. И как вписаться в стиль здания губернской администрации и всего остального.

— Есть еще один вопрос, — задумчиво проговорил Касторгин, — выплата пенсий задерживается. Бюджетники — врачи, учителя — вовремя не получают зарплату. Нельзя сейчас бюджетные деньги отвлекать, даже пусть и на храм. На пожертвования не построишь — нечего жертвовать. Живые деньги стали не только дефицитом, они стали экзотикой.

...Когда они поднялись на второй этаж к кабинету Сушко, там роился народ. Сновали озабоченные пожилые дамы. Гости чинно ждали своей очереди, дождавшись, нырнули в небольшую дверь кабинета хозяина и с чувством исполненного долга, уже налегке, выходили от именинника.

В приемной работал телевизор. На его экране виновник торжества с обаятельной улыбкой, молодцеватый и стройный, давал интервью молоденькой журналистке. Вокруг было изобилие подарочных цветов. Подошла очередь Касторгина и Владислава. Они вошли в кабинет.

Сушко стоял посередине небольшой комнаты в белом пиджаке. Бабочка вместо галстука и четкий холерный пробор украшали юбиляра. Он весь светился радушием и, как полагал, или надеялся, очевидно, мудростью — это постоянное желание его приятели знали и спешили, если удавалось, подыграть. Что ни сделаешь для, в общем-то, доброго старика?

— А-а... друзья, физики и лирики, проходите, проходите, — немножко наигранно произнес хозяин кабинета.

После соответствующих торжественному моменту поздравлений и возгласов, Сушко при рукопожатии обнял Касторгина, с явным намерением расцеловаться. Касторгин сделал небольшой нырок, уйдя влево и подставил ему свое ухо. И тут же получил слюнявое прикосновение в мочку и в низ скулы. Это, очевидно, случилось бы еще дважды, согласно ставшему модным народному обычаю, но Кирилл Кириллович, чуть-чуть отстранившись, удерживая колючий напор сверлящих стари-

ковских, совсем не радушных, а ставших хищными глаз, подтолкнул к нему Владислава.

Касторгин не любил обниматься и целоваться с мужиками. Все это вызывало у него чувство неловкости. Чтобы как-то сгладить недоразумение, которое могло возникнуть, он, как только Владислав освободился из объятий старика, произнес:

— Василий Григорьевич, я желаю вам, после ваших законных ста лет, еще несколько раз родиться и:

*Уж коли суждено сто раз родиться,
Сто раз желаю вам не повториться.
Ученым стать, пожарником, певцей...
И жизни новой снова удивиться!*

Он увидел, как потеплели глаза Сушко. И все бы хорошо, но Касторгин вдруг услышал совершенно внятно и с расстановкой сказанные слова:

— Это все замечательно. Но кого же тогда трахать: пожарника или певицу?

Он повернул голову к окну. Через стол, заставленный коньячными бутылками и рюмками с бутербродами, опершись о подоконник, стояли двое. Фразу сказал старик, узкоплечий, с вислыми усами и такой же бабочкой, как у именинника.

«Сдурел, что ли, козел старый, — пронеслось в голове у Кирилла Кирилловича, бросившего взгляд на женщин, стоявших тут же у окна, — ведь слышно же все. Или у них такой бордель тут? Вмажу сейчас в холеное рыло этому остряку, пусть потом собирают его по чертежам».

Остряк, очевидно, по лицу Касторгина понял, что его слова слышали. Чуть отодвинулся, смотрел настороженно и нагло. Сушко бросился выправлять ситуацию.

— Это мои старые кафедральные коллеги, мои друзья!

— Но ведь циники же, — с досадой негромко сказал Кирилл. Он понял, что не сможет здесь, как подобает, ответить старикашке. «Юбиляр рядом стоит, женщины... только усугубишь все... Западня какая-то, чертовы стариканы-тараканы».

А Сушко продолжал пеленать Кирилла Кирилловича:

— ...мы с вами старые приятели, как старые вороны. А ворон ворону глаз не выклюет, — все это говорилось как взаимные поздравления. Очевидно, никто толком ничего не понял, кроме трех-четырех человек.

Юбиляру вторил остряк с вислоусыми:

— Вот коньячок, наш. А вот — французский. Очень приличный. Какой вам?

Надо было что-то выпить, Кирилл Кириллович ткнул пальцем наугад. Наблюдая, как тот наливает, думал: «Он действительно струхнул или дурака валяет?»

— Вечером жду на дачке в семнадцать ноль-ноль, Владислав знает, где это. Хорошо? — Сушко радушно улыбался.

— Хорошо, хорошо, — согласился Касторгин, желая одного: как можно скорее оказаться на улице, подальше от этого гадюшника.

Приехав на завод, Кирилл Кириллович первым делом направился в девятый цех. Его все здесь знали, когда-то он работал в этом цехе. Любил приезжать, разговаривать в операторной с персоналом. Но сейчас был особый случай. Здоровались сдержанно, во взглядах понурость. Цех в трауре. Никто толком ничего не знал, кроме того, что действительно после трагической смерти сына стал Рассадин сам не свой. Мало говорил. Не шел на открытые разговоры. Угрюмость на лице.

Однажды Ларисе Харитоновой, подруге жены, сказал односложно:

— Вы понимаете или нет: нас всех скопом использовали. И все. И выбросили.

Касторгин и Скворцов подъехали к дому Рассадина заблаговременно. Успели побыть у гроба покойного в его трехкомнатной, тусклой, с занавешенными зеркалами «хрущевке», поговорить, помолчать горестно с коллегами по работе.

Более всего его поразила одна деталь: когда они еще только шли к подъезду через толпу пришедших проститься, он обратил внимание на крепкую скамью, какие обычно стоят в скверах. Металлическая тяжелая основа и деревянные её массивные брусья были покрашены одним красным цветом. В середине скамьи два бруса грубо проломлены, образовалась как бы прорубь, и она зияла свежими крепкими краями обломков деревянных брусьев.

— Это Дмитрий Петрович головой пробил, — сказал Скворцов.

— Что? — растерянно переспросил Кирилл Кириллович.

— Жена потом рассказывала, что он накануне горшки с цветами с подоконника убирал — готовился.

Касторгин невольно, задрав голову, посмотрел на пятый этаж.

— Это его окно? — он показал на крайнее слева от подъезда, как будто это имело какое-то значение.

— Да. А Ирина его рассказывала, что за неделю до этого... большой нож на кухне искал, как-то странно вел себя. Перебирал способы, как покончить. Все, видимо, не решался.

Похоронили Рассадина рядом с его сыном, на могиле которого он успел поставить памятник — большую мраморную глыбу.

Когда уезжали с кладбища, Касторгин, испытующе глядя на Скворцова, спросил:

— А почему не было ни директора, ни заместителя? В командировках?

— Нет, Кириллыч, — нехотя отозвался тот, — у них другие заботы...

— Какие могут быть другие заботы, Рассадин — живая история завода, как наш талисман общий.

— Эхе-хе-хе. Это для нас с тобой он талисман, а для них — никто.

Они же новые люди. Новая, так сказать, популяция. Пошла другая полоса в истории завода, и талисманы — новые.

— Нелегко работается? — участливо спросил Кирилл Кириллович.

— Трудновато, — быстро отозвался Скворцов, — тяжелее, чем тебе... Я ведь не очень был готов заменить тебя. И сейчас, уже поработав главным инженером, не совсем до тебя дотягиваюсь.

Ты был виртуоз: изобретателен, находчив и вместе с тем последователен до занудства. Я — трудяга, что накопил своим горбом, то и трачу потихоньку. За это время кое-что понял, о чем раньше не задумывался.

— И что же ты, старина, понял? — Кирилл Кириллович бросил пристальный взгляд на собеседника.

Тот продолжал:

— Почему-то некоторые думают, что быть директором, главным инженером, одним словом, первым руководителем — это привилегия. Но это — огромная и тяжелая ноша. И вот, если

ты, научившись нести тяжелую ношу, еще можешь придать этому интеллигентный вид, если твои усилия не будут казаться натужными, и окружающие не будут шарахаться от тебя, несущего неустойчиво на плечах эту глыбу, а наоборот, радоваться этому и подставлять добровольно, а не только по приказу, в помощь свое плечо, заразившись твоей энергией, удачливостью и коммуникабельностью — ты первый руководитель.

— Роман Ильич, ты стал философом, — улыбнулся Касторгин.

— Нет, как раз наоборот. Я стал приземленнее. Меня корезжит то, что под грузом свалившихся на производственников забот, в этом хозяйственном раздрае, мы не можем как следует обеспечивать жизнь простого работника. Самоценность самой жизни гипертрофировалась в оскорбительное выживание. Это наш позор! Но я не уйду, как ты. Я вижу: только на мне держится то, что движет завод. Я, кажется, кое-что сделаю — у меня есть уверенность. Я здесь родился как инженер — отсюда меня трактором не сдвинешь. Я — однолюб. Если ты вернешься, уступлю должность. Но кроме тебя — никому.

— Не вернусь, — односложно ответил Касторгин.

— А зря. Мы многое все-таки можем сделать. Мы — соль земли. Только мы, те, кто производит материальные ценности, сейчас можем вывести народ из надвигающейся бедности. Люди угнетены страхом за свое будущее. В каждом почти доме страх за детей, за стариков-пенсионеров, за самих себя.

— И где, по-твоему, выход? Новая революция?

— Сто раз «нет»! Мы сейчас не выдержим ни бунта, ни гражданской войны. Мы — страна и каждый из нас — предельно истощены. Это понятно почти любому из нас, — Скворцов смолк, выжидательно глядя на Касторгина.

«Он, кажется, ждет от меня возражений. Но мне то, что он говорит, ясно. Все сказанное уже стало для многих общим местом. Очевидно, это только начало того, что он сейчас скажет, раз так буравит меня взглядом».

Кирилл Кириллович был прав в своей догадке.

— Мы с тобой, Кирилл, попали и находимся как раз в том периоде жизни России, когда наступил системный и жесточайший кризис. И основная составляющая этого национального провала — кризис власти. Власть, увы, потеряла способность решать жизненные вопросы. И мы полны недоверия к вла-

сти. Реформы не только провалились, мы отброшены лет на тридцать-пятьдесят назад.

— Верно. Как верно и то, — произнёс Касторгин, — что мы вырвались из страшных идеологических тисков. Узнали и чуть-чуть почувствовали, как можно жить.

— Да, узнали, как можно жить! Но так не живем. Мы попали в другие тиски.

— Какие? — спросил Кирилл Кириллович, отмечая про себя, что Скворцов крепко изменился в последнее время. Так определенно на политические темы он никогда не говорил.

— Слишком велика образовавшаяся пропасть, разделяющая простых людей и тех, в чьих руках находится власть.

«В моем теперешнем окружении, может быть, только Владислав не говорит о политике да соседка Анна Панфиловна... Хотя нет, соседка-то как раз вся переполнена недоумением от того, что творится с нами. Она давний идеологический служака», — думал Касторгин.

— У меня, ты знаешь, брат полковник. Недавно ушел в отставку. Считает, что надо сегодня служить не власти, которая бездеятельна, а народу.

— Он, по-моему, идеалист чистой воды. Он что, предлагает пойти в народ? Это уже было в нашей истории.

— Нет, он, а вернее, они — у него много единомышленников, в том числе и в высших военных кругах — считают, что реальный выход России в возрождении идеи народовластия. Что необходимо народу — знает сам народ. Но чтобы служить народу — надо знать, что народ хочет. Это огромная работа. Мы много с братом на эту тему говорили. Я его поддерживаю.

— Не понимаю, — искренне удивился Касторгин, — всем же ясно, что народу надо. Не в этом вопрос. Вопрос в том, как ему это дать. Какие должны быть механизмы власти?

— Вот именно! Жизнь страны должна строиться по принципу честной игры. Нужна договоренность между властью и народом о соблюдении определенных правил. Это так просто! Надо сводить воедино то, что нужно народу и обязательства перед ним властей.

— Но это как раз самый сложный и до конца неразрешимый вопрос, — возразил Касторгин. — Тут бездна противоречий.

— Но тем не менее, другого пути нет, — эти слова Скворцов сказал несколько снисходительным тоном. Это удивило Кирилла Кирилловича. Он почувствовал, что всегда обычно соглашавшийся с ним заместитель в чем-то становится значительнее, крепче, по крайней мере, себя самого, прежнего.

«Все дело в позиции, в собственной позиции. Он ее чувствует. И на том укрепился. Ему стоит позавидовать», — не топясь рассудил про себя Касторгин.

Когда подъехали к заводоуправлению и Скворцов вышел из машины, попрощались односложно, ни о чем не договариваясь на будущее, будто должны встретиться завтра вновь.

Всю дорогу, пока ехали в Самару, Касторгин молчал. Молчал и шофер, то ли из вежливости к пассажиру, то ли по привычке.

Касторгин несколько раз мысленно возвращался к короткому разговору со Скворцовым, радуясь за него.

Когда выехали на мост через Самарку, вновь в который раз, вспомнилась массивная скамейка с проломом под окном Рассадина.

«Это с пятого этажа так. А я в первые дни после увольнения хотел приехать и сброситься с этажерки двенадцатого цеха — там самая высокая отметка — тридцать метров. Шуму было бы на весь город. Нехорошо,

Зато надежно».

Две недели после похорон Рассадина Касторгин безвылазно пробыл в своей квартире. Запоем писал. Писал торопливо, взахлеб. Дни перемешались с ночами. У него начали от напряжения побаливать глаза. Он удивился самому себе: как можно так писать сразу, практически набело, отшвыривая написанный лист, забыв даже пронумеровать? Касторгин забывал побриться, поесть. Все это были досадные мелочи, мешающие главному. События, люди, лица, усмешки, ухмылки, диалоги — все это толпилось, напирало, как ледоход на реке. Все просилось на бумагу и он в иной момент изумленно озирался: чтобы всё это перенести на бумагу потребуются годы. Это может стать смыслом всей оставшейся жизни!

Кирилл Кириллович радовался, что нет гостей, что соседка не мешает. Телефон он отключил, телевизор не включал. Это было как эпидемия, только с каким-то знаком плюс. Она вы-

косила из быта Касторгина, из его жизни все желания, все мелочи. Они все захирели и потухли, осталась одна лихорадочная страсть — писать.

Его удивляло, что само письмо, то, что он излагал, вопреки его лихорадочному состоянию, было не только спокойным, уравновешенным, в нем чувствовалось дыхание большого полотна.

«Кажется, это будет роман, — подумывал он, — но бывает ли такое, что человек, не написавший ни одной заметной вещи, ни разу не публиковавшийся, вдруг пишет роман? Но я же чувствую рождение чего-то необычного!»

Касторгин решил описать события, происходившие со страной и со всеми нами глазами главного инженера. Начиная с восьмидесят пятого и кончая девяносто восьмым годом. Охватывая по возможности все уровни, начиная от рабочей среды до правительства. У него не было никаких серьезных записных книжек. Но накопившееся внутри него подпирало и несло в себе, оказывается, столько мыслей, конкретных штрихов, характерных мелочей быта, что он сам удивлялся, как это в нем все могло быть.

Кирилл Кириллович написал от руки двести пять страниц и вдруг остановился. Вся последующая неделя прошла в вялости и сомнениях. Касторгин не понимал, что произошло. Почему остановка. Устал? Да, есть немножко. Особенно утомились глаза. Зрение село, но с ним и раньше такое бывало, он научился с этим справляться. Не это главное. Главное, пропал азарт. Он начал часто задумываться, откладывая недописанный лист в сторону, осознав, каким огромным материалом владеет, стал бояться не на всю мощь его использовать. Начал удерживать себя от торопливости.

«Вся моя жизнь, все, что было и есть во мне, может упроститься и потерять ту содержательность, которую я всегда ценил, и написанное станет лишь хилым отблеском, отзвуком моей жизни. Это ли мне надо? Пусть даже это и будет называться романом, стоит ли торопиться?» — так думал он.

Он решил сделать перерыв с своей работе. Попродержать коней.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

«Но древо жизни вечно зеленеет...»

Вечером, вернувшись из бильярдной, Касторгин обнаружил в двери записку, сложенную гармошечкой бумажку, похожую на те шпаргалки, которые когда-то делали студентами. Алексей, размашистая душа, оказывается, был в Самаре, но не дождался. Звал к себе в Покровку, где собирался недельку пожить у отца, отдохнуть. Новую свою жену и десятимесячного сына, которого назвал Данилкой, опасается пока, до лета, вести в деревню. Просил составить мужскую компанию: «Если есть еще друзья — забирай, отец только рад будет. Не приедешь — гадом будешь, я теперь — новый человек!»

Была еще только среда, до выходных далеко, но Касторгин в тот же вечер позвонил Владиславу.

Приятель одобрил предстоящую поездку и предложил пригласить своего нового знакомого профессора Почуйкина.

— Если он такой же, как Сушко, лучше не надо.

— Не такой, вот увидишь. Он местами странный, но интересный. Он моложе нас с тобой в свои шестьдесят пять.

— Ну-ну, — неопределенно отреагировал Касторгин и не стал возражать.

Ему оставалось только заправить заранее свою «девятку». Всего забот-то. От того, что как-то быстро определилось с поездкой, Кириллу стало легче на душе. Будто эта поездка что-то должна была решить важное для него. Такое было предчувствие...

Не стоит, очевидно, рассказывать, как ехали до Покровки наши приятели. Дорога хорошая, асфальт чуть не до самой калитки родителей Алексея. Кирилл Кириллович был неплохим водителем, любил посидеть за баранкой... Через полтора часа «девятка» подъехала к потемневшим от времени некрашеным воротам довольно крепкого дома.

Алексей встретил гостей, стоя в калитке. Грузный, импозантный, не похожий на сельского человека. Вот стоявший за его спиной мужчина, сразу видно было — хозяин двора. Китель, сидевший на нем, как на суковатой палке, был, очевидно, еще со времен Первой мировой войны. И отчество его сразу запомнилось — Данилыч.

Конечно же, приехавшие, как через санпропускник, прошли через баньку. Но не спеша, а со знанием дела. С охами, ахами. И удивил всех профессор Почуйкин. Еще когда познакомились, в начале поездки, Кирилл Кириллович обратил внимание на его юношескую подтянутость и энергичное, редкое для такого возраста, рукопожатие. Теперь же этот профессор пересидел всех в парной и два раза барахтался в пухлом сугробе около баньки, смешно мотая головой, отмеченной высоким красивым лбом и маленькой седой бородкой.

Этим самым красивым лбом он ударился в предбаннике о низко посаженную перекладину, но не выругался, не заскулил. Величаво расправив плечи, удивился вслух, почти натуральным образом:

— Надо же, выдержала старенькая! — И уважительно погладил аккуратной своей ладошкой высохшую осиновую кору. — Хорошо, что все здесь осиновое да липовое. Дух легкий.

...Как и должно этому быть, вскоре они оказались за столом, в передней Данилыча. Разомлевшие, пропустили по одной рюмочке «Расторопши». А, как известно, между первой и второй — промежуток небольшой.

Есть такой анекдот. Стоят у проходной завода двое, ищут третьего. «Вань, иди сюда!» — «Не, ребя, мне домой надо, — сразу сообразив, что от него требуется, отвечает Ванька, — Варька наказала после работы надо быть. И точка» — «Да мы быстренько. Друг ты или нет, а?» — «Ну мне же...» — «Друг или нет?» — «А, — говорит Ваня, — нате вам мою долю, а я побежал!» — «Как это, — враз возмущаются дружки, — надо как положено. Оскорбляешь. Одна ведь минута — магазин за углом!» Иван остаётся. Вскоре появляется дружок с бутылкой. Ваня, как только выпил, так и вновь побежал. «Подожди, Вань!» — «Че?» — «А закуска-то?» Суют корку хлеба. Ваня берет хлебушко и — бегом от них. «Вань, вот ненормальный, вернись!» — «Ну че вам: денег дал, выпил, закусил...» — «Вот чудак: а теперь поговорить-то...»

Вот в этот промежуток между первой и второй и затеялся разговор.

Взяв в свою огромную ладонь бутылку «Расторопши» и чудно оттопырив большой палец левой руки, указательным — правой, Алексей начал водить по этикетке и вслух читать:

— Продукт с оригинальным ароматом и вкусом. Плоды раторопши благотворно влияют на обменные процессы в организме человека...

— Да будет тебе, Алексей, не тяни — разливай, не томи гостей. Вся она едина — из одной бочки, только этикетки разные, — привел его отец универсальный довод, проистекающий не только из своего, но и общенародного опыта.

— Обожди, — независимо, но уважительно сказал Алексей, — надо дочитать, в первый раз такую пью, Кириллыч, мой друг, уважил — ...способствует улучшению состава крови, активизирует пищеварение, содержит вещества, предохраняющие печень от вредных влияний и восстанавливающие ее функции. — Он отнял указательный палец от бутылки и поднял его вверх, едва не ткнув в низко висевший пыльный круглый плафон. — Товарищи-господа, это лекарство же, а не зелье какое-то, только без рецепта!

Его остановил рассудительный отец:

— Это ж сколько такого лекарства надо выпить, чтобы печень вылечить, а? Задаю я вопрос: сколько ведер? — и, не выдержав, рассмеялся громко, по-молодому.

— Да, — глубокомысленно сказал Алексей, — тут какая-то хитрость, наверное, есть. И знает ее Мазалов — директор Самарского комбината «Родник». Ноу-хау его.

— А эта, как ее, патефон, что ли, тоже ничего было, ты, Алексей, разок привозил, помнишь? — Данилыч говорил и, прикрыв глаза, пытался вспомнить точное название водки. — Али рояль какая?

— Да нет, отец, то была «Родиола», тоже ничего. Вообще любая водка ничего, но наша, русская, лучше.

— А знаете ли, мужички, — как-то вкрадчиво и академично, несмотря на обращение «мужички», проговорил профессор Почуйкин, — делают водку из чего угодно: из сливы, сахара и прочее, то есть спирт, а потом ее — водочку. Но сейчас я попробую вспомнить классический рецепт изготовления русской водки, открытый ученым Менделеевым. — Он сидел в той части стола, которая примыкает к подоконнику, где стоял бубнивший радиоприемник. Потянувшись рукой, не глядя и не поворачивая головы, он убавил громкость и, промокнув капельки пота на лбу аккуратно сложенным платочком, начал: — Русской водкой...

Но его очень вежливо перебил Алексей, не без оснований смекнув, что речь может оказаться не короткой:

— Может, по второй, а уж потом, эта, ну — теорию изучать?

Он, как дирижер, взмахнув руками несколько раз, пробасил:

— Ну я вижу, что прав, — и всем налил по второй.

Когда выпили, кто крякнув, а кто икнув, профессор, который пропустил свою рюмочку как бы машинально, не поморщившись, не закусив, чем заслужил уважительное покачивание головой Данилыча, продолжил:

— Русской водкой считается лишь такой продукт, который представляет собой зерновой хлебный спирт, перетроенный и разведенный затем по весу водой точно до сорока градусов.

Профессор замолк. Кирилл Кириллович понял, что и Данилычу, и Владиславу, который до сих пор молчал, и Алексею, и ему самому, ни разу не приходилось пить водку под столь научный аккомпанемент. Он подмигнул Владиславу. Тот, снимая с вилки большую яркую соленую помидорину, только улыбочиво покачал головой.

— Но есть одна изюминка у нашей самарской водочки: Рождественский и Ново-Буяновский спирт разбавляется специально подготовленной, мягкой, идеально чистой волжской водой.

Профессор хотел было и дальше продолжить, но Данилыч опередил:

— Вот ведь как. Я и раньше подозревал, что ее, голубушку, всю-то никогда не выпьешь. Теперь, когда узнал, что она из матушки-Волги — подавно понял: безнадежное это дело. С Волгой не совладаешь.

На этих словах Владислав поперхнулся и выронил помидору из рук. Профессор снисходительно улыбнулся:

— Продолжить?

— Конечно, — вразнобой прозвучало за столом.

Кирилл Кириллович посмотрел на профессора. Лоб его был сухим, взгляд цепко держал всех на прицеле, сквозь толстые очки это было особенно заметно.

— Сейчас Самарский комбинат «Родник» выпускает кроме «Расторопши»: «Губернаторскую», «Самарскую», «Юбилейную», «Правду», ликеры «Клюква», «Славянка». В них, кроме пшеницы, в технологии используются молочная кислота и мед, настой хлебных отрубей, черного перца. Добавляют травы ку-

беба и расторопшу пятнистую. В сорока семи странах потребляют сегодня самарскую водку.

— И все равно слабо! — вдруг выкрикнул почти запальчиво Данилыч и улыбнулся.

— Что слабо? — поднял брови профессор.

— Кишка тонка, не выпьют они всю-то, Волгу-то не выпьют! Всего-то наполовину разбавить надо.

Рассказчик покосился. Над ним смеются или над иностранцами? Решил, что над иностранцами, над кем же еще? И успокоился.

Умиротворенно молчавший Владислав, нарушив паузу, то ли спросил, то ли пожаловался:

— А вот виски? Не могу привыкнуть...

— А зачем привыкать: плохая водка — лучше хорошего виски, а плохое виски — лучше хорошего самогона.

Разговор качнулся в более конкретное русло, и Данилыч тоже поинтересовался, причем стараясь научно сформулировать вопрос:

— Шуряк мой работает в Новокуйбышевске на спиртзаводе. Привозит, конечно, продукцию свою, тово, ну сюда. Так вредоносен он или нет?

— Кто, пап? — тут же переспросил Алексей. — Шуряк или спирт?

— Не мешай, — отмахнулся, осерчав, Данилыч.

А профессорская машина уже работала:

— Видите ли, синтетический спирт очищенный практически соответствует ГОСТу на пищевой спирт. Он в несколько раз дешевле спирта из пищевого сырья. В начале шестидесятых годов захотели было производить водку из этого спирта. По токсичности спирт этот не очень отличается от пищевого. Но, как выражаются специалисты, при длительном запаивании животных этим спиртом у них быстрее возрастает чувствительность к минимальной смертельной дозе и медленнее восстанавливаются функции нервной системы. Запаивать народ синтетическим и гидролизным спиртом не решились. Он для водки не используется. Официально. — Профессор замолчал.

— А вот в самогонке-то чего ж вредного? — не выдержал Данилыч, — ежели первачок тем более...

Профессор ответил бесстрастно:

— Судя по некоторым публикациям, содержание сивушного масла в самогоне достигает семи тысяч миллиграммов на литр. Плюс присутствуют фурфурол и другие высокотоксичные соединения.

— Да, фурфурол, — задумчиво протянул отец Алексея, — слово-то какое мерзкое, а так вроде ничего... — и вдруг, оторвавшись от своих мыслей, почти провозгласил: — Дайте человеку, господу, поесть, а то цельная лекция, а человек голодный.

— Конечно, — с готовностью отозвался Алексей, открывая бутылку, — теория мертва, как сказал классик.

— Все, — веско сказал Данилыч. — Хватит. Конец!

— Что все-то, — округлил глаза Алексей, — всего по две выпили-то. И то не все, профессор не по всей вон.

— Да нет, шуряку — хватит. Тот-то он после синтика на стену лезет. Я с ним проведу беседу. А то — кранты.

— А, ну давай, отец, раз от профессора заразился.

— Я не заразился, я его зауважал. Очень практичные вещи знает, хотя и профессор.

Когда Касторгин и Алексей вышли во двор покурить, Алексей, глядя своими круглыми на выкате глазами, тут же припер гостя вопросом:

— Что, так один и живешь?

— Ага, — невозмутимо ответил Кирилл Кириллович.

— Но это ж ненормально для здорового мужика. Тем более, не стоит Светка обета безбрачия.

— Нормально-ненормально, мне сейчас все равно.

— Во дает! Я — врач, я тебе говорю: ненормально — и точка. Для здоровья ненормально! Ты посмотри на себя со стороны: ты ж красавец, отборный экземпляр, умница, без дурных привычек. Сделай ты движение навстречу, и любая дама начнет писать крутым кипятком.

— Выражения у тебя, — поморщился Кирилл Кириллович.

— А что, нормально выражаюсь, в самую суть.

— Ну, тогда я тоже отвечу в самую, может быть, суть. Да. — Он на минуту задумался и бесцветно произнес: — Худая королева — еще не газель.

— Ей-богу, не понял, — стрельнув ловко двумя пальцами недокуренную сигарету далеко в снег, сказал Алексей, — но, чую, с большим смыслом слова.

— Да смысл-то небольшой, вернее, не новый. — Касторгин потоптался на месте, сам не понимая, надо ли продолжать на ходу разговор, который касается для него самого главного и, так и не поняв себя, нехотя продолжил: — Неинтересен я для женщин.

— Это почему же?

— Я скучный, понимаешь?

— Нет.

— Я — скучный, — вновь повторил Касторгин. — Женщине подавай веселье, разнообразие. Она живет — и молодец — сегодняшним днем, а мне подавай во всем смысл. Мои заботы никому не нужны.

— Какие заботы — ничего не понимаю.

— Видишь ли, Алексей, я стал другим. Я не живу, я — наблюдаю, скорее, — задумчиво произнес Кирилл Кириллович, сделал нечаянно ударение на слове «скорее», и получилась не-суразица, очевидно. Это скрыло главный смысл предыдущих слов.

Алексей сделал несколько дурашливое лицо и пробубнил:

— Обратно, ничего не понял: ты — наблюдатель? В органах, что ли, работаешь?

— Алексей, ты пьян?

— Нет, — неуклюже расставив ноги в отцовских валенках, ответил Алексей. — Ты меня запутал. — Потом глянул совершенно серьезно и трезво, не мигая, в глаза Касторгину и сказал: — Голова, я ж тебя к себе пригласил не для того, чтобы обидеть, а совсем наоборот — отвлечься от всего. Вот. Скажи прямо и прости меня, дурака.

Касторгину стало неловко от того, что он веселого и прямодушного парня сбивает с толку, и попытался пояснить:

— Понимаешь, я не живу, а наблюдаю жизнь. Глупо, наверное, но так получается. Со стороны, может, и чудачество, понимаешь... — Кирилл начинал путаться в мыслях и, очевидно, скорее всего оттого, что решил в нескольких словах сразу сказать Алексею обо всем и кончить как-то этот разговор, к которому тот был не готов, да и можно ли так, на ходу? — Понимаешь, я то ли собираюсь помереть и хочу все до мелочи, что вокруг меня, запомнить и забрать с собой. Может, оно так... Все вокруг настолько дорого и неповторимо, что я это чув-

ствую кожей... Я хочу понять, какие мы... и для чего?.. Успеть понять... или...

— Или? — переспросил Алексей, поправляя шапку.

— Или я брошу все совершенно и буду писать...

— Куда? — попробовал уточнить Алексей.

— Да не куда, что!

— И что?

— Книги!

Алексей, кажется, что-то понял. Он раздумчиво посмотрел вокруг Кирилла Кирилловича, поднял голову в небо, как бы советуясь или прислушиваясь к чему-то, прежде чем сказать. Спросил:

— И зачем тебе это надо? Столько уже всего написано, а мир от этого не становится лучше, а?

Кирилл Кириллович успел подумать, что разговор пойдет теперь еще дальше, а ему не хотелось этого и он просительным тоном, как ему показалось, отчего стало не по себе, сказал:

— Послушай, давай пойдем в избу, холодновато...

Но Алексей уже вцепился.

— Пойдем в избу, — снова повторил Кирилл Кириллович.

Алексей напирал:

— Ты здоров и полон сил. И не знаешь, куда себя деть. И не бережешь себя оттого, что полон сил. Но не дай бог заболеешь, начнешь хвататься за жизнь всеми способами, поверь мне. Так случилось с братом на моих глазах. Избыток сил иногда смещает оценки, каждый со временем это понимает. Только одни раньше — и успевают силы свои использовать, другие опаздывают и — увы. Погоди маленько: вот-вот доньшко вышибет.

— Что? — не понял Кирилл.

— Да понос чтой-то... деревенская сметана, что ли? Отвык, — скороговоркой пояснил Алексей, семена к сарайчику.

— Ну дела! С тобой не скучно, — Касторгин заразительно расхохотался, да так громко и свободно, что это вроде было и не свойственно ему, по крайней мере, в последние его особенно тяжелые года два. Присев на широкую темную скамью у палисадника, он полусогнутым указательным пальцем потер повлажневшие ресницы и, гася улыбку, покачал головой...

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

На скамье у палисадника

— Человек не властен над своим духом, чтобы удержать его. И нет власти у него над днем смерти, — это мне отец, священник, говорил... правильно говорил, — как бы без всякой связи произнес вышедший из сеней и присевший рядом Данилыч.

— Вы больны чем-то? — внимательно посмотрев на него, участливо спросил Кирилл Кириллович.

— Да, болен, — раздумчиво произнес Данилыч и добавил, тихо и просветленно улыбаясь. — Старостью болен. В этом году семьдесят пять стукнуло. Чувствую, пора... И я теперь понял: все мы стоим перед Богом со своей неразрешимой проблемой — с грехами прожитой жизни. Каждое прегрешение — это проступок перед Богом либо перед людьми. От этого мы никогда не освободимся.

— Данилыч, ты верующий? — удивился Касторгин.

— Поздно спохватился, да ведь некому было на истинный путь ставить, так старушонки рядом молились. Забот в жизни невпроворот, а церковь одна была в округе действующая — в Мало-Мальшевке.

— А мне Алексей говорил, что вы на фронте капитаном были, политруком...

— Было дело и на фронте, а как же... — неопределенно согласился внезапный собеседник, — а вот теперь... Я много говорил с отцом Сергием, он наш, нефтегорский. Сейчас в Новокуйбышевске в храме Серафима Саровского служит. Многое понял я в этих разговорах. Знаете, когда уже кажется, выхода нет, мы получаем с неба спасительный круг. Он все выдерживает. Название ему, имя — Иисус Христос. Он — спасительный ковчег. Ведь Иисус, невинный святой Сын Божий, принял казнь на кресте Голгофы за твои и мои грехи. Так высока и глубока Его любовь к нам всем и к тебе.

— А вот скажи, Данилыч, — сам для себя неожиданно заинтересованно совершенно прямодушно спросил Кирилл Кириллович, — зачем же Создатель допускает, чтобы так много было бед и страданий, столько обрушивалось на голову человека, тут какая-то нестыковка, а?

— Я начинающий, но я тоже думал об этом. Наверное, этого нам не дано пока понять. Пойдем потом, после. В этом, наверное, скрыт какой-то смысл и, может, очень большой. Как не дано моему Алексею вообще понять то, о чем мы сейчас говорим. Он смеется мне в лицо и зовет меня попом. Мы с ним идейные противники. Это он так говорит. Он — противник, а я — нет. Я терплю его, прозреет, авось. Все мы прозреем, карато ведь уж наступает... Наше время становится безнадежным.

— Почему уж так и безнадежным? — спросил готовый на продолжение разговора Кирилл.

— Государство бросило нынешнее поколение. Ему, государству, важнее вроде бы заботиться не о нас, а о будущем. Строить надо капитализм, видишь ли, любой ценой. Не научились умозуму, когда строили социализм-то. Обманывают будущим.

— А чему надо было научиться? — спросил Кирилл Кириллович, боясь, что собеседник уйдет от такой важной для него темы.

— Чему-чему? — неопределенно отозвался Данилыч, — нужна забота о простых людях. У государства совесть должна быть.

— Народ бросили. Но разве у самого народа нет сил делать свою жизнь, ведь наш народ общца, общиной, силен был...

— Э-э... была, может быть, эта сила, но в похмелье все равно за что пьешь — народ спивается. Вон Мишка Говорухин, напротив за колодцем живет, спился совсем. Он давно безразличен ко всему, что творится у него дома под носом. Так ведь и с народом нашим. Он равнодушен в похмелье к безобразию в стране. Вот и получается: народ и государство каждый сам по себе. Сельское хозяйство надо поднимать в гору. А мы про него забыли. Заодно и фабрики с заводами разрушили. Мой Алексей из медицины удрал в торговлю. Тьфу! Куда дело годится?

— Есть выход, — раздумчиво произнес Касторгин, внутренне подивившись похожести своих недавних рассуждений и мыслей Данилыча.

— Ну-ка? — пытливо отозвался собеседник.

— Спасут совесть и религия, — лаконично проговорил Кирилл Кириллович и выжидательно замолчал, похоже, он искал ответа не у Данилыча, а ждал чего-то похожего на эхо от самого себя. Оттого и молчал, прислушиваясь к себе.

— Да, — с готовностью проговорил старик. — Это так, но если вера не превратится в моду.

«Так, это так», — прозвучало и внутри у Касторгина. И он не удивился, что нашел единомыслие у этого полуграмотного, но мудрого мужика. Только успел подумать: это согласие результат размышлений собеседника или просто некое доверие? Он давно заметил, что Данилыч часто согласно кивает за столом, когда говорит он, Кирилл. «Знает о моих званиях, и они на него давят», — предположил он и спросил:

— А что, часто Алексей гостей привозит?

— Частенько, — охотно отреагировал Данилыч, — у него слабость на ученых и известных людей. Недельки две назад привез этого, как его... (он назвал фамилию известного в Самаре ученого). Ох и важничал — барин, ой, да ну.

— Ну а интересный в разговоре?

— Нет, неинтеллигентный он, хоть и знаменитость. Но пил справно. Его Вениамин, мой зятек, немножко обкарнал.

— Как это? — поинтересовался Касторгин.

— Он, этот знаменитый-то, все приставал к Вениамину: спой да спой частушки. Он и спел ему одну:

*До свиданья, дорогая,
Уезжаю в Азию,
Видно я в последний раз
На тебя залазию.*

А с ним две дамочки были; одна, вроде, учительница в институте по языку, а другая культурой где-то заведует. Вот конфуз, а? Витамину хоть бы хны, а ученому? Он, ученый-то, немножечко помолчал и сильно покраснев, сказал: «Ну, Вениамин, так нельзя. Мы даже студентами и то при дамах такого не позволяли». А Вениамин наш враз, как семечки щелкает: «Дак ведь я спел песенку гусара, он со своей боевой лошадью прощается, ага. А вы что подумали?» Знаменитость аж во двор из-за стола вышла. А дамочки без него расхохотались. Хорошие дамочки-то.

Хлопнула калитка и в промежутке между мазанкой и сельницей появился, как ни в чем не бывало, улыбающийся Алексей. Данилыч при виде сына замолчал и спокойными ласковыми глазами посмотрел сразу на обоих. Потом не спеша поднялся и пошел в избу.

«Почему он так посмотрел? — непроизвольно подумалось Кириллу Кирилловичу, — Как-то одобрительно, как на успевающих во всем школьников. А мы-то — двоечники».

Ответ пришел чуть позже, когда Касторгин уже входил в сени. «Я понял, понял, — горячо думал Кирилл. — Он смотрит на нас уже оттуда, как я сразу не подумал об этом, еще в избе. Он уже приготовился умереть. Он как бы живет последний какой-то срок, зная точно, что вот-вот уже там, душа будет в зените, хотя и здоров пока с виду. Он завидует нам тихой ласковой завистью, одобряет нашу непутевую жизнь, хотя бы за то, что она — жизнь! Он нас одобряет, он так мудр и так многое в отличие от нас понял, что даже боится нам все до конца сказать. Или не боится? Или так мудр, что не желал этого показать, не желал засушивать нашу жизнь и нас. Молчит себе, давая нам насладиться этим бездумным расточительством жизни? Что у меня за дни в последнее время? И что за люди окружают, будто их ко мне кто-то подсылает. И долго ли со мной такое будет? Эти последние три месяца, похоже, дают мне больше, чем вся моя жизнь. Бывает ли у других так? Жизнь в последнее время вокруг так сложилась или я так настроен? Или и то, и другое? Странно. Я из прагматика превращаюсь сам не знаю во что. Стал как инструмент, только тронь... Так нельзя. Но кто определит, что можно? И определит ли?»

Когда Кирилл и Алексей вошли в избу и подсели к столу, разговор был в разгаре. И касался он на этот раз вин. И, конечно же, партию вел профессор Почуйкин.

— А у меня вот, например, есть деловой вопрос, имею я возможность спросить? — насколько мог академично произнес Данилыч.

— Конечно, — просто ответил профессор.

— Антиракует меня, сколько долго можно хранить вино?

— Это, пап, сколько у тебя хватит терпезу, вдруг срочно на похмелку потребуется, — тут же гоготнул Алексей.

— Да обожди ты, — миролюбиво урезонил Данилыч, — я по делу с профессором.

Невозмутимо переживавший их диалог профессор дал ответ:

— Вино — это живая материя, а все живое бессмертно. Сухие вина живут не более двадцати лет, десертные — до пятидесяти, крепленые — до восьмидесяти, а коньяки и ликеры могут жить столетиями.

— Вот те да, все нормально! «Плииска», значит, живет долго, — уточнил отец Алексея, проявляя какой-то непонятный

пока интерес, — чуть позже он пояснил: — Дак, внук Петруха когда родился, я на пенсионные купил и закопал на память в тот же день под яблонью две бутылки. Одна «Плиска» эта непонятная, а другая сухая, бутылка, как большая морковь. Я, это, в полиэтиленку и того, на шестнадцать лет — зарок дал, ко дню рождения Петра. Я ему уже сказал, а больше — никому. Не долежится, боюсь. И записочку положил. Но про нее не сказал. Мое послание.

— Обижаетесь, отец, насчет «не долежится», — нарочито обиделся Алексей.

Данилыч не отреагировал. Ему было некогда, перед ним сидел человек и так запросто выдавал такое. Он торопился:

— А вот шампанское. Я, грешный, почему-то люблю его, а моя старуха ни в какую, говорит: изжога от нее? — как мог задал вопрос Данилыч.

— Вина по насыщенности газами делятся на спокойные и игристые. Самые известные из них — шампанские и испанская кава, это купажные вина — другими словами, смесь разных сортов винограда. Сухие и полусухие — это настоящие игристые. Сладкие и полусладкие — искажения. Помимо прекрасных игристых нового света, у нас — «Абрау Дюрсо» и «Артемовское», сделанных под «шампанское» более сотни лет назад. Уникально красное «Игристое Цимлянское» и замечательное «Мускатное».

— А вот шипучки всякие эти, — поинтересовался Алексей, — как?

— Очень просто, мой совет, друзья, если на свадьбе или еще где, хотите, чтобы гости скорее окосели — к водочке из экономии прикупайте шипучки всякие — результат гарантирован. Шипучки — это даже не искажения вин, это хуже.

Забавно Кириллу Кирилловичу было слушать эти разговоры. Они касались, как ни странно, вроде бы, самого известного, но в сочетании Почуйкин-Данилыч приобретали какой-то первородный оттенок.

— А у меня вот тоже есть одна примета такая, тоже к свадьбе или еще куда годится, — сказал хозяин дома, доставая из нагрудного кармана до того времени не нужные очки. — Ежели на столе много свежих арбузов, гости не косеют долго. Арбуз вино в организме истребляет.

Он надел очки, и Касторгин отметил забавную вещь: Дани-

лыч выражением лица да еще в очках стал чем-то схож с Почуйкиным. Отметил это про себя и рассмеялся. Очевидно, профессор принял на свой счет его смех, как знак своего некоего поражения в разговоре с хозяином дома. Но тоже добродушно рассмеялся, признав с удовольствием победу Данилыча.

— Да, это очень интересно, я и не знал...

Данилыч не унимался:

— Как же так можно много знать о ней и почти не употреблять? Не пьёте почти.

— А я уже свое употребил, свою цистерну выпил, — деловито пояснил профессор.

— Тогда оно, конечно, — глубокомысленно согласился Данилыч, — значит, свою академию по этому делу прошел.

Почуйкин согласно кивнул головой.

— Он теперь по одному известному принципу живет, — вмешался Алексей.

— Какой такой принцип? — живо заинтересовался Данилыч.

— А есть люди, которые любят. Есть люди, которые любят смотреть, как любят. А есть, которые любят смотреть, как смотрят как любят. Так и с питьем.

Данилыч помотал головой, и было непонятно, то ли он осуждает такой принцип, то ли пытается понять сказанное.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Закон Граблина

— Вон и Граблин со своей супружницей пожаловал, — посмотрев в окошко, почему-то приподнято сказал Алексей. — Пускай он про жизнь нам порасскажет, — Алексей сделал ударение на слове «он».

— Еврей, что ли? — спросил Владислав.

— Почему «еврей»?

— Ну — Ривлин, Граблин, Рохлин, — начал тот загибать пальцы.

— Ага, — продолжил, улыбаясь, Алексей. — Дарвин, Грузвин, Молдаввин. Наш он, местный. Сейчас увидишь! Хитрей еврея с цыганом вместе взятых.

Вошли Граблины. Подчеркнуто смущенно покашливая, мужичок лет сорока тихонечко, но так, чтобы было видно, подталкивал свою спутницу, в нерешительности застрявшую на пороге.

— Проходите, гостечки, проходите, — хозяин дома привстал и показал на свободные стулья.

— А? — вопросительно и в тоже время торжественно произнес Алексей, приподняв початую поллитровку на уровень глаз.

— Да чего уж там, — живо откликнулся Граблин, — с устаточку-то, конечно, оно даже на пользу, — и живописно, подбоченясь и крякнув, широкими движениями обеих рук, горстями расправил густые усы.

— Ну, пошло-поехало, с устаточку? Ты что? За соломой, что ли, успел уже съездить? На дворе-то утро, а ты — пить, с ранья-то, Витамин?

— Кто-кто? как она сказала? — переспросил Кирилл у Данилыгча. — Витамин?

— Да Вениамин он. Но, вишь, ей так удобнее, — сказал тот, делая жесткое ударение на конце слова: удобнее.

Меж тем Граблины наконец-то сели. Он, дурачась, долго усаживался, перебирал и что-то подтягивал у себя ниже пояса, сугубо осторожно и внимательно относясь к своему причинному месту.

— Ну что ж, чтобы наши дети не боялись грома! — провозгласил неожиданно тост Витамин и неспешно потянулся чокаться.

Дополнений к тосту не последовало. Все как-то быстро согласились с установкой по поводу грома и выпили.

— А ты, мать? — явно провокационно, как бы небрежно, спросил Витамин у жены. — Пей, чего уж нам, сельским, отставать. Стирай грань!

Видно, ему надо было, чтобы она была соучастницей выпивки: меньше потом упреков.

— Какую еще грань? — не врубилась Татьяна.

— Ну, между городом и деревней, отсталый ты элемент.

— Плети больше — отсталый. Вы уж давно обогнали город-то по этой части, — и, сказав это, она неожиданно задорно, казалось бы, не к месту, хохотнула.

— Тады за любовь, — явно раскручивая какой-то свой сценарий разговора, вновь подсказал Витамин.

Кирилл Кириллович, облюбовав желтый крепенький соленый помидор, потянулся вилкой к большой чашке, стоявшей посередине стола.

— Вот вы, извините, можете сказать сходу, что такое любовь?

Касторгин опешил. Вопрос был задан ему. «Почему именно мне он задает этот вопрос, да такой еще дурацкий в данный момент?» Его вилка вначале застряла в воздухе, потом он, посчитав неуместным свои действия, положил ее на стол. Почему-то с левой стороны тарелки, как на официальном обеде, и сосредоточенно кашлянул в кулак. Подняв голову, он увидел смеющиеся глаза Алексея и вдруг понял: он, этот Витамин, не простак. Это только так, с виду, лаптем щи...

— Отвечаю сразу всем и тебе, Танюша, коли не успел одной дома объяснить: любовь — это, — он поднял указательный палец левой руки кверху, — любовь — это... — он выдержал паузу столько, сколько надо: ни один из присутствующих не проронил ни слова, — любовь — это... стирание грани между умственным и физическим трудом. Вот что такое любовь.

— Получишь сейчас у меня, понесло тебя, — жена Вениамина, кажется, всерьез начала сердиться.

— А ты — пей, пей за любовь-то, — подталкивал её муж.

Она наконец выпила. Сделала кислое лицо и в тон мужу, не желая, очевидно, отставать, обронила дежурную фразу:

— И как ее, проклятую, татары пьют!

— Нальем еще по очередной? — сказал Алексей и вопросительно посмотрел на сидевшего напротив него Владислава.

— Ну, подожди, куда гнать вороных, интересно, как живет деревня.

— Да! Как вот живет деревня, а? — с готовностью подхватил Алексей и с ухмылкой посмотрел на Граблина.

Кирилл Кириллович понял этот взгляд: Алексей ждал от Витамина чего-то особенного, на что, было видно, Граблин весьма горазд.

А тот почему-то сказал неожиданно серьезно:

— У вас в городе — сплошная «Смехопанорама» да «Аншлаг», а у нас — горькое похмелье, в деревне-то.

— Ну, не пили бы, кто ж заставляет? — вступил в разговор Кирилл Кириллович.

— Да я не про то похмелье.

— А про какое?

— Про то, куда нас всех сельчан засунул город, где мы оказались?

— Да разве ж город в этом виноват? — удивился постановке вопроса Кирилл Кириллович.

— А кто же, как не город?

— Ну, не знаю. Общая политика...

— Вот, если бы депутаты госдумы и министры заседали не в Москве, а в Покровке или в какой-нибудь Грачевке, среди грязи, нищеты и беспросветности, то вмиг бы поняли всю национальную идею и что надо делать, и когда?

— Переселить в село всех? — обрадованно догадался Алексей.

Витамин не ответил на вопрос, а продолжал:

— Ведь сверху все же... — он остановился, подставляя свою рюмку, когда Алексей начал вновь разливать, и продолжал: — ...все же сверху видно. Почему создатель терпит этот дурезж? По себе знаю: сверху видней, — задумчиво повторил Вениамин и встрепенулся. — А хотите, историю расскажу, самую настоящую, непридуманную?

— Хотим, — заинтересованно кивнул профессор Почуйкин, — у вас все интересно получается. — И затих, подперев подбородок кулаком.

Граблин продолжил:

— Для начала, мужики, кто знаком с геморроем?

— Опять за свое, — встрепенулась жена Граблина, — хватит, имей совесть.

— Да я совсем не про энто. Я сурьезную штуковину городским ученым людям хочу...

— Ну тебя, я пойду, пожалуй. Сбегаю в магазин, кой-чего мне надо.

Она поднялась, стараясь опередить возражения против ее ухода, но их не было. Все смотрели на Вениамина. Рассказчик посмотрел на молчавших за столом, что-то понял по-своему:

— Счастливые вы люди, не испытали на себе это дело — геморрой.

Алексей смешливо посмотрел на профессора. Тот непроницаемо молчал, мудро, как филин, глядя перед собой.

Граблин продолжал:

— Вот, если все ваши зубы, которые есть, находятся не там,

где им положено, а совсем в противоположном месте, на котором вы того... сидите... и все они разом болят — это и есть он, родненький — геморрой. Таково научное определение, мое, конечно... — Граблин, прищурившись, как при стрельбе, левым глазом, правым зорко глянул на слушавших его.

Хирург-профессор, пожевав тонкими губами, громко и одобрительно чмокнул. Алексей захохотал так, что, махнув рукой, опрокинул свою рюмку. Хозяин дома, Данилыч, очевидно, не раз слышавший «учености» Граблина, улыбался.

Кирилла Кирилловича вообще забавляла вся обстановка в избе. Поездка ему нравилась. Он себя чувствовал здесь, особенно с приходом Витамина, уютно. Хотя, конечно, отдавал себе отчет, что все это маленький маскарад, что вот они уедут, пойдут обычные дни. Молох забот поглотит и эту веселость, и все остальное... но пока, пока... «Пока мне отчего-то хорошо», — думал Кирилл Кириллович.

Поставив свою рюмку на место, Алексей, все еще улыбаясь, сказал:

— Ловко ты профессора просветил, молодец. Да и нас заодно, на будущее.

— Какого профессора?

— Вот его, который рядом с тобой сидит, — он кивнул на Почуйкина.

— Здравствуйте, я ваша заграничная тетя! Чего же раньше не сказали?

— А зачем?

— А, правда, зачем? — как эхо согласно повторил Граблин. Он испытующе посмотрел на Почуйкина и спросил: — Вы хирург?

— Да, — односложно, но приветливо ответил профессор.

— И геморрой вырезали?

— Конечно.

— Тогда я расскажу, как было всерьез.

— Мы выпьем? — спросил Алексей и было видно, что в доме как-то так получилось, что всем управляет Граблин. Все приковано к нему.

— Выпьем, — как бы нехотя разрешил Граблин.

Все выпили, кроме профессора. А крякнул один Витамин. Громко и смачно.

— У меня был геморрой. Это долго рассказывать, как я, намаявшись, решился на операцию. Расскажу коротко, у меня в этом деле свой интерес. Когда мне делали операцию, наверное, наркоз не так сделали или что еще, но я вышел из собственного тела.

— Что? — выдохнул Алексей, готовый к очередной хохме.

Профессор удивленно повел бровью и зорко уставился на рассказчика.

— Я поднялся спокойно под потолок и смотрел за всем, что происходило в операционной. Отстраненно наблюдал врачей, себя, всех остальных, которые были внизу. Было легко и радостно. Необычайная легкость освещалась чистым и ясным светом.

— Как долго это продолжалось? — спросил Почуйкин.

— Да вот всю операцию, потом сказали: «Все», — и я спустился вниз. У меня такое чувство, будто я побывал тогда в раю. Потом, после операции, не приведи господь, намучился. Вот меня и волнует, что это было? Потом рассказывал — никто не верил.

— Или в раю, или в состоянии клинической смерти, — задумчиво проговорил профессор, — такие случаи в медицине бывают. Бывают они и у рожениц. У многих женщин в этот момент появляется необыкновенное ощущение счастья, особое телесное или виртуальное счастье. «Выход женщины из тела» наблюдается почти у девяти процентов рожениц. Сейчас наука потихонечку начала это познавать.

— Но я — не баба, — резонно и вполне серьезно возразил Граблин.

— Душа или то, что можно назвать как-то по-другому, но что составляет нашу духовную субстанцию, существует несомненно, и она бессмертна. Она переживает тело, — не обращая внимания на реплику Витамина, продолжал ученый. — Когда две клетки — мужская и женская — оплодотворяются, это начало не только продолжения телесного, но и духовного существования человека. Таланты, пороки, достоинства, недостатки — все это переносится на нового человека. Без души этого переноса не может быть. Я не специалист в этом вопросе, но я думаю, что это так, — словно на кафедре, чеканно и сдержанно формулировал свои мысли профессор, казалось, обращаясь к целой аудитории.

— В какие дебри ты вильнул, ну голова у тебя, Витамин, — восхищенно проговорил Данилыч, — я от тебя такого рассказу еще не слышал. Ажник дохтур, профессор задумался, в смущение вошел.

Он попытался долить водки, но Почуйкин и Владислав отстранили свои рюмки. У Кирилла была почти полна. Лишь Вениамин охотно принял добавку.

— Вот ведь и не про политику вроде бы калякаем, а все какие сурьезные стали, — проговорил Данилыч и эта фраза дала новый ход мыслям Граблина.

— А хотите, я еще маленькую историю расскажу?

— Снова про геморрой? — хохотнул Алексей.

— А вот и нет, — парировал Граблин.

— Давай, — разрешил Алексей.

— В Ленинграде это было, — с пол-оборота завелся Граблин, — ага, меня за кой-чем туда послали, я в Нефтьгорске (он так и сказал, не «Нефтегорск», а, как говорили здесь в Покровке многие — «Нефтьгорск») тогда работал по снабжению. Это еще до того, как мне вырезали геморрой.

— У него «до геморроя» и «после геморроя», как у нас у всех «до новой эры» и «после новой эры» или «до революции», — вполне с серьезным видом пояснил Алексей.

— Не мешай, — шумнул Данилыч.

— Я жил в каком-то общежитии на проспекте Ветеранов, там еще не очень, по-моему, далеко Черная речка, где Пушкин с Дантесом стрелялись. Я ездил туда. Ну вот, надо было мне к врачу. Нашел поликлинику — все чин-чинарем. Очередь занял. Сижу. Всего-то два человека. Мужчина впереди, один рядышком сидит, дедок, ага. Такой небольшого росточку в ватных штанах и в чесанках с галошами. Дело было в апреле. Непривычно в таком виде в городе. Но потом-то все ясно стало. Краина, рядом деревни, грязища. Сидим. И ни с того, ни с сего, видно допекло, дедок мне говорит: «Стервецы, заставляют меня попусту мотаться почем зря из-за своей оплошки». — «А в чем, — спрашиваю, — проблема?» — «Да оплошали врачи, вырезали грыжу, а вот мошонку забыли пристегнуть». — «Чего-чего?» — не поняв, переспросил я. «Ну, отрезали, а не пришили мошонку-то, теперь все опустилось, ну яички вот сюда, — он ткнул пальцем к коленям, — и трудно ходить, сидеть. Опять

операцию делать надо». Я хохотнул, а дед, нисколько не оби-
девшись, деловой дедок, выдержанный, рассказал: «Вы вот,
молодняк, не знаете, а я это прошел. Я — кавалерист бывший.
В кавалерию строго отбирали. Ежели мошна низко висит, ни за
что не возьмут в кавалерию, скакать нельзя». — «Как так?» —
«А так, непонятно, что ли... У нас один Колька Мазурок был.
Мы думали отчаянный боец: как только команда была «по кон-
ням», он вскакивал в седло, лицо его делалось зверским и он
орал «а...а... мать вашу!» Мы думали, храбрый — дай врага —
разорвет на части. А оказалось... того... «Чего?» — я сразу не
понял. «Ну он медкомиссию как-то обошел стороной, а мотня
оказалась низко посажена... Ну, значит, как прыгнет в седло,
так и на все свое хозяйство всей тяжестью... бедолага... прямо
сказать... Отсюда и зверство в лице, когда «по коням» коман-
да». — «Ну и как же?» — спрашиваю. «Как же... конечно, ото-
брали коня — и в пехоту».

Когда хохот за столом прекратился, Граблин спокойно
спросил:

— Я к чему это рассказал? — и сам ответил: — Калякали,
калякали, а про политику ни слова, непривычно как-то.

— А где ж тут политика? — очень серьезно, не ожидая ника-
кого подвоха, спросил профессор Почуйкин.

— А в самой середке и есть политика.

— Это ж в какой середке? — профессору было непонятно, а
остальным тем более.

И Граблин, довольный, пояснил:

— Наши реформаторы-то рвутся вперед, но большинство
из них кавалеристы, как Колька Мазурок, никудышные. Мед-
комиссию не проходили. Одним словом... чудаки, — и добавил
еще: — с другой буквы. — Витамин поднялся из-за стола, соби-
раясь уходить. — Ну, вы тут без меня в текущем моменте раз-
беретесь. Я все равно не политик, — ступил на порог и вдруг,
резко повернувшись, сверкнул глазами. — Профессор, между
прочим, а как вы относитесь к эвтаназии.

Все за столом разом притихли, понимая, что профессору
приходится выдерживать своеобразный экзамен. Но профес-
сор оказался молодцом, не подвел городских. Он спокойно по-
вернулся к Граблину, глядя истово, не мигая своими удиви-
тельно синими, почти не тронутыми старостью глазами:

— Отрицательно, молодой человек. Видите ли, правомерность ее вызвала и вызывает много споров в мире. Но я считаю, что ни один субъект не может принять и исполнить просьбу умирающего о лишении его жизни. И уж ни в коем случае не врач. Эвтаназия — это палачество. Человечество ожесточилось, но не до такой же степени, чтобы по-дикарски быть безжалостным. Такова моя позиция. А ваша?

— Моя позиция совершенно такая же, профессор, — раскатило, но уважительно расхохотался Граблин и толкнул дверь.

Когда Витамин вышел, Почуйкин спросил Алексея:

— Кто он такой?

— Электрик, — и, чуть помолчав, добавил, очевидно, чтобы упредить следующий, легко угадываемый, вопрос. — Окончил техническое училище, и все.

Профессор ничего больше не спросил. Чуть помолчав над тарелкой, отодвинул ее, выпрямился, обвел всех разом взглядом и рассмеялся.

«Насколько многообразна жизнь и насколько она неожиданна! А я кисну на своем Волжском проспекте. В такой глуши с туалетами на улице живут люди и ничего, живут. Хохмач Граблин мог бы жить в моей квартире в Самаре? Конечно. Но интересно, какой бы он тогда был?» — так думал Касторгин, живо держа в памяти все только что услышанное и увиденное в небольшой, неказистой избенке.

Когда начали вставать из-за стола, Алексей продолжал сидеть на крашенном синем крепком табурете. Кирилл, намереваясь выйти в сени размяться, вновь попался на ржавый крючок нудного разговора своего приятеля.

— Удивляюсь я тебе. Человеку за пятьдесят, в таком водвороте был и ни любовницы не завел, ни денег не наворовал. Мается думами, бедолага... Ты какой-то не такой, как мама моя сказала бы. Не правильный по нынешним временам.

— Да уж какой есть, — усмехнулся кисло Касторгин, — со мной уже Владислав подобную политбеседу вел.

— Герой нашего времени у Лермонтова и тот за Беллой гонял, а ты герой? В каком веке живем, голова твоя... стерильный, что ли? Гормоны иссякли?

— Сейчас другие времена — другие герои.

— И кто же он, герой?

— Сейчас герой у нас — депутат. Его величество избранник народа.

— Но ты как-то устроил бы свой быт, — тянул свою мысль Алексей. — В Самаре сейчас это просто...

— Ты о проститутках, что ли?

— Ну да, зря что ли я тебе в Джоррет де Мар лекции читал? Помнишь?

— Помню, — нехотя отозвался Кирилл Кириллович.

Алексей испытующе посмотрел на Касторгина.

— Знаешь, я тогда еще удивился, какие вы со Светкой разные. Вы не могли долго жить вместе. Я об этом тогда думал, но не сказал тебе. Зачем? Ты, как тюлень, долго соображаешь.

Касторгин слушал равнодушно. Его действительно это сейчас не задевало за живое.

— Послушай, у тебя с простатой нормально? Ведь у мужиков после сорока это часто случается. Я врач, могу помочь.

— Иди к лешему. Все у меня нормально. Умеешь ты все доводить до примитива. Лучше скажи, где твоя бывшая супруга?

— Не поверишь, через какую-то электронную сваху у подружки в Ленинграде познакомилась с аргентинцем. Не вру, ей-богу. Он ее увез к себе, женился. Вот даст она теперь там танго аргентинское. Будет помнить весь континент, — он говорил легко. Было видно, что все перегорело и прошло. — Кирилл?

— А, — с непонятной готовностью быстро отозвался Кирилл Кириллович и улыбнулся. Этой своей интонацией он невольно проявил самое хорошее свое отношение к приятелю, несмотря на все его «заботы».

— Послушай, сейчас, в наше время и в твоём возрасте становиться писателем — дорога в никуда, пропадешь от безденежья.

— А я сторожем устроюсь. Мне много не надо, — усмехнулся Касторгин, — голодные талантливее.

— Тебе твоя пишет? — спросил Алексей.

— Нет, теперь уже не пишет. Было-то всего одно письмо.

— А дочь?

Касторгин отрицательно мотнул головой и задал свой вопрос:

— Ты вот скажи, почему у нас так все убого?

— Что — все?

— Все — и жизнь, и быт, — уточнил Кирилл. — Ну хотя бы вот сельский туалет? Ну разве такое в наше время должно быть? На морозе, без ничего... Без воды горячей в доме... А? За-граница так давно уж не живет.

— А вот повоюют пусть с наше, некогда будет и так жить.

— Да ладно, — отмахнулся Кирилл Кириллович.

— Нечего ладить, — запросто отпарировал Алексей. — Ты думаешь, раз я коммерсантом стал, то я одни бабки могу считать? Я совсем недавно своим охламонам в офисе политинформацию делал...

— Что? — изумленно переспросил Касторгин. — Политинформацию, ты?

— Ага, — не обидевшись, продолжал Алексей. — кто-то же должен ребят молодых теревить. Я специально рылся в журналах. Цифры до сей поры в мозгах сидят: с 1055 года по 1082 год, по-моему, было 245 нашествий на Русь и внешних столкновений, с 1240 по 1462 год почти каждый год были войны. В Казани, взятой нашими, кажется, наврать боюсь, в 1552 году было сто тысяч русских пленных.

— Это когда все было...

— А что, потом и до наших лет не воевали, что ли? В этом большой корень всего.

Кирилла смутили последние слова Алексея. Об этом он раньше как-то не задумывался.

— Ничего, — усмехнулся он, — вот Запад, Америка нам теперь помогут.

— Ага, — охотно подхватил интонацию Алексей, — сначала нас развалят, а потом, как с тараканами, с нами. Пердела она потом на нас с высоты, Америка: и на нас, и на Запад. С ее-то амбициями. Молодец все-таки Хрущев, сунул в свое время им ежа в штаны с Кубой-то. Теперь уж так не получится. Если к себе и примут потом, то только на калду, навильниками навоз за ними убирать.

Вошел Владислав. Положив видеокамеру на кровать поближе к большой цветастой подушке, подсел к столу. Произнес, обращаясь сразу к обоим:

— Знаете, какую я заметил штуку?

— Нет, — отозвался Алексей, — где уж нам.

— Когда купил видеокамеру и стал упражняться, то, увидев впервые себя на экране, несколько оторопел.

— Ну, это обычный синдром, многие к себе экранному не сразу привыкают, — заметил Касторгин.

— Да нет, понимаешь, штука вот в чем: нет синхронности между тем, что я в себе чувствовал в отдельные моменты и что было у меня на лице, что оно выражало. Конечно, в общих чертах было соответствие, но глубинного не было.

— Но ты же не актер.

— Да, верно. Но я же не играл? Я жил, понимаешь, а мое истинное, то, что я знаю, что во мне, внешне искажено.

— Мудрено что-то! — пробасил Алексей. — Не для нас.

— Да просто. Я хочу сказать, что нельзя человека воспринимать только внешне. Механизм взаимодействия между состоянием души и внешним поведением несовершенен. Если даже человек не скрывает своих чувств, все равно они недостаточно четко отражаются в его внешнем поведении, мимике, жестах. Это я понял. Это несоответствие. И вот что еще. Тоже недавно понял: жестокие люди порой не понимают, что они делают. Они так закодированы. Им надо прощать. Они потом поймут. С возрастом понимание приходит.

«Странно вот еще что, — размышлял Касторгин, — за столом Граблин в открытую говорит обо всем и это не звучит пошло. А у Сушко в кабинете, — он вспомнил эпизод, связанный с поздравлением старого хирурга, — обстановка, что ли, другая?»

— Отчего так обнаженно все в деревне и запросто? — проговорил он вслух.

— Да, может, на сердце корки нет, асфальтовой. К земле человек ближе, — то ли ответил, то ли спросил Данилыч.

Кирилл Кириллович вновь поразился про себя: «Как просто сказано». Произнёс:

— Мне всегда казалось, что в городе больше образованных, а в деревне — умных.

Прозвучало это как-то уж очень прямолинейно, он усмехнулся сам, поняв, что сказанное похоже на неловкий комплимент. Но Данилыч выправил ситуацию с легкостью необыкновенной, схожей с навыками хорошего тамады:

— Не мудри, Кириллыч, дураков Создатель ровным слоем везде рассыпал — и на полевых станах, и на кафедрах в горо-

дах. Я не имею в виду, конечно, сейчас нашего общего теперь знакомого — умницу-профессора... голова.

Под конец застолья Данилыч проявил себя еще более неожиданно для Касторгина. Задумчиво ковыряя ногтем столешницу, он произнес:

— Он ведь считает, Граблин-то, что открыл всемирный закон. Надоел мне с ним.

— Чего-чего? — живо поинтересовался Почуйкин.

— Да, закон открыл и говорит... эта... универсальный закон. Достоин за него Нобелевской премии.

— С него станется, — совсем серьезно сказал профессор. — И какой закон?

— Сейчас припомню. Наизусть знал. Сейчас, вот-вот, — он усердно морщил лоб. Наконец выговорил не без труда: — Чем резче отклонение — тем больше недоразумение.

— Это о чем же закон? — попытался уточнить готовый рассмеяться Алексей. Кирилл Кириллович внимательно слушал.

Данилыч тоном профессора Почуйкина, спокойно, как само собой разумеющееся, пояснил:

— Обо всем! Как отклонение от курса, от нормы, от цели — так недоразумение, — совершенно серьезно заключил он.

Кирилл Кириллович посмотрел на присутствующих: показалось, что сейчас грянет за столом хохот. Но этого не случилось.

— Вот революцию свершили — курс изменился: стало большое недоразумение. Манька — соседка — родила семимесячного, так тот до сих пор не говорит, а ему уже два года. Отклонение от нормы. Лишний стакан на грудь не вовремя прирешь — тоже оно, того... невпопад, значит. Вот он закон-то и действует. Я ему говорю, Граблину-то: норму-то али курс правильный, их же определить надо. А он говорит, что и на это закон есть. Он и над этим думает. Говорит, что на всё законы природы есть, только их надо открывать не лениться. Мир познать нельзя до конца, он этому сопротивляется. Вот оно, как у него. Голова! Дом Советов — одно слово. После него только Кучинский, староста нашей церкви, по уму-то сгодится. Но у него голова все больше забита восстановлением Покровской церкви, Бог ему в помощь, деловой человек, из ничего топирище сгношит...

Хлопнула дверь в сенях и Данилыч встрепенулся:

— Наверно, Петька Герасим идет!

— Кто-кто? — переспросил Кирилл Кириллович.

— Мой внук — Петька-второклассник. Из школы попутно.

От младшей дочери.

Дверь в избу распахнулась, впустив холодную волну воздуха, и на пороге появилась удивительная, маленькая, но такая забавная краснощекая копия Данилыча с большими светло-голубыми глазами.

— Дед, баба где? — не обращая ни на кого внимания, выстрелила скороговоркой копия.

— Да, ты не пришел бы, не знал бы, где и ты.

Следующая фраза удивила Кирилла Кирилловича своей безапелляционностью и непосредственностью.

— Шлендает где-нибудь по соседям?

— Ага, — охотно согласился дед, — сбегай к Петянихе, у нее, скорей. Она мне тоже нужна.

Внук послушно выкатился за порог, а дед тихо усмехнулся в усы:

— Я думал, он хулиган какой, а он так послушно... — обронил Касторгин.

— Не хулиган он, а боевой. В этом разница есть. И сердце доброе. Вон на окошке книжка лежит. Есенин. Я ему раз десять читал по его просьбе «Песнь о собаке», помнишь, — и он чистым голосом прочитал:

*Утром в ржаном закуте,
Где златятся рогожи в ряд,
Семерых оценила сука,
Рыжих семерых щенят.*

...Петька все заставляет еще и еще, а у самого все лицо в слезах. Я его спрашиваю: «Ну зачем читать еще? Ты уж все знаешь и плачешь к тому же». А он, Петруха, отвечает сквозь слезы: «Когда ты читаешь снова, я каждый раз надеюсь, что хозяин хмурый, их, щеняток, не утопит, что они останутся живыми. Может, выплывут». Я ему читаю по нескольку раз эту историю, и заметил за собой, что тоже хочу, чтобы все мирно получилось. Вот штука какая? Что млад, что стар.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Этот дотошный Почуйкин

Из Покровки возвращались на другой день уже в сумерках.

«И почему я раньше не ездил в деревню проветриться, да еще с такой разношерстной командой? Жизнь с разных сторон смотрит-ся. Я же всю жизнь практически в кругу коллег своих, обычно технарей. Правда, один Владислав немало стоит. Молчун, но с ним не скучно. Весь день пытался настойчиво отбиться от компании и остаться наедине со своими красками. Теперь, когда я завис над пропастью, вижу в самом малом прелести жизни».

Из задумчивости его вывел ровный голос профессора Почуйкина, обратившегося к художнику:

— Устойчиво живёте, как мне кажется.

— В каком смысле?

— Ну, своя мастерская, я понял, большая. Не каждому дано? — произнес Почуйкин. — У всех художников в Самаре такие мастерские? Еще не вышерли коммерсанты?

— Пока нет, но некоторые из наших, к сожалению, сами отказываются от таких площадей.

— Почему? — въедливость профессора и здесь начинала брать свое.

— Очень просто, не всем под силу платить полтора миллиона за двадцать квадратных метров в месяц. Уйдем из мастерских, а этого допустить нельзя, сразу же их заполнят массажные салоны, картежные притоны и прочее. Наши мастерские — это сегодня, может быть, единственное, что объединяет художников. Нет порой квартир, творческих дач, как раньше, куда на месяц-два приезжал художник и мог бесплатно жить и работать. Такие дачи были под Москвой, на Байкале, Черном море. Там могли работать и те художники, которые не были членами Союза. Было взаимообогащение общением. Сейчас мастерские — это гнезда, где художники создают свою ауру, которая оказывает влияние и на всю Самару. После церкви мы, художники, идем следом.

«Кажется, он копнул, где ему надо, и задел за живое, — подумал Касторгин, — теперь вся дорога будет идти под этот аккомпанемент. Действительно профессору это надо знать или так?»

— Раньше, — продолжал Владислав, — член Союза художников, кроме возможностей работать на дачах, финансовой помощи, имел право на дополнительную площадь в двадцать метров, но главное — художнику давали работу. Была целая система, обеспечивающая нас заказами. Собирали их по совхозам, заводам, другим организациям. Теперь этого нет. Художники, которые более-менее известные — Баранов, Герасимов, Комиссаров, Филиппов — как-то выживают за счет заказов, помощи состоятельных людей... Вот я знаю: Владимир Рябцев за сорок миллионов купил себе мастерскую где-то на Ленинградском проспекте.

— А ваш, когда-то знаменитый, фонд?

— Фонда нет. Он обанкротился. Банк, где был счет фонда, лопнул, — Владислав сказал это с таким напором, повернув бордатовое лицо к Почуйкину и сверкнув глазами, будто он, профессор, был главным виновником всего этого.

— Владик, — нарочито очень вежливо обратился Касторгин к художнику, — он ведь только вопросы задает. Он — профессор. Он — ни при чем.

— У нас около восьмидесяти членов Союза художников в Самаре. У всех были мастерские, из них пятьдесят — просто приличные, и указом нашего бывшего мэра Самары отданы художникам на двадцать лет без оплаты за аренду. Но текущие платежи, они убивают..

— Значит, не стало государственной поддержки и не будет нормальных художников? Слабо самостоятельно прожить?.. Но за покровительство надо платить? Идеино платить, — напирал профессор.

— Никто не собирается ни под кого ложиться, но что происходит? Чтобы прокормиться, когда спроса на графику нет, миниатюру — нет, ребята начинают писать надгробные портреты и радоваться вырученным деньгам. Живописцу еще как-то полегче. Мы с Рудольфом Барановым часто обсуждаем ситуацию. Он говорит: «Если хотите подвального искусства, его даст обществу нищий художник». Наш председатель Союза прав. Учить и учиться не на что. Идет потеря реалистической школы. Сегодня в мире абстракционизм разрушил реалистическое искусство. Рудольф в Италии выиграл конкурс среди полудюжины итальянских художников только потому, что на

его огромном полотне восемь на пять метров изображены человеческие фигуры в натуральную величину. Художники не умеют рисовать портрет, рисовать человека, а в центре искусства — человек, верно?

— Верно, верно! — откликнулся профессор, — тебя вон и Кирилл Кириллыч заслушался, так что совсем скорость потерял.

— Нет, ребята, за вас беспокоюсь, здесь скоро поворот перед дорогой в совхоз «Черновский», чуть не под девяносто градусов. Один знакомый мой в посадку там угодил — не вписался.

Почуйкин поутих, и только когда миновали опасный поворот и вышли на прямую, спросил:

— Ну, и?

— Вот у итальянцев художники своим трудом не живут. Имеют свой бизнес, а рисуют в свободное время, отсюда и результаты.

— Но сопротивление обстоятельствам может и делает человека художником.

— Да, но не каждого. Не каждый может противостоять трудностям.

— А вы знаете? — пожевывая губами, произнёс профессор, — даже мой папа мне рассказывал: Григорий Пономаренко, прибывший с Милославовым, создавшем Волжский народный хор уехал из Куйбышева в Волгоград только потому, что очень хотел, чтобы у него была квартира с окнами на Волгу. Он убеждал начальство, что это ему надо для творчества. Без Волги не может. Не может писать песен. Не дали — и уехал.

— Он жил, по-моему, на улице Фрунзе, на первом этаже в полуподвальном помещении, — проговорил Касторгин.

— Вот-вот, — продолжал профессор, — и тем не менее написал песни, которые прославили Волжский народный хор.

«Ему обязательно надо, чтобы последнее слово было за ним, не будем ему мешать», — рассудил Кирилл Кириллович. Он сбросил газ и включил левый поворот, впереди — было кольцо и далее посёлок Кряж. Кирилл посмотрел на часы: восемнадцать сорок. «Успеваю всех развезти, поставить машину в гараж и посмотреть «Время», — умиротворенно подумал он.

Когда Касторгин подошел к своему подъезду, в неярком свете лампочки над дверью увидел несколько наклеенных объявлений. Одно из них привлекло внимание: «Всем тем, кто желает иметь дополнительный хороший заработок, обращаться по адресу: Волжский пр., 19, 2-й этаж, оф. 211, понедельник, четверг в 18.00. Надежда. Обучение за счет фирмы».

«Символично — «Надежда», — отметил про себя Касторгин. — Надо заглянуть. А, нет. С полгода еще я могу на свои сбережения прожить, не работая. Но, потом уж никаких финансовых резервов не останется. Но зато проверю себя: за это время можно серьезную вещь написать, если я не бездарь, конечно. Хороший у меня все-таки дом, — усмехнулся он, — вернее, район. Престижный, забота чувствуется. Вот опять полный ящик газет».

Действительно, из почтового ящика торчало несколько изданий, которые распространялись бесплатно и с методичной настойчивостью. Поначалу это даже раздражало, но потом он привык, внутренне не смирившись только с тем, что эти непрошенные газеты в небольшом ящике мяли те, которые он выписывал. Ему приходилось мятые «Литературную газету», «Волжскую коммуно» каждый раз разглаживать. На этот раз из ящика торчали не уместившиеся: рекламно-информационная газета «Экстра», «ТВ-пресс Неделя», «Самарские новости», «В каждый дом».

«Странно, а почему нет приложения к «Комсомолке» — «Ваш выбор»? Безобразие! Не могли, наверное, затиснуть».

Когда он уже засыпал, вспомнил, как они со Светланой гуляли года два назад в осеннем лесу напротив маленького села Винновка. Был солнечный сухой октябрьский денек. Они по руслу высохшего ручья углублялись в чащу, в надежде наткнуться на опят. Но было сухо. Ни туманов, ни морозов. Вскоре им надоели безуспешные поиски и они, повернув назад, вышли на полянку, поросшую редкими, но крепенькими липками. И здесь произошло событие, которое поразило его. Светлана отнеслась к этому прохладно, но он не мог долго успокоиться.

На его пути попался большой обрубок бревна. Желая откатить его с пути, Кирилл подналег и ногой повернул его, и тут же прямо перед глазами, взметнувшись вверх, осьпав уже некрепко сидящие пожелтевшие листочки, встала, нет-нет, воспрянула метра в четыре высотой молодая липа. Оказывается,

когда-то бревно ее придавило, и она до поры до времени росла, прижатая к земле, сохраняя силу и упругость. Он несколько раз обошел липу, все еще удивляясь случившемуся. Только что поляна была хороша, конечно. Но эта липа, преобразившись сама, изменила и поляну, она стала другой.

«Ах ты, Светочка, что же ты наделала?» — расслабленно прошептал он, ежась в постели.

«Липа — это я, — подумал он, — может быть, я. Я чувствую, что стоит сделать еще какое-то движение, и я восстану, но какое, я пока сам не понимаю. Ощущение есть, а реальность совсем другая».

Вскоре он заснул. Спал беспокойно. Что-то огромное, неестественно тяжелое висело над ним. Не давало совсем провалиться в сон, чтобы забыться и не думать о завтрашнем дне. Касторгин ворочался в постели и никак не мог уйти от мысли: то ли он слишком многое взвалил на себя сам, пытаясь понять происходящее, то ли это наказание за что-то. Он, кажется, не выдержит такой жизни. Надо делать конкретное дело, как на заводе, знать цели и находить способы достижения этих целей. Иметь свою нишу в жизни. А так, как он сейчас живет, нельзя. Нельзя искать ответы на все вопросы сразу. И на все отвечать. Такой ум еще не родился, и писатель такой раз в сто лет навряд ли будет. Это гигантская работа духа. Нужен гений, а если не гений, то такое не по силам. «Неужели я по сути ничтожество. Я слаб. Я раб. Я ничто?»

...Наутро он проснулся на удивление бодрым и, вспомнив свои ночные страхи, слабо улыбнулся.

Когда брился, пристально вглядывался в свое отражение в зеркале, словно изучал незнакомого человека. Будто привыкал к нему. Постороннему это могло показаться чуть ли не кокетством, если бы не воспаленно-напряженный взгляд Касторгина и не его замедленные движения, которые явно скрывали неумный темперамент, долгое время сдерживаемый и готовый теперь прорваться самым причудливым образом.

Выходя из квартиры, на площадке Касторгин увидел крышку гроба, обтянутую красным. Куривший во дворе на лавочке сосед сверху Андреич своим тусклым, навечно осипшим голосом пояснил:

— Пашка сгорел. Нашли в сорок первом доме, в подъезде.

Уколотся, дозу не рассчитал. Мы все наши подъезды обшарили с его матерью, а он аж в сорок первом оказался. Беда. Но к тому все и шло давно уже. Я его отца хоронил, изуродованного в Афгане, когда тот по пьянке замерз около пельменной и никто не подошел. На роду, что ли, написано у них?

— У нас у всех, может? — отозвался Касторгин.

— А? — вяло переспросил Николай Андреевич.

Весь день Кирилл Кириллович чувствовал, что в нем зреет какая-то решимость. Ему хотелось быть на людях. Он хотел действовать.

«Надо заниматься тем конкретным делом, которое ты умеешь делать. Я же инженер, черт возьми. И знаю, что неплохой. Сколько можно еще сделать в жизни! Я готов работать рядовым инженером. Эх, взять бы, как тогда, в семьдесят пятом году, цех-развалюху и попробовать еще раз себя. Тогда-то в свои тридцать лет я поднял огромное производство, а сейчас, что? Ослаб? Тысячу раз — нет! Сейчас можно грамотно работать. Хочется успешно работать».

Он чувствовал необъяснимый прилив сил и желаний.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Телеграмма из Сибири

Вечером позвонил Алексей из Тольятти и Касторгин узнал очень опечалившую его весть: умер Данилыч. Приятель звал помянуть отца на девять дней.

Касторгин был поражен смертью отца Алексея, несмотря на то, что догадывался о состоянии Данилыча. «Как легко и быстро мы умираем». После поездки в Покровку прошло чуть более двух недель. Он часто вспоминал Данилыча. Помнил, как тот осторожно отламывал от отрезанного ломтика хлеба и маленькими кусочками ел. Его это несколько удивило тогда. Помнил его рассказы и манеру смеяться в усы. Ироническое отношение к себе самому тоже помнил.

Его в ту поездку в Покровку убили слова Алексея. Тот, подвыпивший, брякнул каким-то не своим, извиняющимся голосом:

— Жили и живут, как черви.

— Кто? — недоуменно спросил Кирилл Кириллович.

— И родители мои, и вся деревня. В грязи, в дерьме, в бесконечных заботах о еде, тепле.

— А мы с тобой тогда кто? — спросил ошарашенно Касторгин.

— Ну, мы — другое дело.

Кирилл Кириллович не стал больше разговаривать. У него внутри что-то оборвалось. «Как он может так говорить. Они же дали ему жизнь, они самодостаточнее его самого». Весь тот день слова Алексея не выходили у него из головы.

«Кто же останется в деревне? — думал Касторгин, — Алексей уехал, стал доктором, но народ не лечит, в Тольятти заделался коммерсантом. Торгует нефтехимической продукцией. Вон какую печатку на пальце носит. Скоро и золотую цепь повесит. Россия вышла из деревень и держалась на этом. Но теперь деревни самой не на чем стало держаться. Алексея как бы нет. Списан. Все! Он вспомнил, что о том же говорил с горечью и Данилыч. Внук Данилыча, сын младшей дочери, Петька? Может быть, он! Такие, как Петька, подставят плечи свои под деревню и России службу сослужат. Душа у него, видно, хорошая. Как раз, таким, как он, достанется расхлебывать то, что мы натворили. Как раз подрастет, если мы в конец все вдребезги не расколошматим. Им поднимать. И имя-то у него не нынешнее. Может, это знак какой. Может, Петрам да Иванам удастся, как в давнее российское лихолетье Романовым, поднять Россию. Но тут никакая уже и монархия не поможет. Развратила всех псевдодемократия, принесенная перестройкой. Ни демократии не получилось, ни либеральных реформ. Да и вообще сплошная путаница. У нас сейчас президентская республика, то есть всенародно одобренная конституционная монархия. Русский народ привык к тому, что в России всегда правит один человек. Пусть будет парламентская республика (хотя это для русского ума непривычно), ну так все равно же во главе будет один человек. Так по-русски всегда получалось. Что же изменится? Этот шустрый бедлам вокруг власти будет, ох, как еще долго», — уныло подвел он итог своим скомканным размышлениям и в десятом часу лег спать, против своих правил не посмотрев телепрограмму «Время».

...На третий день после того, как Касторгин вернулся из Покровки с похорон Данилычча, пришла на его имя телеграмма из Сибири. Приняла ее все та же Анна Панфиловна. Он в это время ходил на рынок.

Совет директоров и его давний институтский приятель — генеральный директор одного из самых крупных в России нефтехимических комбинатов Виктор Судаков приглашали возглавить технологическую службу. Им стало известно о его положении и они поспешили заполучить его себе. Касторгина знала вся отрасль.

«Так это ж мой бывший заместитель Скворцов организовал, — догадался он, вспомнив разговор после похорон Рассадина. — Его рука. Но ведь я и сам готов к этому. Я уже понял: мое место на заводе. А раз понял, что ж тут решать? Уже решил. И бесповоротно.

Ах, как жаль, что поздновато, а то бы забрал с собой Рассадина. Он бы там со мной на новом месте, глядишь, и преодолел все».

В тот же день Кирилл Кириллович купил билет и ещё через два дня улетел, вручив своей соседке ключи от квартиры. Торопился. Как будто боясь передумать, попросил соседку дать объявление в газете о продаже квартиры.

Вот так быстро покинул Кирилл Кириллович свой, как он называл, жигулевский рефугиум...

А чуть позже, месяцев через пять, прошел слух, что главный технолог Кирилл Касторгин женился на бывшей своей однокурснице. Очевидно, на той, к которой однажды прошлой зимой чуть было не улетел в Хабаровск. Жизнь его, кажется, стала налаживаться в прежнем русле.

— И, слава Богу, неплохой человек, — подытожила Анна Панфиловна разговоры соседей о его женитьбе, вынимая из почтового ящика Касторгина необычное письмо.

На обратной стороне узкого плотного конверта с непривычными марками был указан отправитель. С трудом, но все-таки она разобрала немецкий текст: письмо было от Ирины — дочки Касторгина...

Ноябрь 1998 г. – Сентябрь 1999 г.

*Посвящается
внуку Саше*

В ПЛЕНУ СВЕТОНОСНОМ

Повесть

Глава 1. На Ледянке

В самом начале прошлого лета мой брат Петр, едва оправившись от тяжелой болезни, предложил съездить на реку Самару. Сам он еще не решался садиться за руль своего автомобиля.

— Соскучился, понимаешь ли, давай махнем!

Брат говорил тихо и просветленно. Он перенес две серьезных операции, и я понимал его состояние.

Мы созвонились с однокашником Петра, школьным учителем истории Анатолием Плаксиным, живущим в селе Утевка, и отправились из города Самары в первый же выходной день на свидание с нашей рекой.

Сколько раз в детстве мы рыбачили в этих местах! И какое это было радостное времечко!

...Не спеша, в старинном и самом любимом нашем озере Латинском, наловили мы с полведра сорожки и красноперки. Столько же раков начерпали раколовкой, которую забрасывали прямо с берега. И поехали на Ледянку — местечко на реке, где когда-то был большой каменистый мыс.

Место выбрали такое, где речка, выгнувшись подковой, хорошо просматривалась с места нашего привала в обе стороны. Серебряная подкова сверкала под полуденным солнцем завораживающе.

Говорили немного. Все было знакомо и предсказуемо. Слов не требовалось. Угадывались и наши движения, и взгляды, и жесты.

Домовитый и расторопный мой брат и площадочку в траве хорошо вытоптал, и удобные рогульки для котелка нашел, и сушняк солидной горкой был сложен в таком количестве, что еще на две уши хватило бы.

В охотку все делалось.

Тишина стояла такая, что самые громкие звуки исходили из ведра от копошащихся в начинающей нагреваться воде раков. Один из них вдруг вылетел, нам на удивление, из ведра и плюхнулся возле котелка, стоявшего посередине нашего хлебосольного «стола».

— Сроду такого не бывало, — удивился Анатолий.

— Не судьба ему, значитца, — глуховато произнес Петр. — Пойду отпущу — заслужил. — Поднялся, и пошел к обрыву.

Мы с Анатолием невольно переглянулись.

— Воду надо немножко слить, лишнего, — деловито определил Анатолий.

Уже снизу от воды Петр подал голос:

— Смотрите, там от Кунаева ключа, по течению кто-то плывет...

Сверху, с обрыва, нам было видней. Кажется, плыли на двух лодках. Мы с Анатолием посмотрели и забыли про них.

Почему-то вспомнился рассказ мамы о том, как отчим и она, взяв меня на руки, ушли из дома, не стерпев попреков отчимо-вой матери, которая никак не могла смириться с тем, что сын, вернувшийся с войны, привел в дом жену с чужим ребенком.

Им негде было жить, негде ночевать. И они пришли сюда, на Самару.

... — Смотри! Они уплывают! — воскликнул Анатолий.

И точно, двое на резиновых лодках миновали наш крутой бережок и плыли левее по течению уже метрах в ста от нас.

— Эге-ге... ге... эй, станишники! Плывите к нашему шалашу, — зычно прокричал Анатолий.

— Давай, мужики, заруливайте к нашему столу, — не удержался и я, громко присоединившись к Анатолию. — У нас есть чем угостить!

То, что они плыли издалека, видно было по всему. На носу каждой лодки лежало по большому рюкзаку. Да и двигались они очень уверенно, по-спортивному работая веслами без видимых усилий. Зрим был во всем замах на большие расстояния.

Плывший вторым повернул к берегу и причалил. Закрепив лодку на песчаном мыске, пошел неспешно к нам.

подавая руку, чтобы помочь незнакомцу подняться на кручу, я спросил:

— Что же приятель ваш не остановился?

— А он глухой напрочь...

Мы все с удивлением смотрели на своего нечаянного гостя. Худенький и невысокий, тонкое трико с пузырями на коленях, легонькая, выцветшая, белесого цвета майка с рукавами — совсем как подросток.

Он не отказался от ухи. Ел стоя, держа миску странно близко к лицу. Водку пить не стал, резонно сославшись на жару.

— Откуда же вы плывете и куда? — спросил я.

Он ответил буднично:

— От поселка Переволоцкого до города Самары.

— А где этот Переволоцкий? — спросил Петр.

Анатолий, так звали нашего нового знакомого, пояснил:

— Это в Оренбургской области, расположен недалеко от родника, с которого начинается река Самара.

Мы были ошеломлены.

— Это ж сколько вы проплыли? От самого родника ведь почти, — удивился Плаксин.

— Поболее четырехсот километров.

— Как же вы решились? — спросил я.

— Да я уже более десятка раз проплывал этим маршрутом, привычное дело.

«Что же это такое? — думал я. — Я с детства об этом мечтал и до сих пор не сумел сделать этого, а он уже сплавал более десятка раз! Наша река дала название огромному, теперь миллионному городу! Сколько раз в день мы, жители этого города, так или иначе повторяем светлое имя: «Самара». А много ли знаем о ней?»

Не было бы ничего этого, если бы не ее истоки...

В детстве я делал несколько попыток добраться до ее верховья, но они не осуществились. Уже взрослым я не раз угонял подрастающих племянников проплыть по Самаре: заехать к истоку с лодками на машине и — по воле волн... плыви моя ладья! И лодку я деревянную уже было подобрал, и даже дату отплытия определил, и скорость движения рассчитал. Но домашние восстали: «Куда в такую глухомань, а если заболели ребята, что будешь делать один с ними?». Так и не осуществилась моя затея. Племянники и сын подросли. У них теперь свои заботы. А я так и остался со своей мечтой детства...

— А карта у вас есть? — спросил я гостя упавшим голосом.

— А как же, — охотно ответил Анатолий. — Большая часть Самары протекает по Оренбуржью. Я склеил карты двух областей и получилась карта всей реки. Правда, масштабы разные, но это не так уж важно.

— А на следующее лето куда поплывете? — поинтересовался Петр.

— Мы с ребятами хотим Жигулевской кругосветкой пройти, но и этот маршрут у нас запланирован. Мы все лето плаваем, до октября.

— Возьмете нас? — внезапно для самого себя сказал я.

— Если лодки резиновые есть, возьмем.

— Так просто? — вырвалось у меня.

Я подошел к машине, достал две свои визитки.

— Анатолий, вот ручка, напишите на одной визитке ваши координаты, а вторую возьмите себе.

— Я не могу четко написать. Пишите вы.

— Почему?

— Я слепой.

— Как так?

— Мы с Борисом, который поплыл дальше, оба инвалиды первой группы по зрению. У каждого из нас около двух процентов... Боря еще и глухой.

Понятно стало, почему он держал столь близко у лица миску, когда ел, и так странно смотрел на собеседника, когда разговаривал.

...Когда он уже возвращался к лодке, Петр поинтересовался вежливо:

— Послушай, Анатолий, а почему ты подплыл и вышел на берег, а? Ведь могли просто накостылять и лодку отобрать.

— Так по голосам же видно, что свои мужики! А раз свои — почему не причалить?

Глава 2. Мое заочное путешествие

Я приехал домой и несколько дней не мог не думать о нашей встрече с Анатолием Березиным на реке. Теперь я постоянно носил в себе возродившееся нестерпимое желание добраться до истока Самары. И сплавиться оттуда до моего села Утевка. «Как же так, два инвалида по зрению, один из них еще и совсем глухой, могут то, что для меня стало почти неосуществимым?»

Я дал себе слово, что обязательно проплыву заветным маршрутом. Пусть даже в одиночку. До лета было еще далеко.

И чтобы как-то унять нетерпение, я стал собирать сведения о реке, давшей имя губернскому городу.

Центральная библиотека Самары, областная библиотека в первые же недели дали столько интересного!

Справка из Большой советской энциклопедии:

«Самара, Самарка, река в Оренбургской и Куйбышевской областях РСФСР, левый приток р. Волга. Длин. 594 км, площадь бассейна 46500 км², берет начало на возвышенности Общий Сырт; впадает в Саратовское водохранилище. Питание, в основном, снеговое. Средний расход воды в 236 км от устья 47 м³/сек. Половодье в апреле-начале мая. Замерзает в ноябре-начале декабря, вскрывается в апреле. Главный приток — Большой Кинель (правый). На Самаре города: Сорочинск, Бузулук, в устье — Куйбышев. В бассейне Самары — месторождения нефти».

...Кроме «Самары, Самарки» в области протекает более 200 рек и речек длиной 10 и более километров. Из них наиболее крупные: Большой Черемшан, Сок, Кондурча, Большой Кинель, Чапаевка, Чагра, Большой Иргиз, Уса, Сызрань.

Самара — самый крупный левобережный приток Волги от Камы до Астрахани.

...Оказалось, что и название реки несет в себе тайну. Гидроним «Самара» есть в бассейнах Днепра и Дона. В Крыму — Самаргин и Самарли. Один из притоков Амура тоже называется Самарой. В Приморском крае есть речка Самарга. А название среднеазиатского города Самарканд созвучно с речным гидронимом.

В средневековых источниках, посвященных Средневолжью, упоминается и река Самара, и поселение Самара. Тот факт, что когда-то Северное Причерноземье было занято ираноязычными скифами, дает право ученым говорить о том, что имя днепровской Самары по происхождению связана с иранскими языками, как и названия рек Днепр и Дон.

Исходя из того, что Средневолжье длительное время входило в состав Золотой Орды, ученые не отвергают возможность связи названия реки с монгольским языком. У монголов нарицательное «самар» используется со значением «орех, ореховый».

В научных статьях отмечается, что Ахмед ибн Фадлан (921 г.) называет реку Самур. А в некоторых иранских языках,

с одним из которых были связаны и древние сарматы, некогда обитавшие в самарской части Средневожья, нарицательное «саму» до сих пор используется со значением «бобр, выдра».

На картах Пицигани (1367 г.) и Фра Мауро (1459 г.) обозначен и г. Самар. При этом у Фра Мауро река названа Хой Су (тюркское Хое су — «мутная вода»). Как видим, не только Ахмед ибн Фалдан, но и средневековые карты свидетельствуют о том, что река Самара имела и другие названия.

Наша светлая река словно играет с нами, не желая раскрывать свою тайну. Похоже, в ее светлопесчаной, а вовсе не «мутной» воде скрыта истина, доступная ей одной.

...Доказано, что бассейн Самары был заселен еще в эпоху каменного века (Нурская стоянка). По ее берегам на протяжении многих тысячелетий жили в близком соседстве различные по происхождению племена.

Известно, что с III века до н.э. и до IV века н.э. полными хозяевами Великой степи были сарматы, которые представляли большую силу не только в Волго-Уральском бассейне, но и за его пределами.

В конце IV века н.э. сарматы оказались разгромлены гуннами. Часть сарматов, примкнув к гуннам, пошла с ними в Западную Европу и покорила ее. Оставшиеся в южно-русских степях смешались с другими народами.

В конце VII века в южную часть Среднего Поволжья пришли первые тюркоязычные племена булгар. Тогда же и образовалось государство, средоточием которого сделался город Итиль, лежавший в нижнем течении Волги. Оно вошло в историю под названием Хазарского царства.

В 965 году киевский князь Святослав вступив в упорную борьбу с хазарами, разгромил их. Походом на север по Волге были побеждены и булгары. Как гласят «Летописные отрывки», через реки Самару и Кинель переправлялись дружины князя. В 1006 году там прошли дружины другого князя — Владимира. В 1241 году по нынешним землям Кинеля прошла татаро-монгольская конница Субэдай-хана. А в 1556 году тем же путем двигались сводные полки Ивана Грозного — на покорение Астраханского царства.

Уже в 1697 году по берегам рек Самары и Кинеля селятся беглые крестьяне, чаще всего старообрядцы. В 1700 году для

защиты юго-восточных рубежей города Самары от набегов ногайцев и калмыков в устье реки Большой Кинель, при слиянии с рекой Самарой, на высоком холме под наблюдением уфимского воеводы Александра Сергеева строится Алексеевская крепость. Через шесть лет в крепости была возведена первая в этих краях православная церковь. Потом нашли в окрестностях серу, пригодную для производства пороха, и наладилось пороховое дело.

Вот что пишет профессор СамГУ Петр Серафимович Кабытов:

«Окраинная земледельческая Самарская губерния Европейской России была создана указом Николая I в 1851 году. В нее вошли Бугульминский, Бугурусланский, Бузулукский, Ставропольский, Самарский, Николаевский и Новокузнецкий уезды. Она занимала территорию в 132306 кв. верст, или 136689190 десятин земли на левобережьи реки Волги... Свыше 70% территории края приходилось на степные районы Поволжья, куда входили южные части Самарского, Бузулукского, Бугурусланского, а также Николаевский и Новокузнецкий уезды. Центральные и северные уезды находились в лесостепной зоне. Естественной границей между лесостепью и степью была река Самара».

И далее:

«...Высота отдельных горных складов — отрогов Уральско-го хребта достигает 370 метров. К югу от рек Самары и Иргиза проходит Общий Сырт. Он невысок и полог (от 100 до 280 метров над уровнем моря)».

Этот Сырт и дает толчок реке Самаре. Высота его не так уж и велика, но в сочетании со множеством рек и речушек Самара приобретает, особенно весной и в начале лета, завидную силушку.

Я так увлекся поисками, связанными с историей реки, что в моем библиографическом списке оказалось более двух десятков наименований книг и статей.

Не желая утомлять читателя учеными премудростями, постараюсь выбраться из этих зарослей. Но порой попадаются такие интересные факты!

На языках тюркских народов, некогда кочевавших в завожских степях, «Самара» — степная река. А название города

«Самара», по одной из версий, происходит от греческих слов «Samar» — купец, торговец и «Ra» — древнего названия Волги.

Мне больше все же по душе утверждение, что губернский город когда-то, давным-давно, был назван по имени реки нашей — Самары.

С XVI века стали появляться в Самарском крае русские люди.

Порой кажется, что где-то в этом месиве-крошеве, в людском потоке переселенцев, нет-нет да и тускло мелькнут лики моих предков по материнской линии, по линии деда моего Рябцева Ивана Дмитриевича и бабки Аграфены Федоровны Лобачевой. Я нашел в заметках утевского краеведа Данилова, что дед мой (точнее, его предки) могли быть выходцами из Пензенской губернии.

Установлено, что в село Утевка переселялись большей частью из Тамбовской и Смоленской губерний. В Заволжье большой приток пришельцев был во второй половине XVII века и первой четверти XVIII-го. Переселялись на левобережье реки Самары, гонимые тяжелой жизнью и из Симбирской, Владимирской, Костромской, Воронежской, Тверской, Орловской и других губерний России.

«Колонизация» Заволжья, как и всех окраин тогдашней России имела одну замечательную особенность. Цивилизованные западно-европейские державы вели обычно истребительные войны, очищая от «дикарей» целые континенты. Заселение Заволжья шло мирным путем. Мирное «сожитие» дало особый ход жизни многонационального Заволжья.

Когда-то Л. Н. Гумилев с радостью сказал:

«К счастью для России, в ее истории не было тотального уничтожения слабых народов по принципу расы или идеологии, и этой заслугой предков можно гордиться».

Самарский край был своеобразным плацдармом в освоении Урала и Сибири. Отмена крепостного права усилила волну «колонизации» Поволжья, Урала и Сибири.

В доме моего деда, охотника и рыбака любили Сибирь. Передалось это и нам, его внукам. Очевидно, предки наши, не добравшись до заветной цели переселения, осев в Заволжье, на генном уровне передали нам свое заветное чувство к Сибири.

Поселение — пристань Самара впервые отмечено на карте Волги венецианских купцов Франческо и Доменико Пиццигано.

До наших дней дошло предание, согласно которому святой Алексей, митрополит Московский, наставник и друг преподобного Сергия Радонежского, один из вдохновителей Куликовской битвы, воспитатель князя Дмитрия Донского, в 1357 году во время плавания по Волге остановился в устьи реки Самара и предсказал: «будет воздвигнут тут град великий, в котором просияет благочестие и который никакому разорению подвержен не будет».

В 1586 году по Указу царя Федора Иоанновича начала строиться крепость на Волге, названная Самарским городком, для прикрытия Руси от набегов кочевников и обеспечения водного пути от Казани до Астрахани. Крепость сооружалась на месте нынешней Хлебной площади, на холме. Вначале возводились стены из остро заточенных вверху бревен, сторожевые башни с бойницами — защита от стрел степняков-кочевников. Затем поставили кремль, церковь, приказные и жилые избы, лабазы. В 1688 году крепость Самара была преобразована в город, ставший не только военным форпостом на краю земли русской, но и крупным торговым центром.

Через Самару много раз следовали русские и иноземные посольства. Среди иностранных дипломатов и путешественников были и немец Адам Олеарий, и голландец Корнилий де Бруи, сделавшие самые ранние описания Самары. Олеарию принадлежит и первый рисунок самарского городка.

...Огромно было значение великой русской реки Волги в развитии Самарского края, да и всей России. Волга кормила миллионы.

По Волге пролегал Великий торговый путь, который был известен еще древним грекам.

Но и река Самара издавна работала на процветание Заволжья.

Когда-то на ней располагалось 20 салганов . И на них были городские бойни. Убой скота производился с начала сентября до глубокой осени. Обычно в день забивали 30-50 голов крупного рогатого скота и до тысячи овец. Тушки сразу пускались в обработку, отделялась шкура, мясо, кости. Сало перетапливалось в огромных чанах и сливалось в бочки. Обслуживающий пер-

сонал получал в день 4 фунта свежей баранины на 1 человека. Кормили рабочих три раза в день наваристыми щами, пшенной кашей с салом и пшеничным хлебом самых лучших сортов. Работали с 5 утра до 20 вечера. Рабочие салганов считались в городе самыми крепкими, здоровыми мужчинами. Даже во время холерной эпидемии в Самаре в 1870 г. никто из них не заболел.

Главными скотопромышленниками в Самаре были братья Шихобаловы и братья Курлины. Антон, Емельян и Михай Шихобаловы построили на реке Самаре 10 скотобоен. Однако самарского сырья не хватало, и они закупали целые стада у оренбургских и уральских казаков и у киргизов на территории нынешнего Казахстана. Местные купцы скупали сало на ярмарках и базарах в других городах. Регулярно с городских причалов шли баржи на Москву, до отказа груженные бочками. В городе возникает кустарное производство, напрямую связанное с животноводством. Скорняки-калмыки мастерски обрабатывали овечьи шкуры и делали из них замечательные тёплые тулупы. А касимовские татары развозили эту продукцию по всей России. Бараньи шкурки здесь назывались мерлушками. Татары установили к восьмидесятым годам XIX века свою полную мерлушковую монополию. За изготовление тулупов они часто платили мерлушковыми лапками. Тулупы из целых овчин за большие деньги продавались в столицах, а сшитые из мерлушковых лапок недорого шли на местные рынки.

Для крестьян, извозчиков, ямщиков зимой мерлушковые тулупы были незаменимой одеждой. А еще ремесленники шили фуражки, шапки, перчатки, резали ремни, изготавливали кошельки, чемоданы, саквояжи.

Животноводство в губернии процветало недолго. Уже в 90-е годы XIX века в Старый Свет хлынул поток пальмового и кокосового масла, которое оказалось дешевле русского сала. Выгоднее стало выращивать пшеницу твердых сортов, всегда имеющую спрос на мировом рынке. Шихобаловы одними из первых принялись распаивать свои огромные земельные владения.

Животноводство стало второстепенной отраслью хозяйства. В салотопенное и кожевенное дело перестали вкладывать капиталы. Затухла слава самарских мерлушек.

Но бурно развернувшаяся хлебная торговля создала город таким, что впоследствии его называли приволжским Орлеаном.

«...по количеству собираемой пшеницы и вообще хлеба, — писал П. В. Алабин, — по расчету на душу населения, Самарская стоит на первом месте между губерниями империи, а по среднему годовому избытку зерна, поступающему на вывоз за границу — на втором месте».

Самара становится центром хлебной торговли задолго до основания губернии. Были тому обстоятельства и условия. К Самаре, расположенной на главном водном пути, исстари тяготели Бузулукский, Бугурусланский, Бугульминский уезды Оренбургской губернии, Николаевский и Новокузнецкий — Саратовской, Ставропольский — Симбирской, которые и вошли позднее в ее состав. Везли в город хлеб и уральские казаки. Сюда вел возникший много лет назад скотопрогонный Уральский тракт.

Поставка хлеба в Самару до постройки железной дороги велась только гужевым транспортом: с осени до весны. В иные дни сотни подвод выстраивались в очередь, ожидая переправы через Самару. Зимой торговля хлебом разворачивалась прямо на льду реки.

По самой реке, хотя она и брала начало в Оренбуржье, хлеб не подвозили. Только дважды, в 1851 и 1852 годах, по весне спустили несколько барж из Бузулука и Борской крепости. Мельничные плотины, мелководье, большая извилистость мешали судоходству. И дело не пошло.

Но река Самара, как могла, помогала людям. Она вскрывалась на две недели раньше Волги, ледоход короткий — менее трех суток. В верховьях было много плотин. Талые воды через каждую из них спускали постепенно, по мере накопления. Далее, в средней части реки, равнинной и извилистой, течение прибывало лед к берегам, ледоход наблюдался только в устье на протяжении около пяти верст. Если суда зимовали на реке Самаре, их можно было сразу ставить под погрузку. И, как только очищалась от льда сама Волга, отправлять в рейс. Это бывало, как правило, в первой половине апреля, когда верховые суда только спускались к городу Самаре.

А первый хлеб всегда был дороже.

Это преимущество быстро оценили местные купцы. Они успевали сделать за навигацию до Рыбинска на два-три рейса больше, чем другие...

Глава 3. К истокам

С тех пор, как мой внук, приехавший из Москвы, узнал, что я собираюсь сплавиться по Самаре, спокойная жизнь кончилась.

У него роились в голове свои планы.

— А давай... — и он начинал перечислять, что мы должны взять с собой, что сделать...

— Весь в деда, — смеялась жена.

Он даже завел записную книжку для этого. Семилетний возраст, видимо, давал ему полную уверенность, что я непременно возьму его с собой.

— Бинокль, дед, у меня есть, маленький. Я тебе его могу дать. Он раздвигается. Плавать умею.

Или вдруг загорелся:

— Надо тент для лодки сделать. Я знаю, как! И от солнца, и от комарищев! А давай мы возьмем толстую мою тетрадь и все туда запишем, что с нами будет! Каждый день с утра до вечера! Всех, кого увидим, любую букашку — запишем в тетрадь.

— Как же я не догадался? Конечно, надо это сделать.

В конце долгих деликатных переговоров было условлено, что, возможно, сын и внук встретят меня у поселка Красная Самарка, который стоит в четырех километрах от Утевки, и дальше поплывем вместе.

* * *

В начале марта Анатолий Березин позвонил мне и объявил, что пора готовиться к походу. И начались неторопливые сборы, прелесть которых понятна только людям, зараженным сладкими недугами: рыбалкой и охотой.

Оказалось, что моя одноместная самодельная лодка, по мнению Анатолия, не подходит для нашего плавания.

Мы съездили с Анатолием на рынок и, не найдя подходящей, вроде бы, удачно стоворились с одним из местных умельцев. К маю нужная лодка была обещана.

* * *

Поход начался от подъезда моего дома на Волжском проспекте города Самары утром девятого июля. Поочередно заехав за всеми членами нашей команды, основательно загрузи-

ли микроавтобус «Газель». Стратегия относительно поклажи и запасов еды была проста: раз уж у нас есть техника и нам не надо добираться поездом — берем все необходимое, разумеется, в разумных пределах, чтобы в походе совершать вылазки в населенные пункты только за водой и хлебом.

Мы отправились во вторник, потеряв субботу, воскресенье и понедельник — и все оттого, что на эти дни пришелся пик известного Грушинского фестиваля. Анатолий должен был быть там. Оказалось, что он один из тех специалистов, которые вот уже около двух десятков лет отвечают за звукорежиссуру.

Потеря этих трех дней была для меня большой досадой, ибо в запасе оставалось всего восемнадцать суток моего отпуска, которые я и так-то еле-еле выкроил для похода.

— Стоит ли держаться за Грушинский, ведь попса одна осталась? — пытался я спасти свои три дня. — Неужели это вам так важно? Да и платят-то поди с гулькин нос...

— А мне память дорога. О Валере и о нас всех. Я ведь Грушина знал, еще когда он занимался у меня в секции туризма. Я вообще-то сказал Борису Кейльману, что, наверное, на следующее лето буду в последний раз на «Грушеньке» заниматься звуком. Через год — тридцатилетие фестиваля. А там посмотрю.

Я встречался с Березиным во время подготовки к походу три раза: когда заказывали лодку и два раза потом, когда ее выкупали в Смышляевке у того самого умельца с рынка, оказавшегося изрядным пьянчужкой.

Когда приехали за лодкой, тот вначале никак не мог признать в нас заказчиков. Но потом, разобравшись что к чему, разводил руками и обезоруживающе невинно бубнил:

— Б-б-бери, земляк, любую, раз так быстро надо, любую... потом разберемся, пыняешь...

К концу нашего с ним общения он завалился между двух лодок и пытался вести разговор уже оттуда.

Любая лодка была не нужна, а нашей не было. Через неделю мы должны выезжать, и надо было исправлять ситуацию. В конце концов удалось найти какого-то дальнего его родственника, весьма интеллигентного на вид. Он пообещал лодку отыскать, закончить несделанное и через три дня отдать.

— Вот видите: все устроилось, — говорил мне Анатолий. — Все хорошо, не надо было отдавать аванс — глядишь, и не на-

пился бы. Но он заверил, что необходимо покупать материал, я и дал ему ваши деньги.

Я кивал согласно головой, лишь только, чтобы Анатолий успокоился, а сам недоумевал: можно ли за три дня сделать хорошую лодку?

Сомнения оказались оправданными. Но это стало очевидным на реке...

...Сидя в «Газели», я приглядывался к своим спутникам. Коренастого, невозмутимого Константина Баруздина пригласил я, зная, что он хороший фотограф.

И Константин с удовольствием согласился: оказалось, что он давний любитель туристских походов.

С двумя остальными я не был знаком. Один из них, Борис, был тот самый глухой и почти слепой спутник Анатолия, с которым мы его видели в первый раз на реке. Другой — Юрий Грачев, худенький и низкорослый, похожий на муравья, с белесой бородкой и голубыми глазами, по словам Анатолия — опытный турист.

— Я взял его еще и потому, что он неплохо видит. Правда, у него прошлым летом был инсульт. Он на инвалидности.

«Ничего себе, — подумалось мне, — команда собралась...»

Водитель Саша попросил у меня еще за неделю до поездки карту, которую я, по примеру Анатолия, склеил из карт Самарской и Оренбургской областей.

Карта получилась красивой. Я обозначил русло реки Самары со всеми ее притоками от истока до устья голубым фломастером, а населенные пункты — светло-желтым. Получалось, что река, как голубая светоносная артерия, объединила огромное количество населенных пунктов. А рядом с ней пролегли железнодорожная (Самара-Оренбург) и автомобильная магистрали.

...Конечно же, водный турист я никакой. Да никогда и не собирался им быть. Когда Анатолий заговорил о предстоящем сплаве, я, привыкший к упорядоченности во всем, что касается командных действий, предложил:

— Очевидно, чтобы было больше порядка, надо выбрать старшего.

Анатолий ответил сразу и категорично:

— Я подбираю команду. Я — самый опытный среди вас и есть старший.

Это меня и удивило, и порадовало. «Командор!» — отметил я про себя.

* * *

В свои пятьдесят с лишним лет я побывал в пятнадцати странах мира. В одни города и страны меня заносило из любопытства, в другие — по служебной надобности. И каждая поездка давала повод для размышлений на самые неожиданные темы. Не обходилось и без приключений.

...Желая почувствовать то, что творится с нашими русскими при игре в рулетку, помня страсть к этой игре Федора Михайловича Достоевского, еще пятнадцать лет назад в игорных домах Монте-Карло я наблюдал несколько раз игроков. И сам пытался играть, но удовольствия получил не больше, а может, и меньше, чем от игры в волейбол под палящим солнцем на берегу океана на пляжах Рио-де-Жанейро с местными бразильскими парнями.

Правда, итог той игры на пляже был грустный: нас обокрали. Мы с приятелем остались в одних шортах и почти без денег...

...В Милане, в гостинице на прикроватной тумбочке, забыл я подаренный мне Василием Ивановичем Беловым с дарственной надписью томик его «Вологодских бухтин». Я иногда фантазировал: что бы сказал Кузьма Иванович Барахвостов, будучи со мной в Милане? Что дало бы в этом случае вечное противостояние между городом и человеком, да еще таким, как Барахвостов?!

Восхитился бы он городом известных бессмертных памятников? Подметил бы длинные водостоки крыши церкви св. Амброзио, и высокие шпили Дуомо, гордости не только Ломбардии, но и всей Италии?..

Он бы, наверное, увидел то, чего я не заметил...

Какими бы они, Барахвостов и другой герой Василия Белова — Иван Африканович, стояли перед Тайной Вечерей великого Леонардо?

...В каких бы заповедных залах я ни был, всегда хотелось после них попасть в свободный поток вершившейся сиюминутно жизни. Туда, где человек предоставлен сам себе, где живет не

по этикету, а как хочет и может. Тянуло под открытое небо. И мне несколько раз удавалось это сделать.

Так было, когда мы плавали с компанией парижан по реке Сене мимо Лувра, собора Парижской Богоматери. Нечто похожее было и во время путешествия по немецкой реке Изар на нашем, искусно и прочно сработанном из сосновых золотистых бревен плоту, в кругу шумливых немцев, как осы облепивших бочку с баварским пивом...

...Я поражен был, увидев в Германии почти такие же, как на моей родине, березы. Долго ходил вокруг них, недоумевая: почему они здесь, ведь березы должны быть только у нас, в России?

...И в нью-йоркском пригороде Блумфельде я обнаружил в небольшом парке три березы. Они несколько отличались от наших. Американцы зовут свои березы «серебристыми». Наши березы — белые. На самом деле они почти одинаковые.

Эти неупорядоченные воспоминания во мне сидят прочно. Я даже собирался их подробно записать. Но все они меркнут перед встречами и впечатлениями, которые были у меня во время путешествия по реке в лесостепной и степной моей Самарской сторонushке.

Глава 4. У истоков

...Слева от моста через Самару на станции «Переволоцкое» мне приглянулось местечко, где захотелось остановиться. Ширина быстрого мутно-желтого потока — метров пять-шесть. Берега высокие, обрывистые, местами до трех метров. Течение норовистое, русло извилистое. Не река, а ручей, но мощный, как крепко и надежно скрученный жгут. Этот жгут так своеволен, что может и свернуться, и расправиться неожиданно, подчиняясь своим, только ему понятным желаниям.

Река-ручей, насколько вверх и вниз доставал глаз, укрыта была зарослями. Клен, ветла, ольха, осинник надежно прятали животворный поток от палящего солнца. Лесная полоса, извивавшаяся на всем протяжении нашего семичасового пути вдоль реки с обеих сторон ее, четко обозначала речной путь, уходивший за нашими спинами в северо-западном направлении, к Волге. «Но не на север стремится река, а вместе с Вол-

гой — на юг. Не оттого ли она так изначально смугла и темпераментна», — подумал я.

Мы вышли из автобуса. Прошли чуть вверх по течению метров тридцать и увидели внизу, у воды, в конце тропинки, извилисто спустившейся с травянистого высокого берега, рыбака. В ногах у него — три поплавочные неказистые удочки из тальника длиной всего метра по два. Поплавки — из ветловой коры.

Самара, извиваясь, делала до и после этого укромного местечка резкие повороты. Вода пенится, течение стремительное, быстрое, а он у маленькой завадинки, у омутка, спокойно сидит себе, покуривает.

— Как рыбалка? — спросил я и, спохватившись, добавил: — Добрый вечер.

Старик повернул бородатое, темное от степного солнца лицо с детскими синими чистыми глазами.

— Только пришел. Вон, одного поймал.

— Посмотрю?

— Смотри, коль охота.

В холщовом мешочке, надетом ручками на коряжину в воде у его ног, оказался желтый карась граммов на триста, не менее. Он затрепыхался, когда я приподнял мешочек, смешно чмокая губами.

Я был удивлен. Караси обычно водятся в озерах. На Самарке карасей мы использовали в качестве наживы. А ловили их в водоемах со стоячей водой.

Я высказал свое недоумение вслух.

Старик отозвался:

— У нас тут так. Мой свояк вчера, вон повыше, где плотинка есть и воды поболее, поймал утром двадцать таких, не вру. Там вода теплее.

Я взял карася в руки. Опасаясь, что упругий красавец вмиг может спружинить и оказаться в воде, я повернулся спиной к речке, и солнце осветило это неожиданное чудо. Красные его перья и золотая чешуя, покрывающая крепкое тело, заиграли в лучах летнего солнышка. Я приподнял карася над головой, показывая его своим спутникам, стоящим наверху.

— Ребята, это же золотой приз за нашу решимость сплавиться именно отсюда, где так узко!

Мои спутники заулыбались.

Когда осторожно положил рыбу в мешок, спросил:

— На червя берет?

— Не-е, на хлеб, и только на белый.

Я спрашивал, желая продолжения разговора, о рыбалке, хотя и понимал, что рыбаку это помеха. Какое ему дело, что мы соскучились. Мало ли всяких чудачков. Но он приветливо отзывался. И его замечательный улов, и добродушие показались хорошим знаком.

Река увиделась тут домашней и своей, только в несколько раз меньше, чем я ее знал. Она была похожа на подростка. Это было непривычно.

Я пожалел, что мой внук Саша не с нами.

— В первый раз видишь такого?

Я повернул голову — старик смотрел снисходительно.

Спустился к воде и Анатолий, потрогал ладонью карася.

— Хорошая добычка!

— И то, — согласился старик.

Анатолий сходу начал:

— Помните, как говорил Аркадий Райкин: эпоха была жуткая, время мерзопакостное, но рыбка в Каме водилась! Так, кажется. Это и про Самарку тоже. Вот мы с Борисом, вернее, он, два года назад под Тоцком во время сплава поймали щуку на блесну, ну, небольшую, кэгэ на два. Потрошить стали — нашли зажигалку. Помыли, посушили — работает нормально. С бензином была.

— Сказки рассказываешь, — сказал рыбачок и засмеялся.

— Нет, — роясь в карманах, отвечал Командор. — Она у меня с собой, вот только, наверное, в рюкзаке лежит. Теперь постоянно в походах при мне.

Старик больше не реагировал на слова Березина, а тот продолжал:

— А в другой раз в полутораметровой щуке, пойманной на Сорочинском водохранилище, в брюхе обнаружили полуметровую.

— Ну, эт-т бывает, эт-т сколько разов, — тихо согласился старик, не оборачиваясь. После добавил: — Вам выше по течению забираться не надо. Там плыть нельзя — сплошные завалы.

Мы почувствовали, что рыбачку все-таки мешаем, и пошли к машине.

— Старик прав, мы так далеко забрались. Я ни разу отсюда не сплавлялся — всегда сплошные коряжины были, — подтвердил Березин.

К «Газели» подъехал на бойком, низкорослом кауром меринке калмыковатый всадник-пастух и тут же, узнав, что мы собираемся сплавляться, вызвался показать родник, чтобы сделать запас воды.

Попрощались с водителем Сашей и вскоре его беленькая машина, мелькая в осиннике и высокой траве, скрылась из глаз.

Мы начали распределять багаж, натягивать самодельные тенты на лодки, чтобы утром отчалить.

Но место было, как нам показалось, не очень уютное: заросли кустарника, высокая трава на берегу речки, крутые подходы к воде. Хотелось ночевать так, чтоб был рядом речной песочек, плес и поменьше комаров. Чтобы была не духота, а легкий ветерок на просторе.

Когда лодки оказались вполне готовыми, я предложил начать сплав.

— Всего девять вечера, часа два можно плыть, за это время выберем хорошее место для стоянки. Да и опробуем лодки...

...Хотя мы и забрались далеко в верховье реки, но все же значительная часть Оренбуржья — около пятидесяти километров от села Переволоцкое до Кариновки — к сожалению, оставалась за нашими спинами. Там-то, у Кариновки, на равнине и начинается река Самара...

Мы дали себе слово, что на следующее лето обязательно побываем у истока нашей реки.

За спиной оказались и единственный в России Заповедник Степи, и соленое озеро Развал, по концентрации солей идентичное Мертвому морю в Палестине, и многое другое...

* * *

Едва мы оттолкнулись от заросшего густой высокой травой и камышом берега, быстрый поток подхватил наши лодки. Грести веслами нельзя — не успеваешь принаравливаться, своенравный пенящийся поток крутит лодки. Пытаешься веслами бессистемно выправить движение, но бесполезно. Нависшие деревья и кустарники хватают ветвями лодку, плечи, голову.

В воде много коряг. Меняющаяся глубина: от «по колено» до полутора-двух метров. Водовороты играют с лодкой, как с оброненным птичьим пером.

Раздался хлопок — лопнула перегородка у моей лодки. Невольно вспомнился умелец-пьянчужка.

Но это не остановило. Хотелось плыть!

Мы прошли два завала.

Первый завал Константин, стоя по пояс в воде, прорубил топором. Три осины толщиной у комеля сантиметров по тридцать, обрубив сучки, мы прижали к берегам и закрепили свисавшими к воде ветками. Другой — разобрали, выбравшись на берег и сплавив застрявшие бревна длинными кольями.

Непривычно видеть такое на реке: у завалов греются на солнце огромные листья белой кувшинки. Между ними проглядывают яркие звезды цветков. Такое у нас в Заволжье бывает только на озерах. В жаркую погоду кувшинки обычно широко раскрыты, а вечером плотно смыкаются. Так растение бережет тепло.

А рядышком его скромная сестра — желтая кубышка. И надо всем этим по берегу — частые султанчики розога...

Третий завал, имевший проход с метр шириной, мы прошли, не выходя из лодок, но на таком же, четвертом, лодку нашего Командора проткнула коряга.

Одна секция лодки «стравила», часть продуктов ушла под воду, часть удалось спасти, все намокло.

Выбрались на берег.

Неутомимый Константин, вернувшись из разведки, сообщил, что впереди метрах в пятидесяти от нас — еще два завала.

— Там такие коряги нанесло, что их сразу не разобрать, лучше обойти по берегу.

Уже втроем — Командор, Константин и я — обследовали ближайший завал.

— Была бы лебедочка, все бы растащили, — убежденно говорил Командор. — Зря не взяли.

Было уже совсем темно.

Решили сделать привал. Вытащили лодки на берег. Место оказалось заросшим густой, высокой травой с несметным количеством комаров. Стоянка оказалась такой же неудачной, как та, от которой уплыли, если не хуже.

Помогая Командору вытаскивать лодку и мокрые вещи, Константин недоумевал:

— Анатолий, в чем дело, коряга, которая пропорола вашу лодку, торчала посередине на самом виду, да еще она белая, как сабля? Можно было увернуться.

Командор молчал.

Только потом в сторонке Юрий вполголоса пояснил:

— Они же оба с Борисом в сумерках совсем ничего не видят. Все на ощупь да по догадкам.

Пока вытаскивали лодки, наспех разбирали поклажу, готовили ночлег, наступила полночь. Костер мы все-таки развели и отметили начало сплава спиртом с какими-то непонятными по вкусу, но весьма полезными, по заверению Юры, добавками из его алюминиевой битой баклажки. И легли спать.

Я и Борис устроились в своих палатках, остальные — в лодках. Как я ни уговаривал, Командор улегся в лодке. Хотя он ее и основательно протер, но она все же была влажной. Переубедить его было невозможно. Свои привычки, как мы уже поняли, он менял редко.

...Не спалось. Будто «заплыл» в детство.

Вышел из палатки, вернее, выполз — палатка настолько миниатюрна, что вход, закрывающийся на молнию, высотой не более полуметра.

Под комариный гул, раздевшись догола, выкупался в парной водице. То стоя по колени в воде, то падая в ямы по самый подбородок, смотрел на небо, отяжелевшее от огромных звезд. Было в происходящем что-то древнее, дремучее. Возвращение блудного сына, уставшего от многолюдья в больших городах.

Мелькало в памяти совсем недавно прочитанное и в суете, вроде, забытое:

*Недаром в потаенной глубине,
И вовсе не по прихоти искусства,
Живут непредсказуемо во мне
Забытые языческие чувства.*

«Мы забыли, кто мы. Нам помогают забыть, кто мы. Мы ото- рвались от природы. Человека зомбируют, скоро будут, пожа- луй, и клонировать... В человеке разжигают страсти, — думал я, путаясь в мыслях. — А где страсть — там разрыв. Страсти

не соединяют людей. Где страсть — там нет свободы. Сейчас в стране — разгул именно страстей, разгул темной силы, дьявольски срежиссированный кем-то...»

...Дурманил запах невидимых глазу цветов и трав.

Все пытался отогнать тяжелые мысли, внезапно пришедшие при купании. Хотелось, чтобы было все, как в детстве. Вот ведь все рядом: речка, бесконечная степь, запахи цветов и трав. Что еще надо?..

«Ведь и раньше, в моем детстве, темные силы были, да еще какие. Именно тогда, когда я был маленьким, они и родились. Или еще раньше. Они были всегда. Только мы в детстве не знали это так, как знаем сейчас. Мы просто жили, и все. И мои родители, и родители моих сверстников, в большинстве неграмотные, они не знали так, как мы это сейчас знаем. И жили себе, как могли, радуясь жизни...

Жили радостней, жили коллективней, а теперь начинаем не понимать самих себя.

«Современный коллективизм — это последний барьер, который возводится человеком на пути встречи с самим собой», — утверждал еще пятьдесят лет назад Мартин Бубер.

Неужто действительно так?

Уединение лечит, когда самыми тяжелыми формами одиночества страдают те, кто находится среди людей?

Может, для сохранения здоровой психики необходимо чередовать общение с себе подобными и погружение в себя. Но как это сделать в наше-то время?.. Может, так, как я сейчас, вырвавшись к своей речке?.. Как мне повезло с моим походом...»

...Под утро странный звук — металлический и резкий вначале, потом рыхляющий, но быстро усиливающийся и разрастающийся вширь неимоверно, надвигался на мою палатку. Я лежал, пытаюсь понять, что происходит: откуда этот звук? Похоже, он принадлежал огромному механизму, который вот-вот подомнет меня под себя. В какой-то момент показалось, что это отдаленно похоже на звук проходящего мимо поезда. Но почему он так упрямо идет на палатку?

А что, если не выскочу? Не будет ли это непростительной оплошностью, которую потом ничем не объяснить и которая будет стоить мне слишком дорого?

Я рванул «молнию» и раскрыл выход.

В тот момент, когда я оказался снаружи, звук значительно стих, но был все же силен. Конечно же, это звук от проходившего где-то в двух-трех километрах от речки поезда. Но почему он был все-таки таким устрашающе громким, бесформенным и будоражаще близким?

Я огляделся. Туман и роса невероятные. Палатка снаружи вся мокрая.

Все вокруг: уходящая от меня, от речки в сторону железной дороги степь-матушка, сама речка в трех десятках метров, вытянувшийся влево-вправо лесок вдоль нее — все тонуло в тумане. Все было размыто в белесо-сине-зеленом. Такого я никогда прежде не видел. И солнце показалось из-за леса, словно выплавок-яйцо, снесенное без скорлупы.

Утренний туман, низина и намокшая палатка, очевидно, создавали такой звуковой эффект.

Потом все подтвердили, что вскакивали ночью от странного шума. Все, кроме глухого Бориса.

Я вновь залез в свою палатку. Там уже хозяйничали с десятков комаров. Они и определили мой дальнейший суматошный сон.

Разбудил меня крик перепела — настоящей птички-степнячки: «Встать пора... встать пора!..»

Я нашарил в изголовье фонарик-«жучок». Посветил на часы — было четверть седьмого. Встал, как велела птичка, вернее, вывалился из палатки. Туман стал реже, но было очень зябко. Дождь затих. Трава отяжелела от росы.

Осторожно пошел в направлении островка густого ковыля, откуда доносился голос птицы. В сладострастном томлении вожделенно вел свою звучную, чистую, мелодию невидимый мне в траве перепел.

— ...Встать пора... встать пора... — призывно продолжало звучать в утреннем вольном воздухе под открытым утренним небом.

Вожделение, с которым перепел призывал к себе подружку свою, было и во всем окружающем. Слоистый туман, разнеживший ковыльную равнину, ложбинка слева, собравшая в себя отяжелевший увлажненный синеватый воздух, древесная, зримая, волнующая плоть раскидистых ветел и стройных осокорей, чуть поодаль от них трогательно-трепетные, белоствольные, будто нагие березки — все было открыто по-утреннему

чувственному приятию продолжения жизни. Все желало оставить себя в потомстве... в жизни... в вечности...

Я знал с детства, что перепела любят скрытно держаться в траве. Летают редко — им лучше убежать в траву, поэтому-то не очень ожидал увидеть птицу. А хотелось. Я боялся, что могу наступить на гнездо в высокой траве, поэтому шел медленно, ожидая каждый момент внезапного резкого вертикального взлета птицы, так она обычно делает в момент явной опасности.

Мне показалось, что я видел что-то, мелькнувшее в траве. Комочек охристо-буроватой окраски скрылся быстро и бесшумно.

— У меня в детстве дядька охотился на перепелов, он в Курской области жил. Их и разводят дома. Некоторые — для пения, другие — из-за очень полезных перепелиных яиц. Они очень сильно влияют на умственное развитие детей, — проговорил Юрий, когда я вернулся к палатке.

— Тебя, Юра, в детстве такими яичками кормили, да? — не удержался Костя: уж очень удобный момент для шутки.

— Ага, — согласился Юра. — Кстати, тебе за сорок, имей в виду: содержимое перепелиных яиц способствует оздоровлению и улучшению работы предстательной железы, лечит импотенцию, а также сердце, печень, почки, поджелудочную железу.

— Жалко птичку, — отозвался Константин. — Птичка поет, а вам бы лишь съесть чего-либо. Желудочники вы, а не лирики.

Они еще что-то для разминки, видимо, слежавшихся за ночь мозгов говорили друг другу, но я уже не слушал их. Нырнув в палатку, пытался разобраться в своих вещах. Вспомнить, в каком рюкзаке что лежит, в первый день похода было непросто.

Глава 5. Завалы, завалы...

Когда собрались все вместе у костерка, возник вопрос: как поступить? Ждать солнца, сушиться и сплавляться по воде дальше, прорубая завалы, или обходить их по суше?

Пока грелся чай, мы с Константином пошли посмотреть обнаруженные впереди завалы. Они оказались настолько мощными, что было очевидно: рубить их — только терять время.

Лесины лежали поперек речки. Четыре штуки, и каждая не менее тридцати-сорока сантиметров толщиной, кроме того, такое нагромождение веток и коряг, что разбирать их в воде пришлось бы очень долго.

— Смотри, это же все искусственное, — воскликнул Константин. — Смотри, что они вытворяют!

Он показывал на три пенька, белеющих в кустарнике, откуда упали большущие осины.

Они торчали из земли, как заточенные толстые карандаши, а рядом — комли осин, образующих завал. И они с конца имели форму заточенного карандаша. Будто кто-то громадной точилкой прошелся или обрезал на конус на огромном токарном станке.

— Бобры, — высказал Константин вслух очевидное.

— Да, бобры, — согласился я.

И как искусно все сработано! Деревья уложены одно к одному поперек реки. Осина, которая повалена с противоположного берега, тоже лежит аккуратно, как и эти — поперек русла.

— Мы их не перебором, — произнес Константин. — Их тут, наверное, тьма, а нас — только пятеро. И на всех — два топора.

Было ясно: пока русло Самары значительно меньше в поперечнике, чем высота деревьев, растущих вдоль реки, запруды будут нам преградой.

После такого нехитрого вывода стало ясно, что мы забрались действительно чересчур далеко в верховье и нормальный сплав будет, когда речка вырвется из бобровых владений.

...У следующего завала мы увидели этих диковинных и умных зверей. По всем признакам, они занимались строительством запруды. Ближко подойти не удалось. Заслышав шум наших шагов, они не спеша ушли под воду, и нам оставалось только рассматривать плоды их усердной работы — массивную запруду из таких же осин, как и в предыдущем завале.

На берегу обнаружили кучи сушняка, холмики из земли и песка. Было ясно, что все это дело лап и зубов наших новых знакомых.

Позже, после похода, я с интересом читал все, что смог найти о бобрах.

У поваленного дерева они отгрызают ветки и разделяют на части. Одни ветки поедают на месте, а другие уносят и сплавля-

ют по воде к жилищу или к месту строительства плотины. Дерево диаметром 10-12 сантиметров бобр валит и разделяет за одну ночь, так что к утру на месте работы зверька остается лишь пенек и куча характерных стружек.

...После второго завала, пройдя с Константином по суше метров пятьсот, мы обнаружили еще три подобных запруды и решили вернуться на стоянку.

После нашего доклада Командор определил:

— Надо искать грузовик в селах, грузиться и ехать до Гамалеевки, после этого поселка точно завалов нет. Мы слишком далеко забрались в верховье.

Решили, что искать машину отправимся мы с Константином.

Солнце уже пригревало ощутимо. Договорились, что в наше отсутствие они втроем подсушат вещи, вынесут их на опушку леса и будут дожидаться нас.

Мы переоделись в сухое, попили чаю с печеньем и отправились в путь.

И степь-матушка приняла нас. Растворила в себе.

Я постоянно оглядывался назад, в ту сторону, где была река, где остались наши спутники. Все старался зафиксировать взглядом какую-либо приметку, по которой можно было бы определить на обратном пути, где наши товарищи. Но взгляду не за что было зацепиться: однообразная волнистая поверхность была вокруг.

А за рекой поднимались довольно высокие холмы, по ним змейками тянулись лесные полосы.

Напротив того места, где был наш первый привал и, которое я уже еле угадывал, за рекой холмистая местность прерывалась, образуя среди леса низкую пролысину. Это место я и взял на приметку.

Кругом пестрело от разнотравья. Все перемешалось: красноватый ковыль, тысячелистник, полынь, василек, шалфей.

Здравствуйте, давние знакомые! Цветы зазывают остановиться, приглядеться, приняться к каждому. Настой запахов таков, что порой невозможно выделить какой-либо.

— А вон пижма, рядом медуница, Иван-чай, чертополох, подорожник, дикая мальва, татарник, — перечислял Константин.

Песня цветов чудесным образом была разлита вокруг нас, и тихий восторг переполнял душу.

Вокруг, словно в далеком детстве, искрился мир, полный новизны открытий, света и теплоты... Не хватало рядом только деда, мамы, сестренки... И еще я все искал глазами где-либо свои особо любимые цветы — желтенькие, беленькие, фиолетовые колокольчики. Но этих милых спутников моего детства не было. Не их время — лето уже в разгаре.

Мой спутник опускается в благоухающее царство, стоит на коленях. Над ним, около него порхают разноцветные бабочки.

— На, — протягивает мне фотоаппарат. — Щелкни пару раз, пожалуйста.

Он сидит в траве, похожий на большую древнюю, давно исчезнувшую птицу и вот в этой сказке вновь обьявившуюся, и удивляется тому, что все реально, как раньше. Все, как в былом. И нету этому миру и этому цветению конца и края. Все вечно и остается навсегда. Нас не будет, наших потомков не будет, а это чудо — степь-матушка русская будет вечно!

А может ли так думать человек-птица, сидящая передо мною в этом райском уголке?

— Может, может, — говорю вслух, и Константин глядит на меня, недоумевая: я говорю сам с собой в этом благоуханьи воздуха и света.

Пожалуй, впервые тогда, как нигде, я благоговейно ощущал божественность мира...

...Мы отделились от реки, наверное, уже километров на пять, поднимаясь все выше и выше. Открывшаяся перед нами степь не давала оторваться взгляду.

...Этот край заселяли смелые люди. Открытые пространства, снега и лютые морозы зимой, суховеи летом, набеги ордынцев — все требовало характеров твердых и решительных.

Еще до нашего похода я прочитал у Бажанова в книге «Вольный город пионеров Дикого поля», что многочисленные стада сайгаков, диких лошадей, а позже и одичавших лошадей домашних пород поселенцы отстреливали порой не только ради мяса, но и для защиты посевов хлеба. В пойме Волги, Иргиза, Самары, Сока и других рек водилось множество водоплавающей дичи: несколько видов уток, гуси, даже пеликаны и розовые фламинго. В степи стреляли стрепетов, журавлей, перепелов. А «русского страуса» — дрофу, чье мясо высоко ценилось, пытались даже одомашнить.

Теперь этот край был перед нами.

...Сказочный, космический по своим масштабам пейзаж. Остро ощущаешь себя малой частичкой огромного, сотворенного Богом на радость мира. Благодатно на душе.

Для русской духовности горы, видимо, не самая родная стихия. У русской души неутолимая, связанная с желанием обрести покой, тяга к степному простору...

Мы вышли тогда на крепко утоптанную, песчаную дорогу с двумя машинными колеями и муравой посередине.

Брели по ней около часа и оказались у очистных сооружений села Переволоцкое. Вскоре мы уже пили чай в комнатке дежурного насосной станции.

Наш новый знакомый Володя, узнав, кто мы, охотно пообещал нас отвезти до Гамалеевки на бортовом «братнином» КамАЗе. Но надо узнать: дома ли жена брата, у которой ключи от машины (брат приболел, лежит в больнице). И, пока Владимир нас будет возить, надо было, чтобы кто-то его подменил.

— Скоро приедет начальство, я как-нибудь улажу это дело.

Отсутствовал он недолго. Вернувшись, сказал, что все складывается удачно.

Мы покинули помещение и присели в тенечке на крылечке. Марило так, что хотелось лечь и не двигаться. Стоял полдень. Большой двор с разбегающимися полукругом свежими валками скошенной травы залит солнечным светом. Над головой висит, словно на невидимой нитке, пустельга. Праздно у стены стоит коса с поблескивающим металлическим черенком и приваренной подковой вместо окосива.

— Да, такой косой много не накосишь, — говорю я.

— Дак нам много и не надо, — весело отзывается Владимир. — Начальство вот определило нам кулигу, — он махнул рукой в сторону валков, — и — хорош... «А струмент сами гоншите», — так приказано. Оно, начальство, у нас молодое, да строгое, увидите.

Попробовал покосить, вспомнив всегдашнюю легкую радость, которую испытывал вначале косьбы, держа в руках отцовскую легкую, выверенно насаженную, с ловким, вязовым окосивом, косу.

«Струмент», конечно, был не тот. Быстро уступил его Константину. Пошел в помещение конторы посмотреть, где при-

ютилась ласточка, которая бесстрашно сновала над нашими головами.

Ласточкино гнездо прилепилось в раздевалке, в углу под потолком, прямо над шкафами. Чтобы попасть туда, ей приходилось пролетать по узкому коридору метров десять. Отчаянная.

Когда я вышел во двор, Владимир рассказывал Константи-ну, как он ловит сазанов в Самаре.

— Эitto вы зря не ловите, особенно ночью...

— Ну да. Мы вчера вечером одурели от комаров...

— Эitto да, — согласился рассказчик. — Но надо в штанах и рубахе, одетому. Так и рыбу собирать лучше.

— Чем ловить-то одному ночью? — интересуюсь я.

— А вот! — Он растопыривает пальцы обеих рук. — Ручками!

— Чудно! — недоверчиво восклицает Константин.

— Ага, чудно, — соглашается Владимир. — Но результат! Вот смотрите!

Он оттягивает тугую резинку и закатывает штанину, оголив ногу выше колена. От самой ступни она вся в ссадинах и порезах.

— Это они — сазаны, я их кладу в шаровары, больше некуда, когда ловлю.

— Ловишь-то как? — не выдерживает Константин.

— Ну как, сказал же: руками. В коряжках стоят. Надо замереть. Они к тебе привыкают, как к дереву. Потом — хоп, ладошками ко дну прижимаешь — и все!

— Ширина-то речки всего пять метров! — говорю я.

— А где ж ее шире взять-то? Какая есть. Это у вас там Каспийское море.

...Приехавшее начальство — молодой крепкий парень — оказалось редкостно строгим.

Не вступая ни в какие переговоры, поигрывая внушительной связкой ключей, оно потребовало немедленно «очистить территорию».

— Наверное, освободить, — попытался уточнить Константин.

— Как хотите, а чтобы вас не было здесь, посторонних! А тебя, Владимир Иванович, накажу. Везде норовишь на свой карман заработать...

— Игорь Петрович, нехорошо. Они люди не просто так. Они аж в город Самару плывут, смекаешь?..

— Накажу!..

Чтобы хоть как-то отвести угрозу от Владимира, потихоньку «очистили» территорию. Двухчасовое ожидание оказалось напрасным.

...Машину, бортовой ЗИЛ, нашли только около трех часов пополудни. Владелец ее, подрабатывающий частным извозом, долго не соглашался, пытая нас, кто мы такие и куда плывем?

— Чудно, конечно! — делал он вывод. — Просто так три недели ничего не делать?

«И впрямь, — соглашался я мысленно. — Со стороны мы кажемся странными и подозрительными». Константин — дремучий на вид, огромная, черная, прямо-таки смоляная борода. Напугать любого можно. Очевидно, водитель оттого так долго и не соглашался ехать. Да и мой видок — тоже... Большая с широкими полями пятнистая шляпа, тельняшка и цветастый платок, схваченный узлом на шее. Прямо-таки персонажи «Острова сокровищ».

В конце концов за триста рублей мы сговорились.

Глава 6. Характеры

...О нашем Командоре Анатолии Григорьевиче Березине, может, лучше не рассказывать, а привести отрывки из небольшой статьи в самарской газете «Свежий ветер» — «Самарский «левша» с душою романтика».

«...Кто он и кто его родители? Как случилось, что детский дом чуть ли не с самого рождения стал для него родным домом? — эти вопросы волновали Анатолия с тех самых пор, как он научился самостоятельно мыслить. Воспитатели рассказали ему, что в Новозыбковский детдом Брянской области его сдали в шестимесячном возрасте. В 1941 году детдом эвакуировали в Оренбург. Состав, в котором везли раненых солдат и детей, разбомбили, только десятая часть пассажиров в живых и осталась.

Толю нашли после бомбежки полумертвым. Тело мальчика, во многих местах изрешеченное осколками снарядов, еле подавало признаки жизни. И все-таки его выходили...

Закончив школу и выйдя из стен Оренбургского детдома, Анатолий поступил на завод рабочим. В свободное время увле-

кался фотографией. Однажды он принял участие в кинофото-конкурсе и победил!

Наградой стала рекомендация во ВГИК. Не мечтавший об этом престижном вузе и никогда о нем не слышавший Анатолий, тем не менее, поступил в него. Успешно закончил, получив специальность оператора-документалиста...

...И опять заболел. Настолько серьезно, что брянские врачи отказались его лечить. Анатолий совсем перестал ходить. Из-за атрофии зрительного нерва все хуже и хуже видел...

Но он не собирался сдаваться. Добился направления в госпиталь имени Бурденко. Там, просветив рентгеновскими лучами позвоночник Анатолия, медики обнаружили в нем три осколка от фашистских снарядов.

Он перенес две операции, из его позвоночника хирурги извлекли два осколка. С третьим Анатолий живет до сих пор.

Пока он лечился, от него ушла жена. Инвалид ей был не нужен.

Давно уже Анатолий, вняв рекомендациям столичных врачей, верящих в целительность средневожского климата, возвратился в Самару. Он, слава Богу, ходит сам. И ходит безо всяких там костылей. Вот только ничего почти не видит. Но Анатолий не одинок. У него есть друзья. И жена (нашлась-таки женщина, не побоявшаяся его инвалидности!). Да это и неудивительно. Ведь в чем-то Анатолию Григорьевичу могут позавидовать молодые и здоровые. Он, например, не пропустил ни одного Грушинского фестиваля.

...Много лет занимается изобретательством. На областной выставке «Левша», проводившейся в «Экспо-Волге», он был удостоен диплома и ценного подарка. Жюри отметило высокий профессиональный уровень представленных им изделий. Его приборы заинтересовали тогда многих. Например, мини-примус «Шмель», который работает на любом виде топлива».

...У меня хранятся записи из дневника Анатолия, сделанные одним из его товарищей после сплава «на резине» в 1999 году.

Они хорошо характеризуют и самого Анатолия, и его верно-го спутника Бориса, которого мы в течение всего нашего сплава звали Пятницей. Он не обижался, только неопределенно улыбнулся, когда мы ему об этом в первый же день написали на его рыжей коробке.

...Когда смотришь на Бориса, невольно вспоминается Николай Гумилев:

*В чащах, в болотах огромных,
У оловянной реки,
В срубках мохнатых и темных
Странные есть мужики.*

Борис — из «странных». Он мало говорит. Если начинает разговор, то делает это так, как будто рассуждает сам с собой. Очевидно, ему так легче, он не слышит, что говорят в это время окружающие, не знает ответов.

В микроавтобусе он всю дорогу молчал. Темные очки скрывали глаза. В очках он похож на сову или филина. Мудрого и древнего.

Анатолий и Борис познакомились в клинике Бурденко. Борису пятьдесят лет. Зрение и слух потерял в детстве от взрыва найденного с друзьями снаряда. У него и левая рука повреждена.

Жена — слепая с детства. Полностью оглох Борис пять лет назад. После чего крепко запил. В первый год знакомства Анатолий предложил приятелю пройти на лодках по маршруту «Жигулевской кругосветки». Тот согласился. Очень понравилось. Пить бросил совсем.

С тех пор каждый год в майские праздники они идут этим маршрутом.

За лето преодолевают несколько маршрутов по разным местам.

— Это же тяжело! — недоумеваю я.

— Он очень вынослив, наш Боря, — утверждал Анатолий. — Знаете, в прошлом году перенес операцию, ему вырезали желчный пузырь, и на четвертый день он ушел в поход.

* * *

Реальная опасность и успешное ее преодоление — действительно большая роскошь, ради которой стоило отправиться в подобный, как наш, поход.

В наш техногенный век, несущий множество неприятного человеку, есть островки первозданной опасности природной стихии, которые завораживают и притягивают. Это я почувствовал сам. И часто видел в нашем походе, каким задод-

ром освещались лица попутчиков в предчувствии нестандартных ситуаций. Хотя наш Командор и проповедовал неприятие авантюрных поступков...

Пятница же самые неожиданные ситуации воспринимал как неизбежные и невозмутимо их преодолевал.

Чем объяснялось это его внешнее спокойствие: отсутствием ли слуха и зрения? Умением все принимать как должное? Не знаю. Но мне с первых минут знакомства с ним показалось, что он все о нас знает. Ему ведомо наперед, что будет в походе, какими мы будем в нем. И даже после него...

Глава 7. Под Гамалеевкой

Итак, мы миновали села Мамалаевку, Верхнюю Платовку и Покровку по воде. А под Новосергиевкой, не добравшись до правого притока Самары — Кувай, погрузили снаряжение в грузовик и, проехав по суше мимо Барабановки, оказались под селом Гамалеевка на высоком берегу реки.

В Новосергиевске есть краеведческий музей, и я жалел, что мы в суматохе дел не попали в него, хотя и намеревались в начале похода.

День оказался нелегким. Было жарко. Разгрузив машину, пошли с Анатолием в детский дом, в котором он когда-то жил. В большом просторном зале беседовали с ребятами. Анатолий вспоминал детство:

— Здесь мы начинали свою школьную жизнь, — волнуясь, говорил он. — В этом детском доме в семилетнем возрасте и начался отсчет моих пеших и водных походов. В течение трех каникулярных месяцев нас учили собирать грибы, ягоды и растения, пригодные в пищу. Учили самостоятельно готовить еду. Приучали нас и к работе. Пололи картошку, просо, заготавливали сено, дрова. Ослабленных мальшей, которые не могли долго идти пешком, подвозили на бычьих упряжках. Во время походов спали на сеновалах, в шалашах, на чердаках. Иногда стояли очень жаркие дни. Но мы шли, плыли, работали, преодолевая трудности походного быта...

Поговорили с детьми, я прочитал им стихи. Ребята трогательно и внимательно слушали. Поражал дух коллективизма, царивший в детском доме. Ребятишки жались ко взрослым,

особенно маленькие, которым по семь-восемь лет. Они ловили каждое наше слово. Мы были из большой, взрослой жизни и не совсем похожей на ту, которая была вокруг них. Провожали они нас дружной стайкой и все не хотели возвращаться.

...Ночевать мы расположились на высоком берегу реки, около огромной старинной ветлы. Повечерничали, когда уже от ало-золотого широкого края неба остался узенький ободок.

Самара здесь очень быстрая, но мелкая и узкая, не более десяти метров в ширину. Поплывать негде, глубина по пояс. Тем не менее я искупался и поспешил к костру.

Когда уже укладывались спать, на том берегу в подбугорном леске, в осокорях, где еле просматривались в сумеречи сухие сучья, заворковал витютень. Совсем как в детстве!

Витютня не было видно, но его унылая вековечная песня, его грудной стон густо разливался вокруг.

Мне еще с детства казалось, что эта красивая и сильная птица, дымчатый сизарь с красными ножками, всегда на что-то жалуется. Будто он и не поет вовсе, а завывает. Хотелось пожалеть его.

Я пробовал несколько раз, когда жил у своего деда на бахче, приблизиться к дереву с сухими сучьями, где часто сидел витютень. Но он каждый раз с шумом, хлопая крыльями, круто взлетал вверх. И быстро исчезал.

Витютни обычно кормятся на хлебных полях. Мои дядья-охотники били эту птицу, как правило, затаившись в лежанке на пути перелета. Стреляли влет.

Я ни разу не добыл эту птицу. Вначале это было для меня непростым делом. Потом, повзрослев, понял, что не пересилю себя — не нажму на курок. И уже не делал попыток.

...На том берегу, левее осокорей с витютнем, темнели таинственно кусты таволги и чилиги. И все, что я видел и слышал в вечернем сумраке, невыразимо волновало меня.

Под грудное пение витютня я и уснул.

...Наутро проснулся от голоса женщины:

— Это вы кто же такие? Вчера не было никого, каждый день пасу тут своих милашек, а теперь: ба — целый табор...

Я выглянул из палатки: вокруг было десятка полтора коз, и часть этих «милашек» уже обнюхивали наши лодки.

Так начался этот день.

Во всем селе не могли найти воды. Колонки не работали. Решили искать родники вдоль речки.

Юрий уже прошелся по правому берегу и пока родника не обнаружил, надо было начать поиск на левом.

Константин развел костер, вырубил быстро рогульки под котелок. Но был чем-то озабочен.

— Ребята, если каждый будет топить свою поклажу в речке раз в день — мы останемся без провизии ровно через четыре дня. Нас пятеро — Командор уже растерял почти все свое.

— Ты должен понять, Константин, — невозмутимо произнес Юрий, роясь в рюкзаке в поисках соли, — в походе все, что может рассыпаться, обязательно рассыплется, что может разлиться, непременно разольется.

— Вот я и говорю, — отреагировал спокойно Решительный (так мы стали называть Константина после борьбы с завалами). — Надо как следует все упаковывать. И с заранее составленным меню по дням дежурств. В отдельных полиэтиленовых мешочках.

— Голова, — согласился Юрий. — Но уйдет столько времени!

— Ничего, — поддержал Костю подошедший Командор. — Зато будет порядок.

И мы начали паковать запасы.

— Мужики, а вот, действительно, если вдруг окажемся без продуктов и до жилья далеко, что будем делать? — спросил я, совсем не рассчитывая на продолжение разговора.

Юрий мои слова оценил, очевидно, как возможность заявить о себе — бывалом и опытным туристе.

— Коллеги, мы где находимся? — Он сказал это, как на кафедре, академическим голосом и окинул нас, не подготовленных к самостоятельной жизни вдали от дома, случайно собравшихся в одну команду людей, ироническим взглядом.

Мы не успели сообразить с ответом. Он помог:

— Мы находимся с вами в степи, где могут быть кузнечики или нашествие саранчи. Если даже утопим все наше продовольствие, потеряем деньги — и тогда не пропадем. Саранча — даже не пища, многие народы в пустынях и степях почитают ее за лакомство. Саранча раньше для кочевников была как манна небесная. А мы идем их путями.

— Ты всерьез хочешь перевести нас на кузнечиков? — спросил Константин.

Юрий невозмутим:

— Для людей, привыкших есть ящериц и грызунов, саранча — лакомое блюдо.

— Ее начнешь глотать, а она в ноздри или в ухо выпрыгнет! — попробовал пошутить Константин.

— Ее надо вначале поджарить, затем оторвать поросшие колючками задние лапки, остатки необгоревших крыльев, а уж потом отделить голову, извлекая одновременно кишечник. Все! Можно, похрустывая, есть. Как креветки!

— Ты что, действительно ел? — все еще не верит Решительный.

— Креветок? — вяло переспрашивает рассказчик.

— Да нет, саранчу эту?

— Спрашиваешь тоже, — тоном бывалого человека отвечал Юрий.

— И много таких гадостных блюд ты еще знаешь? — спросил Константин.

— Наши с тобой предки, жившие не в таких тепличных условиях, как мы, считали пищей все, что бегают, ползает, летает и плавает. Если во всем мире насчитывается около четырех тысяч видов млекопитающих, то, как видишь, выбор есть... Хотя, — он почесал затылок, — может случиться, что наступит время, когда не станет особо большого выбора, и люди будут есть личинок и куколок, жуков-короедов, пауков, термитов.

— Ну, до этого не дойдет, — запротестовал Константин.

— Почему?

— Да, если животные все повымрут, значит и человек, — того... вместе с ними...

Под такой диалог я чищу почерневший котелок речным песком, усевшись на толстое бревно, застрявшее на мели.

Вспомнился эпизод из поездки в Китай. После утки попекински, которой нас угощали накануне в ресторане и, которую мы все с удовольствием ели, заворачивая лакомые кусочки птицы в тонкие лепешки с зеленью, мне захотелось попробовать мясо змеи и лягушки.

Лягушачьи бедрышки я пробовал в Париже несколько лет тому назад. С тех пор искал случая попробовать мясо североа-

американской лягушки-быка, которая бывает до двадцати сантиметров и весом до шестисот граммов.

...Мясо лягушки показалось мне похожим на куриное, разве что посуше и жестче. Змеиное мясо, лежавшее на моей тарелке, было несколько схоже по форме с разрезанным по длине небольшим, сантиметров пять, легким, эластичным развернутым резиновым шлангом. Запаха я никакого не ощутил. Легко порезав на кусочки, я съел это пугающее, но завораживающее блюдо. Мясо по вкусу, как мне показалось, было похоже, скорее, на какую-то рыбу. Но вполне не ручаюсь за свое ощущение, ибо проглатывал я эти кусочки, пребывая в каком-то мистическом состоянии духа.

Все, вроде бы, прошло хорошо. Присутствующие за столом соотечественники так и не решились последовать моему примеру. Таким образом, я выбился из общего ряда и рейтинг мой, говоря чужеродным, но ныне модным языком, значительно вырос.

Расплата наступила, когда выходили из ресторана. То ли так задумано было или получилось случайно, но входили мы в ресторан через нормальный вход, а выходили там, где в больших стеклянных коробках кишели те самые гады, змеи, лягушки, тритоны, рыбы, которых в жареном, пареном, вареном виде подавали на стол.

Я шел, а они все смотрели на меня, словно теперь уже зная, что я их могу съесть. Казалось, что это дурной, адский сон...

Меня затошнило. Опережая своих спутников, рванулся я на свежий воздух. Когда я, раб своего желудка или, вернее, любопытства, оказался на улице и присел на скамеечку, шум от шин многочисленных велосипедов, которыми китайцы заполнили добрую половину улицы, мне показался шипеньем множества гадюк...

«Боже мой, они еще и собак с кошками едят...»

Меня подташнивало и поламывало в висках. Непривычные мысли теснились в голове. Стало страшно за все человечество.

«Имя ему, к которому отношусь и я, — пожиратель, самый большой зверь на земле. И самый страшный: у него ум и оружие, созданное его умом. Во что бы ни проникал ум, что бы ни изучали ученые — самые, казалось бы, умные из всего человечества, известно уже давно: в результате получается ору-

жие, которым человечество убивает и себя, и «братьев наших меньших»...

Разве так должно быть?!»

Недалеко возникли мои соотечественники. Два китайца, сопровождавшие их, чему-то улыбаясь, оживленно по-своему разговаривали меж собой... Когда они увидели меня, их лица враз стали другими.

Они направились ко мне. Я поднялся со скамейки. Надо было выправляться. Некогда думать за все человечество, предстояло персонально продолжать суетиться. Так кем-то заведено...

Глава 8. Добровольные пленники

Сразу за Гамалеевкой, где-то через полчаса, мы обошли завал по суше. Два огромных тополя аккуратно лежали поперек речки. Вернее, это был не завал, а пешеходная переправа, которую сделали жители окрестных деревень.

Пока мы переносили снаряжение, за нами с любопытством наблюдали два подростка, которые купались там, где заросли неожиданно расступались и желтел бережок.

Один из ребят подошел. Оказалось, он из Гамалеевского детского дома, был на нашей встрече. Звать его Дима. Родом из Феодосии, но кто его родители, не знает. Ему уже пятнадцатый год. Он помог перенести вещи. Когда прощались, я дал ему денег и, написав домашний адрес и текст, попросил послать телеграмму жене с сообщением, что у нас все в порядке. (Сотовая связь не срабатывала — оставалась надежда на телеграф.)

В тот день мы преодолели больше тридцати километров. Самара здесь особо крутоберегая. То левый берег обрывист, то правый: так и извивается она, так и стремится туда, куда ей надо...

Закончился день тяжело. Пришлось около десяти часов вечера остановиться ночевать на заросшем густой травой и кустарником берегу. Причиной тому был массивный завал. Будто кто-то крепко и намеренно пошалил: до десятка огромных осин лежали поперек узкой ленты реки. Причем все связаны между собой мелкими корягами так, что разрубить и растащить просто невозможно и за несколько дней. Не завал, а плотина. А на высоком песчаном берегу, готовом обрушиться в следующее половодье, стоят еще несколько неохватных осин.

Легко представить, что будет здесь на следующий год: каждого такого дерева хватит на два-три раза, чтобы перекрыть поперек реку.

Сил на то, чтобы развязать снаряжение на лодках, перенести, затем снова упаковать и увязать, уже не оставалось. Мы остановились...

Из записок, которые я все-таки иногда делал:

«Сегодня 12 июля. Вчера прошли путь от Гамалеевки до села Бурдыгино. Преодолели три завала: один рубили, два обошли по берегу. Прошли металлический низкий мост под Бурдыгино. Ночевали у завала ниже села. Ужин готовили около двадцати трех часов, когда было уже темно.

Мы с Костей ночью рыбачили бреднем. Река глубокая, берега крутые, рыбачить неудобно. Поймали одну щучку и несколько сорожек.

Песок, осины, лопухи — в изобилии. Вода изумительная. Все есть, о чем я мечтал, отправляясь в поход. Но комаров столько, что спасения от них нет.

Спали, как в предыдущие ночи: мы с Борисом, каждый в своей палатке, остальные в лодках, которые вытащили на сухой песчаный пяточок среди прибрежного краснотала и шелестящих осин. Противоположный берег, весь поросший высокими осинами и ветлами, кажется труднопроходимым.

С первых же дней я понял, как важны для меня вновь те навыки, которыми я владел, когда с дедом жили то в лесу, то в степи...

Мое умение по-дедовски вязать узлы, ладно починить бредень, взять лыко с вяза, сварить «сливную» кашу, в которой сразу и первое, и второе, поставить на перекате бечевочный перетяг между кольями для ловли подустов — все пригодилось вдруг. Каждый раз обнаруживалось умение, которое удивляло теперь моих спутников.

Полузабытые навыки радовали. Они роднили с окружающим.

А если бы нас окружали лошадь, рыдван, косы, конные грабли, крестьянская утварь — сколько бы открылось забытого...

Проснулся я от того, что ладони мои горели от долгой работы накануне веслами. Хотя был, как и все, в перчатках.

Неугомонный Анатолий разжигает костер. Слышу, как будит Юрия, напоминая ему, что его очередь готовить завтрак.

Бориса он не трогает. Борис на примусе готовил себе ночью

в палатке еду — это его странность. Он варит и ест в одиночку. Еще перед поездкой Анатолий обнародовал это его непереносимое условие. Мы приняли его, недоумевая. Все запасы продовольствия были заранее сделаны на пять человек. И в поход взяли провизии на пятерых. Но Борис своих установок не изменил. Он не подчинялся и требованиям Командора в отношении воды. И пищу готовил на речной воде. Завел из самарской водицы в пятилитровой канистре и квас.

Я заметил, что больше всех работаю веслами и, кажется, понял, почему. Лодка моя, изготовленная на скорую руку, имеет задранные сверху нос и корму. Таков раскрой. Очень часто течение реки меняется, направление ветра — тоже. Иногда течение еле заметно, а ветер силен и, если не грести усиленно, несет назад. А поскольку парусность у моей лодки больше всех, то и трудиться приходится крепче остальных.

К слову сказать, Самара течет почти строго в северо-западном направлении, но петляет, и чаще всего ветер дует в лицо.

Побаливают, и сильно, не только руки, но и кости... «пятой точки». Постоянное ерзанье на доске при гребле дает знать.

Юрий показал, как он разрешил этот вопрос. Оказывается, он сидит на прямоугольном лоскутке из синтетического материала, который надевает на себя. Этот лоскут крепится на «пятую точку» простой широкой резинкой, охватывающей талию внизу живота. Он, лукаво ухмыляясь, порылся в своем рюкзаке и, достав такое же устройство, протянул мне:

— Это называется «пендель» — изобретение туриста-водника.

Я взял, примерил. Действительно стало легче. Движения на сиденье теперь не связаны были так сильно с болями в костях.

Думаю, он специально не сразу дал мне «пендель», а чуть позже, чтобы я по достоинству оценил.

За лукавство он был отомщен, хотя и без моего участия.

Я еще в своей палатке. В сетчатое окошечко своего убежища вижу, что происходит у костра. Там уже трое. Вылез из своей берлоги и Борис.

— В жилах комаров течет человеческая кровь, — громко провозглашает Юрий, заслоняя рукой лицо от костра.

— Ну что ты, Юрий, жалуешься, — успокаивал Константин. — Прелесть турпоходов в том, что любая самая тяжелая работа после них — отдых.

— Эт-то мы знаем, что турист живет дольше человека, но все же... Жрут, окаянные!

...Когда завтракали, Юрий рассказывал:

— Раньше за огромными сомами охотились в больших омутах Волги. Брали, к примеру, маленького утенка и пускали его в то место, где могла водиться «речная свинья». Если сом хватал и проглатывал утенка, тем самым обнаруживая себя, то рыбаки тут же быстро подплывали к тому месту и из приготовленного большого глиняного горшка бросали в воду ком горячей каши. Сомина обжигался, хватанув каши, и выплывал на поверхность. Тут его острой и брали.

— Это рыбацкая байка, — уверенно подытожил Командор. — Какая каша-то была, гречневая, как у нас?

Он стоял напротив Юрия. Оба маленькие, сухонькие, в общем-то старики уже, и оба по-молодому «упертые»; будь то в деле, в каком-либо разговоре — между ними постоянно велась некая дуэль. Но это соперничество они не проявляли явно.

— Какая байка, если рыбы в Волге еще в начале XX века было столько, что когда человека в первый раз брали на рыбалку, предупреждали: «Не болтай ногами в воде, особенно на глубине». Вишь, было как: из водной бездны могла подняться огромная рыбина и оторвать ногу.

— Ну, сом ногу не оторвет, зубов нету.

— Сом заглатывал пловцов, а щука рвала ноги, — разъяснил Юрий. — Рыба не была дешевой, но самарцы были разборчивы и некоторые сорта рыбы считали сорными. Мелкоту использовали как удобрение для полей, а сушеной воблой топили паровозные котлы.

— Куда ж это все подевалось? — не удержался Константин.

— Куда-куда. — Юрий, нагнувшись, поставил пустую миску на пенек около костра. — Распяли красавицу-Волгу плотинами ГЭС — и все дела. Щуки наподобие градусников стали из-за повышенного содержания ртути. Тоже ведь дела рук наших.

Разговор еще долго мог бы продолжаться, но Командор торопил.

Мы попили чаю и взялись за укладку снаряжения.

Таская вещи в лодку, невольно рассуждал про себя: «Который уже день находясь на реке, я замечаю, что мне важно здесь все. И река! И люди! Что они говорят? Как говорят? Все

интересно! Человек на реке, сама река, и все, что вокруг до самой маленькой букашки — интересно. Будто заранее знаю, что не скоро все это увижу вновь. Словно вижу: это все мое, принадлежащее по какому-то праву мне, но долго не виданное. И мне от этого радостно.

Подумалось: «Эти бесхитростные разговоры, встречи, взгляды, рукопожатия, события — все некий только аккомпанемент к чему-то очень серьезному, тому, что во мне рождается или родится? Или это — самая важная часть того, что мне нужно сейчас? Смогу ли когда-нибудь объяснить смысл своего похода другому человеку?.. Смогу ли так понять себя, чтобы рассказать другому?..

И надо ли это другому кому-то, кроме меня?

Наверное, надо! Вот ведь около меня сейчас еще четыре человека, они тоже — пленники реки.

Пленники. Из них один человек с детства связан с Самарой — Анатолий. А родился на ней — только я».

И опять всплыл в памяти рассказ мамы, как ее и меня отчим привел ночевать на Самарку. Тогда прошедший пол-Европы бездомный солдат Василий Шадрин сидел у реки и думал невеселую думу.

О чем он безмолвно говорил с рекой? И что он понял тогда? Неизвестно... Уносились вдаль воды Самары, а впереди — была жизнь.

* * *

Два течения влекут меня по реке Самаре в моем путешествии. Одно идет от истоков к устью: из заводей, сутемья, прибрежной ольхи и ветельника, зарослей таволги и чилиги, по мелям и перекатам, выныривая порой из глубоких темных омутов и неодолимых завалов, оно вырывается на простор.

Другое, не менее сильное — встречное течение, влечет меня от многоручных городов и цивилизации, от устья реки к истоку ее. К небольшому родничку. К той завораживающей силе, которая вытолкнула этот ручеек из недр земли и сделала его рекой. Она притягивает к себе и манит, эта таинственная сила. И этой силе нету меры.

И вновь я даю себе слово побывать у заветного родничка.

И в памяти своей в который уже раз возвращаюсь к детству, плыву вспять по реке моего детства.

Эти два противоположных, казалось бы, течения несут меня в моем легком суденышке, и я весь — в их власти.

* * *

К тому, что я веду дневник, мои спутники относились спокойно, правда, с некоторым налетом иронии.

Я слышал, как Костя в разговоре с Анатолием, кивнув в мою сторону, обронил: «Наш летописец».

Пусть кивает, память теряет подробности, которые иногда так хочется осмыслить заново, а записки можно ворошить многократно.

— Послушай, — обратился я к Анатолию, — а что, если я задумаю повесть написать о нашем сплаве и везде упомяну настоящие фамилии?

— Делай, как надо.

— Но вдруг где-нибудь будет какая неточность? Можете обидеться?

— Да пиши, мы все равно слепые, кто из нас будет читать... Разве Юра, да и ему не до этого...

* * *

Сейчас в январский денек сижу я, разглаживая крепенькую свою тетрадочку, с листочками, помеченными карандашом. Прелесть — эти листочки! От них идет аромат июльского солнца, воды, света. Из тетрадочки этой, нет-нет, да и выпадают золотистые речные песчинки.

Выпав на белые листы писчей бумаги, они так и лежат. И я не убираю их. Руки не поднимаются, да и зачем? Это похоже на особый знак.

Несколько штук задержалось на краю стола, прямо у окна.

Поймав солнечные лучи, прорвавшиеся в комнату через толщу морозного воздуха в оконное стекло, песчинки светятся — каждая по-своему.

Глава 9. У села Бурдыгино

Мы проплыли чуть больше часа после нашей последней стоянки, когда встретили на берегу крепкого усатого мужика, а с ним десяток ребят, примерно восьми-девяти лет.купаются шумно и весело в обласканной солнцем речке. Потрескивает на песчаном мысочке костерок. Еще не жарко. Утреннее солнце едва выкатилось на чистое синее небесное поле над осинником. Оказалось, что ребята — из трудового лагеря. «Трудных» ребят свезли со всего района, и теперь они живут в селе Бурдыгино. Ребята как ребята. Любознательные. Пришлось рассказать, кто мы да откуда.

«Усатый» оказался воспитателем, а заодно, по совместительству, трактористом в лагере.

Он намеревался ехать в село Бурдыгино, оставляя подопечных на время со своим помощником, высоким белобрисом парнем Виктором. Мы попросились с ним. Он охотно согласился. Хотелось посмотреть село и купить молока.

Трое — Борис, Костя и я — забрались в тракторную тележку и, проехав километра три, оказались в селе. Отчаянно хотелось пить. В селе всего одна работающая колонка. Вода еле течет. Пекло. Температура, как нам сказали, выше тридцати пяти градусов.

У ближайшей саманной избенки сидят две молодки. Лавочка сохранилась, за оградой палисадника, кроме лебеды, ничего не растет. Заросли лебеды и серая тяжелая пыль царствуют там.

— Отчего плохо с водой? — спрашиваю.

— Так уж давно, насос сломался один, а этот вот плохо качает... на одну колонку... — отвечает та, что постарше.

— Железом отдает, как же вы пьете?

— А что делать-то?

— Как что? — удивился Константин. — Давно вырыли бы колодец! Ни одного колодца не видно. И это в селе, где около тысячи жителей!.. А где работаете?

— Нигде. А кто работает, тот не получает за работу.

— Чем же живете? — спрашиваю.

— Огородами да скотиной.

— Отчего село называется Бурдыгино?

— А не знай, — отвечает равнодушно.

— Может, первый, кто жил тут, Бурдыгин был. — Это опять говорит та, что постарше.

Помоложе, в серой косынке, надвинутой низко на глаза, безразлично глядит перед собой на траву.

Из переулка выехали парни на велосипедах и остановились у палисадника. Очевидно, мужья.

— Мы, эта, на бахчи — туда и обратно, арбузы прополоть, ага?

Они о чем-то поговорили вполголоса меж собой, искоса поглядывая на нас, копошащихся у колонки, и уехали.

А мы направились в столовую, в которой женщина по имени Люба, пожалев нас, продала четыре буханки хлеба. И она жаловалась, что зарплату не выдавали уже три месяца.

Когда сидели в зале и ели с удовольствием «докторскую» колбасу и белый с хрустящей горбушкой хлеб, она принесла горячий чайник. Поинтересовалась насмешливо:

— Жен, что ли, у вас там дома нету? В такую далищу умыкнись? Или прячетесь от кого?

— Нет, — пытался отвечать я. — И не прячемся, и жены есть.

Она смотрит на меня и покачивает удивленно головой.

— Люба, вы не думайте о нем плохого ничего, — вмешался Константин. — Не глядите, что в тельняшке с косыночкой и похож на пирата. Он, если наденет фрак и бабочку нацепит, вылитый Раймонд Паулс.

Смотрю удивленно на Константина и думаю: «Зачем ему это надо, приткось эта? Поговорить охота?.. И потом, я, скорее, похож на Жана Габена, чем на Паулса, если уж на то пошло».

Только мы вышли из столовой, столкнулись с трактористом, который нас привез в село.

— Вот, мужики, вам! Жена велела подхарчить. — Он вынул три бутылки с молоком из кабины и протянул нам, довольный. — Моя сказала, чтоб больше тридцати рублей не брал за все. А это, — он протянул поллитровую стеклянную банку сметаны, — в довесок, бесплатно.

Крепко пожав нам руки, вскочил в кабину. И «Беларусь» запылил на другой край села, грохоча в ленивой тишине скрипящим железом прицепа.

Мы остались стоять посреди улицы с шестью пятилитровыми канистрами воды, молоком, сметаной и четырьмя буханками хлеба.

Константин подобрал брошенный кем-то на дороге кривоватый черенок, как коромысло водрузил его на шею. Повесив на каждый конец по канистре, стал примеряться к остальной поклаже.

— Турист ослаб — ему осла б! — изрек он глубокомысленно.

— А куда нам идти-то? — невольно оглядываясь, спросил я.

— Э-э, дорогой мой друг, коль заблудился, примени старинный способ ориентирования на местности, — отвечал Константин, лоя выпрыгивающие из свертков буханки хлеба и пытаюсь одновременно удержать раскачивающееся коромысло на плече.

— Какой? — спрашиваю.

Константин с напускной солидностью поучает:

— Надо первого же попавшегося, желательно не глухого прохожего спросить: а скажите, пожалуйста...

Мы шли по сонной сельской улице и я думал: «Хорошо, что в селах Оренбуржья свой газ. Дома зимой надежно отоплены. Замечательно! Но это же малость. В крае открыто более двух тысяч месторождений семидесяти пяти видов полезных ископаемых, среди которых природный газ, нефть, железные, никелевые и медные руды, золото, серебро, поваренная соль, бурый уголь, даже мрамор. Ведущие отрасли: черная, цветная металлургия, машиностроение, химия и нефтехимия, электроэнергетика. И при этом мы, россияне, умудряемся жить в нищете и неустроенности. Воды нет, вместо магазина — закуток. Пыль и бездорожье... Пьянство... И разве так в одном Оренбуржье? Нет же, конечно. Выживаем, но не живем! Выживает вся Россия. Россия, русская земля погружена, как и встарь, в страдание...

Мы, россияне, перешли ту допустимую границу, за которой человек лишается созидательной роли в обществе.

Без излечения нашей социальной болезни — бедности мы можем погибнуть все: и бедные, и богатые.

Какие мы? Как мы живем? — эти вопросы терзают душу...

И будем ли мы русскими через пятьдесят лет?

Нас, россиян, каждый год становится на семьсот-восемьсот тысяч человек меньше. Американцы утверждают, что их в 2050 году будет около 349 миллионов человек. А нас сколько?

Остается надеяться. Нет, не надеяться — верить, что мы выдюжим! Верить, что и у Оренбуржья, и у Самарской области, у России — все еще впереди! Вера, только она и дает энергию выживания. Она и щит — Вера!

Когда-то И. С. Аксаков, любивший эти края, главную задачу русского общества видел в том, чтобы «трудным подвигом самосознания расторгнуть оковы народного духа, воссоединить разрозненные слои... возратить русской народной жизни свободу, цельность, правильность и плодотворность самобытного органического роста».

О росте ли сейчас идет речь? Увы, о самосохранении!

...Я шел, пошатываясь, под палящим солнцем в ближайший переулок, который уходил в сторону реки, и невольно озирался на пустые, словно вымершие улицы.

Совсем еще недавно, чуть более десятка лет назад, Оренбуржье считалось одной из самых крупных житниц России. Ее хлебное поле было четыре миллиона гектаров, второе после Алтая.

И наш самарский край, и Оренбургская область, и Алтай связаны воедино именем и талантом Василия Шукшина. Как теперь уже известно, прадед писателя Павел Павлович Шукшин приехал в Сибирь вместе с родителями из Самарской губернии в десятилетнем возрасте. Было это в далеком 1867 году. А дед Василия Шукшина по матери Сергей Федорович Попов, мордвин по национальности, по утверждению Василия Гришаева, алтайского краеведа, приехал в Сростки из села Толкаевка Сорочинского уезда Оренбургской губернии. Я вспомнил об этом и невольно остановился. Остановились и мои спутники, тут же опустив неудобную поклажу на землю.

— Ребята, помните, где село Толкаевка? Я на карте отметил, но она в лодке.

Константин не помнил. Мы написали «оранжевое послание» Борису.

Он тут же ответил:

— Пройдем Сорочинское водохранилище, там слева — Сорочинск, по правому берегу будет Толкаевка. Я там был.

— Большое село? — пишу на коробке.

— Как Бурдыгино, там хлеб хуже, чем здесь.

— Тут Лев Толстой жил, — спохватился Константин. — Где-то здесь...

— Жил, но ближе к Бузулуку, — отвечаю я, а в голове: «Так вот, возможно, откуда пришла неизбывная любовь Шукшина к разинской теме — предки его с самарско-волжской земли, на-полненной сказаньями и былинами о Степане Разине».

Я все оборачивался, ища взглядом саманную избенку, возле которой сидели две молоденькие женщины с потухшими глазами.

— Вань, хоть сегодня-то не напейтесь, — крикнула тогда вдогонку мужу та, которая постарше.

— Да че пить-то? И на что? — отозвался один из них, не обрачиваясь.

— Вы найдете что, знаем...

— Кричи, не кричи — все равно напьются, — безысходно проговорила та, которая в серой косынке.

Она сказала это, не поднимая головы.

* * *

Тает на глазах крестьянство, единственная верная сила, которая могла бы вывести русского человека на спасительную дорогу православной народной жизни.

Это же бессмыслица: в стране с огромными посевными площадями, с суровым климатом, отсутствием необходимой инфраструктуры возвращаться к хуторскому хозяйствованию.

Абсурд это или злой умысел?

Имея в стране избыток собственных энергоносителей, с их же помощью создавать адский механизм разрушения своей экономики и, в первую очередь, сельскохозяйственной промышленности.

В 2002 году урожай в Оренбуржье был неплохой, почти на полмиллиона тонн хлеба больше, чем в прошлом году. Но ведь почти все добытое сельчанам придется отдать за горюче-смазочные материалы, за кредиты, за налоги. За тонну горючего — шесть тонн хлеба!

В нормальный незасушливый год область обычно собирала более пяти миллионов тонн зерна.

А в наши годы? Вынуждены закупать тысячи тонн у французов, чтобы дотянуть до нового урожая. Что это?

Если бы в одной только области такое вершилось!..

Потеря продовольственной независимости — это начало утраты державной силы. Это же ясно всем. Но маховик крутится, сопровождаемый хором и праведных, и зломудрых голосов.

И потонуло в этом разноголосье шукшинское: «Ванька, смотри!» — сказанное вовремя, да не услышанное нами...

Глава 10. На Сорочинском водохранилище

После села Бурдыгино плыть стало тяжелее. Весь день гребли почти в стоячей воде и против ветра. Впереди Сорочинское водохранилище, и Анатолий говорит, что, очевидно, сливы на дамбе закрыты. Руки поламывало до плеч. Ладони горели. В придачу ко всему у меня одна перчатка, вторую где-то обронил.

Река разливается шире и шире. Какой-то человек на берегу кричал нам, сложив ладони рупором, что по радио передано штормовое предупреждение. Мы не придали крикам должного значения.

Берега густо заросли травой и кустарником. В них неизменные полчища комарья. Вот уж где понятен смысл непобедимого: «камарилья». Причалить к берегу и искупаться — негде. Незаметно река превратилась в большую водную гладь из нескольких, разделенных огромными кулигами камыша проток.

Еще у села Бурдыгино договорились, что как только выйдем к водохранилищу, остановимся и обсудим не спеша на берегу обстановку: если волна большая, надо будет остановиться на ночлег, а уж утром пойти через большую воду. Но какое там! Мы пропустили момент и оказались посередине водного пространства, где до берега не менее двух километров. Не понять, где основное русло. Волна бьет навстречу движению лодки.

Быстро опорожнил от воды и привязал пустую пятилитровую канистру к длинной, метров шесть, веревке, а ее — к лодке, соорудив тем самым буй, по которому можно, в случае, если все потонет, искать имущество.

К левой ноге приторочил такую же пустую канистру.

«Будем надеяться, что эта — не буй, а спасательное средство», — подумал я.

Посмотрел на часы — было чуть больше двадцати. Юра,

шедший до того уверенно первым, остановился и зычно, словно команду, объявил:

— Все! Заблудился. Не знаю, куда плыть, честно скажу...

Мы сгрудились, насколько можно, выдерживая дистанцию. На крутой волне это нелегко.

Огляделись. Тяжелые, нависшие тучи, сумерки не давали отыскать заходящее солнце. Наконец, мы определили западное направление и двинулись с места.

Вокруг властвовало необозримое водное пространство, берега еле угадывались дальней, темной расплывшейся полоской.

Юрий затравленно озирался вокруг.

Неожиданно он воскликнул:

— Я знаю, куда плыть. Вон она, вон там!..

Он указывал в направлении чуть правее нашего курса. Там что-то темнело на воде.

— Это баржа! — выкрикнул возбужденно Юрий. — Я ее запомнил в прошлый раз. Надо плыть прямо на нее — за ней основной вход в водохранилище.

Он оживленно заработал веслами. По тому, как Юрий обрадовался барже и как заспешил к ней, я мог догадываться о степени настигшей нас опасности.

— На барже заночуем, — объявил Анатолий.

«Понятна теперь радость потерпевших крушение в настоящем море при виде земли», — невольно подумалось мне.

С трудом пришвартовались к барже, вернее, к металлическому понтону, неведь откуда занесенному сюда. Там оказалось гнездовье белокрылых крачек. Хорошая сотня потревоженных шумных птиц стали виться над нашими головами. Некоторые пролетали совсем рядом. Ни одна не осмелилась сесть при нас на понтон.

На понтоне много мертвых птиц. Яичная скорлупа, невысиженные пестренькие с темными пятнышками яички лежали прямо на металле. Шустро бегали пушистые, желтенькие с белой грудкой птенцы. Кое-где на понтоне кулижками росла на комках грязи трава. Много сухой низкорослой растительности — в ней прячутся совсем еще маленькие обитатели шумной колонии.

Один из птенцов, проворно подбежав к краю понтона, смело плюхнулся в большую волну. Хорошая сотня его взрослых сородичей металась над нашими головами, беспокойно крича.

И было непонятно, то ли они одобряют смелый поступок, то ли осуждают. А он упорно продвигался по волнам к камышам, темневшим метрах в тридцати от нас.

— Они его найдут и выкормят в камышах, — успокоил нас Анатолий.

— Жди, пожалуй: либо сом, либо щука сегодня же его и проглотит, — возразил Юрий.

Жаль было смельчака, не ведавшего об опасности, которая скрывалась в камышах, принятых им за спасительные. Хоть плыви-догоняй неразумного...

А птенец, вдохнув обманчивой свободы, упрямо плыл к камышам...

Он до сих пор у меня перед глазами.

...Я взял одного такого на понтоне в руки. Как цыпленок. Светло-коричневый комочек спокойно и доверчиво сидел в моих ладонях.

Дикое дитя природы. Я протянул Константину фотоаппарат. И теперь этот снимок — один из лучших в моей коллекции.

Устойчивый запах помета и нескончаемый крик не располагали к ночлегу. Да и птиц не хотелось беспокоить, и мы решили заночевать на берегу.

Это оказалось непросто. Еще на понтоне Константин определил силу волны в три балла. Мы засомневались, но он опытнее нас: пять морей за плечами. Однако все согласились, что таких волн на Волге из нас никто не видел.

Мы поплыли по самой короткой прямой к берегу, стремясь скорее туда, где камышовые заросли гасят волну. Уже метров через тридцать вещи в лодке вымокли. Наконец-то пошли по камышовой протоке. Стало спокойнее. Но тут из камыша появились трое на лодках. Явно браконьеры. Мы помешали их промыслу. Осерчав, один из них все страдал карабином:

— Всех перешлепаю!

Другие, зло поглядывая на нас, пытались его успокоить.

Мы не свернули. Так протокой, вдоль их снастей, и пошли к берегу.

— Я вас ночью перешлепаю, обещаю, — несло из камышей.

— Давай-давай, только порох не замочи, — дерзким оказался наш Юрий. — Не истявкался еще? — поинтересовался он. —

Не трогают, и сиди в кустах. Охальный больно. Набузынился, поди, с утра — троится в глазах. Не боись... нас мало...

Я видел, как он достал из рюкзака и положил в карман куртки газовый пистолет.

«Газовый пистолет против карабина? Нормально! Ай да Юрий!»

Метрах в ста от берега лодка Командора оказалась на коряге. Пока снимали, сдулся один отсек лодки. Константин быстро перехватил из лодки часть вещей и поспешно отбуксировал Анатолия в камыши от волны и коряг.

Там Командор подкачал свое судно, и мы, не останавливаясь, пошли к берегу.

Нельзя сказать, что мы причалили. Скорее, нас выбросило на берег.

Я достал фонарик и осветил: на часах — половина двенадцатого. А надо еще готовить ужин (есть хотелось неимоверно), ставить палатку.

Анатолий заартачился — ему не понравился берег.

— Там, километра через два в сторону дамбы, есть пологий мыс — мы на нем всегда ночевали.

Уговоры оказались напрасными. Когда мы выгружали и таскали вещи, он вновь подкачал лодку. Волны играли с его посудинной, как со скорлупой, пока он не начал грести.

— Я не даю «добро» оставаться здесь, следуйте за мной! — прокричал он, уже работая веслами.

— Это каприз, и он нам непонятен, мы остаемся! — ответил за всех нас Юрий.

Так прорвалось наружу сдержанное соперничество официального лидера — Командора и неофициального — Юрия.

Наш командир Анатолий опытен. К сожалению, мы неудачно начали: у него на старте случился прокол лодки. Потом, по определению Юрия, зря Анатолий поддался на мое предложение «заехать как можно ближе к истокам»: в результате мы «собрали» все мыслимые и немыслимые завалы и порядком устали.

— С ним может случиться беда, как можно? — Я не мог успокоиться.

— Ты не знаешь Командора, — отвечал Юрий.

Я же про себя подумал: «Не привезти бы в Самару утопленника...».

Действительно, связь с окружающим у Анатолия своя, особенная.

— Александр, вот тут смотрите, справа от нас, речушка впадает, маленький безымянный приток, — кричал он мне, когда мы отчалили от Бурдыгино.

Смотрю: никакой речки нет.

Докладываю Командору:

— Нет речки!

— Плохо смотришь, должна быть!

Речушка действительно была, но метров через пятьдесят. Он знает очень много по памяти. Когда был еще зрячим, зафиксировал на всю жизнь. Ведь половину из двадцати сплавов по Самарке он проплыл до того, как потерял зрение.

Помню, в первый день обронил на берегу булавку, которой застегивал карман пиджака с документами. Я искал ее и не мог найти. Он подошел и, узнав, в чем дело, тут же присел на колени и, ладонями поведя по сторонам, как мне показалось, даже не дотронувшись до песка, вмиг обнаружил ее и протянул мне булавку, как ни в чем ни бывало.

...Костя долго стоял и смотрел в бинокль. Когда он сообщил, что какая-то темная точка километрах в двух от нас появилась и, обогнув косу, исчезла, мы несколько успокоились.

— Да, выиграло у Командора ретивое, — высказался перед сном Юрий.

Мы с Костей промолчали. Не хотелось вслух обсуждать поступок Анатолия.

Борис давно был в палатке. Огонек от примуса поблескивал в его логове. Он отказался есть нашу гречку и готовил сам, как обычно.

— Еще один ненормальный, — перехватив мой взгляд, проговорил Константин. — Чудят ребята...

— Нормально, Константин, — отвечал я.

Ночью спалось плохо. Думалось о Командоре. «Как он мог переступить одно из правил: не делиться, не бросать членов команды без нужды? Но кто кого бросил? Тоже вопрос».

...Утром, часа в четыре, меня, едва задремавшего, растолкал через ткань палатки Юрий.

— Александр, у тебя топорик где?

— Не понял.

— Отыщи быстрее, те балбесы-браконьеры едут.

Я быстренько взял рюкзак, который лежал в ногах, и вылез.

«В Переволоцком нас будили перепелки, а здесь — браконьеры. Дела!»

Юрий сидел около моей палатки. В руках у него был топор, за поясом — газовый пистолет. Выражение лица вполне решительное.

— Если что, мотню тому мордастому в упор отстрелю, слово даю...

— Да ладно, кому мы нужны-то, они ночью явились бы. Вон с другой стороны машина тоже подъехала. Рыбаки кругом. — Мне верилось в разумное.

Вылез из своей лодки и заспанный Константин.

УАЗ и «шестерка» двигались на скорости прямо на нас. Мы оставались на своих местах, не двигаясь. Они были совсем рядом...

Метрах в пяти машины сделали резкий вираж вдоль палаток и рванули по бездорожью в степь.

— Ребята мирные оказались. Спокойные такие. Как наш Борис, — сказал Константин и бросил на траву осиноый кол.

— Разбуди его, — попросил Юрий.

— А зачем?

— Готовиться будем.

— Стоит ли плыть? Смотри, какая волна. Надо около пяти километров одолеть.

Действительно, ветер дул еще сильнее, чем вчера. И под обрывом рокотали совсем по-морскому волны.

— Тогда пусть отсыпается, — согласился Юрий.

Глава 11. Затянувшийся привал

И ночью был сильный ветер. Легко представить, что здесь творится зимой или осенью в непогоду.

Молоко в бутылках прокисло. Консервы и черный кофе — вот наш завтрак.

Я сижу на высоком берегу у палатки, а Константин, взяв на себя ответственность за обед, не теряя времени, приступил к его приготовлению. По-моему, Юра — повар все-таки не очень. Его фирменная шурпа?.. Я в ней ничего не понял... Посмотрим, что накухарит Решительный.

Плыть нельзя. Рыбачить нельзя.

— Надо же, так раскачало калужину, — удивляется Константин, поглядывая на волны.

Ветер и палящее солнце. На нашем высоком берегу мы, как на сковородке, Юра сказал — «как на бархане».

Увы, у меня на правой руке мозоль. Одну перчатку потерял, вот и поплатился. Вчера в горячке борьбы с волнами почувствовал, что на обеих ладонях кожа сильно затвердела и, опасаясь, что будут мозоли, стал держать весла не в кулаке, а кистями. Ладони уберег, а у основания безымянного пальца зароботал мозоль.

За спиной «степь да степь кругом», перед глазами огромное пространство водохранилища. Волны пенящимся валом обрушиваются на песчаный берег и, грозно откатываясь, урча, тащат за собой темно-коричневый песок.

Когда стоишь на высоком берегу, над тяжелой водной равниной, чувствуешь себя необычайно легким. Понимаешь, почему человек издревле мечтал оттолкнуться от земли и взлететь.

Эти первые дни похода дали столько впечатлений, что невольно начинаешь говорить сам с собой. И сейчас шепчу то ли строку стихотворения, то ли заклинание:

Самарский край, поля мои, леса и речка —

Мой с детства радостный пейзаж!

Потом кричу громко, будто это для меня самое главное сейчас:

— Я — ваш! Я — ваш! Я — ваш!

Над головой величаво плывут огромные белокипенные облака.

Голос пропадает в бездонной сини неба и огромного водного пространства. Эхо не отзывается мне. Слишком мал я и голос мой не в счет в сравнении с этой водной пустыней. То ли было два дня назад на берегу речки. Там эхо, как добрая подружка.

Замолкаю. Равнодушие простора меня не огорчает.

Сижу тихо, вспомнив слова Жан-Жака Руссо:

«Может быть, вам неважно услышать то, что я скажу, но мне важно вам это сказать».

Невольно возник вопрос, который в последнее время и дома часто преследовал меня: кто я? Не поздно ли задавать такой вопрос, когда тебе уже за пятьдесят?

Кто я — человек, стоящий на высоком берегу этого рукотворного чуда?

Я поднялся на некую вершину, став генеральным директором завода и, оглядевшись вокруг, почувствовал узость рамок, в которых оказался. Вновь начал заниматься с усердием наукой, которую, было, забросил уже совсем, — хотя внешние атрибуты есть: ученые степени, изобретения. И науки через некоторое время стало недостаточно. Запас сил таков, что требуется неизмеримо больший простор для них...

И вот теперь приоткрываю двери туда, где все так сомнительно и зыбко — в литературу.

Чего я хочу?

Славы? Нет. Это я точно знаю: уже не хочу.

Более того, начинаю понимать прелесть жизни незаметной, безвестной — в этом есть что-то древнее и цельное.

Хочу денег? Каких и зачем? Дети взрослые, у них свои семьи. Зарабатывают сами. А с собой туда, где мы когда-нибудь встретимся все, этого не возьмешь.

Чего же я хочу?

Деятельной жизни хочу. Но на каком поприще?..

Перед смертью в 1831 году, больной холерой, Гегель произнес: «Умирает единственный человек, который понимал меня, и то не всегда и не полностью».

Под этой фразой, очевидно, могут подписаться многие думающие и искренние люди.

...Если бы сейчас мне было дано выбирать заново профессию, я бы избрал ту, которая связана с путешествиями или выращиванием деревьев. Мне кажется, что это самые удивительные на земле занятия.

* * *

...Осматривая свою лодку, я обнаружил в середине днища сдир, грозящий вот-вот превратиться в большое, с кулак, отверстие.

Вчера в темноте, когда плыли от понтона к берегу, я раза два «садился» на коряги. Лодка вертелась от волн, как на приколе.

Пришлось заняться ремонтом.

Когда прикатывал заплату концом весла, подошел Юрий. Уставшее и опухшее лицо его пасмурно. Спросил:

— Александр, ты помнил, что лодка твоя без перегородок, когда кувыркался вчера на воде?

— Помнил, — ответил я.

— Перекрестился поди?

Я вспомнил одно мое наблюдение и сам задал вопрос:

— Когда Борис купается или умывается, он крестится и что-то говорит, верно?

Юрий внимательно взглянул на меня и спросил:

— Помнишь, что говорила мать, когда купала тебя или твоих братьев и сестер?

Я призадумался.

— Кажется, «как с гуся вода...

— ...так с Сашеньки худоба», то есть хвороба? Так?

— Да, — подтвердил я.

— Вот видишь, мать знала, а ты забыл.

— А что я забыл?

— Не ты один, большинство забыли, что человечество с самого рождения окружают волшебные свойства четырех стихий: Земли, Воздуха, Огня и Воды. Вода смывает с человека не только грязь. У воды своя память и своя сила. Она смывает чужеродную информацию, усталость, твою и чужую энергию. Она выравнивает ее течение в энергетических каналах тела и помогает сбалансировать биополе. Борис обязательно шепчет воде благодарность и молится, помогая воде в ее чудесном действии. И дома, когда занимается уборкой, стиркой или чисткой одежды, тоже приговаривает благодарности. У меня дома жена периодически моет зеркало в прихожей. Оно может долго «помнить» плохое настроение смотревшего в него человека, и вредить здоровью жильцов. Но самая сильная помощница человека — это проточная вода, такая, как в Самаре. Если тебе приснился дурной сон, подойди к реке и расскажи ей, вода унесет дурное.

— А в городе? Куда податься?

— Многие неосознанно вырываются к реке... А можно просто открыть кран в душевой, на кухне и поведать свои беды льющейся струе.

Я невольно поискал глазами Бориса. Он стоял неподвижно

внизу у самой воды. Было что-то неуловимое, что отделяло его от нас.

— Откуда у него это?

— Он ближе к природе. Ему это дано и он чувствует.

— А сейчас что делает?

— А кто его знает. Может, говорит с умершими родственниками или друзьями.

— Ты шутишь?

— Нет.

— Он — что?.. — Я терялся. — Он может общаться с параллельным миром?

— Да, он говорит, что спиритизм — это не шарлатанство. Я ему верю, ибо даже Менделеев утверждал, что в этом что-то есть...

— Юра, ты какой институт закончил? — спросил я.

— Я закончил три института, а живу дураком.

— Почему так?

— Как — почему? Сейчас работаю сторожем на турбазе. Таков мой итог. Сейчас многие стали сильными мира сего. Только не такие, как мы...

— И все-таки?

— Электротехнический факультет политехнического института в шестьдесят пятом году. — Он потряс бородкой и поморщился. Юрий часто так морщится и не поймешь, то ли мается язвой желудка, то ли донимает неуспокоенное тщеславие. — Был красавцем когда-то. Первый разряд по гимнастике имел. На последнем курсе стал лауреатом Всесоюзного конкурса художественной самодеятельности. Пробовал себя в качестве конферансье, в разговорном жанре, драме. Голова закружилась. — Юрий говорил неторопливо, глядя куда-то за мою спину, на воду. — Три года проработал по специальности, потом закончил Самарский институт культуры. После — ГИТИС, двухгодичные заочные курсы. Я ведь специалист по культурным мероприятиям.

Он сидел около меня так же, как я, теребя травинку в руках.

— Я вот пришел к мысли... — Он пристально посмотрел на меня. — Знаешь, к какой? — спросил он без перехода.

— Нет, — отвечал я. — Не знаю, естественно.

Он усмехнулся озорно.

— Мы все букашки, — проговорил он.

— И мы живем под чьим-то колпаком, вернее, микроскопом? — продолжил Константин.

— Верно, — спокойно ответил Юра. — Все под колпаком живем. С самого рождения. Все человечество!

— А как же роль личности в истории, великие политики, завоеватели? — продолжал разговор Константин.

— Ну, это проще: все войны на Земле и революции следуют за солнечной активностью. Человек — существо космическое, и его деятельность, по большому счету, зависит от Солнца. Когда телескопы фиксируют мощные вспышки на Солнце, люди начинают «сходить с ума». Они легко поддаются разным лозунгам, отсюда — социальные катаклизмы.

— Нам, всем россиянам, грозит не социальная, а национальная катастрофа, — сумрачно глянув на меня, обронил Константин.

— Это как эпидемия. Только психическая, а центры ее распространения, носители — люди с динамичной психикой. Такими были многие вожди: Ленин, Наполеон, Гитлер... — продолжал Юрий.

— Тебе надо преподавать в институте, столько знаешь. Позавидует любой, — подивился я.

— Чего преподавать-то, такие вот «страшилки»? Это всерьез никто не воспринимает. Маркс обосновал экономическое развитие истории и увел всех в сторону. Но есть энергетическое обоснование: человеком движет не только его воля, но и неведомые ему силы. Они рождаются в Космосе. Ученые посчитали, что смена периодов у небесного светила происходит раз в восемь-четырнадцать лет. Ну, в среднем это где-то одиннадцать и одна десятая года. Такой отрезок разделяет первую русскую революцию 1905 года — и революцию в 1917 году. Добавим к этому еще одиннадцать-двенадцать лет — получим «великий перелом» и начало коллективизации в СССР и Великую депрессию в США. А через одиннадцать лет Европа въехала в мировую войну. Точка!

Он всплеснул руками, как ребенок.

Все, о чем он говорил, было настолько неохватно!

Константин — человек конкретный.

— Ну, а дальше что? — вопрошает он.

— Если о цикличности, то все найдешь: там и ГКЧП, и де-

мократическая революция. Правда, человечество в силу своей инерции раскачивается долго. Есть некоторые сдвиги в событиях, но...

— Нет, я вообще: дальше — что?

— А-а, ты вот о чем, — миролюбиво произнес Юрий. — Отвечу. Человечество только еще приближается к пику социальных потрясений. Все еще впереди. Как у нас сейчас с тобой: и водохранилище — надо переплывать, и дамба — впереди. Мало будут открыты сливы — будем целый день грести, хорошо бы встречного ветра не было, а то и течение не поможет. Пошире откроют — будет по-другому.

— Ты, Юра, колдун.

— Нет, Костя, колдун у нас Борис, пойдй спроси у него про погоду, сколько нам еще загорать здесь...

— Я действительно пойдду, чуть подогрею — и давайте на обед, пора.

Он встал и направился к затухающему костру, поодаль от которого внизу занимался своей лодкой Борис. Оттуда уже, от костра, с расстановкой Константин проговорил:

— Юрий, ты не прав: у человечества впереди самое светлое. Оно прошло первую ступень развития самосознания, когда удовлетворяются лишь физиологические потребности. Сейчас заканчивает свое пребывание во второй ступени, когда к тем же потребностям добавилась жажда самоутверждения. И впереди у него: Богочеловеческая цивилизация, когда служение Богу, миру и людям станет главной потребностью. Это — светоносная эпоха. Мы будем ее добровольными пленниками...

— Я думаю, — отозвался Юрий, — индустриализация, в той форме, которую она приняла сейчас, вредна для человечества. Оно должно понять, что огромные города не нужны. Но для этого понадобятся века.

— Я согласен, грядет эпоха разума, понимаешь, будет господство интеллекта. Наука и культура приведут человека к природе, а через нее — к Богу. Когда человек станет патриотом всей Земли нашей — тогда прекратятся войны и распри! — уверенно произнес Константин.

— Да, — согласился Юрий. — Может, так мир и будет развиваться. Какие-то глобальные закономерности и законы к этому приведут, но через тысячелетия.

— Почему? — спросил Константин.

— Потому что глобализация, к которой мы никак не готовы, все равно наступает. Человечеству предстоит пережить ее. Но при ней не будет равенства, а значит, не каждый человек будет одинаково чувствовать себя патриотом Земли. Вот и все!

— Ты, Юрий, считаешь, что человечество движется к своему тупику? Зря! Этого никак не должно быть! — возразил Константин.

Юрий не ответил. Легонько оттолкнувшись руками, поднялся, словно вспорхнул с земли. И пошел, молча, к воде. Лицо его было сосредоточенно, будто он боялся сделать неверное движение, от которого очень многое зависело для всех нас.

«Странные люди окружают меня, — думал я. - Или они такие, какими и должны быть? Такими, какие они сейчас есть, делает их степь, вода, небо. По-другому, видимо, не может быть».

На реке многое воспринимается по-особому.

Вчера, когда в сумерках плыли под бездонным густым небом, показалось, что мерцающая серебристая дорожка реки — это магнитофонная лента и кто-то, кому подвластна река, нас всех слышит и фиксирует не только каждый разговор, но вздох, взгляд, мысль каждого из нас. Где этот магнитофон? Река — часть космического атрибута, и она служит таинственной цели? И оттуда, из Космоса, таких рек разбросано было когда-то много. Они охватили своими чуткими дорожками всю планету. И неизвестный мне собрат-землянин на далекой Миссисипи, и знаменитый артист со своей яхтой-домом, которого я встретил на Сене в Париже, все, кого я знаю из землян, все — дети Космоса, все подвластны небу? Кажется, кто-то иронично там, наверху, в Космосе, улыбается: какой же русский не попадет в плен раздумий и воспоминаний на степной дороге или когда долго плывет по реке. Да и только ли русский подвластен этой душевной истоме?

Все уже было, было. Все было и прошло... Русский человек чувствует пронзительность этого чувства в пути. И какое сердце не тронет судьба русского человека на русских дорогах!

Но отчего такая щемящая грусть? Только ли от того, что все пройдет и тебя не будет? Будет такое же, но уже без тебя, с кем-то другим, который лучше тебя, полезнее, не только людям, но всему, что есть на Земле доброго. Только ли от этого? Отчего еще? Ведь еще отчего-то?

Почему светло на душе и так грустно?!

Слишком мало отпущено человеку жить? Не успевает он, суетливый, совершить задуманное? Не успевает понять самого себя?

Наконец-то что-то, кажется, понял, а на другое — времени уже нет. И близких, и современников, с кем некогда получил в награду этот мир, все меньше.

Или оттого, что человек мал и не в силах влиять на вселенский расклад?..

Россия и ее дорога? Ее будущее? Все это тоже зависит от этого бездонного неба? Непостижимой для человеческого ума бесконечности? Или только мы, плывущие сейчас по реке, идущие в тайге по бездорожью, мы, уставшие в июльской духоте от работы, удрученные безработицей, мы, сидящие в прохладных новеньких офисах, можем свершить спасительное дело для России, для Земли, где русскому человеку было дано так много. И так щедро!

Сколько нас, русских, на своей дороге, полегло, так и не поняв, что же уготовано нам. Полегло, не остудив душу, не лишившись жгучего томного чувства дороги и себя на ней. А небо! Оно так же величаво и спокойно молчит, как и прежде... Или только так кажется? Может, где-то высоко в его глубине зреет нечто до времени, до своего космического срока? Ответ на все сразу.

* * *

В тот день на крутом берегу мы говорили с Юрием о многом.

...Уже после обеда, сидя у воды, он продолжал рассказывать о себе непринужденно и с какой-то даже легкостью:

— Павел Васильевич, отчим мой, был когда-то светлая, говорили, голова. Учился на физмате МГУ. Но сказанул что-то «не то», и их пятерых, не дав доучиться, в тридцать седьмом отправили в Сибирь. Началась и кончилась война, а он там отбыл десять годков. Такой добряк был, а во хмелю буйствовал. Советскую власть называл сокрушителем всего человечества. «Обязательно вступай в партию, иначе пропадешь, — это его слова. — Власть такая все равно рухнет. Но когда еще, жизни твоей не хватит». Маленько не угадал отчим мой: дожил. Рух-

нула, но чтой-то тоже от этого невесело. Отчим спился и умер. Успел один раз только напоследок в Москву съездить. Там у него семья была: жена и сын. Приехал, мама рассказывала, черный весь — не захотел сын его признать.

— А мама, — спрашиваю, — она-то пожила?

— Она жила до восьмидесяти лет. У нас ведь в роду все крепкие были. Дед Егор — полный георгиевский кавалер. Дед Андрей был похож на него — под два метра ростом. Мама моя целительницей была. Ходили к ней женщины со своими болезнями. Она травницей была и меня научила сбору трав. Два раза на моих глазах чуть не погибла.

— В Сибири? — спрашиваю, — в тайге?

— Нет. Была у нас еще в Бугуруслане коровенка Манюшка. Мама просила у директора мукомольного завода лошадь, чтобы привезти сено, а он не дал. Сено мама погрузила и повезла сама. Запряглась в рыдванку. Это было в сорок шестом году. Мне было-то всего с гулькин нос. Помогать всерьез не мог. На Кирюшинской горке рыдванка пошла враскат. Мама меня отшвырнула в сторону, сама бросила оглобли, но ее переехало. Раздробило обе ноги. Три месяца пролежала в больнице, выжила. Работала потом. Еще разок было такое, что вспоминать не хочется... Когда директором дворца культуры работал, вошло мне в голову, что детей надо воспитывать через этику и театр. Захотел и начал создавать «театрально-этические классы». Свободное обучение детей, понимаешь?

— Не очень, — признался я.

— Поверь, цель и способ были замечательными. Я потом узнал: оказывается, такая система была в Германии. Начали парткомы, профкомы меня заслушивать. Ринулись искать причину, по которой можно выгнать. Я и сейчас ершистый, а тогда был — не удержать! Написал Брежневу, Ильичу нашему дорожному. Прислали инспектора, долго ковырялись в чужом белье. По результатам проверки вывели: аморальное поведение. Вылетел с работы и уже больше культурой нигде не заведовал...

* * *

Когда день начинается общением с рекой, солнцем, землей, огнем, небом, на все начинаешь смотреть другими глазами.

Невольно становишься их пленником. И, конечно же, во главе всего — вода!

Ведь и по космогоническим преданиям, Земля возникла первоначально из воды в виде острова, известного под именем Буяна, на котором живут буйные, вечно деятельные силы, отцы и матери всего живущего.

В восточнославянской мифологии природы земля — женское существо. Мать-сыра земля, хлеборобица.

Любое деяние, связанное с оскорблением земли и материнства, с покушением на животворящую силу, было великим грехом; расплатой за святотатство могли быть болезни, природные бедствия, смерть.

Женскому образу Матери-земли соответствовал образ Неба-отца. Признак отцовства также надежно сохранен в славянских языках, фольклоре. Мать-земля и Небо-отец в славянском сознании — носители силы животворения. Дохристианское понятие святости, раздваиваясь в признаках мужского и женского, ведет к понятию священного брака.

Славяне придавали земле останки человека, рассматривая обряд погребения как возвращение в первородную стихию.

Наши предки считали Солнце всевидящим оком, которое строго присматривает за нравственностью людей, за соблюдением законов. А священным знаком Солнца с незапамятных времен был... крест! Прищурьтесь, глядя на Солнце, — и вы его увидите. Именно поэтому христианский крест, так похожий на древнейший языческий символ, и прижился столь быстро на Руси.

Вода была для славянских язычников исконно доброй, дружелюбной стихией. Но, как и все стихии, требовала обращения с нею на «вы». Могла ведь и утопить, погубить. Могла потребовать жертв. Могла смыть деревню, поставленную «без спросу» у Водяного, поэтому Водяной часто и выступает в легендах существом враждебным человеку. Видимо, славяне, как опытные жители леса, заблудиться боялись все-таки меньше, чем утонуть, отчего и Водяной в сказаниях выглядит опаснее Лешего.

Душа истинно русского — христианка.

А вот такое еще есть: вчера, когда обедали, Костя, спохватившись, стал искать свой складной нож.

— Я же им только что хлеб резал, он должен здесь где-то быть.

Этот ножичек его я давно отметил: крепенький в ручке, толстенный такой, с двумя лезвиями и со всякими там приспособлениями — мечта любого мальчишки.

— Потерпи, поиграет и отдаст.

— Кто? — спрашивает Константин.

— А кто взял, — спокойно ответил Анатолий. — Он все время нас сопровождает.. Он таких ножичков, наверное, еще не видел.

— Леший, что ли?! — восклицает Константин и озирается вокруг.

Анатолий в ответ только пожал плечами.

Через некоторое время свой ножичек Константин обнаружил под мешковиной, на которой была разложена наша провизия.

— Странно, — недоумевал Константин, — я же несколько раз там смотрел — ничего не было. И точно помню, что я его не складывал. А теперь он лежит смирно, свернувшись маленьким зверьком, поджался.

— То-то и оно, — веско и неопределенно высказывается Юрий, сам похожий на Лешего.

...Я вспомнил: в моем детстве, когда что-то пропадало, дед всегда посмеивался:

— Отдаст, погоди...

...А двумя днями раньше, когда Юрий стоял с удочкой у воды, я заметил, что он временами совсем не смотрит на поплавок. Я сказал ему об этом.

— А я нарочно не смотрю: стоит только отвернуться — рыба клюет. А так — нет.

Глава 12. Сорочинский переполох

Наконец-то волны попритухли, и мы решили отправиться через водохранилище к дамбе.

Было около семи часов вечера. Я накачал резиновый матрац и расстелил его на дне лодки. Когда только отчаливали, волна захлестнула через борт. С полведра воды оказалось в моей лодке. Начало не очень удачное.

Порой не плыли, а делали все возможное, чтобы нас не сносило назад.

Несмотря на то, что было пасмурно, жажда одолевала нестерпимо. Часто пили. Болели руки. Вторую перчатку мне дал из своего «нз» Константин. Не только ладони горели, болели фаланги пальцев. Часто приходилось на ходу их массировать, иначе они становились непослушными.

Наконец-то на левом берегу на фоне бордово-красного неба вначале появились мутные очертания города Сорочинска, а потом прямо по курсу — и угрюмая дамба.

Солнце, пока шли по водохранилищу, не показывалось. Рваный ветер и тучи, вот-вот готовые разразиться грозой либо сильным дождем, преследовали нас.

Но одно преимущество все же было: глубина и отсутствие коряг.

На всем протяжении нашего перехода никого на водохранилище не было. До берега в любой конец — не менее двух-трех километров.

Мы пробыли на воде пять часов. Крепыши Константин и Борис меня не беспокоили. Но как выдержит Юрий? Низкорослый и худенький, его порой не видно из-за ярко-красного рюкзака в лодке.

Потом на берегу я узнал, что у него есть маленькие хитрости, которыми он продуманно пользуется. Он дозаправляется, так сказать, на ходу и постоянно. На рюкзаке, который лежит на носу лодки, он укрепляет мешочек со смесью очищенных семечек, сухариков, урюка, кураги и другой разной съедобной мелочи. А рядышком — термос с чаем из набора трав.

— Поклюю на ходу и не жу-жу, — пояснил он на следующее утро, когда мы были уже по ту сторону дамбы.

Я перенял этот опыт, и стало намного легче. Юрий выделил каждому из нас часть своего запаса. У него оказался увесистый мешочек с этим «кормом».

...Со стороны большой воды подходящей площадки для ночлега не было. Кругом бетон. Решили перебраться на другую сторону дамбы и там переночевать.

Ночь была темная, сырая и малозвездная. Дамба освещалась тускло. Как гусеница, она растянулась от берега до берега.

Слив воды, хотя и небольшой, но был. Непривычный глухой шум стоял окрест. Споткнувшаяся об эту огромную бетонно-металлическую гусеницу, своевольная, степная, вечно юная Са-

мара изменилась; исчезло очарование, которое исходило от нее. Став огромной, потеряв на время свое имя и обретя непривычное, птичье — Сорочинское водохранилище, она стала похожа на старуху. Крепкую, устоявшуюся в своих капризах и нраве.

Машинный запах, тусклый свет, однообразный и нудный шум потока воды через слив, похожий на старческий голос, определенность и размеренность взятой в рамки жизни — все было уже не то. Где-то там, на дне водохранилища, была река Самара. От нее шел свет. Русло ее, казалось, просвечивало из глубины, как солнечный лучик из детства в жизни старого человека.

...Откуда-то из тьмы появился Анатолий. Будто мы и не расставались, спросил:

— Вы еще не перенесли вещи?

— Вот собираемся, — отвечал Константин.

— А я две заплатки наложил днем, лодка моя теперь надежна.

Все, кроме Юрия, пошли за его снаряжением. Туда, где причалил немного левее нас Командор.

Костя не выдержал:

— Командор, все нормально было?

— Конечно. А что может быть ненормального? Лодка, правда, сдувалась. Раз пять подкачивал, а так — все в порядке. — Он говорил буднично и спокойно, наш Командор.

...Ночевали недалеко от дамбы, метрах в пятидесяти от слива — на песчаном берегу.

Ночью было холодно. Надел на себя все, что было с собой. Все равно не помогало. Сказывалось то, что многие вещи были мокрыми. И стоянка случилась в низине, где большая влажность. Мы это почувствовали еще вчера, но сил перетаскивать вещи дальше уже не было.

Около четырех часов утра стало невмоготу. Так промерз, что стучали зубы. Встал, нашарил в рюкзаке бутылку водки, с необычной поспешностью сделал два глотка и быстро нырнул в спальный мешок.

Через некоторое время согрелся. Но спать уже не хотелось.

...Надоело лежать, и я вывалился из палатки. Было половина шестого. Самое любимое мною время на реке.

Туманная пелена покрывала воду. Река нехотя, разнеженно освобождалась ото сна.

Пройдя с десятков шагов, обнаружил чистый, прозрачный

ручеек, выбивающийся из песчаной толщи в метре от воды. Тихо журча по мелким гольшам и крупному речному песку, сокрытый от посторонних глаз камышом, течет мальш в большую реку умиротворенно и потаенно. Он словно иллюстрация к старинной мудрости: «проживи незаметно». Сколько таких родников-ручeyков питают Самару на ее пути к величавой Волге! Тысячи? Наверное. И редко кому из них выпадает имя. Так вот живут они безымянными... в согласии с собой и своим предназначением.

...Я потрудился всего-то минут пять, сооружая на пути родничка углубление величиной с большую чашу, оставив выход к реке. В чаше тут же собралась таинственная, пришедшая неведомо откуда, из близко-далека ли, влага. Вначале она была мутновата, но песчинки вскоре улеглись либо унеслись в большую воду. И вот уже родничок ясным своим оком глядит на меня. Глядит так, что я чувствую на себе взгляд всей притихшей, затуманенной округи. Все окрест будто решает: кто я и какой? Зачем я на этих берегах?

Пью прохладную воду из светлого бочажка. Ломит зубы. Из водицы, когда нагибаюсь напиться, смотрит на меня, словно уже и не я, а другой, незнакомый мне человек.

...Когда вернулся к палатке, в котелке уже что-то булькало.

Я поторопился на дамбу. Хотелось посмотреть на Самару сверху при дневном освещении.

...С пеной и бурунами вырывается река из бетонного плена. Утробные звуки исчезают только метрах в пятидесяти ниже по течению от слива, превращаясь в синюю спокойную гладь. Вновь мне показалась степнячка-река ящерицей, ускользающей из случайного плена. Стало радостно и свободно на душе: то ли от высоты дамбы, позволившей увидеть шире и дальше окрест, то ли от моего наивного сравнения реки с ящерицей, которое понравилось мне...

Я смотрел на реку, облокотившись на синенькую металлическую оградочку. За спиной шипела широкими волнами, лизавшими серый бетон, водная гладь. И она вновь показалась мне древней гневливой старухой, к которой все давно потеряли интерес. Так, очевидно, во мне протестовало мое «я» после того, как пришлось почти сутки ждать спокойной воды на высоком степном берегу.

...Я подошел к будке сторожа. Она оказалась заперта. Дежурного обнаружил у притопленной лодки за дамбой. Вычерпывая воду из лодки, он жаловался:

— Такая волна была эти дни, нахлестало... Редко так бывает.. Я постоял недолго и вскоре ушел.

Спускаясь по дамбе, спугнул невольно стайку голубей. Все разлетелись, а две пары, которые были чуть в сторонке, остались на месте. Им до меня не было дела — голуби целовались.

Одна голубка все отходила в сторону, но не улетала, и ее любовник клювиком настойчиво прорывался в ее изящный ротик. У другой пары было полное согласие: и он, и она самозабвенно целовали друг друга. Ветерок сносил их с наклонной части дамбы, но они согласованно так, вместе, не разъединяя клювиков, карабкались наверх. Целовались страстно и продолжительно.

Этих целующихся на утренней заре голубей я долго потом помнил...

* * *

...В воскресный день на воделюдно. Кто купается, кто рыбачит. Несколько раз спрашивал, что ловится. Показывали соложку, подлещиков.

Течение реки плавное.

Миновали три моста: один низкий, понтонный, два автомобильных, высоких.

Чтобы избежать сумятицы в строю, которая была, когда подходили к Сорочинскому водохранилищу, договорились впредь держать на воде порядок: первым идет Юрий, он и не новичок в походе, и зрячий, вторым — Константин, третьим плыву я, а затем уж — Борис. Замыкает строй Командор. Условились — необходимые сведения по цепочке передавать ему. Последнее слово — за ним. Казалось бы, это разумно: рвущегося постоянно вперед Константина, у которого силенок и выносливости хватало постоянно рыскать взад-вперед, ставили в один ряд с нами. Желаящему лидировать Юрию мы определили место первого. Но управление движением оставляли за Анатолием, делая его более «зрячим» нашей информацией. Все наконец-то становилось по своим местам. Появилась слаженность в движении и некая стройность.

Так мы подошли к четвертому в тот день на нашем пути мосту. Место красивое: большой железобетонный мост, по обе стороны песчаные берега. Много ребятишек. Кто ловит раков, кто балуется около воды. Течение под мостом стремительное и неровное.

Я ткнул нос лодки в камыши, метрах в тридцати от моста, намереваясь заменить пленку в фотоаппарате и запечатлеть момент прохождения под ним. То, что случилось в следующие минуты, ошеломило. Приблизившись к опоре метров на пять, Юрий остановился. Было видно, как он с трудом удерживает лодку в сторонке от рвущейся под мост стремнины.

В это время туда прямым ходом устремился Константин. И произошло странное: лодка вырвалась из-под него и в потоке ушла вниз по течению. Константин с фотоаппаратом на шее пропал в бурунах.

В следующее мгновение тоже самое произошло и с Юрием, с той лишь разницей, что лодка его, после того, как он оказался в воде, перевернулась.

Ничего не понимая, вижу, как под мост, захваченная быстрым течением, несется и лодка Бориса. Кричать бесполезно. Поток неудержимо влечет лодку.

Борис, очевидно, крепче всех сидел в суденьшке: лодка на миг приостановилась на самом гребне потока. И тут же взмыла вверх, встав на «дыбки», как необъезженный или очень резвый жеребец. Седок выпал. А лодка, словно дельфин, вертикально, свечкой, зависла в воздухе.

Среди ребятни звучали непонятные крики. Бабий истошный голос панически и громко спросил:

— Что же вы делаете, ироды?

Мы подплыли с Анатолием ближе, и все стало ясно: между опорами моста в полуметре над водой ребятишки натянули толстую проволоку. Балуюсь, преодолевали по ней бурный поток.

Спокойно проплыв под соседним пролетом, где не было такого течения, мы причалили сразу же после моста.

Постепенно все, что можно было, выловили и сложили на берегу.

Константин недоумевал:

— Поток оказался очень сильным. Когда увидел в последний момент проволоку, схватился обеими руками за нее, ста-

раясь приподнять над головой и поднырнуть под нее, но не получилось.

— А я и схватиться не смог, только лицо успел закрыть руками, — досадовал Юрий.

— Зачем же поплыл?

— Да удержать лодку не мог, утянуло течением.

Больше всех перепало Борису. Разумеется, он вообще не видел проволоки, которая пришлась ему поперек груди, и у него возникла сильная боль в ребрах, чуть ниже левого соска. Ему было трудно дышать, но пойти в город к врачу он не захотел.

— Ладно, — наконец соглашается и Анатолий. — Не надо ему ко врачу.

Я протестую: Сорочинск рядом, почему бы не сделать этого? Вопросительно смотрю на Командора.

Тот поясняет:

— На нем, как на собаке, все заживает.

Что оставалось делать? Я замолчал. Довод какой!..

— Я вынырнул, — нервно усмехаясь, говорил Юрий, — а они оба, котелки-то, плывут рядышком. Я хватя их — и на берег. Не пропадем теперь, есть в чем варить.

Он лихо забарабанил по дну котелка.

— А рюкзак, — спрашиваю, — как он цел остался?

— Привязан был к сиденью. У меня все привязано, кроме котелков этих. Все мокрое, но цело. Фотоаппарат жалко вот..

Намок цифровой аппарат и у Константина. Уплыла панама, которую я ему подарил перед походом.

У Юрия обнаруживаются на левой ноге два ушиба и кровоточащая ранка чуть выше щиколотки.

— Не помню, откуда они взялись, — сказал он, — в суматохе не почувствовал.

— Топорик! — вдруг восклицает Борис. — Топорик утопился! На дне лодки в тряпке лежал завернутый!

— Утопился? — повторил Юрий и начал хохотать. — Хорошо, что ты топориком ко дну не ушел! — И вновь залился смехом.

Вслед за ним все смеются. Кроме Бориса, ему непонятно, что с нами.

— Тут не достанешь топорик, — деловито сказал белобрысый пацан, один из подошедших поглазеть на нас. — Тута семь метров глубины, мы с Димкой зимой измеряли. Ямина такая...

Пока потерпевшие сушили вещи, мы с Анатолием пошли за хлебом в Сорочинск. Не спеша поднялись от речки на пологий берег и оказались на уютных затравевших улочках городка.

Не сразу нашли здание главпочтамта. Попробовал позвонить домашним. Ни жены, ни дочери дома не оказалось, пришлось звонить в диспетчерскую одного из заводов, на котором я когда-то работал. Узнавший меня по голосу диспетчер пообещал передать домашним, что дела мои идут нормально. Это была вторая, после Гамалеевки, попытка сообщить о себе.

Нашли мы и хлебный магазинчик. Купили пять булок белого, а рядышком в колонке набрали три пятилитровых канистры воды. Струя била упруго.

— Радоваться надо: впервые такая вода! — говорил Анатолий, вытирая подолом длинной майки мокрое от пота лицо. И эта длинная майка на щупленькой фигурке, кепка с огромным козырьком, и остроносое лицо делали его похожим на маленькую бодренькую птичку. Скорее всего, на трясогузку.

Заслышав неожиданно напористый, часто с непререкаемыми интонациями голос, прохожие невольно поворачивались в его сторону.

Мы возвращались, и я жалел, что, находясь в этом новом для меня городе, так мало знаю о нем. И с этим ничего не поделаешь! Не просить же первого встречного рассказать о городе на улице в сорокаградусную жару.

«Прости нас, Сорочинск! Мы обязательно вернемся к тебе, не на «резинке», а посуху. И познакомимся ближе», — пообещал я мысленно. Невольно вспомнились похожие малые города, в которых бывал. Их я насчитал больше десятка. Восемь — в Самарской области: Жигулевск, Кинель, Октябрьск, Сызрань, Нефтегорск, Новокуйбышевск, Похвистнево, Чапаевск. Россия теперь одна из наиболее урбанизированных стран мира. Горожан у нас к концу XX века стало около семидесяти процентов. И половина живет в малых и средних городах. Эти города должны выжить и быть экономически самодостаточны. Если таковыми не станут, какое будущее ожидает Россию?

Если все роднички, питающие реку, начнут пересыхать, что станет с рекой? Ответ очевиден.

Глава 13. Волчья падь

Мы отплыли километра два вниз по течению от злополучного моста и остановились на правом берегу на ночлег. Расстелили и развесили непросохшие вещи. Живописная это была картинка.

Наскоро поев картошки с рыбными консервами, стали укладываться. Поглядывали невольно на шумливую группу разбитых молодых ребят, приехавших на двух ЗИЛах на реку купаться. Перспектива остаться без вещей и лодок не устраивала.

Где-то около двух часов ночи шумной компании не стало, а под утро начался сильный дождь. Все, что до того высохло, к рассвету оказалось вновь мокрым.

Меня удивило спокойствие спутников, с которым было принято это обстоятельство. Решили: пока все не высохнет, с места не трогаться. Сушиться так сушиться! Но ведь наше-то с Анатолием имущество все сухое. Целый день сидеть на якоре?

Я подошел к Юрию, и мы начали поочередно выжимать вещи. Расстилали их тут же у лодки. У него оказалось с собой несколько записных книжек и тетрадей. Некоторые, несмотря на то, что были в полиэтиленовых мешочках, промокли, и написанное покрылось чернильными разводами.

— Что это? — спросил я, взяв толстую тетрадь.

— Мои стихи. Я ими изваракал три таких тетрадки.

— Можно почитать? — спросил я.

— Читай, раз взял, — как мне показалось, нарочито небрежно обронил Юрий.

Я отошел под развесистую ветлу и в тени ее раскрыл тетрадь.

Странно. Живой и изобретательный в жизни, Юрий в стихах оказался скован и однообразен. Большею частью в них — о том, как было худо до перестройки и как стало еще хуже после нее. Природы нет вообще. Лиризма нет. Зачастую и рифм не было. Но все написано аккуратными столбцами. Как бы выпестовано на бумаге красивым, уверенным почерком.

Нашел я две живые строки на всю тетрадь:

А для меня мое Кукушкино,

Как когда-то Болдино для Пушкина.

Мне стало скучновато с толстой тетрадью наедине. И тут в

разложенной подмоченной «библиотеке» я увидел крохотную книжечку, величиной не более чем в четыре спичечных коробка. На супер-обложке ее зрела высокая рожь и разнеженная от полуденного марева дорога, делаая крутой изгиб, ныряла в золотое море.

— Бунин?! — удивленно и радостно прочел я вслух.

— Да, Бунин, — ответил Юрий. — И нисколько не намок!

Я взял сборничек, и с первой же страницы пахнуло волшебством:

И цветы, и шмели, и трава, и колосья,

И лазурь, и полуденный зной...

Срок настанет — Господь сына блудного спросит:

«Был ли счастлив ты в жизни земной?».

И забуду я все — вспомню только вот эти

Полевые пути меж колосьев и трав —

И от сладостных слез не успею ответить,

К милосердным коленям припав.

Я посмотрел на дату под стихотворением — 14 июля 1918 года.

Боже мой, более восьмидесяти лет назад, в лихие для Отечества дни, оглушившие Россию и надолго вперед, поэту дано было так слышать живую душу природы.

Я подошел к реке. Она тотчас приняла мою тень и вода ее, приветливая и светлая, поманила ступить босыми ногами на мягкое дно. Тут же почувствовал чьи-то легкие прикосновения к ногам. Пошевелил пальцами песок и прикосновений стало больше. Нагнувшись, легко различил стайку бойких пескарей, промышлявших на мели. Река купалась в утреннем свете. Вокруг была бездна света. Сияние чистых и светлых красок.

«Любовь, способная преобразить человека и приблизить его к Богу, спасет мир», — эта мысль всплыла во мне неожиданно, казалось, безо всякой связи с чем-либо.

— Любовь спасет, — вслух сказал я и непроизвольно оглянулся.

Юрий копался в своих мокрых бумагах, а Константин стоял вполоборота ко мне и просветленно смотрел на реку. Показалось, что он меня услышал. Иначе почему так улыбнулся?

Я вспомнил, как убежденно говорил он в прошлый раз о том, что скоро человечество подойдет к такому этапу своего раз-

вития, когда любовь к Богу осветит и дела, и жизнь человека особым светом. И этот светоносная эпоха изменит планету. Он тоже думал об этом. Он постоянно думал, поэтому и услышал меня. Мне было радостно за него...

Я вернулся в тень могучей ветлы. От крупной, растрескавшейся ее коры шло тепло.

* * *

В отличие от Юрия, постоянно готового пофилософствовать, Анатолий в своих рассказах чаще всего поучает. Говорит только о том, что сам испытал.

— В прошлом году во время ночевки около Волчьей пади под Николаевкой к нам на огонек заглянули волки, колонизировавшие тутошний лесок, — проговорил Командор. — Бывальш Боря, наплевав на такое соседство, выдавал в палатке храпака. Юра, беспокойно наблюдая за мечущимися темными силуэтами, выкладывал круг из пылающих головней.

Я смотрю на Юру. Он, кажется, не слушает Командора.

— Будучи уверенным в миролюбии серых лохмачей, достал из сумки горбушку хлеба и протянул им. Парочка непрошенных гостей, прохаживаясь рядом, усиленно пыхтела носами. Я подогревал их уговорами: «Волчок, не робей».

Я вновь смотрю на Юру вопросительно. Похоже, Командор привирает. Но тот молчит.

— А Юра, — спрашиваю, — что делал в это время?

— Дрожал, убежденный, что хищники предпочтут хлебу сырое мясо, — последовал ответ. — Наконец-то любопытство туземцев пересилило недоверие, — продолжал Командор. — Подношение было принято, и в кустах зачавкали...

— А где же эта Волчья падь? — поинтересовался я.

— Скоро будет, недалеко от Николаевки.

Мне хотелось увидеть волков.

...Позже у костра Юрий рассказывал нам свои «бывальщины».

— Волк — зверь особый, а вот медведь — глупейшее животное. Добывать его легко. Многим охотникам, которых знал в детстве в Сибири, это даже было неинтересно. Волка добыть — совсем другое дело.

— Потому-то ты головешками и обкладывался, чтоб по-дальше от интереса быть? — сказал Константин.

— Просто знаю, что с голоду волки могут напасть и на человека, а если зверь бешеный, тем более, — спокойно возразил Юрий. — Я знал одного волчатника, который не стрелял волков, а душил их.

— Да ладно, — Константин удивленно смотрит на Юрия. — Ведь волки бывают иногда до шестидесяти килограммов, а в среднем около пятидесяти. Если такой зверь бьет передними лапами в прыжке — человек не устоит на ногах.

— Во всяком деле есть тонкость. Авдей бил палкой волка по самому кончику носа, где у серого больное место, и пока тот был в болевом шоке, бросался на него и душил своими лапками. Шкура такого зверя совершенно целехонька! Охота на волка — дело иногда изнурительное. Большие клыки и мощные челюсти позволяют ему умертвить даже таких крупных животных, как взрослый лось или лошадь. За сутки зверь перемещается на десятки километров. И он может оставаться по нескольку дней без пищи. Умный. Я видел проволоку у капканов, раскрученную волками. Когда волк отравится, отпрыгивает пищу и промывает желудок в речке.

Слушая Юрия, я вспомнил о своём.

Однажды в березовом лесу мы с дедом видели волка. Я удивился: он был похож на обычную собаку. Хвост у него был большой и почти прямой. Я видел, как он смотрел на нас. После этого взгляда ни с какой собакой волка я уже спутать не могу.

Дня через три тогда, после встречи с волком, дед и мама уехали в село. Меня оставили на сенокосном стане одного. Всего на один день. Мама должна была остаться дома, а дед — вернуться.

Дед накануне, когда ложились спать под рыдванкой, сказал:

— Мы уедем рано утречком на Сером, а тебе в охрану оставим Карего. Ружье под сеном в рыдванке. Там в стволе два патрона, один можешь в сороку пальнуть. Спи, не волнуйся. Всем ехать на двух подводах или одну оставлять без присмотра не резон.

«А как же с волком?» — хотелось спросить мне. Но я так и не решился, подумают, что трус. Ведь и так все сказано: ружье и мерин Карий будут со мной. Чего еще?

...Я проснулся, когда было уже светло.

К утру прошел небольшой дождь. Я лежал под рыдваном с сеном, укрытый огромным тулупом. Дождь мне был не страшен.

«Все уже кругом проснулось, — подумал я. Тут же кольнула мысль: — И волк, наверное, где-то здесь рядом».

Редкие капли дождя падали на мой тулуп, из-под которого не хотелось выбираться. Казалось, он — неприступная защита. Наружу торчала только моя голова.

Синичка спорхнула с ветки краснотала и села на мокрый тулуп. Я перестал моргать, руки мои были под тулупом. Синичка с любопытством посмотрела на меня и затенькала свое.

«Пусть она подумает, что я какое-нибудь дерево, а то рас-
трезвонит, что тут живой мальчишка. Волк услышит, — подумал я. Они тут в лесу заодно все. И птицы, и звери. Не дам себя объеменить!»

Синичка прыгала-прыгала и припрыгала почти к самому моему носу, мне даже плохо стало видеть все остальное.

«А вдруг в это время волк крадется? — мелькнула мысль. — А что, если клюнет птичка в глаз, да еще в правый? — заволновался я. — Стрелять как потом буду?»

Я незаметно набрал в легкие воздуха и сильно дунул на синицу — она испуганно метнулась в сторону.

— Так-то вас, лазутчиков, учить надо, — сказал я вслух, сам уже поверив, что птичка может быть разведчицей. Мои десять лет заставляли меня быть проницательным. Не маленький.

Я вылез из-под тулука, достал нож, отрезал кусок соленого желтого сала и водрузил его на горбушку хлеба. Дождя уже не было. Природа ликовала. Омьтые дождем посвежевшие таловые кусты, осиновые и березовые колки вокруг и остроконечная гряда темного сосняка вдали — все было обласкано утренним солнцем. Радоваться бы...

Но мешало присутствие волка где-то в лесу...

А тут еще начал кричать неугомонный дергач. Однообразие дергачьих звуков в уреме подтолкнуло меня к действиям.

Хотя я и знал, что это кричит маленькая, серая, безобидная птица, становилось не по себе. Почему она так по-особенному сейчас кричит? Долго и нервно.

Я нашарил приклад и достал из рыдвана двустволку.

«Дед, наверное, не знает, что я еще ни разу не стрелял. Он думает, мне дядька Сергей или Алексей давали...»

С большим трудом, налегая ладонью, взвел правый курок.

«Пусть сунется зверюга, попробует...»

И тут возник вопрос: на какой спусковой крючок нажимать? Ведь можно потерять время. Нажмешь на один, а взведен другой. Не долго думая, я взвел и второй курок.

Послышался топот. Это явился стреноженный Карий.

«Странно, он хочет что-то сказать?»

Мерин мотал головой, будто соглашаясь с моими мыслями.

Я подошел, глаза его были облеплены мошкаррой, а на лбу сидели три большущих слепня.

...Полведра воды, которое я ему дал, он выпил в один миг и, кажется, успокоился.

Стало скучно и захотелось стрельнуть, тем более, в осиннике стрекотали сороки. Я пошел к леску.

Но птицы оказывались проворнее, они не подпускали близко. Перелетали с одного дерева на другое. Я обошел три колка и не мог выстрелить. Наконец, смекнув, как надо действовать, оборудовал лежанку недалеко от двух высоких осинок и стал схоронившись, ждать.

...Пока жал на тугой спусковой крючок, сорока вспорхнула. Я дернулся, приподняв ружье с кочки, и сорока удалилась невредимой. Промач не обескуражил. Чуть побаливало плечо от дернувшегося приклада при выстреле, но разве это — главное?

Второй патрон решил беречь, так ведь определил и мой дед. Снова захотелось есть, и я пошел к стану. В котелке должна была быть картошка «в мундире».

Когда прибыл дед, я спал.

— А я был у Янина в гостях в Крепости. Они передали тебе творог и молоко. Прямо из погреба, все еще холодное. Будешь? — говорил он. Осмотрев ружье, спокойно спустил курок.

— Буду, — обрадовался я.

— Ты в миску положи творог, налей молока и кроши хлеба, с моченками веселей хлебать будет..

— Знаю, — отозвался я, — это не сало резиновое есть.

— Вот-вот, — согласился дед. — А волк-то, чать, не приходил? — спросил дед то ли в шутку, то ли всерьез. — Пальнул-то в кого?

— Нет, не приходил, — подтвердил я, гремя бидончиком и кастрюлей у фургона, — в сороку промазал.

— Сорока — не волк, в нее трудно попасть, — определил дед. — А волк правильно сделал, что не приходил, ему бы не поздоровилось, — сказал он уже из-за кустов, куда он повел Серого. Было непонятно: всерьез он говорит или так...

— Известное дело, — согласился я.

Было слышно, как дед засмеялся.

Мне тоже стало весело. У кого еще есть такой дед?!

Глава 14. Под Николаевкой

...Место, которое Анатолий назвал Волчьей падьью, — большая низина, окаймленная рекой и лесом. Под косогором большие и ухоженные огороды. Недалеко село.

Пошли туда за водой. Напротив колонки возводят дом. Газ уже подведен. Все делается добротно, с размахом. И туалет, и ванная уже готовы. Люди строятся! Значит, верят в будущую жизнь.

После приветствия спрашиваю:

— Кто сейчас в селе живет?

— Приезжие, — отвечает чернявый. — Местные все повымерли давно.

— А где вы работаете?

— Нигде, где здесь работать? Огороды, скотина — вот вся работа.

— Значит, все-таки есть, чем жить?

— Летом еще можно, а зимой кормить скотину нечем, — это говорит, не поднимая головы, тот, который внизу, широкоплечий здоровяк.

— Как так? — удивляюсь я.

— Так вот, — неопределенно отвечает чернявый.

— А молодежь-то есть? — все еще недоуменно глядя на собеседников, продолжаю спрашивать я.

— Молодежь есть, — отвечает чернявый, — вечером появляются, а днем больше пьют.

— Кругом такая травища, — говорит вполголоса Анатолий, — а им нечем скотину кормить, чудно! — Помолчал и добавил: — Приезжие. Не умеют жить крестьянской жизнью. Не обучены с детства. Цены не знают тому, что вокруг.

Появился Константин с пучком лука. Оказывается, он уже и молока в соседях попил, и поговорил, с кем мог.

Мы забрали канистры с водой и пошли вниз к реке.

«Деда бы моего сюда, — думал я. — Он бы развернулся».

...Светлей на душе стало, когда у самой воды встретили деловитого пацана. Одет в синенькую маечку и короткие штаны, одна из штанин порвана по шву.

— Приезжий? — спросил я с ходу.

— Какой приезжий? — не понял рыбачок.

— Ну, ты откуда?

— Живу тута.

— В школе учишься? — поинтересовался Константин.

— В первом классе.

— Звать-то как? — спросил Командор, удивленно глядя, как мальчишка ловко вынул из воды небольшой экранчик из сетки, в котором трепыхались сорожка и рак.

— Митя, — подозрительно поглядывая снизу вверх, отвечал тот.

— Ты не бойся, мы у тебя ничего не отберем, — поторопился я его успокоить.

— А я и не боюсь. Много вас тут туристов всяких...

— В классе-то твоём сколько ребят?

Он посмотрел на меня в упор большими синими глазами, и я поймал себя на том, что будто разговариваю не с мальчишкой, а сразу со всем меня окружающим здешним миром. В этих глазах отразилось и соединилось, кажется, все живущее окрест. И он — маленький, но полномочный представитель всего. И никак нельзя обидеть его.

— С девчонками вместе одиннадцать.

Не обращая внимания на наши удивленные лица, поднял проворно из травы второй экранчик с крупным карасем-сивачом и зашагал независимо по тропинке вверх.

— Ничего себе, — удивился Константин. — Мы бреднем ночью бродили — три сорожки поймали, а он, как в магазине...

...Митька, Митька! Такое чувство, будто мы не так говорили с тобой? Или совсем не о том говорили...

* * *

Ночью мы с Константином рыбачили бреднем под Николаевкой на хорошем таком, облюбованном с вечера песчаном

мыске. Поймали всего ничего: одного рака, окуня и трех со-рожек. Уже сидя у костра, много позже, слышали, как шумел на отмели быстрый стайный подуст. Но лезть вновь в воду не хотелось.

Добычу я использовал в качестве живцов, и пять донок на том берегу простояли всю ночь.

Когда рыбачили, было холодно до дрожи. Даже голова мерзла. Потому, очевидно, и не выспались. Результат: утром Константин оступился в лодке и упал в воду, уронив туда второй свой фотоаппарат.

Такие мы имели обретения и потери у Волчьей пади.

Утром проверил донки — выпала удача: на рака взял голавль. Небольшой, около килограмма весом, но так радостно было на него смотреть. Все донки были поставлены в одном месте, у обрывистого берега, с расчетом поймать сома. Но попался голавль. На какую только наживку ни ловили мы голавля в детстве! Но чаще всего — на рака и майского жука, лягушат, рыбку и навозных червей. Теперь я знаю: он берет и на хлеб, зерна пшеницы, риса, гороха, на вареный картофель, кузнечиков, пиявок, мучного червя, сыр. Я слышал, ловят голавля даже на вишню.

Обычно голавль, став добычей, неистовствует, мечется на удочке в разные стороны. На поверхности воды он, как молния.

Но «мой» голавль, очевидно, попался давно и уже притомился. Леска была толстая, так что я удачно вытащил добычу.

Правда, в самый последний момент он показал норов. Голавль упорно и долго держался на дне, я же не спеша, но настойчиво понуждал его выплывать. И вдруг он ходко пошел со дна прямо на лодку и через секунды оказался у самого борта так близко, что мне еле удалось вовремя задействовать сачок.

...До чего же красив голавль! Он пружинисто бьется рядом на мокром песке, и мои спутники смотрят на рыбу. Спина у него темно-зеленого цвета, почти черная. Его бока с серебристым и желтоватым оттенками в детстве нас, мальчишек, гипнотизировали. Мы часто наблюдали за стайками с крутого берега, либо с моста.

— Смотрите, у этого красавца края чешуек оттенены мер-

цающей темной каймой из черных точек. Грудные плавники — оранжевые, а брюшные — красноватые. Франт!

Юрий водит пальцем по притихшей рыбине. Рыба смотрит на нас большим, блестящим, с буровато-зеленым пятном сверху глазом.

Юрий уже выстраивает свою аналогию исторического свойства. Просто так ему скучно:

— Знаете, — говорит он, постукивая остороженько ноготком указательного пальца по широкому лбу голавля, — когда-то, кажется, в шестнадцатом веке, жил один император. Он так восторгался природой! Так любил ловить рыбу удочками, что при первой возможности убегал из роскошных хором и ночевал в шалаше на берегу реки. Я его, ой как, понимаю!

— Конечно, — соглашается Константин. — Чего там сидеть во дворце среди сундуков с добром? Одной моли и пыли — не причихаешься.

— Да подожди ты, — продолжает Юрий. — Дай самое главное сказать.

Голавль, резво толкнувшись, видимо, из последних сил, подпрыгнул и упал Анатолию в самые ноги. Тот ласково, ладошкой, стал поглаживать его.

— Вот этот император, как только ему попадалась рыба, легонько снимал ее с крючка, вешал на грудные плавники жемчужное ожерелье и отпускал обратно в воду. Ни разу не обошел дорогим подарком ни одной рыбы, — продолжал Юрий.

— Мамаши с папашкой у этого императора не было, но жена-то была? — спросил Константин.

— Ты о чем? — поинтересовался рассказчик.

— Как — о чем? Деньги на ветер, вернее, в воду бросал правитель твой. А у него дети, подданные... Он — разоритель империи.

— Да у него богатство было немеренное. В сундуках жемчуга было больше, чем зерна в закромах.

— А-а, так бы и сказал...

— Я тебе, голова, о чем толкую? О том, что император не заврался, не загордился, что он такой всемогущий. Он считал, что самая магическая сила на земле — красота озер, рек, морей. Рыба — олицетворение совершенства и гармонии.

— Давай, Юра, — ласково начал Константин, — давай твои

часики с браслетом пристроим голавлику нашему на туловище и пустим в водичку-то. Пусть потикают. Они водонепроницаемые?

— Костя, ну что ты, ей-Богу? Ну, нету же у Юры такого, чтобы сундуки дома были набиты часиками и браслетами. Ты его с кем-то путаешь, — возразил Анатолий.

...В это утро собирались долго. В десятом часу наконец-то отчалили... Встреча с волками не состоялась. Не было волков.

— Значит, в следующий раз, — пообещал Командор.

Прошли металлический мост. Очень низкий. С трудом протиснулись под железным настилом. Миновали по правую руку приток Самары — Малый Уран. Где-то у села Тоцкое должна впадать речушка Сорочка. Мы ее ждали, но проскочили, не заметив...

* * *

...Кроме волка, мне давно хотелось увидеть дрофу и стрепета. Дрофу я один раз видел в детстве: мой старший дядька Алексей добывал ее. Однажды я пришел из школы и увидел огромную птицу, лежавшую посреди комнаты на полу. Меня поразили ее размеры и, помню, большие желтые зрачки. Странные были у этой птицы ноги: толстые, со светло-серыми чешуйками и на каждой ноге — всего по три пальца.

А стрепета я никогда не видел, хотя много слышал об этой птице.

На нашей улице напротив дома деда, «на том порядке», жила многочисленная семья рыбаков, мужчин в ней всех звали «стрепетками». Настолько они были шустрые, быстрые на подъем, проворные, своеобразные и заразительные во всех делах, что я заочно полюбил эту птицу. Когда у нас на селе говорили, «как стрепеток», эта характеристика была самой исчерпывающей. Уже поумирали все из того старого поколения «стрепетков». Кроме одного, самого бойкого и неуправляемого — Сашки-«Стрепетка». А я все никак не увижу птицу, от которой пошло прозвище этой семьи.

Глава 15. Такая дорога — река

— Вечером я еще от усталости засыпаю, а под утро сон отлетает, не могу лежать в своей лодке, — жалуется Константин.

Он стоит посередине нашего стана. Озираясь, смотрит на поляну, покрытую белесым плотным туманом.

— Я тоже плохо сплю. В прежних походах было нормально, — отзывается Юрий, снимая полиэтиленовое покрывало, которое растяжками каждый вечер громоздит над своей лодкой перед сном.

— Со мной впервые такое, понимаешь? Здесь, у речки, большая влажность. Все разморено. Под утро туман, истома. Я чувствую, как все вокруг шевелится. Вокруг меня, под моей лодкой, вообще везде в земле миллиарды всяких растений рвутся на свет Божий. Я лежу на беременной земле! Земля постоянно беременна, каждый час и миг! Мне ночью вчера показалось, что растения, как бамбук, через меня пройдут и вырастут над головой. У Земли неудержимая силища! Она все может. Сегодня приснилось, будто через меня проросли огромные подсолнухи. И, наклонив надо мной конопатые лица, смотрят: как я? А я распят на земле в своей лодке и не могу пошевелиться. Сказать слово не могу. Вылез из лодки. В глазах — мерцание. То ли от голов подсолнечных, то ли от вчерашнего солнца. Напекло. Земля дает жизнь всему! А я, человек, будто ей стал помехой. У меня с головой что-то не то, а?

Константин замолкает.

— Не у тебя одного, — тихо и спокойно отзывается Юрий. — У нас у всех с головой что-то не то. Земля и Небо не знают, что с нами делать. И давно уже не знают. Я часто думаю о нас, русских... и вообще о человеке...

— Ты поэт, Юра, — отозвался Константин. — Порой эпически недосыгаемо мыслишь. С моей-то теперешней головой не понять.

— Как раз сейчас поэт — ты, а я — утрюмый, увы, свидетель.

— Что же ты свидетельствуешь?

— Не о нас одних речь. Человечеству давно пора одуматься. Оно может распять самого себя. Давно знаки подаются!

Я выглядываю в сетчатое оконце палатки и смотрю на говорящих. Странно слышать такой диалог утром на затерянном, вытоптанном пятачке у безмятежно журчащей под боком речки.

— Мне кажется, что я сплю на костях покойников. — Юрий сел на дно лодки, опустил руки, и его распухшее лицо дернулось. — Вообрази: сколько их, когда-то живших на земле, лежат теперь в ней! Кто-нибудь скажет? Вся земля скоро станет единым человеческим прахом. Может, от этого из нее и прет так все, что она удобрена нами?

Константин, диковато скосив на него взгляд, прохрипел:

— Что ты говоришь?

— А то, что ты ворочаешься на ростках и побегах Земли, а я — на черепках. Мне они спать не дают. А иногда они начинают шевелиться подо мной, лодка тогда скрипы издает..

— Все, хватит! — Командор поднял край пленки и выглянул на свет. — Дальше некуда! Юрий, шагай за дровами, Константин — за водой! Будем ставить нашу любимую гречневую кашу. — Он вылез из лодки, олицетворяя полное воплощение самой деловитости, и направился к моей палатке. — Подъем, ребята! Подъем! Юрий объявил всемирный потоп! Спасаться надо...

* * *

Полдень. Жара нестерпимая. На воде еще сносно. Но как только выходишь на берег, тем более, если отправляешься за водой или за хлебом — невыносимо. Рыбаки на берегу сказали, что на солнце днем плюс сорок пять.

Помню, в детстве, сколько бы работы ни было, родители в полдень стремились пережить жару в доме, в своей саманной избе, с занавешенными темными полушалками и одеялами окнами. Толстенные саманные стены держали прохладу отменно. Обычно спали на полу. Так делали многие в селе.

Было у древних славян особое мифическое существо, которое строго присматривало, чтобы в полдень никто не работал. Это Полудица. Ее представляли девушкой в длинной белой рубахе. Или наоборот — косматой страшной старухой. Полудицы побаивались: ведь за несоблюдение обычая она могла наказать жестоко. Теперь это называется солнечным ударом.

Мы же в самую жаркую пору дня нередко в темных костюмах, белых рубашках и галстуках паримся на совещаниях, маемся в автомобилях на раскаленном асфальте бесконечных

дорог... Трудовые будни наши нескончаемы. И никакая Полудица нас не пугает. А большинство из нас о ней, Полудице, не знает. И она махнула на нас рукой. Не наказывать же всех солнечным ударом.

* * *

Сегодня впервые за весь поход мы видели Юрия крайне расстроенным. Даже в шторм на Сорочинском водохранилище он не был таким. Правда, это длилось очень недолго.

Вздумалось Юрию, пока мы возились с обедом, опробовать новый спиннинг. Он нацепил небольшую, сантиметров пять длиной, желтую блесну и выехал на «резинке» на середину Самары.

Место действительно попало хорошее: и немелкое, и течение приличное. Но ведь коряжины торчали, хотя и нечасто, но внушительные. Да и на жару, какое блеснение?

Вдруг мы услышали шум и увидели редкую картину: Юрий, привстав в лодке, с трудом удерживал спиннинг. Очевидно, большая рыбина, не поднимаясь на поверхность, ходила вокруг лодки. Течение, коряги — все против Юрия. Мгновение, и борьба может кончиться плачевно, добычу из-под коряги уже не достанешь.

— Гребь на мель, к нашему берегу! — кричит Константин. — Упустишь!

— Да как я ее? Не осиливаю. И ничего не могу делать — руки заняты.

Поведение рыбы было странным: она не шла прямо на лодку, не выпрыгивала из воды, пытаясь освободиться от тройника. Она делала круги. Будто хотела раскрутить лодку и пустить по течению юлой.

— Я не знаю, что с ней делать. Она не подходит! — взмолился Юрий. — Ее не стянешь с орбиты!

Константин бросился к своей лодке, а мы застыли на берегу в ожидании развязки.

Лодка с Юрием была уже значительно ниже по течению, когда Константин на буксире потащил ее на отмель.

Когда мы подошли, все стало понятным. Юрий поймал на блесну судачка, в общем-то и небольшого для такого переполо-

ха. Но блесна зацепила рыбину за спинной плавник. Потому-то судак и тащил по кругу. И оттого его невозможно было заставить идти к лодке.

— Этот килограмма на два. А если бы за плавник зацепился раза в три крупнее? — рассуждал Юрий.

Он был доволен рыбалкой. Случай-то какой редкий! О нем теперь можно так рассказать! И, главное, есть свидетели. Для рыбака это весьма важно.

* * *

На привале, глядя на стайку бегающих по мокрому песчаному мыску куличиков и трясогузку, Константин спохватился:

— Ребята, а где воробьи?

Вопрос застал врасплох.

— Зачем тебе они? — откликнулся Анатолий.

— Ну, как — зачем? Непривычно же. В городе они все время рядом. Привык. У меня жена на балконе цветы разводит, так они постоянно там. Я чирикаю, они отзываются. В городах — воробей домовый. Здесь, я полагал, будет полевой. Слышал о таком, но не видел.

— Полевой воробей — франтоватая птица, — отозвался Юрий. — Наряд куда изящней, оперенье более нежных оттенков. Но ни тот, ни другой долго в неволе не живут. Домовый воробей сильнее, чем какая-либо иная птица, дичится людей. Это одна из самых осторожных птиц, и поймать ее очень трудно.

— Воробьи, особенно домовые, — вступил в разговор Анатолий, — по воле человека оказались под угрозой исчезновения. Это случилось, когда появился автомобиль, а воробьи очень зависели от лошадей.

— Как это? Я не очень понимаю, — спросил Константин.

— Очень просто. Если точнее, то не от лошадей зависели, а от конского навоза. Лошадей ведь чаще всего кормили овсом, который полностью никогда не усваивался. Вот его-то и использовали воробьи в пищу по всем городам России и весям. Не стало гужевого транспорта — не стало привычного корма для птахи нашей. Но воробьи пережили-таки нашествие автомобиля. Стали питаться другим кормом.

Глава 16. Косуля под Тоцком

Переночевав метрах в трехстах от моста у поселка Тоцкое, мы проснулись рано. Собирались вяло. Наконец-то поплыли.

Течение очень медленное. По берегам — нависшие деревья, в основном ольха, ветла. Местами деревья так закрывают реку, что на воде нет солнечных лучей. Почти смыкающиеся ветки образуют сверху живую галерею. Командор называет это место «Зеленые гrotы».

В этой своеобразной трубе, состоящей из воды, берегов и деревьев, когда идет встречный ветер, если прекращаешь работать веслами, начинаешь плыть в обратную сторону. Чувствуешь себя пыжом в стволе какого-то огромного воздушного ружья. Руки устали, а вода кажется тяжелой, будто добавлен в нее жидкий свинец.

Собравшись в лодочный круг, стали обсуждать, как лучше поступить. Получалось, что я опаздываю на завод дня на три. Единственный выход — налечь на весла, что мы и сделали. Решили: с целью экономии времени без особой надобности на берег не выходить.

После военного городка Тоцкое-2 по берегам частенько сидят рыбаки. Река стала здесь намного шире, зеленые гrotы исчезли. Вода легкая и ласковая.

Моего отчима и многих его сверстников, наших односельчан, на фронт забирали из Тоцких лагерей. Там они проходили подготовку.

Две части человечества, противоборствуя меж собой, мимоходом калечили планету Земля и мою светлую родину.

Столько уже лет прошло с того дня, 14 сентября 1954 года, когда здесь испытывали атомную бомбу. Повинится ли человек перед природой-матушкой? Ведь он большой ее должник.

Не случится ли так, что Земля когда-нибудь не выдержит присутствия на ней человека?..

...Напротив зашумели, и на берег из кустов вышли солдаты и два офицера. У одного в руках была развернутая карта. Видимо, шли какие-то учения.

Солдаты гурьбой подошли к самому краю обрыва и стали смотреть на слепящую от солнца реку.

— Помочь чем? — крикнул один из них, обращаясь к Анатолию, возившемуся у воды со своим снаряжением.

— Нет, спасибо, — ответил тот.

— А откуда плывете?

— От Оренбурга почти.

Его ответ привлек всеобщее внимание. Молодые загорелые лица повернулись и с любопытством стали нас рассматривать. Один из солдат бесцеремонно начал наводить на нас бинокль.

Вскоре они как-то быстро растворились в густой лесной зелени.

Чуть позже, метров пятьдесят ниже по реке, поднявшись на берег, я наткнулся на косулю. Ее не испугали ни военные, ни мы. Она стояла за черемуховыми зарослями. Какой-то миг это трогательное грациозное создание удивленно смотрело на меня, не пугаясь.

Здесь, под Тоцком, особенно остро чувствуешь незащищенность всего живого. И глаз отмечает живые подробности каждого существа.

...Тонкие и длинные ноги, высокая шея, небольшая изящная голова — все в этом животном завораживает взгляд.

Косуля любит тепло. Очевидно, здесь, в заветрии, у нее была лежка.

Я пошевелился, и косуля — это была самка — бесшумно скрылась в кустах. У самок рогов нет, поэтому их легко отличить от самцов. Летом косули, как правило, держатся поодиночке, поэтому, не рассчитывая встретить другую, я подошел к тому месту, где она стояла. Лежанки не было.

Видимо, косуля здесь кормилась. Косули намного охотнее потребляют в корм почки, цветочные сережки и веточки упавших или срубленных деревьев и кустов, чем растущих. Пастбищами служат обычно лесные вырубki.

Так оно и было. За островком черемухи лежал завалившийся небольшой тополь. Несколько веточек были обкусаны.

Мне рассказывали знакомые охотоведы, что у косули есть три железы, выделяющие специальные пахучие вещества.

Между пальцами задних ног расположен мешочек, содержащий сальные и пахучие органы. Железа хорошо развита у молодых косуль. Ее назначение — оставлять пахучие выделения в следах. По запаху животные находят друг друга. На пе-

редних ногах железы отсутствуют. Они имеются у ланей, лосей, соболей и других животных. У оленей их нет.

Железы на внешней стороне задних ног косули, сразу под коленами, выделяют пахучие и салные вещества. Двигаясь, животные оставляют на растениях их выделения.

Третья железа — только у самцов. Она расположена между выростами лобных костей. Ее выделения остаются на тонких деревьях. Обычно это происходит в период гона. Цель таких «меток» — обозначение «своего района» и предостережение для другого самца.

* * *

Терпкий настой запахов каленого желтого самарского песочка, развесистых лопухов, ивняка, ольхи, осинника по берегам у воды. Особое марево, исходящее из зарослей черемухи, таволги и чилиги, когда поднимаешься на крутой песчаный съезжий берег. Едва уловимый трепет осинового листа, шевелящегося даже, кажется, в совсем безветренный, жаркий, томящий своим тягучим зноем полдень — все это нельзя спутать ни с чем. Это все родное!

Глава 17. Светочи

...То, что Пушкин бывал в Оренбурге и проезжал через Борский реликтовый бор, я слышал еще с детства, а вот то, что Владимир Даль жил и работал в Оренбурге, я узнал, признаюсь, совсем недавно.

Два светоча русской словесности встречались в Оренбурге.

* * *

...Отрезок пути от Волги на юго-восток Пушкину показался «прескучным». Поднялось настроение, когда на подъезде к Бузулуку его ненадолго принял в свои объятия широкошумный ссновый бор...

Тихий и совсем маленький в те времена городишко Бузулук, приютившийся у слияния рек Самары и Бузулука, Пушкин проехал утром.

В этом незаметном городишке был когда-то центр пугачевских событий. Здесь буйствовала, хозяйничала, побеждала и

терпела поражения разудалая казачья и крестьянская вольница...

...Важнейшими источниками при описании событий пугачевской осады Оренбурга послужила для Пушкина «Летопись» П. И. Рычкова, опубликованная им в приложениях к «Истории Пугачева» и журнал Оренбургской губернской канцелярии («Журнал Рейнсдорпа»), обнаруженный поэтом в делах Секретной экспедиции Военной коллегии. Выполненный Пушкиным конспект этого журнала хранится в составе его заготовок. Почерпнутые из этих источников сведения о «пугачевском» прошлом Оренбурга Пушкин пополнил при посещении города, где он провел около двух суток — с 18 до 20 сентября 1833 года. Поэт был принят оренбургским военным губернатором генерал-адъютантом В. А. Перовским. Они были знакомы еще по Петербургу, были дружны и говорили друг другу «ты». Поэт остановился в загородном доме на так называемой даче губернатора.

Здесь-то, на этой даче, Пушкин и встретился со своим приятелем, известным уже тогда литератором Владимиром Далем, служившим чиновником по особым поручениям у Перовского. Даль был проводником Пушкина по «пугачевским» местам и постоянным собеседником. Он рассказывал поэту о примечательных обстоятельствах пугачевской осады Оренбурга, о штурме города 2 ноября 1773 года, о многих других подробностях грозных событий...

...Так и слышатся мне слова Даля: «Вы еще полюбите эту степь: нигде более в России природа не красуется так, как здесь, в степях оренбургских...».

Перовский и Даль познакомили Пушкина с крупным землевладельцем, предводителем оренбургского дворянства Е. Н. Тимашевым, дед которого коллежский советник И. Л. Тимашев оборонял Оренбург в дни пугачевской осады, потом командовал карательным отрядом, подавлявшим пугачевское восстание в Исетской и Уфимской провинциях.

Пушкину удалось встретиться со старой казачкой Ириной Афанасьевной Бунтовой — хранительницей народной памяти о Пугачеве и его времени. От нее он услышал невеселую историю о женитьбе Пугачева на семнадцатилетней казачке Устинье Кузнецовой. Позже поэт изложил ее в «Истории Пугачева».

Пребывание Пушкина в Оренбурге и станице Бердской отражено в его письмах к жене Наталье Пушкиной от 19 сентября и 2 октября 1833 года из Оренбурга и Болдино. Ценные сведения содержатся в воспоминаниях Даля.

...В Уральск А. С. Пушкин прибыл 21 сентября поздно вечером.

С 16 по 23 сентября 1833 года поэт проехал по маршруту Самара — Бузулук — Оренбург — Уральск — Сызрань. Три года спустя в статье, опубликованной в журнале «Современник», Пушкин с удовлетворением отмечал: «Я посетил те места, где произошли главные события эпохи, мною описанной». Поездка дала ему возможность встретиться с участниками и очевидцами событий 1773-1775 годов. Услышанные и записанные с их слов воспоминания, предания и песни позволили прикоснуться к народной памяти о Пугачеве и его времени. Говоря о свидетельствах современников трагических потрясений тех лет, отмечая, что они «драгоценны и незаменимы», Пушкин в то же время считал возможным использовать их лишь после «строгой проверки», «проверяя мертвые документы словами еще живых, но уже престарелых очевидцев, и вновь проверяя их дряхлеющую память исторической критикою».

* * *

При упоминании имени Даля в памяти сразу возникает «Толковый словарь живого великорусского языка», содержащий более тридцати тысяч пословиц, поговорок, метких речений — неисчерпаемое богатство великого нашего языка.

Но Даль был еще и морским офицером, врачом, писателем, выступавшим под псевдонимом «Казак Луганский». Правдивость его сочинений поразительна.

...После окончания пятилетнего курса в Морском корпусе, куда в 1814 году отец отвез его вместе с братом, Даль — на Черноморском флоте.

Будущий бытописатель недолго служил там. В 1826 году он поступает в Дерпский университет. И оканчивает курс, рассчитанный на пять лет, за четыре года. Новоиспеченного лекаря направляют в район военных действий с Турцией.

Великий хирург Пирогов писал про своего друга: «Это был замечательный человек. За что ни брался Даль, все ему удавалось усвоить».

А вскоре появляются на свет «Русские сказки» Казака Луганского.

...«Не сказки были для меня важны, а русское слово, которое у нас в таком загоне, что ему нельзя было показаться в люди без особого предлога и повода», — замечает Даль.

Впервые Пушкин и Даль встретились до того еще, как Даль оказался в Оренбурге.

...Со сборником сказок Даль отправляется в Петербурге знакомиться с любимым поэтом.

Пушкин увлеченно читал сказки, восторгаясь емкостью и меткостью русского слова. «Сказка сказкой, — передавал слова Пушкина Даль, — а язык наш сам по себе, и ему-то нигде нельзя дать этого русского раздолья, как в сказке. А как это сделать — надо бы сделать, чтобы выучиться говорить по-русски и не в сказке... Да нет, трудно, нельзя еще! А что за роскошь, что за смысл, какой толк в каждой поговорке нашей! Что за золото! А не дается в руки, нет!»

...Даль мечтает о перемене рода деятельности, о такой службе, которая позволила бы ему развиваться творчески.

И такое случилось. При покровительстве Жуковского он получает должность чиновника особых поручений при только что назначенном генерал-губернаторе Оренбурга Василии Алексеевиче Перовском.

Но, и вступив в новую должность, Даль не прекратил врачевания.

В Оренбурге раскрылась всеохватность личности Даля. Он здесь этнограф и археолог, историк и статистик, ученый-естественник, автор учебников по зоологии, ботанике. Именно Владимир Иванович явился организатором и руководителем Зоологического музея в столице Оренбургского края. Даль неустанно занимался пополнением коллекций Академии наук экспонатами, показывающими природные богатства Оренбуржья. В 1838 году Академия избрала его своим членом-корреспондентом за труды в области истории и этнографии, написанные на оренбургских материалах.

...После этих двух встреч с Пушкиным, в Петербурге и Орен-

бурге, Даль утвердился в намерении собирать сокровища русского языка.

...И на смертном одре Пушкина Даль находился возле него...

Во время нашего путешествия все мне казалось, что в спину мне пристально смотрят две пары глаз.

* * *

Не могу смотреть без душевного трепета на самарские песчаные берега!

Часто они крутые. Поднявшись, попадаешь на равнину с непременно огромными, сказочно-дремучими с густой листвой ветлами. Величавость и былинность придают они таким берегам.

Стоит только приложить ладонь к теплой с глубокими морщинами и рубцами плотной коре, как враз почувствуешь древний дух и... ответный гул в крови своей...

Так и кажется, что место это служит для сборов сказочных русичей-богатырей в доспехах и на конях. Их здесь не хватает. Будто они должны вот-вот появиться из какой-то своей важной отлучки...

...А иные берега труднодоступны, по ним разве что ухватившись за оголенные темно-коричневые корни деревьев, как за канаты, можно подняться наверх. Но там — непролазная чащоба из черемухи, вяза, молодого ветельника, осинника и непременно шиповника. Попробуй-ка продерись. И духота стоит в этих зарослях невероятная.

...А то вдруг выйдешь туда, где муравится огромная равнина, и раскинулась на ней широкошумная дубрава. И сердце зайдет от волнения...

...Красивые быстрые щурки и серенькие стрижи полюбили самарские крутые берега. И местами янтарные отвесные склоны от их гнезд-норок сделались похожими на золотистые звонкие соты. Юркие птицы, влетая-вылетая, будто нажимают на невидимые кнопки и разносят радостную мелодию; голоса их четкие и звонкие.

И окружающий синий воздух, принимая звуки, роняет их частью в отзывчивую воду, и там они становятся еще чище. И, отразившись, поднимаются вновь в приветливую синь над водой. И это согласованное действие воды и воздуха делает русло

реки, саму реку сказочным инструментом, сработанным волшебным мастером из сине-голубого и золотисто-песчаного...

Звуки этого инструмента состоят не только из птичьих голосов. Сколько здесь звуков от шорохов, всплесков, дуновения ветра, чьего-то близкого дыхания, таинственного до дрожи... И все это образует единое дыхание реки. И так порой это дыхание чарует, что становится трудно молчать.

Еще труднее высказать все, что чувствуешь...

Человек — вершина природы, а не дано ему...

Глава 18. Безгрешные ходят босыми

— Я знаю одного человека, — начал Юра, помешивая ложкой в котелке.

— Императора? — подхватил Костя.

— Нет, — возразил Юрий. — Совсем наоборот — босяка. Так вот он, чтобы замолить накопленные грехи, ходит почти круглый год босиком. Уверен, что матушка-земля очистит его.

— Нет, не очистит, — возразил тут же Константин.

— Почему так? — поинтересовался кашевар.

— Переполнилась уже Земля. Магма у нее в сердцевине перенапряглась от человеческих греховных дел, сам же говорил. Вот-вот выплеснет наши грехи — и начнется гибель всего. Может, он этот человек последнюю каплю добавит. И никто не узнает, что это он сгубил нас. Не наполеоны, тутанхамоны, а твой босой знакомый.

Я смотрю на Константина: всерьез ли это говорит?

— Вот птички, они все ходят босыми, — сказал вполне спокойно Анатолий и, сам не ведая, подтолкнул Юрия к новой теме.

К философии часто склонны люди мало знающие. Может быть. Но это не про Юру.

— А знаете ли вы, что птицы вообще у древних были священны и безгрешны? — произносит он и его голубые детские глаза смотрят на всех сразу. Будто заранее знает, какой мы темный народишко и жалеет нас.

— Расскажи, Юра, про птичек, ну их, людей, — попросил Константин и подсел к костру, отложив в сторону топор.

Кучка дров, как изрубленные скелеты когда-то живых деревьев, жутковато белела рядом.

— В мировом древе или древе жизни место птиц на его вершине... — начал Юрий.

— Нам бы попроще, — попросил Константин.

— Можно, — согласился Юрий. — Вот перепелка, которая с утра нас в первый день разбудила, она ведь исстари оберегалась. При жатве крестьянин не только обходил стороной ее гнездо, но и не срезал вокруг колосьев, чтобы птица могла прятаться. Украинцы считали, что мир создали два голубя, которые сели на два дуба. У кого плодятся домашние голуби, у того не будет пожара. Клест при распятии Христа пытался вытащить гвозди, поэтому и скривил свой клюв. За это получил награду — он не подвержен тлению. Когда снегирь ломал иглы тернового венца с головы Спасителя, одна капля крови попала ему на грудь. Поэтому снегирь — охраняемая птица. Его даже кошки не едят. Феникс — птица мифов. Древние греки считали, что раз в пятьсот лет она прилетает в Аравию, где питается бальзамом и смолой. Когда Феникс чувствует, что приходит смерть, то строит гнездо из пахучих веток на самой макушке пальмы. Там его поджигает солнце. Потом птица Феникс возрождается из пепла, воскресая молодой.

— Как ты это все помнишь? — удивился Константин.

— Так вот, помню, — согласился Юрий. Замолчал, потом спросил: — Вот ты читал «Капитал» Карла Маркса, а?

— Что ты вдруг? — опешил его собеседник. — Ну, когда-то читал, вроде. В руках держал.

— Что же и кому автор написал в посвящении?

— Там разве есть посвящение? — переспросил Константин.

— Цитирую: слушай, пока жив. Великий Карл писал: «Посвящается моему незабвенному другу, смелому, верному, благородному, передовому борцу пролетариата Вильгельму Вольфу».

— И-и-ех! — выдохнул Константин, глядя сразу на всех сидящих у костра, словно ожидая, не повалимся ли мы наземь от хохота. — А проверить как?

— Сходишь в библиотеку, проверишь.

— И многих авторов так вот запомнил?

— Есть кое-что в черепушке, — ответил Юрий.

— Юрий, ты постоянно недосаливаешь, я уже говорил много раз, — вмешался в разговор Командор. — Сейчас как?

Картинно отставив ногу, большой деревянной ложкой он черпанул из котелка. Ему важно и здесь оставить за собой последнее слово. Но и Юрий не из простаков. Невинным, безразличным, вроде бы, голосом спрашивает:

— А знаете, как умирает дятел? — И, не дождавшись ответа, говорит: — От своей долбежки умирает, получив сотрясение мозга.

— Слишком много знаешь, — отзывается Командор, держа ровный тон.

— Да уж... — неопределенно тянет Юрий. — Не обижайся. Вот когда-нибудь подкарауль, посиди около его гнезда и услышишь, как он стонет. А стонет оттого, что болит голова.

Константин решил заступиться за Командора.

— Дятел — священная птица. Это известно давно, — сказал он авторитетно. — И при том, дятел — лекарь леса.

— Во! — удивился почти натурально Юрий. — И этот долбит в макушку...

Глава 19. Светлая моя родина

В Топке, миновав по дороге к магазину нескольких строящихся больших кирпичных домов, мы с Константином закупили хлеба, взяли пива и большие бутерброды с колбасой.

— После нашей походной кухни так вкусно! Пиво кажется сверхароматным и необычным напитком! Вот вам и кусок цивилизации, господа! Все ж-таки хороша она, цивилизация-то! — Он явно ждал от меня реакции, высказав отношение к пиву и колбасе.

...На обратном пути к лодкам вспомнил я Германию, ухоженную и прирученную реку Изар, веселых музыкантов, перерывы в сплаве, проводимые в уютных кафе прямо на берегу, и задумался: хочу ли, чтобы так же было и на нашей Самаре? Хочу ли, чтоб негде было душе спрятаться, хотя бы на некоторое время? Мне кажется, река Самара, какая она есть, ближе и дороже. Она — своя.

...Самара, Самарочка...

Само таинство происхождения этого имени придает рекестепнячке особую прелесть.

Сколько звенело на ее берегах голосов и сколько песен спе-

то! Сколько лиц — и смуглых, и бледных, сколько глаз — и светлых, и жгуче-темных, смотрело в ее воды за тысячелетия?! Но ведь не сглазили и не навели порчу! Не в силах, значит! Эта река имеет, знать, особую тайную силу, коль не поддалась человеку. Не иссохла! Не превратилась в спокойную, сонную гладь под рукотворным вмешательством и натиском. Помогли в этом и многочисленные притоки ее, ручейки и родники, и буйный нрав в водополье.

Хвала Самаре за нрав и судьбу. Она сохранила себя. Человек на ее берегах крепко изменился в быстротекущей жизни, рождаясь и умирая в вечной суете. Порой не зная, не думая ни о своих истоках, ни о том, куда несет его стремительное течение жизни. А Самара знает. И истоки свои, и пределы свои знает! Вливаясь в древнюю могучую реку Ра, дала название целому городу. И, изящно оставив его в месте слияния, ушла, соединившись с великой сестрой своей в Каспий.

...Под журчание светлых струй реки, сблизившей меня за яркие, светлые дни похода со всем родным с детства, я начал верить, что, кажется, и не жил никогда иначе, а всегда вот так — слитно с рекой.

* * *

Впереди у поворота бесшумно взлетела цапля.

То, что я, взглянув мельком, принял за светлую речную косяжину, оказалось большой птицей, которую мне всегда хотелось рассмотреть поближе.

Это уже пятая цапля, которую мы встретили на реке. Каждый раз я пытался определить: видел я белую цаплю или серую, ее сестру.

Цапля имеет большую родню: тут и желтая, и белокрылая цапля, и конечно, та, которая прекраснее всех — большая белая, которую уже давно назвал про себя «Леди». Она еще не так давно была на грани полного уничтожения и в Европе, и в Америке.

Когда-то за цаплями охотился каждый, кто мог. Судьба белой цапли — плата за ее красоту. Природа наградила эту птицу необычайно красивым и оригинальным оперением. На ее спине вырастают на время высиживания потомства пучки пе-

рьев попеременно с шелковидными белыми волосами. Это и влечет охотников. В брачный период с плеч белой цапли свисают «эгретки» — особые перья, где бородки не скрепляются и далеко отстоят друг от друга. Эти перья при малейшем движении колеблются, бородки развеваются, создавая впечатление белой вуали или кружева.

По высоким ценам купцы продавали эти перья во всем мире. Модницы украшали ими прически и шляпки. Это считалось самым модным украшением до начала двадцатого века. В 1919 году был создан Астраханский заповедник. Уцелевшие гнездовья птиц были взяты под охрану. На заповедных участках цапли, каравайки, колпицы вновь образовали колонии, стали спокойно размножаться. В конце восьмидесятых годов их было более пяти тысяч. Цапли широко расселились за пределами заповедника. Однако сохранили величайшую осторожность и, едва завидев человека, стремятся улететь прочь.

Цапли в нашем детстве были достаточно редки. К ним мы относились благоговейно: притаившись, изумленно глядели на диковинное. Чаще всего эти большие и таинственные птицы укрывались в куртинах рогоза и тростника. Когда они стояли у края воды на Самаре-реке либо в пойменных озерах, то похожи были на изваяния. Обычно, чуть наклонив голову, цапля следит за живностью в воде. Молниеносное движение длинной изящной шеи — и в клюве трепещет живое серебро. Тут же рыбакка подбрасывает рыбешку вверх и заглатывает — обязательно головой вперед. Ловко так и уверенно!

А потом вновь застывает на месте или вышагивает неслышно по мелководью, высматривая новую добычу. До тех пор, пока либо не хрустнет под тобой сухая ветка, либо не появится на досаду из кустов неожиданно рыбак или охотник.

* * *

Ниже Сорочинского водохранилища рыбаков на нашем пути стало больше. И все чаще с донными удочками на подлещика и язя.

Рыбалка на язя завораживала меня с ранних лет, но я так и не стал бывальым язятником. Много терпения требует эта рыбалка. Она больше, очевидно, для взрослых.

Начало хода язя совпадает с той замечательной порой, когда начинает интенсивно двигаться сок в березе и набухают на ней почки. Стосковавшаяся по солнцу земля все более прогревается, приближается водополье.

Когда большая вода спадает и наступает потепление, язь штурмует лесные завалы на реке. Инстинкт толкает его к верховьям, туда, где он даст жизнь новому поколению.

Наиболее «уловистое» время у язя — с рассвета и часов до десяти-одиннадцати. Днем берет вяло, и активно его клев возобновляется к вечеру.

Язь для меня таинственная, осторожная, солидная рыба. Такovy и язятники, как правило, люди степенные и немногословные. Сидят они обычно там, где на речке ровное, но несильное течение, в сторонке от основного русла, часто под ветвями деревьев и кустарника.

«С кем поведешься — от того и наберешься» — это, очевидно, сказано и о них...

* * *

Увы, оградить себя от непринимаемого не удастся. Такое есть и в моей жизни, и в жизни моей реки.

Самара и Волга-Ра не сразу соединились. Предание гласит: текла Ра и встретила с другой рекой. «Посторонись, — говорит она, — разве ты не знаешь, что я Ра?»

«Велика штука, — отвечает река, — я сама Ра!». И с тех пор стала называться Самара.

...Не хотела объединяться с Волгой, терять себя и далекая от Самары, но близкая ей по духу Кама. Вот что рассказывает старинная легенда про Волгу и Каму.

Не хотела Кама течь в Волгу. Сначала попыталась ее воду отбить, до половины реки отбила, а дальше не смогла. Тогда подалась Кама на хитрости, уговорила с коршуном:

— Я под Волгу подроюсь, а ты, коршун, крикни, когда на той стороне буду, чтобы слышала, я и выйду в другом месте.

— Ладно.

Вот начала Кама рыться под Волгу. Рылась, рылась, а тем временем коршуна беркут приметил и погнался за ним. Тот испугался и закричал как раз над серединой Волги. Кама по-

думала, что уж она на том берегу, выскочила из-под земли и прямо в Волгу попала...

* * *

Под Бузулуком, после Сорочинского водохранилища, Самара-река несколько иная.

Она уже не похожа на девочку-подростка, убегающую куда-то вдаль, где больше простора, или на юркую ящерицу, ускользящую в траву и прибрежные кустарники, как это казалось в верховье у Общего Сырта. Река, найдя надежное русло, утвердившись в нем, не шумная и не кичливая, но уверенная в себе, течет плавно и раздумчиво, будто вспоминает, всё, что миновала, сколько родничков помогало ей в пути, сколько ручейков и притоков питало ее в оренбургских степях. Будто хранит лики тех, которые видели ее и которых привечала она. Пушкин, Даль, Лев Толстой, Татищев, Аксаков... Не всякая река видела таких людей. А сколько тех, кто не оставил о себе письменного свидетельства. Они жили здесь, рыбачили, приходили на песчаный бережок посидеть, помолчать... Их миллионы было...

Она и молчание таких людей хранит.

...Так и кажется, когда плывешь: раздвинутся кусты на берегу и появится автор незабываемой с детства книжки про степь, охоту, про русскую нашу природу, про жизнь нашу, давнюю и ускользящую уже из народной памяти...

Поразившее в детстве, не отпускает от себя и во взрослой жизни... События и наблюдения, которые описывал Сергей Аксаков в «Записках ружейного охотника Оренбургской губернии», случались там, где я плыву, где и сама река Самара, и самые крупные ее притоки в Оренбуржье, Боровка, Бузулук, Ток, Малый Уран, Большой Уран, Сорочка причудливо извинаясь, как кровеносные сосуды, и подпитываясь десятками малых и безымянных ручейков-притоков, несут свой особый свет.

В этом крае охотился Сергей Аксаков. Его сын, тайный советник Григорий Сергеевич Аксаков, чуть позже, с 1865 по 1875 год, был губернатором Самары.

Здесь река Самара течет по-иному. Будто призадумалась

она о своей судьбе. Как и я, опускавший натруженные руки свои в ее воду... Здесь уходит холод простуженной моей большой Родины.

Врачает меня светлая и тихая моя родина.

«Почтенные берега», — так и хочется повторить эти слова Языкова, сказанные им про Оку.

...Так куда же я плыву по реке?

Воспоминания делают жизнь длиннее. То же моя память вершит и с рекой. Моя Самара обширнее и глубже на самом деле, чем о ней принято думать.

На реке я становлюсь то моложе с каждым ее поворотом, а то вдруг — до такой степени древним, что название мне одно — пращур. Река ощутимее всего напоминает душе о Космосе...

* * *

...Но минуешь поворот и зайдется сердце от земного: Левитановская «Золотая осень» и «Во ржи» Маковского, и «Заросший пруд» Поленова, и васнецовская «Аленушка», и «Среди долины ровныя» Шишкина могли быть написаны с натуры здесь, на Самаре, на ее берегах.

Верится: родится когда-нибудь свой, истинно самарский, русский художник...

Глава 20. Кругом вода

Так что же такое вода?

Сплываясь по реке, сидя на берегу, купаясь, я думал о воде. Думал и поражался: как мало знаю о ней. И мои спутники знали о воде не больше.

...Окружающие не очень понимали моего интереса. «Вода и есть вода». А для меня, вернувшегося из ее светоносного плена, она имела особое значение.

«Вода, у тебя нет ни вкуса, ни цвета, ни запаха, тебя невозможно описать, тобой наслаждаются, не ведая, что ты такое! Нельзя сказать, что ты необходима для жизни: ты — сама жизнь. Ты наполняешь нас радостью, которую не объяснить нашими чувствами. С тобой возвращаются к нам силы, с которыми мы уже простились» (Антуан де Сент-Экзюпери).

Воду раньше звали в народе не иначе как «матушка», «ца-

рица». Еще на заре человеческой истории люди отчетливо сознавали великое значение водной стихии. Это подтверждают и мифы всех стран и всех народов, и позднейшие философские системы. Как без огня нет культуры, так без воды нет и не может быть жизни.

Предки наши чтили дождевую воду. Выбегая на улицы босыми, с непокрытыми головами, становились под благодатные небесные потоки первого весеннего дождя. Пригоршнями набирали воду, чтобы вымыть лицо три раза. Собирали целебную влагу и в крепко закупоренных бутылках сохраняли круглый год. До нового такого же дождя. Свято чтит народ и речную воду; едва пройдет весною лед, как все, млад и стар, бежали к реке: зачерпывали пригоршнями воду и умывали три раза лицо, голову и руки.

«Воде и огню Бог волю дал», — говорили в народе в утешение и успокоение в тех случаях, когда нарушалось в природе равновесие, и вода, в меру питавшая землю, из явной благодетельницы временно превращалась в лютого врага, наводящего страх и отчаяние.

Так что же такое вода? Что знает о ней современный человек? Как появилась вода и сколько ее на нашей планете? Ответы я решил искать в библиотеке.

«...Вода была еще до появления человека: есть все основания полагать, что жизнь возникла в водной среде.

Миллиарды лет назад в холодном газопылевом облаке, со временем сгустившемся, уплотнившемся и ставшем Землей, уже содержалась вода. Скорее всего, она была в виде ледяной пыли. Это подтверждают исследования Вселенной. Установлено, что исходные элементы для образования воды — водород и кислород — в нашей Галактике принадлежат к шести самым распространенным веществам космоса.

Академик АН Украины Н.П. Семененко установил, что именно вода и составляющие ее элементы играли определяющую роль во всей геологической истории Земли. В образовании протоземли участвовали громадные количества воды. Помимо этого, ее элементы входили в состав основных компонентов исходного облака: водород — в состав гидридов металлов, кислород — в состав оксидов.

Согласно теории академика А.П. Виноградова, протоземное облако постепенно уплотнялось и саморазогревалось. Источником необходимой энергии служили процессы радиоактивного распада и уплотнения первичного вещества планеты. В результате образуются паро- и газообразные соединения, причем большинство их фотодиссоциировало на водород и кислород.

Остальная масса воды, очевидно, постепенно составила гидросферу. Появившись на поверхности планеты таким сложным путем, вода не стала инертной, пассивной средой. Вместе с парами воды выделялись не только оксиды углерода, но и соединения азота, фосфора, серы, которые вместе с кислородом, углеродом и водородом составляют химическую основу жизни.

Гидросфера — океаны, моря, реки, озера, болота, атмосферная влага — измеряется внушительной величиной. Три четверти поверхности планеты покрыто водой.

Из всей воды 97,75% — это соленые воды океанов и морей.

Остальные 2,25% — пресные воды, однако половина их — «законсервирована» в виде ледяных гигантских шапок Антарктиды, Арктики, Гренландии, высоких гор в различных районах Земли. Примерно столько же воды скрыто от людских глаз в толще земной коры. Это подземные воды.

Так ли проста вода?

Но простейшее в химии — это далеко не простое.

Лишь в 1805 году Александр Гумбольдт и Жозеф Луи Гей-Люссак установили, что вода состоит из молекул, каждая из которых содержит два атома водорода и один кислорода.

В 1932 году мир облетела сенсация: кроме воды обычной, в природе существует еще и тяжелая вода. В молекулах такой воды место водорода занимает его тяжелый изотоп — дейтерий.

Тяжелую воду открыли американские физики Гаральд Юри и Эльберт Осборн. В 1933 году американец Герберт Льюис совместно с Ричардом Макдональдом впервые выделили ее в чистом виде.

В молекулу тяжелой воды входят атомы не легкого водорода — протия, а его изотопа — дейтерия, атом которого на единицу тяжелее протиевого. Молекулярный вес тяжелой воды

на 2 единицы больше. Она кипит при 101,42 °С, а замерзает при +3,8 °С.

По сравнению с обычной водой она испаряется менее интенсивно. Поэтому тяжелой воды больше в местностях с жарким климатом.

Тяжелая вода действует отрицательно на жизненные функции организмов.

А вскоре была обнаружена сверхтяжелая вода. В ее составе место водорода занимает его природный изотоп, еще более тяжелый, чем дейтерий. Это тритий, он радиоактивен, атомная масса его равна 3. Сверхтяжелую воду применяют в термоядерных реакциях».

...Мне стало скучно. Я захлопнул книгу.

«Они не так ищут, — думал я. — Ученые ничего пока серьезного не нашли... Они разложили воду на составляющие и... не увидели самое тайное, сокровенное. Душу ее не поняли! Ученые, словно врачи на операционном столе, вскрыли тело воды, как тело человека. Поковырялись, поизучали. Кое-что увидели. А тайна — душа ее? Суть самая? Осталась нетронутой. Скорее всего, человеку она недоступна».

Я невольно огляделся вокруг. Читальный зал был густо заполнен читателями.

«Что они читают и изучают? — думал я. — Что можно понять здесь, в этой большой, красивой, но отстраненной от жизни коробке, которая называется библиотекой? Надо постичь жизнь такой, какая она есть! А какая она есть? — выскочила на первый план поперек всего мысль. — А какая была там, в моем походе, на воде, у огня, на берегу реки. Да нет же, ты путаешь все, — возразил я сам себе. — Здесь спрессовано то, что кто-то когда-то видел, исследовал, понял — ты и впрямь стал язычником? Тебе важнее чувства, чем знания? Посмотри, они сидят за книгой, как ты сидел около своей речки. Только здесь своя река. Река знаний. К ней на бережок они и приходят. А как по-другому?»

Диалог во мне не прорывался.

«Конечно, я не прав. Но почему мне скучно здесь? Почему хочется на простор? — Наверное, оттого, что я все же не ученый. Хотя и работал в науке... Я больше доверяю чувствам, ощущениям, догадкам. Это далеко от науки. Это пещерный век? — Не

за наукой я пришел сюда, за истиной! — За истиной? — Да, я всегда желал знать истину! — Эка, брат! Есть истины, знать которые человеку не положено».

Я как бы продолжал находиться на своей реке, и блики ко-стра отражались и на моем обветренном жестком лице, и на тихой глади реки. Вода и огонь продолжали разговаривать меж собой.

«А я — между ними! Они вечно в диалоге. А тут возник я, слабый человек. Я беспомощен перед их величием».

Попросив сделать ксерокопию статьи о воде, я вышел из библиотеки.

Сначала направился, было, в сторону Волги, домой. Но, не сознавая того, повернул влево. Вспомнилось, что через каких-то два квартала от библиотеки работает выставочный зал, где размещены компьютерные копии картин Рерихов, Рембрандта, Рафаэля, Моне, Пикассо, Ван Гога...

Перед глазами всплыла водная стихия Айвазовского. Его картины занимали целый большой зал. И в центре светилась одна из самых загадочных — «Хаос».

Там вода была не водородом, кислородом, дейтерием, тритием. Вода была всемирной стихией, была великой и нерасчленимой. Она была тайной...

* * *

Из моего дневника:

«...Вчера Константин назвал Юрия юродивым и тот, я видел, совсем не обиделся.

Если вспоминать, что юродивых на Руси церковь причисляла к людям «сознательно отрешившимся от обычного употребления разума», то ничего обидного для него нет.

Прежде, в городской жизни, я его не наблюдал, а жаль... Какой Юрий там? Такой ли, как здесь, на воде?

Он крестится и часто шепчет молитву.

Шептать молитву начал и я. Правда, на свой лад. Когда купаюсь в реке или умываюсь, я обращаюсь теперь к воде, прося, чтобы миновала меня хвороба, хотя бы на то время, пока длится поход».

Глава 21. На озере Балабанном

На левом берегу Волги, чуть ниже города Самары, напротив деревеньки Винновка, приткнувшейся в междугорье, есть Винновский затон. Там я ловил на отвесную блесну судачков. А неподалеку — большое озеро Балабанное. Начиная с сентября, приезжал туда и всегда добывал на блесну щуку и, как правило, не одну.

Бесшумно передвигаясь вдоль камышей, бросал блесну обычно не далее, чем метров на пятнадцать. Выуживать щуку — одно удовольствие.

На этом озере я постигал азы этой азартной охоты.

В моем детстве на блесну не рыбачили. Мы, ребята, ловили щук на удочки-донки, насаживая на большой крючок в качестве живца плотичку, голавлика или пескаря. В этом качестве шла любая мелкая рыбешка. Если ее не было, часто насаживали лягушку. Но в этом случае грузило должно быть потяжелее, ибо иногда крупная лягушка выбиралась на берег и спокойно сидела на песочке.

Как искусно тело щуки приспособлено для быстрых движений! Мощный и широкий хвостовой плавник вместе со спинным и передхвостовым дают ей возможность при волнообразных движениях задней части туловища и при ударах хвостом совершать мгновенные и сильные броски вперед. Быстрому рассеканию воды способствует и мелкая чешуя с множеством слизи.

Сильный и ловкий противник!

Озерная щука обычно короче и толще речных. Я ловил эту хищницу около зарослей камыша. Там она прогонистая, ярко окрашенная, со светлым, золотистым оттенком.

У щуки прекрасно развиты глаза. Хрусталик имеет большую выпуклость и выдается вперед. Угол зрения в связи с этим таков, что хищница, даже не двигаясь, способна к большому обзору. Попробуй незаметно подойти к этой даме.

Если учесть, что отраженный световой луч, переходя из воды в воздух, преломляется, и даже крутой берег не заслоняет от рыбы предметов, находящихся на некотором расстоянии от воды, то понятно, с кем имеем дело.

Щука своими клыками и щетками в пасти при мощных че-

люстях легко может порвать снасть. В детстве пойманная в бредень на реке Самаре щука сильно ранила мне голень. И рана была очень болезненной.

Иногда щука, схватив тройник, выскакивает из воды и становится торчком на хвост. Она дергает головой с раскрытой зубастой пастью, стараясь освободиться от тройника. В таких случаях обычно блесна вылетает в воду, а вслед за ней исчезает и щука. Чтобы вернуть себе свободу, она иногда выпрыгивает из воды, совершает полет в воздухе и тем самым либо обрывает леску, либо избавляется от крючков.

Крупные щуки ловятся лучше весной и осенью. Мне всегда было интереснее ловить осенью, когда щука, отъевшись и значительно прибавив в весе, становится энергичной и интересной в борьбе. Да и само время великолепно: можно, отдыхая на берегу, собирать калину, шиповник — это всегда удовольствие.

* * *

С озером Балабанным я как бы уже сроднился. Все было привычным и понятным. Но вот название его — Балабанное? Что это? Откуда? Я пробовал узнать в селе Винновке, когда заезжал за молоком и хлебом, — не ведают.

А в голове уже давно выстроились названия: Окунево, Бобровое, Лещевое... Во всем есть первооснова...

Я взял в руки словарь Даля, и все открылось: «Балабан — вид большого сокола, употребляемого для травли зайцев. Балабаново перо, балабанье гнездо...»

Какое же это бесценное сокровище — словарь Даля. Он меня выручил в очередной раз.

Позже я прочитал в статье ученых из Союза охраны животных Урала, что уже десятки лет ведутся экспедиционные исследования и поиски гнездовый балабана по всей стране. И найдено всего несколько семей.

В Бузулукском бору, мимо которого мы проплывали, было обнаружено учеными одно гнездо балабанов.

Увы, соколиков разыскиваем по словарям и в труднейших экспедициях по всей стране. И остались их считанные единицы...

Такова судьба соколиков русской земли.

Город с его гамом, суетой, запахами железа и газов напоминал о себе шумом проходивших вдоль реки поездов. Этот неудержимый гул колес будто говорил: вы не принадлежите себе, не принадлежите и этой реке. Вы дети города: время придет, и он заберет вас к себе, как это делает замордованный заботами отец, прибыв в избу деда, чтобы вернуть домой собравшихся заночевать ребяташек. Там, куда тебя приведут, ты вновь будешь все делать, как положено, а не как позволено в сосновом дедовом пятистеннике. А если не заберут в этот вечер, то все равно в свой срок вырастешь и неизбежно, как по руслу реки, по неотвратимому течению приплывешь в ту жизнь, где другие запахи и другие облака, и ночи, и весны. Все — другое.

И эта новая жизнь заманит своими скоростями, неизведанной далью и просторами на два-три десятка стремительных лет. А потом? Потом тебе начнет сниться по ночам река детства. Все, что происходило на ней, будешь по крупицам вспоминать, собирать и дожидаться того дня, когда придешь к ее водиче...

Глава 22. Там, где в Самару впадает Боровка...

Как пройти-проплыть мимо этого имени, если сама река моя несет его мне...

12 мая 1862 года Лев Николаевич Толстой с учениками Василием Морозовым, Егором Черновым и слугой Ореховым выехали из Ясной Поляны на лошадях в Москву. А 20 мая из Твери на пароходе поплыли в Самару.

27 мая они уже ехали из Самары на лечение кумысом в башкирское кочевье Каралык — 130 верст на лошадях.

Из записок Василия Морозова:

«...Это была степь, ни одной деревни не было видно, ни лесочков, ни кусточков, только видны неустроенные какие-то кибитки войлочные. Здесь нам была квартира-ночевка...

Кибитка наша была не тесная, четверым нам было вполне просторно... Она стояла в числе многих других кибиток, расположенных в два ряда, друг против друга...».

И далее:

«...Башкиры с ним (Л. Н. Толстым) все вскоре так сблизись, что всякий, встречаясь с ним, с радостью улыбался и

кланялся ему. Даже 4-5-летние башкиренки, встречаясь с ним, кивали головой, улыбались и обзывали его:

— Князь Тул (Это значило: «Тульский князь»...)

...Еще, бывало, Лев Николаевич боролся с башкирами. Бороться он был большой охотник. Он был сильный богатырь, и ему не находилось противников. Только один башкир был ему равный по силе, и Льву Николаевичу не удавалось его класть на землю, но и башкиру не удавалось Льва Николаевича положить. Запыхавшись, Лев Николаевич сказал ему:

— Нет, я с тобой не могу, ты сильнее меня...».

...Срочный отъезд из Каралыка был реакцией на погром, учиненный в Ясной Поляне.

Обыск там продолжался два дня. Были взломаны полы в конюшне, закидывали невода в пруд. Обыскали и толстовские школы в селах Колпне и Кривцове. Проверяли переписку Толстого.

Ничего «подозрительного» найдено не было...

9 июня 1871 года Толстой пишет Фету об упадке сил, ожидании смерти, отсутствии душевного спокойствия... 15 июня писатель вновь приезжает в село Каралык и сообщает жене Софье Андреевне: «Башкиры мои все меня узнали и приняли радостно».

В это время Толстой читает греческих авторов, ходит и ездит по окрестным деревням, охотится, пьет кумыс, беседует с кумысниками, играет в шашки с башкирами...

Чуть позже Л. Н. Толстой напишет жене:

«Тоска и равнодушие прошли, чувствую себя приходящим в скифское состояние, и все интересно и ново... Ново и интересно многое: и башкиры, от которых Геродотом пахнет, и русские мужики, и деревня...».

Он делится с Софьей Андреевной планами приобретения земли в Самарской губернии.

«Для покупки здесь именья особенно соблазняет простота и честность, наивность и ум здешнего народа...»

28, 29 июня Толстой со своим шурином С. А. Берсом совершили поездку за 90 верст в город Бузулук на ярмарку, увидел представителей больше чем десяти различных народов и табуны лошадей уральских, сибирских, киргизских...

«В этой толпе Лев Николаевич расхаживал со свойственной

ему любознательностью и со всеми заговаривал», — отмечает С. А. Берс.

Толстой приобрел имение на приветливо встретившей его земле в Бузулукском уезде Самарской губернии (ныне Алексеевский район Самарской области) с хутором на реке Тананьке (пересыхающим притоком Боровки). Это та Боровка, по которой совсем недавно Анатолий и Борис вдвоем не без приключений проплыли от истока до устья на резиновых лодках.

Приехав в Ясную Поляну, Толстой пишет Н. Н. Страхову: «Я вернулся здоровый и свежий, но начинаю слишком много работать и хочу удержаться и не могу. Как будто погоняет неведомая сила...»

Известно, что в 1870-х годах крестьянские хозяйства постигли губительные неурожаи, вызвавшие разрушительный голод. В июле 1873 году писатель, чтобы определить его размеры, сам провел опись каждого десятого двора в селе Гавриловка по показателям: количество едоков и работников, наличие скотины, размеры посевных площадей, количество прошлогоднего хлеба, сумма долгов...

Собранные данные со своим письмом о бедственном положении крестьян он опубликовал в газете «Московские ведомости», которая распространялась по всей России.

«Письмо к издателям» о самарском голоде помогло собрать немалые средства — до 1867000 рублей деньгами и до 21000 пудов хлеба. И этим обязана самарская земля Льву Николаевичу Толстому.

Кто знает, может, и мои недалекие предки, прабабка и прадед, были спасены Толстым...

...И потом, в начале двадцатого века, мой дед и бабка вместе со многими самарцами спасались от голода вперемежку с другими бедами, косившими русский народ. И спас их благословенный сибирский край, куда они уехали от страшного мора. Все их дети, кроме моей матушки, умерли тогда, а уж новые двое — мои дядья — родились в Сибири.

Не было уже в ту пору Толстого. А другого такого человечка и не появилось более...

Я иногда, не боясь быть наивным, думаю: «Если бы жил Толстой? Было бы все так, как случилось: революции, гражданская война, голод, изгнание лучших умов России из стра-

ны? Ведь всего-то лет семь-десять не хватило ему! Или России? Или через все это надо было пройти российскому народу? Это его Крест?».

...С дополнительной покупкой земель самарское имение писателя заметно расширилось. Центр его переместился на новое место — «хутор на Моче».

Толстой с увлечением занимался конезаводством, в табуне было свыше 150 лошадей.

Из воспоминаний С. Л. Толстого:

«...В самарском имении, по замыслу моего отца, должен был быть большой конский завод. От слияния культурных кровей английских и русских рысистых со степными — башкирскими, киргизскими и калмыцкими — должны были произойти крепкие, выносливые лошади, особенно годные для кавалерии. Условия для такого завода в самарской степи были вполне благоприятны... Во исполнение этого замысла отец купил несколько прекрасных породистых жеребцов и большое число степных кобыл...».

Примерно годом раньше Толстой писал А. А. Фету:

«...К чему занесла меня туда (в Самару) судьба — не знаю: но знаю, что я слушал речи в английском парламенте (ведь это считается очень важным) и мне скучно и ничтожно было, но что там — мухи, нечистота, мужики, башкирцы, а я с непременным уважением, страхом проглядеть, вслушиваюсь, вглядываюсь и чувствую, что все это очень важно...».

С 1872 по 1883 год великий писатель восемь раз приезжал в свое самарское имение на один-два месяца.

В конце семидесятых годов во взглядах писателя свершился перелом. Отношения между людьми и нравственные основы становились для него сомнительны. Тяготило положение помещика, барина. Он испытывал чувство вины за то, что крестьянство живет в нужде, возникает мысль о свертывании самарского имения...

Толстой отмечает в письмах: «...Много бедности по деревням. И бедность робкая, сама себя не знающая...».

Огромный человек с великой совестью не уместился в рамках богатого землевладельца. Не помещался в рамках установившегося уклада и миропорядка. Думал о нас всех, как спасти нас.

И попытался сказать об этом так, чтобы мы поняли, для чего живет человек. Его «Воззвание» обжигает душу.

Мы многое натворили за истекшие годы. И все усугубили и обострили. И скоро ли поймем то, что дано было осмыслить Толстому:

«...Не мне одному, но всем людям ясно и понятно, что жизнь людская идет не так, как она должна идти, что люди мучают себя и других. Всякий человек знает, что для его блага, для блага всех людей нужно любить ближнего не меньше себя, и если не можешь делать ему того, что себе хочешь, не делать ему, чего себе не хочешь; и учение веры всех народов, и разум, и совесть говорят то же всякому человеку.

...«Одумайтесь, Одумайтесь, Одумайтесь!» — кричал еще Иоанн Креститель; «одумайтесь», провозглашал Христос; «одумайтесь», провозглашает голос Бога, голос совести и разума. Прежде всего остановимся каждый в своей работе или своей забаве, остановимся и подумаем о том, что мы делаем. Делаем ли то, что должно, или так, даром, ни за что прожигаем ту жизнь, которая среди двух вечностей дана нам...».

Не одумались: мир не стал добрее, чем во времена Льва Толстого. И нас, кажется, скоро уже призовут к ответу. Мы не такими стали, какими могли бы быть... И Новый Свет, и Европу, и многих остальных трясет давно. Случайно ли это?

И не в том ли беда, что наша жизнь проходит в бездумьи?

* * *

Мы миновали поселок Колтубановский, оставшийся по правую сторону Самары на берегу ее притока Боровки, и вскоре оказались в Самарской области. Впереди было село Борское.

Ближе к Борскому району река Самара, словно добрая хозяйка, раскрыла перед нами свои просторы, она стала шире и глубже. Реже стали появляться крутые песчаные берега. Исчезли завалы.

Впереди был славный своим разнообразием и самобытностью край.

Самара несла нас к Волге, протекающей через Самарскую область с севера на юг и разделяющей ее на две неравные части.

Большая, по которой мы плыли, — Заволжье, меньшая —

Предволжье с возвышенностью и знаменитой Самарской Лукой, северную часть которой украшают Жигулевские горы, поднимающиеся над уровнем моря на триста семьдесят метров. А там, напротив Жигулевских гор, Соколки горы и Кинельские яры. Как и Жигули, со своими легендами и сказаниями...

Природа тут характерна едва ли не для всех уголков России, кроме Крайнего Севера и Южного Приморья.

Что же это за край такой?!

И природой он люб! И духом близок каждому русскому человеку! А по-другому и не может быть, если переселенцы в свое время пришли сюда почти со всей России. Как в капле, в «малой» моей родине отразилась вся Отчизна!

Глава 23. «Во поле березонька стояла...»

Бузулукский бор — островной массив по большей части соснового леса среди степей Заволжья и Предуралья. Жемчужина самарского края.

Примерно в полутора десятков километров от города Бузулука, в бассейне притока Самары реки Боровки, на границе Самарской и Оренбургской областей простирается это чудо. Площадь бора более ста тысяч гектаров. Здесь еще в 1903 году было создано опытное лесничество.

С 1948 года на весь бор распространен режим заповедности и организовано управление лесного хозяйства «Бузулукский бор».

К Борской земле у меня особое, благоговейное отношение. Здесь еще в детские годы, впервые попав в древний большой сосновый лес, ощутил я меж высоких золотисто-медных, облитых летним солнцем деревьев янтарную прелесть старины. И потом уже ничто не могло стереть из моей памяти этого смолисто-хвойного, духовитого настоя, магнетического излучения, идущего от статных красавиц-сосен.

У меня оставалось мало времени до возвращения на работу. И режим плавания, который мы вынужденно установили, не позволял пешеходную вылазку в этот благословенный уголок земли.

...Минуя Борское, мы оставили за спиной и Борский район, расположенный в юго-восточной части Самарской области, в бассейне пересекающей его реки Самары. По северной части

района течет приток Кинеля — Кутулук, а по середине и южнее — притоки Самары Таволжанка и Безымянка. Отсюда до города Самары около двухсот километров по воде.

...На протяжении всего нашего речного пути глаза мои жадно высматривали среди чернолесья березу. Но всего несколько раз отметил я красавиц на крутом правом берегу. А вот сосенки часто появлялись — и более всего по правому берегу. И не поодиночке — стайками тонких, теснящихся у обрыва подружек. Попадались места, где под песчаными кручами лежали они вповалку, вырванные буйной весенней водой. Лежали они зеленые, но уже без будущего. Следующей весной их точно унесет и поломают водоворот..

Ель, сосна и береза в детстве были у нас в большой любви. На «нашем боку» Самары, где село Утевка, берез было всего несколько. Никто нас не наставлял, мы, сами ребяташки, почитали это дерево. И ни разу ни одну из них на моей памяти никто не сгубил.

Все наши березовые удочки были срезаны «на том берегу» Самары, где березки были сплошь и рядом. И срезали мы их не от основного ствола.

...А если на зиму заготавливались на дальнем лесном кордоне в Моховом березовые дрова, то это было всегда для нас, ребяташек, и смятением (березами топить?!), и чудом... Дрова, да еще березовые, это не кизяк... Около печки от березовых полешек всегда стояли особые дух и свет. А в печке, вернее, напротив загнетки, в которой обычно «доходили» лапшатник либо блинцы, сложенные на сковородке аккуратненькими треугольничками, на шестке справа светилась светло-золотистая береста, служившая для розжига дров.

Шесток мама мела большим гусиным крылом. Оно тоже было белым. И печка всегда была белой, а сковородник от железного горбатого носа до середины деревянной прогнувшейся ручки побычно был черен от жары и копоти... и походил на вечного нашего пастуха Кольку Цыгана... Стоял этот огарыш, как чужак, почти у самого порога, сбочь от печки... И труженик хват, расставив кривые ноги, располагался рядом...

...Потом, когда мы подросли, появились лесопитомник и лесополосы. Зашумели тополя и карагачи вперемешку с березами. В этом присутствовало рукотворное начало... Все было

красиво. Но вот те, дикие в лесу сестрички-березки... они были особенные такие... Таинственные и прекрасные.

Сосняки на нашей реке, у села, появились где-то в шестидесятих годах. Их высаживал местный лесхоз. Теперь они образовали в чернолесье красивые островки вечной зелени.

Мы никогда не решались брать у берез сок, даже далеко от дома, где их росло много...

...Это потом, во взрослой жизни, я узнал, что на Руси главным культовым деревом была береза. А в детстве мы уже и так видели и чувствовали: с березами в лесу светлей...

Известно, что береза до конца XVIII века была в России и символом начала весны. Ею украшали жилища.

Государь Петр I Указом своим от 20 декабря 1699 года обязал «по примеру всех христианских народов день «Новолетья», до этого отмечавшийся 1 сентября, перенести на 1 января». Этот день объявлялся праздничным, и повелевалось на домах вешать «украшения от деревьев и ветвей сосновых, еловых и можжевельных». И ель с сосной потеснили березу.

Немало противился новшеству и люд простой, и знатный. Но постепенно новые порядки прижились.

Первая публичная елка в России была установлена только полтора века спустя — в 1852 году в Петербурге, в большом зале Екатерининского вокзала. При советской власти первую общественную елку устроили в Михайловском артиллерийском училище в Петрограде 31 декабря 1917 года.

И что делается в начале XXI века?

Народы всей Европы, половины Азии, Северной Америки губят ради забавы миллионы елок. Ель и в России, и за рубежом стала главной жертвой браконьерских рубок.

Не помогают восстановительные лесопосадки. Во всем мире площадь ельников сокращается.

Обошла эта участь нашу березу!

...В 1903 году перед Рождеством учительница Раиса Кудашева напечатала в журнале «Малютка» стихотворение «Елка», которое начинается словами «В лесу родилась елочка...», а в 1905 году кандидат естественных наук, агроном Леонид Бекман для своей маленькой дочки Верочки сочинил музыку на эти стихи.

Может, они еще тогда, давно, таким образом неосознанно за всех нас повинились и пожалели елочку?

Село Гвардейцы мы проплывали в полдень. Здесь у меня случилась маленькая неприятность.

«Заело» резьбовое соединение у клапана при подкачке лодки. В спешке я, видно, переусердствовал, пытаясь все-таки повернуть его. Посыпалась мелкая алюминиевая стружка, и резьбу заклинило.

Высадились на берег. Но и на «земной тверди» не смогли отсоединить «лягушку» от лодки — пришлось ножом вырезать из «тела» лодки карман, а потом заделывать отверстие. Так появилась у моей лодки на правой «колбасине» большая зеленая заплатка.

...В селе Гвардейцы 29 марта 1931 года родился космонавт Алексей Александрович Губарев. Он один из нас, русских, совершивших выход в космос и подтвердивший высочайшую метафизичность России. Устремленность в иные дали так характерно для порывистой русской души.

...Мальчишка, родившийся в крестьянской семье в Самарском крае, стал дважды Героем Советского Союза.

...И вновь вспомнился мне светловолосый и ясноглазый рыбак Митя, которого мы встретили у села Николаевка. Как-то сложится судьба у этого степняка? Что готовит ему лихое время? Мог ведь и он стать соколиком русской земли.

Глава 24. Животоки

Часто, если села были далеко, мы отыскивали роднички на берегу Самары. Углубляли их и набирали воду.

И сердечно благодарили этих светлых помощников.

Мы уплывали, а роднички оставались...

Такие роднички — недалеко от села Гамалеевка, под Тоцком, под Сорочинском около дамбы водохранилища, под Покровкой, Утевкой. По всей Самаре. И я их все помню. «Без памяти родник пересыхает...»

Когда, намаевшись день без воды, вдруг отыщешь источник и, нагнувшись, припадешь губами, раздувая травинки, к прохладной и таинственной влаге, тогда поймешь, почему наши предки молились роднику.

Владимир Даль отмечал, что родник — ключ, бьющая из земли водяная жила, криница, родничок, место рождения ключа.

Ключ — это источник, опирающийся недра земли.

И река Самара начинается с родничка.

...Осенью побывал я и у главного для меня родника: у истока реки Самара. В трех-четырёх километрах от села Кариновка, что под Оренбургом, в степном раздолье пробивается на свет меж камней, бьется, как жилочка на виске, маленькая струйка водицы.

Выйдя из-под камней и из бетонного, в метр диаметром, кольца ручеек этот тут же образует небольшое озерцо.

И уже в шаге от истока, в углублении, вода эта голубовато светится, ясным оком глядит бочажок на небушко. И бездонная небесная синь отражается в нем.

И не мешают этому чудесному обмену взглядами ни ветла, раскутившаяся рядом над причудливой земляной запрудой, искусно выстроенной бобрами, ни молоденькая поросль ольхи... А чуть повыше родничка стоит желтеющая крепенькая березка и небольшая голубая беседка.

И они не теснят ручеек. Наоборот: будто зная, какой путь предстоит ему. Посторонились и, прислушавшись, молчат светло... Как долго я шел к своему истоку! Получается, что почти всю жизнь...

Все, что видел в походе по реке, все есть у истока ее. И ветла с ольхой и березкой, и куга с осокой... и песчаные берега, отмеченные отрогами древнего Общего Сырта.

«Только ли к истоку своей реки я вернулся?..» — думал я.

Вспомнились слова лесника, о котором когда-то рассказывал Паустовский: «...Вы смотрите, как это складно выходит, — родник, родина, народ. И все эти слова как бы родня между собой...».

Так мог сказать и мой дед Иван Дмитриевич Рябцев.

...Тот день стоял как хрустальный. Свет и тишина царили вокруг! Так была отмечена наша долгожданная встреча.

Самарский край — то духовное и физическое место, где произошло и чудо моего рождения. И пусть я мал. Я — микроскопичен под этим небом, но мое появление неслучайно... как неслучайно оно у каждого из нас!..

И жизнь наша — величайшая тайна бытия. И только, может быть, в отчет крае удастся приблизиться к пониманию этой тайны...

* * *

Наши предки 9 декабря, на день Юрия Холодного, слушали воду в колодце. Если водица тихая, не волнуется — то и зима будет тихая. Коли слышатся звуки — жди сильных ветров и морозов.

Святили колодцы в России на Первый Спас.

А где копать колодец? Народная примета подсказывает: там, где по зорям первый пар ложится.

Самые трудные болезни, считалось, лечатся только «непочатой» водой. По старинным поверьям набирать ее надо до восхода солнца при полном молчании из того колодца, где еще с ночи никто воду не брал. Лучше, если воду эту взять с трех криниц. Несущий «непочатую воду» ни с кем из встречных не должен был разговаривать, иначе целебная сила могла уйти.

Предки современных украинцев считали, что количество колодцев взаимосвязано с числом звезд на небе. Выроют колодец или расчистят родник — зажигается новая звезда. А если колодец засохнет или засыпят родник — погаснет и звезда.

Есть в благословенном Самарском крае вырытый мной вместе с мамой колодец. Может, и звезда наша на небе светит.

Немало мы расчистили родничков по берегам Самары, пока сплавлялись...

Звезд над головой было множество и небо было чаще всего ясным...

* * *

Тихая самарская утренняя водица, подсвеченная желтыми песчаными берегами и неглубоким на плесах золотистым дном, свет, сотканный из легкого, таинственного, таящего в себе ночные призраки тумана, ласкали мои глаза и душу.

Перечитывая свои дневниковые записи, вновь переживаю забываемые ощущения:

«Уходя за поворот реки, туман становится все гуще и гуще. От ясно очерченного и облащенного утренним солнцем противоположного берега, от изумрудной зелени осинника, боярышника и ольхи веет то древним и призрачным, то до бесконечности близким и родным. От этого становится не по себе. К этому надо привыкнуть.

...Я сижу у прохладной древней воды на краю своей лодки. У

ног моих всхлипывает ручеек, а вокруг на сотни метров влево и вправо ровный берег. Песчаная янтарная равнина покрыта кулижками большущих лопухов. Лопухи, все в крупных каплях росы, кажутся на коричневом поле изысканным украшением. Сказочный мир окружает меня на реке.

Меж лопухов виднеются следы. Вчера, собирая для костра мелкий сушняк, принесенный еще полой водой, нарушили мы девственность этой равнины. До нас будто здесь никто не был. Очевидно, ветер здесь ровняет песок с завидной прилежностью, готовя приют для редких гостей...

Все на реке тонет в утренней тиши, в царстве бархатного воздуха и света».

* * *

...На Самаре я часто вспоминал деда. Река и мой дед для меня едины. Часто думал о смерти. Спокойно думал и уравновешенно. Этому меня научили дед и река.

У деда было уже совсем плохо с сердцем. Мне говорили, что его может не стать в любой день. А я не решался появляться. Ибо при встречах с ним плакал от безысходности навзрыд.

...В тот раз пересилил себя. Выплакавшись, выдавив из себя, казалось бы, все слезы, вошел во двор.

Дед Иван сидел на крылечке в шубе, греясь на апрельском солнышке.

— Ну вот и хорошо, Шура, что ты приехал, а то помру я, не повидав тебя...

Он сказал эти слова, и я в один миг лишился способности говорить. Лицо дрогнуло. Горло перехватило. Я начал шмыгать носом. Потекли слезы. Еле-еле что-то произнес протестующее и замолчал.

— Ну что ты, Шура, это же со всеми происходит. Теперь мой черед.

Я не принимал такой логики. Не был готов к этому. Всего разговора на крылечке не помню теперь. Тогда я только слушал и изредка кивал головой. Чувствовал себя виноватым: он умрет, а я останусь жить...

Лицо его, всегда казавшееся мне красивым, теперь худое и небритое, с ввалившимися глазами и щеками, пугало спокой-

ствием. Оно осветилось почти детской улыбкой. И он сказал легко и удивленно:

— Вот ведь как! И войны прошел, и голодные годы. Чего только в жизни ни происходило. А закрою глаза, будто ничего и не было. Вижу только себя плывущим по Самарке в лодке! И такая красота, и радость от этого! Почему так?

Он говорил это, не думая, что я дам ответ. Он знал: есть нечто такое, что нельзя объяснить, остается только удивляться.

...Я уехал сдавать свои «сопроматы». Он умер через неделю. Так просто.

«Всему свое время, и время всякой вещи под небом: время рождаться и время умирать, время насаждать и время вырывать посаженное...», — это пришло из Библии много позже.

И принял я спокойную мудрость моего деда.

Глава 25. У села Богатое

У села Богатое мы высадились на правом высоком берегу сразу после моста.

Я решил позвонить домой. Но почтаamt оказался так далеко, что пожалел о своей затее. Да и новые кроссовки, которые надел впервые за весь поход, были маловаты. Попробовал снять и идти босиком, но израненные в преодолении завалов ступни ног давали о себе знать. Да еще пыльные улицы все сплошь в камушках, а узенькие тротуарчики вдоль домов из мелкого щебня. Пришлось крепиться.

Некоторой компенсацией за мое терпение были удачный звонок жене и в магазинчике — черный хлеб, по которому я сильно соскучился. Дозвонился я и до своего заместителя на заводе. Дела шли там терпимо. Вот только заграничные коллеги — немцы упорно торопили с приездом моим в Мюнхен.

Желая сократить путь, пошел к реке дворами. Миновав школу, вышел на большой откос с извилистой тропинкой. Когда направился вдоль забора, попал в удивительный уголок, где над головой свисали отяжелевшие ветки с налитой спелой вишней. Да в таком неожиданном изобилии! Шла вторая половина июля...

Я потом и записал в своем походном дневнике: «Село Богатое подарило богато мне самый вишневый день в моей жизни и мозоль на мизинце правой ноги».

У самого села, где мы сделали остановку, и ниже по реке — песчаные пляжи. Днем много купающихся, а вечером берега обсиживают рыбаки.

Около огромной речной косы, будто искусственно намытой из крупного красно-коричневого песка, нас настиг с шумом окатный дождь. Быстро высадились. Но отвесные, сильные потоки воды и резкие порывы ветра сделали свое дело. Вещи успели укрыть, а сами, пока возились под проливным дождем, промокли. Водяные струи метались под дном палатки, а на реке от ливня стоял звон...

Когда все стихло, вечер был уж больно хорош. Легли спать поздно — сидели у костра.

Спалось спокойно, пока где-то около трех часов ночи не начался вновь дождь, а потом и гроза. На мои уговоры порыбачить бреднем в грозу никто не согласился...

Встали в восьмом часу. Гроза затихла. Глаза слепили лучи солнца. Песчаное пространство вокруг, обрамленное с одной стороны речкой, а с другой — осинником, поднимающимся террасами вдаль от реки, благоухало. Песок был прибит дождем, залит и упитан влагой. Крупные и ядреные, словно крепко взявшаяся разреженная рассада гигантской капусты, стояли большие лопухи.

...Борис еще спал. Анатолий гремел посудой. Константин вынимал у Юры из пятки занозу. Делал он это в походе уже не в первый раз. Юру полюбили не только комары, но и занозы. А Константин ходит босиком. Как птица. И все у него нормально.

После завтрака не спеша стали готовить лодки. Борис заявил, что дальше не поплывет. Его не устраивал ритм нашего похода.

Последние дни, если не было препятствий, мы гребли с утра до вечера, делая небольшие перерывы и один, более длительный, на обед.

— Куда, говорит, вы бздырите? — пояснил Анатолий. — Он хочет отдохнуть, не спеша плыть тридцать дней, а тут поставлена задача за восемнадцать. Он не согласен. Борис не хочет к людям. Твердит, что ему среди людей одиноко, а здесь — хорошо.

— Так он ведь не слышит и не видит людей? — Константин смотрит на Бориса.

Тот стоит изваянием чуть поодаль. Как обычно, он монумент-

тален. Похож на вождя древнего племени, властное желание которого переводит доверенное лицо — Анатолий:

— Он говорит, что остался бы жить на этом красивом песчаном плато, так оно ему понравилось, если бы не зима. Он здесь более, чем где-либо, ощущает близость неба.

Я невольно вздрогнул: сколько было мест на Самаре, которые не хотел покидать, но ведь надо...

— Он, правда, туземец, твой Пятница, — удивился Константин. — Так закорячился.

То Юрий убеждал меня, что ему нечего делать за границей: «На фига мне сдалось их такое рыночное счастье? Мы хоть в космос вышли первыми, а они животы только свои набивают, они там не так думают, чему у них учиться?». Ничего себе: «думают не так», но умеют-то многое?!

А теперь Пятница к людям отказывается плыть!

Мы на реке снова становимся детьми?

Константин смотрит в упор.

Я молчу в ответ.

Наш Решительный не только нас фотографирует, но и разглядывает... понять хочет... непросто ему...

Обращаясь сразу ко всем, Борис произносит спокойно и буднично:

— Я привык ходить чаще один. Я остаюсь. Поживу невторопь. Зачем мне рваться туда, где околевает совесть?

Сказал и пошел к воде.

Я запротестовал, обращаясь к оставшимся:

— У него ушиб грудной клетки, а может, и перелом ребра — нельзя оставаться одному. Мало ли что может быть? Надо его уговорить плыть с нами. Если не устраивает компания, то доплывем до Утевки, а там машиной доставим его до Самары.

Анатолий отправился на переговоры, но вскоре вернулся.

— Борис — неуступа. Бесполезно.

Посоветовавшись, решили: раз опаздывать на работу мне нельзя, надо делиться. Мы с Константином в прежнем ритме плывем вдвоем, а остальные втроем стартуют чуть позже, не торопясь. Дней через восемь доберутся до города Самары.

На двоих с Константином мы взяли десять картофелин, пять литров воды, две банки тушенки, полбуханки хлеба и, попрощавшись, отчалили.

Обернувшись, я посмотрел на Бориса. Он деловито возился около своей палатки. «Читал ли он толстовское «Воззвание» и читал ли Толстого вообще? — думал я. — Толстого бы в наше время! Что бы он сказал?»

...Первые четыре часа мы гребли почти без перерыва. Ветер часто дул в лицо, скорость была небольшая.

Река здесь широкая. На берегах попадаются сосновые островки, но чаще всего осинник, тополь, песчаные косы с лопухами. На воде не жарко, хотя работали веслами без останова.

Из записей в моей тетрадке:

«...Пишу, а у самого пальцы рук словно деревянные, никак не отходят после гребли. Задали мы ритм!

Сейчас утро, восемь часов. Небо без единого облачка. Ветер верховой, сильный. И на воде ветер есть.

— Опять ты нас нашел? — сокрушается Константин.

Он с ветром на «ты».

На этом участке, у Максимовки, берега часто крутые, а если отлогие, то вязкие — для остановок неудобны».

* * *

Когда мы остались вдвоем с Константином, дела у нас пошли слаженнее. Но как-то однообразно. Непривычно было без наших таких разных спутников.

— Вчера Юрий спросил меня, — вдруг произносит Константин, — куда мы идем?

Я не сразу врубился, а он постоянно думает о своем, ищет ответ.

— Если, говорит, мы, русские, не сохраним себя, не останемся самими собой, если пойдем за Западом, то придем к катастрофе. Зачем мы за ними поплелись, они же сами не знают, куда идут? Западная цивилизация не может победить, ибо она — зло. Наше сознание определяет все-таки не бытие. Дух и сознание во главе всего. Зло все равно потерпит поражение. Оно самопожираемо — так и сказал. Каков наш Юрий! Он меня перевернул! Жалко, кончился наш сплав, не договорили мы с ним...

— Но ведь он высказался куда уж яснее. — Мне интересно, что ответит Константин. — И ты, по-моему, во многом согласен с ним?

— Понимаешь, он высекает мысли, этот колдунчик. Думать начинаешь при нем самостоятельно...

...Роднички да кулички стали теперь нашими постоянными спутниками. Попадались и чайки малые, но редко. А кулички всю водную дорогу были с нами. Они создавали особый уют. В отличие от своего собрата кулика-сороки.

Эта неловкая на вид и крикливая птица, будоражила речную тишину при нашем появлении резким криком. Очевидно, гнезятся эти кулики где-то по берегам и криком своим выдают это обстоятельство. Ни разу не было, чтобы их взлетало более двух пар. Похоже, что река поделена на участки, которые принадлежат отдельным семьям этих пернатых. Кулики-сороки стали нам попадаться только после села Тоцкое. И мы видели всего не более двух десятков пар.

Этот кулик — крупная птица, размером с голубя. Имеет контрастную черно-белую раскраску. В полете напоминает обыкновенную сороку, потому, вероятно, так и называется. У кулика-сороки ноги и прямой длинный клюв окрашены в красный цвет. Голова, шея, спина, крылья и кончик короткого хвоста темного цвета с сизоватым отливом.

Я заметил, что пропитание кулики-сороки разыскивают на ближайших к гнездам речных участках.

Эта птица, на которую природа не пожалела сочных красок, но не придавала статности, ходит по песку, долго что-то высматривает и медленно засовывает клюв в песок. Или заходит в тихие тенистые заводи по брюшко и опускает клюв в воду. Часто кулики-сороки бродят по мелким ванночкам, оставшимся на берегах, бороздят их. Очевидно, кормятся моллюсками и беспозвоночными, а также, возможно, и насекомыми.

Один только раз видел, как кулик-сорока садился на воду и плавал. Скорее всего, это у них не в обычае.

Видимо, вороны разоряют их гнезда. Я наблюдал, как пара куликов-сорок переполошилась при появлении этих умных разбойниц.

Каждый раз, оставляя позади крикливых куликов-сорок, мы облегченно вздыхали. Уж больно надоедливая и шумная птица. Всегда казалось, что она на реке случайна. Река устала и ждет, когда освободится от нее...

Глава 26. Возвращение

Миновав Покровку, мы вышли на ровный участок, и впереди обозначился силуэт моста у поселка Красная Самарка. Поселок раньше назывался Крепостью, а мост, соответственно, крепостным. До него мы в своем походе уже миновали полтора десятка разных мостов...

Поездив по миру, много видел я мостов. Но «Крепостной» — особенный. Он — первый. В детстве лучше всего брали голавли именно около его свай. И самый крупный подуст ловился здесь: с лодки на перекате. И еще около этого моста, справа под горой, бьют незамерзающие холодные ключи. Два из них особо сильные и напористые.

Деревянный мост ежегодно сносила большая вода, но его терпеливо восстанавливали.

По его скрипучим, широченным и толстым доскам множество раз проехали мы с дедом в сенокосную пору в Моховое или с дядьями на охоту. Но уже давно этот деревянный мост заброшен. Нефтяники наводят понтонный. Каждый год река Самара теперь по весне фатально зависит от уровня воды в Волге, а Волга — от регулирования стока на Куйбышевском водохранилище.

...Увы, внука моего у «Крепостного моста» не оказалось. Пока я был в плавании, что-то повлияло на наши планы. Завершающий участок пути проплыть вместе, как нам хотелось, не пришлось.

«Ничего, — думал я, — был бы здоров, мы еще сплавимся с ним по этому маршруту! И не раз».

...После моста у Крепости начинался участок реки, на котором я, можно сказать, вырос.

Открывались места, названия которых меня завораживают и до сих пор. Самое первое по ходу от моста — Кунаев ключ, здесь всегда была самая удачная рыбалка. Место получило название от небольшого притока по правому берегу реки, оживающему только в водополье. Этот ключ — прорва. Появляясь из леса, он рвет крутой, нависший над водой, заросший ветлой и черемухой берег реки. Здесь всегда коряжистая яма, где постоянно чмокают сомята. На них-то мы и охотились, используя для насадки личинки майского жука, лягушек или пучок

дождевых червей. Но чаще всего — шейку рака. Рыбалка всегда тут была таинственной и особенно вдохновенной. Сомята на удочку брали обычно где-то после одиннадцати вечера и до двух часов ночи.

По склонам ключа-оврага, затененным могучими ветлами, всегда росла ежевика и черная смородина. И хотя жутковато спускаться в самую низину его, ягода манила к себе. Мы ватажками наведывались туда...

Если отважиться и пойти дальше от реки по этому таинственному руслу, то попадешь в непролазную топь, закоряженную и заросшую кугой. В таком только необычном месте, казалось, и водятся русалки с лешими. Едмице — так мой дед Иван называл его.

А я именовал по другому — урема. Не помню, откуда это слово ко мне пришло. Но оно было почему-то как бы своим, хотя и страшноватым немного. «Уре-мма», — повторял я вслух, и мне становилось будто даже радостно оттого, что есть такое у нас в лесу: и угрюмое, и заманчивое. «Урема — это так дремуче и велико! Как в Сибири!» — думал я.

Когда мы с ребятами нашли в уреме зеленую черепаху, дед добродушно принял мое название. Усмехнувшись в усы, он согласился:

— Чему ж дивоваться-то, одно слово — «урема»! Чего только в ней нет...

Так и прилепилось мое название — Кунаева урема.

...А напротив Кунаева ключа, на левом берегу реки, — милые сердцу Пески, как брошенная кем-то косынка — огромная золотая песчаная отмель, поросшая изредка, поодаль от воды, мелким осинничком да красноталом.

Этот берег — полная противоположность правому мрачному, темному берегу. Тут царство света, мелководья и трепетного осинника с лопухами. Здесь мы устраивали всегда рыбацкие ночевки. На перекатах днем стояли на лодках и ловили подуста. Ночами, кто не сомятники, гоняли шумливые стаи подуста недотками на мели.

Пески на левом берегу кончаются, и тут же сразу — большой, сумрачный Полоузный ключ.

Вся окрестность Утевки со стороны Крепости, Покровки и Ветлянки в весеннюю большую и малую воду питает через

Курьни, Ильмень, Прыгалку и старицу реку Самару. Часть этого бурного потока врывается в реку через Полоузный ключ. Но это в водополье. А летом журчит, бормочет себе под нос веселый ручеек, образуя у самого входа в реку небольшое углубление, которое мы, ребята, звали «ванной».

...И ворохнулась в памяти, ожила когда-то яркая, а теперь уже полуистертая картинка: старые могучие, кряжистые ветлы, котрые росли здесь вдоль небольшого ручья и были свидетелями наших ребячьих забав, в одно бурное половодье повыврывало с корнями и унесло мутной картавой водой...

Образовался сырой и глубокий овраг: крутые песчаные берега да тина появились взамен красоты и величья...

Это одна из многих утрат, случившихся в детстве на моих глазах...

Почти напротив Полоузного ключа на крутом склоне, заросшем теперь осинничком, был раньше крутой съезд к броду и выезд на поляну. И часто фыркали тут лошади и скрипели повозки.

А на поляне среди клубники и разнотравья стояла памятная мне кривая ветла. Через поляну дорога вела в село Мало-Мальшевку.

Здесь, в этом лесу, мы когда-то с отцом по заданию лесника в чернолесье ставили межевые столбы. Лесник разрешал нам за это между кустами косить сено.

В лесной духотище, вооружившись лопатой, пилой и топором, под нестерпимым солнцем тесали мы лесины, рыли ямки, ставили столбы, а уж потом кто-то из лесничества краской метил номерами лесные участки.

Помню, спасались мы тогда от несносной жары тем, что пили айран — кислое молоко, разведенное водой.

Немало таких столбиков стоит в нашем лесу.

Мы причаляли к берегу. Поднявшись в лес, обнаружил один такой межевой столб и опознал: точно «мой» — я тесал вершинку его. Стоит на земле — несет свою службу...

...Чуть правее есть еще поляна среди мелколесья. На ней растет большими кулигами чилига.

Здесь обычно бойкие Стрепетки с нашей улицы режут ее серпами. Вяжут веники, потом берут их на предприятия. Это их промысел, переходящий из поколения в поколение.

В леске, вокруг поляны, мы с моей бабушкой Груней часто собирали хмель. Бабушка варила «дрожжи», как она говорила, на всю нашу улицу. Все лучшие закваски были всегда у нее.

А еще она собирала шиповник и черемуху, сушила ягоды на зиму и ухитрялась продавать в степных селах, там они шли за диковинку.

Помогала река жить...

...Ниже Полоузного ключа — Ледянка, Угол, Искровская купалка, Платово, Шум... И с ним тоже связаны целые куски моей детской жизни. Да и только ли моей!..

...Много раз я по просьбе дядьки либо деда перегонял вверх по реке с Платово до Крепости лодку-плоскодонку на расстояние около трёх километров и более. В двенадцать лет — это целое путешествие... Я до сих пор помню эти перегоны...

...И ямины на реке, перекаты тех лет не забыл. Помню корни и коряги, с помощью которых преодолевал местами сильный речной поток...

А наверху, на берегах, где потоки в водополье слабее, есть и сейчас деревья, с которыми не теряю личную связь. Среди них и дуб, и осина, и осокорь, и ветла, и березка...

Где бы я ни был, вернувшись, по возможности прихожу к ним. Так у меня сложилось...

Мои друзья-деревья свидетели тех лет, дней, когда живы были мои родители, мои дед и бабка...

...И вдруг я спохватился, вспоминая эти давние годы: на всем водном пути мы не видели ни одной плоскодонки, ни одной ватажки пацанов-рыбачков с лодкой.

В наше время каждую весну во многих дворах готовили разошедшиеся плоскодонки к плаванию. Конопатили щели ветошью, накладывали и прибивали мелкими гвоздями жестяные полоски по ним. Затем смолили. Дно промазывали смолой обычно целиком. И хотя от этого лодка становилась тяжелее на ходу, зато надежней.

Первое свое стихотворение я написал под впечатлением такой вот подготовки лодки к летней ее жизни. Помню теперь только две строчки:

*И выгибает спину лодка кошкой
Под дедовым размахистым мазком.*

Помню еще, как мои дядьки и дед делали новую лодку. Это было для меня тогда ни с чем не сравнимое событие. Из досок, которые несколько лет пылились в сельнице, томились в забвении, росло на моих глазах сверкающее, пахнущее сосновой смолой удивительно ловкое суденышко. Оно еще во дворе, на весеннем солнце, окруженное сосновыми пенящимися стружками, как речными волнами, подталкивало и манило к себе. Хотелось сесть на широкую корму и почувствовать его норы.

Сходное чувство испытывал я, когда вскакивал на удобную спину мерина Карего и обхватывал его, упираясь босыми пятками в крутые бока...

* * *

...Чаще всего в нашем походе попадались на реке взрослые. И часто не с удочками, а с «пауками» — большими кругами на концах длинных шестов с блоками. Такая механизированная снасть. И видно было, что в большинстве рыбачили люди чужие, приехавшие на машинах. Своего, «оседлого» населения река лишилась. Перестав быть частью деревенского быта, она стала забавой, пригодной только для досуга. Приехал — уехал: вот и все общение с рекой.

...И ни разу не услышал я песни на реке.

Зато видели мы умельцев, добывающих цветной металл. Сидит себе такой мужичок у костра, рядом гора выгоревшего кабеля и он, весь чумазый и пропахший гарью, выбирает краденое из углей.

— Разные специалисты бывают, — угрюмо произнес при последней такой встрече Константин и неожиданно крепко выругался.

Рассказал нам местный рыбак из села Богатое и о добытках иного рода — с электроудочками. Их он наблюдал накануне на реке.

Удивительное дело! Как только человек ни изоцряется, чтобы покорить природу. А вернее, ее искалечить. Если раньше путь рыбе, идущей на нерест, преграждали сети браконьеров, величественные наши гидроэлектростанции, ядовитые стоки, то теперь человек придумал еще и электрошок и

назвал это, вроде бы, прилично — «электроудочка». Какое? Электрошок для природы? Нашлись изобретатели. Теперь производители-кустари широко продают такую снасть. Эту с виду невинную «электроудочку» я бы назвал орудием массового уничтожения, не иначе. Своеобразная мини-атомная бомба для рыб. Небольшая коробка, которая свободно помещается в обычную сумку или рюкзак, на самом деле мощный трансформатор, преобразующий ток аккумулятора до тысячи и более вольт. Такой ток через сачок попадают в воду и «глушит» рыбу. Эта адская техника может воздействовать на десятки метров.

Специалисты так описывают действие «электроудочки»: холоднокровные (рыбы, лягушки), попадая в поле постоянного тока, стремятся быстро из него выйти. Когда электрическое поле слабое, они выходят (пугаются). Когда же сильное, погибают, получая электрошок. Промежуточный вариант: когда ток «не маленький и не большой». Тогда проявляется «анодная реакция» — рыба активно устремляется, как по туннелю к аноду, то есть, к обручу сачка. А когда крупная добыча переключивается в рюкзаки, ненужной рыбаку-браконьеру молодью усыпано все дно.

Сом, попав под ток, всплывает на поверхность воды с широко раскрытым ртом. Быстрый красавец голавль уныло лежит на поверхности воды кверху брюхом. На щуку действует даже самый слабый ток

Все очарование рыбалки, все таинство ее с появлением «электроудочки» исчезает напрочь. И уж это не рыбалка вовсе, а убийство... Какое это удовольствие, когда всю находящуюся в округе рыбу ты сажаешь на «электрический стул»? Живодерня, да и только!

Есть свидетельства того, что в этот момент гибнут сотни и тысячи личинок насекомых, уничтожается рыбий корм.

Основоположником электролова считается немец Альфред Шенфельдер, который опубликовал в 1925 году в журнале «Рыболов-спортсмен» статью «Лов рыбы при помощи электричества». Чуть позже, в 1940 году, другие немцы Шименц и Гумбург предложили этот способ для промышленного рыболовства. И пошло-поехало...

...Мы с Константином покинули стоянку у села Богатое накануне в четырнадцать часов, в разгар светозарного дня. А приплыли к Утевке на Ледянку, туда, где год назад впервые встретились и познакомились с Анатолием, вечером следующего дня.

Торопясь, почти без отдыха работали веслами. В первый — день около пяти часов. Второй день — семь часов. Первую ночь провели напротив села Максимовка.

Вторую ночь коротали с Константином под Утевкой на высоком берегу реки, у Ледянки.

...Солнце скрылось за горизонт и взошла вечерняя заря. Прощальная для нас на реке.

В разливе красок тонули глаза, а слух был в плену у томного молчания реки. Мы, кажется, растворились в этом червонном, бирюзовом, малиновом, туманном и древнем мире...

Не верилось, что сможем завтра добровольно уехать с берегов нашей реки...

...Проснувшись под утро от холода, я достал байковое одеяло, куртку и водрузил их поверх спального мешка. Только стал засыпать, звякнула посуда у тлеющего еще костра. Быстро вылез из мешка и раскрыл лаз в палатку. Все затихло. Едва задремал, вновь позвякивание в горке вещей. Снова пришлось покинуть спальный мешок. Осторожно, как мог, приблизился: из-под посуды выпорхнула мелкая серая птичка. Возможно, это была летучая мышь.

Ложиться больше не стал. Захотелось пройтись по берегу. Он был совсем уже другим, нежели в далеком детстве.

Голое когда-то пространство от Ледянки и ниже метров на пятьсот заросло кустарником и осинником. Стало уютнее от этого, но непривычно.

Чуть поодаль от палатки в низинке наткнулся на огромные неохватные для одного человека пни: все, что осталось от двух старинных могучих осокорей, стоявших, как великаны-часовые, на крутом берегу. Да и сам берег теперь уже не такой крутой, как раньше. И огромного омута на Ледянке не стало. Берега выровнялись за годы, которые отделяли меня от детства. И течение установилось ровное и спокойное...

* * *

...Я доплыл до своего родного села Утевка и остановился.

Два места на Земле, где мне особенно щемяще-грустно и светло: могилка моих родителей и моя река Самара...

В последнее утро нашего похода Константин сказал, подетски улыбаясь:

— Знаешь, приснилось сегодня ночью, что я птица. И пролетел я над Самарой-рекой, как чайка. Оттого-то непривычно теперь болят руки. От предплечья до пальцев. Будто намахался вдоволь, до усталости. Непривычно...

— А может, так оно и есть, — отвечал я. — Мы прилетели с тобой, а не приплыли?..

...Я присел напоследок на высоком песчаном берегу, как это мы когда-то делали с дедом Иваном, и задумался: «Счастливы ли я, встретившись со своей рекой? Конечно, счастливы! Но только ли счастья мне надо? И только ли этого я жду?».

Мысли шли спокойными волнами: «Ведь смысл не в счастье, а в правде», — всплыло вековечное, кажется, независимо от моего сознания. И стало легче и радостней, будто я преодолел что-то ранее недоступное и стал чище и зорче душой. И это было ей дано в моем благословенном крае...

«И познаем мы свой край и Родину свою настолько, насколько любим», — другой голос говорил мне, и я соглашался.

* * *

Едва успели попить чаю, как приехал мой приятель на машине. Мы стали собираться в сухопутную дорогу.

Здесь, на обрывистом берегу, среди дремлющего в июльской истоме редкого тальника, собрал я душистый букет из пижмы, медуницы, Иван-чая, дикой мальвы. Приложил и две веточки цветущей чилиги. С высокого берега помахал Самаре на прощанье рукой. Потом постоял в раздумье. Вот уж действительно: в одну реку дважды не войдешь...

Мы поехали в город Самару, намереваясь по пути, на выезде из села, заехать на кладбище.

С кем я прощался? С рекой, с тем временем, которое я провёл на реке? С тем временем, в которое река меня вернула? С нами, какими мы были? Теперь-то мы как бы уже и не «мы».

Возвращались мимо озер: Лопушного, Подстепного, Таловой

ямы, Лещевого, Осинового, Латинского и Бобрового. Я не удержался от соблазна, и мы сделали ради этого круг: поочередно объехали их по песчаному проселку, выскочив после Бобрового на прямой большак с ровными, стройными тополями по обеим сторонам.

Совсем рядышком, справа, остался необычный лагерь «Дружба», своеобразный филиал здешней средней школы.

Привлеченную природой ребятню со всей области здесь ждет много интересного. Вдобавок — новый жилой корпус на пятьдесят мест.

Можно и позавидовать: в наше время такого не было. Сюда съезжаются ребята, чтобы изучать природу и историю края. В программе — насекомые леса, поля и луга, экология и уход за яблонево-вишневым садом. Дай-то Бог им удачи, этим ребятам.

Они изучают природу. А мы жили в этой природе! И под кручей, на которой сейчас стоит лагерь, на мясо ракушки и обыкновенную нитку, привязанную к пальцу, ловили большущих раков. Теперь уж их столько в озере не водится...

* * *

...Вот он — выезд из села, а слева — широкое кладбище.

Разделив букет на три части, положил я цветы на три могилки: маме и отцу, деду с бабушкой и дядьке Алексею. Они все любили полевые цветы. Особенно бабушка Груня. Полуденный зной, густой аромат трав, покрывающих все кладбище, вечность, осевшая на крестах и неказистых памятниках, — все было знакомо и таинственно...

Два венчика цветущей чилиги оказались на могилке моих деда и бабушки.

Странно: стояло безветрие, а легонькие лепесточки у чилиги еле заметно шевелились. Словно трогало их чье-то тихое и близкое дыхание...

И снова слышался мне голос моего деда Ивана Дмитриевича и его слова, сказанные когда-то тихо и просветленно:

— Чего только в жизни ни происходило! А закрою глаза, будто ничего и не было. Вижу себя, плывущего по Самарке на лодке! И такая красота! И радость от того, что плыву!

...Я уж, было, пошел от могилки, но что-то остановило: «Ведь

не о реке одной он говорил тогда. Он говорил о нас всех. О том, что нас объединяет, движет нами. О любви он говорил. И о наших истоках...».

Я еще раз обернулся: легонькие лепесточки продолжали шелестеть...

Укор ли какой шел от них или что-то иное? Как мне было понять...

...Все входило в свое обычное русло. Широкая лента авто-страды рвалась вдаль. Скорость, шуршание сильных и быстрых колес после нашего медленного сплава... Чуть более часа — и мы будем в областном центре.

...Через четыре дня позвонил Анатолий и сказал, что они с Юрием приплыли без Пятницы.

Борис настоял, чтобы оставили его на реке одного, как он сказал, «пустынничать».

— И надолго? — спросил я.

— А пока река не отпустит..

Вместо эпилога

...В первые дни, после того, как я узнал, что Борис остался, мне не было покоя. Переживал за него. Как он там, совсем один? И опытен, и неприхотлив. Но один: мало ли что может быть...

...Немцы, с которыми мы сотрудничали, настаивали на встрече, и я вылетел через Москву в Мюнхен.

...Едва самолет поднялся в воздух, я прилип к круглому окошечку и глаза мои отыскивали Волгу, а затем и Самару.

Волга темно-синей широченной лентой лежала внизу величаво. Самара была светлее, легче и серебристей.

Меня, в отличие от Бориса, нес другой поток.

Я скользил взглядом по реке, гадая, где может сейчас находиться наш Пятница. Время еще не позднее. Сидит ли он сейчас у костра или плывет по реке, не спеша, не зрением, не слухом — они отсутствуют — всем нутром своим чувствуя речной поток, несущий его в город? Или стоит около воды задумчиво и безмолвно?

«Нельзя же так упорно отвергать город и нас всех! От этого никуда не уйти! Все: самолеты, поезда, метро, людская сутолока на улицах, наши переговоры, фурушеты — это все плоды ци-

визации?» — думал я. И вспомнил, что уже говорил ему в походе нечто подобное.

— А какой ценой? — угрюмо и упрямо отозвался тогда он.

И я замолчал.

...Самолет быстро набирал высоту. И реки моей под крылом не стало. Все скрылось под облаками. Казалось, что больше вокруг ничего и нет, кроме этой белой пены. Потом, когда наш Ту-154 попал в турбулентный поток, и его стало трясти, как телегу, я суеверно подумал, что и мой поток не так уж надежен. Не зря после приземления все пассажиры захлопали в ладоши. Как дети.

...Борис через месяц появился живым и невредимым. Речное течение благополучно прибило его к городу. Время, проведенное в одиночестве, кажется, пошло на пользу. Я порадовался за него: он стал прилепляться к людям.

«Очевидно, Борис пересилил свое застарелое недоверие — не река ли помогла?» — думал я.

Он подружился со своими новыми соседями по лестничной площадке в доме — многодетной шумной семьей. И они начали готовиться к сплаву по маршруту «Жигулевской кругосветки».

Но случилась беда. О ней я узнал, вернувшись из очередной заграничной поездки.

В один из вечеров недалеко от дома пошел наш Пятница погреть душу у костерка близ водицы. Развел на песочке огонек, и все бы хорошо было, да объявились трое бомжей. Случайно или подкараулили?..

Им приглянулись его самодельный походный примус и котелок. Борис воспротивился наглому напору. Но силы были неравные. К тому же у Бориса — полностью отсутствовала способности ударить человека.

Бомжи стали его убивать.

Как мог, оборонялся он суковатой палкой. Налетчики, забрав нехитрый походный скарб, оттеснили его от костра и погнали в воду. С хохотом. Похоже было, что они вымещают свою злобу. И подвернулся им Борис.

Все это случайно видела девочка, спрятавшаяся от страха поблизости под опрокинутой старой лодкой. Когда бомжи скрылись, она помогла Борису выбраться на берег. Не дала утонуть.

У него была сломана левая рука ниже плеча и пробита голова.

Умер Борис позже, на больничной койке. Остановилось сердце. Видно, не мог пережить людской жестокости или своей ошибки — не вовремя вернулся к людям.

Что думал он о нас всех тогда?

Я всегда чувствовал, что Борис знает людей больше, чем я.

Странно, его убили те, которым мы подаем милостыню...

...Мой брат Петр, первым увидевший в начале прошлого лета необычных путешественников на реке, умер в конце зимы. Не помогли операции.

Да, ушел мой брат, младший и любимый. И такое мне выпало.

Это по его желанию мы приехали тогда на самарский бережок. Если бы не брат — путешествия по реке не случилось бы...

«Я всех простил, — сказал он с удивившим меня спокойствием в последний свой день. — Живите с Богом».

Простил ли Борис город? Нас всех? Не знаю. Та девочка, которая, надрываясь, вытащила его из воды, вначале долго не могла говорить. И никого к себе не подпускала. Только угромо мотала головой. Девочка-подросток показалась очень похожей на совсем молоденькую мою маму. И мама моя, и отец мой, и брат Петро, и дед, и бабка, и светлая река Самара — соединились теперь во мне в светлый общий Лик, перед которым все мои успехи, заморские поездки, всё показалось ничтожным. И предательским, что ли?

Снится мне после смерти Бориса синеглазый мальчишка-рыбачок Митя из села Николаевки, которого мы встретили у реки.

Будто он хочет спросить о чем-то, но не решается...

А я догадываюсь о его вопросе, хочу ответить... и не могу...

*Октябрь 2003 г. — март 2004 г.
г. Самара*

ПОД СТАРЫМИ КЛЁНАМИ

Повесть

Мои новые знакомые

Я жил спокойно в деревне у знакомых и писал в тишине книжку о взрослых. И, вдруг, приехали гости: Андрей Иванович — бывший лётчик, а теперь пенсионер и его внук перво-классник Алёшка. Пятилетняя Настя, внучка хозяина дома Сергея Ивановича, в тот же день перебралась к ним жить и у нас получилась большая компания.

...Самый весёлый и разноголосый в году месяц май уже прошёл. Наступил июнь, и стало меньше днём птичьих голосов и на затравевшей улице, и в подступившем к самому дому молоденьком леске.

Зато у Чураевых во дворе под клёнами загомонили ребячьи голоса, по-птичьи звонкие и призывные: гости приехали — и с гостями больше стало во дворе ребятешек.

Компания получилась у нас шумная и весёлая.

Июнь — самый мой любимый летний месяц. Ворота в лето!

Я всё меньше и меньше стал писать свою книгу о взрослых и начал ходить со всеми в лес, на рыбалку, и потихоньку записывать, что случалось с нами.

Мне было интересно это делать.

Мои дети давно выросли и разъехались кто куда. И стал я забывать, какие они были маленькими.

...Так я и провёл целый месяц с ребяташками в деревне.

А когда приехал в город и собрал свои листочки, на которых делал заметки, получилась книжечка с маленькими рассказами о моих новых знакомых Алёшке, Настеньке, Денисе и Ромке.

Двор Чураевых

Двор у Чураевых большой.

Когда два брата: Сергей Иванович и Андрей Иванович жили здесь вместе и были ещё школьниками, они со своими одно-классниками посадили в один ряд вдоль улицы вперемежку карагачи и берёзы.

Теперь берёз растёт в этом ряду всего пять, а карагачи сохранились все и стали большими деревьями. На них почему-то нравится больше чем где-либо шумным грачам сооружать свои гнёзда. Почти на каждом карагаче по два гнезда у них.

Карагачи все годы разбрасывали вокруг себя семена. Теперь везде: во дворе Чураевых, вокруг дома растут и взрослые деревья, и маленькие карагачата.

А клёны пришли во двор из леса.

Семена клёнов и карагачей прибывает к забору, завалинке, к любой изгороди и они, укореняясь, тянутся на свет дружно и настойчиво.

Три клёна — один перед окнами дома в палисаднике с почерневшим штакетником и два во дворе — стали такими старыми и огромными, что под ними всегда, в любой солнечный денёк, тень.

Солнечные лучи не проникают через живую зелёную завесу — и под деревьями всегда прохлада. Эти три клёна росли, когда дед Сергей и дед Андрей были ещё маленькими, а речка Ветлянка, которая под боком, была намного шире и глубже.

В этот прохладный уголок часто собираются ребяташки. Землица здесь вытоптана крепенько ногами не одного ребячьего поколения.

В верхушках деревьев птичий гомон и щебетня: а под деревьями — детский смех. Такой двор у Чураевых!

Даже речка Ветлянка к вечеру становится тише, будто прислушивается: что там во дворе?

А во дворе сегодня ребята уговорили деда Сергея поиграть с ними в школу. Они уже играли два дня назад, и всем понравилось. Двор Чураевых теперь — школа.

Поставили длинную скамеечку и на ней расселись ребята: Алёшка, Настя, соседский Денис и совсем маленький его брат, трёхлетний Ромка, которого я раньше не видел.

Ромка, Денис и их дед приехали в деревню отдохнуть на прошлой неделе.

— У меня сегодня много дел, — начал свой урок дед Сергей, усевшись на огромный пень около стола, — поэтому я задам только несколько вопросов, потом получите домашнее задание, хорошо?

— Хорошо! — сразу все ответили хором.

— Что мы изучали прошлый раз, кто напомним?

— Мы говорили о том, какие животные живут у нас в доме и в лесу, — ответил Денис.

— Молодец, — похвалил Сергей Иванович, — не забыл!

— А теперь напомним мне, кто из них как кричит?

Настя, как кричит петух?

Настя встала, деловито поправило светленькое своё платье, потом раскинула руки в стороны и тряхнула головкой:

— Ку-ка-ре-ку! Ку-ка-ре-ку!

Глаза её были в это время закрыты, а веснушки на лице смешно шевелились.

— Молодец, — одобрил учитель, — а утка?

Настенька села на скамейку, склонила на бочёк головку:

— Кря-кря-кря!

— Отлично, Настя! Ставлю тебе пятёрку! Ты у нас, наверное, будешь артистка.

Учитель оглядел всех задорно и спросил:

— А кто скажет, как кричит волк?

Все притихли и стали глядеть на Алёшку, он самый старший из ребят — должен знать! Но он почему-то молчал.

Тогда встал радостный Дениска и сказал:

— Я знаю!

— Говори, — разрешил учитель.

Дениска набрал побольше воздуха в лёгкие и прокричал, смешно погрозив кулаком:

— Ну, заяц, погоди!

Все разом засмеялись, а учитель, сделавшись тоже весёлым, спросил:

— Ты где слышал, чтобы так волк кричал?

— В телевизоре. Кино же было, мультики. Когда он догонял зайца, так и кричал.

— Вот слушайте, как кричит волк, — Сергей Иванович сложил ладони рупором и поднёс к губам:

— У...у...у., — раздалось протяжно и тревожно.

— А теперь попробуйте вы сами.

Ученики сложили ладони, как это сделал учитель, и во дворе стал раздаваться разноголосый вой:

— У...у...у...у...

У кого получилось страшно, а у кого смешно.

— Вы у меня голодные, что ли, все? Завыли хором. Сейчас я вам пирожков с картошкой напеку, — выглянув на крыльцо, смеясь сказала бабушка Вера.

Когда ученики навьлились вдоволь, учитель объявил домашнее задание. Каждый должен был придумать стихотворение, о чём он сам захочет: «у кого к чему душа прилепилась», — так сказал Сергей Иванович.

Почему дед Андрей остался на земле

— Дедушка Андрей, почему ты летал-летал всю жизнь в небе на самолётах, а жить остался на Земле, в Москве? — спрашивает Настя.

Дед Андрей возится с удочками в тенёчке у клёнов.

Он посмотрел внимательно на Настю и сказал так:

— Керосина не хватило.

— Бензина, — поправил Алёшка.

— Нет, самолёты летают на керосине.

— Да..., — разочарованно произнёс Алёшка, а что это такое — керосин?

— Топливо, такое же, как бензин, из нефти.

— Вон у бабушки Веры коптиюшка в бане горит, она заправлена керосином.

— Баня и самолёт? — засмеялся Алёшка, — как-то не сходятся они вместе.

А Настю не интересуется керосин.

— Деда, а если бы керосина хватило, ты бы улетел или остался?

— Конечно, Настя я полетал бы и потом вернулся. Вон птицы летают, а гнёзда у них на земле.

— Не у всех, — возражает Настя, — у некоторых птиц гнёзда на деревьях, ближе к небу. Вон, на том берегу, цапля живёт — птичище огромное. У неё гнездо на самом большом дереве, почти в небе.

— Я тоже хотел остаться поближе к небу — год проработал после выхода на пенсию в диспетчерской аэропорта. Но... сократили..., — как бы отвечая и на мой немой вопрос, сказал Андрей Иванович.

Насте не понятно о чём говорит дед Андрей, и она замолчала. Но не надолго. Взглянула на всех, проговорила, как будто сама себе:

— На небе места много и на земле много: всем места хватит, и птичкам и человекам!

Мы все заулыбались.

— Верно же?

— Верно-то верно, — сказал задумчиво Андрей Иванович, но вот я люблю ландыши весной и бересклёт осенью. А они только на земле растут.

— А кто такой бересклёт? — спросил Алёшка.

— Не кто, а что! Это кустарник. Мы с тобой его видели. Я показывал, в овражке у речки.

— Я его и не запомнил.

— Это оттого, что он летом неприметный, пояснил Андрей Иванович, — листья бледно-зелёные, цветочки махонькие. Но придёт осень, и он преобразится: куст становится лиловым и пурпурным и идёт от него особый золотистый свет. А в листве, словно кто-то развесит оранжево-красные фонарики. Жалко, что вас не будет здесь осенью, удивились бы!

— Я буду! — возразила Настя, — значит, увижу красоту!

— Ну, вот Настя, тебе больше повезло, чем нам, — порадовался за неё Андрей Иванович.

«Ты, Витю видел?»

Последней прилетает из далёкой Индии в наше лесостепное Заволжье красногрудая чечевица. Прилетела в свой срок и вот с верхушки вяза печально так спрашивает:

— Ты, Витю видел? — такая у неё песня.

Мы идём с Настей по лесной дороге, взявшись за руки, и я отвечаю почти машинально:

— Не видел, нет у нас таких.

— Ты с кем разговариваешь? — спрашивает моя спутница.

— А ты разве не слышишь, — говорю, — птаха уже в который раз спрашивает:

— Ты, Витю видел?

— Правда! — говорит Настя и повторяет вслед за птицей:

— Ты, Витю видел?

— Нет, — отвечаю теперь им обеим, — не видел. И невольно смеюсь.

Настя стоит серьёзная. Смотрит на меня в упор и говорит:

— А, вдруг, у неё сыночек Витя и они потеряли друг друга? Что теперь нам делать? Как помочь?

Когда подошли к затравевшему озеру, подала голос золотистая иволга. Печальный и нежный зов её как дуновение прошёл по тальнику и затих. Словно замолчала робкая флейта, пропав в дупле огромной старинной ветлы.

Незнающий грусти бодрый дятел тут же заполнил наступившую паузу гулкими ударами клюва по сухому дереву.

И грусть прошла.

Деловитый дятел, не жалея себя, словно барабанщик готов был построить под свою дробную музыку весь птичий окрестный мир.

Чикалки-чирикалки

— Мой отец — молоковоз, — говорит важно Настя.

Они сидят с Алёшей на кухне и бабушка Вера, пока не готов завтрак, угощает их молозивом — молоком от недавно отелившейся коровы. Бабушка его томит в печке и ставит на стол в большой плоской чашке.

— Добавь «чик», — подсказывает бабушка.

— Бабуль, мне не понятно!

Бабушка Вера поясняет:

— Молоковоз — это машина, которая перевозит молоко. Если добавить к этому слову «чик» — получится «молоковозчик», почти как у Алёшки дедушка: «лётчик».

— Тогда самолёт, на котором летал мой дедушка, будет называться просто «лёт», да? — спрашивает внук, — если без «чик», он же летает не сам, а дедушка рулит.

Бабушка Вера молчит. Она не знает, что сказать. Чуть помолчав, произносит:

— Ну, вас, чикалки-чирикалки вы мои. Голову сломаешь с вами.

— Бабушка, — спрашивает Настя, — а почему у нашего дедушки Сергея такое большое тулбище. Он поэтому на самолё-

те не летал, а на машине ездил? Не умещается в самолётной кабине?

— Не тулбище, а туловище, — смеясь, поправляет бабушка, — чудишь ты нарочно что ли?

Алёшка тоже недоумевает:

— Мой дед летал на самолётах и здоровый, не хромает. А дед Сергей работал шофёром, у него спина болит, и он два раза попадал в аварию. Он мне говорил. Значит шофёром работать опаснее, чем лётчиком? Машинам на земле тесно. Чтобы не сталкиваться, надо летать?

— Вот будет под клёнами ваш урок, там и спроси, — отвечает бабушка Вера.

Козочка Мариша и поролон

У бабушки Веры две козы. Одна большая и одна маленькая такая, а похожа на взрослую.

Бабушка Вера говорит, что коза Мариша хотя и маленькая, но старше своей сестры Ариши. А не выросла она оттого, что когда была совсем молоденькой и глупой, съела кусок поролона. Часть удалось у неё изо рта вынуть, а небольшой кусок она всё же проглотила. После этого козочка чуть не померла, но всё же её выходили. А рост прекратился.

— Отпоили козьим молоком — очень оно оказалось полезным, — сказала бабушка Вера и как-то особенно посмотрела на Алёшку.

Алёшка как услышал, что она сказала, сразу заволновался. Это все заметили, потому что он стал ходить около бабушки Веры и что-то думать так сильно, что лицо изменилось.

— Что с тобой случилось? — спросила бабушка Вера, и в её глазах засверкали искорки.

— Я вчера нечаянно жвачку проглотил, — с досадой проговорил Алёша.

— Жвачка не из поролона, — сказала Настя, — вырастишь, ты же не козлик. Она с надеждой посмотрела на бабушку.

Алёшка стоял молча. Лицо его покраснело

— Не беспокойся, вот сейчас принесу стакан козьего молока, выпьешь, и ничего не будет, — обнадежила бабушка Вера.

Когда Алёшка выпил козье молоко, бабушка Вера и Сергей Иванович тихо друг другу незаметно улыбнулись: до этого Алёшка наотрез отказывался пить козье молоко. Все пили, а он не хотел: говорил, что оно чем-то пахнет непривычным.

«Сплю в оркестре»

Короткие июньские ночи украшены своими певцами. Самым первым недалеко от дома в леске, где-то во втором часу ночи, просыпается соловей. Он, видимо, раньше всех чувствует зарождение утренней зари. Ночь-то в июне не больше воробьиного носа.

Часто, в это же время, вслед за соловьём, подаются голоса и жаворонки.

В четвёртом часу начинает греметь ведрами во дворе бабушка Вера, готовясь доить корову и выгонять её в стадо.

К этому времени уже целый хор голосов: иволга, овсянка, зяблики и все остальные, кто только может подать голос — встречают песней новый летний день.

Я рассказал Алёшке о ночных певцах.

С первого дня ему определили спать в деревянных сенях, в отличие от Насти, которая спит в доме в спальне за лёгонькой занавеской с красивыми полевыми цветочками.

Стены у сеней сделаны из широченных деревянных плах, но они не очень толстые. Потолка у сеней нет — сразу тесовая крыша, поэтому всё, что творится во дворе, все звуки легко долетают в сени.

Но, оказывается, он многого не слышит. Устав за день от множества дел и впечатлений, сразу засыпает.

И даже петуха не слышит.

А сегодня заявил:

— Я сплю в оркестре!

— Как это? — спрашиваю.

— Ну, когда засыпаю, то курочки кому-то жалуются в сарае: -Ко-ко-ко...

Потом корова пыхтит.

Свинья хрюкнет, а поросята все повторяют за ней.

Кот любит под крышей лазить. Он обязательно мяукнет, когда я уже почти уснул.

А потом, во сне что ли, Цыган гавкнет и замолчит: сам не знает для чего. Цепью дёрнет, как будто проверяет её — цела или нет?

А ещё воробей утром: чик-чирик! Как на скрипке. Воробей самый маленький, а как бы самый главный — прямо под ухом зачирикает — и уж никого не слышно. Воробей — солист?

Корова Жданка

Корова Жданка блудливая — так говорит и Вера Михайловна, и пастух Иларион.

Со Жданкой часто что-нибудь случается. Прошлым летом она сломала себе правый рог. Засунула зачем-то голову в травокоску, которая стояла в дальнем углу двора. Железо оказалось крепче рога.

Жданка почти никогда не приходит домой из стада сама. Её надо обязательно искать и пригонять кому-нибудь домой. Когда её обнаруживают за чьим-либо сараем или банькой, она торопится скрыться в высокой траве или кустах. И её не сразу выгонишь оттуда. Её никогда не дождёшься — поэтому, наверное, и назвали животину Жданкой.

Зачем её каждый вечер искать? — возмущается Алёшка, — мы уже знаем все её места, где она скрывается. Давайте капканы поставим, и она сама попадётся!?

В ответ на такое Алёшкино предложение бабушка Вера только укоризненно покачала головой. И непонятно: досадует она на свою шкодливую корову или на предложение внука.

И пастух не доволен коровой:

— Куда она — туда и всё стадо. Она всех заманивает за собой. Вожак!

Бабушка Вера слушает его и соглашается, что корова с характером. Она вздыхает, но куда деваться — корову бабушка любит.

Больше Жданки в стаде ни одна корова так много молока не даёт, хотя все о двух рогах — вот и приходится Чураевым терпеть её проказы.

У коровы Жданки и сынок её — пёстрый телёнок Вете-

рок — тоже проказник. Вчера он изжевал висевшую на верёвке синюю Алёшкину майку и она теперь совсем стала негодной.

— Яблоко от яблони недалеко падает, — сказала бабушка Вера, — какова мать таков и сыночек.

— Сыночек и правда весь в яблоках, — согласился Алёшка, поглаживая пятнистый бок Ветерка.

— Бабушка Вера, — говорит Алёшка, а, если бы телёнок проглотил целиком мою майку, он бы как Маришка не вырос, маленьким остался?

— Мог бы совсем подавиться и помереть, — отвечает бабушка Вера, — вовремя ты её у него отобрал.

Телёнок Ветерок стоит на своих слабых ещё ногах и доверчиво смотрит прямо на Алёшку, будто знает, что он его спас.

Его спаситель гладит ему морду и глядит прямо в глаза. Они у Ветерка большие и красивые.

Алёшка трогает пальцем толстые губы телёнку и обнимает за шею.

— И ты любишь этого губошлёпа? — говорит бабушка Вера, — что же мне с вами такими делать-то?!

Пескари клюют

В прохладной низине за подворьем Чураевых, где собрались в колок вперемежку берёзки, осинки и татарские клёны, ещё источают на смуглом песчаном теле овражка тонкий аромат светло-фарфоровые ожерелья ландышей. И рядом на полянке цветёт медуница. Нет теперь там уже сиреневых нежных колокольчиков. Ушла их пора. Незабудки отвоёвывают себе облюбванное местечко на полянке.

А дикий клевер и жёлтые лютики, по праву и в свой срок, заявляя о приходе лета, соткали дивный ковёр перед самыми окнами весёлого дома с клёнами.

Если пройти по этому большому летнему ковру совсем немного, не более пяти минут, то окажешься на берегу речки Ветлянки.

А когда войдёшь в речку и пошевелишь ступнями в песке, пескари сразу подплывают стайкой и начинают щекотать пальцы.

Их видно, этих бойких рыбёшек, они такие шустрые в воде. Алёшка стоит и смеётся, обе ноги его сразу атаковали быстрые стайки.

— Пескари как цыплята клюют мои пальцы! — удивляется он.

— Настя, попробуй и ты! — предлагает дед Сергей.

— Страшно мне, деда.

— Что ж страшного-то, — откликается дед Андрей, — вот раньше, рассказывают, на Волге нельзя было опустить ногу из лодки в воду — рыба хватала и отрывала её. Такая крупная водилась. Вот когда страшно было!

— А теперь такая рыба куда подевалась? — спрашивает Алёшка, — какой её хищник съел?

— Экология такая, — говорит дед Андрей.

— Экология — страшней акулы, она проглотила большие рыбы? — удивляется Настя, — она самая огромная получается?

— Экология это не рыба, — поясняет Сергей Иванович.

— А кто же тогда?

— Давай я расскажу про это на уроке. Хорошо?

— Я согласная, только скажи: пескари вырастают в огромных рыб?

— Нет, конечно. Они маленькие на всю жизнь.

— Тогда они скучные, потому что всегда одинаковые, — делает свой вывод Настя. И не торопится заходить в воду.

Черепаша и муравей

Черепашу принёс Андрей Иванович.

У неё был тёмно-оливковый панцирь с мелкими светло-жёлтыми пятнами. Нашёл он её у заросшего песчаного озера.

— Я еще, когда был маленьким, — по-детски улыбаясь, говорил бывалый лётчик, — находил двух черепах. Они там давно живут. И до сих пор не перевелись, удивительно!

Черепаша была важная и спокойная. Она совсем не боялась людей и, когда Настя сбегала и принесла капустный лис, черепаха начала его есть.

— А как она зиму переносит, она же любит жару? — думает вслух Алёшка.

— Это болотная черепаха, — поясняет Сергей Иванович. Она давно приспособилась жить в наших краях. Зиму она проводит под водой.

— А как дышит?

— С помощью специального мешка или пузыря, который у неё в задней части тела. Это её лёгкие. Когда очень жарко или сильно холодно, черепахи впадают в оцепенение — спячку. Так они переживают плохую погоду. Она может несколько месяцев не есть, если нет пищи.

— А детки у черепахи бывают? — спросила притихшая Настенька.

— Я не видел, — ответил Сергей Иванович, но мне рассказывали, что в мае она роет задними лапками на берегу ямку и откладывает яички. Их у неё бывает от пяти до десяти штук. А к осени из яичек вылупляются черепашки. Они вырывают себе в земле ходы и в них зимуют.

— Знаете, что я придумал? — сказал Денис, — давайте черепаху положим на раму с колёсами от сломанной машины, она начнёт ногами отталкиваться от земли и быстро-быстро поедет.

Вот ей радость будет — а то она от скуки такая зелёная. Ей скучно так медленно двигаться.

Денис любит всё делать быстро. Он и на велосипеде гоняет быстрее всех, поэтому так и говорит.

— Ей скучно медленно жить, — продолжает он. Ему стало самому смешно, как сказал, и он весело засмеялся.

Около черепахи оказался коричневый большой муравей. Все сразу увидели его. Черепаха повернула вбок и накрыла муравья. Все замерли.

— Как танк наша черепаха, она его раздавит, — проговорил Алёшка.

Но не успел он это сказать, как муравьишка выскочил с другой стороны черепахи и быстро помчался к траве.

Мы начали смеяться над муравьём, а Алёшка задумчиво проговорил:

— У нас на уроке в школе Ирина Владимировна читала нам стихотворение, я запомнил:

— Я наступил на муравья —

А, вдруг, у него семья?

Алёшкины слова расстроили Настю:

— У муравья детки и у черепахи могут быть детки, а мы её не пускаем к ним? Давайте её отнесём туда, где взяли.

Черепаха словно догадалась, что решается её судьба, она остановилась, высунула ещё больше свою головку и стала смотреть на всех.

Денис молчал, поправляя руль своего красивого велосипеда. И непонятно было, как он относится к предложению Насти.

Я видел, что Алёшке не хочется отпускать черепаху: такая редкая находка. Но было и жалко её.

Вышла во двор бабушка Вера и поддержала Настю:

— Вам игрушки, а ей какво, поиграете и бросите.... У нас во дворе и так всякой живности хватает.

Андрей Иванович посмотрел на всех и сказал:

— Тогда давайте голосовать.

Все подняли на него глаза.

— Кто за то, чтобы отпустить черепаху? — поднимите руки!

Все подняли руки, кроме Алёшки. Он сидел на траве около черепахи, не двигаясь.

Настя посмотрела на него как взрослая: сверху вниз долго и ничего не сказала.

Алёшка под взглядом её синих больших глаз глубоко вздохнул и медленно поднял руку.

В тот же вечер мы отнесли черепаху на её озеро.

Радуга над речкой

Когда речка под боком, сразу за огородами, жизнь намного интереснее.

Ночью шёл дождь. Утром он ещё накрапывал, а к полудню появилось солнце. И всё вокруг ожило.

Река стала блестеть, и появилось много пчёл и шмелей.

Дед Андрей, Алёшка, Настя и я решили пойти порыбачить на речку. Всякий настоящий рыбак знает, что рыба после дождя клюёт лучше.

Когда мы шли, песок на тропинке был ещё сырой, и на траве блестели капли дождя, а в низинках стояли лужи.

Наша компания добралась до речки быстро: огороды не такие уж и длинные, а кончаются они на берегу Ветлянки.

Мы стояли на высоком берегу, а речка была внизу под нами.

Она светлой лентой уходила слева направо от нас к горизонту и там пропадала из глаз.

Мы не спешили спускаться к воде — больно уж красивое место. Стояли, любовались. И тут поднялась радуга — высокая и чистая. Радуга — как большая дуга перекинулась с одного берега на другой.

Все семь её цветов украшали теперь и речку Ветлянку, и дальний луг, и широкое, просторное небо. А над головами нашими зазвенели жаворонки.

— Ребята, сказал я, — смотрите: река как большая бело-серебристая лошадь, а радуга — дуга с колокольчиками — жаворонками. И всё это мчится далеко — далеко в степь и ещё куда — то дальше...

— А мы мчимся вместе с ними, так ведь! — воскликнул Алёшка, — в большой такой телеге из этой поляны! Нас мчит наша речка! Куда-то далеко-далеко!

— Туда, где вы с Настей будете взрослыми, — сказал Андрей Иванович.

— И где вы будете непременно счастливыми, — добавил я.

Настя рассматривала, присев, белоголовую ромашку в медово-пахнущей траве. Она не согласилась:

— Я не хочу уезжать, — спокойно возразила она.

— Я счастливая уже здесь, где папа, мама, деда, баба, Алёшка, — она посмотрела на меня мельком и улыбнулась: — и все остальные тоже...

Мы все разом заулыбались. И Настя добавила:

— Вот видите, как нам всем здесь хорошо! И весело!

И, правда: было так хорошо! Летний день был замечательный. И впереди у нас была ещё рыбалка!..

Настино стихотворение

Под старыми тенистыми клёнами у Чураевых опять идут школьные уроки.

— Кто готов рассказать своё стихотворение — таково у нас было дамашнее задание, — говорит дед Сергей и смотрит на своих слушателей.

Все молчат, а Дениска начинает толкать Алёшку: — давай ты! Алёшка молчит. Тогда встаёт Настя.

— Стихотворение про маму, — говорит она.

Я смотрю на неё и тоже волнуюсь. Настя отнеслась серьёзно к домашнему заданию. Пришла ко мне и всё допытывалась, как я пишу свою книгу, откуда в голове берутся мысли такие? Где я беру слова, из которых можно делать настоящую книжку.

— Стихотворение про маму, — повторила она.

Ребята ещё больше притихли. И во дворе зазвучал голос Насти:

*Я у мамы в глазах,
Мама у меня в глазах,
Я у Алёшки в глазах,
Алёшка у меня в глазах,
Мама у нас в глазах,
А мы все у мамы в глазах.*

Все сначала удивлённо молчали. Когда Настя закончила, громко захлопали в ладоши. А Ромка свалился со скамейки и не заплакал, а тихонько снова залез на своё место и захлопал в ладоши, когда все уже перестали хлопать.

Дед Сергей подошёл и погладил по головам и Настю, и Ромку.

Когда игра в школу закончилась, я подошёл к Насте:

— Видишь, и у тебя получилось стихотворение, а говорила, не знаешь, откуда брать слова.

— Это потому, что я всех люблю, вот и получилось, — пояснила Настя. И весело засмеялась.

Меткий промах и кувалда

Настя, Алёшка, Денис, Ромка и я только что вернулись из леса. В молодом сосняке смотрели, не появились ли белые грибы, подосиновики, а на лугу — шампиньоны. Мы ничего не нашли. Очевидно, рано ещё, хотя три дня назад была шумная гроза и сплошной стеной хлынула на знойную землю живительная, несущая рост влага. Стоит, очевидно, ещё подождать денёчка два и повторить свой поход.

Мы, приморившись, сидим в тени наших друзей клёнов.

Большая бабочка капустница порхала-порхала по двору и села на край нашей скамейки. Денис снял свою адиддасовскую спортивную кепку и стал подкрадываться к бабочке. Она вспорхнула, но тут же села на другом краю доски. Мы все на-

блюдали за его охотой. Наконец-то он изловчился и совсем было накрыл бабочку кепкой. Но бабочка вылетела из-под неё в самый последний миг и стала виться сначала над головами у нас, а потом поднялась совсем уж высоко. Напрасно Денис ладонями, сложенными лодочками, пытался всё же поймать её. Неуловистой оказалась кепка фирмы «Адидас».

— Какой меткий промах! Надо же! — то ли удивившись, то ли с досады воскликнул Денис.

Мы весело рассмеялись. Он помолчал немного и тоже начал смеяться.

Пока Денис охотился за бабочкой, я обнаружил на рукаве своей куртки клеща. Быстренько всех заставил осмотреть друг друга. Больше клещей не было. Даю пояснения:

— Ребята, клещ может быть очень опасным, он разносчик болезней. Его трудно чем-либо раздавить, даже ногой не пощипится.

Я ступаю на него пяткой своего тяжёлого ботинка, но клещ продолжает ползти по земле.

— Его даже, наверное, трактором не раздавишь, — продолжаю я, — а он очень вреден, потому что от него можно заразиться.

— Ерунда, — говорит Алёшка, — можно от него отделаться: надо положить его на ровное железное место и несколько раз ударить кувалдой, которая стоит в снях.

— А почему несколько раз? — спрашивает Денис.

— А чтобы попасть, — деловито отвечает Алёша.

Ласточки и кот

В большой сельнице — сарае, в котором хранят сено, живут ласточки. Там у них два гнезда. Гнёзда они сделали из глины под листьями шифера на деревянной перекладине.

Ласточки залетают в сельницу через дверь, а, когда она закрыта, то через небольшое отверстие вверху двери.

Вот около этого отверстия и повадился лежать соседский кот. Устроится на длинном, выступающем конце перекладины и наблюдает за птицами.

И что у него на уме нетрудно догадаться.

Когда отважная ласточка пролетает мимо него в отверстие,

он взмахивает лапой, словно примеривается, как ловчее схватить птицу. Но пока не решается на это.

Ласточки, когда кот сидит рядом, беспокойно кричат, прежде чем залететь в сарай, словно жалуются и просят о помощи: «Люди, разве вы не видите, помогите нам!» Но всё равно залетают: там же у них дети.

Я предложил снять дверь, чтобы она не закрывала вход. Алёшка сказал, что надо сделать отверстие побольше, а дверь не трогать. Но лучше всех сообразила Настя:

— Давайте эту деревяшку, на которой сидит кот, отпилим, и кот упадёт!

Мы так и сделали. Прогнали кота. Я взял ножовку, и хотя перекладина была из толстой, сухой берёзы, быстро отпилил выступающий её конец.

Кота мы больше около сельницы не видели, а ласточки спокойно стали летать к своим гнёздам.

И слышны были только крики маленьких птенцов в гнёздах, а взрослые ласточки жаловаться перестали.

Плоды просвещения

Из-под клёнов во дворе доносится смех, там сегодня идёт урок. Я вышел из своего подвальчика и потихоньку приблизился к клёнам. Урок в самом разгаре:

— А теперь, дорогие мои, — спрашивает учитель, — скажите, что представляет из себя наша планета Земля.

Отвечает Алёшка:

— Это такой круглый шар с деревьями, землёй, железом, это: как там ещё (он чешет затылок): с мухами, комарами, лягушками. И замолкает.

— Ещё с людьми, — вспоминает он.

— А ещё?

— Ну, это — шар, который крутится вокруг солнца и никогда не оторвётся никуда.

— А кто населяет из людей земной шар, кроме русских, знаешь?

— Да, знаю, — говорит Алёшка и начинает перечислять:

— Немцы, французы, иностранцы эти, турки...

— Иностранцы — это не национальность, — говорит учи-

тель. — Я потом поясню разницу. А кто такие китайцы, знаешь?

Наступает пауза. Алёшка не знает как ответить. Тогда встаёт Денис и бодро говорит:

— Китайцы — это люди, которые едят китов!!!

Все начинают громко смеяться.

...Но не только учитель задаёт вопросы, на которые не сразу ответишь.

Под конец урока Денис недоумевает вслух:

— Деда Сергей, а почему слова бывают разнобокие?

— Не понял, например? — спрашивает учитель.

— Ну, вот пила, например: то она в мастерской — ей пилят дрова, а то говорят: пила молоко, пила воду?

— Ты ещё знаешь такие слова?

— Знаю.

— Какие?

— Вот когда мы ехали на автобусе из города в деревню сюда, по радио сказали: «Трупы артистов, этого, Большого театра готовятся к поездке за границу». И никто не смеялся?

Учитель таких вопросов не ожидал. Он сидит за столом и почёсывает затылок: — да..., — произноси он и молчит.

А потом объявляет:

— К следующему уроку заготовьте все вот такие, как Дениска говорит, «разнобокие» слова. Будем разбираться: с какого бока их употреблять.

Птичка на ниточке

Жара наступила такая, что кажется, будто вода в реке так устала, что и не течёт совсем.

Всё отдыхает. Всё в ленивом полусне.

А пчёлы трудятся в луговых цветах и звенят на разные лады их голоса.

Над головой, прикрыв ладонью глаза, видишь странную птицу пустельгу — грозу мышшей и насекомых. Она, еле подрагивая крыльями, зависла в воздухе на одном месте.

— Птичка на ниточке висит, глядите! — крикнула Настенька и стала махать руками.

Птичку и впрямь, будто кто вывесил в огромном душном по-

мещении на показ как механическую игрушку. Она и на голос не реагирует:

— *Ниточка оборвётся и
птичка разобьётся...*
*Ниточка оборвётся и
птичка разобьётся...* — кричит Настя.

Птичка повисела — повисела на ниточке на одном месте, потом резко и быстро заскользила вниз к реке и пропала в серебряных бликах над водой. Будто невидимую ниточку кто-то чикнул ножницами.

И остались на высоком берегу только звенящие пчёлы в цветах и мы с Настенькой.

— Зря я крикнула, — говорит Настя, — мы теперь с тобой без птички совсем одинокие. Она нас бросила. И скворцы улетели, и пустельга оторвалась от ниточки.

— Не горюй, Настя, — успокоил я, — ведь у нас с тобой есть ещё ласточки, которые живут в сельнице у Чураевых.

— И, правда, — обрадовалась Настя, — как же я забыла про них, они же совсем «наши».

Пахталка

Вчера бабушка Вера сказала при всех за ужином деду Сергею:

— Что же это мы, Сергей Иванович, так и будем теперь брать пахталку у Климановых, будто свою не можем починить, либо новую сделать? Не хочется просить каждый раз.

— Опять сливки накопились? — спросил Сергей Иванович.

— Накопились. Три вечера на сепараторе пропускала молоко.

— А что это такое, пахталка? — поинтересовался Алёшка.

— Мини-мини маслозавод, отозвался дед Сергей.

Потом он пожевал задумчиво вислый кончик усов и сказал решительно:

— Ладно, бабка, будет тебе пахталка, а ребятишкам масло.

...Сегодня утром мы с Алёшкой вслед за Сергеем Ивановичем пошли в его мастерскую. Сарайчик, в котором мастерская, всегда был закрыт на большой висячий замок.

Ни я, ни Алёшка никогда в нем не бывали. Нам было интересно.

То, что мы с Алёшкой увидели, когда Сергей Иванович открыл широкую и тяжёлую дверь, нас поразило.

Все полки в мастерской были наполнены инструментом. Здесь были и ножовки разной величины, и пассатижи. Были и рубанок, и большой внушительный фуганок. И долото, и коловорот.

Разных размеров буравчики лежали наготове в ровном ряду, будто ждали своего хозяина: когда же он их будет куда-нибудь вкручивать. На большом крючке висела почти новенькая дрель, а рядышком на крючке поменьше — паяльник.

На верстаке около точильного круга лежали большие ножницы, которыми стригут овец.

Но самое удивительное было то, что стояло в углу справа. Это был деревообрабатывающий станок. Старинный! Это видно было сразу. Привод у него был ножной: большое железное колесо, величиной с велосипедное, соединялось широким ремнём с маленьким валиком, укреплённым на верху станины.

Я позавидовал Сергею Ивановичу. Если у человека такой инструмент, значит, он много умеет делать сам. Таких людей я сильно уважал.

— Станок настоящий? Он работает?! — воскликнул Алёшка.

— Конечно, смотри!

— Сергей Иванович поставил ногу на полочку внизу, толкнул легонько левой рукой большое колесо, и оно закрутилось под нажимом его ноги.

Большое металлическое колесо вращалось степенно и медленно, а маленький деревянный валик быстро.

— Вот между этим валиком и стойкой зажимаем деревянную заготовку и обрабатываем её, — пояснил хозяин мастерской.

От моего деда ещё агрегат остался, а работает отлично.

— А что на нём можно делать? — не терпелось Алёшке.

— А что захочешь, всё можно и делать. Вот специальные резцы.

Он достал с полки похожие на стамески приспособления.

— Вот этими штуками и вырезаешь. Заготовка лучше всего липовая или берёзовая. Она вращается, а ты только успевай. Рука должна быть твёрдой. Мой дед точил ножки к столам, диванам, стульям. Тогда любили резную мебель.

Он мастер был делать пряжи. Раньше они в каждом почти доме были.

...Пахталку мы сделали за один день.

Сергей Иванович быстро нашёл в своей чудесной мастерской две тонкие, но такие крепенькие дощечки и у нас на глазах по шаблону, сделанному из картона, начертил на них фигуры, похожие на большие кувшины. Затем острым топором ловко стесал всё лишнее.

— Вот вам боковинки для пахталки, а вот наждачная бумага — убирайте все заусенцы с дощечек.

Мы с Алёшкой с готовностью повиновались: задание важное и ответственное.

Пока мы трудились над порученным заданием, Сергей Иванович вытащил из-под стропилины, что под самой крышей, большой лист тонкой гибкой фанеры и начал вымерять нужные размеры. Потом пилить.

После того, как он закончил пилить, у него получились два ровных фанерных прямоугольника.

Мы поставили обе боковушки на верстаке и стали их с торцов огибать фанерой, а Сергей Иванович тут же ловко вколачивал блестящие гвоздочки.

Вскоре сооружение наше уже могло стоять само на верстаке.

— Ещё дно и крышу сделать и готово! — радовался Алёшка.

— Нет, — объяснял Сергей Иванович, — самое главное-то мы ещё не изготовили.

— А что самое главное в пахталке? — допытывался Алёшка.

— А чем пахтать, чем сбивать масло. Это мотовильце — мешалка из двух деревянных лёгких рамок. Их надо поместить в пахталку во внутрь, надев на металлический стержень, у которого на конце, выходящем наружу — рукоятка. Её будем вращать по кругу, как заводилку у машины.

Пока мы наждачной бумагой чистили сработанную конструкцию, Сергей Иванович изготовил мотовильце.

Всё спорилось в его руках. Только что трудно было представить, из чего сделать металлический стержень, а он взял толстую проволоку, выпрямил её — на одном конце сделал рукоятку, а на другом, зажав в тиски, быстро нарезал резьбу под две одинаковые гаечки.

— А почему две гаечки? — спрашивает Алёшка, зорко наблюдая за всеми действиями в мастерской.

— Голова, а для того, чтобы ими фиксировать стержень, на-
вернув их с разных сторон боковушки, когда мы сделаем от-
верстия.

— Правильно как! — удивился Алёшка, — чтобы не про-
скальзывал шттырь?

— Конечно!

Когда сделали крышку пахталке и прибили дно, конструк-
ция была готова.

Бабушка Вера тщательно помыла её горячей водой и про-
сушила на солнце. После ужина все собрались на кухне испы-
тывать агрегат в действии.

Опробовать пахталку доверили Алёшке, и он первый начал
крутить рукоятку мотовильца.

Не быстрое это дело — превратить сливки в масло.

За вечер все поочерёдно попробовали крутить железную ру-
коятку. В пахталке, куда Вера Ивановна залила две больших
банки сливок, булькало, урчало, но, когда мы нетерпеливо от-
крывали крышку: масла не было. Потом начали появляться
маленькие комочки в сливках, и мы обрадовались — скоро
что-то произойдёт! На улице уже было темно.

...Когда стало трудно поворачивать рукоятку у пахталки,
Алёшка открыл крышку.

Большой масляный ком прилип к мотовильцу, и оттого тя-
жело стало поворачивать рукоятку.

— Ура, — закричал Алёшка — получилось!

Мы все: и Настя, и Денис, и я тоже закричали «ура», как
одна команда, у которой общая победа.

Пахтанье — творожистую сыворотку, которая осталась, ког-
да были вынуты куски масла, бабушка Вера разлила по круж-
кам. Все стали пить её и нахваливать. Было вкусно.

Масло поместили в стеклянные банки. Когда каждый по-
пробовал свой бутерброд с маслом, все согласились, что вкус-
нее никогда ничего не ели.

Я своему папе скажу, чтобы он тоже сделал пахталку, — за-
горелся Денис, — он конструктором на заводе, где самолёты де-
лают, работает. Пахталку сделает классную

— Не надо просить, — сказал Алёшка.

— Почему?

— Я, когда долго сегодня пахтал, то сильно устал и стал ду-

мать, и придумал: чтобы пахтать, надо хорошо перемешивать, правильно? — рассудительно проговорил Алёшка.

— Правильно, — согласился раньше всех и пристально стал смотреть на Алёшку Сергей Иванович.

— А, если так, давайте к красивому велосипеду Дениса приделаем бидончик со сливками, хорошо закроем его — и пусть он целый день гоняет на велосипеде. Будет такое же масло. Верно?

— Верно, — загорелся Денис, — можно на рамку, а можно на багажник.

— Только в бидончик надо положить две чистые деревяшки вместо мотовильца, чтобы перемешивали лучше сливки, — добавил Алёшка.

— Ты, Алёшка, головастый, молодец, — сказал Сергей Иванович.

— Здорово! — удивился Денис, — просто гоняешь по улице сам себе, а там как бы фабрика молочная работает!

— Не фабрика молочная, а маслозавод, — уточнил Алёшка.

— Повезло мне здорово, — сказал Алёшка, когда мы уже расходились спать.

— Повезло потому, что масло вдоволь теперь будешь есть? — спросил я.

— Нет, — сказал Алёшка, — потому что у нас есть Сергей Иванович — такой Мастер на все руки. Он немножко подумал и добавил:

— И потому, что я теперь тоже умею пахталки делать. Я всё запомнил!

Сорока-белобока

Алёшка долго смотрит на пролетающую над огородом со-року и делает вывод:

— Сорока неправильно сделанная птица.

— Почему? — спрашиваю.

— Она летает боком и трещит сильно. Всегда попадается на глаза и мешает видеть остальных.

— Если бы не было сорок, другие птицы страдали бы больше, — отвечаю я.

— Почему? — удивился Алёшка, — ей, когда ветер дует —

длинный хвост мешает летать, а когда по земле ходит — она неуклюжая, ну — неуклюжая — какая от неё помощь?

— Зато, — говорю я, — она всегда первая оповещает лесных обитателей о приближении человека или хищника и они успевают укрыться в листве. Ты заметил, сам же говорил, что она всегда на глазах и всегда трещит при опасности. Лесные обитатели её недолголюбивают, но знают: она всегда предупредит.

Однажды я наблюдал, как сорочья пара строила гнездо на рябине.

Они так слаженно и искусно укладывали клювами принесённые ими сухие палки, что я поразился.

Гнездо они смастерили за две недели.

И не осталось за ними никакого строительного мусора, внизу под деревом. Почти все палочки они подобрали и использовали в строительстве своего дома.

Они так поступали, будто знали, что на них смотрят люди и надо показать своё мастерство.

Алёшка смотрит удивлённо на меня и, кажется, не торопится поверить.

От сороки, похоже, он такого не ожидал.

Поговорить бы...

Школьные уроки под клёнами не только веселят ребятшек.

На последних двух уроках дед Сергей рассказывал про Миклухо-Маклая, Робинзона Крузо, Горького, царя Петра I. И вот результат:

Полдень. Все разбрелись спать, а Алёшка сидит в тенёчке на лавочке задумчивый.

Спрашиваю:

— Что, старина, грустишь?

— Я думаю.

— И о чём же ты думаешь?

— Я думаю: хорошо бы нам собраться всем вместе и поговорить!

— Ну, давайте, после сна поговорим.

— Нет, хорошо бы собраться нам всем: мне, Миклухе-Маклахе, царю Петру, Горькому, Гарри Поттеру и всем остальным, кого не помню уж... И поговорить.

Я уже понял, в чём дело, но по инерции продолжаю спрашивать:

— О чём же поговорить?

— Ну, как о чём? О жизни, конечно!...

Редкая птица — козодой

Коза Мариша обычно пасётся на обрыве у реки.

В сумеречье мы с Настей и дедом Сергеем пошли за ней. Мариша паслась не одна — там ещё были соседские козы и телята.

Вдруг из-под Мариши выпорхнула быстрая серая птичка, похожая на стрижа, и, перелетев в ту сторону, где были другие козы, пропала из глаз.

— Что за странная птица, — сказал я, — ни разу не видел.

— Это козодой, — ответил Сергей Иванович.

— Такое смешное название, — удивлялась Настенька.

— Это потому, что раньше люди думали, что она доит коз.

— Как это, дедуль?

— Эта птица кормится всегда около животных, которые привлекают к себе разных насекомых. У козодоя широкий как мешочек рот — вот он им и хватает то бабочку, то жучка какого из-под животных — и не разберёшь в сумерках, что он делает. А он уничтожает большое количество вредных насекомых.

— Получается, что люди неправду про неё думают? — допытывалась Настя.

— Я ни разу не видел, чтобы козодой доил скотину. Скорее всего, птица этого не делает. Люди ошибочно так думают о ней. Так и живёт она — без вины виноватая.

— А кто же всем скажет, что она не виноватая, — загоревала Настя.

— Трудно ответить, признался Сергей Иванович, — ты вот узнала.

— И я теперь знаю, — вырвалось у меня.

Жажда общения

Я заметил их, когда вышел по тропинке из зарослей краснотала на опушку, а нагнал на подъёме в гору.

Как не трудно было догадаться, два моих случайных попут-

чика — дед с внуком — возвращались с озера, куда они ходили скорее на прогулку, чем на рыбалку.

Кроме свежесрезанных двух удочек с короткими лесками, да ржавых крючков на них, больше у моих попутчиков ничего не было.

Деду — седому, грузному, то и дело громко и заразительно смеявшемуся, лет за шестьдесят, внуку — едва перевалило за три года.

В нём я запоздало узнал Ромку, брата Дениса, и мы поздоровались за руку.

Познакомились мы и с его дедом. Его зовут Альбертом Львовичем. Он первый раз приехал в эти места. Дед у Ромки большой и голова у него красивая и большая. Он профессор.

...Мы идём по просёлку теперь вместе, и вскоре я начинаю понимать и дедов весёлый смех, и их беспрестанные остановки на дороге. Идут два человека, открывающие мир. Один — впервые, другой — заново.

Впрочем, не только веселье озаряет их лица. Порой смех смолкает, и лицо мужчины становится задумчивым...

У околицы на обочине дороги нас встречает вечная беспокойная спутница просёлочных дорог — трясогузка.

Увидев её, внук тут же спрашивает:

— Деда, кто это?

— Птичка.

— Нет, кто это?

— Ну, как кто? Я же сказал: птичка. Такая же маленькая, как и ты.

— Нет, деда, ну нет! Кто? Как зовут её?

— Ах, вон что! Зовут птичку трясогузка.

Внук тут же выдёргивает свою ладошку из дедовой руки и бежит к кочке с трясогузкой.

Вскоре возвращается с плачем.

— Ну, что теперь?

— Трясогузка улетела быстро и далеко.

— И что же?

— А как же я?

— А что с тобой случилось?

Внук потерянно смотрит на деда. В глазах досада и обида на его непонятливость:

— Я не успел сказать ей, что меня зовут Ромка.

Цветочные часы

Сегодня под клёнами учитель Сергей Иванович рассказывал, как определять время, если кто заблудится, и у него нет часов.

— Деда, ты раньше часто блудил в лесу, поэтому и научился? — спрашивает Настя.

— Нет, мне мой дед ещё рассказывал, я и запомнил. И вам советую, запоминайте, пока жив. Будьте наблюдательны в лесу и в поле.

Ребята внимательно слушают.

— Вот, когда вы все сладко ещё спите, ровно в семь часов белая кувшинка раскрывает свои лепестки лицом к солнцу. И её красивая фарфоровая головка весь день поворачивается к дневному светилу.

Под вечер зелёный бутон её, как створки часов, закрывается, и он тонет в озёрной воде.

А теперь, посмотрите на поляну за нашими воротами, есть ли там одуванчики?

Ученики побежали к изгороди из длинных жердей. Искали глазами жёлтенькие головки цветков и не нашли. Ребячьи головки, как одуванчики, торчали над изгородью недолго.

— А утром были, — сказал Денис, когда все садились на скамейку.

— Верно, утром были, потому что одуванчик раскрывается в пять — шесть часов утра, а к двум — трём часам дня гаснет.

— Сколько, значит, сейчас времени? —

— Больше трёх часов, — ответил шустрый Денис.

— Молодец, быстро соображаешь! — похвалил учитель.

— А кто помнит, где у нас растёт большой куст шиповника?

— Прямо около обрыва у реки, где тропинка кончается, — вспомнил Алёшка, — он сейчас весь красный от цветов.

— Правильно, красный, потому что его цветки раскрываются в четыре часа утра, когда баба Вера встаёт сгонять корову в стадо, — я несколько раз это проверял. А сворачиваются цветки в бутоны, не скажу когда, сами понаблюдайте и мне доложите. Хорошо?

— Хорошо, — согласились все разом.

— Деда, а я вчера смотрел, как осы мух ловят там, где норки у них около шиповника как раз, только выше. Так пахнет там сильно цветами жёлтыми. Как они называются?

— Или таволга цветёт, или это жёлтый донник. У него горьковатый запах

— Завтра покажешь? — спрашивает дед.

— Конечно, — соглашается Алёшка, — я ещё одно там гнёздышко покажу вам всем. Оно в зарослях.

— Это которое у самой речки на ивовой тонкой ветке подвешено, как колыбелька? — спросил учитель.

— Да!

— Как же ты её углядел? И птичку видел?

— Видел! — ответил Алёшка, я долго высматривал, она рыжая.

— И на головке у неё чёрная косыночка, верно?

— Верно, — согласился Алёшка.

— Это очень редкая птичка, тебе повезло, а зовут её ремез, — говорит Сергей Иванович, — она искусный ткач, такое гнездо умеет делать — загляденье. Правда, певец из неё никакой.

— Деда, как ты всё успеваешь видеть и знать?! Непонятно мне.

— Долго живу здесь, что ж непонятного-то? — с улыбкой ответил Сергей Иванович, — не одни сапоги истоптал, а уж и ноги наполовину.

Я слышу их разговор и думаю:

«Надо и мне посидеть, покараулить у речной водицы. Может, и я увижу эту редкую птицу — ремеза.

Алёшка, вот, увидел!»

Про китов и их детёнышей

— А у китов детки бывают? — спрашивает Настя.

— Конечно, — отвечает Алёшка, — как у всех.

— Тогда я видела китёнышей в нашей рывтине. Их там ужас сколько!

— Это не китёныши, — смеётся Алёшка, — придумала! Это головастики, из них лягушки вырастают.

— Лягушки вырастают?! — удивляется Настя, — так неинтересно! Я думала по-другому.

— А как ты думала?

— Ну, я думала, что маленькие эти китёныши уплывают от нас далеко в океан. И пока плывут долго до своего океана, вырастают в китов больших.

Океан же далеко и большой — вот и киты становятся большие.

— Ты, Настя, фантазёрка у нас большая, — сказала подошедшая бабушка Вера, — как только в твоей головушке умещается всякая всячина.

Сказала так и ласково взяла светлую Настенькину косичку, как птичку, в свою большую ладонь

— Бабушка Вера, вы так с Настей похожи друг на друга бываете, — удивился Алёшка, — только одна большая, а другая — маленькая.

— Ага, — быстро проговорила Настя, тряхнув головой, — мы с бабушкой — как кит с китёншем, выходит.

Она ещё раз тряхнула головой: так ей стало смешно! И весёлая её косичка выскочила из бабушкиной большой ласковой ладони и запрыгала, как трясогузка.

Жаворонки

Жаворонков в небе слышали многие, а вот какая эта птица на вид, мало кто знает.

Я тоже с детства знаю как поёт эта звонкая и радостная птица. Но ни разу не видел её близко на земле, только в небе — высоко над головой.

Наблюдательный Сергей Иванович заметил, где жаворонки иногда садятся, и мы решили понаблюдать за ними.

У него есть настоящая подзорная труба, она увеличивает в шестьдесят раз, сильнее, чем бинокль.

У этой трубы удобный чехол и тренога.

Напротив того места, куда прилетают жаворонки с просяного поля, Сергей Иванович установил на треноге эту подзорную трубу и позвал нас. Мы пришли втроем и стали ждать, укрывшись в траве.

Пролетали разные птицы.

Сорока потрещала — потрещала слева от нас на сухой ветке осины и улетела, успокоившись.

Совсем рядом от нас из-под жёлтых соцветий корзиночек пижмы — дикой рябинки — вылетела маленькая птичка, и мы даже не успели её узнать.

— Наверное, у неё там гнездо, — сказал Сергей Иванович, — вот она и таилась от нас. Не хотела, чтобы мы его обнаружили. Но не выдержала.

— Я пойду, проверю? — спросил Алёшка.

— Не надо, мы же жаворонков ждём, всё испортишь. Вот лучше обрати внимание: узорчатые листья пижмы всегда повёрнуты с севера на юг. Если запомнишь — не заблудишься в лесу.

— Здорово как! — отозвался Алёшка и стал смотреть в трубу.

— Смотрите, что я обнаружил, вдруг зашептал он, — целый муравейник, а раньше мы его не замечали.

Я припал к окуляру.

Там, за широко раскрытыми навстречу утреннему солнцу венчиками полевого вьюнка, посредине цветов красного клевера, под засохшим вязом возвышался муравейник, домбастион.

Ай да Алёшка, какой молодец. Обнаружил такое чудо. Рыжие муравьи!

Муравейник похож был на шлем богатыря Ильи Муромца.

Жара стоит несносная, а они трудятся вовсю, разбежавшись по своим тропинкам. Кто волочит за собой гусеницу, кто муху, либо совсем маленькую сухую палочку. Все заняты. Все куда-то торопятся. Некоторые, встретившись на секунду, постоят друг против друга, словно передают важные сведения. И вновь разбегаются: работы много.

А вокруг стрекочущий на все лады мир, состоящий из множества насекомых, и среди них милые сердцу кузнечики.

Тёплый воздух июня поднял с земли на опушке и в луговине герань, васильки, иван чай. В красно-белое и васильковое одевается земля.

И всё время, пока мы ждём жаворонков, за нами подглядывают анютины глазки.

Ещё в памяти стоят изысканные белоснежные ландыши, а здесь на просторе всё больше и больше с каждым днём становится красного и жёлтого цвета.

...Наступил краткий момент тишины: ни птичьего вскрика, ни мышиноного шороха — даже странно.

— Завтра будет, наверное, дождь, — говорит Сергей Иванович, — смотри какой большой паук неподвижно сидит среди паутины. Он чувствует ненастье.

И вдруг, смолкнув, подносит палец к губам:

— Ти-хо, — шепчет он, — смотрите!

Вот они! Жаворонки!..

Четыре пташки спланировали на маленький островочек песка.

— Алёшка, смотри в окуляр!

Алёшке не надо подсказывать. Он сам быстро повернул трубу куда надо и стал наблюдать.

Долго смотрит, потом делает вывод:

— Наш петух красивее, чем жаворонки.

— Ну, то петух, кто ж спорит, — соглашается тихо Сергей Иванович.

Когда подошла моя очередь смотреть в трубу, я был удивлён. Звонкая, радостная в воздухе птаха, дарящая чудесные трели, оказалась внешне не яркой. Но в её оперении была своя особая прелесть: крылья и хвостик у неё тёмно-бурые, со светлыми каёмками по наружным опахалам крыльев. Спинка у птицы охристо-буроватого цвета, а грудь — беловато-глиняного цвета с пестринками на горле и зобе.

Когда я всё это перечислил Алёшке, он ещё раз посмотрел в трубу и согласился, что птичка нарядная.

Жаворонки деловито копошились в песке, что-то выклёвывая.

— Что они делают? — спросил я.

— Наверное, клюют необходимые им минералы, — предположил Сергей Иванович.

— А питаются они чем?

— Просьяными зёрнышками, семенами вики, коноплей. Да мало ли чем... ячменём... Мой приятель когда-то держал жаворонков у себя дома в клетке.

Услышав это, я вначале удивился, а потом опечалился. Стало жалко этих весёлых птичек. Зачем же их держать в неволе? Пускай они поют под небесами. Там песни звонче. И душе веселее от простора.

Мама всегда в детстве говорила нам, что жаворонки приносят детям и всем людям после долгой холодной зимы долго-

жданное лето красное. Она пекла из теста жаворонков и они у неё получались всегда красивые.

Мы весной забирались с братом на крышу нашего дома и звали жаворонков скорее прилететь, лето красное принести на крыльях. А мать стояла внизу и улыбалась — и была красивая такая!

И, вдруг — таких птиц в клетку! Это несправедливо.

Созрело лето

Во второй половине июня ночи становятся всё короче и короче.

Такие, что «заря заре руку подаёт» — только разгорится на небе вечерний закат, а уж глядишь, утренняя заря нарождается.

Дни длинные. И светлые — светлые!

Не наступил пока солнцеворот — 22 июня, после которого день начнёт убавляться, а ночь на прибыль пойдёт.

Тогда возврат солнца с лета на зиму начнётся.

Созрело лето.

В вечерние и утренние часы птицы ещё поют, но днём им уже не до этого: в лесу, в поле, у реки — везде пернатые добывают корм для птенцов.

Птицы все в заботах: надо быстрее своих деток на крыло поставить:

Опустела во дворе в листве клёнов скворечница. Скворчата к середине июня выпорхнули на волю. И улетели со своими родителями. И не слышно теперь их голосов.

И радостно за них, что всё вовремя успели сделать, и грустно: не услышишь теперь их пение до следующей весны.

И я подумал: вот уедут ребятишки все по домам, начнётся учебный год, и двор Чураевых опустеет как большая скворечница.

И грустно будет его хозяевам. И клёнам скучно будет. Привыкли они к весёлым голосам и птиц, и детворы...

Но, что ж теперь поделаешь? Так всё складывается.

Да и долго ещё до конца лета.

Зачем грустить раньше времени.

Перемирие

Вчера вечером Рома принёс свой красивый набор игрушек фирмы «Лего» и они с Настей долго на столе под клёнами собирали замысловатые конструкции.

К ним присоединился Алёшка. Но в чём-то он оплошал. Как так получилось, я не видел, но оказалось, что махнув рукой, он задел Насте по голове. Ей стало очень обидно и она начала плакать.

Алёшка успокаивал Настю. Видно было, что ему досадно.

— Настенька, ну я же не специально, Денис один раз мне тоже нечаянно в лоб залимонил мячиком — я не плакал и не обижался!

— Тебе он залимонил мячиком, а ты мне не мячиком, — не унималась Настя, — мне больнее.

Так она и ушла спать обиженной, когда позвала её бабушка Вера. Алёшка выглядел потерянным.

...А сегодня утром я вышел на шум во двор из своего маленького прохладного подвальчика, где ночую, и увидел необычную картину: Настенька сидит верхом на Алёшке и своими крохотными кулачками молотит ему по спине. Алёшка ни капельки не сопротивляется.

Возню их увидела и бабушка Вера. Она тоже вышла на шум:

— Настя, Настя, так нельзя, что же ты делаешь?

Настя деловито и весело поясняет:

— Я Алёшку апельсину!

Настя и Алёшка поворачивают к нам лица — они у них смеющиеся. Нам стало всё понятно: это они так мирятся и им обоим от этого весело.

Кто сильнее и кто дольше живёт?

Сегодня Сергей Иванович занят, у него много работы в лесу, поэтому урок под клёнами ведёт Андрей Иванович.

Учитель читает книжку про животных.

Кто дольше всех живёт? — этот вопрос интересуется всех сидящих на скамейке.

— Американская секвойя, или мамонтовое дерево, по утверждению различных учёных, — читает медленно Андрей Иванович, — имеет предельный возраст 2500-4000 лет,

при высоте ствола свыше ста метров и диаметре в десять метров.

— Ничего себе, деревце, — удивляется Денис, — как упадёт на землю, шишек всем наделает сколько?!

— Шишек? — громко начинает смеяться Алёшка, — ну каких шишек! Мокрое место останется от тебя, если упадёт.

Андрей Иванович поправляет очки, они у него плохо держатся. У них только левая дужка на месте, а правой нет. Вместо неё пока временно жёлтая верёвочка к уху привязана. Когда мы наблюдали за жаворонками на лугу, маленький винтик выскочил из очков и упал в траву. Мы его долго искали и не нашли. На нём держалась дужка. Такой важный маленький винтик — без него Андрею Ивановичу теперь неудобно.

Алёшка спросил:

— А из животных кто дольше живёт?

— На Галапагосских островах, где обитают гигантские черепахи и сейчас встречаются долгожителей, которым более ста лет.

— А как узнают, что черепахам столько лет, ведь они не говорящие? — сомневается Денис.

Андрей Иванович вновь подтягивает жёлтенькую верёвочку. Молча водит пальцем по странице и потом радостно говорит:

— Вот, в книжке ответ есть!

И поясняет:

— На панцире черепахи каждое лето откладывается роговое вещество в виде небольших валиков. Когда температура на улице падает, рост валиков прекращается.

Получается, что по роговым валикам можно подсчитать число прожитых черепахой лет. Как по кольцам роста в стволе деревьев.

В лондонском зоопарке живёт черепаха, которой больше трёхсот лет, — продолжает он.

— Эту старушку можно считать самым старым на Земле животным.

При слове «старушка» Настя хихихнула и уронила мячик.

— Иногда крокодилы тоже доживают до трёхсот лет.

— А слоники сколько живут? — интересуется, вылезая из-под скамейки, куда закатили красный мячик, Настя. — Они такие громадные бывают!

— А вот такие огромные животные как слоны живут всего до семидесяти лет, а киты — всего до пятидесяти лет.

— А дождевой червяк, сколько живёт? — этого в книжке нет? — Настя подошла к деду Андрею и пытается заглянуть в книжку, — он никому неинтересный, червяк, да?

— Ошибаешься, Настя, — вот написано, дождевой червь живёт до десяти лет, почти столько же, сколько собака и кошка, которые иногда доживают и до восемнадцати лет. Лошадь и верблюд живут не более 30 лет. Корова — до двадцати пяти лет.

Дикие хищники доживают до сорока — пятидесяти лет, например, тигр и медведь.

— А кто из них сильнее, медведь или тигр? — поинтересовался, давно молчавший, Денис.

— Конечно, медведь, у него ведь такие лапы! — ответил Алёшка.

— Зато у тигра больше пасть и огромные когти, — возразил Денис, — он его быстрее загрызёт. Он ещё и хитрее.

— Их, наверное, нельзя сравнивать, они разные, поэтому трудно сказать, кто сильнее, — говорит дед Андрей.

— А вот и нет, — возразила Настя, — я знаю, как узнать! Зачем мы спорим: надо поехать в город, в зоопарк, где мы были с папой. Там есть медведь и тигр. Вот у них и надо спросить, кто сильнее? И всё станет ясно!

Правильно я говорю?

Беда с козочкой Маришей

За домом Чураевых, в противоположной стороне от речки Ветлянки, есть переулочек, а в переулочке гать — место, куда все выбрасывают, валят в топкое место всякую всячину, ненужную в хозяйстве.

Сколько раз бабушка Вера говорила Насте:

— Не ходи по гати босиком, ноги поранишь.

Настя позабыла бабушкин наказ и чуть было не поплатилась за это.

Спасла её козочка Мариша.

Так Настя и Мариша подружились, что часто ходили вместе.

Бабушка Вера радовалась всегда, глядя на них, и говорила:
— Ах, вы, мои козочки, обе — две одинаковые!

Она так говорила, наверное, потому, что обе они и весёлые, и шустрые такие. Или оттого, что они одной масти: Мариша вся коричневая и Настя загорелая такая. Светло-каштановые вихры её на голове веселят глаза.

То Мариша забежит вперёд, то Настя — так они и резвились вместе на дворе, на выгоне. Будто на резиночке друг к другу привязаны.

...На гати есть тропиночка. Около неё кто-то и высыпал золу из печки вместе с незатухшими углями.

Весёлая Мариша, когда они с Настей бежали наперегонки, наступила правой передней ногой в печной жар и спалила себе не только шерсть, но и кожу.

...Я принёс на руках Маришу во двор, и Вера Михайловна с Сергеем Ивановичем начали её лечить. А мы все помогали.

Сначала Козочка не понимала как надо себя вести и всё пыталась вырваться. Не давала как следует мазать ногу постным маслом и накладывать марлевую повязку.

Но потом поняла, что ей помогают и присмирела.

...Теперь вместо того, чтобы резво бегать, как она это часто делала прежде, Мариша перевязанная лежит у крылечка и грустно смотрит на всех, кто подходит к ней.

Ей положили большой пучок травы, Сергей Иванович принёс две больших ветки, которые она всегда любила глотать своими крепкими зубами. Но теперь ей это стало неинтересно.

Настя сидит возле Мариши на крылечке и тихо всхлипывает:

— Бедненькая моя, — говорит она, заикаясь, — вместо меня ты наступила на угли.

Слёзы текут у неё по щекам. Она их даже не замечает. Так жалко Маришу.

Лист семижилника

Это растение имеет своё научное название, но мама моя звала всегда его семижилником.

Растёт семижилник обычно в тени, на влажных местах,

чаще на лесных дорогах и вдоль них, где они проходят по оврагам и вблизи озёр. В степи семижилник встречается значительно реже.

Его везде безжалостно мнут копыта лошадей, колёса телег. По нему, обжигающему босые ноги прохладой, бегают ребятишки, забравшись вглубь леса.

До поры до времени его не замечают. Но, когда нога деревенского мальчишки наткнётся на битое стекло, либо гвоздь и рана начнёт гноиться, обязательно найдётся человек, который вспомнит об удивительных свойствах семижилника. И он, этот прохладный зелёный лист, своими семью жилочками, как добрыми щупальцами, накроет рану. Пройдёт время, и рана очистится. Опухоль спадёт, а он, ещё недавно зелёный, засохнет, пожелтеет и пропадёт совсем. И опять все забудут про это неприметное растение. Но забудут только до поры.

Завидная судьба у семижилника.

Коршун и цыплёнок

По улице бежит женщина. Она машет руками и кричит:

— Кшу, кшу!!! Кшу!!! Бандит проклятый!

А высоко в небе над домами не спеша летит большой коршун.

— Утащил цыплёнка! Какой бандит! — продолжает шуметь женщина.

Мы выбежали на середину двора, а Сергей Иванович, увидев в небе коршуна, быстро побежал в погребницу и вышел оттуда, уже не спеша, с ружьём.

Большая птица спокойно летела в небе, никого не боясь. Она верила в свою безопасность. У неё были крылья, а у людей только короткие руки и ноги. И как женщина на земле ни кричала, полететь за птицей никто не мог. Коршун это знал, поэтому и не торопился улетать в лес.

Как только коршун оказался над нашими головами, Сергей Иванович выстрелил. Ружьё так сильно стрельнуло, что заложило в ушах.

Стрелок оказался метким.

...Когда мы выбежали со двора и приблизились к лежащей в траве птице, она ещё была живая и целое, не перебитое её правое крыло, как маленькое живое весло, загребало под

себя воздух. Но вскоре затихло. Левое крыло совсем не двигалось.

А где же цыплёнок? Мы начали смотреть вокруг коршуна.

И вдруг из-под большой хищной птицы, похожей на маленький самолёт, выскочил жёлтенький комочек — это был цыплёнок — и присел рядом.

Он либо сильно напугался, либо ничего не понял. Сидел себе задумчиво и никуда не бежал.

— Свою хозяйку не узнаёшь!? — радостно проговорила женщина и взяла цыплёнка в руки.

— Тётка Клава, а может он не твой? — смеясь, сказал Сергей Иванович, — мало ли их тут хищников летает.

— Мой, мой, — отвечала женщина, — этот бандит два дня назад унёс уже одного его братика, прямо со двора, как и этого. Я выскочить из избы не успела.

Когда шли к дому, она дала Насте понести цыплёнка. Мы все шагали около Насти. Цыплёнок был совсем маленьким. У него не оказалось ни одной царапинки.

Как мы ловили раков

Утром, когда все позавтракали, Сергей Иванович предложил пойти на озеро ловить раков. Мы согласились. А тут Денис с Ромкой пришли и тоже присоединились к нам.

— А как мы их будем ловить? — спросил Денис.

— Вот придём, тогда увидишь, — отвечал опытный Сергей Иванович.

— А ты, ловил когда-нибудь раков? — спрашиваю я Алёшку.

— Нет.

— Ты сюда раньше не приезжал?

— Всего один раз, давно было. Дед Андрей летал на самолётах — некогда было, а папа всегда почти на работе.

А, если дома, то сидит около компьютера. Мы с мамой зовём его компьютерный ворон. Он, эту, как её — диссертацию пишет.

— Всё с вами понятно, — покачал я головой.

Когда мы пришли к озеру Лопушному, Сергей Иванович срезал в тальнике четыре короткие, чуть больше метра, удочки и привязал к каждой леску — белую нитку от обыкновенной катушки, которую он взял у бабушки Веры.

— Натe вам всем по удочке, — сказал он.

Роме он удочку делать не стал. А тот и не собирался рыба-
чить. Он уже возился в мокром песке, сооружал крепость —
башню.

Себе я сделал удочку сам.

Настя тоже взяла удочку и теперь стояла, наматывая нитку
на палец.

— А где же крючки? — удивился Денис.

— А они нам не нужны, — поучал Сергей Иванович, — смо-
трите, что надо делать!

Он снял брюки и вошёл в воду. Чуть потоптавшись, нагнулся
и достал сразу несколько ракушек. Ракушки были все в тине,
но когда он их ополоснул хорошенько в воде и протёр рукой,
они засверкали на солнце красивыми узорами.

Затем Сергей Иванович раскрыл ракушки большим ножом
и извлёк мясо. Ловко привязав мясо ракушки на конец лески
каждой из удочек, он воткнул снасть прямо в воду в метре от
берега.

— Всё, рыбалка началась! — весело объявил он.

— Началась? — удивился Алёшка, — так просто? А как же
он попадётся, рак, если крючка нет?

— А зачем крючки?

Рак клешнями захватывает мясо и натягивает леску. Как
только увидишь, что нитка натянулась, тяни её потихоньку на-
верх, перебирая обеими руками. А увидишь в воде на ниточке
сидящего рака с мясом в клешнях — хватай его снизу правой
рукой — он твой!

— Такая разве бывает рыбалка? — засомневался Денис.

— Смотри, у тебя уже сидит, вынимай, давай!

— Давайте в первый раз хватайте Вы, — попросил Денис, а
я потом уж...

Сергей Иванович подошёл к удочке и стал потихоньку вы-
таскивать леску.

— Хоп! — сказал он весело и выбросил большого рака на
берег.

Рак плюхнулся на спину в траву и захлопал тугим хвостом.
Потом перевернулся и тихо пополз к воде.

— В ведро его! — скомандовал Сергей Иванович.

— А как? — спросил Денис.

— Возьми сзади, со стороны хвоста за панцирь пальцами и все дела...

Денис подкрался к раку сзади, но потом замер: рак будто догадался, что его схватят сейчас, он начал поднимать свои клешни попеременно вверх. Они у него были похожи на ножницы.

Денис оказался парень не промах. Один миг — и рак в его руке. Теперь он в воздухе продолжал шевелить клешнями, но было уже не так страшно.

Когда натянулась леска у Алёшки, он начал подкрадываться к удочке.

— Да, иди спокойно, только не шуми и всё, — подсказывал Сергей Иванович.

— Сидит! — радостно зашептал Алёшка, — такой здоровенный!

— В воде они все большие, — отозвался Сергей Иванович.

— Эх, — удручённо произнёс Алёшка, — рак как пуля: сорвался и задом в глубину — я моргнуть не успел.

— Не успел, а проморгал рака, — засмеялся Денис.

— А ты-то, совсем ещё не пробовал даже, — отозвался Алёшка.

Скоро лески натянулись на всех удочках. Надо было действовать.

Алёшка и Денис поймали каждый по раку, а Сергею Ивановичу повезло — на одну приманку вцепились два рака и оба оказались в ведре.

Настя попросила, чтобы на её удочку ловил я, что и было сделано.

Её удочка оказалась уловистой.

Когда ведро, больше чем наполовину, запомнилось раками, Алёшка предложил:

— А давайте их здесь и сварим!

Мы все согласились, похвалив Алёшку за предложение.

Я пошёл искать рогульки для костра, Алёшка, Настя и дед Сергей — собирать дрова.

Когда уже развели костёр, Сергей Иванович начал смеяться. Он подошёл к ведру, в котором шуршали, словно переговариваясь раки, и поднял его в руке перед собой:

— Ребята, у нас же ведро полиэтиленовое, оно расплавиться.

Промахнулись мы малость. Не получится. Да и соли у нас нет. Алёшка, сбегай за ведром и солью!

Алёшке предложил свой вариант:

— А давайте пойдём домой, в огороде около колодца возьмём железное ведро и сварим раков, соли возьмём дома. В огороде хорошо будет, там скамеечки, — добавил он для убедительности.

Мы снова согласились с Алёшкой и пошагали домой. Ведро с добычей нёс Алёшка, а Настя ему помогала.

Раков в огороде мы сварили удачно, а вот дальше у нас было происшествие.

Не сразу, но потихоньку, все научились есть раков. Даже Настя самостоятельно старалась очистить самый лакомый кусочек рака — хвостик, который почему-то называется шейкой.

Так всем было вкусно!

Когда все раки уже кончились, и мы посматривали на зелёный старенький чайник, который не торопился закипать, Денис произнёс:

— Смотрите что у меня на животе, чешется так!

Он задрал на животе свою сиреневую майку и все увидели красноватые пятна на коже и сыпь.

— У тебя и на лбу пузырьшки красные, как ветрянка, — удивилась Настя.

Когда уже разливали чай, у Дениса кроме сыпи на животе и пятен появились три волдыря. И мы не на шутку забеспокоились.

— Ты по крапиве бегал? — спросил Сергей Иванович.

— Нет, кажется, не бегал, — ответил спокойно Денис.

— Тогда вот что, — сказал Сергей Иванович, — быстро идём к твоему деду, заберём его и сгоняем в районную детскую больницу. Мало ли чего? Только бы мой дружок, Николай, с машиной дома был.

— А деда его зачем забирать, у него же нет волдырей? — удивилась Настя.

Сергей Иванович и Денис ушли, а мы остались в огороде.

Когда Сергей Иванович вернулся, он пояснил, что у Дениса оказалась аллергия на раков. Такая реакция организма. Денис никогда не ел раков, поэтому никто не знал, что ему нельзя.

Врач дал Денису таблетки, сейчас он сидит дома.

...Утром Денис пришёл к Чураевым. У него не было даже следов от вчерашнего происшествия. И выглядел Денис не пострадавшим, а даже наоборот, каким-то особенным.

Он важно заявил:

— Доктор сказал, что я держался молодцом и, когда выросту, этой болезни у меня не будет.

Надо расти скорее, вот и всё!

Настина обида

Вчера вечером бабушка Вера и Алёшка о чём-то вдвоём на лавочке у дома тихо разговаривали.

Настя это видела и ей стало завидно.

Сегодня утром бабушка Вера рассказывала, как они когда-то с Алёшкой ели малину в саду у колодца, а в это время прибежал радостный сын её Саша и объявил, что родилась Настя.

— Было жарко, жарко, начало июля уже...

— А Алёшке сколько лет тогда было? — нетерпеливо спрашивает Настя.

— Три годика было, мы с ним везде уже ходили вместе. Хоть куда: в магазин ли, на речку...

— На лице Насти обида. Она даже всхлипнула и стала смотреть перед собой, не поднимая головы.

— Внушенька, что с тобой? — спрашивает ласково бабушка Вера.

— Что, что? — медленно говорит Настя.

Она поднимает голову, и глаза её очень грустные и большие смотрят на бабушку. Из них, кажется, вот-вот польются слёзы.

— Когда меня ещё даже не было, вы все Алёшку уже три года любили, — сказала так и мизинчиком левой руки стала тереть глаз у носа.

Но слезинка не успела выскочить.

Бабушка Вера погладила шершавой ладонью Настенькин лоб и успокоила:

— Вот придумщица. Я вас одинаково люблю обоих. Не бери в голову.

Глаза у Настеньки становятся после таких слов бабушки ещё больше и красивее, а веснушки на щеках — весёлыми. Она смотрит на неё и ничего не говорит: все и так понятно.

Сон под утро

— Почему в Москве у нас метро есть, а в деревне нет? — спрашивает Алёшка.

— На десять дворов метро? — бабе Вере сделалось смешно и она сказала сквозь смех:

— Сядешь в метро и выскочишь из деревни — не успеет вагон остановиться — деревня уже кончилась!

— Не-е-е, — возражает Алёшка, — между деревнями метро надо бы. То грязь, то пыль, а так — чик и готово! Все сухонькие.

— Метро делают там, где людям тесно, не разойтись — вот они и лезут под землю. Не от хорошей жизни это. Без свежего воздуха живут, бедняги, — убеждённо говорит бабушка Вера, — а у нас ходи и дыши сколько надо!

— Ни одного дома нет у нас двухэтажного, а в городе дома огромные и многоэтажные. Они лезут все вверх, — продолжал Алёшка.

— Оттого и лезут вверх, что воздуху и места мало.

— А зачем тогда они, если воздуху мало, как мыравьи, которых мы нашли, лезут в одну кучу, раз столько места много везде.

Алёшка показал на выгон перед домом, на широкий просторный Ильмень за рекой, уходящей далеко-далеко к горизонту.

— А шут их знает, — ответила бабушка Вера, — некогда им думать. Суетятся в делах. Вот ты приехал, перестал суетиться — огляделся, подумал и удивился: почему так? А они нет.

— Они не удивлённые ещё, — подытожил Алёшка услышанное. И покачал по-взрослому головой. И не понятно было: соглашается он с бабушкой Верой или сомневается...

— Вон, почему дядя Саша уезжает? — шутливо кивнула в мою сторону Вера Михайловна, — спроси его.

— Да, правда, дядя Саша, не надо уезжать, — проговорил Алёшка и тронул меня за руку, — тут интересно же. Каждый день что-нибудь новое. Мы так подружились отлично с Вами!

Мой отпуск, к сожалению, кончился и я не мог больше оставаться, поэтому только потрепал Алёшкин белокурый чуб и ничего не ответил.

А вечером в мой подвальчик пришли Алёшка и Настя.

— В саду у бабушки Веры так много сейчас спелой малины, зачем уезжать? — говорила Настя, — и уже огурчики первые, пушляточки в тепличке есть! Бабушка сказала: «Золотая пора идёт, скоро будут помидоры спелые».

...Мне не хотелось уезжать. И когда ребята ушли, я долго не мог успокоиться. И не работалось мне в ту ночь над рукописью, и заснуть не мог.

Взрослые заботы тянули меня в большой шумный город, а душе моей не хотелось отлепляться от тихой деревушки у реки Ветлянки. От моих старых и новых знакомых, вернувших меня на целый месяц в самое дорогое, что было у меня в жизни — в моё деревенское детство.

Уже засыпая, как маленький, загадал я: если знакомый соловей за палисадником в черёмухе запоёт и возьмёт голосом не менее семи коленец, то мне суждено приехать на следующее лето к Чураевым. И ничто меня не остановит. А, если не возьмёт — видимо не судьба.

Моя знакомая птаха не подвела меня. Соловей выдал семь коленец кряду.

Но я-то знал: он способен на большее. Соловей малость помолчал и рассыпал в листву фарфоровые колокольца словно в память о недавно ещё красовавшихся в ложбинке ландышах. Это восьмое колено было самое красивое!

...Когда заснул, приснилось будто иду я росным утром по просёлочной песчаной дороге.

Солнце едва начало золотить верхушки больших деревьев.

Иду я давно. Издалека, к Чураеву дому. И стоит окрест такая тишина, будто нагнулся я над тихим и чистым незащищённым родничком и не решаюсь тронуть его губами...

...А навстречу мне идёт Настя. И так она похожа, оказывается, на девочку из моего детства! Только звали ту девочку по-другому.

Девочка из моего детства, став взрослой, уехала далеко в большой город, и больше никогда мы не виделись.

Она, наверное, меня забыла давно.

А я, после того, как познакомился с Настей, часто вспоминаю её...

2003 г.

**ОДНАЖДЫ
В ЗИМНИЕ
КАНИКУЛЫ**

Повесть

Настины тайны

Я приехал к Чураевым в деревню в конце декабря. Мы не виделись целых полтора года. Самая младшая из Чураевых — внучка Настя — сильно подросла. Теперь ей почти семь лет.

Она такая же непоседа, какой была раньше. Когда появляется в горнице у Чураевых, светлые ее косички так и порхают перед глазами. Как птички в летнюю пору!

И комната тогда становится другой. Освещенная Настиньми лучистыми глазами, как летняя поляна с душистым разнотравьем, радует она душу. И будто нет за окошком зимних холодов. И бесприютно-печальные дни декабря уже не кажутся тусклыми и серыми. Все больше чувствуешь желанное обилие света. Вот грянет настоящий снегопад и словно в хрустальной ландышевой свежести ядреными листьями капуста захрустит под ногами снег...

— И смех, и грех, — говорит бабушка Настя — Вера Михайловна, — теперь-то страсти улеглись. А когда в прошлый раз летом все разъехались, Настя горевала сильно. Все письма писала, чаще Алешке.

Засмеялась весело и добавила:

— Не справлялась с буквами. Начинала, например, писать слово, а в нем буква «о». И доходило у нее до слез.

— Почему? — спрашиваю.

— Она никак не могла начало и конец буквы соединить в круг. Он у нее получался все больше и больше. Рукой вела по бумаге и выезжала с листка. Беда! А помогать писать не давала. Говорит: секрет. Читать написанное не позволяла. Слово с меня взяла, что не буду подглядывать. Какие уж у нее секреты с вами со всеми, не знаю? Она и вам писала?

— Да.

— И что там, в ее каракулях?

— Я храню эти письма отдельно, как очень дорогие.

— Беда с вами, — покачала головой Вера Михайловна, — и этот молчит! Кругом тайны.

Говорит и улыбается Настинкой улыбкой. И я невольно улыбаюсь.

Кто приносит зиму?

Нынешний декабрь особенный. Снега совсем мало. Жесткие струйки поземки, извиваясь, ползут за окнами чуряевского дома.

Березки, которые сбились в кучку совсем недалеко на высоком берегу речки, кажется, не выдержат напора ненастья. Сломаются и их не станет. Или сбегут вниз по обрыву в реку туда, где слабее ветер. Там стоят деревья, более сильные, привыкшие переносить жесткое наступление зимы. С ними заодно легче.

Три клена над избой нависли могучими великанами. В такие дни своими оголенными ветвями они не укрывают, как летом, двор. Наоборот, стараются пропустить как можно больше теплых солнечных лучей.

Но откуда теплу взяться? Солнце в полдень поднялось багровым холодным кругом в серо-голубом воздухе над горизонтом, да так и повисло, скучая. Себе не нравится.

Декабрь — месяц-студень. Куда деваться, будет еще холоднее. Выпадет много снега — в нем спасенье живому. А пока все вокруг насторожилось, затаилось. И зверь, и птица, и деревья. Презимовать надо!

Мы с Настей стоим в комнате у окна. Нам тепло. Цветки крепенькой герани заглядывают за окно в лютую стужу. Лепестки тихо колышутся.

— Переговариваются между собой, — шепчет Настя, — удивляются зиме, как и мы?

Оконное стекло все в сказочных узорах. Причудливые хризантемы, папоротники, пальмы нарисовал на стекле декабрь.

К Новому году Дед Мороз начал готовиться основательно. Он не только заузори́л стекла. И сосульки развесил, как гирлянды во дворе на кленовых ветках!

Неустойчивая промозглая погода скоро пройдет.

— Задача у декабря, — говорю Насте, — дать разбег зиме, поставить ее на ноги. Впереди солнцеворот — настоящее начало зимы. Тогда солнце начнет по небосводу тянуться выше и выше.

— Все сейчас боятся зимы, — отзывается Настя. — Вот герань! Откуда она взялась, если на морозе ей жить нельзя? А улететь, как птичка, на юг она не может... Ее бабушка Вера спасла, внесла в дом.

— Родина герани, кажется, в Африке, — отвечаю я.

— Семечко, как птичка, прилетело к нам из Африки? Или принесли птицы? — спрашивает Настя.

— Скорее всего, человек привез росток. Посадил. Он не пропал — выросло растение.

— Да... — призадумалась Настя. Чудно как! Человек специально ездил в Африку?

— Не знаю.

— И еще непонятно мне, — говорит она, — кто нам вообще зиму приносит? За ней же никто не ездил. Если лето приносят жаворонки, то, наверное, зиму — пингвины. Но они у нас не живут.. Ветер приносит тогда?

Не дожидаясь ответа, рассуждает дальше:

— Вот принес ветер морозную снежинку. Она не пропала. Взяла и выросла! Нахолодила вокруг себя целые сугробы. Лед получился. Потом — целая зима вышла. Зима уходит, а лето приходит — они договорились так?

Вера Михайловна громко из кухни, второй раз уже, зовет нас обедать. некогда беседовать, потому отвечаю Насте:

— Давай, когда приедет Алешка из Москвы, попросим твоего дедушку Сергея Ивановича провести урок на эту тему. Как это делали летом. Алешке тоже будет интересно знать, откуда берется зима. Хорошо?

— Хорошо, — как эхо, отзывается Настя, — скорее бы все приехали. И Денис с Ромкой из Самары. Все, все наши!

Письмо от Алешки

К Чураевым кроме моих писем приходили и другие послания. Четыре — от Алешки, одно — от Дениса из Самары. Настя хранит их в особой шкатулке в доме деда. Сегодня пришло еще одно письмо от Алешки. Его принесла Настина мама, Любовь Васильевна.

Настя пришла из школы прямо к бабушке. Они втроем сидят за столом, я — на диванчике. Настя читает письмо:

«Дорогая Настя! Я очень соскучился. Одному без самых близких друзей грустно.

В Москве сейчас все нормально. Были выборы эти. Сейчас мама с папой говорят про них. Мне не интересно. Папа

говорит, что я не городской человек. У меня в голове лес да путешествия. Это не совсем так. В Москве есть очень красивые места. Например, Третьяковская галерея. Это такой музей, в который один человек Третьяков, представляешь, накупил на свои деньги для всех нас много картин. И подарил сразу всем!

Рядом с нашим домом есть поселок художников «Сокол». Там много деревьев, детская площадка, качели. А чуть дальше большое озеро, рядом в лесу — родники. Мы с папой набираем и пьем родниковую воду.

В этом поселке жили знаменитые художники. Есть даже улицы Репина, Поленова.

В Москве жить тоже можно. Только газа много. Крутом машины. Мне вспомнилась наша корова Жданка. Представляешь, если бы вместо машин было столько коров: Жданок, Зинок, Дочек, Красулей всяких... Сколько было бы молока!

Мое здоровье нормальное. Скоро мне купят мини-компьютер.

Напиши, как у тебя дела? Как дедушка Сергей и бабушка Вера живут? Как там козочка Мариша? Выросла за это время или нет? А у Жданки последний рог целый?»

У Насти затекла нога, на которой она сидела, поджав ее под себя. Она встала со стула, пододвинула его чуть ближе к окошку. Уселась, опустив обе беспокойные ноги под стол. И продолжала читать про Алешкину жизнь:

«Мы вчера с папой играли в шахматы, — писал Алешка. — Ну, да, конечно, папа выиграл. Но я сражался стойко. Напоследок папа предложил ничью. Я не взял такое предложение. Бился до конца! Потом проиграл.

Приеду, будем с тобой в шахматы резаться.

Настя, по-моему, я уже закончил письмо.

Пока, до свидания!

Вот еще! Моя мама говорит, что интересно, кто будет у Чураевых быстрее, мы или это письмо? Как только начнутся каникулы, через неделю с дедом поедем к вам. Наперегонки с письмом».

— Пока они на поезде будут мчаться к нам, мне надо, чтобы деда научил меня играть в шахматы, — забеспокоилась Настя. — Я не умею.

— Когда ж ему учить тебя, — говорит Вера Михайловна, — он торопится до приезда побольше дел переделать. Потом некогда будет.

— Попробуем научить, — говорю я. — Но времени мало.

— А вы умеете? — обрадовалась Настя.

— Да.

— Ой, как хорошо! А то я совсем не держала вас в голове. В ней Алешка за всех.

Куда уходит лето?

Вера Михайловна успела протопить с утра печку березовыми дровами. На кухне теперь тепло. А за окном в чистом поле разошлась пурга. Оголенные ветви кленов на фоне свинцового неба кажутся чужими и неприветливыми.

Настя смотрит в окошко и вздыхает:

— Бабушка Вера, а где все-таки зимует лето?

Вера Михайловна строго посмотрела на нее и спросила:

— Ты опять что-нибудь надумала?

— Ничего я не надумала, — отвечает Настя. — Просто так спрашиваю.

— Смотри у меня! Не натвори опять. Месяц декабрь не сродни августу. Замерзнешь...

Я вопросительно посмотрел на Настину бабушку. И она рассказала о летнем происшествии.

Оказывается, однажды после нашего отъезда Настя ушла за порхающей бабочкой в лес. Ее нашли на поляне за километр от дома в цветущем разнотравье, среди пчел и бабочек.

— Ей скучно было без вас, она и подалась в лес, — закончила Вера Михайловна свой рассказ.

— Бабочка за летом гналась, а я за бабочкой. Вот и вышло так, — деловито пояснила Настя.

— Вышло так, — уточняет Вера Михайловна, что искали мы ее всей улицей.

— Мне так хочется, чтобы лето вернулось... — не унимается Настя. — Ландышей собирать бы. Чтобы только от них прохладно было. Не от снега.

Пельмени с мороза

Гости приехали в субботу из райцентра в одном автобусе. Так получилось на радость всем. Морозное утро стало от веселых глаз еще искристей. Глядя на розовощеких и подросших Алешку и Дениса, Вера Михайловна приговаривала:

— Крепенькие-то какие! Словно пельмешки с мороза. Надо же, подросли как! Дайте я вас расцелую.

— Ага! — веселится Настя, — а если бы приехали летом, то были бы варениками с вишней, да?

Всем было и так весело, а тут еще такие Настины слова!

В полдень Чураевы пригласили всех на пельмени. Не зря Вера Михайловна говорила про них.

После обеда вместо того, чтобы утомониться и отдохнуть немного, Денис вспомнил о зарубках на дверном косяке. Их делал в последний раз Сергей Иванович. Пошли делать замеры и проверять, кто на сколько подрос. Сергей Иванович ставил каждого под желтую пластмассовую линейку. Ее он держал строго горизонтально, ткнув одним концом в косяк. Шариковой авторучкой делал жирную отметину. Таких отметин с цифрами, датами и именами от прошлых замеров там уже было с десяток.

Насте не терпелось узнать, кто больше всех вырос. Она то-ропила деда. А он, скосив глаза поверх новых очков, поглядел на нее строго и сказал:

— Погоди немножко. Пока я с ними вожусь, ты за это время еще подрастешь!

Настя на время успокоилась. Но потом недовольно посмотрела на Дениса и проговорила:

— Нечестно так, Денис в толстых шерстяных носках. А я почти в никаких, тонюсеньких. Он хитрый.

Когда Сергей Иванович все посчитал, оказалось, что больше всех вырос Денис. Аж на семь сантиметров, Алеша — на пять, а Настя — на четыре.

— Жаль, Ромка не приехал, может, он чемпион по росту, — улыбаясь, сказал Сергей Иванович.

Настю нисколько даже не расстроили такие результаты. У нее в голове было уже другое:

— Деда, ты летом учителем был у нас. Уроки вел. А теперь будешь?

— Больно времени мало. Неделя до нового года и неделя — после. Но если хотите, давайте завтра первый урок проведем о зиме. Интересно, кто больше знает о ней. Согласны?

Никто не возражал. А у Насти новое предложение:

— Я вам не сказала главную новость, — она поочередно посмотрела на Алешку и Дениса, — я про козу Маришу говорю. После того как она проглотила поролон и заболела, все думали, что не вырастет. А она стала большой красавицей! Пойдемте ее смотреть! Не коза, а козище какое-то! Посмотрим! И с горки покатаемся! Ее дядя Саша сделал. У меня не получается кататься. Я на половинке горы вылетаю из санок. Потом ищу их.

Денису и Алеше стало смешно от ее слов. Они стали толкаться. С охватившей их веселостью места в доме стало не хватать. Мы вышли во двор, в морозный ясный день. И направились к речке, которая, залубенев от холода, стала казаться намного меньше.

Неразлучницы

— В конце огорода стояли две красивые березы. Где они? — спохватился вечером Алешка.

И я заметил, что чего-то не хватает, но не догадался. Алешка опередил.

— У одной на белой коре было пятнышко такое особенное, как глаз, — говорит он, — мне всегда казалось, что она на меня смотрит, когда бабушка за луком посылала. Березе было интересно, что делаю на грядках.

— А я уж отпечалилась о них, — вздыхает Настя, по-взрослому подперев кулачком подбородок. — Теперь почти забыла.

— Деда, расскажи, что с ними? — просит Алешка.

И Сергей Иванович рассказал.

Прошлым летом застала его на реке непогода. Заметив, как быстро с севера надвигаются тучи, он собрал рыбацкие снасти и поплыл к берегу.

— Дождика большого не случилось — ураган прошел сильный, — говорит Сергей Иванович. — Я не видел, чтобы ломало деревья. А тут, утром пошел в огород: лежит березка на земле, одна. Вывернуло ее с корнем. Метрах в пяти от нее такая же березка — целехонькая. И ветельник кругом целехонький. Будто

ей одной только и судьба такая. С неделю я ее не трогал. Рука не поднималась. Так она и лежала поперек огорода. Зеленая и нарядная. Будто споткнулась девица. Сейчас подыметесь, подберет сарафан...

Вера Михайловна, увидев, какие грустные стали лица Насти и Алешки, проронила:

— У каждого своя судьба, что ж теперь?.. Сам говоришь...

Я слушаю, не решаясь вставить слово. Такой разговор...

— И куда она делась? — спрашивает Алеша.

— Сучки обрубил и отнес за сарай, где оглобельник. В углу теперь стоит. Без дела.

— А вторая?

— Около нее.

— А почему и вторая там? Как получилось? — растерянно спрашивает Алеша.

— Сам не знаю, что произошло! Никогда такого не видел. И не слышал, чтоб случалось... Такая же стройная. Около десяти метров высотой, вся обычно в золотистых сережках... А тут, смотрю, когда ее сестренки-подружки не стало, пожелтела в один день. Стоит, будто старушка. Я сам заболел, глядя на такое. Не трогал ее. Думал, обойдется. Может, она осень рано почувствовала и пожухла. Простояла зиму. На эту весну не зазеленела. Потемнела вся. Как и ее сестричку, убрал в оглобельник. Неразлучницы ...

— На них сороки любили сидеть и наблюдать, чтоб вовремя застрекотать своим всем, — шмыгнув носом, глухо сказал Алеша.

— А один раз я видела, птичка чечевица сидела, — говорит Настя.

— Может, скворец? — спросил я.

— Нет, это была чечевичка, — уверенно ответила Настя. — Вы же мне говорили, какая она. Как скворец, но головка и грудь красные-красные, остальное бурое.

— Это чечевица, — согласился Сергей Иванович, — Витю искала? Пела?

— Витю-тю видел? Витю-тю? — подхватила Настя.

Она, повеселев, взглянула на меня. Вспомнила нашу встречу с чечевицей в лесу летом. По этой песенке ее ни с кем не спутаешь!

Алешка сидит хмурый. У него, видно, свои воспоминания.

Зимние дары

Эту лощину с суховерхими осокорями в зимнем лесу я обнаружил еще до приезда ребят. Осенние вешенки — вот что я увидел на осокорях. Зимние грибы! Редкое дерево стояло здесь без неожиданных волнующих подарков.

Я рассказал о них ребятам. Денис и Алешка загорелись. Стали просить показать грибное место. Особенно настойчив Денис. Кажется, он из тех людей, которым постоянно необходимы приключения.

Что же! Охота пуще неволи!

Мне самому не терпелось поделиться с ребятами чудом. Вешенки в таком количестве сам впервые видел.

Мы решили идти на лыжах. Так легче в лесу. Известно, каким у нас в Среднем Поволжье бывает иногда декабрь. То колючая изморозь, то липкий снег идет. Продувной ветер тоже не лучший попутчик в таких походах.

Нам повезло. Выдался безветренный с легким морозцем день. Будто специально для нас приготовленный. Мы отправились на грибную охоту втроем. Настю уговорили остаться дома.

Что может быть красивее зимнего леса, покрытого свежим снегом и инеем! И пускай он не светит летним теплом. Не звенит от птичьих голосов, как летом. Но сколько в нем прелести! И как хороша лыжная прогулка!

После меня в лощине, похоже, никто не был. Я намеренно не торопился показывать грибы. Когда мы спустились в середину лощины, я попросил посмотреть вверх на деревья. Оба моих усердных спутника были поражены:

— Их так много! Грибное нашествие! Неужели они съедобные? — восторгается Денис.

Грибы нависали, как толстые козырьки кепок. По несколько штук на каждом дереве.

Мы сняли лыжи. Достали припасенные ножи и стали резать чудо-грибы.

— Они не могут быть червивыми, верно? — весело кричит Денис, — зима же?

Высунув кончик языка от усердия, он отделяет жестковатую нарость от дерева.

— Червяки все разбежались от мороза, — не унимается он.

— А как такие грибы варить? — интересуется обстоятельный Алешка.

— Очень просто, — отвечаю, — часа два надо покипятить, потом покрошить их на сковородку. Нарезать туда лучку, добавить подсолнечного масла и — на огонь!

— Получится блюдо под названием «Зимняя радость», — кричит Алешка, забравшись на дерево. Он срезает грибы и оттуда сверху бросает их в раскрытый рюкзак.

Скоро рюкзак становится полным. А грибов на деревьях будто не убавилось.

Не спеша тронулись в обратный путь. Рюкзак несли по очереди. Дорогой мы изрядно устали. Когда вышли к дому, на ребят напала веселость.

— Надо такие осокори посадить около дома, — начал фантазировать Денис. — Чтобы прямо с веранды резать грибы. Никуда не ходить.

— И посадить прямо над погребом, — добавляет Алеша, — открыл крышку у погреба, залез на дерево и срежай грибы. Они сами летят прямо в погреб. Только банки успевай подставлять.

Во дворе нас встретили Сергей Иванович и Андрей Иванович. Мы ушли за грибами без них. Они были по своим делам в райцентре.

— Что это у тебя в рюкзаке такое тяжелое? — спросил Андрей Иванович внука.

— Грибы, — с готовностью ответил Алеша, — зимние!

— У нас в погребе и маслята, и опята, и валуи. Соленьые. Готовые! — сказал Сергей Иванович. — Если хотите, достану. Пальчики оближете. Чудо!

— Там в погребе — грибы обыкновенные, — ответил солидно Алеша, — а здесь у нас — дары зимы! Правда, дядя Саша?

— Да, — соглашаюсь я, глядя на довольного Алешу.

А он, снимая рюкзак с плеч, поскользнулся на лыжах и упал под тяжестью грибов. Лежа на рюкзаке, произнес звонко:

— Жадность подвела. Много набрали.

Мы поспешили ему на помощь.

Настин подарок

Я подарил каждому из ребят по новой моей книжке «Под старыми кленами». Написал в ней про наши летние каникулы у Чураевых. Книжка получилась красочной. Отдельные рассказы были напечатаны в газетах еще до выхода книги. Ребята, прочитав, начали рисовать к ним картинки. Присылали их мне. Набралось более пятидесяти рисунков. Я передал их в издательство. Осенью книжка вышла.

Всем у Чураевых понравились яркие ромашки на обложке книжки. Может, оттого, что теперь зима. Говорили, что корова Жданка и теленок Ветерок в книжке как живые. А козочка Мариша и Настя в красном платье всех рассмешили.

— И я хочу написать такую книжку, — загорелась Настя. — Но не знаю, как!

— А просто, — подсказала Вера Михайловна, — пиши всем, кого любишь, письма, а потом собери их вместе — вот тебе и книга.

Она не выдержала, рассмеялась:

— Букву «о» ты, слава Богу, писать научилась.

Настя не обиделась на последние слова про букву «о». Ей не до этого.

— А можно так? — она посмотрела вопросительно на меня.

— Конечно, — согласился я.

— Тогда я буду писать всем: козе Марише, Арише, корове Жданке! И... вам, конечно... Я всех люблю.

Через год получится подарок.

— Денис будет отвечать за поросенка Борьку в письмах, а я — за Маришу, и картинки будем рисовать за них и за себя, — сказал весело Алешка.

Насте показалось, что над ней шутят, и она было нахмурилась. Но все приветливо улыбались и кивали головами.

Она радостно объявила:

— Тогда я буду думать, как назвать мою книжку. Надо, что-то особенное.

Сибич

Вчера вечером Вера Михайловна принесла новость. Оказывается, у Пети Лобачева живет с осени в избе чибис. Позавтракав, мы отправились смотреть птицу.

Нас подзадоривает Настя:

— Живем и ничего не знаем, а тут такое!..

Она шагает впереди нас с Алешкой. Мы у нее будто на веревочке. Когда пришли, чибис был в самодельной большой клетке, которая стояла у окна на лавке. Тонконогий, в белой манишке и черном передничке, величиной с небольшого голубя, он вышагивал в клетке будто журавль.

— Прямо как начальник, — говорит Петя и смеется довольный. — Смотрите, — шепчет он и начинает слегка дуть на черную, тонкокловую головку птицы. Чибис прикрывает крупные карие глазки в колечках светлых перышек и горделиво поворачивает головой.

— Правда, начальник, — радуется Настя, — хотя и с косичкой на затылке. А ты его как-нибудь зовешь? — спрашивает она.

— Сибич, — произносит Петя, и птаха поворачивает к нему голову.

— Я не поняла, — говорит Настя.

— Что ж тут не понимать? — поясняет, чуть важничая, Петя. — Слово «чибис» надо прочитать наоборот.

Настя немного молчит, шевеля губами. Потом радуется:

— И правда! Получается, если наоборот: сибич! Какой ты молодец, придумал!

— Это не я, — весело говорит хозяин такой необычной птицы, — мой папа так назвал.

— А почему? — не понимает Настя.

— Посмотри на птицу! Вроде красивая, а хочется назвать пигалицей. Важная такая, ходит как! А от этого только смешно. Вот и Сибич поэтому, — рассуждает Петя, — все наоборот.

— А как ты его поймал? — интересуется Алеша.

— Подобрал на лугу в сентябре. Его сородичи уже улетели на юг. Он один жил. У него крыло было раненое. Я летом видел, как часто ястреб налетал на чибисов. Наверное, Сибич в бою пострадал. Чибисы храбрые. Сначала один, который обнаруживает врага, бросается на ястреба. А потом все вместе. Ворона всегда помогает чибисам отбиться от ястреба. Я часто наблюдал это. Под ольхой спрячусь... У чибисов много врагов: собаки, кошки, сороки. И поэтому, когда человек подойдет близко к его гнезду, он кричит: «Чьи-вы, чьи-ви?» Хочет узнать: свои или чужие? Чего ожидать?

Сибич, будто догадываясь, что его хвалят, важно так переступил полусогнутыми красноватыми ножками. Потом прошелся из угла в угол в клетке. С ленцой плеснул черными, неожиданно большими крыльями.

— Видите? — обрадовано сказал Петя. — Крыло работает, зажило. Он по комнате уже летал немного.

— А кормишь чем? — допытывается Алеша.

— Он любит жучков всяких, личинки. Но теперь зима. Я навозных и дождевых червей запас. В погребе держу в большом тазике с землей.

— А можно, я чего-нибудь вкусенького ему буду приносить, — загорелась Настя. — Например, семечки? Или сушеную рябину, у нас есть.

— У нас тоже все это есть, — сказал Петя. Подумав, добавил: — Если хочется, приноси.

— Как хорошо! — обрадовалась Настя. Мы с Алешкой будем приходить, ладно?

— Ладно, — согласился Петя.

Свиристели

Мы с Алешкой заметили Дениса, когда поднялись от реки и направились домой вдоль огородов.

— Он, кажется, с воздушшкой, — сказал мой спутник, — ворон пугает. Они хитрые. Не подпустят близко.

Когда мы подошли к Денису, он стоял неподвижно около рябины. Той самой, около которой недавно мы любовались с Алешкой необыкновенными птицами — свиристеями. Этих серо-дымчатых доверчивых красавиц с бурыми хохолками мы с ним обнаружили два дня назад.

Они дружной стайкой два раза прилетали к рябине. И каждый раз после шумной кормежки рассаживались на ветвях, уже медлительные и спокойные. У птиц начинались спевки. Как у девчат, в хоре или у ворот на лавочке. Нам с Алешкой казались забавными в морозный солнечный денек их «три-ли-ли-ли», «три-ли-ли-ли».

Сейчас певучих хохлаток на рябине не было. А Денис молча смотрел на неживую, величиной со скворца, птицу, которая лежала возле его ног. Птица и мертвая была кра-

сивой. Малиновые перышки на крыльях ее словно горели в снегу.

— Хотел попробовать, возьмет воздушка или нет, — не поднимая головы, сказал Денис.

Он сам не ожидал того, что случилось.

— Ружье есть, ума не надо, — Алешка остановился около него, — обалдел, да? Это же безобидная свиристель!

— Ладно тебе, — вскинулся нервно Денис, — сам, умник, говорил, что ружье не возьмет, слабое. Завидуешь! У тебя такого нет.

— Я говорил, когда ты хотел стрелять в ворону, а тут — свиристель. Большая разница.

— Какая разница? — возбужденно произнес Денис. — Я даже не знал, как она называется. Такая красивая!

— К вороне подкрадываться надо. И все равно не получится. А эти доверчивые совсем...

— Верно, — возбужденно согласился Денис, — сели прямо перед моим носом. Не знаю сам, как на курок нажал. Сначала только прицелиться хотел...

Я смотрел на Дениса и мне вспомнилось, как всего два дня назад Денис приходил к Чураевым с подарком деда. Воздушное ружье всем понравилось. Все, кроме Насти, из него по очереди стреляли. То в спичечный коробок, то в бумажную мишень, которую принес Денис. В тот день и договорились, что в птиц стрелять нельзя. Денис согласился с нами. Но потом несколько раз пытался подобраться к стайке ворон.

А вот сегодня...

Я поднял птицу.

— Что теперь с ней делать? — досадуя и переживая за Дениса, спросил я.

— Не знаю, — чуть слышно ответил стрелок. — Может, деду отнести, чучело сделает. Не пропадать же просто так?..

Я провел пальцем по оперенью на груди птицы. Ранка от выстрела была еле заметна.

— На, — протянул свиристель Денису.

Он неловко, едва не уронив в снег, взял птицу. Мы с Алешкой молча повернулись и направились домой.

— Алешка! — прозвучал за спиной неуверенный голос Дениса.

Мы остановились.

- Чего тебе? — спросил коротко, по-взрослому мой спутник.
- Не говори Насте о том, что я наделал.
- Ладно, — буркнул Алеша.

Я вспомнил, что мы собирались показать свиристелей Насте. Прилетят ли теперь?

Рыбачка Настя

На рыбалке часто происходит что-нибудь необычное. Потому и интересна она. Сегодня мы ловили окуней на речке.

Хорошо! Только спустился от дома под косогор, и ты на льду. Наконец-то холод превозмог надоевшую оттепель. Воздух сухой. Не стало сырого снега. Легко и свежо дышится. Речка залубенела накрепко.

Особая прелесть быть на природе в солнечный морозный денек! Выпавший снег отражает небесный свет, оттого все вокруг отдает легкой искрометной голубизной. В такой день и Насте не сидится дома. Как ни отговаривали ее, пошла с нами.

Когда бурили лунки и готовили снасть, пришла Вера Михайловна.

— Вот, принесла палатку для Насти.

Она погрозила с напускной строгостью внучке пальцем:

— А ты, чтобы как только почувствуешь, что мерзнешь — беги домой. Анчутка! Отогреешься — вернешься. Поняла?

— Да, поняла! Только я не Анчутка, я — Настя...

Полиэтиленовую палатку мы установили быстро. В нее заставили забраться Алешку и Настю. У них на двоих там одна удочка и одна лунка. Хотя ветра нет, но все-таки около десяти градусов холода. Под пленкой теплее.

Вскоре услышали, как Алешка поймал небольшого окунька, и Настя стала просить у него удочку. Ей хотелось самой порыбачить. Но Алешка не уступал удочку, и они начали сердито переговариваться. Обоим не терпелось рыбачить самостоятельно.

Мы с Сергеем Ивановичем насадили на крючки маленьких красных червячков-мотылей, и у нас пошел хороший клев. Уже вытащили больше десятка окунишек.

У Алешки привязана на леске небольшая желтенькая блесна. На блесну у него не клюет. Было слышно, что он, уступив удочку Насте, поясняет, как рыбачить, и немного нервничает.

И вдруг в палатке началась возня. Загремело ведро, на котором сидел Алешка. Потом закричала Настя:

— У нас в лунке китеньш!

Она выскочила наружу, оступилась и упала в рыхлый снег. Сергей Иванович шагнул к палатке и, высоко приподняв ее, убрал в сторону.

Алешка маялся с рыбиной. Мы потом, вспоминая этот момент, подивились его хладнокровию. Если бы он действовал упрямо и резко потянул леску на себя, она бы, верно, порвалась. Голова рыбы была размером почти с лунку и никак сходу не попадала в нее.

Когда опытный Сергей Иванович все-таки извлек добычу и она забилась в пухлом снегу, Алешка восторженно определил:

— Сом! Мы поймали сома! С мою руку!

В искрящемся снегу лежало ленивое существо с темной спиной, большой продолговатой головой и длинным светлым снизу животом.

— Чумазый какой, — отряхиваясь от снега, удивилась Настя. — Китеньш!

— Не чумазый, — поправил Сергей Иванович, — это налиим. Он такой. Сейчас сом, карась, карп — в зимней спячке, их не разбудить. Зарылись в ил и недвижимы. А налима холод бодрит — он выходит на охоту. Речная хрюшка.

— Почему? — наклонившись над добычей, спросила Настя.

— Сама говоришь, что он чумазый. И питается чем попало. Лишь бы проглотить. Такого большого я еще не ловил!

— Мировой рекорд! Да, дедуля? — воскликнула Настя.

— Не мировой, а мировецкий, — поправил по-своему Алешка.

А Насте интересно свое:

— Деда, а киты, когда спят, зарываются в ил? Им надо целую траншею тогда копать! Они же огромные! У них трактора нет.

— Что это ты все про китов, Настя? — не удержался я.

Настя горячо пояснила:

— Мне их так хочется увидеть! Такая моя мечта! Дельфины и киты — самые красивые животные в мире!

— А что же ты так закричала и вывалилась из палатки, когда увидела своего китеньша? — рассмеялся дед.

— Я не ожидала такой встречи!

Случай на речке

Река всегда живая. Даже в лютые морозы она иногда вырывается из ледового плена.

Чуть ниже от того места, где мы вчера поймали налима, на перекате поблескивает тонкой извилистой полоской темная вода. Мы знаем про эту промоину и не подходим близко. А вот Денис оплошал. Он потом рассказывал, что съехал с крутого обрыва на лыжах и не понял, как враз оказался в воде. Обнаружил его Петя и поспешил на помощь. Мы с Алешкой увидели возню в промоине издали, с высокого берега. Алешка бросился к ним, а я метнулся к сараю за шестом.

Когда я подбежал, шест уже не понадобился. Денису удалось снять лыжи. И с помощью одной из них Алешка и Петя тащили бедолагу из полыньи.

Они лежали на толстом льду, покрытом белыми шишаками. Денис полз к ним по тонкому прозрачному льду, под которым разбегались в разные стороны белые пузыри.

На глазах лед проломился, и опять Денис оказался в ледяном крошewe. Но было уже неглубоко. Он по пояс в воде пошел нам навстречу. Мы подхватили его и, быстро взяв палки и лыжу, трусцой побежали домой. Вторая лыжа ушла под лед.

Денис молодец, нисколько не испугался. Жалел только, что пропала лыжа. Пока мы бежали, одежда на нем стала от мороза, как жестяная. Я слышал, как он дрожащим от холода голосом, обращаясь к Алешке, сказал:

— Ты сильно огорчился, что я свиристель застрелил. Извини. Алешка промолчал.

Дома Дениса быстро раздели, и бабушка стала натирать его снегом. Все вокруг него, всполошившись, хлопотали. Он молча повиновался.

Когда мы вышли на улицу и направились по своим домам, Алешка сказал Пете:

— Передавай привет Сибичу!

— Ладно, — отозвался уныло Петя.

Деловой и шустрый Петя выглядел вялым.

— Почему такой кислый? — не удержался я. — Ты же сегодня герой. Вовремя подоспел к Денису, мы только помогали.

— Сибич болеет, — отозвался Петя.

— А что с ним?

— Не знаем. Сидит в клетке, не двигается. Ни на кого не смотрит. Я его выпускал. Даже не летает, как раньше, по комнате. Все ему неинтересно, нерадостно. Отец говорит, что надо в еду попробовать добавлять соль, мел. Никто чибисов не держит дома, не знают, что с ним...

— Я вчера набрал в огороде ягод черноплодной рябины. Такие крупнющие! Они теперь в избе отогрелись. И тыквенных семечек начистил. Все для него готовил, — волновался Алешка, — надо попробовать дать, вдруг понравятся!

— Приходите, — согласился Петя.

Сибич умер

Мы с Алешей понесли Сибичу ягоды черноплодной рябины и тыквенные семечки. Интересно: будет он их клевать или нет?

Но случилась беда.

— Проснулась я рано. Прошла на кухню. Чувствую, что-то не так, — рассказывает мать Пети, Анна Ивановна. — Гляжу, а он неживехонький. Начальничек наш. А, батюшки! Первая мысль, что кошка придушила. Но клетка цела. Не может быть, чтобы кошка.

Мы подошли к клетке. Сибич сидел, будто живой, как в гнезде, подобрав под себя ноги. Головка его с чубатым затылком уткнута в самый угол клетки. Казалось, он своим клювиком сейчас найдет то, что ему нужно там, а потом, почуяв нас, спохватится. И как обычно это делают чибисы, сорвется заполошно с места. Вихляя, взлетит! Причем тут клетка! Зачем она ему?

Анна Михайловна просунула черенок деревянного половника через прутьики. Подтолкнула Сибича снизу. Он завалился на бок. Красные его ножки, так недавно важно и потешно ступавшие по деревянному полу клетки, повисли нелепо над животом. Тонкий клюв, застряв в проволочках, потянул за собой головку на белой шейке. Шейка неловко вытянулась. Ярнопалевое подхвостье и отороченный черною полосой белоснежный хвост — все было и теперь франтовато. Не верилось, что Сибич неживой.

Ведь он родился, чтобы в луговом раздолье в июле, когда

подростут бойкие чибисята, вместе с ними гомонить веселыми стайками. Недалеко от своего гнездовья, делая нарядным и пестрым все в луговой округе. А уже в августе, сбившись в стаи покрупнее, высоко подняться в синее небо и полететь в дальние теплые страны...

— В неволе жизнь коротка — известное дело, — вздохнула мать Пети, — отгоревал свое. С тоски, видать, и помер. Последние два дня невеселый был. Голову под крыльышко прятал.

Она хотела было положить Сибича в ведро и отнести за огород на гать. Алеша с Настей в один голос запротестовали. Петя молчал. Он не мог говорить. Лицо его было бледным. Молча, держа на коленях, гладил присмирившего дворняжку Жульку.

* * *

Мы похоронили Сибича в палисаднике, под кустом сирени. Земля была мерзлая. Петя и Алешка молча разгребли снег и ломом сделали небольшую ямку. Настя сбегала домой и принесла коробку из-под торта. В нее и положили Сибича.

Домой возвращались молча. Настя уже не плакала вслух. Только варежкой прикрывала глаза.

Дикущка

Какая это радость: оказаться на лыжной прогулке в зимнем лесу! Да еще вместе с Сергеем Ивановичем, который так много знает и умеет.

На этот раз день выдался замечательный. Прибавка света и январский морозец по-своему оживили все вокруг. Тусклые и серые дни декабря остались позади. Коренная зима потеснила глухозимье. За речкой Ветлянкой на широкой ослепительной равнине под нарастающим солнечным потоком вовсю заискрились снега. И хотя вокруг стоит тишина, чувствуешь во всем потаенную жизнь. Стоит только внимательнее взглянуть.

На лесной поляне этому помогают белоснежные ее страницы. Они как протоколы. Строчки различных следов разбегаются вкривь и вкось.

Неутомимый Сергей Иванович поясняет:

— Глядите, — он показывает на т-образные знаки — четверки заячьих следов, — в сторону дикой яблони пошел. Я его од-

нажды около нее заставлял. Корой питался, косой. Пойдемте по его следу. Покажу вам красавицу дикушку. Глубоко проваливаясь в снег, он первый прокладывает лыжню. Мы с Алешкой следуем за ним.

А слева в лесу уже отчетливо слышна работа дятла. Где-то совсем рядом выводит свои трели синица-лазоревка. И начинает казаться, что до весны рукой подать.

По рыхлому снегу и мелким зарослям непросто спуститься в тихую низину поросшую ветельником. Когда спустились — обомлели. Как сказать об увиденном?! Разве же словами Го-голя:

«И одним цветом белым рисует зима. Бедный цвет, но... Какая изобретательность... Эти роскошные завесы, снеговые глыбы, покрывающие от корней до верха большие и малые дерева; это множество жемчугу и брильянтов, сверкающих при свете солнца, как будто выточенных из слоновой кости, это многозначительное безмолвие и тишина, этот полумрак днем и полусвет ночью».

Много раз останавливаясь, очарованные увиденным, мы насилу пересекли низину со сказочными деревьями и выбрались на край ее. И тут на выходе прямо перед нами взлетели куцехвостые куропатки. Целая стайка!

Не успели мы прийти в себя, как увидели яблоню. Она стояла в сторонке от лесной чащи, из которой только что выбрались.

— Вот оно как! — обронил Сергей Иванович, — ни одного яблочка не осталось. Все подчистую склевали.

И верно, яблоня стояла совершенно голая: ни листика, ни яблока.

— Дед! Голод не тетка! — озорно сказал Алешка. — Всем есть хочется!

— Ты прав, конечно, — тоже весело отозвался дед, — вон, гляди! Зайчишка кору гладал.

— Тот самый, по следу которого мы на поляне шли?

— Возможно, — отозвался Сергей Иванович, — спроси!

— Кого? — удивился внук.

— Зайца, коль догонишь... Ты у нас шустрый...

— А-а-а... — отозвался Алешка и, смеясь, нарочно упал в снег.

Ему стало весело. То ли от дедовых слов, то ли от обилия света на этой солнечной полянке, лицо его сияло. Когда встал,

тронул лыжной палкой сосновую дремучую ветвь и враз обрушилась сверху снежная лавина.

— Не балуй, — сдержанно осадил его Сергей Иванович, — намокнет одежда, а до дома далеко...

Взглянув на меня, Алешка провозглашает:

— А в январе солнце поворачивает на лето! Так дядя Саша мне сказал.

— Поворачивает, — соглашается Сергей Иванович, — да не сразу это будет. Январь — самый зимний месяц. Лютедь!

Отряхиваясь от снега, Алешка удивляется:

— Кто же такую стройную яблоню посадил здесь?

— Может, дятел, а может, снегири.

— Как так?

— А очень просто. Поедают птицы плоды, а потом семечки разносят с пометом. Где какое укоренится, там и вырастает дерево. Семена, которые заносят птицы, лучше всходят. Так птицы становятся лесоводами.

— Ничего себе, — удивляется Алеша, — никогда не знал, что такое бывает.

— А сейчас кто съел яблоки?

— Те же снегири, а может, свиристели налетели. Они стаями кочуют.

— Понесли в другие места семечки? — уточняет Алешка.

— Выходит так.

...Домой мы возвращались уставшие. Этого не скрывал и Сергей Иванович. Быстро наступивший вечер подарил нам, когда мы вышли из леса, багровое солнце, готовое вот-вот исчезнуть за горизонтом. Сугробы стали отдавать синевой и сделалось намного холоднее.

...Во дворе Чураевых нас радостно встречала Настя. Снимая лыжи, Алеша тут же начал сбивчиво рассказывать ей о нашем походе, и самое главное — о яблоне.

Настя быстро сделала свои выводы:

— Значит, деда, если бы ты летом не убил коршуна, который нес цыпленка в когтях, он мог вырваться от него в лесу и вырасти во взрослую курицу. А потом снести яички и получились бы дикие куры, да? Как с яблоней было бы?

— Придумщица ты, Настя! Да еще какая! — Бабушка Вера шутя потянула Настю к себе.

Она, ойкнув, оступилась и черпанула в валенок снег. Дед тут же помог ей снять валенок. Вытряхнул сыпучий снег и командовал идти в дом. Настя стала возражать, но мы с Алешкой поддержали такую команду.

Сначала она насушилась, потом спохватилась:

— А что же вы не набрали домой диких яблок? Вот здорово было бы! Как тогда грибов зимних насобирали...

— Я набрал, — посмеиваясь, ответил дед, — а баба Вера вареньев наварила. Стоят в погребе с осени.

— Какой ты, деда! — Настя, кажется, немного обиделась. — Знал про яблоню. Все сделал и молчал? А Алешка приехал — и сразу рассказал?!

* * *

Уже вечером я записывал в свою потертую записную книжечку впечатления прожитого дня. И невольно отметил для себя, что какие бы события ни случались здесь со мной, все же самые близкие сердцу из них те, которые связаны с Настенькой. Всегда интересно, что она сказала, как засмеялась...

И ничего тут не поделаешь...

И зима бывает красной

Встреча Нового года получилась у нас необычной. Сергей Иванович открыл нам свой секрет. Оказывается, осенью, после того как мы уехали, он принес из дальнего леса небольшую сосенку и посадил ее за огородом, в низинке недалеко от березок.

— Не лучше ли поближе к дому? — засомневался я.

— Среди деревьев ей веселее будет, — авторитетно заявил Чураев.

Все загорелись встречать Новый год у пушистой маленькой красавицы.

— Правильно, — улыбался в усы Сергей Иванович, — зачем превращать елки в палки. Около живого деревца праздник веселее.

И начались наши предновогодние хлопоты. Сначала мы хотели протянуть провод и зажечь на новогодней елочке, так мы стали называть нашу стройную сосенку, электрические лампочки. Алешка запротестовал:

— Я знаю, как сделать бумажные цилиндры, внутри их поставить свечки — получатся фонарики!

— Не загорятся бумажные-то? — засомневался Сергей Иванович.

— Бумагу надо пропитать воском. Мы такие клеили в школе, — убеждал Алешка так деловито, что становился похож на Сергея Ивановича.

Нам пришлось согласиться. И закипела работа.

Мы изготовили десять фонариков. Работали дружно: Алешка клеил из альбомных листов небольшие бумажные цилиндрики с доньшком. Мы с Настей пропитывали их воском, растапливая свечи, которые принесла нам Вера Михайловна. Потом Насте захотелось повесить на елку орешки, конфеты, печенье. Все это надо было завернуть в цветную бумагу. Но зато как сосенка преобразилась!

Нам помогали приехавшие Ромка и Альберт Львович. Ромка выздоровел и выглядел сейчас молодцом. Они привезли птарды и установили их со всех четырех сторон от сосенки.

Сергей Иванович и Андрей Иванович взялись переделывать снежную горку. Она теперь стала намного круче. Чтобы заледела, мы полили ее на ночь водой.

Маслянка, сработанная заранее, как конь, стояла во дворе под навесом. Дожидалась, когда на ней будут кататься.

На речке Ветлянке гулко ухал трескавшийся лед. Мороз набирал силушку, а нам было нипочем. Совсем неожиданно порадовали нас в предновогодний день снегири. Первой их увидела Настя.

— Смотрите! Фонарики к нам прилетели. Сами!

Мы украсили сосенку, а они — березы. Степенные птицы сидели недалеко на березах. Под лучами солнца они выглядели празднично.

— Давно их тут не было, — удивился Сергей Иванович, — не иначе как тебе подарок.

— Это подарок для всех! — воскликнула Настя.

Она хотела было побежать к березкам с красными и дымчатыми фонариками на ветках, но Алешка ухватил ее за рукав:

— Куда?! Улетят твои фонарики! Давай за ними наблюдение устроим! Деда, помнишь, летом за жаворонками наблюдали. Теперь — за снегирями!

Мы стали во все глаза смотреть на важных чудо-птиц. Будто кто-то развесил ярко-розовые и дымчато-серые роскошные бутоны. И эти бутоны были живые.

Вера Михайловна забеспокоилась:

— Вот непутевые, без ушей останетесь! Морозище такой! Бегайте почаще в избу греться. Не хватало мне больных на Новый год!

— Они разные! И тихие такие! — продолжала удивляться Настя.

— Розовые — это самцы, а дымчатые — самочки, — негромко пояснил Сергей Иванович, — степенные. Это тебе не сорока-болтушка.

— Самчики, как матрешки, румяные, — определила Настя.

Не успела она так сказать, как в морозном синем воздухе еле уловимо зазвучал мягкий и нежный напев. Пели и розовые, и дымчатые птахи. И стало так нежно на душе.

— Откуда они такие прилетают? — зашептал Алешка. — И когда? Летом их не было.

— Снегири — северяне, — отвечал Андрей Иванович. — Прилетают к нам, я заметил, либо вот-вот перед самым снегом, либо с первой порошей. Кормятся рябиной, сережками ясеня. Сейчас, гляди, перебирают березовые сережки. Их вон сколько! Не пропадут, кругом сорная трава с семечками.

А у Насти свое на уме, об этом и сказала:

— Лето красное жаворонки приносят, а зиму, получается, снегири. Они красные, значит и зима красная?!

— Ага, — откликнулась баба Вера, — красная! Как твои щеки. — Я когда за свечками ходила в магазин, снегири на дороге кучкой сидели, в двух-трех шагах. В другой раз пойдешь со мной, налюбуйешься. А сейчас: марш в избу!

До птиц было совсем недалеко. Видны были их пышное оперение, толстые коротенькие ножки. Черный хвост у снегирей длинный, а крылья — небольшие и тоже черные.

Когда птицы враз поднялись и улетели, Насте стало скучно. Денис предложил вместо птиц развесить на березе гирлянды с большими красными шарами. Стало повеселее.

Вечером мы дружно собрались все вместе и под огромным куполом бархатного иссиня-черного замораживающего неба начали зажигать наши самодельные бумажные фонарики. И

тут удивил нас Альберт Львович. Он тайно нарядился Дедом Морозом и неожиданно лихо спустился к нам с самой верхотуры заледенелой горки, прямо к разнаряженной сосенке.

Настя стала у нас Снегурочкой. Дед Мороз положил большой мешок на снег и объявил начало праздника. Забавно было видеть Деда Мороза в больших валенках и в красном халате, надетом поверх полушубка. Белая ватная борода у него сбивалась постоянно набок, но он успевал поправлять ее рукой. Альберт Львович устроил такую викторину, что мы много смеялись. И много узнали!

Оказывается, стихи про елочку, которые начинаются словами «В лесу родилась елочка», написала школьная учительница Раиса Кудашова еще в 1903 году, более ста лет назад, когда нас никого не было. А агроном Леонид Бекман потом написал мелодию песни.

И еще мы узнали, что есть самая-самая высокая ель в мире. Она растет в горах, недалеко от иранского города Абаде. Этому дереву-гиганту будто более четырех тысяч лет. Услышав такое, мы начали сомневаться. Но ученый дед Дениса и Ромки стал нас убеждать. Мы поверили.

Когда водили хоровод, пришел Петя со своим неразлучным Жулькой. Петя зовет так своего четвероногого друга за его привычку все, что понравится, тащить к себе в конуру. Черным лохматым комочком, мелькая на снегу, пес начал весело и неутомно лаять. А потом проявил свой характер: сорвал с ветки висевшую на длинной нитке пачку печенья в цветной упаковке и убежал с ней. Рассмешил нас.

В половине двенадцатого по московскому времени мы были все в доме Чураевых за праздничным столом. Взрослые ждали новогоднее поздравление Президента, а дети — пирог с яблоками. С теми самыми дикушками, которые так давно хотела попробовать Настя.

...Настя после чая с пирогами уснула на диване. Я перенес ее туда, где она обычно спит, в маленькую спальню за голландкой.

Проснулась она уже в новом году.

Звездочка родилась

— Отец, кажется, Жданка нас вот-вот обрадует! — сказала Вера Михайловна, вернувшись со двора в избу.

— А по моим подсчетам, ей еще дней десять ходить, — Сергей Иванович сказал так и пошел уточнять свои заметки в записной книжке. Она лежит у него в старенькой тумбочке в спальне.

В этой книжке чего только нет! Не только все наши дни рождения записаны, но и дни рождения коровы Жданки, козы Мариши и Ариши. Я видел в ней запись о смерти его любимой собаки Цыгана.

А рядом даты рождения писателя Даниэля Дефо, написавшего о Робинзоне Крузо и Алексея Толстого, который рассказал о детстве Никиты. Забавная записная книжка.

— Ну вот, — говорит он, вернувшись на кухню, — сегодня только 279-й день. Еще, наверное, недельку подождем.

— Недельку? Сходи-ка в хлев, посмотри на нее. Не прозевать бы с твоей бухгалтерией!

Сергей Иванович, не спеша одев полушубок, выходит на морозный воздух.

Алешка продолжает вслух читать книжку про Робинзона Крузо. Мы с Настей слушаем:

«...Наступил декабрь, когда должны были взойти ячмень и рис. Возделанный мною участок был невелик...»

— Ничего себе: в декабре растет ячмень и рис? — недоумевает Настя.

— Робинзон живет недалеко от Гвинеи, почти на экваторе. Там всегда тепло! — поясняет Алеша.

— И там никогда не бывает снега? — спрашивает Настя.

— Конечно.

— Как скучно, — заключает она, — не повезло ему.

Дверь открылась, и крепко дохнуло холодом. Снимая большие рукавицы, Сергей Иванович сообщил:

— Жданка обнюхивает постель и мычит. Похоже, сегодня ночью отелится. Будет всем новогодний подарок. Хорошо год начинается! Надо дежурить теперь.

Мы дружно заявили о своей готовности вести ночную вахту.

— Да куда вам? Ложитесь спать. Мы сами с дедом управимся, — успокаивает Вера Михайловна.

* * *

Как можно спать, когда вот-вот должно случиться такое!

— Бабушка, — спрашивает внук, — вы хотели поменять Жданку на молоденькую корову? Не получилось?

— Уж больно привыкла я к ней. И деда уговорила не менять. Да и не очень Жданка старая. Ей девять лет. Вон у Гришаевых — Зорьке двенадцатый исполнился, а она такого крепенького бычка принесла. Правда, телилась с трудом...

— Пойду посмотрю еще. Непокойно что-то, — сказав так, Сергей Иванович вышел.

* * *

Настя, не выдержав, уснула в полночь. И хорошо. Ибо мы с Алешкой дочитали до того места, где на остров приплывают дикари. Робинзон приходит в ужас, от того, что людоеды съели у костра своих пленников.

До двух часов ночи мы с Алешкой еще держались. Потом и он заснул. Я потихоньку вызволил из-под него книжку и пошел одеваться. Решил посмотреть, как творится в хлеву.

* * *

Самое главное случилось утром, когда Алешка и Настя были уже на ногах. Вера Михайловна широко распахнула входную дверь, и из сеней с новорожденным на руках в избу шагнул Сергей Иванович. Лицо его по-детски сияло. Он бережно опустил на пол около печки мокрого теленка. Не убирая из-под него мешковину, отошел к вешалке. Теленок был еще слабенький. Он даже не пытался встать на ноги.

— Как ты, мать, желала, так и случилось? Телочка родилась, — раздеваясь, объявил хозяин.

— Вы тут посмотрите, а мне к Жданке надо, — отозвалась Вера Михайловна, — корову подоить надо. А то вымя огрубеет, и Жданка не будет давать молоко.

Мы стали рассматривать телочку. Она была коричневая, а на боках, ногах и на лбу красовались белые отметины.

— Будто ее кто сметаной облил, — подивился Алешка.

— Звать-то как будем Жданкину дочку, а? — произнес, убирая мешковину, Сергей Иванович.

— На лбу у нее белая звездочка. Давайте тогда Звездочкой и назовем, — предложила Настя.

— А ты что думаешь? — спросил дед внука.

— Я сначала подумал назвать Пестравкой, но Звездочкой лучше!

— Так тому и быть, — согласился Сергей Иванович, — бабушке понравится.

А Звездочке не терпелось. Она начала вставать. Ноги у нее как на льду разъезжались в разные стороны. Наконец ей удалось подняться. Пошатываясь, стояла и смотрела на нас. Изучала, кто мы такие.

— Мы ей тоже понравились, — определила Настя, — не убегает от нас.

Алешке стало смешно:

— Куда ей бежать-то? Во двор, на мороз? Ноги, смотри, как спички, вот-вот поломаются.

* * *

Сергей Иванович извлек из чулана легкое дверце и отгородил им от кухни закуток между стеной и печкой. Теперь эта территория принадлежала Звездочке.

Вера Михайловна собралась доить Жданку ровно через каждые два часа.

А Звездочку положено кормить три раза в день. Сначала телочка не умела сама пить молоко из посуды. Вера Михайловна начала ее учить. Клала ей в рот палец и Звездочка принималась, смешно чмокая, сосать его. Потихоньку Вера Михайловна, не убирая изо рта Звездочки пальца, приближала его к миске с молоком. Звездочка тянулась за пальцем.

Когда хозяйка убирала палец, телочка делала хватательное движение губами, чтобы поймать его и... попадала мордочкой в молоко. После таких занятий на третий день Звездочка научилась пить молоко самостоятельно.

— Отец, помни: Жданке утром, в полдень и вечером пока только по одному ведру воды давай, не больше! А то как бы мастит не случился. Загрубее вымя — намучимся.

— Помню, не волнуйся. Она уже хочет больше. Языком мне лицо лижет — просит. Я не поддаюсь.

— И хлебного пока не давай, только сено...

— Ладно, ладно...

— А ты, Алешка, — важно говорит Настя, становясь похожей на свою бабушку, — не разбрасывай, как в летние каникулы, свои майки. Звездочка может сжевать их и умереть. Или плохо будет расти, как козочка Мариша.

У Насти свой опыт. Она помнит, как летом теленок Ветерок зажевал Алешкину майку. Еле отобрали. А козочка Мариша проглотила поролон.

Алешка хотел что-то сказать в ответ Насте, недовольно глянув на нее, но не решился. Наверное, побоялся помешать ей. Настя несла для Звездочки миску с молоком и та, смешно чмокая большими губами, от нетерпения стучалась головой в загородку.

Необычный урок

Хорошо на уроки Сергея Ивановича собираться летом под развесистыми кленами во дворе. А зимой — отлично в доме. В горнице и светло, и натоплено. Дождавшись, когда все рассядутся, Сергей Иванович начал свой урок.

— В прошлый раз мы читали про то, как Робинзон Крузо на необитаемом острове выращивал ячмень и рис. И возник вопрос: а если не окажется семян, что делать? Где и как добывать провизию? Допустим, кто-то из вас оказался один в лесу без запасов еды?

— В лесу можно кору есть, — быстро нашелся Алешка.

— Верно, — похвалил учитель, — мой дед рассказывал, что в голодные годы в нашей деревне ели заболонь.

— Заболонь — это лыко? — спросил Денис.

— Заболонь — наружные молодые слои древесины, — уточнил учитель.

И добавил:

— Известно, что в блокадном Ленинграде люди ели древесные опилки. Бросали их в воду, потом эту перебродившую кашеобразную массу ели. Заболонь можно есть в сыром виде, а если подольше поварить ее, то высушивают потом кашицу на камнях, раскаленных на костре. Из такой муки можно печь лепешки. Высушив и свернув в трубочки, заболонь заготавливают впрок.

Деревья дают разнообразную пищу. Сосна, например, имеет пять годных в пищу частей: нераспустившиеся цветочные почки, молодые побеги, заболонь, шишки и хвою для чая.

— Это деревья, а травы? — не терпитя Насте.

— Вот всем известный лопух! Чем при случае не спасение?! — ответил учитель. — Его корни можно есть в сыром виде. Лопухи пекут вместо картошки. Молодые листья и стебли, пожалуйста, можете использовать в винегретах, борщах, бульонах... Если пожарить, пойдет для приготовления напитка, подобного кофейному. Мелко изрубленные корни лопуха и щавель выдерживают два часа в небольшом количестве воды и получается кисло-сладкое повидло. Хороший салат получится, если листья сырой крапивы помоее и опустите минут на пять в кипяток. Потом ее надо измельчить и смешать с нарезанными листочками щавеля, лесного лука.

Крапива по питательности не уступает бобам и гороху. Она вполне заменяет морковь, зеленый лук, щавель, смородину, вместе взятые. У нее много замечательных свойств.

— Деда, мама говорит, что вы с ней одуванчики ели, правда?

— Мы пробовали варить суп. Нам понравилось. Одуванчик считается жизненным эликсиром. Из его поджаренных корней можно готовить кофейный напиток. А из листьев — хорошие салаты.

— У нас весь двор в одуванчиках. Мы такие богатые, да? — удивился громко Ромка.

— Не бедные, — согласился Сергей Иванович. — Очень вкусный кисель получается из плодов боярышника, черемухи. А сколько в лесу камыша, Иван-чая, борщевика! Все это съедобное. Только надо уметь пользоваться лесными дарами. Еще можно употреблять в пищу подорожник, желуди, листья берез...

— А мне жалко бедненьких одуванчиков. Они веселые всегда. Так солнце любят! — вздохнув, пожаловалась Настя.

Ее перебил Ромка:

— А животные? — вспомнил он. — Тоже?!

— Во всем мире около четырех тысяч видов млекопитающих. Все, что бегае, ползае, летае и плавае, за редким исключением может служить пищей, — ответил учитель.

Настя не выдержала, грустно спросила:

— Деда, человек живет, чтобы только есть? Ему кто разрешил это? Когда-нибудь вокруг все кончится. Что делать?

Учитель явно не ожидал такого вопроса. Он даже закашлялся.

— Человек ест, чтобы жить, — ответил он раздумчиво. — И трудом оправдывать свою жизнь. Вот таков мой ответ.

Сказал и молча, внимательно посмотрел на всех.

— Получил, голова? — спросил негромко Альберт Львович. — Внучка-то твоя грандиозно мыслит...

— Да уж... — неопределенно произнес Сергей Иванович.

И уже в следующую минуту уверенным голосом произнес:

— Эту тему мы продолжим в следующий раз. А сейчас речь про чай. Заваривать в чай можно душицу, землянику, крапиву, цветки и листья липы, малину, мать-и-мачеху, медуницу, рябину, черную смородину, шиповник, зверобой, мяту, ежевику, жасмин... Это все растет вокруг нас!

— А что же мы такой заварки не пробовали? — спохватился Алешка, вода пальцем по оконному стеклу с морозными узорами. — Такое лето было у нас ароматное...

— Вернется лето и попробуем, — пообещал Сергей Иванович.

Его поддержала деловитая Настя:

— Лето чайное придет и... почаевичаем тогда!..

Трактир «Жили-были»

Утром за завтраком Алешка, взглянув в окно, сказал важно, как взрослый:

— Ночью сильно похолодало.

— А назавтра ожидается понижение температуры до минус двадцати градусов, — произнес Сергей Иванович.

— Так резко! Птицы померзнут, — забеспокоился внук.

— Зимой птицы гибнут обычно не от холода, а от голода, — Сергей Иванович зорко посмотрел на ребят, — вы готовы помогать им? А то вчера синичка в окно стучалась. Просила о помощи.

Настя и Алешка закивали головами.

Сергей Иванович продолжил:

— Давайте сделаем кормушку, и вы будете следить, чтобы она была с кормом.

- Деда, мы сами сделаем кормилку? — удивилась Настя.
— Кормушку, — поправил Алешка, — помнишь, нашу пахтонку? Как мы ее делали?
— Да, — подтвердила Настя, — помню.

* * *

Во дворе работать холодно, поэтому материалы и инструмент дед принес на кухню. И стал раскладывать их на полу.

— Мы сделаем кормушку, похожую на деревянный домик, — пояснил Сергей Иванович, перебирая желтые пролаченные ровные дощечки. — А крышу соорудим коньком. Кормушку прибьем к тому пеньку, который остался от нашей березы? Он в метр высотой, в самый раз. Не занесет снегом. Согласны?

Никто не возражал.

— И назовем наш домик: трактир «Жили-были», — обрадовался Алешка. — У нас в Москве есть такой. Там вкусно все!

Всем понравилось название. Пришедший Денис уточнил:

— У нас в городе тоже есть, не только в Москве.

...И началось строительство.

— Может, и крюконосые клесты прилетят к кормушке. Не только синицы с воробушками. Ни разу клестов не кормил, — признался Алешка.

— Наверяд ли прилетят. Клесты в сосняке обитают. Это далеко отсюда, — засомневался я, — на севере.

— Если очень ждать, могут прилететь! — уверяет Настя.

Я не стал ей возражать.

— Птицы похожи на людей, — сказал уверенно Денис. — Я часто с дедом кормлю их в нашем парке. Там одна синица есть. Она сразу садится мне на руку и берет семечко. Другая — сходу хватает и — шмыг на ветку! А есть синица, толстая такая. Она как Ирка в нашем классе. Ничего и никогда не берет. Сидит в сторонке обиженная на всех. Все в чем-то виноваты у нее.

— Осторожная, — определил Алешка, усердно надраивая наждачной бумагой напильные дедом заготовки.

— Есть и синицы с разным характером. Все, как у людей, — согласился Сергей Иванович.

Мне интересен разговор. Слушаю себе, выбирая ровные гвозди для фанерного днища кормушки. Строительство идет! И урок идет. На этот раз он получается о птицах.

— Каждая порода интересна, — продолжает Сергей Иванович, — вы заметили, как свехосторожен воробей? Попробуй, поймай его! Если воробей родился на свободе и прошел воспитание в своей среде — он навечно дикий. Не приручить! Это вам не синица или чижик! В неволе воробей чаще всего погибает. Живет около человека, а — сам по себе.

— А где у синиц и воробушек дом? — спрашивает Настя. Она одна не участвует в строительстве кормушки. Сидит за широким столом и спокойно наблюдает. Дед с охотой пояснил:

— Гнезда они устраивают в дуплах деревьев, за карнизом домов, в разных нишах построек. Используют для этого стебли трав, корешки разные, пух, шерсть, перья. С наступлением зимы стараются быть ближе к жилью человека.

Синицы — многодетные родители. У них в гнездах я видел до десятка яиц. А воробьи за лето выводят птенцов не один раз. Великие труженики! Один раз я попробовал посчитать, сколько за час синица прилетает с добычей к гнезду. До пятнадцати раз в час — каждая! Представляется, сколько получается за день? И сколько они уничтожают насекомых — вредителей садов и огородов! Огромная работа!

Я по молодости интересовался: в наших краях обитают шесть или семь видов синиц. Самая известная — большая синица. Ее зовут большак. Она доверчивая и шустрая. У нее желтая грудка и черная шапочка на веселой головке. Она меньше всех боится людей.

Есть лазоревка. Эта поосторожнее. Водится белая лазоревка-князек, иногда появляется черная синица-московка. Шустрые гаички с непрременной черной шапочкой на голове всем известны, потом гренадерки...

— Деда, а про воробушков расскажи еще, — попросила Настя, — жалко их, сереньких...

Сергей Иванович живо откликается:

— Воробьев я особенно уважаю за бесстрашие, с каким они охраняют свой дом. Они смело дают отпор разбойным стригам, упорно отбиваются от скворцов. Если даже крепко получают, не покоряются сильному противнику. Сильная духом

птица! Нет среди них серьезных драк из-за корма. Когда кусок воробью по силам, схватив его, он улетает. И за ним никто не гонится, как это бывает у ворон.

— Без синиц и воробьев вообще жить скучно, — веско прозносит Настя.

Дед Сергей аж привстал, отложив ножовку на стул.

— Умница моя! Не ты одна это заметила. Когда-то в Америке не было воробьев. Ее жители страшно горевали по этому поводу. Потом привезли несколько пар птиц из Европы и выпустили на волю. Воробьи прижились. Теперь их там много, и американцы с тех пор меньше стали скучать. А потом в знак благодарности за помощь в борьбе с прожорливыми гусеницами местные фермеры в городе Бостон поставили воробью памятник.

Едва Сергей Иванович замолчал, как в окошко постучали. Потом послышалось: «Пинь-пинь-чэрж-чэрж, пинь...»

Все обернулись на звуки. За окном гомонили синицы. Одна постукивала клювом по карнизу, другая, издавая трескучий звук, билась в стекло.

— Ну вот, красавицы! — рассмеялся дед Сергей. — Ждут — не дождутся. Голодно! А мы тут закалякались.

Примеряя ровную нарядную дощечку для крыши, scomандовал:

— Иди, Алешка, в чулане из чилияка черпани в чашку подсолнечных семечек. Дай им, пока наш трактир не открылся!

— И я с ним! — забеспокоилась Настя.

Она соскочила с широкой лавки, задев локтем угол стола. Я заметил, что ей больно, но она смолчала. Не хотела отставать от Алешки.

Голубь и вороны

Тяжелая, сработанная из толстых широких досок входная дверь нехотя приоткрылась, и в избу скользнула Настенька. На порозовевших от мороза и возбуждения щеках слезы.

Голос ее дрожит:

— Вы сидите тут, а на дереве голубь погибает. Его вороны собираются склевать.

Мы с Алешкой быстро оделись и втроем поспешили во двор.

Как такое могло случиться, никто из нас не мог понять. На самой длинной изогнутой ветке вниз головой висел голубь. Похоже было, что он одной ногой попал в обрывок сетки, занесенной ветром на дерево. Либо вырвался от ребяташек, которые держали его в неволе, и обрывок привязи, который остался на ноге, зацепился за сучок. Видно было, что голубь устал бороться за жизнь. Временами он отчаянно взмахивал крыльями, и тогда каждый раз казалось, что птица вырвется из неволи. Но бесполезно. Вскоре он вновь повисал вниз головой, казалось, без признаков жизни.

Серые хитрые вороны рядком сидели на соседнем клене и спокойно наблюдали за голубем. Они поняли: жертве от них никуда не деться. На дворе мороз, голубь долго не протянет.

Настя плакала. Я сходил в дом за ружьем.

— Ничего не получится, — проговорил подошедший Сергей Иванович, — ветку дробью не перешибешь, а голубя можно погубить. Грех будет. И Алешке залезть нельзя, ветка тонкая, обломится. Надо установить дежурство, чтобы вороны не набросились. Может голубь сам освободится от плена.

Алешка стал, размахивая руками, кричать на ворон. Они спокойно продолжали сидеть рядком. Знали, что в безопасности.

Голубь в который уже раз опять судорожно замахал крыльями. Мы, затаив дыхание, следили за его неловкой попыткой. Все бесполезно. Птица скоро истратила запас сил и в очередной раз затихла.

— Он замерзнет и умрет, — в отчаянии вскрикнула Настя.

— Пока борется за жизнь, машет крыльями — не замерзнет, — как мог, успокоил Сергей Иванович. — Что-нибудь придумаем, только бы не перестал двигаться. Мы должны ему помочь, эта птица особенная. Мне еще мой дед говорил, что у кого плодятся домашние голуби, у того не будет пожара. Этот голубь наш. У него гнездо под коньком дома.

— Если он оторвется и упадет без сил на снег, то ушибется, и его все равно вороны заклюют! — глухо сказал Алешка.

— Идите в дом, — обратился он ко мне и Насте, — сейчас мы покараулим с дедом, а потом вы нас смените.

— Нет, — запротестовала Настя, — я не мерзну.

Так мы все и стояли. Никто не хотел уходить. Сергей Иванович поднял ружье, намереваясь выстрелить по воронам. Они

все не спеша поднялись и уселись на дальнем дереве, недосягаемые для выстрела. Сидели все также рядком. Терпеливо наблюдали и ждали, когда мы уйдем, и они займутся добычей.

— Серые канальи, — совсем не удивившись поведению ворон, усмехнулся Сергей Иванович. — Умные. Мой одноклассник Семен Коныч держал в доме ворону. Так она у него говорит, как человек, научилась. Калякала с ним.

— Как попугай? — спросила Настя.

— Попугай повторяет слова. Не понимает, что говорит. А она с понятием.

В следующий момент голубь вновь захлопал крыльями, да так сильно, что ветка вся заколыхалась. Показалось, что сейчас она отпустит птицу. Одна из ворон, самая крайняя, передвинулась, не взлетая, по ветке поближе, стала зорче, чем другие, смотреть на голубя. Ей не терпелось больше всех. У нее клюв, горло, голова, крылья, хвост и ноги были чернее, чем у ее подружек. С металлическим блеском. Остальное: грудь, бока, спина, хотя и были серые, но чистые. Такая чистюля! Она показалась нам противней всех.

Чуда не произошло. Голубь вновь затих. Его тельце с опущенными крыльями казалось совсем незащищенным.

— Вот она, зачинщица. Всех своих заводит. Они нашего Цыгана дразнили... Любит поиграть, — проговорил Сергей Иванович, показывая на ту ворону, которая приблизилась к голубю ближе всех.

— Как это? — удивился Алешка.

— Хитрые. Подпускали его на земле к себе близко. Он бросался, глухой. Они взлетали. И так продолжалось, пока им не надоело. Они улетели, а охрипший Цыган ушел в конуру ни с чем. Разок я ей кинул твердый, как железо, сухарь. Нарочно. Посмотреть, что будет делать?

— И что? — не отводя мокрых глаз от голубя, спрашивает Настя.

— А ничего! Подхватила клювом сухарь, размочила его в луже у колодца и пообедала. А потом каркала, да так звонко. По-моему, надо мной смеялась.

— Ой! — от радости вскрикнула Настя и присела на снег, — победил, победил!

Голубь, особенно резко замахав крыльями, оторвался от

ветки и, не планируя, комом упал в снег. Не успели Настя с Алешкой к нему подбежать, он, подобрав крылья, засеменял ото всех в сторонку. Алешка догнал его, осторожно взял в руки. У птицы не было ран. И крылья были целы.

— Он замерз, пошли в дом, — скомандовал Сергей Иванович.

Было спешно решено огромного рыжего кота Дормидонта для безопасности переселить в отапливаемый предбанник. Что мы и сделали с Алешей.

Голубя поместили на кухне.

Сначала он забился под стол. Там прижался к стене и не глядел ни на кого. Хлебные крошки и молоко словно не замечал.

Утром мы его не узнали. Он бодро бегал. Хлебные крошки, которые мы набросали на пол, исчезли. Мы радовались.

А в полдень, когда Вера Михайловна, войдя с улицы на кухню, не сразу прикрыла входную дверь, голубь мелкими шажками засеменял к порогу. И не успели мы что-либо сделать, как он оказался в сенях, где дверь обычно открыта. Алешка метнулся за птицей. Послышалось хлопанье крыльев и чуть позже радостный голос:

— Полетел! Он полетел!

— Что же вы хотели? Это птица! Ей вольный свет нужен, а вы ей кухню уготовили. Всех обхитрил — и ворон, и вас. Опытный, видать! — сделала вывод Вера Михайловна. Мы молчали, вполне согласные с ней. А она скомандовала:

— Идите, несите из бани назад бездельника кота Дормидонта. Пускай молоко, которое от голубя осталось, допивает.

Нечаянная радость

Сегодня, когда мы собрались за широким столом на кухне, Настя вспомнила:

— Деда, ты обещал рассказать нам про журавлей.

— Раз обещал, куда деваться, — отзывается Сергей Иванович.

И пока Вера Михайловна хлопочет у печи, он начал свой рассказ. У нас ушки на макушке.

— Мне было тогда, наверное, столько же лет, как Алешке. Родители держали гусей, штук пятьдесят. Моя забота была па-

сти это неугомонное стадо. Вот однажды сторожу я их. Был уже, кажется, конец сентября. День серый, скучный. Я забрался на омет. Гуси — на поляне. Гусята уже совсем большие. Гусак ходит среди них важный такой, неприступный. Я звал его Спиридоном.

— Почему? — спросила Настя.

— Дядька такой жил тогда на нашей улице, важный.

Я все пел от скуки, а потом не заметил, как задремал в соломе. И вдруг зашумели крыльями над головой большие птицы. Я приподнялся на омете — надо мной со стороны севера летели журавли. Они были так близко от меня, что я видел их умные глаза. Я не испугался, нет. Возрадовался сверх мочи. Радостное курлыкание заполнило все вокруг. Птицы сели на поляну прямо к моим гусям. Я разволновался еще больше: что сейчас будет?! Наш гусак такой свирепый! Эдакая красота против его злобы не устоит... Но странно. Гуси мои присмирели. Гусак стоял как бы в оцепенении, не двигаясь. Гусята робко жались ко взрослым. Всем им будто стало стыдно за свои неуклюжие тела. Стыдно, что не умеют летать. Поляна подо мной наполнилась клетотом и шелестом крыльев.

Красивые стройные птицы радостно пустились в хоровод. Журавли, взмахивая грациозно большущими крыльями, вышагивали по поляне на длинных тонких ногах. Особенно выделялась одна пара, одетая словно в костюмы из заморского шелка. Так слаженно они вытанцовывали по кругу, словно сговорились! Танцуя, они подпрыгивали, будто состязались: кто выше? Что это было? Я не знаю! То ли им очень понравилась полянка. То ли они давали прощальный какой концерт. Или учили гусей?! Показывая, какими можно быть красивыми, если у тебя есть крылья и ты не зажирел.

Гуси мои продолжали растерянно и молча стоять в сторонке, словно посрамленные. А я был в восторге. Вершину счастья — вот что я тогда испытал, глядя с омета на журавлей! Но такого мимолетного счастья, неизъяснимого словами... Ничего подобного в моей жизни потом не было. Все будто во сне. Сердечко мое колотилось от восторга как никогда. Танец длился недолго. Слаженно пробежав по поляне, журавушки взлетели.

Наверное, они сначала спутали направление, кружась в танце, потому полетели на север. Затем сделали круг над по-

ляной, будто прощались. И, вытянувшись клином, подались на юг. Щемящее «кру-у-у-уу» несло сверху. Они тоже, как и я, расставаясь, грустили.

Потом в другие годы журавли пролетали несколько раз, может, те самые... Но всегда высоко.

Где зимуют ежики?

— Деда, жаворонки, чечевицы, утки улетают в теплые страны зимовать. Их зимой здесь нет. А куда деваются ежики, ящерицы? Они тоже уходят от холода на юг? Пешком?

У Алешки при таких словах Насти глаза сделались круглыми. Он выронил ложку из рук и весело рассмеялся.

— Совсем не смешно, — серьезно сказала Настя.

— Ага, не смешно! Представь себе, как они перебираются через железные дороги, через реки. Гурьбой на юг!

Он сказал так и начал опять смеяться.

— Железные дороги потом люди понаделали, их раньше не было, — возразила Настя.

— А реки? Волга, например? Она, может, еще раньше ежиков была! — смеясь, рассуждал Алеша.

— Реку можно переплыть, — уверенно сказала Настя.

— Ежик переплывет Волгу! — подивился Настиной фантазии Алешка. — Никогда!

— Деда, скажи, куда деваются ежики? — обращается Настя к Сергею Ивановичу.

— Ты только сейчас спохватилась, а раньше?

— Я не думала о них. Некогда было.

— Ну тогда слушай...

И наш завтрак превращается в беседу. Вера Михайловна присаживается к столу. Тоже слушает.

— Очень трудно добыть пропитание зимой птицам и зверям, которые остаются с нами зимовать. Они страдают от голода. И каждый выживает по-своему. Кое-кто приспособился на самое голодное время засыпать, — говорит Сергей Иванович. — Ящерицы и лягушки, как только похолодает, зарываются в ил, в норы. Там они замирают до весны.

— Деда, а ежики? — нетерпеливо спрашивает Настя.

— Ежики, тушканчики, суслики спят в норах всю зиму.

— Выходит, они никогда не видели зиму?

— Получается так, — соглашается Сергей Иванович.

— Бедненькие какие, — сказав так, Настя горестно вздыхает.

Нам тоже становится жалко зверюшек, которые не видели зиму.

— А кто их будит ото сна? — спохватывается Настя. — Они же могут проспать лето? И опять оказаться в зиме. Я один раз проспала. И в школу не пошла. Мама не разбудила, пожалела после болезни. А они как?

— Не проспят, — успокоил Сергей Иванович, — голод не даст.

— Молодцы! Придумали, как выжить, — не удержался от похвалы Алеша.

— Не они одни спят, и не только от холода, — продолжает Сергей Иванович. — Я читал, что в пустыне в невероятную жару черепахи зарываются в землю на метровую глубину. Без пищи живут более полугода. Спят летом. На глубине — прохладно. Даже крокодилы в Африке и Южной Америке впадают в летнюю спячку.

— Деда, а есть птицы, которые спят? — спрашивает Алеша. Ему тоже, как Насте, оказался интересным рассказ деда.

— Есть, — отвечает Сергей Иванович, — но водятся такие, которые не спят, не улетают на юг. Да еще и птенцов выводят!

— В морозы выводят птенцов? — громко удивилась Настя.

— Да! Это клесты. Они обитают севернее от нас, в хвойных лесах. Клеста не спутаешь ни с кем. Чуть побольше воробья. Хлопотун. Постоянно семечки из шишек добывает. Клюв у него примечательный. С загнутыми концами. Они торчат крест-накрест. Клест рождается с нормальными клювом, но потом при добывании семян из шишек он у него искривляется.

— У дятлов от добывания корма бывает сотрясение мозга, а у клестов кривым становится клюв. Так не просто всем, — делает вывод Алеша.

— Я видел гнезда клестов с птенцами и летом, и зимой. В гнезде самка сидит в мороз, не слетая. Чтобы не остудить яички, самец кормит ее. Корм есть — мороз не страшен, — продолжает Сергей Иванович, — если клест умирает, то очень долго тело его не гниет. И даже оперенье остается целым. Говорят, это оттого, что едят они семена хвойных деревьев, а в них — смола.

- И сейчас клесты есть в том лесу? — спрашивает Настя.
- Конечно, есть!
- Тогда пойдёмте посмотреть их!
- Ну, прямо и загорелась, — не удержалась Вера Михайловна, — чай-то кто пить будет? Ежики, что ли?
- Клесты живут страшно далеко, — сказал Сергей Иванович.
- А мне не страшно, — не унимается Настя. — Хочу увидеть загадочную птицу-клеста! Никогда не видела и не слыхала про такую. А мы сидим!?

Серая озорница

Мне запомнился рассказ Сергея Ивановича о проделках с Цыганом умных ворон. Теперь стараюсь наблюдать за ними. И вчера был вознагражден за это.

Из окна мне хорошо видна покатая крыша сельницы-сарая для хранения сена. Крыша у сельницы покрыта листовым железом. Уплотнившийся снег иногда большими кусками сползает по крыше. И шумно падает вниз.

Я заметил, что стайка ворон усаживается на самый конек крыши и наблюдает за происходящим. Так длился не один день. А вчера на моих глазах одна из ворон явно начала играть. Вернее, проказничать.

Вытянув шею, она с самого конька, усевшись на оторвавшийся островок снега, скатилась вниз по крыше, как заправский наездник. Около самого края крыши взмахнула большими крыльями и взлетела. Потом села и... пошла, не спеша, наверх к коньку, осматривая снег.

Там она клювом подолбила деловито, на самой верхотуре: небольшой ком слежавшегося снега оторвался и пополз вместе с ней вниз. У самого края она вновь взлетела. Остальные три вороны спокойно наблюдали за ее проделками.

Так ворона скатывалась по крыше не менее пяти раз. Она была, очевидно, самая азартная.

Этого не видели Настя и Алеша. Они были в гостях у Дениса.

...Сегодня я вновь увидел проказы вороны, и позвал ребят. Теперь-то уж мы посмеялись вместе, наблюдая за любительницей острых ощущений.

Мы тут же нашли имя для озорницы. Стали звать ее Катюшкой.

Урок профессора

Сергей Иванович многое видел сам и немало слышал от своих родителей. Вот и знает теперь о разных растениях, птицах и животных столько, что удивляешься.

А дед Дениса, Альберт Львович, профессор. Он прочитал много книг.

Ребята попросили его провести урок. И то, что он рассказал, меня ошеломило, кажется, больше, чем ребят.

— Я расскажу вам о том, что не написано пока в учебниках, — начал профессор. — Может, кое-что не совсем достоверно, но... Кто-нибудь слышал об ученом Николе Тесле?

Мы все молчим.

— Я так и думал. Никола Тесла делал то, что никто и сейчас не может. Это был великий ученый. Он изобрел первые электронные часы и двигатель, работающий на солнечной энергии.

На окраине Нью-Йорка в самом начале прошлого века по заказу Теслы была построена деревянная башня высотой с двадцатиэтажный дом. Ее называли Ворденклиф. В летнюю ночь 1903 года она чуть не свела с ума жителей Нью-Йорка. От ее вершины на сотни миль вокруг сверкали гигантские искусственные молнии. Сделалось светло, почти как днем.

Мы слушаем профессора, стараясь не пропустить мимо ушей ни одного его слова. В необычной тишине он продолжает:

— А за десять лет до этого Тесла пропустил через свое тело электрический ток сверхвысокой частоты и огромного напряжения. В его руках невключенные в сеть лампочки ярко горели.

— Мальчики! — профессор посмотрел на Алешу и Дениса, — вам понятно, о чем я говорю? Как это необычно!

— Конечно, — ответил за обоих Денис, — здорово! Он мог стореть. Смелый!

— И мне понятно, — заявила Настя, — это был волшебник.

— Вот именно: волшебник, — согласился профессор. — Ты сказала великолепно. Великий сербский ученый был волшебником.

Перед Второй мировой войной и в годы войны он вместе с другими учеными разрабатывал особо важный проект. Целью его было достижение невидимости американских кораблей. Никола Тесла умер в 1943 году. Но через полгода опыт провели.

Под влиянием мощного магнитного поля, которое создавали генераторы, эсминец «Элдридж» исчез. Его вообще не стало, если верить публикациям в газетах. Он оказался в 350 километрах от того места, где стоял до того. Выключили генераторы — он вновь оказался на старом месте.

— А люди? — не удержался Алешка.

— В газетах писали, что одни расплавились, другие пропали. Тесла верил, что с помощью электромагнитного поля можно перемещаться в пространстве и управлять временем.

— Как это управлять временем? — удивился Алеша.

— Это значит, что можно дни и годы перелистать назад, как листки календаря. И оказаться в прошлом. Поговорить, например, с Пушкиным, представляете?!

— С Робинзоном Крузо еще? — подсказал Денис.

— С ним нельзя, — возразил профессор, — его писатель придумал. С тем человеком, который, как Робинзон, жил на острове, но носил другое имя, получается, можно.

— Сказка какая-то, — засомневался Денис. — Почему же после Теслы никто этого не сделал?

— Тесла знал тайну и унес ее с собой. В последние годы он занимался изучением космоса. И там у него были необычайные успехи. Он много оставил после себя интересного. Среди них гравитационный мотор, который включается раз в год при определенном расположении планет. Его автомобиль, который, получая энергию движения из вакуума, гонял со скоростью 150 километров в час.

При этих словах Алеша и Денис переглянулись и покачали головами.

— Энергию из ничего! Опять сказки! — произнес Денис.

Рассказчик спокойно продолжал:

— В Белграде есть музей Николы Теслы. Можно убедиться. Дело за вами, подрастайте быстрее. Я давно хочу туда попасть.

* * *

Весь следующий день прошел у нас под впечатлением рассказа профессора. Мы обсуждали с Алешкой услышанное на все лады. Вечером перед сном, когда Настя уже спала, он фантазировал:

— Представляете, если бы Тесла сейчас жил? Он помог бы нам

невидимками стать! На время. Сколько бы мы узнали о животных разных, птицах. Побывали бы среди них незамеченными. И в прошлые века бы могли вернуться. Все изучить, со всеми поговорить! И написать самим точную историю всего! Как было!

Он переходит на шепот:

— Или разведчиком-невидимкой быть — здорово! Любые планы врага узнать можно!

— Конечно, — соглашаюсь я, — заманчиво!

Вера Михайловна слышит наш разговор:

— Ну совсем как маленькие, что с вас взять? На ночь глядя напридумали. Не заснете. Вон берите пример с Насти.

— Бабушка Вера не слышала рассказ профессора, потому так и говорит, — шепчет мне Алеша, — не верит!

— Ага, — соглашаюсь я, — не верит.

Домашнее задание

Январь — месяц суровый, а все равно, как и ожидали, с его приходом стало уютнее, чем раньше. Чаще выглядывает солнце из-за туч.

Метелица сегодня утихла к полудню, и небо явилось чистым. Оттого и в горнице Чураевых светло.

Идет последний урок. Завтра гости разъедутся. Каникулы кончаются.

— Кто сегодня начнет первый, — спрашивает Сергей Иванович и внимательно смотрит на нас — своих учеников, — домашнее задание приготовили?

— Я прочитаю, — тихо говорит Алешка, — у меня стихи!

Лицо его серьезное. Он встал и произнес:

— Стихотворение «Пуля».

Начал читать, не глядя в раскрытую тетрадь. Ладонь левой руки его скользит по клеенке, на которой нарисованы большие ромашки.

*— Пуля нервная такая,
Полетит, всех убивая.
Всех уьет и пришибет.
Только боль ее берет:
Как же ей всегда такой
Жить убийцей удалой?*

Алешка замолчал. И ладонь его присмирела. Наступила пауза.

— У меня спине холодно стало от твоих стихов. Никогда таких не слышал, — первым не выдержал Денис.

Настя смотрит, не отрываясь, внимательно Алешке в глаза. Молчит.

Сергей Иванович, потрогав большим и указательным пальцами усы, обронил:

— Ну, брат, даешь!? Не ожидал... Что это ты вдруг про пулю?

— Не знаю. Так вышло, — отозвался Алешка.

Он больше ничего не сказал. Но мне, кажется, кое-что понятно. Я привез с собой и подарил Алешке книгу «Всадник без головы». Видно, он ее прочитал и теперь переживает.

— Стихотворение хорошее, — сказал задумчиво Альберт Львович. Он сидел на диване и внимательно слушал Алешку. — Я бы так не смог написать.

— Хорошее, — согласился Сергей Иванович, — но только мы договаривались о радостном писать. Садись. Молодец!

— Можно я прочту? — попросил Денис. — Только сидя, потому что у меня — повесть!

— Можно, — ответил Сергей Иванович.

— Повесть для маленьких ребят, — начал резво Денис. — Называется она «О чести и подвиге». Глава первая: «Тайный побег».

Денис горделиво посмотрел на Настю и продолжал:

— Как-то днем Рой — друг Сильвио — гулял у подножья горы с острыми пиками в колчане. Он мечтал о славе, то есть хотел совершить подвиг. Но Сильвио — его верный друг, был против этого. Он — Сильвио, не хотел, чтобы его друг Рой попал в беду. Но Рой отстаивал свое. Он не боялся опасности!

Денис так увлеченно и уверенно читает, что все внимательно слушают. Даже бабушка Вера вошла в комнату и остановилась у голландки. Хотела что-то спросить у Сергея Ивановича, но не решилась.

— И Рой однажды придумал вот что! Когда друг отправился на охоту на львов, он ушел.

— А, батюшки, куда же он, Сильвио, на львов, глупенький, один-то? Пропадет ведь! Ушел... Видать, парень-то хороший... — не выдержала бабушка Вера. — И Рой — тоже один?!

— У мужчин этого племени была обязанность, — важно продолжал Денис, — ходить на охоту. Они добывали зверей и всякую дичь. И было правило: без добычи не возвращаться, иначе позор.

При этих его словах Вера Михайловна горестно покачала головой и, непонятно, всерьез или так, спросила:

— Жены, что ли, такие строгие были?

Один Сергей Иванович улыбнулся при этих ее словах, остальные терпеливо слушали:

— Рой ушел далеко — в город Рич. Там, в этом городе, слабый вождь не мог спасти свою страну от набегов сильных врагов. Этой стране совсем бы конец пришел, если б не Рой! Рой стал просить у вождя чести защитить его город. Вождь дал согласие. И рой, отважный Рой, пошел на битву вместе со своими друзьями-рыцарями. С ними он познакомился в городе Рич. Этих молодых людей звали Антонио, Мигель и Родригос.

Денис перевел дух и, чуть помедлив, продолжил:

— Глава вторая. Называется «Мигель», — но, перевернув страницу, забеспокоился: — Эх, ты! Не те листы взял. То ли выронил, то ли дома оставил какие надо было...

— Как же теперь, если потерял? — забеспокоилась Настя. — Мне так интересно!

— Не переживай, — успокоил ее Денис. — У меня все в компьютере. Я могу сбежать сейчас, — сказал так и посмотрел на Сергея Ивановича.

— Не надо, Денис. У тебя сколько в повести осталось глав? — спросил учитель.

— Две написаны, — ответил Денис, — и три в голове еще.

— Вот как? Прямо писатель Жюль Верн. Вот и давайте завтра перед отъездом прочитаем обе главы. Принимается предложение?

— Правильно, — подал голос Альберт Львович.

— Что же будет с Роем? Он мне так понравился, — не терпелось Насте.

— Он сначала попадет в плен, потом его спасут Сильвио и его друг Мигель, который придумает секретное оружие, — загорелся вновь Денис. — А потом... Они всех...

— Дениска, — вмешалась Вера Михайловна, — лучше все по порядку, не торопясь, а то потом не интересно будет читать.

— Ладно, — сдался Денис.

И снова посмотрел на Настю:

— Настя, твоя очередь. Что приготовила ты? — спросил Сергей Иванович.

— Я свой рассказ не закончила. Он получается длиннющий такой...

— И когда же ты его завершишь?

— Не знаю, — ответила Настя. И добавила, сверкнув глазами: — Не хочу, чтобы он кончался. Это целая повесть обо всех нас. Как у дяди Саши в книжке «Под старыми кленами».

— Такая длинная, — удивился Денис.

— Да. Приезжайте обязательно летом, тогда я вам прочитаю.

— И как твоя повесть называется, — спросил Алешка.

— «Однажды в зимние каникулы», — ответила Настя.

— Ты не хочешь, чтобы кончались наши каникулы, — догадался Денис, — хитрая, поэтому не пишешь повесть до конца!

— Не хочу, — призналась Настя. — Не хочу, чтобы все разъехались, а я осталась без вас.

Денис сначала засмеялся, но, увидев серьезное лицо Насти, примолк. Ему тоже не хочется расставаться. Это видно. Только он не готов признаться в этом.

И мне не хотелось уезжать.

Интересно, что Настя про всех нас напишет?

2005 г.

ПЛАНЕТА ЛЮБВИ

Повесть

Английский язык в нашем седьмом классе преподавал Петр Петрович Саушкин. Вообще-то он был учителем немецкого языка, который постиг, как мог, на фронте. Пригодилось. Кроме Петра Петровича учителей иностранного языка в школе не было.

Говорили, что английский выучил он после ранения, когда лежал в госпитале. Еще говорили, что служил Саушкин в разведке и имел контузию. То, что учитель контужен, видно было сразу. У Петра Петровича постоянно тряслись руки.

Часы с цепочкой он носил то в кармане пиджака, то в кармане светлой рубашки. И доставая их нетвердой рукой, всегда рисковал уронить. Все бы ничего, но он временами забывал, на каком языке говорит.

Так случилось и в этот раз. Учитель заговорил по-немецки, который половина из нас раньше учили. Но был-то урок английского.

Первым не выдержал Колька Ракитин.

— Во, дядь Петя шпрехает! — громко, нисколько не стесняясь, удивился он. — А на каком языке говорить нам?

Учитель, не закончив фразу, перешел на русский:

— Ракитин, не мешай работать остальным, если тебе не интересно.

— Не... Не интересно! — звонко согласился Ракитин. — Зачем нам немецкий? Гитлер капут!

И тут учитель, не вполне оценив характер Кольки, как мог строго сказал, мотнув не совсем послушной рукой:

— Тогда марш из класса! Чтоб я тебя через минуту не видел! Фигляр!

Лучше бы учитель не говорил последнего слова «фигляр». Да еще так презрительно.

Кольку оно задело, и очень. Он завелся. Сначала дернулся, но тут же, овладев собой, вежливо так поинтересовался:

— Какой футляр?

Раздался смех. Кажется, учитель не расслышал, что сказал Колька. Но требовательности в голосе прибавил:

— Немедленно, вон из класса!

— Ага, сей момент. Ван минитс, так сказать. Только засеку времечко!

Сказав так, Колька, поднявшись за партой, стал изображать, как Петр Петрович достает часы. Медленно, подерживая кистью, занес он правую руку так, как это зачем-то делал учитель, над головой, как бы приветствуя кого-то. Потом медленно и судорожно опустив ее к подбородку, выровнял движение горизонтально и, быстро двинув вперед, согнул кисть и тотчас два пальца упали в оттопыренный карман рубашки. Оттуда пальцы его вернулись быстро и, расправившись перед самым носом их хозяина, явили воображаемые часы.

В классе неуверенно захихикали, озираясь то на Кольку, то на учителя.

— А где футляр? — невинным голосом спросил Ракитин, озираясь.

Артистичен Колька, но уж больно беспощаден. Петр Петрович, побледнев, бросился к ученику. А тот, будто ожидая того, легко перескочил на другой ряд парт.

— Выйди, я сказал! — визгливо пронеслось уже на заднем ряду.

Кольке не хотелось выходить. Но куда деваться. Он уже прыгал по пустым партам вдоль стены к раскрытому окну около учительского стола.

— Догоню, по стене размажу! — неслось ему вслед.

Последняя фраза учителя явно была преувеличением физических его возможностей. Однако преследуемый решил избежать лобового столкновения.

— Пока! — приложив ладошку к виску, спокойно произнес Колька и выпрыгнул в палисадник, в густую кленовую поросль. Над этой порослью возвышался высокий старый клен, приютивший не весть откуда взявшихся чинных скворцов. Видно, они отдыхали на начавшемся своем перелете. Птицы дружно взлетели. Колька, с шумом приземлившись, исчез из нашего поля зрения. Он вел себя, как вольная птица.

Как ни странно, учитель английского, подойдя к столу, довольно спокойно продолжил урок. Большинство же из нас си-

дело опустив головы. Переживали за Петра Петровича. Но и за Кольку тоже!

В тот день случился еще один «выгон», как мы называли укоренившуюся манеру учителей выпроваживать из класса провинившихся.

* * *

Учебный наш день заканчивался географией. Ох, уж эта география!

Когда учительница географии Елизавета Кирилловна входила в класс, мне казалось, что являлась сама скука. Учительница была почти всегда в светло-коричневом строгом костюме. В белой блузке с большим отложным воротничком. Глаза и волосы у нее — темные. Лицо бледное, малоподвижное. Даже не бледное лицо, а белое, без оттенков. И все непременно строгое: прическа, голос, взгляд.

И такая фамилия: Бескровная...

Я начинал, кажется, догадываться, почему она такая: «Она, наверное, в чем-то несчастна, ей где-то в чем-то очень важном для человека не повезло». Но мы не знали, в чем. Учительница была приезжая. Жила на квартире.

«Она отработывает положенный ей срок, никак не дождет своего дня. А отработает — и исчезнет. Что ей такой здесь делать? Еще молодая, а у нас инвалиды кругом да старики, — думал я, — мы ей в тягость, надоели, как горькая редька. И местные учителя почти все держат коров, овец. У них натруженные руки и усталые лица. Они ей со своей жизнью неинтересны. Мы для нее как папуасы».

Может, она нам казалась скучной от того еще, что было с кем ее сравнивать.

То ли дело учитель географии в восьмом классе Борис Григорьевич Курганов! Он давно — живая легенда в школе. Кто с ним сравнится!

Он как слон, добродушный и гораподобный, заслоняет всех, кто рядом. Выходит из учительской и все преображается в коридоре. Пока он как обычно идет до нужного ему класса, успевает кого-то остановить и потрепать за чуб, кому-то погрозить пальцем.

А знаменитая его привычка: брать двумя пальцами за ухо!

Это называлось «за ушко да на солнышко». При этом он обязательно приговаривал что-то вроде:

— Что же ты, голубчик, ногти не постриг? Я тебе второй раз замечание делаю. Кумекаешь?

Он делал весьма строгое лицо и пыхтел при этом. Казалось, вот-вот рассердится так, что мало не покажется, пыль пойдет! Курган!

— Неадерталец ты эдакий! — грозил он пальцем. — Вот заведу в учительскую и ногтищи вместе с пальцами твоими отчищу ножницами. Заодно и уши поубавлю.

А порой он ловил ухо провинившегося бедолаги всеми пятью пальцами, горстью, в которой могла запросто поместиться голова любого самого крутолобого нашего отличника. Не забывал он в такие моменты слегка покручивать ухо туда-сюда, для остротки.

Были у него и свои любимчики, которым он крутил ухо чаще остальных. Мог дать и легкий щелбан, совсем не обидный, наоборот как свидетельство особого своего расположения. Те, кто попадал под внимание Кургана, даже как бы гордились таким расположением учителя географии. У многих ребят в школе отцы не вернулись с войны. Не хватало мальчишкам мужского общения, потому и отзывчивы были на внимание взрослых. Теперь-то я много лет спустя понимаю это.

Ребята из восьмого класса рассказывали нам, что учитель географии не требовал никогда на уроке тишины. Громко сам кашлял, сморкался в большущий платок. Шуму больше было от него. Тишина устанавливалась как бы сама по себе, когда ей это надо было.

Когда же это случалось с задержкой, он мог искренне удивиться. Сказать что-нибудь такое:

— Что-то вы сегодня расшумелись у меня! Как индейцы у костра! А ты вот, вождь краснокожих, — он направлял свой огромный полусогнутый указательный палец на кого-нибудь из особо резвых, — угомонись, пятки обжечь можешь... Зря я тебе на прошлом уроке пятерку с плюсом поставил, под настроение попал...

Все замолкали, ждали, что учитель скажет дальше.

Нет, уроки географии в восьмом классе намного интереснее, чем у нас в седьмом.

Первым в тот день отвечать урок Елизавета Кирилловна подняла Женьку Карпушкина. Женька урок явно не выучил. Он пробовал что-то связать. Но ему это не удавалось. Все то малое, что слышал на уроке, куда-то провалилось у него, словно через крупное решето. В классе воцарилась тягучая тишина.

И тут учительница задала наводящий вопрос:

— Что влияет на развитие географической оболочки? Я вам рассказывала про Вернадского. Кто он такой? Чем занимался, особенно в войну?

Женька молчал. Потом как бы пожаловался или попробовал удивиться:

— О Вернадском? Вы давно говорили. Это. Он был... ..Он про насекомые организмы всякие...

— Насекомые организмы? — повторила Елизавета Кирилловна. — Это как в огороде бузина, а в Киеве — дядька.

Карпушкин, пожившись, замолчал.

— Верзила какой, — вполне искренне удивилась географичка, — а двух слов связать не может! Не стыдно?!

Может, Карпушкину и было стыдно, но все равно он явно не помнил, кто такой Вернадский, да и причем он здесь.

И тут поспешил на выручку друга отчаянный голубятник, хитроватый Витька Говорухин, по-уличному — Ширя:

— Елизавета Кирилловна! — он выпрямил высоко над головой свою длинную, как складная штaketина, руку.

— Тебе чего? — спросило подозрительно учительница.

Витька встал:

— Мне это, надо очень...

Раздался сдавленный смешок: «Приспичило».

— Не туда, куда думаете, дураки, — отреагировал, ни на кого не глядя, Ширя. И взглянув просительно прямо в лицо Елизавете Кирилловне, продолжил:

— Мне корову надо подоить. Мамка в поселок уехала. Катя с бетоном ждет.

Снова раздался смешок.

Кто-то с задней парты поинтересовался дурашливо:

— Чью корову-то?

— Выдумываешь, чтобы выручить дружка своего — это раз, — строго произнесла учительница. Мельком взглянув на Кар-

пушкина, которому наверняка уже подсказали ответ, как бы мимоходом, что было обиднее всего, наставила нерадивого:

— А ты, если думалка есть, думай!

И уже Говорухину:

— А во-вторых, не битон, а бидон! Ясно?

Витька, неуклюже сложившись, нехотя сел, пробубнив:

— Меня Петр Петрович отпускал, а вы... бидон... И про Вернадского в учебнике нет?

Похоже, ему действительно надо было идти в стадо на дойку. Я видел, как утром его мать тетка Дарья куда-то мимо наших ворот шла, явно торопясь.

Вспомнив про Карпушкина, учительница спросила, усмехнувшись:

— Отвечать будешь?

Тот молчал.

Во мне смутно росло несогласие с происходящим. Я смотрел на учительницу, на то, как она командует, и становилось не по себе. Словно кто толкнул меня. Тихо, не зная, для чего, будто самому себе, негромко, но внятно я безотчетно произнес:

— И чего она прицепилась? Женька — партизан еще тот! Не выдаст своих. Тем более Вернадского. Чем он занимался?!

Я не был готов к тому, что последовало потом. В классе раздался громкий, дружный хохот.

— Ватагин, встань! Вернадский — великий ученый, а ты па-ясничаешь!

Все ясно, веры в мою серьезность у нее не было никакой. Ни капли! И откуда взяться этой вере, если на предыдущем уроке, рассказывая у доски об открытиях европейцами Памира, Китая и, намереваясь произнести имя великого итальянского путешественника Марко Поло, я ни с того ни с сего ляпнул: «Хрущев». И остолбенел, не понимая самого себя. С чего бы это? Зачем здесь эта фамилия? Ее на радио хватает.

Хохот в классе был посильнее сегодняшнего. Но материал я знал и получил в тот раз четверку. Сейчас под грозную команду учительницы я встал.

— Что ты себе позволяешь? Шутовство на уроке?! Все вы...

Я пожимал плечами и, наверное, выглядел еще глупее Карпушкина.

— А ты сядь! — бросила она в сторону Женьки.

— Что ты вытворяешь? — прозвучал вновь вопрос.

Ответа на него я не знал, поэтому молчал крепче Карпушкина.

— Ставлю тебе единицу! — воскликнула она. И, кажется, обрадовалась своим словам: впервые с начала урока на ее лице появилась улыбка. Но неприятная такая.

— За что? — автоматически вырвалось из меня.

Последовал не ответ, а изумленно, кажется, искренне исторгнутый ею вопрос:

— И ты не понимаешь, за что?

— Нет, — произнес я.

— Выйди из класса, тогда поймешь!

Когда я уже подходил к двери, Колька встал из-за парты:

— А ты куда? — последовал окрик учительницы.

— Я тоже уйду, — веско произнес Ракитин, — не привыкать...

Кажется, учительница растерялась. Последовала пауза. Колька уверенно пошел к выходу. Но когда поднялся Говорухин, она встрепелась:

— Ты?

— Я тоже уйду.

— Всем сидеть! — опомнившись, скомандовала Елизавета Кирилловна. — Всем оставаться за партами.

Она, кажется, чего-то испугалась. Ее слова прогрехотали, как пустой Женькин «бидон» по школьному крыльцу. Когда мы с Колькой оказались на улице, он спокойно предложил:

— Давай бросим школу. Долбили эти...

Я опешил:

— Мне нельзя.

— Почему?

— Если из школы уйду, то из драмкружка выгонят.

— Сдался он тебе! — удивился Колька. — Кружок!

Я промолчал.

Участие в постановках, те роли, которые мне доверяли играть, было для меня самое важное в школе. Все говорили, что у меня талант. И я начал с замиранием сердца верить в это. Я не знал, как об этом сказать. Да и надо ли говорить ему о моем самом главном. Я тайно мечтал стать настоящим артистом. Непременно! Первым из нашего села!

Колька жил на нашей улице, в самом Золотом конце, поэтому шли мы вместе довольно долго.

— Не надоело такую махину носить! — спросил я, указывая на холщевый мешочек с большой фаянсовой чернильницей-непроливашкой, болтающийся, как колотушка, на бечевке у ручки портфеля.

— Другое дело, вот, — я указал на свою: из прозрачного стекла, изящную, раза в два меньше его.

— Вовка Дементьев, бобыня этот, во вторую учится. Может, со своими меня подловить. У них подпуски на Самарке за коровьими ямами украли. Я знаю, кто спер: Ванька Тумба, а они думают, я.

— Ну и сказал бы! Достанется за других.

— Ты че! Я не доносчик! Сами разберутся.

Он вынул свою непроливашку, зажал в правой руке:

— Вот попробуй, подойди! Не хуже свинцовой бляхи. Так свистнуть можно!

Все выглядело вполне убедительно. И слова его, и жест. Я видел такие непроливашки в деле. Ими можно было отбиваться от любого недруга.

А Колька дрался всегда стойко. В нем, казалось, отсутствовало чувство страха напрочь. И часто был крепко бит, поскольку силенок в нем было не ахти сколько. И откуда им взяться в таком тощем теле. Хотя он и был почти на два года старше всех в классе, ростом не выделялся. Но в драке его не останавливала ни собственная кровь, ни количество противников. Он имел характер бойцовского петуха. Кто видел петушинные бои, тот знает, что это такое. Дрался, пока стоял на ногах. Лежачих у нас не били.

Если уж упомянуты чернильницы, надо сказать и про перья, которыми мы писали. Перья у нас тогда тоже были двух видов. Мы называли их «мышками» и «лягушками». Они были съемные, легко вставлялись в деревянные ручки с особыми металлическими наконечниками. «Мышки» были сухонькие, с твердым утолщением на кончике. Они писали без нажима, ровно, почти как шариковые ручки.

Другое дело «лягушки» — мягкие, они имели такой раздвоенный тонкий кончик, который при легком нажиме расходился, позволяя писать буквы и линии разной толщины. Получалось красиво. Мальчишки любили писать «мышками», с них реже капали чернила на бумагу и не так марали ее, а баловались

мы «лягушками». Если к «лягушке» приспособить оперенье из тонкой бумаги, то при броске этот снаряд летел далеко и надежно впивался в цель.

Колька и в этом деле был не из последних.

На следующем уроке Елизавета Кирилловна подняла первым меня.

— Что вы знаете, Ватагин, о странах Восточной Африки, в частности, об Эфиопии? Поделитесь! — Ее «вы» ничего хорошего не обещало.

Я читал в учебнике про Эфиопию, но все, что теперь делает учительница, мне казалось неправильным, не таким, каким должно быть. Меня это тормозило.

Почему она сразу начала сегодня с меня? В галоп, после того, как выпнала из класса. Эта ее усмешка при слове «поделитесь»! И страна-то: Эфиопия!

— Я не буду отвечать.

Сказав так, я прямо посмотрел перед собой. Взгляды наши встретились. В ее темных раскосых глазах вспыхнул огонек, как мне показалось, какой-то радостный даже. Пока открывала журнал и искала мою фамилию, она скороговоркой произнесла, кажется, два раза или три:

— Вот и ладненько, вот и ладненько! Ставлю единицу. Вторую, Ватагин! Заметь, несмотря на то, что все говорят мне, что ты способный.

Дневник она у меня не потребовала. Очевидно, догадалась, что я не дам его. Из принципа. Хотя дома его у меня никто никогда не проверял.

По классу прошелестел шепоток. Она быстро его погасила, подняв для ответа нашу круглую отличницу Нинку Милютину.

И поплыл над головами четкий, уверенный голосок:

— Эфиопия находится в Восточной Африке, в основном на Эфиопском нагорье. Столица — город Аддис-Абеба.

«Сдалась нам эта Аддис-Абеба, — уныло думал я, — Эфиопия находится в Африке, а где теперь нахожусь я? С этими двумя моими единицами?»

Я не знал, что будет дальше, но уже понял: отвечать я и в следующий раз не буду.

После урока Колька одобрил мое решение.

...Вскоре в журнале против моей фамилии стояли уже три единицы.

Выждав, когда я оказался один, подошла Нинка Милютина.

— Володь, тетя Нюра хотела зайти забрать белую рубашку и не зашла. А концерт-то послезавтра.

— Помню, — буркнул я, — ты не переживай, что тебе пятерку за Эфиопию поставили, а мне — единицу. Ты не при чем.

— Я не переживаю! С чего ты взял! Я о рубашке!

О рубашке мне совсем уж не хотелось говорить. Я стеснялся. У меня никогда не было белой рубашки, как не было их и у многих в школе. Но я был артист. Мне она периодически требовалась для сцены, и моя мама брала напрокат.

На этот раз она договорилась взять у Милютиных. У Нинки был старший брат. Можно было бы и не у них. Почему она так сделала, чтобы обязательно была замешана Нинка?

Нинка предложила:

— Пойдем вместе, возьмешь. Ее еще постирать надо, погладить.

Я совсем сконфузился от таких подробностей.

— Нет, — заторопился я, — раз мать сказала, что зайдет, то так и будет.

— Володь, я еще про географию, — начала Нинка.

— А что про географию? — уже от калитки школьного двора спросил я.

И сам же ответил на манер своего отца, ядрено так:

— Чему бывать, того не миновать!

И заспешил к Кольке, который семафорил, дожидаясь меня по ту сторону ограды.

Когда всем в классе стало ясно, что меня «заклинило», я не сдамся, отличница Милютина предложила идти всем вместе к завучу школы. Я наотрез отказался, Решили идти без меня. Но сложились по-другому.

Перед очередным уроком географии меня пригласила к себе завуч Анна Трофимовна. Об этом мне сообщила все та же Нинка:

— Ты иди, пока там Борис Григорьевич, — глаза у нее округлились, — не заваривай новую кашу. Зачем тебе?.. Ты такой...

«Опять эта Нинка, — дрогнуло во мне. — Зачем она суется везде?..»

Отец Нинки, суровый, немногословный Петр Никифорович, был у нас председателем колхоза. Начальник, и еще какой. К нему отец иногда ходил просить лошадь, чтобы подвезти сено, дрова. Мало ли чего в хозяйстве надо. Как правило, моему отцу, вернувшемуся с фронта инвалидом 2-й группы, председатель никогда не отказывал.

Но он был отец Нинки. Самолюбие мое было уязвлено этой явной зависимостью моего отца от ее. Будто была какая-то ранка на моем теле, и Нинка всегда могла в нее ткнуть своим длинным пальчиком, чтобы сделать мне больно.

Меня это тяготило.

Хотелось быть независимым и самостоятельным. А она командует...

Когда я подошел к учительской комнате, дверь была приоткрыта. Я услышал сердитый голос Бориса Григорьевича — учителя географии:

— ...а из таких, как Колька Ракитин, вообще на фронте Матросовыми становятся, а мы их глушим... Затюкать любого можно...

Дальше я не слышал, дверь быстренько прикрыли.

Услышанное меня повергло в некоторое размышление, которое было прервано в учительской:

— Владимир, ты понимаешь, что делаешь? — спросила строго Анна Трофимовна, когда я подошел и остановился около стола с телефоном. Завуч стояла, положив руку на телефонную трубку. Это выглядело несколько неестественно.

«Если я отвечу, что не понимаю, она будет куда-нибудь звонить, — подумалось мне, и я невольно усмехнулся своей нелепой мысли, — в милицию, пожарку? Или моим отцу с матерью, которые телефонную трубку-то ни разу в руках не держали. А сейчас ушли, наверное, за овцами на калду. Собирались стричь во второй половине дня, когда я приду из школы.

Я молчал.

Завуч продолжила:

— Здесь молчишь, как гогона, а в классе ты пытаешься срывать уроки географии!

— Как? — невольно вырвалось у меня.

— Со второго урока в этой четверти увел всех ребят из класса на стадион?

— Увел? — не выдержала Елизавета Кирилловна.

— Но нам же сказали, что вы больны. Мы просидели пятнадцать минут, не дождались. Я предложил — все согласились. Пошли гонять мяч.

— У тебя каждый раз какие-то отговорки. Это носит системный характер. Ты хочешь быть всех умнее? Какой пример ты подаешь остальным? — голос у завуча начал звенеть. Она убрала руку с телефона. Села за стол.

— Анна Трофимовна, мы же... — не выдержал Борис Григорьевич.

Я встретился взглядом с Петром Петровичем, стоявшим у окна, и, показалось, что он мне одобрительно подмигнул. Так ли это было? Или просто у него обычный его нервный тик? Но мне стало легче. Я почувствовал себя увереннее.

— ...вот именно, мы договорились, — завуч укоризненно, как на школьника, посмотрела на Бориса Григорьевича. — Вернее, договоримся.

Теперь она глядела на меня в упор:

— Ты отвечаешь на уроке Елизавете Кирилловне. Не менее трех раз. Иначе будет двойка за четверть. Понял? — проговорила Анна Трофимовна. — Родителей твоих в школу не затащишь арканом. Думай, голова, сам!

— Руку поднимать я не буду. Не могу. Спросят, отвечу, — заявил я.

— Почему не будешь? — географичка подошла к окну и встала рядом с учителем английского языка. — Ну и упрямец!

Петр Петрович начал что-то ей шептать, едва не касаясь очками ее неестественно белого лба.

— Хорошо, пусть будет так! Но исправляйся, Ватагин! — согласилась с моими условиями завуч и напомнила, взглянув на нас обоих: меня и Бориса Григорьевича:

— У нас школа, а не запорожская вольница.

«Как плохо, что среди учителей всего два мужика», — думал я, выходя из учительской.

Поднимать руку в классе я действительно не мог. Я воспитывал как раз в то время таким образом свою волю. Дал себе еще в шестом классе зарок: отвечать только тогда, когда спросят. Так я, молча, еще противостоял нашим отличникам. Мне не нравилось, как они тянули руки. Нинка к ним не относи-

лась. Она была особенная. О моей затее знала только она. Я ей сказал, чтобы труднее было нарушить этот свой зарок. Нинка была как заслон. Теперь мне показалось, что она проговори-лась. Что шептал на ухо географичке Петр Петрович? Это во-прос! И почему именно Нинку послали за мной?..

* * *

Вскоре рядом с тремя единицами по географии в журнале против моей фамилии красовались три пятерки.

— Видишь, — наставительно говорила мне Нинка на репетиции в драмкружке, где она всегда была на вторых ролях и нисколько, кажется, не тужила на этот счет, — видишь? Если не своевольничать, можешь стать отличником.

А я не видел такой моей перспективы.

Ходить в школу расхотелось. Стало неимоверно скучно. То, что получил три пятерки по географии мне не казалось победой. Я бредил сценой, и эта история с единицами, а потом пятерками, казалась мне глупым спектаклем, на котором меня, заставив прилюдно, на публике снять штаны, высекли. При Нинке, кото-рая так ничего, кажется, и не поняла. Или притворяется?

Мы перестали с Колькой ходить на уроки, Последние собы-тия в школе нас сблизили.

Там, за Мижавовыми, по ходу в школу, стояла заброшен-ная деревянная банька. В ней мы прятали сумки и, не дойдя до школы, брали вправо, в переулочек, а там до речки — уже са-мая малость. Не каждый день, а так, через раз, мы оказывались на речке. Дома думали, что мы уходим в школу, в школе мы го-ворили, что заняты с родителями по хозяйству. Такая причина: помощь родителям, считалась временно вполне уважительной, особенно для учителей, имеющих свое хозяйство.

Вскоре у нас появились и удочки на речке. Их мы домой не носили, прятали в зарослях шиповника. Кто туда сунется?

Рыбак из Кольки оказался никудышный. Я впервые видел, чтобы на рыбалке сидели и читали. И кто? Колька Ракитин! Он носил с собой потрепанную книжку, точнее, толстенное такое пособие по астрономии.

— Откуда она у тебя? — удивился я.

— Помнишь, жил учитель на квартире у бабки Ваньковой?

Она одна. Сыновья куда-то разъехались. Когда уезжал, оставил на память. Мы с мамкой ходили к ним. У бабки на огороде себе картошку сажали. Ты знаешь, отчего бывает солнечное затмение? — сходу огорошил он вопросом.

— Нет, — произнес я.

— А затмение Луны?

Я мотнул отрицательно головой.

— Ну вот, — протянул Колька, — а еще почти как Нинка — отличник.

— Да иди ты! — отмахнулся я.

— Иди ты, — произнес Колька с ударением на «ты». — Расскажу. Учись, пока я жив.

И он начал рисовать прутиком на мокром речном песке Солнце и Землю. С этого дня я стал познавать азы астрономии. Колька был неистощим. Он знал такое множество вещей про небо и звезды, что у меня кружилась голова.

— А телескоп, знаешь, как устроен! — восклицал он.

— Нет, — отвечал я.

— Посмотри схему, тут есть.

Я откладывал в сторону удочку и принимал в руки драгоценную Колькину книжку.

— Телескоп, — говорил тем временем мой ученый приятель, — можно сделать из линз, а можно из вогнутых зеркал. Вогнутое зеркало сделать легче. И телескоп будет сильнее. Вот если бы у нас был учитель по астрономии, можно бы попробовать. Кружок бы организовали! А не эти уроки труда: табуретки мастерить.

— Да ты что? Самим сделать телескоп?

— Самим! — уверенно подтвердил Колька. — Поляк Ян Гевелий был пивоваром, а англичанин Гершель — музыкантом. А такие телескопы соорудили! Гершель потом открыл планету Уран, представляешь? И это в восемнадцатом веке! Благодаря телескопам!

У меня многое не укладывалось в голове. Он приводил имена, названия звезд, чертил схемы на мокром песке. И все легко, свободно, будто это привычное дело.

— А Кеплер! — вдруг спохватывался он. — Бедняк был совсем, а открыл законы движения планет вокруг Солнца. Их никто еще не опроверг, законы эти. Прошло почти 400 лет. Понял?

Если бы даже приятель и не признался, что хочет быть астрономом, все равно это было ясно. Но он сказал мне об этом.

И я почувствовал под его напором собственную слабость. Желая стать артистом, я никому не говорил об этом. Таился. А он вот так, безоглядно: «Буду!» — и все!

Что ни говори, на реке здорово. И главное: мы одни! Можно рассуждать, не оглядываясь! Тут нет прицельных беспощадных взглядов Елизаветы Кирилловны, нет упреков, пускай и справедливых. Тут некому тебя жилаить, кроме комаров и слепней. Тут много чего нет...

Но есть огромное широкое небо.

Что бы Колька ни делал, на реке он не отвлекался от своего главного. Насаживал червяка на крючок, спохватившись, удивлялся вслух:

— Знаешь, Венера в полтора раза ближе к Солнцу, чем к Земле. Значит, там тепло! А если тепло, то есть и жизнь. Эта жизнь должна быть похожа на земную. В романах пишут, что из земноводных там развиваются разумные существа: ящеролюди. А дальше что? Из ящеролюдей могли давно уже получиться сверхумные существа, которые обогнали во всем нас. Мы не одни, понимаешь?

...В другой раз, лежа на песке и обратив лицо в небо, Колька рассуждал:

— Утром и вечером Венера всех ярче на небе. Мне кажется, что Земля и Венера раздумывают, как сблизить свои орбиты. Когда-нибудь Венера приблизится настолько, чтобы на Земле потеплело. И тогда кругом в самых зимних широтах зацветут сады.

— Как же это она приблизится? — возражал я.

— А так! — Колька смотрел на меня пристально, как географичка. — Все, что вокруг нас, кем-то создано. И продолжает совершенствоваться, улучшаться. Не враз же все получается.

Для меня сказанного было чересчур. Я подумал, что он шутит, и попробовал перевести все на доступный мне, понятный уровень:

— Чудак! Льды на полюсах растают и нас затопит.

— Не затопит. Потепление будет медленным, испарившаяся влага частью уйдет на Венеру, чтобы оросить пустыни, частью в космическое пространство. Об этом позаботятся венерианцы.

Но зато представляешь: кругом на Земле зацветут сады. Не будут вымерзать! Сейчас только у Жабина и Сафронкина сады. У остальных, у кого были — вымерзли. А тогда у всех будет виноград и все такое, разное. Все, что только может расти, — будет! В Сибири столько места. Продуктов будет сколько надо! Войны будут не нужны. Представляешь? Сколько народу сохранится. У нас половина мужиков погибла, остальные — ка леки. А тогда...

Я был поражен размахом Колькиной мысли и не возражал, бесполезно. На все мои сомнения он находил уверенный ответ. Это немного настораживало.

— Тогда уж не Венере, а Солнцу надо приблизиться. Или нам к нему, — попробовал я порассуждать.

— Чудак, Солнце — не планета, не твердое тело. Оно — ступок раскаленного газоподобного вещества. Может испепелить. А на Венере разумные существа. Это совсем другое дело. Венера — планета Любви. Земле необходимы тепло и красота. Чтоб кругом цвели сады и пели птицы. Ты понимаешь, тогда какие люди будут!

— Какие? — спросил я.

— Какие-какие? — рассердился отчего-то Ракитин. И не найдя точного определения, ответил: — Не такие, как Елизавета Кирилловна.

— Коль, — шагая по песчаной дорожке к реке, решил признаться я, — непонятно мне, как это наша Вселенная не имеет границ. И галактики разбегаются одни от другой?

— Как! — восклицал приятель, — вот возьми воздушный шарик, нанеси на нем химическим карандашом точки и начни надувать!

— Где тут у нас взять воздушный шарик-то? Не продают. Только на майские праздники...

— Вовк, ну ты даешь! Мысленно возьми и надувай! Что получится?

Я не готов был ответить. Отвечал Колька:

— Точки на шарике — это галактики! Надуваешь шарик: галактики разбегаются, понял? Расстояние между точками будет становиться все больше и больше. Вот и все!

— Коль, — еще раз решил я уточнить. — Шарик когда-нибудь лопнет. Тогда что?

Ракитин смотрел на меня, как на идиота, и молчал со значением. А я, как бы оправдываясь, пытаюсь показать, что я не такой уж и безнадежный, вновь спросил:

— А почему так? Кто надувает, нет — раздувает кто воздушный шарик, ну Вселенную, то есть?

— Сам пока не понял, — сознался Колька. — Так устроено все! Не я придумал. Вот для этого учительница по астрономии и нужна.

* * *

О запуске первого спутника Земли из-за пропуска занятий в школе мы узнали только вечером дома. На другой день, когда мы с Колькой шли в школу, он тормозил меня:

— Вот теперь, Володька, началось настоящее!

— Что настоящее-то? — допытывался я.

— Как что? — удивлялся моему непониманию приятель. — Теперь всюду развернется такое... Будем осваивать космос! Нельзя остаться в стороне

После его слов и я поверил, что в школе теперь творится небывалое. В стране вон какие дела!

Когда мы вошли в школьный коридор, уборщица тетя Даша покрикивала на тех, кто, подбежав к алюминиевому бачку напиться, проливал в спешке воду на потемневший от сырости пол:

— Матусите без конца, в глазах ажник рябит...

К ней давно все привыкли, как к почерневшему бачку с водой, и не боялись.

Борис Григорьевич в своем неизменном темно-синем добротном костюме, как ледакол, легко рассекая разноцветный ребячий поток, шел по коридору. И улыбался. Шедшие навстречу ему ученики, тоже невольно улыбались. Некоторые из них не забывали при этом, приближаясь к учителю, прикрывать на всякий случай ухо ладошкой. Помнили его цепкие пальцы.

Никто не говорил о немедленном освоении космоса.

Вчера с утра объявили о запуске спутника. Вчера все и радовались. А сегодня в школе не было ничего «такого». Все шло своим ходом.

* * *

Уже и берега нашей речки украсились желто-янтарным румянцем осиновых и березовых колоков. И пролетных птиц не стало, а лето далеко не уходило. Было тепло и уютно.

Я потерял интерес к удочкам. Быть на реке и не рыбачить! Такое со мной случилось впервые.

Частенько и подолгу, запрокинув голову, глядел я в небо, такое же, как и летом, с причудливыми перьями облаков, разбросанных кем-то сверху над серебристой рекой. Глядел в хрустальную синеву, неведомо как и кем созданную. Я смотрел в бесконечность, которую стал чувствовать и к которой начинал привыкать.

Октябрь баловал нас. Он как бы дарил нам то, что мы, ребяташки, недополучили летом, связанные по рукам и ногам постоянной нехваткой времени из-за необходимости помогать родителям по хозяйству.

...Покров день прошел, уже не видно грибников в лесу. Прозрачный, щемяще нежный день держит нас в плену. И сегодня мы одни на берегу. И вновь никто нам не помеха. Как не хочется думать, что надо возвращаться туда, где со всех сторон очерченное особыми искусственными правилами поведения, пространство, где как бы постоянно моросит надоедливый нудный осенний мелкий дождь, и размеренный бесстрастный звонок из раза в раз загоняет всех, в том числе и учителей в маленький, словно вырубленный в теле большого увлекательного мира, узкий колодец. Этот колодец — школьный класс, где всякая цель — пицтит. В нем натыкаешься с особой холодностью, назидательностью, которые рано или поздно толкнут тебя чаще всего на спонтанное сопротивление, которому сам удивишься и сам не будешь знать ему ни меры, ни толкового объяснения. Будешь выглядеть строптивцем, а то и просто хулиганом.

* * *

Саманная избенка Ракитиных в самом конце улицы. А улица упирается в луговое раздолье. С ильменьком, наполненным, как водится, всякой живностью — и плавающей, и летающей.

Мне не было особой нужды ходить на дальний конец улицы. Наш дом посередке ее, а школа — почти рядом. Но там, где за-

канчивалась улица и распахивалась широкая желто-зеленая луговина, над головой было особое, звездоносное небо! Одно для всех. И для нас двоих с Колькой.

Возможно, эта луговина и ильменек уберегли нас от громкого скандала, связанного с нашими отлучками на речку. Мы чаще стали приходиться после школы сюда, в этот неограниченный, неподконтрольный никому, необъятный класс, являющий собой часть таинственного, бесконечного мира, название которому: Вселенная...

В октябре здесь затишье, а летом уже от Колькиной калитки, по его словам, было слышно, как в изумрудной зелени и в бездонной сини творят свой торжественный гимн солнечному дню всякие певчие птицы: от соловья и жаворонка до овсянки. Овсянку я никогда не видел. Колька пообещал мне ее показать.

А пока вечерами он рассказывал мне о звездах, которым древние люди давно уже всем дали названия. Какое множество этих названий и созвездий! Они теснились в моей голове, не давая успокоиться. Созвездия Большой и Малой Медведицы, Волопас, Гончих Псов, Медузы, Персея, Орла, Лебедя и Лирь... Я никогда раньше не слышал о таких звездах: Ригель, Сириус, Вега, Альтаир! А Колька говорил о них, не заглядывая в книжку.

* * *

Сколько бы мы еще пропускали школьные занятия, неизвестно. Случилось непредвиденное. В очередной раз возвращаясь из отлучки на речку, мы по заведенному порядку, захватив свои сумки, пробрались к общему реденькому потоку ребят и пошли степенно по домам. И тут из магазина впереди нас вышел мой отец. Он пошел перед нами, метрах в десяти-пятнадцати.

Все бы ничего, но, обернувшись, я увидел на таком же примерно расстоянии шедшего сзади нас нашего учителя русского языка и литературы. Он двигался в том же направлении, что и мы. Учитель жил на нашей улице.

Сегодня у нас по расписанию была литература. Мы с Колькой вмиг поняли, что учитель вполне может спросить, где мы были? Почему отсутствовали на его уроке?

Я стал попридерживать шаг, стараясь приотставать, чтобы расстояние от нас до моего отца становилось больше, и тогда в случае, если идущий за спиной учитель заговорит с нами, родитель не услышит. Не узнает из разговора, что мы не были в школе.

Колька сразу понял мой маневр и жался теперь ко мне. Таким образом, сближаясь с учителем, мы сами как бы провоцировали его обращение к нам. И в то же время боялись, что разговор будет услышан, так как по непонятной причине отец мой стал идти медленнее, а наш учитель механически маршировал с одной скоростью.

У Льва Николаевича было слабое зрение, он постоянно носил очки. Брало сомнение: может, он и так бы нас не заметил? Без нашего маневра? А тут мы сами, сближаясь, напрашиваемся на вопрос. Мы на какой-то момент зависли над бездонной ямой. И вот-вот могли туда бултыхнуться со всего маху вверх тормашками.

Учитель нас заметил. С недоумением глядя на нас и на наши сумки с книжками, спросил:

— А вы, бурсаки, откуда? Вас не было в школе. Извольте объяснить.

Я растерялся. Мне показалось, что отец услышал его вопрос. Тут же представил, как он сейчас обернется и спросит то же самое. Что говорить?

У моих родителей отношение к школьной учебе детей было, как к работе. Необходимой и первостепенной. Работы и забот дома по хозяйству всегда нескончаемо много, но если я сидел за учебниками в избе или мне надо было идти в школу либо в библиотеку — этому всегда отдавалось предпочтение. Была дана обезоруживающая самостоятельность. В школу они ни по какому поводу не ходили. Оказав мне и учителям безусловное доверие, они тем самым возложили и ответственность!

Я это всегда чувствовал. Чувствовал и тогда, когда, удрав с уроков, сидел не за партой, а с Колькой на речке. Я понимал, что переступил очень важную грань в отношении с родителями. И веду себя недостойно. Но и в школу идти не хотелось. В школе, как теперь мне казалось, кроме Бориса Григорьевича, Нинки и нескольких ребят, все стали неинтересны. На всех набросили общее большущее ярмо, хомут: одни нехотя подчиня-

ются, другие — учителя — как хотят и могут, так и погоняют — и эта бедная колымага — школа — тарахтит, кособочит тех, кто находится в ней, трясется на кочках. Душу может вытрясти!

— Я тебя спрашиваю, Ватагин? — Лев Николаевич шел уже так близко от меня, что, обернувшись, я видел родинку на его длинной гусяной шее.

Колька не растерялся:

— Мы, Лев Николаевич, вон с его отцом работали, помогали...

— Да... — неопределенно произнес учитель литературы. И интеллигентно поправив очки, продолжил свой путь. Мне всегда казалось, что несмотря на свои имя и отчество, он был очень похож на Чехова.

Учитель прибавил шагу, видно, чтобы заговорить с моим родителем. Но отец свернул в Ваньков проулок, а мы так и шли прямо. Я шагал как бы по инерции. То, что пережил, когда, как мелкий воришка, чуть было не попался за руку, меня лишило сил. Я всегда знал, что отец меня пальцем не тронет, какая бы провинность ни была. От этого было еще тягостнее.

«Это все Колька», — путаясь, мысленно старался я оправдать себя, хоть в какой-то мере снять с себя непосильную тяжесть. Это его азарт, его заразительность — причина всему. И тут же недоумевал: «Но мне с ним интересно! Во всем! Его астрономия! Он может стать ученым. А с Нинкой интересно? — почему-то возник вопрос. — Интересно, — согласился мысленно я. — Но она девчонка! И это ее стремление к пятеркам! Круглая отличница, и что с того? Кроме уроков, ничего не знает. Слова роли, когда репетируем, декламирует, как стихи. Как швейная машинка, строчит, и только. Во всем ровная и правильная. Где только этому научилась?»

* * *

Что же делать: ходить или не ходить в школу? Если не ходить, все равно попадешься, рано или поздно.

Через два дня после встречи на улице со Львом Николаевичем, Колька сказал мне, что больше не будет учиться в школе:

— Матери становится все хуже. Говорит, если загнется, мне с двумя сестренками еще тяжелее будет. Пропадем. Она уже

переговорила с кем надо. Меня берут в поселке учеником в автомастерскую.

— А астрономия? — вырвалось у меня.

— А когда дождешься, что ее будут изучать в школе? Кто сюда к нам приедет?

И проговорился о своем заветном:

— Я скорее, глядишь, сам телескоп сделаю!

— Где? — опешил я, — в слесарке? Там одни железки!

— Где железки, там все! — последовал вполне уверенный ответ. — Я же тебе рассказывал: Ян Гевелий! Варил пиво и в то же время соорудил сорокаметровый телескоп!

Что я мог сказать? Мне и верилось, и не верилось в Колькин оптимизм.

* * *

...И я решил уйти из школы. Но как сказать об этом родителям? Внутри меня сидел главный довод: сменился художественный руководитель в клубе. Драматический кружок, который он вел, перестал существовать.

«Буду учиться в каком-нибудь училище в городе, начну заниматься где-нибудь в драмкружке, при заводе или где. А там, может, как-то дальше... А в школе? Тупик», — так выстраивал я свои планы на будущее.

Но сказать такое родителям я не мог. Большинство наших ребят после школы уходило в мореходку, в летние училище. А я — в артисты? У меня долго стояло в ушах брошенное Петром Петровичем на уроке английского в адрес артистичного Кольки: «Фигляр!»

И хотя там было нечто иное, я понимал это. Но... Я не решился говорить с родителями о своем заветном. Искал другую причину для них. И не находил.

Я несколько дней готовился к разговору с родителями. В школу ходил исправно. Наконец вечером, когда все были за столом, решился, как отец говорил, все разрубить одним махом. Отец разговоров долгих не любил. Едва только возникал намек на подобное, он морщился. Ему всегда было не до каляканья, как он выражался. Ему хватало обычно нескольких слов, а порой одного скупого взмаха руки, чтобы все встало на место.

— Не хочешь учиться? — строго спросил он.

То, что он не удивился услышанному, меня задело. И молчание матери, ее глубокий вздох при моих словах — тоже были неожиданны. Мне показалось, что они уже все знали. Я ожидал услышать резкие слова, а отец медленно бесцветным голосом произнес:

— Не хочешь учиться. Живи неучем.

Сказал так и замолчал.

Я сделал попытку вывести разговор на какие-то практические решения:

— Мне надо куда-то, где... В ФЗУ можно...

— Володя, учебный год уже идет. Зима впереди. Куда сейчас? — тихо и осторожно начала мать.

— У тебя с учебой не ладится или с учителями? — жестко спросил отец, — шарабара в голове

Я не знал, что такое «шарабара». Но мне стало не по себе. Я смешался, не зная, как ответить. Я хотел учиться, но как-то иначе... Не так...

— Вон Нинка-то, она ко всем подлаживается, хотя и отец начальник, везде хорошая. А ты? Больна характер шершавый, — начала мать. — И Колька тебя баламутит. Держись за землю: трава обманет.

Лицо отца сделалось кислым.

— Вольному — воля. Пускай, мать, сам принимает окончательное решение. Пошли загонять скотину. На дворе темень.

Мать повиновалась. Они не спеша, в тягостной тишине оделись и вышли из избы.

Больше в тот вечер мы не разговаривали.

Утром я молча поел хлеба с молоком и пошел в школу.

...Теперь мы с Колькой виделись редко. Он рано уезжал вахтовым автобусом, поздно возвращался. Встретившись с ним вечером на улице, я удивился тому, как он изменился. Говорить он стал мало. Если спросишь, отвечал. И то как бы нехотя. А не спросишь: шел молча. И начал курить.

— Коль, — не удержавшись, спросил я его, — интересно в мастерских?

— Ага, — сказал он и замолчал.

— Ну, а чем ты сейчас занимаешься? — донимал я. Он ответил сухо:

— Аккумуляторы заряжаю и еще разной дребеденью...

Мне расхотелось больше спрашивать его. У меня на кончике языка висел вопрос про телескоп. Но я промолчал, увидев скучные глаза Кольки.

Мне показалось: он знает, что меня больше всего интересует. И боится этого вопроса.

* * *

За неделю до Нового года внезапно для всех умер наш учитель английского языка Петр Петрович Саушкин. Выходил из школы и около крыльца упал: остановилось сердце. Для нас это было какой-то нелепицей. Всю войну прошел, а тут...

Приехали из города военные: солдаты и два офицера. Один — полковник. Оказывается, учитель был военным разведчиком, и о нем писали даже в книге. А мы привыкли, что он не совсем нормальный: то трясется весь, то не в тот класс зайдет, куда надо... Мы не думали, что разведчики могут быть такими. Два боевых ордена и несколько медалей теперь лежали на красных подушечках около гроба. Сейчас они видны были всем.

Еще накануне дни были бесприютно печальными. Когда я шел в школу, студень ветер перехватывал дыхание. А на похоронах свершилось чудо: ясное солнце в декабре и пушистый снег, падающий на обнаженные головы. Белый снег. Белые снеги, как простуженным голосом сказал учитель литературы Лев Николаевич. Белые снеги все преобразили. Произошло светлое волшебство, которое нельзя было не замечать, но которому в скорбный день не хватало сил радоваться.

Я стоял у гроба, когда подошел Колька. Встав рядом, он взволнованно прошептал:

— Выходит, когда он ушел добровольцем на фронт, ему было всего на два года больше, чем мне!

...Прогремели залпы салюта. Я обернулся, отыскивая взглядом отошедшего Кольку. И увидел Бориса Григорьевича. По щекам у него текли слезы. Он не скрывал их. Как маленький, сильно оттопырив нижнюю розовую припухшую губу, возвышаясь над всеми, недоумевал вслух:

— Петюша, ну, Петюша... Рано ты демобилизовался-то! Поторопился чего-то... — Он замолчал, казалось, собираясь ска-

зять что-то самое главное, а произнес, скривив в бессилии губы, самое обычное: — Солнышко вон светит как!..

* * *

В конце февраля наш класс взбудоражила весть. В поселке обокрали магазин. Взяли так, кое-что по мелочи. Но — кража!

Кольку забрали на глазах его бывших одноклассников два долговязых милиционера, прямо на остановке автобуса, около школы. Взяли его одного. Говорили, что в кармане спецовки у него на работе обнаружили часть украденных в магазине дорогих конфет.

Колька отрицал свою причастность к краже. И никого не назвал из злоумышленников. Мы-то в классе знали, что, если бы они и были известны ему, он вряд ли кого бы назвал. Таков характер!

...Канитель затеялась долгая. Николая Ракитина увезли в город. Был суд.

Наконец он вернулся. Говорили, что, учитывая его возраст и то, что, кроме матери, он единственный в семье кормилец, ему дали условный срок. Я не решался напрямую спросить его об этом. Все откладывал. Отпустили, и хорошо.

Теперь Колька изменился еще сильнее. У него и походка стала другой. Шагал он теперь не спеша, резвость пропала. И взгляд! Холодный и чужой.

Нас, одноклассников, сторонился. А я при встрече терялся. Я шел прямым ходом, казалось, к своей цели: учился, драматический кружок снова стал работать. У меня все складывалось, а у Кольки нет. Я чувствовал себя в чем-то виноватым перед ним.

Кольку стало не видно и не слышно.

Гром грянул неожиданно, в мае.

Едва растеплилось, на Рабочей улице во дворе Макеевых начали собираться на танцы. У самой калитки Макеевых в углу палисадника всюду цвела сирень. А над низким редким заборчиком со стороны ворчливой тетки Макарчихи, возвышалась высокая, статная черемуха.

В тот вечер подул ветерок, и черемуховые лепестки запуржили в воздухе. Пока веселый народ собирался, майская вью-

га прекратилась, и вполне приличных размером танцевальный круг покрылся черемуховой порошей.

К Макеевым мы приходили из любопытства. Не танцевали, а так, крутились возле. И Колька иногда появлялся. Была тому причина. Я видел, как он каждый раз выискивал глазами Таньку Кузьмичеву. Если она была, он не уходил. Толкался рядом с ней.

Густой запах черемухи и сирени будоражил, а радостный молодой голос из проигрывателя добавлял еще ландышевого восторга:

— *Ландыши, ландыши,
Светлого мая привет...*

Кружилась голова. Около десятиклассницы Таньки всегда вращались, как вокруг звезды, свои планеты и спутники. Среди них были и одноклассники, и взрослые уже парни. Всех она освещала своим молодым светом. Она была самой яркой на здешнем небосводе. Как Вега — звезда Северного полушария.

Но вот с Колькой у них что-то не ладилось. Когда он, проправшись к ней, приглашал ее на танец, она не отказывала. Но лицо ее менялось. Танька становилась скованной. Не смеялась. А Колька выглядел странно, каким-то казался ручным...

...У ворот Макеевского двора в тот раз попался Кольке Валька Востриков, и Ракитин отобрал у него пугач — примитивную штуку со сплюсненной с одного конца медной трубкой и ударником из гвоздя с резинкой. В такую трубку обычно набивали серу от спичек. Никаких пуль, гвоздей, чугунок туда не закладывали. При ударе гвоздя с тупым концом под воздействием тугой резинки возникал приличный хлопок.

Колька, так, от нечего делать, крутил этот пугач в руках. Балуюсь, Танька выскочила за край шевелящегося, как муравейник, веселого круга танцующих. И, погнавшись за кем-то, наткнулась на Кольку. В руках у него была эта глупая самоделка. Пугач выстрелил.

Зажав ладонями лицо, Танька закричала. Круг танцующих замер. Таньку подвели к воротам, с лампочкой на макушке столба и проигрывателем внизу. Лицо ее было опалено пламенем. Лоб потемнел от копоти, а округлые щеки стали конопатыми от темных, вылетевших с огнем крошек. Таньку увели сначала в Макееву избу, потом домой.

После некоторого затишья танцы возобновились. Колька со двора исчез.

* * *

У Ракитиных над калиткой, на осевших в разные стороны столбах, лежала потемневшая от времени и ненастья прогнувшаяся, толщиной всего-то в руку, твердая, как кость, перекладина.

Накинув на нее брючный ремень, Колька в тот же вечер повесился. Трудно сказать, чего больше не захотел бесстрашный мой друг: снова вернуться в тюрьму или увидеть изуродованное лицо Таньки.

Утром Кольку обнаружил, собирая коров в стадо, пастух Васька Супонь.

Вместе с теткой Анной, матерью Колки, под птичью щебетню, напирющую с просыпающегося Ильменька, они его и вытащили из петли.

«Чуть-чуть одной ногой Коляй-то чиркал по земле. Мог и не свершиться этот факт. Вот свершился... А могла и жердинка-то, глоба эта... того, не выдержать, тогда б... Во второй раз не каждый решится», — повторял Василий почти слово в слово, когда к нему подходили на похоронах мужики. И каждый раз одинаково горестно махал уцелевшей на фронте левой рукой.

* * *

Танька вышла из больницы такая же розовощекая, как и раньше. Без единого пятнышка на лице. Глаза ее, кажется, смотрели еще лучистей и зорче.

* * *

Прошло больше двух месяцев. Уже Колькина душа вознеслась, куда ей положено, а тетка Анна начала по утрам выходить на облитый лунным светом свой пустынный, заросший муравой и по краям у изгороди беленой двор и тихо разговаривать. На нее, как говорили наши, находило. Прислонившись к воротному столбу, словно потеряв разум, совсем почерневшая, она уговаривала горячего своего сына:

— Коленька, зря ты не приходишь. Где ты сейчас? Объяс-

вись... Был бы жив отец-то, конечно, он бы не одобрил. Я калитку не закрываю. И избяную дверь тоже, даже ноченькой... Приходи...

Пастух еще издали теперь старался определить: вышла тетка Анна во двор сегодня или нет. Если вышла, он торопился, свернув вбок, прогнать стадо Бондаревым переулком.

А тетка Анна не видела никого в такие минуты. Едва шевеля иссохшими губами, шептала:

— Только торкнись. Я сразу встану. Девчата уж больно скучают по тебе. Ни разу ни одну не обидел. Конфеты еще эти, большие... носил. Зачем? Уж лучше бы построже с сестренками-то. Теперь бы им легче было. А то плачут каждый день. Зовут... А ты что же? Никогда раньше таким не был... Молчишь...

Повернув от калитки вглубь двора ставшее совсем старушечьим лицо, спохватывалась:

— Дорожки я подмела. Не упади только, смотри, в сенях-то. Там порог провалился. Подсобить некому. Ну, ты сам поправишь... Ты умеешь... И это... не бойся перекладки-то, у калитки которая. Забудь о ней. Я оторвала ее. И на гать отнесла. Зачем она у нас была? Не нужная никому...

И начинала ходить кругами по двору, задевая подолом запылённые головки разросшейся белены, то молча, то бормоча свое.

— Вот ведь, — сокрушалась она не в первый уже раз, — это я не доглядела, я все...

Серого цвета, выдавшая виды, ночная сорочка на ней, преображенная лунным светом, мерцала жутковато. А туземный бубен луны, замерев, казалось, вот-вот обрушит на землю сверху вниз, вовлеченный в древний танец звезд, лавину оглушающих непривычных звуков.

Двор Ракитиных пугал теперь. В глубине его потемневшая, как и хозяйка, саманная избенка, ощерившись, глядела облитыми луной подслеповатыми тремя своими оконцами перед собой так смиренно и юродиво, что становилось невмочь.

А утренняя звезда Венера, на которую так любил глядеть Колька, сверкала своим великолепием. Словно через вуаль, как и подобает прекрасной даме, спокойно взирала сверху вниз. Как и раньше. И двигалась, не меняя своего пути...

В десятом классе во второй четверти у нас появилась учительница по астрономии. Пухленькая и розовощекая блондинка Ольга Васильевна приехала из города. Мы гадали: надолго ли она у нас задержится? Но ее бодрый вид, непринужденная улыбка отвлекали от этой мысли. Она была всего лет на пять-шесть старше нас и не старалась выглядеть солидной и строгой. Забавно прикрывая ладошками лицо, смеялась первой, когда кто-нибудь говорил нелепость. И все следом смеялись.

Учительница с первого же урока завладела классом. Ее нельзя было не слушать.

— Удивительно, какие разные все звезды! — произнесла она, потряхнув золотистой прической. И мы молча разделяли это ее удивление.

— Они, как и люди: рождаются, живут, стареют и умирают... Все в классе, затаив дыхание, слушали.

— У каждой своя судьба, — продолжила Ольга Васильевна, — и эта судьба каждый раз особая! Какого бы скопления звезд, великого их множества не было...

Она говорила, а я думал о Кольке. Колька — всего лишь маленькая частичка той галактики, которую зовут человечеством. Всего лишь точка. Но ведь и наша необъятная Вселенная началась миллиарды лет тоже из одной точки, у которой не было ни пространства, ни времени. А теперь у нее нет ни конца, ни края.

«Не дается ли при рождении шанс каждому из нас стать началом такой вселенной?» — эти слова Ольги Васильевны прозвучали пронзительно. Она будто знала, что я думал о Кольке, обо всех нас.

«Колька был таким, — думал я, — из которого могло получиться что-то огромное, и мы все бы удивились. Не только наша школа и село... Страна!»

Я не заметил, как начал хлюпать носом. Сидящая впереди Нинка удивленно обернулась:

— Ты что? Простудился?

Я поспешно закивал утвердительно головой.

— Тогда иди домой. Я тебя отпускаю. А то всех перезараз-

ишь, и у самого осложнения могут случиться, — она говорила так и смотрела на меня глазами моей мамы.

Когда она так глядела, я терялся.

* * *

Теперь, если Ольга Васильевна спрашивала, возникал лес рук. Мы всем классом влюбились в нее.

Вскоре, забыв о своей установке, и я поднял руку. Краем глаза я видел, как Нинка улыбнулась при виде явного краха моей силы воли. А мне было уже все равно, что она обо мне думает.

Учительница спросила меня. Я знал материал, но, отвечая, разволновался.

«Кольку бы сюда, — подумалось мне. — Он бы так ответил, все бы рты разинули...»

Раскрыв широко завораживающие светло-синие глаза, учительница слушала мой ответ. Класс удивленно молчал.

— Достаточно, Ватагин, — остановила меня Ольга Васильевна, — урок ты знаешь. Знаешь даже больше того, что дано в учебнике. Поразительно! Но следи, пожалуйста, за речью. Нельзя скакать с одного на другое. Нужна последовательность.

Ее золотистые брови шевельнулись, она произнесла почти шепотом:

— И такое волнение?! Ставлю четверку. Но уверена: в следующий раз будет пятерка!

Следующего раза не получилось.

Золотистая Венера, как мы успели ее назвать, неожиданно заболела и уехала. Говорили, что на время. Получилось, навсегда. Мы ожидали, что таким же маневром воспользуется и Елизавета Кирилловна: заболит, уедет лечиться и не вернется. Но случилось другое. Она стала нашим классным руководителем. Оказывается, она долго хлопотала, и теперь сестренки Кольки Ракитина, Надю и Любу, отданных в детский дом после смерти тетки Анны, она забрала жить к себе. Все перебрались в учительский дом, который около школы. В нем им дали аж две комнаты.

Ошибались мы, думая, что географичка — временный в нашей школе человек.

Астрономии у нас так больше и не было.

* * *

На выпускном вечере Нина призналась мне, что я лучше всех. И очень дорог ей.

Что мне было делать с этим? Я не готов был к такому. Я продолжал бредить театром и собирался, чего бы это мне ни стоило добиться своего. Честно сказал ей об этом.

...Она окончила институт, стала учителем математики. Вышла замуж. Замужество оказалось неудачным. Развелась. Во втором браке у нее родилась дочь. Живет с семьей где-то на Урале.

Татьяна Кузьмичева работает в поселке бухгалтером. Нарожала пятерых ребятишек. Столько же теперь у нее и внуков. Татьяна — крупная теперь, видная. Русская красавица. Несмотря на возраст, веселости в ней, кажется, не убавилось.

Колька не стал астрономом, а я — артистом.

После армии мне удалось поступить в школу-студию при областном драматическом театре. Начал играть на сцене.

В январские метельные дни, добираясь пешком в село домой, я сбился с дороги и чуть не замерз. Мне повезло, случайно обнаружили. Сильно простудился. Провалился в постели. Более-менее обошлось, но ноги... отморозил пальцы. На правой ноге отняли ступню целиком.

Вначале хорохорился, сцену не бросал. Все ждал своей главной роли. А тут однажды словно очнулся: понял, где я должен быть. Окончил педагогический институт и давно уже преподаю в своей школе астрономию.

Моя семья — это мои ученики в классе. Такой получилась моя орбита.

* * *

После того как наши космические станции побывали на Венере, многое прояснилось. На планете Венера, которая нам казалась раньше обителью Любви и Красоты, стоит испепеляющая жара. Атмосфера ее пропитана кислотами и серой. Жизни на Венере совсем нет: об этом теперь знает любой ученик старших классов. И потепление, о котором говорил Колька, для нашей Земли может быть гибельным.

Сказка закончилась.

Но я не тороплюсь думать, что Колька ошибался по поводу планеты Любви и Красоты.

Должна быть такая планета!

По поводу Венеры целыми столетиями ученые заблуждались, не один Колька. Не только Кольке Ракитину, всему человечеству, живущему на голубой планете Земля, всегда не хватало Любви и Красоты.

Почему это так?

*г. Самара.
Январь 2008 г.*

СВИДЕТЕЛЬСТВО ЭПОХИ

I

Рождение Александра Станиславовича Малиновского, как и вся его дальнейшая биография, было весьма замечательным.

Во время Второй мировой немало поляков было интернировано в Россию, где расселялись они вдали от крупных городов. Так в русской глубинке, в селе Утевка Самарской области, оказался Станислав Малиновский. Появился он в селе в белой рубахе, пуловере и шляпе. Так и ходил потом по утевским улочкам, вызывая у местных жителей удивление. По всему было видно, что человек он совершенно инородный для привычного русского деревенского быта. Был он красив, черноволос и голубоглаз. К тому же отличающая его от местных интеллигентность не могла не покорить. Станислав и местная русская девушка Катя полюбили друг друга и поженились. Вскоре, когда стало формироваться Войско Польское, Станислав был призван в армию. А через несколько месяцев на центральной утевской улице в крепком деревянном доме, таком же прочном, как и вернувшийся с сибирских заработков хозяин — Иван Дмитриевич Рябцев, отец Екатерины — родился мальчик, которого нарекли Александром. Будущий писатель.

Может, именно от рождения, когда столько совершенно разных людей приняли в нем участие, и получилась обширной и разносторонней дальнейшая жизнь А.С. Малиновского.

А Станислав сгинул на войне, оставив после себя только фамилию да воспоминания о пуловере, шляпе и голубых глазах.

Вряд ли нужно подробно рассказывать, что такое послевоенная деревня. Об этом тяжелом времени написано немало. Впрочем, и по сей день сельский труд вряд ли стал много легче, но тогда тягот и невзгод было в избытке. Труд, труд и труд. Порой изматывающий, но только так добывался хлеб насущный. И как великая награда — рыбалка, охота и книги. Книги тогда читались запоем, собирались в избах по несколько человек и кто-нибудь читал вслух. Молодого же Александра настолько увлекли книги, что он прочитал все, что имела местная библиотека. И позже, когда восемнадцатилетним парнем поступил в институт, оказался намного начитаннее многих городских.

И вообще сельская закваска в уехавшем из родной деревни парне останется на всю жизнь, и именно она будет помогать выдюжить, смочь преодолеть трудные ее перипетии — в конце концов стать тем, кем стал Александр Станиславович сегодня.

Сам он о своем воспитании говорит так: «Я и сейчас считаю, что надо родиться в сельской местности и лет до четырнадцати жить там. Именно к этому возрасту у человека формируется характер, мировоззрение и он начинает вполне осознанно понимать живую душу природы. В селе и смерть, и рождение человека на виду. Так было раньше. Ничто не меняется и теперь. Детство помнится и тем, как нас воспитывали. Меня ни разу в детстве не поцеловали, но и ни разу не ударили, над нами не смеялись. Нас не воспитывали в нынешнем понимании этого слова, мы сами видели, кто чего стоит — дед, отец, мать, соседи».

...Но манила большая жизнь. По какому бы пути пошел тогда деревенский паренек оказавшийся в городе? Мало того, что это был грамотный, крепкий физически юноша, но и тонкая артистическая натура. Александра так и тянуло поддаться внутреннему своему влечению. Очень хотелось стать артистом. Потом, уже во время учебы в институте, было желание все бросить и поступить в Литературный институт. Но Александр сдерживал себя.

Тогда много писали и говорили о необходимости создания в стране «большой химии», это стало на определенном этапе главной задачей страны, и Александр пошел по тому пути, который был наиболее значим для Родины. Эти слова могут показаться кому-то сегодня высокопарными, но так было. Потому, что именно так воспитывали. В 1962 году А. С. Малиновский поступил на химико-технологический факультет Куйбышевского политехнического института, а по окончании его был направлен на Куйбышевский завод синтетического спирта, где, начав рабочим, в 1984 году стал его генеральным директором. А в 1998 году возглавил еще одно крупное предприятие — Новокуйбышевский химический комбинат. И можно смело писать дальше одну линию закоренелого «технаря», опубликовавшего десятки научных работ, имеющего несколько уникальных изобретений, ставшего доктором технических наук, академиком Российской инженерной академии, если бы постоянно не вмешивалось в жизнь Александра Станиславовича Малиновского, одно «но» — его артистическая, художественная натура.

II

Книги, которые увлекали с детства, не отпускали. Но сочинять самому... Писательство казалось чем-то нереальным, недостижимым. Но творчество влекло и не отпускало. Уже становилось мало только книг, хотелось какой-то еще более тесной связи с любимыми писа-

телями. Так Александр совершает паломничество в Константиново, ошалело бродит по тем местам, где ступал Есенин, видит то, что видел великий поэт, разговаривает со стариками, которые помнят своего знаменитого земляка и даже (сейчас это уже воспринимаешь не иначе как чудо!) встречается с сестрой Есенина...

Прорвало где-то к концу института. Должно быть, сыграла свою роль городская жизнь, ее контраст с жизнью сельской. А тут как раз заговорили о «неперспективных селах» и всей душой захотелось сохранить родную Утевку, какой она есть, сказать о ней то, что теплится в душе.

Сочинял в тайне, назвать себя писателем представлялось невысказанным, невозможным. Никто из домашних и не заметил, как и когда писались первые стихи и рассказы. А они копились. И только после окончания института, уже работая на заводе, Александр отправил первые стихи в редакцию газеты и сразу в областную. Стихи, подкупавшие теплым деревенским светом и добротой, не могли не понравиться, и в 1969 году на страницах областной молодежной газеты «Волжский комсомолец» состоялся дебют молодого автора. Там же вскоре стали регулярно печататься и рассказы Александра Малиновского.

Но завод, ставший уже родным, и дело, за которое тоже болела душа, не дали тогда увлечься литературой. Надо было осваивать новые производства, надо было писать кандидатскую, после докторскую... И все же — что удивительно — несмотря на эти «технарские» будни, которые, кажется, должны были поглощать всего и полностью, у Александра Станиславовича всегда оставался уголок в душе, хранивший верность творчеству. Впрочем, разве изобретение уникальных технологий, кандидатская, докторская — не творчество? Просто не перестаешь удивляться всеохватности А. С. Малиновского. И даже не тому «откуда берутся силы?», а тому: «когда он все это успевает?» А ведь успевал и за заводскими буднями, все складывал и складывал в папку, словно грибы в лукошко новые рассказы, новые стихи. И вот уже стало не хватать одной папки... Нет, Александр Станиславович продолжал печататься в областных газетах, в альманахах, в литературных сборниках, но папки копились...

И как это положено, переход количества в качество дал взрыв. И взрыв произошел в 1992 году, когда сразу три (!) совершенно разные книги А. С. Малиновского увидели свет. Это поэтический «Светлый берег» (Издательская группа INDEX) и два сборника рассказов «Степной чай» (Самарское книжное издательство) и «Разговор с сыном» (Издательская группа INDEX). Книги сразу понравились чи-

стотой, своей искренней верой в русскую деревню, в ее быт, в то, что именно там и находится кладезь народной мудрости.

В 1994 году вышел новый поэтический сборник А. С. Малиновского «Я любить не устану» (Самарское книжное издательство). Все собранное, накопленное за многие годы теперь находило отражение в стихах и прозе А. С. Малиновского.

Своеобразным итогом этого творческого этапа стал выпуск сборника лучших стихов, лирических миниатюр, рассказов «Горница». И выпущенный не где-нибудь, а в Париже издательством «СopArt editions». Так эхо русской Утевки через всю Европу докатилось до Парижа.

А то, что творчество А. С. Малиновского доходило не только до Парижа, но и до читателя по всей России говорит вот это письмо в журнал «Панорама нефтехимии»:

«Дорогая редакция! В первом номере «Панорамы нефтехимии» вы, вопреки отраслевому названию, много говорили о людях и куда меньше — о нефтехимии. И правильно сделали! Но особенно нас потряс новокуйбышевский поэт, директор завода синтетического спирта Александр Малиновский. Какие чудные стихи! Какие милые и умные новеллы! Короче! Вам нужно продолжить разговор журнала с Малиновским. Пусть он вспоминает, рассказывает, сравнивает — мало сегодня таких директоров! Спасибо за Малиновского!

А. Баев, В. Серегина,

3-й цех, Ангарскнефтеоргсинтез, Иркутская область»

А кто знает, может как раз это пожелание «вспоминать, рассказывать, сравнивать» и подтолкнуло А. С. Малиновского к той прозе, которую мы теперь можем прочитать.

Середина 90-х — это новая ступень в творчестве А. С. Малиновского. Это уже не просто восторгающийся своими земляками, русской природой ученик, это уже человек, сам много переживший, передумавший, многим переболевший. Теперь автор и сам уже напоминает одного из своих героев, русских мужиков, на которых, собственно, и держится-то Россия, сильных своей простой мудростью и болью за любой недогляд в доме, на улице, в деревне, в стране.

В 1996 году в Самарском отделении Литературного Фонда России выходит повесть А. С. Малиновского «Черный ящик». В ней Александр Станиславович очень выверено и точно смешивает документальную прозу и художественный вымысел, создавая, таким образом, потрясающе достоверную атмосферу реальности всего, о чём говорит.

Прием «документальности» в творчестве А. С. Малиновского требует особого разговора. Пока же стоит отметить, что именно тес-

ное переплетение художественного и фактически точного, именно творческое осмысление жизненной конкретики, явленное в повести «Черный ящик», станет для Александра Станиславовича определяющим последующее творчество художественным методом.

«Черный ящик» получил огромную прессу. Трагическая судьба директора завода Виктора Сергеевича Стражникова, страстно болеющего за свой завод, за свою страну, взволновала многих, от простых читателей до ученых.

«Глубокоуважаемый Александр Станиславович! Прочитал Вашу книгу «Черный ящик» с удовольствием и, не скрою, с болью. Именно с болью за Россию, ее прошлое, настоящее и будущее». (Д. С. Чернавский, доктор наук, сектор математического моделирования развивающихся систем ФИАН)

А. С. Малиновскому, знающему не понаслышке о заботах и проблемах, отечественной экономики, удалось точно, до мельчайших деталей передать атмосферу времени и атмосферу сегодняшнего завода. Вообще можно смело сказать, что за последнее время это первая художественная проза на так называемую «производственную тему». Слова «производственная тема» взяты в кавычки потому, что у многих это вызывает воспоминание о том, как «рабочий класс мужественно преодолевает трудности, осваивает новую технику, и заодно борется со всякими туенядцами, приписчиками и бюрократами, мешающими построению светлого будущего». Конечно, в прошлые годы бравадной халтуры на эту тему понаписано достаточно. Но были же и прекрасные произведения о рабочем человеке. И вот ведь что примечательно: после поворота от социализма, отказа от социалистических ценностей, в том числе и от метода социалистического реализма, рабочий человек совершенно выпал из литературы. Словно нет его и не должно быть при новом экономическом строе. Так вот, «Черный ящик» А. С. Малиновского ценен еще и тем, что вернул в литературу рабочего человека, вернул на страницы художественной прозы производство. И вернул он не в том слащавом виде, который справедливо теперь вызывает разве что ироничную улыбку, а показал реальную жизнь предприятия и реальных людей со всеми своими бедами, тревогами и надеждами. Одни разговоры директора Стражникова с рабочими в курилке чего стоят!

Впрочем, повесть «Черный ящик» вызвала столько добрых и благодарных откликов еще и потому, что Александр Станиславович никак не мог остановиться только на производственной теме. Главный герой — не просто директор завода, поглощенный заботами предприятия, это еще и тонкий лирик, который тянется своими воспомина-

ниями в детство, стремится к матушке, у которой приходится бывать все реже и реже, в деревню.

И вот эта двойственность натуры — с одной стороны расчетливый прагматик-производственник, с другой — чувствующий и любящий природу, свои сельские корни, лирик — и создала запоминающийся образ директора завода Виктора Стражникова.

III

Вообще А. С. Малиновский, о чем бы ни писал, всегда остается лириком, верно преданным своему родному краю, людям, которые его воспитали. И потому совсем не случайной, а, наоборот, как бы продолжающей (вернее сказать — начинающей) повесть «Черный ящик», стала следующая повесть Александра Станиславовича — «Под открытым небом», выпущенная Самарским отделением Литературного Фонда России в 1997 году. Это повесть о детстве славного паренька Шурки, который вполне возможно, когда вырастет, и станет директором завода, тем самым Виктором Стражниковым. Но пока мы окунаемся в атмосферу конца пятидесятых—начала шестидесятых годов, снова очень точно и умело воссозданную на страницах повести А. С. Малиновским.

Вот что писал об этой повести самарский прозаик Иван Никульшин:

«...Открытость предполагает не только откровенность и не столько ко ее, сколько сопричастие ко всему, что рядом с тобой, что тебя окружает. А еще она предполагает сопричастие чужому горю, сострадание человеку, попавшему в беду, и всей его судьбе.

Вот этим чувством сопереживания и напитана новая повесть Александра Малиновского «Под открытым небом».

Почему под «открытым»? Это объясняется просто. В наших заволжских деревнях когда-то было принято летним вечером на свой семейный ужин собираться где-нибудь на зеленой лужайке вокруг костерка с таганом; на вольном воздухе, как говорили у нас, или «под открытым небом», по выражению Шуркиной бабушки.

...В этом деревенском обычае, между прочим, тоже есть элемент открытости, а значит, и сопричастности ко всему сельскому миру. Семья, собираясь вечерить на виду у всей улицы, как бы подчеркивала этим: вот, смотрите, мы люди открытые, ничего от вас не таим. А вас милости просим к нашему столу перекусить, чем Бог послал.

Со страниц повести перед нами открывается простая и естественная, как сама деревня, жизнь с ее по-старосоветски бесхитросно-совестливыми людьми.

Это и есть позиция автора и его главная правда. Не та, которой ныне ежечасно пичкают нас с голубых экранов, не бандитская правда кулака и крови, а правда непридуманного мира деревенской жизни: тихой, обыденной, подчас протекающей среди сплошной человеческой нужды и все же несмотря ни на что удивительно совестливой.

Впрочем, по иному в деревне просто и нельзя жить. Здесь все на виду, все знают друг друга, все «под открытым небом». Потому и приглядываясь к взрослой жизни, маленький Шурка постоянно думает не только о своей доле, но и о своем окружении, о своих близких.

...Сопереживать же приходится не только Шурке, но и его матери, бабке, деду, отчиму. В книге есть и другие запоминающиеся персонажи, но эти все-таки главные.

С большой любовью выписан образ Шуркиного деда, мудрого деревенского человека, вечного конюха, крестьянина до мозга костей, степняка и немного романтика. А от образа Шуркиной бабушки так и веет добротой и состраданием ко всему живому.

Все эти люди, а вернее герои, и составляют костяк того времени, о котором рассказывает автор...»

Вообще повесть «Под открытым небом» со своей немного ностальгической грустью оказалась очень близка многим читателям и довольно широко разошлась не только по нашей стране, но за рубежом. Из многочисленных откликов на эту повесть приведем, пожалуй, отрывки из письма жителя Германии А. Бурдта, пришедшего в адрес издательства:

«Я — эмигрант. Я — поволжский немец. Я — бывший житель поволжской земли.

...Не помню, как у меня оказалась маленькая серенькая книжечка, которую долго не замечал: А. Малиновский «Под открытым небом». Но как только начал читать, не мог оторваться. Поваяло чем-то родным и знакомым и имя этому родному — детство и моя первая жизнь.

Шурку полюбил сразу. Читая, мысленно с ним играл в лапту, ходил на рыбалку, танцевал, влюблялся, работал в клубе и просто жил в волжской деревне.

Кто этот Малиновский? Откуда? Какая простота и какая сила творчества!..

Оказывается, есть еще в России таланты, и это несмотря на то, что происходило и сейчас происходит в России, несмотря на то, что книжные прилавки завалены гангстерской, эротической и бульварной продукцией. Передайте г-ну Малиновскому большую благодарность и пожелания больших творческих успехов».

IV

И опять, думается, читательские письма и отклики послужили толчком для Александра Малиновского в его творчестве. А может, позволили обрести уверенность, что он на правильном пути. Дело в том, что Малиновский уже задумывался над большим эпохальным полотном, которое показало бы жизнь целого поколения. Но, наверное, брала оторопь от масштабности задуманного. И тут Шурка Ковальский, отец Василий, мать Катерина, дед Головачев, да, почитай, все сельчане так полюбились читателям, что дальнейшее жизнеписание Шурки Ковальского требовало продолжения.

В девятом и десятом номерах литературного альманаха «Русское эхо» 200?? года была опубликована повесть «Зеленый чемодан», в которой уже повзрослевший Шурка Ковальский впервые понастоящему соприкасается с тем, чему придется посвятить всю свою жизнь — с нефтехимией.

Надо сказать, что первая встреча оказалась не столь радостная: из неуправляемой скважины рванулся фонтан, и Шурке, ездившему поглазеть на столь невиданное в их окрестностях дело, попало на светлую рубаху жирное, нефтяное, грязное пятно. Как отметина времени.

И эти постоянные разговоры взрослых: нужна нефтехимия или нет? Что она принесет больше: вреда или пользы? Не погубит ли эта выпущенная на свет бездушная сила все живое вокруг?

Пересказывать все аргументы «за» и «против» дело неблагодарное — все это есть в повести. К тому же каждый такой взрослый спор — это и характеры людей, их отношение к жизни, их философия. Все это впитывает Шурка, замечает, сравнивает, сам просиживает в библиотеке, стараясь найти ответы в книгах и газетах.

А в передовицах газет становится модным лозунг: «Коммунизм — это советская власть плюс химизация всей страны». И все подается с такой мощью, с таким напором, что невольно захватывает, затягивает, как бурный водоворот в весеннюю воду.

А тут еще появились новые люди. Сильные, мужественные. Другая порода. Шурке все надо знать. И он, сам того не подозревая, увлекается этим мощным потоком — он едет, а точнее сказать, летит на работаге-«кукурузнике» в город поступать в политехнический институт...

Продолжение рассказа о поколении, выросшем в суровые послевоенные годы, а затем с молодой энергией за несколько десятков лет выведшем страну в число передовых промышленных держав, состоялось в следующей книге Александра Станиславовича Малиновского «Совмещение».

Оставили мы Шурку Ковальского улетающего из родного села в новую жизнь, «на новый материк», как он сам замечает, а встречаем его приземлившимся в аэропорту областного центра.

Вот тут и приходится Александру (это уже не Шурка теперь) называться, для многих, скорее всего, сейчас непонятым словом, «совмещенник». Правительство решило тогда, что будущие инженеры должны первый время своего студенчества отработать на производстве. Прочувствовать, так сказать, нефтехимию изнутри. Наверное, было в этом и рациональное зерно. Но Шурка оказался «совмещенником» не только потому, что пришлось совмещать работу на заводе и учебу на вечернем отделении в институте. Многое пришлось совмещать внутри себя. Городская жизнь и сельская. Один ученый говорит, что прогресс несет благо цивилизации, другой спорит с ним. И это вечное: что первичнее дух или материя?

И подошла пора любви. Влюбчив Шурка. И в тоже время остается верен одной женщине. Вот где уже не просто душевные переживания, а — душевные муки.

Малиновский рассказывает о поколении верно и, что очень важно, художественно выразительно передает дух шестидесятых годов.

Мы были вправе ждать от А. С. Малиновского продолжения биографии Шурки. Семидесятые годы, когда, судя по всему, Александр будет работать на заводе (а пока знакомство с его жизнью заканчивается для нас, когда он получает после успешного окончания института вызов на завод), тоже интересны.

А наши восьмидесятые, которые вновь удивили мир!

Нет уж, читатель не даст Малиновскому оставить так полюбившегося всем героя. А, как мы уже знаем, читатель для Малиновского — это во многом творческий двигатель. А уж душевного горячего автору не занимать.

Три самостоятельных произведения — «Под открытым небом», «Зеленый чемодан» и «Совмещение» — составляли трилогию, которая впервые полностью и вышла отдельным томом в 2003 году в московском издательстве «Российский писатель».

V

Но вот в 2007 году в том же издательстве «Российский писатель» вышел двухтомник А.С. Малиновского с общим названием «Под открытым небом», в который помимо уже известных повестей, объединенных главным героем Александром Ковальским, вошли две новые — «Встречный ветер» и «Противостояние». И пред нами предстало полновесное эпическое полотно о России второй половины

XX века, которое автор не делая никаких публичных заявлений, не раскрывая планов, творил боле десяти лет.

Две новые книги составили второй том, развив и завершив эпохальную картину. В них перед нами предстаёт уже возмужавший главный герой. Теперь Александр Ковальский полностью втянут в производство. Мы видим не только его карьерное продвижение по служебной лестнице (мастер, начальник цеха, а в последней книге — генеральный директор), но уже цепкий волевой характер, который помогает жить порой вопреки складывающимся обстоятельствам.

Неслучайно одна из книг названа — «Встречный ветер». Вообще надо отметить у Александра Малиновского ещё одну замечательную особенность — он не просто удачно подбирает названия к своим произведениям, но даёт точный образ, причём многоплановый, за которым всегда открывается гораздо больше, нежели кажется на первый взгляд.

Взять, например, это словосочетание «встречный ветер». Первые возникающие лично у меня ассоциации: весна, молодость, романтика, желание идти навстречу этому встречному ветру. Такой и есть Шурка, становящийся всё более Александром, укореняющимся в городской жизни. Но ведь «встречный ветер» — это ещё и сопротивление, которое надо преодолевать, чтобы двигаться вперёд. Более того, встречный поток необходим самолёту, чтобы взлететь. А при прочтении повести (хотя уж это и не повесть вовсе, а роман) открываются всё новые и новые смыслы...

Именно во «Встречном ветре» А. Малиновский предстал не просто бытописателем, но и тонким лириком. Впрочем, это не вызвало большого удивления: в предыдущих повестях, как некое обещание большего, нет-нет да и проблёскивали весенними ручейками мальчишеские и юношеские переживания Ковальского. И все эти ручейки вдруг вылились в полноводную реку отношений Ковальского с Руфиной, которая порой грозила затопить само повествование о производственных перепетиях главного героя.

И здесь автору удалось показать не только состояния главного героя (что само по себе и должно было получиться хорошо, потому что автор в отношении Ковальского всегда предельно искренен и правдив), но и Руфины — её женская судьба вызывает не меньший трепет и отклик у читателя. Любовный роман Руфины и Александра — это как бы отдельная повесть в романе (кстати, уже в следующей книге Александр Малиновский успешно использует этот приём, уже не маскируя его, а органично включив ранее известную повесть «Чёрный ящик» в повествовательную ткань романа «Противостояние»). Причём, трагическая повесть. «Такая красивая пара», — восхищаются все

вокруг. И семья Шурки приняла красивую спутницу сына, но... Руфина не может иметь детей, а Александр не мыслит семейного очага без детского многоголосья. И Руфина решается на подвиг (да, это настоящий подвиг любящего человека) — приносит себя в жертву будущему счастью любимого человека. Когда ты не просто готов на жертву, но и приносишь её — это и есть настоящая Любовь.

Здесь, правда, вдруг скользнула некая тень — уж слишком не заладилось у главного героя с женщинами. Точнее, у них с ним. Погибает Рогожинская, умирает Анна, теперь вот драма с Руфиной...

И вдруг эта жертвенная Любовь Руфины умиряет и утишает всё вокруг Ковальского. Бурная весенняя река разливается всей своей мощью и переходит в срединное спокойное течение и теперь Ковальский обретает именно то счастье, которое грезилось ему — Настю, несколько лет терпеливо ждавшую своего суженного. Ждать и терпеть — это тоже жертва.

На фоне этой жертвенной великолепно показанной любви (что она может и как преобразует человека), спохватившись, отмечаешь, что и Ковальский-то сам проходит через настоящие жертвы: авария в его цехе унесла жизни нескольких человек, а восстановление цеха, которым руководил Ковальский, — это титанический труд, сравнимый разве что с ратным трудом. И автор, наверное, мог бы более выпукло и ярко описать это, но он умышленно отодвигает своего героя в тень, как бы говоря нам: не Ковальский главный герой, главным героем является сама жизнь во всех её проявлениях.

Разные люди, разные судьбы, соприкасаясь с Ковальским, так или иначе оставляют свой след на его характере. И он предстаёт перед нами уже полностью сложившимся в последней книге.

VI

Так неужели город и производственные заботы и впрямь полностью поглотили Александра Ковальского? Ни в коей мере. Александр всё так же, как и раньше, рвется в родное село, где у него теперь растёт сын, только встречи эти редки, но от того они ярче, сочнее. Родная земля помнит и любит своего уехавшего Шурку и потому в каждую его побывку старается передать ему как можно больше тепла и мудрости. Земля питает его, как былинного героя, которому нужно было припасть к земле, чтобы получить новые силы.

И Александр Ковальский понимает это. Неслучайно и Руфину, и Настю он привозит на родину, на своеобразные смотрины не только своей семье, но и всего села, потому что понимает — это оселок. При-

мут сельчане — значит, правильный выбор у Ковальского, правильная дорога. А село приняло.

И вот в книге, завершающей рассказ об Александре Ковальском, главный герой предстаёт уже сложившимся человеком, который сам способен принимать на себя ответственность за судьбы даже и незнакомых людей. Его предприятие одно из градообразующих, а потому ответственность его не только за свой завод и трудовой коллектив, но и за город.

Опять у Малиновского очень точное и многоплановое название — «Противостояние». Ну да, в романе рассказывается о противостоянии в обществе, которое вылилось в девяностые годы в разруху.

Но название открывает нам более глубинный смысл: не просто противостояние в обществе, производстве и умах, а противостояние мировоззрений. Это противостояние людей, для которых «я» всегда было на первом месте (не важно, художник ты, производственник, чиновник) и которые, вдруг почувствовав свободу (в первую очередь от служения обществу, а не себе), хлынули на просторы матушки-России, как гной из лопнувшей раны, и людей, для которых «я» всегда было ценно не само по себе, а только в контексте общего дела. «Дело надо делать», — не раз повторяет главный герой. И делает. И ведь именно он, такие, как он, не кричащие и не скачащие по трибунам, удерживают Россию.

Что же помогает главному герою стоять и не ломаться? Вера. Пока только вера в Россию. И это хорошо подчёркивает завершение рассказа о Ковальском.

Конец девяностых. Тяжелейшие для российской экономики времена и Ковальский снова вырывается в родное село, уже вместе со своим выросшим сыном. Старик Бочаров, рассказывает им свою историю жизни, проецируя таким образом нынешнее время на эпоху Гражданской войны, а затем все собираются за огромным сельским столом — под открытым небом — и поют русские песни. Душа поёт, а значит она жива. Можно развалить страну, развалить заводы, оставить людей нищими — душу убить нельзя!

И как поют! После этого нельзя не верить в Россию.

Об «открытом небе», этом символе, проходящем красной нитью через все повествование о Ковальском, уже сказано много. И, наверное, было бы чудесно и весьма оптимистично, если бы автор на этом и закончил свою повесть, но Малиновский — правдописатель, и он возвращает нас в суровую действительность — в город.

На заводе появляются несколько чёрных машин, из них выходят люди и по описаниям понятно, что они вооружены, люди, рвутся в директорский кабинет. Ковальский даёт команду пропустить их, при этом добавляет: «Авось прорвёмся!».

И вот почему-то после этого нашего русского «авось», сказанного только что после русских песен и открытого неба России, безусловно веришь, что прорвёмся. Обязательно прорвёмся.

Этим «авось», который не смогла победить ещё ни одна армия мира, автор подчёркивает веру именно в Россию, в его народ. Ведь мог бы написать Малиновский: «Даст Бог, прорвёмся». Это, кстати, весьма польстило бы ныне многим столичным писательским кругам, где неизменно при встречах троекратно лобызаются и потренкивают на пальцах чётками. Но Малиновский даже не задумывается: «польстить — не польстить», он пишет правду, так, как есть — и его герой произносит «авось». Ковальский ещё не верит в Бога (Малиновский прекрасно чувствует и понимает это), но он уже верит в Россию так, как дай Бог нам каждому. А это уже немало. Это уже — путь.

VII

Этот путь и раскрывается перед нами, когда охватываешь всю «Историю жизни одного человека» (таков подзаголовок пяти объединённых книг, данный издателем), написанную Малиновским. Это — путь воскрешения России, когда роль Библии взяла на себя русская классическая литература, которую так полюбил Ковальский, а роль духовных водителей, сохраняющих и научающих Преданию — отец, мать, дед, бабушка, все окружающие люди. И мы видим, как вместе с мужанием главного героя, поднимается и Россия. Ведь не одно село так жило — Малиновский нам Россию показывает. А трудное время для России неизменно наступает, когда, казалось бы, она уже всё преодолела, расправила плечи и вышла наконец-то на широкий путь. Но не широкими путями входят в рай. Так и для России не кончаются трудные времена, но деятельный путь её развития, который показал Александр Малиновский — это, видимо, и есть русский путь.

Перечитывая эти пять книг о Ковальском, собранные в единое прозаическое полотно, удивляешься и радуешься огромному труду писателя, создавшему настоящее эпическое полотно жизни русского народа. Ведь, если присмотреться, то не только о второй половине прошлого века рассказывается в этом эпосе. Сколько проекций даёт Малиновский на весь двадцатый век! Он заглядывает и в ещё более глубокое прошлое, а в беседах многие его герои говорят о будущем. Могучая книга получилась.

«История жизни одного человека» закончена, но сама жизнь не кончается.

VIII

Но не только через судьбу Шурки Ковальского А. С. Малиновский рассказывает о современной России. В 3-м томе настоящего издания опубликованы две крупные вещи совершенно разноплановые и по форме и по содержанию, но написанные с одинаковой любовью за Россию и с любовью к ней — это повести «Отклонение» и «В плену светоносном».

«Отклонение» была напечатана впервые в 1999 году в авторском сборнике, изданном в Самарском отделении Литературного фонда России. А повесть «В плену светоносном» опубликована в журнале «Наш современник» в 2005 году. В последствии она вышла отдельным изданием.

«Отклонение» соединена единым сюжетом и героями. Здесь Малиновский снова более близок к не оставляющей его равнодушным производственной теме. Хотя как можно говорить о сегодняшнем производстве и не думать о судьбе России. В этой повести он находит новый авторский взгляд: если раньше все его герои непосредственно работали на заводах, то здесь мы знакомимся с ушедшем на пенсию главным инженером завода Касторгиным. Человек отправлен на пенсию полный сил, энергии и открывающейся ему житейской мудрости. И вот он остался без Дела...

Касторгин одинок. Как и многие из нас, вдруг почувствовавших себя одинокими в девяностые годы. Но это вынужденное отклонение от повседневных забот неожиданно открыло для героя возможность переосмыслить и порой переоценить многое из того, что происходило в стране, на заводе, в личной жизни.

В этой книге уже больше внутренних диалогов героя. И его внутренняя напряженная работа дает плоды: Касторгин понимает, что вот таким, без сомнений, обновленным, он становится востребованным. И не это ли его обретение себя дает многим из нас веру и надежду на общую востребованность России.

Повесть «В плену светоносном» менее обременена сюжетом: плывут себе на резиновых лодках по красивой реке Самарке два слепых, один глухой, сердечник да увязавшийся за ними производственник-технар (как состав компании!) и происходят с ними разные приключения. А главное — это новое открытие родного края. Столько любви в описании природы, людей, которые встречаются на пути. А сколько интереснейшей познавательной информации сообщает нам автор по ходу, как бы невзначай. Удивительная книга, которая тепло была принята читателями, особенно благодарны Александру Станиславовичу за эту книгу земляки: эта книга настоящий гимн Самарскому краю.

IX

Но, наверное, наиболее сильное впечатление в Самарской области, да и в России, произвела совсем тоненькая книжечка Малиновского «Радостная встреча». И если говорится, что мал золотник да дорог, то это как раз об этой документальной повести, имевшей необычайный резонанс.

Еще с начала 60-х годов Александр Станиславович начал собирать материал об уникальном своем земляке, жившем в конце XIX — начале XX века самоучке-иконописце Григории Журавлеве. Родившийся без рук и без ног, Григорий Журавлев писал иконы, зажав кисть в зубах. Иконы же его были весьма знамениты, они украшают и поныне Троице-Сергиеву Лавру, следы их удалось обнаружить в Боснии и Герцеговине, сельскому самоучке поручили в свое время писать икону для Самарского Кафедрального собора, да что там — сам царь приглашал дивного художника к себе, и тот писал портрет царской семьи. И надо же — о такой замечательной личности почти забыли. Вернее, старались забыть: все-таки иконы писал.

Но Малиновский, со своей неумемной любовью и гордостью за свой край, за своих земляков, за их веру, что сделала их такими, уже уехав в город, работая на производстве, неустанно собирал материал о великом земляке. Такова преданность родному краю этого человека!

Он отыщет несколько уникальных икон Григория Журавлева, раздобудет не менее уникальные фотографии самого художника, будет записывать воспоминания тех, кто помнил иконописца, кто говорил с ним, беседовать с батюшкой местного прихода о. Анатолием, съездит в Троице-Сергиеву Лавру и своими глазами увидит икону, писанную своим земляком из заволжской Утевки.

Так создавалась эта «Радостная встреча». Но если сказать, что книга посвящена только уникальной судьбе утевского мастера-иконописца Григория Журавлева, нельзя. Вот где сработало художественное мышление автора и его творческий подход к любым точным фактам и документам. Книга представляет собой осколок той эпохи, который автор держит на ладони и, взглядываясь в него, пытается осмыслить прошлое и определить свои отношения с настоящим и будущим, понять, что значило и значит для русского человека, для становления его характера, его судьбы — православие. Сама же книга заканчивается такими размышлениями автора:

«Огромная часть нашего народа неверующая, так вот получилось с нашим обществом. Но я, как и большинство, верю в свой народ, в будущность его. Здесь многое еще надо понять, но начинается это по-

нимание с бережного, пристального отношения друг к другу. К нашему прошлому и настоящему».

Епископ Самарский и Сызранский Сергей благословил публикацию словами:

«Слава Богу, что в наше время восстанавливается историческая действительность и воздается должное таким талантам, как иконописец Григорий Журавлев. Рожденный с недугом, но имевший глубокую Веру и Силу Духа, он творил во имя Бога и для людей. Его иконы несли Божественный свет, помогая людям. Призываю Божие благословение на автора и на его повесть, открывающую людям путь к Свету и Правде».

Воистину сильно пастырское благословение! Сейчас по материалам, опубликованным А. С. Малиновским в книге «Радостная встреча», в музее при епархиальном училище открыта специальная экспозиция, а в самой епархии идет сбор необходимых документов для канонизации Григория Журавлева, как местночтимого святого.

А еще найдена и приведена в Божеский вид могила Григория Журавлева...

...А сегодня в Утёвку в Троицкий храм, к могиле народного иконописца приезжают тысячи людей, в Самарской епархии действует специальный православный паломнический маршрут. Сколько новых находок и открытий произошло за то время, когда тоненькая книжечка расшевелила жителей губернии! А как изменились сами люди! Всё это просилось на бумагу и у «Радостной встречи» появилось продолжение, такое же увлекательное и познавательное, а самое главное — пробуждающее те же чувства христианской любви к окружающему миру.

И очень хочется верить, что будет продолжение «Радостных встреч». И случится, наверное, долгожданное для нас событие, когда будет возвращена миру одна из самых знаменитых икон Григория Журавлёва «Утёвская Мадонная», которая, по сведениям Малиновского, таится где-то среди самарских жителей...

Х

Видимо, по контрасту, что ли, но от серьезной литературы для взрослых, где мыслям тесно, Александр Малиновский обратился к литературе для детей. Хотя — что может быть серьезней детской литературы? Вот вроде и его две небольшие повести «Под старыми клёнами» (московское издательство «Российский писатель») и продол-

жение её «В зимние каникулы», помещённая в третьем томе этого издания, вроде, и незамысловаты на первый взгляд, но это на наш, взрослый взгляд. Я сам видел, с каким интересом слушают дети истории про Настеньку и её друзей. Малиновский в этих повестях не только учит детей добру, показывая, как выходить из тех или иных ситуаций, как вести себя, но и помогает познавать мир, рассказывая о том, чего городские дети нынче и не увидят нигде.

Это очень добрые и светлые книги, которые раскрыли в писателе ещё одну грань его творчества. И ещё одну грань души. Ведь для того, чтобы писать для детей, помимо особого искусства надо обладать такими свойствами ребёнка, как искренность, любопытство и доверчивость. И если в первых двух качествах автор убедителен всегда, то открыть в нём трогательную чёрточку доверчивости было приятно.

Но надо сказать, что «детские» повести (так будем их называть) тоже помогли Малиновскому как автору. Известно, что письмо для детей должно быть исключительно чистым с точки зрения языка и выверенным по мысли. Детская литература не должна быть перегружена метафорами и образами (в первую очередь потому, что сам ребёнок ещё только строит мировоззрение) и потому она прозрачна и простодушна.

Работая над «детскими» повестями, Малиновский смог уловить прозрачность стиля присущую детской литературе и перенести её в следующие свои повести: «Сергей Сергеич и Сима» (впервые вышла в свет в Самарском отделении Литературного фонда России под название «Новое имя» в 2007 году) и «Планета любви» (журнал «Русское эхо», № 2 за 2008 год).

В этих маленьких повестях, используя ту же прозрачность детского стиля, Малиновский смог рассказать о трагизме мира с присущей ребёнку искренностью и доверчивостью к этому миру. А самое главное о Любви в нашем, казалось бы, уже окончательно погибельном мире. Удивительно добрые и светлые повести. И это не смотря на трагическую концовку в той же «Планете любви». Хотя нет, концовка-то как раз светла и чиста, это сюжет трагичен. Но в том и чудо русской литературы (настоящей русской литературы), что она гораздо шире и глубже просто сюжета. Наверное, большинство из нынешних литераторов так бы и закончило повесть на смерти одного из героев. А что, весьма эффектно и в духе времени. Но Малиновский не гонится за эффектностью, для него важнее эффективность. А она в том, что раздвигаются земные рамки сюжета и мысль и чувства читателя устремляются ввысь, к небу. И если человек, после прочтения произведения, задумался о горнем — значит, цель достигнута. По крайней мере, такая задача всегда была у подлинной русской литературы.

XI

Александр Малиновский не оставил и поэтический жанр. Причем пробует он себя и в новых формах. Так в 1998 году в Самарском отделении Литературного Фонда России вышел его сборник четверостиший «Звездное коромысло». От кратких по форме, но емких по содержанию четверостиший этих вет восточной мудростью и спартанским лаконизмом.

В Москве в издательстве Московской организации Союза писателей России в 2000 г. вышел сборник стихов А. С. Малиновского «Не так живем».

И вот, как некое признание поэтического творчества А.С. Малиновского в том же 2000 г. в самарском издательстве «Парус» вышел сборник песен на его стихи «Окошко с геранью». А в 2002 г. увидели свет музыкальный диск (18 песен) и аудиокассета (21 песня) с тем же названием, что и сборник песен на стихи А. С. Малиновского «Окошко с геранью».

Согласитесь, когда стихотворение становится песней и люди начинают ее петь — это признание и величайшая радость для поэта.

XII

Особо надо сказать ещё об одной форме, которую активно осваивает А. С. Малиновский в своём творчестве — дневник. Конечно, это не дневник в обычном его понимании, когда лист бумаги используется в качестве жилетки, в которую можно поплакаться, или в как хронометр прожитого дня.

Малиновский, говоря о своей манере письма как-то заметил: «...каждая книга писалась как вполне самостоятельная, со своей творческой задачей. И всегда что-то оставалось недосказанным, и потом появлялось уже в пространстве другой книги. Приходилось и дневник писать, и что-то надиктовывать на магнитофон. А затем строить из этого книгу. Наверно, обычное это дело, если отталкиваешься не от сюжета, если хочешь осмыслить, понять на примере своего поколения, какими мы были, какими мы стали». Мне кажется всё-таки не все, пришедшее по ходу работы над книгой удаётся вместить в неё. Многие из написанного остаётся за бортом произведения. А так порой бывает жаль набранного материала или пришедших мыслей, которые никак не втискиваются в рамки того над чем работаешь сейчас. И не факт, что станут они частью нового произведения. Но если есть, чем поделиться с читателем, разве можно держать это под спудом? Так родился цикл лирических миниатюр «Колки мои и перелесья».

Причём любопытная вещь, кажется, «Колки мои и перелесья» это не просто собрание разных вкусностей, не вошедших в художественные произведения, они помогают писателю создавать новые произведения. Так, например, помещённые в данном издании в конце записи о Г. Беляеве и М. Алексееве — это самостоятельные художественные очерки. Что, кстати, и подтвердила редакция журнала «Русское эхо», поместив отрывок «А избы горят и горят» (о М. Алексееве) как отдельный очерк в журнале «Русское эхо» (№ 1, 2008 год).

При этом следует отметить: А. Малиновский чётко различает, что из написанного ложится в копилку «Колок», а что становится самостоятельным произведением. Ведь неслучайно циклы рассказов «Степной чай» и «Философ» существуют отдельно. Первый цикл — это низкий поклон селу, его быту, это можно сказать, предвестник повести «Под открытым небом», которая потом вылилась в много томный эпос. Предвестником чего станет сборник «Философ»? Наберем терпения и подождём.

Главное, что автор работает, не останавливается в своём творчестве, продолжает искать и открывать нам новые грани своего таланта.

XIII

В заключение, наверное, имеет смысл, чуть подробнее поговорить о литературном приеме, ставшем чуть ли не визитной карточкой Александра Малиновского, как писателя, а именно — о «документализме», ибо, может быть, как раз именно он в своем творчестве как никто близко откликнулся на мысль Льва Толстого, что «придет время, когда не будут сочинять литературу, а будут писать ее с жизни».

Наверное, первым документалистом в литературе можно считать, жившего два тысячелетия назад сборщика податей Матфея, если, конечно, относится к Евангелию не как к Святому писанию, а как к литературе. На Руси же первые письменные памятники стоит признать чисто документальным — это наши летописи. И вот тут стоит заметить, что летописи наши — это все-таки художественное литературное произведение, а не чисто беспристрастное перечисление фактов и документов. Почему же мы склонны относить летопись к произведениям литературы, а не к фактологическим памятникам? Известно, что порой отдельные эпизоды, описанные в летописях, не подтверждаются исторически. Дело в том, что каждый летописец, излагая те или иные факты, оставался художником по сути, со своими пристра-

ствиями и со своим индивидуальным взглядом на происходящие события и собственной попыткой объяснения того или иного случая. Поэтому так порой и разнятся в изложении событий, скажем, киевские и новгородские летописи. Чтобы донести и свое миропонимание времени, каждый автор выстраивал имеющиеся у него факты в определенном порядке, более того, те факты, которые имели место быть, но не укладывались или мешали концепции автора, опускались вовсе, другие же факты могли получать некоторое изменение, а к большинству вообще прилагалось эмоциональное отношение автора в виде эпитетов («окаянный», например, или «милостивый» — и у читателя сразу создается определенное отношение к персонажу), а то и прямая оценка.

Суть приема «документализма» заключается не в точном фактологическом изложении материала, а в таком отборе, обработке и выстраивании имеющегося материала, который позволяет максимально выразить идею автора.

Именно к такому «документализму» все чаще и больше возвращается не только русская литература, но и мировая. Как это ни покажется странным, дело тут видится в том, что в последнее время резко усилился интерес к индивидуальной личности человека, к его личному восприятию мира. То есть индивидуальность понимается через то, как она воспринимает те или иные фактические события, происходящие в мире, и через ее реакцию на эти события. Внутренние переживания и внутренне отношение конкретного человека к происходящему могут более полно рассказать о происходящем, чем просто точное фактическое описание. Это, конечно, при некотором условии. И чем богаче внутренний мир человека, чем более сформирован он как личность, тем интереснее и познавательнее может получиться литературное произведение. Конечно, если будет творчески осуществлен, как уже говорилось, отбор, обработка и выстраивание имеющегося материала.

XX век, ставший в буквальном смысле веком земных катастроф, предоставил в распоряжение художников столько событий, сколько, пожалуй, не имела и вся предшествующая мировая история. И порой действительно ловишь себя на мысли, читая, например, «Архипелаг ГУЛАГ» А. Солженицына, или, погружаясь в фильм М. Ромма «Обыкновенный фашизм», что никакой художественный мозг просто не в силах был выдумать это, никакому вымыслу не поднять этот материал, и Раскольников, кажется, уже лишь бледной тенью нынешних событий (правда, надо заметить, что тень эта как бы предвещает и даже предопределяет в какой-то мере весь XX век).

То есть важнейшее значение приобретает личность самого автора. Это очень похоже на «А судьи кто?», ибо действительно автор, пропуская через себя происходящие события и пересказывая их, становится судьей веку своему.

Все вышесказанное во многом относится к составившим этот четырехтомник произведениям А. С. Малиновского. И если в одних повестях читатель, как бы сразу попадая, в исповедальную атмосферу произведений, невольно ассоциирует главных героев — Стражников и Шурку — с автором и сразу верит в действительность происходившего, то в «Отклонении» автор намеренно дистанцируется от главного героя К. Касторгина, не смотря на множество внутренних монологов, такой исповедальной атмосферы не создается. Но автору очень важно, чтобы читатель воспринимал описанные в повести события, как фактически происходящие, и он добивается этого путем досконально точного описания мест, где происходят те или иные события, или сами события (например, приезд Высоцкого в Самару), в которых участвует и главный герой. Все это сплетается в одно целое и, если мы никак не можем отрицать действительный приезд Высоцкого в Самару и многие могут подтвердить нам, что именно так, как описано в повести, он говорил и вел себя на сцене, то уже невозможно становится отрицать и реальность пребывания Кирилла Касторгина на этом концерте и его переживания и отношение к этому событию воспринимаются читателем как реальные, то есть документальные.

Вот как сам Александр Станиславович говорит о своих произведениях:

«За каждой строкой моего рассказа чаще всего — реальная жизнь. Не обязательно моя личная, ведь у меня чуть не вся страна — знакомые. Тридцать пять лет я работаю на заводе, семнадцать из них — директором. Со столькими людьми повстречаешься, стольких переслушаешь, пока сидишь, например, в ожидании совещания или приема.

Жизнь вообще великий режиссер и сценарист, так что я не трачу времени на «придумывание». Хватило бы его на художественное осмысление того, что услышал или увидел... Я однажды понял, что суть жизни сводится к очень, казалось бы, простым вещам — к тем отношениям, которые движут человеком: кто как посмотрел, что сказал, как тронул-изуродовал душу или наоборот, помог подняться над обыденным и низменным. Поэтому хотя и мог бы я напридумывать и писать о сложных коллизиях, мне ближе эти простые вещи, показанные самой жизнью...»

Кстати, о режиссерах, в свое время Андрей Тарковский назвал идеалом киноискусства, хронику, понимая ее как особый способ достоверного запечатления реальности, восхищаясь случайно зафиксированным на пленке диалогом: «Люди разговаривали, не зная, что их записывают. Потом я прослушал запись и подумал: насколько же это гениально «написано» и «сыграно»!»

«Документализм» как явление прочно входит в нашу жизнь, не случайно хроника новостей куда больше захватывает многих, чем «мыльные оперы». Но еще раз заметим, что очень многое зависит от того, кто, что за личность выстраивает эту хронику. И оттого, что произведения этого четырехтомника написаны исключительно талантливым и поразительно разносторонним человеком, уже немало сделавшим полезного и доброго в своей жизни, ценность и значение этих произведений огромна.

XIV

Завершить небольшой рассказ об удивительном человеке Александре Станиславовиче Малиновском, писателе, изобретателе, ученом, производственнике, профессоре хотелось бы его же словами, сказанными в самый разгар нашей перестройки:

«Я пытаюсь теперь многое заново осмыслить для себя. Но, признаюсь, часто не нахожу ответа. И говорю об этом с горечью. Но я, кажется, вижу спасительную соломинку, за которую, схватившись, человек может обрести душевное равновесие. Это созидание, физическое и духовное. Это, кажется, понимают многие...

Время сейчас пришло такое, что хватит уже разбрасывать камни. Пора собирать их».

*А. Громов,
член СП России*

Содержание

РАДОСТНАЯ ВСТРЕЧА	3
ОТКЛОНЕНИЕ.....	79
В ПЛЕНУ СВЕТОНОСНОМ	241
ПОД СТАРЫМИ КЛЁНАМИ.....	379
ОДНАЖДЫ В ЗИМНИЕ КАНИКУЛЫ	425
ПЛАНЕТА ЛЮБВИ.....	473
А. Громов. Свидетельство эпохи.....	506

**Малиновский
Александр Станиславович**

**Собрание сочинений в 4-х томах
том 3**

Подписано в печать 23.12.2008 г. Формат 60x84 $\frac{1}{16}$.

Бумага офсет № 1. Гарнитура Exselsior.

Печать офсетная. Печ. л. 30,80.

Тираж 1000 экз. Цена договорная.

АНО «Редакционно-издательский дом «Российский писатель»

119146 Москва, Комсомольский пр-т, 13, тел. 246-58-43.

E-mail: ano-rospisatel@mtu-net.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов